

Т Р У Д Ы

ВОСЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ МОСКВѢ

1890

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Графини П. С. Уваровой.

Томъ III.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ МАМОНТОВА.

1897

1951

1957

Т Р У Д Ы

ВОСЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ МОСКВѢ

ВАЖНАЯ ОПЕЧАТКА.

Таблицы, помѣченныя № I, съ наименованіемъ „Стоянка у с. Никольской Слободки“ и № II—„Стоянка у м. Триполья“ принадлежать къ статьѣ Н. О. Бѣляшевскаго „Слѣды пребыванія первобытнаго человека на берегахъ Днѣпра вблизи Кіева“ и считаются въ текстѣ I-ая—подъ № IV, а II-ая—подъ № V.

Графини П. С. Уваровой.

Томъ III.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ МАМОНТОВА.

1897

1891

Печатано по определению Императорского Московского Археологического Общества,
на основании § 56 его Устава

Председатель *Графиня Уварова.*

1950 г.

М
БИБЛИОТЕКА
НИИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

B-296

1965 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
<i>Забѣлинъ, И. Е.</i> Изысканіе о древнѣйшемъ первоначальномъ поселеніи Москвы	1
<i>Бранденбургъ, Н. Е.</i> Къ вопросу о каменныхъ бабахъ	13
<i>Бьяшевскій, Н. Ѳ.</i> Слѣды первобытнаго человѣка на берегахъ р. Днѣпра вблизи Кіева	19
<i>Самоковасовъ, Д. Я.</i> О происхожденіи русскихъ и польскихъ Славянъ и причинѣ появленія кладовъ римскихъ монетъ въ землѣ древнихъ Руссовъ и Ляховъ	31
" " " Основанія хронологическаго распредѣленія этнографическихъ матеріаловъ, открытыхъ въ могилахъ южной и центральной Россіи.	44
<i>Аспелингъ.</i> Слѣды вліянія Готтовъ въ сѣверной полосѣ Россіи	55
<i>Чекалинъ, Ѳ. Ѳ.</i> Саратовъ на лѣвомъ берегу Волги и время перенесенія его на правый ея берегъ	57
" " " Мещеры и Буртасы по сохранившимся о нихъ памятникамъ.	65
<i>Скадовскій, Г. Л.</i> Бѣлозерское городище Херсонскаго уѣзда, Бѣлозерской волости и сосѣднія городища и курганы между низовьемъ р. Ингульца и началомъ Днѣпровскаго лимана	75
" " " Дневникъ	108
<i>Городцевъ, В. А.</i> Жилища неолитической эпохи въ долинѣ р. Оки, въ связи съ открытіями въ окрестностяхъ с. Дубровичъ, Рязанской губерніи	161
<i>Прозоровскій, Д.</i> О Славяно-Русскомъ до христіанскомъ счисленіи времени	200
<i>Бокъ, В. Г.</i> О Коптскомъ искусствѣ. Коптскія узорчатыя ткани	218
<i>Завитневичъ, В. З.</i> О крестѣ, которымъ, по словамъ находящейся на немъ надписи, преп. Сергій благословилъ князя Димитрія на борьбу съ Мамаемъ	246
<i>Ардашевъ, Н. Н.</i> Къ вопросу о коллегіальности Приказовъ	258
<i>Львовъ, А.</i> О печальномъ положеніи нашихъ Архивовъ, преимущественно губернскихъ и о необходимости упорядоченія всего архивнаго дѣла въ Россіи	274
<i>Милуковъ, П. Н.</i> Время и мѣсто дѣйствія записки греческаго топарха	278
<i>Веселовскій, Н. И.</i> Подробности смерти Узбекскаго хана Мухамеда Шейбани.	290
Археологическій Матеріалъ:	
<i>Модестовъ, В.</i> Объ открытіи Русскаго Археологическаго Института въ Римѣ съ отдѣленіемъ въ Авиньонѣ	303
<i>Совваитовъ, П. И.</i> Достопримѣчательные предметы въ Велико-Устюжскомъ Архангельскомъ монастырѣ.	307
<i>Витевскій, В. Н.</i> Древній походный храмъ калмыцкаго крещенаго таиши въ Оренбургѣ	309
<i>Смирновъ, И.</i> Бесермяне Вятской губерніи	313
" " Воспоминанія объ эпохѣ канибализма въ народной поэзіи Вотьяковъ	315
<i>Дубасовъ, И.</i> Объ Онозѣ на Воронежи	319
<i>Романовъ, Р.</i> По поводу вопроса № 18	321
<i>Авенариусъ, Н. П.</i> Описаніе Ятвяжскихъ древностей, хранящихся въ Виленскомъ Музеѣ. (Къ вопросу 24 ст.)	223
" " " Краткія извѣстія о Бѣльскомъ у. Гродненской губ.	224
<i>Витковскій, Е. К.</i> Отчетъ объ раскопкѣ кургана Франтыха.	226
<i>Эварницкій, Д. И.</i> Курганы у рѣки Орели Екатеринославской губерніи.	328
" " Велико-Луцкіе курганы	330
<i>Птицынъ, Вл.</i> Остатки архивовъ и древностей въ г. Илимскѣ Иркутской губ.	331
" " Киренскій архивъ.	333
<i>Титовъ, А. А.</i> Церковь Іоанна Богослова въ Ростовскомъ Кремлѣ	337

Изысканіе о древнѣйшемъ, первоначальномъ поселеніи Москвы.

И. Е. ЗАВЪЛИНА

„Приди ко мнѣ, брате, въ Москову!“....

„Буди, брате, ко мнѣ на Москову!“

Таково *первое* и самое достопамятное лѣтописное слово о Москвѣ. Съ тѣмъ словомъ первый же устроитель древне-суздальской земли, Суздальскій князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій посылалъ звать къ себѣ на честный пиръ дорогаго своего гостя и союзника, Сѣверскаго князя Святослава Ольговича, того самого Святослава, сынъ котораго Игорь прославился въ послѣдующее время несчастнымъ походомъ на Половцевъ (въ 1185 г.) и воспѣтъ въ знаменитой пѣсни о полку Игоревѣ.

Достопамятный зовъ на честный пиръ въ Москву, случайно записанный лѣтописцами въ повѣтствованіи о событіяхъ 1147 года, служить въ своихъ выраженіяхъ какъ бы провозвѣстникомъ послѣдующей исторіи, которая послѣ безконечныхъ усобицъ и всяческой земской розни, только въ Москвѣ нашла себѣ доброе пристанище для устойчиваго, сосредоточеннаго и могущественнаго развитія Русской народности.

„Приди ко мнѣ въ Москову! Буди ко мнѣ на Москову!“

Въ этихъ немногихъ словахъ какъ бы пророчески обозначилась вся исторія Москвы, истинный смыслъ и существенный характеръ ея исторической заслуги. Москва тѣмъ и стала сильною и опередила другихъ, что постоянно и неуклонно звала къ себѣ разрозненныя Русскія земли на честный пиръ народнаго единства и крѣпкаго государственнаго союза.

Въ то время оба князя, и Юрій, и Святославъ, вели горячую усобицу съ своими же родными князьями, Кіевскими Мстиславичами и Черниговскими Давыдовичами, за раздѣлъ волостей, за Кіевскій великокняжескій столъ, особенно за Святославова брата Игоря Ольговича, которому по порядку наслѣдованія доставалось Кіевское старшинство, а этому особенно и противились и Мстиславичи, и Давыдовичи. Оба князя помогали другъ другу и оба не всегда были счастливы въ кровавой борьбѣ.

На этотъ разъ особенно не посчастливилось Святославу Ольговичу. Онъ прибѣжалъ въ Лѣсную Суздальскую землю безпріютнымъ изгнанникомъ, ограбленнымъ и разореннымъ до нитки. Князья родичи, злѣйшіе его враги, изъ конца въ конецъ опустошили его Новгородѣвскую волость.

Въ Путивлѣ они разграбили собственную его усадьбу, гдѣ запасовъ всякаго товара было столько, что невозможно было двигнуть, т. е. забрать все разомъ на возы. Одного меду въ погребяхъ грабители достали 500 берковцевъ, да 80 корчагъ вина, да захватили въ плѣнъ 700-

человѣкъ княжеской дворни и многое множество товару и всякаго имущества. И церковь княжескую, какъ выразился лѣтописецъ, облупили до чиста, пограбили, какъ простую кладовую. Въ стадахъ Святослава и брата его Игоря враги забрали кобылъ стадныхъ 3,000 и 1,000 коней. Напали и на Игореву усадебное сельцо, гдѣ этотъ несчастный князь, вскорѣ потомъ убитый въ Кіевѣ возмущившимися Кіевлянами, на славу устраивалъ свое хозяйство. Было тамъ готовизны (всякихъ запасовъ) много, въ бретьяницахъ и въ погребяхъ вина и медовъ, и всякаго тяжелаго товару, и желѣза и мѣди, говоритъ лѣтописецъ. И здѣсь грабители не знали, какъ управиться съ награбленнымъ добромъ, не могли всего вывезти и велѣли потомъ зажечь княжій дворъ и церковь и княжее гумно, на которомъ оставалось 900 стоговъ жита. Такъ богато бывало хозяйство древнихъ князей и такъ обыкновенно они воевали другъ съ другомъ, распространяя безъ конца свои усобицы и поднимая ненависть и месть на цѣлыя поколѣнія.

Ограбленный и разоренный до конца, Святославъ не зналъ куда и какъ скрыться отъ нападавшихъ враговъ и едва успѣлъ захватить съ собою жену и дѣтей. Съ остаткомъ дружины онъ прибѣжалъ къ суздальской Окѣ на устье Поротвы, куда Юрій выслалъ ему почетную встрѣчу и богатые дары для всѣхъ прибывшихъ съ нимъ, и для семьи его, и для дружины — *наволокою* и *скорою*, т. е. разнообразными дорогими тканями и дорогими мѣхами. Такъ какъ Смоленскіе князья и Новгородъ держали сторону ихъ общихъ враговъ, то Юрій, чтобы не оставаться безъ дѣла, тутъ же рѣшилъ, по послѣднему зимнему пути Святославу воевать Смоленскую волость вверхъ по Поротвѣ, а самъ ушелъ воевать Новгородскія волости, гдѣ взялъ Новый Торгъ и повоевалъ всю Мсту, самую богатую изъ Новгородскихъ волостей. Святославъ въ то же время дошелъ до верха Поротвы, гдѣ взялъ городъ *Людогощъ*¹⁾, захватывая по пути множество плѣнныхъ.

Достаточно было одного мѣсяца и союзники натворили не мало бѣдъ мирному населенію упомянутыхъ волостей въ месть за то самое, что ихъ враги точно также безъ всякой пощады опустошили волости Святославова княжества. Такова была обычная внутренняя политика разрозненной древней Руси: князья ссорились и дрались, а неповинный народъ долженъ былъ отвѣчать за ихъ ссоры и драки своимъ разореніемъ.

Возвращаясь съ богатою добычею изъ Новаго Торга домой въ Суздаль, Юрій шелъ черезъ Волокъ Ламской, откуда, вѣроятно, и посылалъ звать добраго союзника въ Москву, на первый Суздальскій станъ, въ свою княжескую усадьбу.

Святославъ пріѣхалъ въ малой дружинѣ и съ дѣтятемъ своимъ, малюткою Олегомъ, который посланъ былъ впередъ и, когда явился къ Юрью, то на радостяхъ пріѣзда получилъ въ даръ *пардусъ*, вѣроятно, пестрый красивый мѣхъ барса, употребившійся въ походахъ въ видѣ полости или ковра²⁾.

¹⁾ Такъ, мы полагаемъ, слѣдуетъ читать это сомнительное слово лѣтописи, гдѣ выраженіе „Взя люди голядь — суть явная описка, ибо слово *взя* можетъ относиться къ городу или къ волости, но едва ли къ людямъ. Первый издатель Ипатскаго списка Лѣтописи, въ которомъ это слово написано слитно: *люди голядь*, отмѣтилъ при этомъ: „Не имя ли города, находившагося въ верховьѣ Поротвы“: П. с. р. л. т. II, стр. 29. Въ Никоновскомъ и въ другихъ спискахъ лѣтописи вмѣсто слова *Люди* стоитъ: *градъ Голеди*. Въ послѣдующее время на верху Поротвы, существовалъ Вышгородъ, который въ древнее время могъ именоваться *Людогошемъ* или *Людогощью*. Въ древнемъ Новгородѣ одна улица прозывалась *Людюша* и сокращенно *Людюша* и *Людюша*. Древнія названія поселковъ съ обозначеніемъ *гошенія*, то есть гостыбы - торгова, встрѣчаются не рѣдко. Таковы напр., Домо-гощъ, Видо-гощъ, Вель-гощъ, Диво-гощъ, Иро-гощъ, Утро-гощъ, Угоща, Чадо-гоща и др. Если чтеніе: *Людогощъ* окажется правильнымъ, то всѣ толки объ особомъ племени Голядовъ на верху Поротвы будутъ излишни.

²⁾ Карамзинъ пишетъ, что Олегъ подарилъ Юрью рѣдкаго красотою *парда*. Такъ можно понять изъ словъ Ипатской лѣтописи, рассказывающей это обстоятельство не совсемъ опредѣленно. Воскресенскій списокъ той же лѣтописи опредѣленно выражается, что — „да ему (Олегу) Юрьи пардусъ“.

Это было 4 апрѣля 1147 г., въ пятницу на 5-ой недѣлѣ Великаго поста, наканунѣ праздника Похвалы Богородицы. Князья радостно встрѣтились, любезно цѣловались и были веселы, „и тако возвеселишася вкупѣ“, На утро Юрій повелѣлъ устроить *обѣдъ силенъ* и сотворилъ честь великую дорогимъ гостямъ, одарилъ ихъ всѣхъ, и князей, и дружину многими дарами. Тутъ же по всему вѣроятію дитя Олегъ былъ сосватанъ отцами на дочери Юрья, такой же малюткѣ, и былъ обвѣнчанъ съ нею спустя три года въ 1150 году.

Сильный обѣдъ, пиръ великій, долженъ свидѣтельствовать, что Москва уже въ это время представляла такое поселеніе, которое въ избыткѣ могло доставить всѣ хозяйственныя удобства для княжескаго пированья. Какъ видно, это было княжеское хозяйственное село, составлявшее личную собственность князя, *его вотчину*, а потому можемъ съ большою вѣроятностью предполагать, что княжеское хозяйство этой первичной Москвы было столько же обширно и богато, какъ оно бывало богато и полно и у другихъ владѣющихъ князей въ такихъ же ихъ собственныхъ селахъ. Мы упомянули о хозяйственныхъ городскихъ и сельскихъ запасахъ Святослава Ольговича и его брата Игоря, именно объ Игоревомъ разграбленномъ *сельцѣ*. Нельзя сомнѣваться, что такимъ же княжескимъ вотчиннымъ *сельцомъ* была Юрьева Москва, въ которую онъ звалъ Святослава словами: „Приди ко мнѣ въ Москову“, ясно тѣмъ обозначая, что Москва была его собственнымъ хозяйственнымъ селомъ, исполненнымъ всѣми надобными запасами.

Въ дѣйствительности Московская мѣстность представляла въ первое время много сельскихъ удобствъ для основанія широкаго сельскаго хозяйства. Такъ называемый Великій Лугъ Замоскворѣчья, лежавшій противъ Кремлевской горы, доставлялъ обширное пастбище для скота и особенно для княжескихъ конскихъ табуновъ. Окружные луга, поля и всполя съ пересѣкавшими ихъ рѣчками и ручьями служили славными угодьями для хлѣбопашества, огородничества и садоводства, не говоря о тучныхъ сѣнокосахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что прилегавшее къ Кремлевской горѣ *Кучково поле* было покрыто пашнями.

Итакъ, княжеская Исторія Москвы начинается отъ перваго упоминанія о ней лѣтописи въ 1147 году. Но Московскій и именно Кремлевскій поселокъ существовалъ гораздо прежде появленія въ этихъ мѣстахъ княжескаго Рюрикава племени.

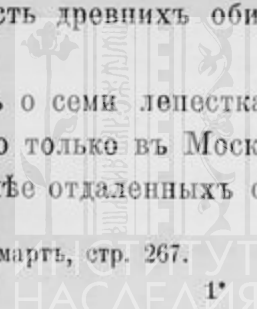
Глубокая древность здѣшняго поселенья утверждается больше всего случайно открытыми въ 1847 году, при постройкѣ зданія Оружейной Палаты и неподалеку отъ первой по древности въ Москвѣ церкви Рождества Іоанна Предтечи, теперь не существующей,—нѣсколькими памятниками языческаго времени. Это большая серебряная шейная гривна или обручъ и двѣ серебряныя серьги—рясы, какія обыкновенно находятъ въ древнихъ курганахъ.

Другой поселокъ столь же древній находился за Неглинною на мѣстѣ новаго храма Спасителя, гдѣ былъ прежде Алексѣевскій монастырь, тоже на береговой горѣ и при устьѣ потока Черторья. На этой мѣстности при рытьѣ земли для фундаментовъ новаго храма, въ числѣ другихъ предметовъ найдены два серебряныхъ арабскихъ диргема, одинъ 862 г., битый въ городѣ Мервѣ, другой 866 г. ³⁾

Эти находки должны относиться по всему вѣроятію къ концу 9 или къ 10-му столѣтію. Кромѣ того шейная гривна и серьги по достоинству металла и по своей величинѣ и массивности выходятъ изъ ряда всѣхъ такихъ же предметовъ, какіе доселѣ были открыты въ курганахъ Московской области, что можетъ указывать на особое богатство и знатность древнихъ обитателей Кремлевской береговой горы.

При этомъ должно замѣтить, что форма упомянутыхъ серегъ—рясь о семи лепесткахъ составляетъ отличительный признакъ древняго женскаго убора, находимаго только въ Московской сторонѣ чуть не въ каждомъ курганѣ и очень рѣдко въ другихъ болѣе отдаленныхъ отъ

³⁾ *Савельевъ*: Мухамеданская нумизматика. Спб. 1847 г., стр. 162.—Ж. М. Н. П. 1847, мартъ, стр. 267.

Москвы мѣстностяхъ, такъ что по этимъ серьгамъ мало-по-малу можно выслѣдить границы собственно при-московнаго древняго населенія, имѣвшаго, какъ видно, особый типъ въ уборѣ, указывающій на особенность культуры этого племени.

Такимъ образомъ, благодаря этимъ памятникамъ курганной эпохи, мы получаемъ достовѣрнѣйшее свидѣтельство не только о тысячелѣтней древности Кремлевскаго поселка, но и о бытовыхъ особенностяхъ окружавшаго его населенія.

Однако такихъ древнѣйшихъ поселковъ, подобныхъ Кремлевскому, въ видѣ городищъ, разсѣяно по Русской землѣ и даже въ Московской сторонѣ великое множество. Всѣ они исчезли и составляютъ теперь только предметъ для археологическихъ изысканій.

Почему же Кремлевскій зародышъ Москвы не только не исчезъ, но несмотря на жестокиа историческія напасти, разоренія, опустошенія огнемъ и мечемъ, остался на своемъ корню и развился не то что въ большой городъ, а въ могущественное государство.

Такіе всемірноисторическіе города, какъ Москва, зарождаются на своемъ мѣстѣ не по прихоти какого либо добраго и мудраго князя Юрья Владиміровича, не по прихоти счастливаго капризнаго случая, но силою причинъ и обстоятельствъ болѣе вышаго или болѣе глубокаго порядка, для очевидности всегда сокрытаго въ темной, мало еще разгаданной дали историческихъ народныхъ связей и отношеній, которыя вынуждаютъ и самихъ князей-строителей ставить именно здѣсь, на извѣстномъ мѣстѣ тотъ или другой городъ. Главнымъ двигателемъ въ созданіи такихъ городовъ является всегда народный промыслъ и торгъ, ищущій для своихъ цѣлей добрыхъ сподручныхъ путей или добраго пристанища, и который, повинувась естественнымъ географическимъ путямъ и топографическимъ удобствамъ международнаго сообщенія, всегда самъ указываетъ, самъ намѣчаетъ, самъ избираетъ мѣсто, гдѣ и устраиваетъ узелъ своихъ работъ и дѣйствій, именуемый городомъ.

Такой узелъ-городъ всегда существуетъ до тѣхъ поръ, пока существуютъ создавшія его потребности промысла и торга. Какъ скоро они исчезаютъ или перемѣняютъ направленіе своихъ путей, такъ упадаетъ, а иногда и совсѣмъ исчезаетъ и созданный городъ ⁴⁾.

Но если эти потребности остаются попрежнему дѣятельными и живыми, то ихъ узелъ-городъ, несмотря на жестокиа историческія случайности остается тоже всегда живымъ и дѣятельнымъ. Разрушать, сожгутъ, истребятъ его, сотрутъ съ лица земли,—онъ мало-по-малу зарождается снова и опять живетъ и еще въ большей красотѣ и славѣ. Истребятъ его на одномъ мѣстѣ, онъ переноситъ свою жизнь на другое, но все въ тѣхъ же окрестностяхъ, гдѣ двигается создавшій его промыслъ и торгъ.

Городъ, такимъ образомъ, и своимъ зарожденіемъ, и своимъ богатствомъ, и процвѣтаніемъ всегда является только выразителемъ проходящихъ въ этой мѣстности торговыхъ и промысловыхъ народныхъ сношеній и связей и само собой разумѣется, что бойкій перекрестокъ такихъ связей и сношеній особенно способствуетъ возникновенію даже не одного, но многихъ городовъ.

Во всемъ мірѣ всѣ знаменитые и господствующіе и до сихъ поръ города нарождались и

⁴⁾ Такъ постепенный упадокъ нашего древняго Кіева происходилъ не отъ разореній во времена княжескихъ усобицъ или Татарскихъ нашествій, но главнымъ образомъ оттого, что торговые пути къ началу XIII столѣтія направленіемъ Итальянской (Генуэзской) торговли стали переходить съ устья Днѣпра къ устью Дона, изъ древняго Корсуня въ новую Танау, въ мѣстности дѣвняго Танаида, вслѣдствіе чего и княжескія и татарскія разоренія были столько губительны для упадавшаго города, у котораго уже не оставалось силъ возродиться въ прежней славѣ. Но это же самое перенесеніе торговыхъ путей къ устью Дона въ значительной степени способствовало возвышенію и обогащенію Москвы, какъ средоточія торговыхъ путей внутри Русской страны отъ Запада на Востокъ, почему и самыя безпощадныя разоренія и опустошенія Москвы не въ силахъ были истребить возникавшее гнѣздо великаго Государства: оно тотчасъ же устроивалось и укрѣплялось въ новой силѣ и славѣ, помощію неразрывныхъ торговыхъ и промысловыхъ связей и сношеній.

развивались силою указанныхъ причинъ и обстоятельствъ. Наша русская страна, лежащая широкою равниною между сѣверными и южными морями, съ незапамятныхъ для исторіи временъ служила перекресткомъ въ сношеніяхъ запада съ востокомъ и сѣвера съ югомъ. Лѣтъ за 500 еще до Р. Х. античные греки чрезъ эту равнину съ береговъ Чернаго моря сносились съ приуральскими народами и гдѣ-то около Саратова имѣли значительный деревянный городъ, Гелонъ, съ смѣшаннымъ населеніемъ, въ которомъ однако преобладали тѣ же эллины—греки. Впослѣдствіи тѣ же греки, около времени Рожд. Христова, изъ Азовскаго моря плавали до верховьевъ Дона, и въ ихъ преданіяхъ сохранялось свѣдѣніе, что аргонавты, возвращаясь съ Кавказа домой въ Грецію, проплыли по Дону въ океанъ (въ Балтійское море) и оттуда вокругъ европейскаго материка въ Средиземное море. Вотъ еще въ какое время проложенъ былъ круговой около Европы путь „изъ Варягъ въ Греки“, изъ Балтійскаго въ Черное море. Торговья связи древняго міра способствовали устройству многихъ значительныхъ городовъ по нашему побережью Чернаго моря, особенно при устьяхъ Днѣпра, Днѣстра и Дона. Медь, воскъ, мягкая рухлядь, пушной таваръ, т. е. дорогіе мѣха, рыба, невольники, хлѣбъ, искони привлекали сюда греческую предприимчивость. Прошло два тысячилѣтія, древніе города и цѣлыя государства исчезли, а между тѣмъ потребности торга и промысла въ этихъ мѣстахъ остаются въ своей силѣ и вотъ причина, почему если не прямо на развалинахъ, то по близости здѣсь же создавались новые города. вмѣсто древнѣйшаго греческаго Танаида въ устьяхъ Дона — теперь здравствуетъ Ростовъ на Дону, всего въ 12-ти верстахъ отъ прежняго; вмѣсто древнѣйшей Пантикапеи, на ея же развалинахъ существуетъ Керчь; вмѣсто древнѣйшей Ольвіи въ устьяхъ Буга и Днѣпра и существовавшаго послѣ нея византійскаго Херсонеса-Корсуна (у Севастополя), теперь является ихъ наслѣдницею Одесса, да, вѣроятно, такими же наслѣдниками явятся и Николаевъ, и Севастополь, и Феодосія (Кафа).

Когда съ теченіемъ вѣковъ зародилась политическая и промысловая жизнь и въ варварской Европѣ и именно по Балтійскому морю, то промысловое и торговое движеніе тотчасъ же перешло и въ нашу русскую равнину, гдѣ пролегла дорога съ запада Европы къ далекому востоку, даже къ Индіи богатой. Этому движенію особенно способствовали промышленные арабы, завоевавшіе въ 7-мъ вѣкѣ почти все богатые закаспійскія страны. Оттуда они направили свои торги отъ устья Волги и до самой Камы и далѣе по Волгѣ же къ самому Балтійскому морю. Арабскія монеты (отъ 8 до 11 вѣка), находимыя во множествѣ по этому пути, особенно въ Русской равнинѣ, удостовѣряютъ о живыхъ и дѣятельныхъ нѣкогда сношеніяхъ другъ съ другомъ всехъ здѣшнихъ народностей. Этотъ торговый путь, пересѣкавшій въ разныхъ направленіяхъ нашу страну по Волгѣ, Западной Двинѣ и особенно по Нѣману, протягивался и далѣе по берегамъ Балтійскаго моря, по южнымъ и сѣвернымъ, вплоть до Великобританіи и далѣе до Испаніи, въ царство Мавровъ.

Естественно, что на торной и бойкой дорогѣ этого торга и промысла сами собою въ разныхъ, наиболѣе удобныхъ мѣстахъ зарождались города, такъ сказать станціи и промышленные узлы, связывавшіе въ одно цѣлое окрестные интересы и потребности.

На востокъ, на Камской Волгѣ всею торговлею, въ 9 и 10-мъ вѣкахъ, владѣли Болгары, у которыхъ главный узелъ - городъ находился по близости устья Камы. Въ этомъ городѣ закаспійскіе арабы были свои люди, а еще больше своими людьми здѣсь почитались наши древнія Славянскія племена, такъ что и населеніе древней Болгаріи, по словамъ тѣхъ арабевъ, на половину было Славянское. У Арабовъ въ 10-мъ столѣтіи Волга такъ и прозывалась рѣкою Славянь, Славянскою рѣкою. Это показываетъ, что плавателями по этой рѣкѣ были, если не исключительно, то главнымъ образомъ только Славяне, какъ въ то же время они были полными хозяевами плаванія по Днѣпру и Дону, и несомнѣнно также по Нѣману и по Двинѣ Западной. Досто-

вѣрно извѣстно, что въ 10-мъ вѣкѣ днѣпровскія суда строились у Кривичей въ Смоленскѣ и во всѣхъ верхнихъ лѣсныхъ мѣстахъ; такъ и волжскія суда необходимо строились въ такихъ же лѣсныхъ мѣстахъ верхней Волги, гдѣ тоже сидѣли Кривичи.

Эти Смоленскіе Кривичи такимъ образомъ являются сильными промышленниками того времени, что вполне подтверждается и многочисленными находками различныхъ вещей въ ихъ курганахъ, наприм., по близости самого Смоленска, гдѣ при селѣ Гнѣздовѣ (12 верстъ отъ города) найдены не только предметы такъ называемаго Скандинавскаго стиля, но и цареградская, если не сассанидская, поливная чашка, которую можно видѣть въ одной изъ витринъ 4 залы Историческаго Музея, въ своемъ родѣ единственный памятникъ, при чемъ были найдены и арабскіе диргемы 10-го вѣка.

Болгарская ярмарка, а теперь Нижегородская, находившаяся, какъ мы упомянули, въ тамошнемъ главномъ городѣ, называемомъ Болгарь, привлекала къ себѣ не однихъ Кривичей, но и все населеніе Балтійскаго побережья и Славянское, и Литовское, и Скандинавское. Дороги отсюда пролегали по Нѣману и Виліѣ и по Западной Двинѣ и сосредоточивались у Кривичей въ Смоленскѣ. Отсюда по Днѣпру шель торговый путь къ Корсуню и Царьграду, возродившій на своемъ мѣстѣ городъ Кіевъ; отсюда же торговый путь направлялся и къ Болгарской ярмаркѣ къ устью Камы.

Изъ Смоленска къ этому Болгару можно было идти и по Окѣ, спустившись рѣкою Угрою, и по Волгѣ, спустившись рѣкою Вазузою. Но это были пути не прямые, очень обходистые, и притомъ, особенно по Окѣ, очень дикіе, потому что нижнее теченіе Оки было заселено мордовскими племенами, Мещерою и Муромою.

Отъ Смоленска прямо на востокъ къ Болгару существовала болѣе прямая и въ то время быть можетъ болѣе безопасная дорога, именно по Москвѣ-рѣкѣ, а потомъ черезъ Переволокъ по Клязьмѣ, протекающей прямо на востокъ по самой срединѣ Суздальской страны. По этому пути въ Суздаль и Ростовъ изъ Кіева хаживали князья въ XII ст., напр., Андрей Боголюбскій, когда переселился совсѣмъ на житье во Владиміръ, а изъ Чернигова и не было другой дороги въ эти города, какъ черезъ Москву.

Надо перенестись мыслию за тысячу лѣтъ до нашего времени, чтобы понять способы тогдашняго сообщенія. Вся Суздальская или по теперешнему имени Московская сторона такъ прямо и прозывалась *Льсною землею*, глухимъ *Льсомъ*, въ которомъ однѣ рѣки и даже рѣчки только и доставляли возможность пробраться куда было надобно, не столько въ поля весеннія воды или лѣтомъ, но особенно зимою, когда воды ставились и представляли для обитателей лучшую дорогу по льду, чѣмъ даже наши шоссеиныя дороги, когда, несомнѣнно по тѣмъ же причинамъ, еще по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, и начиналось изъ Кіева особое торговое движеніе во всей нашей равнинѣ ⁵⁾.

По сухому пути и лѣтомъ прокладывались дороги, теребились пути, какъ выражаются лѣтописи, т. е. прорубались лѣса, по болотамъ устраивались гати, мостились мосты, но въ непроходимыхъ лѣсахъ и въ лѣтнее время цѣлыя рати заблуждались и, идя другъ противъ друга, расходились въ разныхъ направленіяхъ и не могли встрѣтиться. Такъ именно случилось однажды въ началѣ іюня между Москвою и Владиміромъ во время княжеской усобицы въ 1176 г. Князь Михалко Юрьевичъ съ Москвы шель съ полкомъ къ Владиміру, а Ярополкъ, его сопротивникъ, такимъ же путемъ ѣхалъ на Москву и „Божіимъ промысломъ минуетсяя въ лѣсѣхъ“, отмѣчаетъ лѣтописецъ, сердечно радуясь этому обстоятельству, что не случилось кровопролитія.

⁵⁾ См. нашу Исторію Русской Жизни, т. 2, гл. VII.

Зато зимою въ темномъ лѣсу безъ всякихъ изготвленныхъ дорогъ легко и свободно можно было пробираться по ледяному рѣчному руслу, по которому путь проходилъ, хотя и большими извивами и перевертами, но всегда неотмѣнно приводилъ къ надобной цѣли. Очень многія и большія войны, особенно съ Новгородомъ, происходили этимъ зимнимъ путемъ и вдобавокъ, если путь лежалъ вверхъ рѣкъ, почти всегда по послѣднему зимнему пути съ тѣмъ намѣреніемъ, что съ весеннею полою водою можно было на лодкахъ легко спуститься къ домамъ.

Какъ мы сказали, древнѣйшій и прямой путь отъ Смоленска или собственно отъ вершинъ Днѣпра къ Болгарской Ярмаркѣ пролегалъ сначала долиною Москвы-рѣки, а потомъ долиною Клязьмы, которыхъ потоки направлялись почти въ прямой линіи на востокъ. Изъ Смоленска ходили вверхъ по Днѣпру до теперешняго селенія *Волочекъ*, откуда уже шло сухопутье—волокомъ верстъ на 60 до верховъ Москвы-рѣки. Такъ путешествовалъ Андрей Боголюбскій (Сказ. о Чудесахъ Владим. иконы Богоматери). Но болѣе древній путь могъ проходить изъ Смоленскаго Днѣпра рѣкою Устроюю, переволокомъ у города Ельни въ Угру, потомъ изъ Угры вверхъ рѣкою Ворею, вершина которой очень близко подходитъ къ вершинѣ Москвы рѣки, даже соединяется съ нею озеромъ и небольшою рѣчкою. Затѣмъ дорога шла внизъ по Москвѣ-рѣкѣ, начинающейся вблизи города Гжатска и текущей извилинами, какъ упомянуто, прямо на востокъ. Приближаясь къ теперешней Москвѣ-городу, рѣка дѣлаетъ очень крутую извилину на сѣверъ, какъ бы устремляясь подняться поближе къ самому верховью Клязьмы, именно у впаденія въ Москву-рѣку рѣки *Восходни*, гдѣ теперь находятся села Спасъ и знаменитое Тушино, столица Тушинскаго вора. Изъ самой Москвы-города рѣка направляется уже къ юго-востоку, все болѣе и болѣе удаляясь отъ потока Клязьмы. Такимъ образомъ Московская мѣстность, какъ ближайшая къ потоку Клязьмы, являлась неизбѣжнымъ переволокомъ къ Клязьминской дорогѣ. Этотъ переволокъ, съ западной стороны отъ города, въ дѣйствительности существовалъ вверхъ по рѣкѣ *Восходнѣ*, несомнѣнно такъ прозванной по путевому восхожденію по ней въ долину Клязьмы и притомъ, какъ упомянуто, почти къ самой вершинѣ этой рѣки ⁶⁾).

По всѣмъ примѣтамъ, въ глубокой древности, по крайней мѣрѣ въ 9-мъ и 10-мъ вѣкахъ, здѣсь уже завязанъ былъ узелъ торговыхъ и промысловыхъ сношеній.

Изъ подмосковныхъ окрестностей устье и теченіе *Всходни*—самая замѣчательная мѣстность и по историческимъ (Тушинскимъ) воспоминаніямъ и главное по красотѣ мѣстоположенія. Вотъ гдѣ въ незапамятныя времена Москва, какъ торговый и промысловый узелъ, намѣревалась устроить себѣ первоначальное свое гнѣздо. Вотъ гдѣ сношенія Балтійскаго запада и Днѣпровскаго юга съ Болгарскимъ приволжскимъ востокомъ и съ Ростовскимъ приволжскимъ же сѣверомъ, на перевалѣ въ Клязьму, встрѣчали необходимую остановку, дабы идти дальше, устраивали станъ и отдыхъ, а слѣдовательно надобное поселеніе и сосредоточеніе промысловыхъ силъ и интересовъ. Свидѣтелями такого положенія здѣшней мѣстности остаются до сихъ поръ земляныя памятники, раскиданныя по окрестности многія группы кургановъ и мѣста древнихъ городищъ.

Устье *Всходни*, какъ упомянуто, впадаетъ въ Москву-рѣку подъ знаменитымъ селомъ Тушинымъ, гдѣ еще существуютъ валы и разныя земляныя укрѣпленія Тушинскихъ воровъ. Но

⁶⁾ Н. П. Барсовъ въ своихъ Очеркахъ Русской Исторической Географіи отмѣтилъ уже вѣроятность такого сообщенія, упомянувъ, что „въ область Клязьмы отъ Москвы-рѣки шли пути вѣроятно по р. *Сходнѣ* и по *Яузѣ*“ (стр. 30). Вѣроятность такихъ сообщеній во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ сближаются рѣки и рѣчки, особенно въ ихъ верховьяхъ, сама собою раскрывается, какъ скоро будемъ слѣдить это по гидрографической картѣ, и надо замѣтить, что такая предположительная вѣроятность почти вездѣ оправдывается самымъ дѣломъ, т. е. указаніями памятниковъ на существовавшее сообщеніе или письменныхъ, а еще болѣе наземныхъ, каковы, напримѣръ, городища и курганы—явные свидѣтели древней населенности мѣста.

должно полагать, что въ древнее время Восточную прозывалась не самая рѣка, а особая мѣстность, лежащая выше по Москвѣ-рѣкѣ, передъ которою на крутомъ берегу Москвы-рѣки и надъ глубокимъ оврагомъ и теперь стоитъ уже разрушающаяся каменная шатровая церковь Андрея Стратилата ⁷⁾ и гдѣ въ XVI вѣкѣ существовали церковь и монастырь Спасъ Преображенія на *Востокнѣ*, прозывавшійся также однимъ именемъ *Востокнѣ*. Этотъ монастырь на Востокнѣ или монастырь *Востокнѣ* находился болѣе, чѣмъ на версту отъ самой рѣки, теперешней Сходни.

Въ писцовыхъ книгахъ начала 17 ст. онъ обозначается монастырь *Востокнѣ на р. Москвѣ*, что и даетъ поводъ предполагать, что такое имя монастыря обозначало особую мѣстность, но не рѣку, которая въ древности, по всему вѣроятію, прозывалась *Горедвою*, такъ какъ вверху теперешней Сходни въ нее впадаетъ рѣка этого имени болѣе значительнымъ потокомъ, чѣмъ верховье самой Сходни ⁸⁾.

Восточную, повидимому, именовалась мѣстность, составляющая обширный поемный лугъ Москвы-рѣки, версты на полторы въ квадратѣ, вверху по теченію, съ отлогимъ, постепенно возвышающимся берегомъ, который подъ деревнею Пенягиною раздѣленъ доломъ и ближе къ монастырю, подъ его горою, прорѣзанъ глубокимъ оврагомъ и рѣчкою Борушихою. По этому долу, который впадаетъ въ цѣлую систему далѣе идущихъ доловъ, возможно было *восходить* къ руслу Сходни, минуя ея устье, отстоящее отъ Пенягинскаго дола болѣе чѣмъ на три версты, и сокращая путь по извилистому руслу рѣки еще верстѣ на семь. Здѣсь-то собственно по всему вѣроятію и находилась *Востокнѣ*, то есть мѣсто, съ котораго начинался *востокъ*, *восходъ* по рѣкѣ Сходнѣ дабы прямѣе достигнуть потока Клязьмы. Эти восточные долы, сокращая значительно рѣчной путь, приводили въ мѣстность теперешняго села Братцева, откуда уже дорога шла по руслу рѣки вверху до перевала у села Черкизова на петербургскомъ шоссе, гдѣ вблизи теперь существуетъ полустанокъ желѣзной дороги Сходни. Около этой Сходни на высотахъ берега Москвы рѣки и упомянутаго ручья Борушихи, расположено нѣсколько группъ древнихъ кургановъ, которыхъ въ одномъ мѣстѣ на той же высотѣ, гдѣ стоялъ монастырь Востокнѣ, въ полуверстѣ противъ него, насчитывается до 40, что вообще указываетъ на значительное поселеніе, когда-то здѣсь существовавшее, быть можетъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии основанъ монастырь Спаса. Восточный поемный лугъ Москвы-рѣки ограничивается еще выше по ея теченію рѣчкою Банею, которая на этомъ же лугу и впадаетъ въ Москву-рѣку. Здѣсь также по рѣкѣ, по ручьямъ и доламъ могли существовать особые востокы къ руслу Сходни, а потому и здѣсь встрѣчается немало древнихъ кургановъ, особенно при впаденіи въ Баню широкаго Русинскаго оврага у старой Волоколамской дороги.

Какъ бы ни было, но вся эта мѣстность между селами Черневымъ на рѣкѣ Банѣ и Спаскимъ на Сходнѣ, на пространствѣ пяти верстѣ, въ разныхъ углахъ надъ рѣчками и долами усѣяна группами кургановъ, свидѣтельствующихъ вообще объ особенной населенности этого подмосковнаго угла.

Его Высочество Августѣйшій Предсѣдатель Сѣзда въ прошломъ году соизволилъ производить разслѣдованіе нѣсколькихъ кургановъ вблизи села Чернева, въ которыхъ были открыты кромѣ обычныхъ очень примѣчательныя вещи, каковы: серебряный шейный обручъ-гривна изъ пластины,

⁷⁾ Лѣтомъ 1890 г. эта церковь совсѣмъ разобрана и матеріалъ ея поступилъ на постройку храма въ селѣ Рожественѣ на той же Сходнѣ, верстахъ въ 4-хъ отъ села Спаскаго.

⁸⁾ Весь округъ по теченію этой *Горедвы*, иначе *Горетовки*, прозывался по имени рѣки *Горетовымъ станомъ*, простиравшимся къ западу до рѣки Истры, впадающей въ Москву-рѣку нѣсколько повыше села Ильинскаго, вотчины Его Им. В. Августѣйшаго Предсѣдателя Археологическаго VIII сѣзда. Это имя Горетовъ станъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить обозначеніемъ топографическихъ свойствъ мѣстности, представляющей по теченію всей рѣки Сходни и Горедвы очень гористое положеніе.

скрѣпленной обоймицами, указавшими назначеніе нѣкоторыхъ особыхъ бляхъ, найденныхъ при такихъ же гривнахъ въ мѣстности села Зенина, лежащаго въ такомъ же разстояніи съ восточной стороны отъ Москвы. Затѣмъ найденъ былъ желѣзный серпъ, дорогой свидѣтель земледѣльческой культуры, объясняющій, что здѣшнее населеніе не было столь дикимъ, какъ это представлялось Шлецеру и всѣмъ ученымъ нѣмцамъ, писавшимъ о первыхъ временахъ нашей исторіи.

Одинъ большой курганъ, названный въ писцовыхъ книгахъ начала XVII ст. *Великою Могилою* и стоявшій на суходолѣ по направленію описаннаго восточнаго пути, идущаго къ селу Братцову, былъ разрытъ въ 1879 году. Въ немъ покоился остовъ, весь обернутый берестю, съ горшкомъ въ головахъ, на днѣ котораго вытиснена монограмма, указывающая на хорошую гончарную работу. Окружавшіе эту *великую могилу* малые курганы доставили при раскопкѣ нѣсколько вещицъ изъ женскаго убора, весьма обычныхъ во всѣхъ подмосковныхъ курганахъ: бронзовыя о семи лепесткахъ серьги, бусы сердоликовыя и стеклянныя, бронзовыя браслеты изъ проволоки и т. п.

Нельзя сомнѣваться, что болѣе подробное разслѣдованіе кургановъ этой восточной мѣстности укажетъ и на время, когда они были насыпаны; но и безъ того можно съ достовѣрностію предполагать, что курганы должны относиться по крайней мѣрѣ къ 10-му или къ началу 11-го столѣтія.

Кромѣ кургановъ здѣсь же находимъ внизу Восточни близъ деревни Петровской древнее *городище* на ручьѣ Ржавцѣ и рѣчкѣ Городенкѣ, впадающей во Восточню. Затѣмъ вверху Восточни, по писцовымъ книгамъ, гдѣ-то указывается пустошь *Вышгородъ*, своимъ именемъ удостовѣряющая, что существовалъ и Нижній городъ (упомянутое выше городище), и что оба города быть можетъ служили охраною для всего этого пути или же мѣстами защиты населенія отъ вражескихъ нашествій.

Значительная населенность этихъ *восточныхъ* къ Клязьмѣ мѣсть, какой ни выше, ни ниже по Москвѣ-рѣчкѣ не встрѣчается, можетъ указывать, что торговля и промысловыя сношенія нашей древности уже намѣчали здѣсь мѣсто для знатнаго торговаго узла, связывавшаго торги Балтійскаго моря съ торгами моря Каспійскаго и Сурожскаго (Азовскаго), и мы не можемъ отказаться отъ предположенія, что здѣсь закладывалось основаніе для древнѣйшей Москвы-города. Сюда торговля шла не только отъ Смоленска, но и отъ Новгорода, черезъ древнѣйшій его *волокъ Ламскій*, съ Волги по рѣкамъ Шошѣ и Ламѣ на вершину рѣки Рузы, впадающей въ Москву-рѣчку. Ламскій Волокъ былъ древнѣйшею дорогою Новгородцевъ въ московскія мѣста и по большей части прозывался однимъ именемъ *Волокъ*. Для Новгородцевъ Серегерскимъ путемъ, т. е. съ самаго своего верха, рѣка Волга была обычною дорогою къ далекому востоку. Но быть можетъ малыми караванами небезопасно было по ней странствовать, поэтому и Новгородцы должны были являться на Москворѣцкую Восточню, чтобы Клязьмою удобнѣе и безопаснѣе добраться до Волги Камскихъ Болгаръ, захватывая въ торговля руки и самую долину Клязьмы. Во всякомъ случаѣ здѣшний путь былъ короче, чѣмъ по руслу Волги, не говоря о томъ, что Москвою рѣкою Новгородцы должны были ходить и къ Рязанской Окѣ, и на Донъ.

Когда изъ вольныхъ племенныхъ земель образовались особыя княжескія или же городскія волости, то всѣ промысловыя и торговые узлы народныхъ сношеній обложены были особою данью подъ видомъ *мыта*, т. е. пошлиною за проѣздъ и проходъ какъ бы черезъ мостъ.

Можно полагать, что такая пошлина собиралась именно за доставляемыя путникамъ удобства для этого проѣзда.

У Восточнаго мѣста изъ Москвы-рѣки въ Клязьму повидимому также отъ давняго времени существовалъ *мытъ*. Важное промысловое значеніе этой мѣстности подтверждается свидѣтельствомъ XV и XVI вѣковъ о существованіи здѣсь *мыта Войничскаго, что у Спаса на Восточнѣ*, принадлежавшаго городу Волоку Ламскому, тамошней волости *Войнич* ⁹⁾. Это любопытное сви-

⁹⁾ Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, стр. 63, 419.

труды 8-го археол. съезда въ Москвѣ 1890 г. т. III.

дѣтельность явно указываетъ на древнѣйшія связи Москворѣцкой Востодни съ торговою Новгородскою дорогою Ламскаго Волока. Сказаніе о родѣ Московскихъ боярѣ Квашниныхъ даетъ нѣкоторыя поясненія этому обстоятельству.

Оно рассказываетъ, что къ В. К. Ивану Даниловичу Калитѣ, по его вызову, пріѣхалъ служить одинъ изъ знатныхъ Кіевскихъ вельможъ Родіонъ Нестеровичъ съ сыномъ Иваномъ и съ цѣлымъ полкомъ дружины въ числѣ 1700 человекъ. Вел. князь принялъ его съ радостію, посадилъ его на первое мѣсто въ своемъ боярствѣ Москвы и отдалъ ему въ вотчину половину Волока Ламскаго; другая половина принадлежала Новгородцамъ. Черезъ годъ бояринъ Родіонъ оттягалъ и эту другую половину, выславъ оттуда и Новгородскаго посадника. Тогда Вел. князь отдалъ ему въ область, во владѣніе всѣ села *вокругъ рѣки Востодни на 15 верстахъ*¹⁰⁾.

Это пространство въ точности обозначаетъ весь путь Востодни до волока или перевала въ Клязьму подъ теперешнимъ селомъ Черкизовымъ, на Петербургскомъ шоссе. Становится очень понятнымъ, почему Войницкой мыть у Спаса на Востоднѣ, тянулъ къ Волоколамску. Сынъ Родіона, Иванъ Родіоновичъ умеръ въ 1390 г. въ монашествѣ и погребенъ въ монастырѣ у Спаса на Востоднѣ¹¹⁾.

Итакъ въ незапамятное для письменной исторіи время, верстахъ въ 20 отъ теперешней Москвы, отъ западныхъ путей въ эту сторону создавалось гнѣздо промысла и торга, гдѣ впоследствии могъ возникнуть и тотъ самый городъ, который мы именуемъ Москвою.

Выборъ мѣста вполне зависѣлъ отъ топографическихъ удобствъ, при помощи которыхъ именно здѣсь было возможно, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, перебраться съ одной дороги на другую, по самому ближайшему пути.

И надо сказать, что еслибы и на этомъ Востодничьемъ мѣстѣ расселился со временемъ большой городъ, то Москва быть можетъ представила бы еще больше мѣстной красоты и различныхъ удобствъ для городского населенія.

Но исторія присудила быть Москвѣ въ той же окрестности, но на другомъ мѣстѣ, какъ и по какимъ причинамъ,—это необходимо раскроется впоследствии при болѣе внимательной разработкѣ промышленныхъ и торговыхъ отношеній разныхъ областей древней Руси.

Мы упомянули, что потокъ Москвы-рѣки, протекая отъ вершины, особенно отъ Можайска почти по прямому направленію на востокъ, отъ самаго города Москвы сразу поворачиваетъ къ юго-востоку и въ томъ направленіи течетъ до впаденія въ Оку.

Снизу, отъ области верхняго Дона и верхней Оки, т. е. отъ Рязанской и Сѣверской области, этотъ потокъ Москвы-рѣки также служитъ прямою дорогою къ древнему Великому Ростову и вообще въ Суздальскую землю, и опять необходимымъ переваломъ въ долину Клязьмы. По крайней мѣрѣ этою дорогою ходили въ Суздаль и Владиміръ не только изъ Чернигова, но и изъ Кіева. Стало-быть этотъ путь, хотя отчасти и обходимый, всетаки былъ удобнѣе и выгоднѣе другихъ. Оттого и Рязанцы, путешествуя во Владиміръ, всегда дѣлали круговой обходъ на Москву, какъ и Владимірцы, идя на Рязань. А съ Донской области и изъ древней Тмутаракани къ Новгороду, какъ равно и къ Балтійскому морю именно черезъ Москву былъ самый прямой путь, извѣстный торговымъ людямъ отъ глубокой древности. Вообще промысловое движеніе и снизу Москвы-рѣки, отъ юга, было столько же значительно, какъ и отъ ея вершинъ, отъ запада и сѣвера.

И здѣсь низовые люди у Москвы же, желая идти къ Ростову или къ Болгарской Волгѣ, должны были переваливать на Клязьму, но по другому ближайшему для нихъ мѣсту, именно по рѣкѣ Яузѣ. Конечно, имъ не зачѣмъ было ходить на 20 верстъ дальше до западной Востодни, если здѣсь встрѣчался болѣе близкій переволокъ, такая же Яузская Востодня.

Имя рѣки Яузы въ древнемъ топографическомъ языкѣ можетъ означать тоже, что озна-

¹⁰⁾ Карамзинъ, IV, пр. 324.

¹¹⁾ Карамзинъ, V, пр. 254.

чаютъ имена Вязьма, Вязема, Вяземка, Вазуза, Вязь, Уза, т. е. вообще вязь или связь одной мѣстности съ другою, или вѣрнѣе одного пути съ другимъ, хотя бы и по очень узкому потоку.

Такъ рѣка, а по ней и городъ Вязьма Смоленская, текущая отъ верхней Угры въ верхній Днѣпръ, связывала путь изъ Днѣпра въ долину Оки посредствомъ Угры. Вблизи этой Вязьмы къ сѣверу течетъ и Вазуза, связывавшая вершину Днѣпра съ Волгою. Въ свой чередъ та же Вазуза связывала съ Волгою и пути Московской стороны. Въ нее впадаетъ рѣка Гжать, въ которую отъ сѣвера течетъ рѣка *Яуза*, соединяющая пути съ вершинами Москвы-рѣки и рѣки Рузы. Другая *Яуза* въ Клинскомъ уѣздѣ, Московской губ., течетъ отъ востока въ рѣку Ламу, а отъ ея истоковъ къ западу течетъ третья *Яуза*, впадающая въ 7 верстахъ отъ города Клина къ сѣверу въ рѣку Сестру, Волжскій притокъ, гдѣ былъ проектированъ каналъ для соединенія Волги съ Москвою рѣкою посредствомъ соединенія рр. Сестры и Истры. Эти послѣднія двѣ Яузы имѣютъ теченіе одна на западъ, другая на востокъ на одной широтѣ градуса.

Должно упомянуть, что въ третью Яузу отъ юга течетъ р. Вязь, впадающая въ нее не подалеку на западъ отъ с. Ямуги и берущая свое начало у д. Негодяевой отъ истоковъ второй Яузы, что идетъ въ Ламу ¹²⁾. Звенигородская Москва-рѣка, принимая въ себя съ правой стороны рѣку *Вяземку*, соединилась этою рѣкою съ областью подмосковной Пахры черезъ рѣчку Бутынку и Десну. *Вязовенка* рѣка между Можайскомъ и Борисъ-городкомъ, у котораго она впадаетъ въ Протву, связываетъ путь отъ Можайской Москвы-рѣки съ Окою, куда течетъ Протва. Въ Можайскомъ уѣздѣ упоминается также рѣчка *Яуза*, на которой въ 1631 г. существовалъ погостъ Спаса. Упоминается рѣка *Явза* и въ Гдовскомъ уѣздѣ Псковской Области (1623 г.).

Такимъ образомъ, всѣ эти и подобныя имена, а въ томъ числѣ и имя Яузы обозначали связь древнихъ путей. Надо замѣтить, что именно рѣки Яузы за 1000 лѣтъ тому находились въ глухихъ непроходимыхъ болотахъ и лѣсахъ, остатки которыхъ и доселѣ еще совсѣмъ не истреблены и покрываютъ Клинскій уѣздъ въ значительной силѣ. Рѣчной потокъ въ непроходимомъ лѣсу самъ собою долженъ былъ представлять своего рода узилище, узкій тѣсный проходъ, отъ чего имя Яуза могло обозначать также и узину пути, при чемъ первая буква составляла только приставку, дававшую извѣстный, но намъ пока невѣдомый смыслъ слову Уза. Простое имя Уза, Узкая, также нерѣдко встрѣчается въ топографическомъ языкѣ ¹³⁾.

Что же касается приставки *я*, то ея присутствіе встрѣчается явственно во многихъ словахъ, каковы: языкъ, яремъ, якорь, ягода, яблоко, ястребъ и пр., а также и въ топографическихъ именахъ, наприм., *я*—горбы, *я*—жолобицы, *я*—гость, *я*—звоны, *я*—козина, *я*—сивцова, *я*—осма ¹⁴⁾.

Какъ бы ни было, но имя Яузы очень древнее имя ¹⁵⁾ и родственное вообще нашему древнему топографическому языку, въ которомъ и понятіе о тѣсномъ рѣчномъ пути точно также выразилось въ словахъ Тѣснь, Тосна, Тѣсна и, наконецъ, Цна, рѣка извѣстная и въ Мещерской сторонѣ и на западѣ въ коренной русской Славянщинѣ, въ Минской губерніи. Вообще топографическій языкъ богатъ указаніями на характеристику древнихъ рѣчныхъ путей относительно удобства или затрудненій въ проѣздѣ по извѣстнымъ мѣстностямъ.

По Яузѣ, по восточной дорогѣ отъ Москвы, поднимались или опять также *восходили* вверхъ по теченію этой рѣки глухимъ лѣсомъ (Сокольники, Лосинный Островъ) до села Танинскаго и далѣе до самой вершины Яузы, затѣмъ слѣдовали переволокъ у теперешняго села Большихъ Мытищъ на село Большево и древнее Городище, находящіяся уже на Клязьмѣ. Или по другому

¹²⁾ Топографическая карта Московской губерніи 1860 г.

¹³⁾ См. у Ходаковского, Русскій Историческій Сборникъ, т. VII, стр. 325.

¹⁴⁾ См. у Ходаковского, Р. Истор. Сборникъ, VII.

¹⁵⁾ Въ Тверской лѣтописи подъ годомъ 1156 читаемъ: „князь великій Юрій Володимеричъ заложилъ градъ Москову на устниже Неглинны, выше рѣки *Аузы*“. Здѣсь *а* вмѣсто *я* употреблено или по опискѣ, или по однородности звуковъ.

направленію отъ вершины Яузы по болотамъ Лосиннаго Острова, которыя и теперь даютъ превосходную воду всей Москвѣ, а за 1000 лѣтъ назадъ могли заключать въ себѣ цѣлое значительное озеро, еще болѣе способное для пути. Здѣсь у переволока въ свое время явились также свои Мытищи, которыя въ 15 стол. прямо и называются *Яузскимъ Мытищемъ* въ значеніи цѣлаго округа мѣстности ¹⁶⁾. Множественное *Мытищи* можетъ указывать на два упомянутыя направленія дороги къ Клязьмѣ. Въ Татарскую эпоху здѣсь явились и *Баскаки*, какъ именовалось одно здѣшнее уже несуществующее селеніе на той сторонѣ Клязьмы. Присутствіе баскаковъ еще болѣе удостовѣряетъ о промысловой значительности этого мѣста. Возникновеніе этого *Яузскаго пути* можно относить къ глубокой древности. Должно предполагать, что когда еще не было города—первое здѣшнее поселеніе гнѣздилося около устья Яузы, гдѣ луговая мѣстность (занятая нынѣ Воспитательнымъ домомъ) еще въ 15 стол. именуется *Пристанницею* ¹⁷⁾, а по ту сторону Яузы на горахъ упоминается существовавшее гдѣ-то *городище* ¹⁸⁾. На этой сторонѣ рѣки береговая высота, господствующая надъ луговиною и доселѣ носить имя *Гостиной горы* (Никола Воробино), служившей, быть можетъ, поселеніемъ для торговыхъ прїѣзжихъ гостей. Впослѣдствіи, когда образовалось Суздальское княжество, и его сношенія и связи съ Кіевомъ и Черниговомъ стали усложняться, особенно при Суздальскомъ в. князѣ Юріи Долгорукомъ, эта мѣстность получила, кромѣ торговаго, и политическое, то есть въ сущности стратегическое значеніе, какъ первая открытая дверь въ Суздальскую область, которую необходимо было укрѣпить для всякой опасности въ между-княжескихъ отношеніяхъ.

Вотъ почему существовавшая здѣсь вблизи упомянутаго Пристанница на Кремлевской горѣ Княжеская усадьба подъ именемъ Москвы или Кучкова, вскорѣ устраивается городомъ, который былъ срубленъ въ 1156 году, именно въ то время, когда на Клязьмѣ основалось Андреемъ Боголюбскимъ новое княжество Владимірское.

Для новаго княжества такой городокъ былъ необходимъ: онъ служилъ сторожевою защитою со стороны входа въ Суздальскую область, и отъ Смоленска, и отъ Новгорода, и отъ Сѣверскихъ, а слѣд. и отъ Кіевскихъ, и отъ Рязанскихъ князей. Москва такимъ образомъ въ качествѣ города является крѣпкими воротами Владимірскаго княжества на самой проѣзжей дорогѣ. Какъ княжскій городъ она прямая дочь Владиміра, какъ и Владиміръ былъ прямой сынъ Суздаля и внукъ Великаго Ростова. Таково было историческое родство и преемство этихъ городовъ, оставившихъ впослѣдствіи все свое богатое историческое наслѣдство одной Москвѣ.

Начало и судьбы *города* Москвы принадлежать уже исторіи лѣтописной. Мы въ этомъ изысканіи о первомъ ея поселеніи или о первомъ ея селѣ пытались только собрать указанія, гдѣ въ дѣйствительности возраждалось это поселеніе въ незапамятныя для исторіи времена. Какъ видѣли, оно гнѣздилося на перекрестномъ очень бойкомъ пути всѣхъ внутреннихъ, такъ сказать, срединныхъ сношеній древняго *Замѣскаго* населенія Русской Земли,—у перевала изъ рѣчной долины Москвы-рѣки въ рѣчную же долину рѣки Клязьмы, вблизи двухъ небольшихъ рѣкъ, Восходни, нынѣ именуемой Сходнею, и Яузы, вершины которыхъ достигали этого перевала и потому служили самою удобною дорогою въ лѣсныхъ непроходимыхъ дебряхъ, съ одной стороны отъ Западныхъ торговыхъ путей, съ другой—отъ торговаго Юга. Политическія причины уже лѣтописной между-княжеской исторіи указали мѣсто теперешнему городу Москвѣ у воротъ не отъ Запада, у древней Восходни, а отъ Юга къ упомянутому перевалу, вблизи устья Яузы.

¹⁶⁾ Грамоты XIV и XV вв., изсл. Д. Мейчика, 113. ¹⁷⁾ Собр. Госуд. Грамотъ I, 190. ¹⁸⁾ Акты Археогр. Экспеди. I, 87.

Къ вопросу о каменных бабахъ.

Н. Е. БРАНДЕНБУРГА.

Я позволю себѣ остановить вниманіе археологовъ на одномъ изъ наиболѣе темныхъ и спорныхъ вопросовъ нашей отечественной археологіи, именно вопросъ о такъ называемыхъ *каменных бабахъ*, съ цѣлью, впрочемъ, не болѣе какъ отмѣтить нѣсколько новыхъ фактовъ, съ ними связанныхъ, въ виду того, что вообще археологическій матеріалъ, сюда относящійся крайне скуденъ и потому всякое расширеніе его является весьма желательнымъ.

Истукановъ, за которыми установилось названіе *каменных бабъ*, сохранилось довольно много, хотя несравненно большее ихъ количество уже уничтожено; къ величайшему сожалѣнію при этомъ, почти всѣ уцѣлѣвшіе экземпляры нынѣ уже снесены съ своихъ первоначальныхъ мѣстъ, черезъ что лишились значительной доли своего научнаго археологическаго значенія. Встрѣтить нынѣ каменную бабу на ея первоначальномъ мѣстѣ постановки составляетъ уже рѣдкость, для примѣра чего можно указать хотя бы на Мариупольскій уѣздъ, въ которомъ нынѣ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, существуетъ всего лишь два кургана съ уцѣлѣвшими еще упоминаемыми истуканами, между тѣмъ какъ таковыхъ сравнительно еще въ недавнее время было множество; болѣе полусотни *каменных бабъ* и понынѣ валяются въ разныхъ селахъ уѣзда, свезенныхъ изъ ближайшихъ окрестностей и болѣею частью утилизированныхъ на изгороди, фундаменты, подпорки и т. п. О пунктахъ, гдѣ именно ранѣе онѣ стояли, хотя иногда и можно получить кое-какія указанія, но на достовѣрность ихъ полагаться трудно, такъ какъ таковыя идутъ обыкновенно изъ вторыхъ и третьихъ рукъ и документальнаго значенія имѣть не могутъ, а между тѣмъ, при современномъ положеніи вопроса о каменных бабахъ, единственнымъ ключемъ къ возможному рѣшенію послѣдняго остается изученіе самой культуры тѣхъ могильныхъ насыпей, на которыхъ воздвигнуты упоминаемые памятники, почему и всякая невѣрность или ошибка въ указаніяхъ о прежнемъ ихъ мѣстонахожденіи можетъ повести къ ложнымъ выводамъ и только еще болѣе запутать дѣло.

При подобныхъ условіяхъ первостепенную важность для изслѣдованій въ указываемомъ направленіи представляютъ именно тѣ курганы, на которыхъ *каменная баба* стоятъ еще и понынѣ неприкосновенными, на своихъ исконныхъ вѣкодавнихъ позиціяхъ, или раскопка которыхъ привела уже къ правильнымъ результатамъ; но, къ сожалѣнію, какъ уже сказано, матеріаловъ этихъ нынѣ имѣется очень немного, въ виду чего я позволю себѣ изложить здѣсь вкратцѣ раскопку одного изъ двухъ сохранившихся еще въ Мариупольскомъ уѣздѣ подобныхъ кургановъ, произведенную мною въ 1889 г. на землѣ мѣстнаго землевладѣльца К. Я. Петренко, которому я обязанъ полнымъ и радушнымъ съ его стороны содѣйствіемъ.

Мѣстность, гдѣ лежитъ этотъ курганъ, находится между селами Покровскимъ и Темрюкомъ, верстахъ въ 12 отъ послѣдняго, съ правой стороны рѣчки Каратыша (притока Берды), и представляетъ группу изъ восьми небольшихъ могильныхъ насыпей, примыкающихъ съ двухъ сторонъ къ довольно большому кургану, имѣвшему продолговатую форму до 30 саж. длиною и до 6 арш.

вышины. На вершинѣ послѣдняго именно и стояла *каменная*, вышиною $2\frac{1}{4}$ аршина, *баба* изъ красноватаго гранита, обращенная лицомъ на востокъ, но уже съ отбитой головой. Фигура очевидно *мужская*, изваянная крайне грубо, хотя почти вполнѣ, и одѣта во что-то въ родѣ короткаго кафтана; ноги выдѣланы только до колѣнъ, а руки соединены на животѣ, при чемъ держатъ обычное для этихъ истукановъ изображеніе какого-то сосуда или вообще неразгаданнаго до сихъ поръ предмета.

По изслѣдованіи насыпи оказалось, что поверхность ея устлана крупнымъ битымъ камнемъ; погребеніе же было открыто лишь въ самой подошвѣ кургана, гдѣ по очисткѣ материка обнаружили четыре впущенныя въ послѣдній могилы: двѣ относительно бабы восточнѣе и двѣ—южнѣе. Во всѣхъ были найдены погребенные человѣческіе остовы, но положеніе ихъ было неодинаково, такъ какъ два скелета лежали головами почти на востокъ и два — головами на сѣверъ, при чемъ въ тѣхъ и другихъ находилось по одному скелету на боку, въ скорченномъ положеніи, и по одному—въ вытянутомъ на спинѣ.

Особый интересъ по своему устройству и по сдѣланнымъ находкамъ представили обѣ могилы, обращенныя на сѣверъ.

Въ первой изъ нихъ въ материкѣ, на глубинѣ $1\frac{1}{4}$ аршина, скелетъ лежалъ на правомъ боку, лицомъ на западъ, въ положеніи, напоминающемъ посадку на конѣ, т. е. съ нѣсколько поджатыми и согнутыми въ колѣняхъ ногами и рукой какъ бы держащей поводъ. Кости однако значительно истлѣли, и многихъ не доставало. Въ ногахъ скелета находился конскій черепъ и покрытые орнаментами черепки развалившагося горшка (см. Табл. III, верхній сосудъ) со слѣдами кусочковъ углей и приставшей ко дну (снаружи) красной краски, а въ головахъ нѣсколько костей крупнаго животнаго, повидимому, коровы. Передъ лицомъ скелета стоялъ большой глиняный горшокъ, также богато орнаментированный (см. Табл. III, нижній сосудъ), ниже его родъ плоской глиняной чаши съ небольшой ручкой и четырехугольной ножкой, раскрашенный красной краской (см. Табл. II, верхній сосудъ) и еще ниже родъ бронзоваго небольшого плоскаго копыя съ ручкой для насадки (см. Табл. I); наконецъ, рядомъ съ вышеупомянутой чашей, близъ груди скелета, лежалъ каменный шарообразный наконечникъ булавы, прекрасно выдѣланный и отполированный (см. Табл. I), съ слѣдами приставшаго мѣстами къ нему бѣлаго налета. Таковой же налетъ покрывалъ дно и стѣны могилы, которая снаружи была завалена грудой огромныхъ каменьевъ, въ вышину до 3-хъ аршинъ.

Въ другой могилѣ, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршина, также заключался человѣческій остовъ, лежавшій головой на сѣверъ, но весьма дурно сохранившійся и, сколько можно было замѣтить по немногимъ остаткамъ костей, имѣвшій не скорченное, а вытянутое на спинѣ положеніе, съ руками вдоль туловища. Близъ головы его былъ найденъ небольшой, прекрасно выдѣланный каменный молотокъ, съ легка загнутымъ и заостреннымъ тыльемъ, въ родѣ клевца, и отверстіемъ для деревянной рукояти (см. Табл. I—въ трехъ видахъ), слѣды которой можно еще было замѣтить. Дно и стѣны могилы были и здѣсь покрыты также бѣлымъ налетомъ.

Такимъ образомъ, обѣ эти могилы представили нѣчто общее какъ по своему расположенію съ сѣвера на югъ, такъ и по находкамъ въ нихъ каменныхъ орудій одного и того же характера выдѣлки и одинаковаго значенія символовъ извѣстной власти.

Остальныя двѣ могилы хотя находились въ довольно близкомъ сосѣдствѣ съ вышеописанными, но были расположены иначе. Направленіе одной было почти съ востока на западъ, и въ ней на глубинѣ двухъ аршинъ встрѣченъ скелетъ, лежавшій на спинѣ, головой на востокъ, съ руками вдоль туловища; кости же ногъ имѣли положеніе какъ бы у сидящаго чело-
вѣка, но повалившіяся потомъ на сторону. Скелетъ сохранился очень плохо, но на немъ ясно были замѣтны слѣды краснаго налета и дерева, а на стѣнахъ и днѣ могильной ямы бѣлой

окраски, при чемъ на верхнемъ длинномъ отрѣзѣ могилы въ трехъ мѣстахъ сохранились слѣды перекладинъ (дубовыхъ), очевидно служившихъ для поддержки досчатого потолка ея, которому вѣроятно, принадлежали упомянутые остатки дерева на скелетѣ, такъ что могила первоначально представляла родъ склепа. По тщательномъ изслѣдованіи послѣдняго, въ немъ однако не найдено было болѣе ничего.

Наконецъ четвертая, послѣдняя могила, имѣла направленіе на востокъ же, но съ небольшимъ уклономъ къ сѣверу, что впрочемъ совпадало съ лѣтнимъ (іюнь) восходомъ солнца, и даетъ поводъ потому думать, что быть можетъ она устраивалась именно въ это время года. Могила была глубиною не болѣе полуаршина, и вся покрыта слоемъ истлѣвшаго дерева, при чемъ по угламъ на днѣ ея были положены 4 большихъ камня; погребенный здѣсь остоу лежалъ на лѣвомъ боку, головой на востокъ (вѣрнѣе на Свв), въ положеніи близкомъ къ такъ называемому утробному, т. е. съ поджатыми къ животу колѣнями и кистями рукъ противъ лица. Въ головахъ скелета находились черепки довольно большаго горшка съ грубымъ орнаментомъ (см. Табл. II—нижній сосудъ), а на нижней сторонѣ покрывавшаго могилу слоя дерева тонкій бѣлый налетъ. Вещей какихъ-либо не оказалось и здѣсь.

Къ изложеннымъ результатамъ остается еще прибавить, что на поверхности кургана, близъ середины его, подъ слоемъ битаго камня былъ найденъ еще обломокъ другой *каменной бабы*, но гораздо меньшихъ размѣровъ и высѣченной не изъ гранита, а изъ песчаника ¹⁾; обломокъ былъ величиною около 1¼ арш., но верхней части его уже не доставало, при чемъ осталшая фигура была выдѣлана только до пояса, а ниже послѣдняго представлена горельефомъ на плоской плитѣ и то только до колѣнъ; въ рукахъ, по обыкновенію, что-то въ родѣ сосуда. Обломокъ этотъ былъ врытъ вертикально, и отбитая верхняя часть прежде выдавалась надъ насыпью, будучи обращена лицомъ на востокъ; при раскопкѣ у основанія этой *каменной бабы* было найдено лишь немного человѣческихъ костей отъ ноги, но остатки эти едва-ли могутъ имѣть связь съ постановкой самого истукана и, вѣроятно, очутились у подножія его только случайно. Наконецъ, можно еще упомянуть, что въ разныхъ мѣстахъ насыпи, близъ середины ея, на глубинѣ около 1 арш. было найдено нѣсколько отдѣльныхъ черепковъ горшковъ, украшенныхъ разнообразной орнаментацией.

Вотъ все, что дала раскопка описаннаго кургана, которую небезынтересно сопоставить съ прочими данными по вопросу о каменныхъ бабахъ.

Извѣстно, что о происхожденіи послѣднихъ существуютъ мнѣнія самыя противоположныя. Ихъ приписывали и Команамъ и Гуннамъ и Кельтамъ и Погайцамъ; нѣкоторые считаютъ ихъ за произведенія одного и того же народа, другіе—за дѣло рукъ народовъ разныхъ; въ новѣйшее время было высказано и такое мнѣніе, что типъ всѣхъ бабъ татарскій, что всѣ онѣ принадлежатъ какому-либо турецко-татарскому народу и появились въ Россіи лишь съ приходомъ Татаръ, почему начало ихъ должно относиться къ VIII или IX столѣтіямъ. Но всѣ эти мнѣнія, однако, частью уже прямо признаны ошибочными, какъ, напр., о принадлежности *каменныхъ бабъ* Гуннамъ, — мнѣніе, покоящееся на неправильно истолковываемыхъ словахъ Марцелина, какъ то было показано еще покойнымъ графомъ Уваровымъ, частью же не имѣютъ за собой достаточныхъ доказательствъ и потому не идутъ далѣе личныхъ предположеній, кромѣ развѣ заключенія о татарскомъ происхожденіи бабъ, основанномъ, повидимому, на извѣстіи объ обычаяхъ ставить таковыя у Половцевъ; но во всякомъ случаѣ приписывать всѣ бабы именно Половцамъ было бы слишкомъ поспѣшно и рискованно въ виду хотя бы, напр., громадности района, въ предѣлахъ котораго встрѣчаются упоминаемыя изваянія, или, напр., самой спорности вопроса о степени древности происхожденія послѣднихъ.

¹⁾ По словамъ мѣстныхъ жителей, песчаника этого въ ближайшихъ окрестностяхъ не имѣется, а встрѣчается онъ лишь верстъ за 40 отъ описываемой мѣстности.

Разобраться въ этихъ разногласіяхъ возможности еще не представляется, по крайней мѣрѣ пока вопросъ остается только на почвѣ наблюденія лишь виѣшности упоминаемыхъ изваяній, какъ матеріалѣ довольно условномъ, допускающемъ весьма противорѣчивыя заключенія и при томъ далеко не обильномъ. Поэтому, какъ уже сказано, вопросъ долженъ быть перенесенъ на почву другую, на изслѣдованіе культуры тѣхъ могильныхъ насыпей, на которыхъ упоминаемые истуканы сохранились неприкосновенными еще до нашего времени; но здѣсь мы наталкиваемся на капитальное возраженіе: выдаютъ за положительное, что *каменные бабы* не имѣютъ рѣшительно никакого отношенія къ тѣмъ курганамъ, на которыхъ онѣ находятся! Основаніемъ для этого заключенія служить то, что, во-первыхъ, *бабы* встрѣчаются въ южной Россіи и на курганахъ скиѣскаго происхожденія, тогда какъ сами онѣ якобы болѣе поздняго времени; во-вторыхъ, что объ обычаяхъ ставить ихъ на погребальныхъ насыпяхъ греческіе писатели совершенно умалчиваютъ и въ третьихъ, что примѣры пользованія уже существовавшими ранѣе курганами для той же цѣли встрѣчаемъ у древнихъ Половцевъ.

Такимъ образомъ выходитъ, что и изъ культуры кургановъ съ *каменными бабами* также нельзя вывести никакого заключенія въ желаемомъ отношеніи, но съ этимъ однако далеко нельзя еще согласиться въ силу уже того, что краеугольное основаніе приведенныхъ возраженій—позднѣйшее происхожденіе самихъ *бабъ* остается вовсе еще не доказаннымъ. Наоборотъ, существуютъ даже попытки извѣстной классификаціи тѣхъ же истукановъ, въ зависимости отъ разныхъ ихъ виѣшнихъ особенностей и признаковъ, при чемъ древнѣйшіе экземпляры относятъ за предѣлы нашей христіанской эры, и въ этомъ дѣйствительно есть много вѣроятія, вытекающаго изъ изученія формъ тѣхъ же изваяній, степени и способа ихъ отдѣлки, сохранности и проч. Слѣдовательно, пока вопросъ о степени древности *каменныхъ бабъ* остается еще спорнымъ, то и несовременность ихъ съ тѣми или другими могильными насыпями не можетъ еще быть установлена. Что же касается молчанія греческихъ писателей, то это можетъ служить только доказательствомъ отрицательнымъ и при отсутствіи другихъ положительныхъ силы не имѣетъ, равно какъ и темное извѣстіе о *половецкомъ* обычаяхъ не даетъ еще права на выводъ общаго заключенія о позднѣйшемъ происхожденіи всѣхъ упоминаемыхъ истукановъ, раскинутыхъ на необъятномъ пространствѣ южной Россіи и Сибири.

И такъ, позволю себѣ повторить, что изслѣдованіе культуры кургановъ съ *каменными бабами* является не только крайне желательнымъ и цѣлесообразнымъ, но, можно сказать, единственнымъ источникомъ, изъ котораго можетъ пролиться свѣтъ на ту или другую народность интересующихъ насъ изваяній. Нельзя, напр., не принять во вниманіе и такихъ фактовъ, какъ находки тѣхъ же истукановъ внутри самихъ курганныхъ насыпей, примѣровъ чему можно указать нѣсколько, и которые въ данномъ случаѣ могутъ пріобрѣтать существенное значеніе. Позволю себѣ упомянуть здѣсь хотя объ одномъ примѣрѣ. Въ бытность мою въ 1889 г. къ Мариупольскомъ уѣздѣ, въ селеніи Темрюкѣ мнѣ показали верхнюю половину *каменной бабы*, выкопанной однимъ крестьяниномъ изъ остатковъ почти уже распаханнаго кургана въ той же мѣстности. Обломокъ оказался экземпляромъ весьма любопытнымъ, изваяннымъ изъ песчаника, изображающимъ *торсъ женщины съ головой, накрытой невысокимъ уборомъ, и накинутаго на плечи какимъ-то зубчатымъ покрываломъ*. На шеѣ истукана высѣчено три ряда украшеній—монисто изъ прямоугольныхъ и треугольныхъ пластинокъ и два шейныхъ крученыхъ обруча, такъ называемыя гривны, а въ ушахъ большія кольцеобразныя серьги, поддерживаемыя спущенными отъ головного убора шнурами или тесьмами, при чемъ всѣ изображенія выдѣланы весьма тщательно и прекрасно сохранились въ своихъ подробностяхъ. Но еще любопытнѣе то обстоятельство, что когда по окончаніи работъ я собрался уже уѣзжать съ мѣста раскопокъ, два крестьянина принесли мнѣ нѣчто въ родѣ пары большихъ серебряныхъ серегъ, выкопан-

ныхъ ими изъ остатковъ какого-то кургана въ той же мѣстности, откуда вывезенъ и вышеупомянутый обломокъ *бабы*. Украшенія эти подобраны были ими при черепѣ скелета въ могилѣ, впущенной въ материкъ, форма же и внѣшность ихъ (въ видѣ разомкнутого въ $2\frac{1}{2}$ д. діаметромъ кольца) живо напомнили мнѣ массивныя кольцеобразныя серьги, которыя находятся и въ ушахъ вышеупомянутой *бабы*; легко быть можетъ поэтому, что онѣ представляютъ оригиналь послѣднихъ и указываютъ такимъ образомъ на связь между культурой извѣстныхъ кургановъ съ стоящими на нихъ загадочными до сихъ поръ изваяніями.

Къ сожалѣнію, однако, необходимо сознаться, что на эту сторону дѣла, въ вопросѣ о происхожденіи *каменныхъ бабъ*, у насъ не было обращено еще никакого вниманія и масса быть можетъ драгоценныхъ въ томъ же отношеніи указаній, съ повальнымъ исчезновеніемъ упоминаемыхъ истукановъ въ настоящее время уже утеряна. Намъ извѣстно только нѣсколько единичныхъ фактовъ раскопокъ кургановъ съ стоявшими на нихъ *бабами*, произведенныхъ въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ, но и изъ нихъ точными изслѣдованіями могутъ быть названы только раскопки Чертомлыцкаго и Александровскаго кургановъ и до извѣстной степени поучительной работы Мельгунова, произведенная въ 1763 г. около Елисаветграда; изъ прочихъ же не видно ничего. Результаты этихъ раскопокъ, въ особенности двухъ первыхъ, слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ здѣсь распространяться, почему довольно ограничиться указаніемъ, что во всѣхъ трехъ случаяхъ этихъ изслѣдованій происхожденіе открытыхъ въ нихъ могилъ обнаружилось несомнѣнно скиѣское.

При подобной бѣдности фактовъ, большое любопытство возбуждаетъ такимъ образомъ вопросъ, какое же заключеніе можетъ быть сдѣлано изъ вышеописанной нашей раскопки подобнаго же кургана съ *каменной бабой* въ Маріупольскомъ уѣздѣ.

Разрытый нами курганъ, который для краткости назовемъ *Каратышскимъ*, важень, какъ кажется, уже потому, что лежитъ въ новой мѣстности; что насыпь его заключала исключительно погребеніе въ материкѣ, т. е. не усложняется еще другими, сравнительно позднѣйшими могилами, которыя нерѣдко встрѣчаются въ курганахъ того же района, или, другими словами, что стоявшая на нашемъ курганѣ *баба*, если имѣла отношеніе къ погребенію, то исключительно къ одному въ немъ встрѣченному и, наконецъ,—что судя по отсутствію слѣдовъ желѣза и находкѣ лишь бронзовыхъ и каменныхъ предметовъ, курганъ этотъ можетъ быть отнесенъ къ значительно большей, сравнительно съ другими вышеуказанными, древности.

Тѣмъ любопытнѣе однако, что въ *Каратышскомъ курганѣ* замѣчаются нѣкоторыя особенности погребальнаго ритуала, невольно напрашивающіяся на сопоставленіе съ подобными же, обнаруженными въ могилахъ Приднѣпровья, принимаемыхъ нынѣ за скиѣскія. Такъ, наприм., по наблюденіямъ И. Е. Забѣлина, въ курганахъ этого рода, но средней величины, вырытая въ материкѣ могила бываетъ завалена высокой грудой камней, достигающей почти до вершины насыпи; въ *курганѣ Каратышскомъ* мы видѣли, что главная могила была устроена такъ же. При раскопкѣ извѣстнаго Чертомлыцкаго кургана, въ вершинѣ его были встрѣчаемы черепки разбитыхъ глиняныхъ амфоръ; въ нашемъ курганѣ при тѣхъ же условіяхъ были встрѣчены черепки разбитыхъ горшковъ. Обычное присутствіе въ скиѣскихъ могилахъ конскихъ костей, какъ, напр., въ томъ же Чертомлыкѣ, гдѣ было найдено 11 убитыхъ коней, повторяется и въ *курганѣ Каратышскомъ*, въ которомъ въ ногахъ скелета лежала отрубленная конская голова. Погребальный ритуаль Скиѣовъ требовалъ устройства могилы на слоѣ бѣлой материковой глины, въ нашемъ же курганѣ дно и стѣны могилъ оказались выбѣленными, что видимо представляетъ упрощенный приѣмъ того же обычая, о чемъ догадки уже высказывались и ранѣе. Дѣйствительно, если принять во вниманіе тѣ огромныя затрудненія, съ которыми связывалось иногда достиженіе въ материкѣ необходимаго слоя глины (какъ, напр., въ Чертомлыкѣ, гдѣ таковой пролегалъ на

глубинѣ 5 сажень, а въ большинствѣ случаевъ оказывался въ могилахъ Приднѣпровья на семи аршинахъ), то подобная, такъ сказать, роскошь устройства могилъ могла быть доступна далеко не всѣмъ и при погребеніи лицъ болѣе заурядныхъ приходилось довольствоваться лишь имитацией или условнымъ изображеніемъ того же завѣтнаго слоя, путемъ искусственнаго выбѣливанія дна и стѣнъ могильной ямы.

Я позволю себѣ упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, относительно найденной въ главной могилѣ *Каратыискаго кургана* глиняной чаши (см. Табл. II,—верхній сосудъ).

Чаша эта весьма небольшихъ размѣровъ, приблизительно величиной въ чайное блюдечко, имѣетъ сбоку маленькую шишкообразную ручку или приростокъ, въ которомъ продѣлано сквозное отверстіе, назначенное очевидно для подвѣшиванія сосуда на шнуръ или чемъ-нибудь подобномъ, но на другихъ двухъ горшкахъ, находившихся при томъ же скелетѣ, хоть весьма тщательно выдѣланныхъ и затѣйливо орнаментированныхъ, подобнаго приспособленія не имѣется, откуда можно заключить, что послѣднее вызывалось какими-либо особыми условіями употребленія упомянутаго сосуда. При этомъ невольно напрашивается, не лишенное своего вѣроятія, сопоставленіе той же находки, съ извѣстіями писателей древности о *чашахъ, носившихся скивами на привязи при поясахъ*, въ воспоминаніе мифа о праотцѣ ихъ Гераклѣ и поясной золотой чашѣ послѣдняго, что въ такомъ случаѣ представило бы большой археологической интересъ, такъ какъ образцовъ упоминаемыхъ сосудовъ встрѣчаемо еще не было.

Что касается до двухъ *сосудовъ*, найденныхъ въ той же могилѣ (см. Табл. III), то форма ихъ не выдается ничѣмъ, но весьма своеобразенъ и любопытенъ орнаментъ ихъ покрывающій; орнаментъ этотъ весьма тонкій, не свойственный обыкновенной курганной керамикѣ, а какъ бы отпечатанный какой-то моделью, при чемъ на одномъ изъ горшковъ привлекаетъ вниманіе обиліе мелкихъ кружковъ его украшающихъ, въ родѣ тѣхъ наборныхъ бляшекъ, которыя замѣчаются на изображеніяхъ извѣстной Куль-Обской вазы.

Вотъ все, что я имѣлъ въ виду сообщить въ настоящемъ случаѣ по поводу раскопки *Каратыискаго кургана*. Совокупность обнаруженныхъ въ немъ признаковъ даетъ основаніе отнести его къ числу *могилъ скивскихъ*, а, слѣдовательно, присутствіе на немъ *каменной бабы* является обстоятельствомъ, невольно обращающимъ вниманіе въ томъ смыслѣ, что имъ констатируется новый фактъ сопутствія этихъ истукановъ скивскимъ могиламъ. Это новое повтореніе подобныхъ же фактовъ, уже обнаружившихся при раскопкахъ Чертомлыцкаго и Александропольскаго кургановъ, а также раскопкой Мельгунова, даетъ поводъ задаться вопросомъ: не существуетъ ли болѣе ближайшей, тѣсной связи между тѣми же истуканами и могилами древнихъ Скивовъ или не составляютъ ли они часть погребальнаго ритуала послѣднихъ?

Къ сожалѣнію однако, недостаточность данныхъ не позволяетъ рѣшиться на положительный отвѣтъ, но тѣмъ не менѣе въ ряду высказанныхъ уже взглядовъ на то или другое происхожденіе каменныхъ бабъ, представляется не безъосновательный поводъ выдвинуть вопросъ и о скивскомъ происхожденіи тѣхъ же истукановъ или по крайней мѣрѣ извѣстной ихъ группы. При настоящемъ положеніи дѣла мысль эта можетъ имѣть за собою даже нѣкоторое преимущество, ибо опирается на фактическое основаніе, такъ какъ во всемъ вопросѣ о *каменныхъ бабахъ* несомнѣннымъ пока является лишь то, что во всѣхъ бывшихъ случаяхъ правильныхъ раскопокъ кургановъ съ упоминаемыми изваяніями, подобные курганы оказались происхожденія скивскаго. Случай ли это или нѣтъ—разъяснить будущее, но пока съ указываемыми фактами мы необходимо должны считаться.

Слѣды пребыванія первобытнаго человѣка на берегахъ р. Днѣпра вблизи г. Кіева.

НИКОЛАЯ БЪЛЯШЕВСКАГО.

На средней береговой террасѣ р. Днѣпра, отчасти же и на нижней луговой, въ разныхъ мѣстахъ расположены песчаные бугры, носящіе дюнный характеръ. На этихъ буграхъ встрѣчаются различные культурные остатки, указывающіе на то, что въ доисторическую эпоху здѣсь обиталъ первобытный человѣкъ. Находимые остатки въ связи съ обстоятельствами, сопровождающими ихъ нахожденіе, даютъ право признать эти мѣста „стоянками“ первобытнаго человѣка.

Бугры, которые мы имѣли возможность осмотрѣть, находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ: а) на правомъ берегу Днѣпра (рис. 1): 1) у предмѣстья г. Кіева—Пріорки; 2) у предмѣстья его же—Верхней Соломенки; 3) между с. Пироговымъ и д. Литовской Витой; 4) у хутора Козина; 5) между м. Трипольемъ и с. Злодѣвкой, — все *Кіевской губерніи и уѣзда*; б) на лѣвомъ берегу: 6) у с. Вигуровщины; 7) у с. Никольской Слободки; 8) у с. Гнѣдина; 9) у с. Вышенокъ — *Черниговской губ. Остерскаго уѣзда*; 10) возлѣ д. Жеребятина и 11) у с. Койлова—*Полтавской губерніи, Переяславскаго уѣзда*.

Такимъ образомъ, мѣстность прослѣжена по обоимъ берегамъ Днѣпра, начиная отъ Кіева, внизъ приблизительно верстъ на 50.

Отъ дѣйствія вѣтровъ, дождей и весеннихъ водъ пески постоянно измѣняютъ свой внѣшній видъ—въ одномъ мѣстѣ насыпаются новые бугры, въ другомъ выдуваются котловины. Благодаря такому измѣненію поверхности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаруживается слой, содержащій остатки пищи, посуды и различныхъ другихъ предметовъ.

Такой слой удалось найти во всѣхъ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Отъ свѣтло-желтаго песка, изъ котораго состоятъ бугры, культурный слой отличается своимъ пепельно-сѣрымъ цвѣтомъ, иногда переходящимъ совсѣмъ въ черный. Есть группы бугровъ, гдѣ этотъ культурный слой обнажился на довольно большомъ пространствѣ, и далъ воз-

Рис. 1

возможность собрать сравнительно много предметов; въ другихъ же мѣстахъ онъ только проглядывалъ, и тамъ находки были незначительны.

Къ числу первыхъ относятся бугры у с. Никольской Слободки на лѣвомъ берегу (мы ихъ посѣщали лѣтомъ 1887, 1888 и 1889 гг.), и бугоръ между м. Трипольемъ и с. Злодѣвкой — на правомъ (осень 1888 г. и лѣто 1889 г.); на нихъ мы и остановимся подольше, объ остальныхъ же придется сказать только по нѣскольکو словъ ¹⁾.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію отдѣльныхъ группъ, намъ нужно оговориться: изысканія, которыя мы произвели, ограничивались лишь однимъ собираніемъ предметовъ на поверхности, такъ какъ болѣе подробнаго изслѣдованія, куда непременно должно было войти и опредѣленіе залеганія пластовъ, вслѣдствіе независящихъ отъ насъ обстоятельствъ, мы сдѣлать не могли.

Кромѣ того, нужно замѣтить, что всѣ вышеперечисленные бугры по лѣвой сторонѣ Днѣпра были извѣстны раньше какъ мѣстонахожденія древнихъ предметовъ ²⁾, на правомъ же берегу, почти всѣ открыты нами.

БУГРЫ У С. НИКОЛЬСКОЙ СЛОБОДКИ.

Къ югу отъ села, сейчасъ же подлѣ него, находится небольшое озеро Святыще. Песчаные открытые бугры составляютъ сѣверо-восточный возвышенный берегъ этого озера; они прости-

раются затѣмъ—съ одной стороны къ лѣсу, съ другой же — подходятъ къ постройкамъ, идущимъ въ этомъ мѣстѣ по обѣимъ сторонамъ черниговскаго шоссе. По другую сторону шоссе пески также обнаруживаются и заканчиваются большимъ бугромъ въ сѣверномъ концѣ села, у кладбища. Тамъ, гдѣ пески подходятъ къ лѣсу, они покрыты тонкимъ слоемъ дерна и отчасти заняты окраиной лѣса (рис. 2).

Культурный слой обнаружился неширокой полосой (2—3 сажня) главнымъ образомъ по берегу озера и на такой высотѣ, что въ весенніе разливы вода не достигаетъ туда; въ этомъ можно было убѣдиться во время сильнаго разлива весной 1888 г. Мѣстность же между этимъ берегомъ озера и противоположнымъ правымъ берегомъ Днѣпра, на которомъ стоитъ Кіевъ, представляетъ весной сплошную водную поверхность.

Находки сосредоточивались въ двухъ мѣстахъ: при началѣ озера, тамъ, гдѣ кончалось село и даже крайнія избы расположены

на обнаженномъ культурномъ слоѣ, и затѣмъ, почти въ концѣ озера,—здѣсь культурнаго слоя почти не было замѣтно, но за то найдено нѣсколько сосудовъ.

¹⁾ Бугры у сс. Гнѣдина и Вышенокъ занимаютъ особое мѣсто. Здѣсь найдена такая масса разнообразныхъ предметовъ изъ глины, камня и бронзы, что описаніе одной только этой группы можетъ служить предметомъ для отдѣльной монографіи, а потому и не войдетъ въ нашу небольшую замѣтку.

²⁾ См. ст. Т. Кибальчича: „О находкахъ предметовъ каменнаго періода на лѣвомъ берегу Днѣпра въ 1879 г.“, въ Сборникѣ Археологическаго Института, кн. 3, 1880 г. Въ этой статьѣ авторъ, между прочимъ, принимаетъ бугры за могильныя насыпи.

Рис. 2

Лѣтомъ 1889 г. изъ берега озера брали песокъ для земляныхъ работъ на рѣкѣ; сдѣланная выемка дала возможность прослѣдить, что однородный свѣтло-желтый песокъ залегаетъ на нѣсколько саженой вглубь.

Внѣшній видъ мѣстность по берегу озера имѣла слѣдующій: песокъ окрашенъ въ пепельно-сѣрый цвѣтъ (толщина этого слоя иногда достигаетъ $\frac{1}{4}$ арш. и болѣе, иногда же является какъ бы тонкимъ налетомъ); на поверхности во множествѣ разбросаны куски отъ сосудовъ съ орнаментомъ и безъ него; было найдено также нѣсколько кучъ мелкихъ черепковъ, принадлежавшихъ, повидимому, цѣлымъ сосудамъ, но вслѣдствіе дѣйствія атмосферы распавшимся; между черепками много измельченныхъ окаменѣвшихъ костей, встрѣчающихся также кучами, и масса осколковъ кремня и другихъ камней; между ними попадались и цѣлыя орудія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всѣ эти остатки были расположены вокругъ кострищъ, представлявшихъ не особенно большія кучи углей. Это въ началѣ озера. Дальше по берегу культурнаго слоя не было замѣтно, но попадались черепки. При концѣ озера вблизи кострищъ были найдены, какъ я уже сказалъ, цѣлые сосуды.

Перейдемъ къ болѣе подробному обзору предметовъ, найденныхъ на этомъ

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

мѣстѣ. Ихъ можно раздѣлить на 3 группы: 1) орудія, 2) гончарныя издѣлія и 3) остатки пищи.

Орудія. Исключительно изъ камня, преимущественно изъ кремня; встрѣтились (по другую сторону шоссе, подлѣ лѣса) слѣды обработки песчаника, изъ котораго, повидимому, должны были готовиться болѣе крупныя орудія, но таковыхъ цѣлыхъ не было найдено. Масса осколковъ и нѣсколько найденныхъ ядрищъ указываютъ на то, что орудія изъ кремня готовились на мѣстѣ. Цѣлыя орудія попадались сравнительно рѣдко. Орудія эти можно подраздѣлить на слѣдующіе виды: а) *ножи*—самый многочисленный родъ орудій, отличаются миниатюрностью; большинство изъ нихъ съ двумя рѣзущими краями (рис. 3 и 4), хотя попалось нѣсколько и съ однимъ; они всѣ очень маленькіе, отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ сант. длины; особенность ихъ—у всѣхъ тупая сторона подправлена мелкими ударами; у трехъ ножей съ двумя краями эти края также оказались подправленными. Всѣхъ ножей, считая и сломанные экземпляры, найдено до 80 штукъ. б) *Острія*—найдено всего до 7 штукъ; они отбивныя, на нѣкоторыхъ замѣтны слѣды подправокъ; одни изъ нихъ узкія, похожія на ножики съ заостреннымъ концомъ, другія же съ болѣе широкимъ основаніемъ; длиной не превышаютъ 3 сант. Сюда же нужно относить орудій, которыя можетъ быть служили шилами,—они остры и узки, одна сторона у нѣкоторыхъ подправлена, длина отъ 2 до 3 сант., найдено 8 штукъ. в) *Подправленные наконечники стрѣлъ*, сдѣланные по опредѣленнымъ формамъ; формы эти слѣдующія: 1) основаніе у стрѣлы прямое или почти прямое (рис. 5); 2) основаніе выдается наружу полукругомъ (рис. 6); 3) въ основаніи сдѣлана выемка, иногда довольно глубокая (рис. 7 и 8). Большинство стрѣлъ найдено на одномъ почти мѣстѣ, гдѣ сосредоточивались осколки кремня; размѣры стрѣлъ очень незначительны—отъ 1 до 3 сант. длины. г) *Наконечники стрѣлъ въ видѣ трапеціи*; они сдѣланы изъ кусочковъ двускатныхъ ножей, при чемъ

тупыя стороны подправлены, острия же служили: одна — для всаживанія въ дровко, другая — концомъ стрѣлы; ихъ найдено немного д) *Скребки*; мы такъ называемъ куски кремня, одна сторона которыхъ подправлена; они большей частью овальной формы; между ними попало нѣсколько очень маленькихъ, въ 1 сант. въ поперечникѣ, такъ что является сомнѣніе, могли ли они исполнять назначеніе скребка; скребковъ въ общемъ найдено сравнительно много, до 50 штукъ (рис. 9). *Точилка* изъ точильнаго камня — только небольшой обломокъ въ 3 сант. длины, съ двухъ сторонъ сточенный. Кромѣ обдѣланныхъ орудій, найдена также масса осколковъ кремня разнообразныхъ формъ; большинство изъ нихъ было отбросами при выдѣлкѣ орудій, нѣкоторые же, не подходя ни подъ одну изъ нашихъ рубрикъ, все-таки могли служить въ домашнемъ обиходѣ.

Рис. 9

Гончарныя издѣлія. Сосуды сдѣланы отъ руки безъ помощи круга. Приготовленіе глины было различное: встрѣчались (рѣдко) черепки изъ грубой глины съ большою примѣсью кусочковъ кварца, затѣмъ изъ глины болѣе лучшаго качества, но все-таки не обладавшей достаточной цѣпкостью, наконецъ, были (тоже рѣдко) изъ глины, хорошо отмученной, не уступающей современной. Обжигъ также различенъ; это можно было видѣть въ изломѣ черепковъ; большей частью обожжена только наружная сторона, получившая отъ этого красный цвѣтъ; иногда слѣды обжога (красныя стѣнки) замѣчались съ наружной и внутренней сторонъ, а между ними оставалась черная прослойка, не совсѣмъ обожженная; былъ также и полный обжигъ, прошедшій

Рис. 10

Рис. 11

насквозь черепокъ. Толщина стѣнокъ сосудовъ отъ $1\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{2}$ сант. *Форма сосудовъ*: изъ 4-хъ найденныхъ цѣлыми два были большіе, два маленькіе. Большіе найдены не вполне сохранившимися; они стояли рядомъ въ пескѣ, дномъ вверхъ; днища ихъ, виднѣвшіяся изъ песка, разрушились; но на основаніи формы оставшихся кусковъ и того факта, что сосуды были переверочены, можно предположить, что днища закруглялись и подходили къ коническимъ; къ отверстию сосуды немного суживаются; размѣры ихъ: 1-го высота сохранившейся части 30 сант., поперечникъ отверстия 25 сант.; 2-го) высота 24 сант., поперечникъ 20 сант.; глина красная, толщина стѣнокъ 1 сант., обжигъ полный, снаружи на стѣнкахъ видны полосы отъ сглаживанія. Когда сосуды были вырыты изъ песка, то распались на множество кусковъ, такъ что ихъ пришлось послѣ склеивать.

Два другіе меньшіе сосуда вынуты, напротивъ, цѣлыми. Они стояли отверстиями вверхъ, другъ возлѣ друга; днища ихъ плоскія; форма чашеобразная, глина приготовлена съ кварцемъ, краснаго цвѣта, обжигъ полный, толщина стѣнокъ 1 сант.; размѣры: 1-го высота 11 сант., поперечникъ отверстия 15 сант. (рис. 10); 2-го высота 9 сант., поперечникъ $9\frac{1}{2}$ сант. (рис. 11)

При началѣ озера найдена куча черепковъ отъ одного сосуда, котораго сложить не удалось, но изъ оставшихся частей видно, что сосудъ былъ въ видѣ миски, съ отлогими стѣнками и ободкомъ, загнутымъ внутрь; на этомъ сосудѣ замѣтны слѣды копоти и дыръ для подвѣшиванія.

Орнаментъ сосредоточивался почти всегда въ верхней части сосуда. Орнаменты разнообразны. Преобладающій—изъ углубленій, сдѣланныхъ круглой палочкой, кремнемъ или костью; углубленія не сквозныя, а доходятъ только до половины черепка (иногда случайно насквозь); по другую сторону, соотвѣтственно дырочкѣ, находятся возвышенія; углубленія расположены на однихъ черепкахъ снаружи, на другихъ изнутри; идутъ обыкновенно по ободку сосуда и въ одинъ рядъ (т. IV, 1, 2 и 3). Затѣмъ встрѣчается орнаментъ изъ небольшихъ углубленій, представляющихъ отпечатокъ орудія съ острымъ или тупымъ концомъ (т. IV, 4 и 5); иногда конецъ орудія былъ какъ бы раздѣленъ, и отпечатокъ получился въ видѣ продолговатыхъ углубленій съ перегородками (т. IV, 6, 7 и 8). Прямая линия также имѣла мѣсто въ орнаментѣ въ разныхъ сочетаніяхъ (т. IV, 9), между прочимъ, въ видѣ зигзага (т. IV, 10 и 11). Далѣе идетъ орнаментъ, выдавленный на глинѣ плетеной веревочкой (т. IV, 12), и наконецъ, орнаментъ изъ полосокъ, налѣпленныхъ на сосудъ; иногда на полоскахъ сдѣланы вдавленія пальцемъ (т. IV, 13 и 14). Кромѣ этихъ, былъ орнаментъ, составленный изъ соединенія вышеперечисленныхъ (т. IV, 15 и 16). Встрѣтились также украшенія на сосудахъ въ видѣ шишекъ, иногда въ свою очередь орнаментированныхъ (т. IV, 17); шишки эти могли отчасти замѣнять ручки, такъ какъ слѣдовъ ушекъ у сосудовъ Никольской Слободки не было найдено; съ этой же цѣлью служили и сквозныя дыры, продѣланныя у края сосуда (т. IV, 18). Заслуживаетъ вниманія небольшой черепочекъ съ частыми дырочками, но онъ очень незначителенъ и не даетъ указанія, въ какомъ мѣстѣ сосуда были сдѣланы эти дырочки.

Изъ другихъ глиняныхъ предметовъ у Никольской Слободки найдены: кусокъ круглой прялицы, сдѣланной изъ черепка, и грузило въ видѣ небольшого цилиндра, $3\frac{1}{2}$ сант. длины (т. IV, 19).

Остатки пищи. Къ остаткамъ пищи можно предположительно отнести измельченныя и сильно вывѣтрившіяся кости мелкихъ млекопитающихъ. Въ одномъ мѣстѣ кости находились въ кучѣ, вмѣстѣ съ черепками. Вслѣдствіе дурной сохранности костей онѣ остались неопредѣленными.

Кромѣ вышеперечисленныхъ предметовъ, встрѣчались также у Никольской Слободы вещи изъ бронзы и желѣза; между бронзовыми были: куски пряжекъ и перстней, пуговицы, бубенчикъ, двѣ трехгранныя стрѣлы, кольцо и нѣкоторыя др.; желѣзныя: стрѣлы разныхъ формъ и небольшіе ножички. Нахожденіе этихъ предметовъ на пескахъ у Никольской Слободки можно объяснить случайностью.

Дѣлая общій обзоръ находокъ у Никольской Слободки, мы можемъ вывести слѣдующія заключенія. Присутствіе кремневыхъ осколковъ и ядрищъ вмѣстѣ съ отдѣльными орудіями указываетъ на то, что орудія приготовлялись на мѣстѣ. Матеріаломъ для орудій служили кремневые валуны, попадающіеся изрѣдка во близъ лежащихъ оврагахъ; малочисленностью и небольшимъ объемомъ валуновъ объясняется миниатюрность орудій, найденныхъ у Никольской Слободки; недостаткомъ кремня можно объяснить также и попытку отбивать орудія изъ розоватаго песчаника, неудачные отколки котораго обнаружены въ небольшомъ числѣ у Никольской Слободки между кремневыми отбивками (многочисленные осколки такого же песчаника найдены выше, у с. Вигуровщины). Изъ найденныхъ орудій только подправленные стрѣлы точно указываютъ своей формой на назначеніе; сюда можно еще прибавить скребки, но лишь сравнительно большіе; о примѣненіи же остальныхъ орудій можно говорить только предположительно.

Гончарство, судя по найденнымъ образцамъ, достигло довольно высокой степени совершенства. Сосуды, несмотря на незнакомство съ гончарнымъ кругомъ, имѣютъ правильныя

формы и украшены разнообразнымъ орнаментомъ, подчиненнымъ правиламъ симметріи. О назначеніи сосудовъ, по отсутствію данныхъ, трудно сказать что-нибудь опредѣленное.

Хотя на пескахъ у Никольской Слободки не было найдено шлифованныхъ орудій, по все-таки, принимая во вниманіе хорошую отдѣлку стрѣлъ и довольно высокое положеніе гончарства и, главнымъ образомъ, основываясь на аналогіи, мы можемъ отнести пребываніе человѣка у Никольской Слободки къ концу неолитическаго періода, и даже, можетъ быть, дальнѣйшія изслѣдованія еще приблизятъ принятое нами опредѣленіе эпохи.

Незначительность обнажившагося культурнаго слоя затрудняетъ опредѣленіе продолжительности пребыванія тамъ человѣка. Положеніе у воды, представляя различныя удобства для жизни, объясняетъ отчасти и темный на основаніи находокъ вопросъ о пищѣ,—пищей могли служить рѣчныя раковины и рыбы. Было ли пребываніе у Никольской Слободки постояннымъ, или только временнымъ,—вопросъ остается открытымъ. Въ первомъ случаѣ первобытный человѣкъ долженъ былъ устраивать на буграхъ и свои жилища; во второмъ можно сдѣлать предположеніе, что обитатели бугровъ, при наступленіи зимы, перебирались на другую сторону рѣки и жили въ пещерахъ, вырытыхъ въ лесѣ. Какъ разъ противъ Никольской Слободки, въ противоположномъ обрывистомъ берегу Днѣпра, при проложеніи спуска изъ Печерской горы къ Цѣпному мосту, была открыта въ 1853 г. пещера, впоследствии опять засыпанная. Хотя эта пещера, какъ и двѣ лаврскія, имѣетъ связь съ пустынножительствомъ, но, какъ справедливо полагаетъ проф. В. Б. Антоновичъ ¹⁾, начало ихъ можетъ быть отнесено къ болѣе ранней эпохѣ.

Къ сѣверу отъ Никольской Слободки на протяженіи 5-ти верстъ вплоть до с. Воскресенскаго тянется подъ лѣсомъ рядъ бугровъ, различной величины и формы; бугры покрыты тонкимъ слоемъ дерна. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дернъ разрушился, песокъ обнажился, и вслѣдствіе дѣйствія вѣтра образовались небольшія впадины; въ нихъ попадаются, хотя и въ незначительномъ количествѣ, аналогичные съ найденными у Никольской Сл. черепки и кремни, такъ что бугры эти являются продолженіемъ стоянки у Никольской Слободки.

У с. Воскресенскаго бугры принимаютъ болѣе правильную куполообразную форму и совсѣмъ обнажены. Находки и здѣсь были самыя незначительныя.

Рядомъ съ с. Воскресенскимъ идетъ ровная песчаная плоскость, не давшая никакихъ находокъ; только въ концѣ, гдѣ снова начинаются бугры, найдено нѣсколько отбивныхъ кремней и большая хорошо подправленная стрѣла. Эти же бугры расположены далѣе, вокругъ болота, отдѣляющаго с. Воскресенское отъ лежащаго выше с. Вигуровщины. Здѣсь, въ томъ мѣстѣ, гдѣ болото болѣе всего вдается въ берегъ, обнаружена небольшая площадка, сплошь покрытая осколками кремня, кусками ножей, цѣлыми жолами и скребками; тутъ же, какъ мы раньше упомянули, лежали осколки розоватаго песчаника, изъ котораго намѣревались приготовить орудія. Между черепками были одинаковые по орнаменту съ найденными у Никол. Сл., но нашлось также нѣсколько и особенныхъ; между ними заслуживаетъ вниманія орнаментъ елкой. Цѣлыхъ сосудовъ у с. Вигуровщины не было найдено, но намъ передавали мѣстные пастухи, что весной они часто находили въ песокъ „якисъ мыски“. Встрѣчались въ кучахъ черепки отъ распавшихся сосудовъ; между таковыми найдены куски горшка, въ стѣнкахъ котораго сдѣланы сквозныя, воронкообразныя отверстія, какъ кажется, проверченныя уже послѣ обжиганія; идутъ они рядами, не близко другъ отъ друга, отъ верха сосуда до самаго дна; трудно теперь судить о назначеніи сосуда, но несомнѣнно, что онъ удовлетворялъ какой-либо потребности въ домашнемъ быту, потребности общей и для другихъ поселеній первобытнаго человѣка, такъ какъ

¹⁾ Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. I, стр. 244.

такіе же черепки найдены и въ другихъ мѣстахъ по Днѣпру, а также и въ Волынской губ. (въ нашей коллекціи есть черепокъ изъ большой стоянки у с. Збранокъ, Волынской губерніи, Овручскаго уѣзда).

Быше с. Вигуровщины мы не простирали нашихъ изысканій, но въ этомъ мѣстѣ бугры, продолжаясь немного далѣе по направленію къ с. *Троещину*, прекращаются, и опять обнаруживаются, насколько намъ извѣстно, уже спусти большое пространство.

Ниже Никольской Слободки средняя терраса покрыта лѣсомъ, спускающимся вплоть до заливной долины; только версты двѣ ниже, въ выдающемся бугрѣ, отчасти обнаружившемся, найдено нѣсколько остріевъ изъ кремня и черепковъ.

Лѣсъ тянется внизъ по теченію на протяженіи 15 верствъ, считая въ прямомъ направленіи до с. *Гнѣдина*. У сс. *Гнѣдина* и *Вышенокъ*, расположившихся рядомъ, терраса поднимается и достигаетъ значительной высоты. Лѣсъ здѣсь прекращается, и поверхность состоитъ изъ обнаженныхъ небольшихъ бугровъ. На этихъ буграхъ найдена масса различныхъ предметовъ; собираніемъ ихъ въ настоящее время занимаются мѣстные крестьяне, доставляющіе находки священнику с. Вышенокъ *Θ. П. Яновскому*, которымъ уже было составлено нѣсколько коллекцій, обнимающихъ каменную, бронзовую и великокняжескую эпохи. Вслѣдствіе тщательнаго собиранія находки каменныхъ орудій сдѣлались теперь довольно рѣдки, тогда какъ раньше орудія можно было подбирать сотнями.

При личномъ обзорѣ этой мѣстности, культурнаго слоя нами не было замѣчено, но показалась заслуживающею вниманія обнаруженная на пескѣ противъ с. *Гнѣдина* куча разрозненныхъ костей отъ нѣсколькихъ скелетовъ; кости совсѣмъ почти обнажены отъ песка; на двухъ бедрахъ, принадлежавшихъ, вѣроятно, одному скелету, въ нижнихъ частяхъ находятся зеленныя пятна отъ окислившейся мѣди. Здѣсь, можетъ быть, мы имѣемъ дѣло съ мѣстомъ погребенія обитателей стоянокъ *Гнѣдина* и *Вышенокъ*, разслѣдованіе котораго принадлежитъ будущему.

Версть 20 ниже с. *Вышенокъ* у д. *Жеребятина* и с. *Койлова* встрѣтились лишь самые незначительные слѣды существованія тамъ стоянокъ первобытнаго человѣка.

Переходя теперь на другую сторону Днѣпра, начнемъ обзоръ мѣстности сверху.

Два мѣстонахожденія предметовъ доисторической старины находятся въ окрестностяхъ *самого Кіева*.

Первая изъ нихъ лежитъ на сѣверо-западѣ Кіева у предмѣстья *Пріорки*. Песчаные небольшіе бугры расположены вблизи городского лѣса и дали тѣ же находки, что и раньше описанныя стоянки; черепки съ аналогичнымъ орнаментомъ, куски кремней, ножички, скребки и подправленные стрѣлы. Культурный слой замѣчался только въ видѣ тонкаго налета, но зато встрѣтилось много кострищъ, иногда довольно большихъ. Вблизи этого мѣста въ Кирилловскихъ оврагахъ находятся пещеры, вырытыя въ лесѣ; по изслѣдованіи ихъ проф. В. Б. Антоновичемъ оказалось, что онѣ служили жилищемъ первобытному человѣку ⁴⁾.

У другого предмѣстья—*Верхней Соломенки* къ юго-западу отъ Кіева, между двумя оврагами, расположена надъ р. *Лыбедью* песчаная возвышенность, называемая *Лысой горою*. Она указана намъ проф. В. Б. Антоновичемъ, въ собраніи котораго находится нѣсколько найденныхъ тамъ предметовъ каменнаго вѣка. Кромѣ кремневыхъ стрѣлъ, ножей и скребковъ, встрѣтились здѣсь черепки съ орнаментомъ, болѣе мелкимъ, чѣмъ на предыдущихъ стоянкахъ. Культурнаго

⁴⁾ Чтенія въ Историч. Об. Нестора Лѣтописца, кн. I, стр. 244.

труды 8-го археол. съезда въ москвѣ 1890 г. т. III.

слоя почти нѣтъ. Изъ предметовъ же каменнаго вѣка нами найдены 2 бронзовыя плоскія стрѣлы. Попадаютъ здѣсь также и желѣзныя стрѣлы. Мы упоминаемъ объ этой мѣстности потому, что хотя она и не лежитъ на берегу Днѣпра, но находится близко отъ той линіи, на которой расположены стоянки.

Ниже Кіева, приблизительно верстъ на 10, у подошвы возвышеннаго берега, расположены рядомъ с. *Пирогово* и д. *Литовская Виша*. Между ними находится группа обнаженныхъ песчаныхъ бугровъ, давшихъ тѣ же находки, что и въ другихъ мѣстахъ. Слой песка, окрашенный въ темный цвѣтъ, проглядывалъ только изрѣдка, но кострища встрѣчались въ большомъ числѣ. Между черепками нашлось нѣсколько, принадлежавшихъ одному сосуду, сплошь покрытыхъ

Рис. 12

особеннымъ орнаментомъ изъ частыхъ углубленій, сдѣланныхъ острымъ орудіемъ. Тутъ же найдена половинка глинянаго грузила или скорѣе пряслица. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ, повидимому, обдѣлывался кремень, обнаружена масса осколковъ кремня; кремень, какъ и во всѣхъ прежде описанныхъ стоянкахъ, разноцвѣтный. Изъ отдѣланныхъ орудій найдено нѣсколько ножицъ и двѣ стрѣлы — одна съ выемкой, другая со стержнемъ. Между черепками и осколками попадались вывѣтрившіяся и даже окаменѣвшія кости, сильно измельченныя; онѣ встрѣчались также кучами. Возлѣ с. Пирогова въ лѣсѣ возвышеннаго берега по исчисленію проф. В. Б. Антоновича находится 6 пещеръ⁵⁾. Можетъ быть, послѣдующія изслѣдованія установятъ какунибудь связь между этими пещерами и стоянкой у с. Пирогова.

Отъ с. Пирогова до м. Триполья, т. е. на протяженіи 35 слишкомъ верстъ, мѣстность по правому берегу Днѣпра не вполне нами обследована, но у насъ есть данныя, на основаніи которыхъ можно предположить существованіе стоянки первобытнаго человѣка на половинѣ этого разстоянія, у хутора *Козина*.

СТОЯНКА У М. ТРИПОЛІЯ.

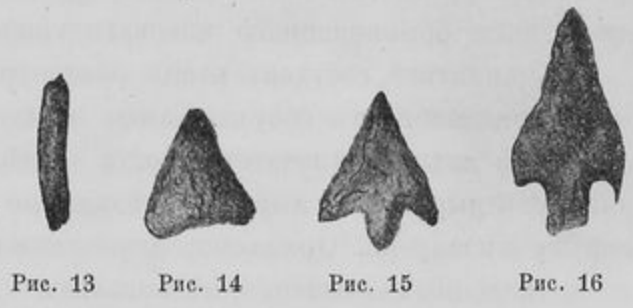
М. Триполье расположено на возвышенномъ берегу Днѣпра. Къ сѣверу отъ мѣстечка, между нимъ и с. *Злодіевкой*, впадаютъ въ Днѣпръ, или скорѣе въ заливъ Днѣпра, 3 рѣчки: сейчасъ за Трипольемъ р. *Красная* съ прудомъ, затѣмъ р. *Манька* и, наконецъ, подъ с. *Злодіевкой* — р. *Стучна*; послѣдняя значительнѣе остальныхъ. Рѣчки эти имѣютъ видъ рѣчекъ лишь во время половодья, по спадѣ же воды, ихъ всѣхъ можно перейти въ бродъ. Пункты находенія древнихъ предметовъ слѣдующіе: на правомъ берегу р. *Красной*, подлѣ огорода послѣдней крестьянской избы, гдѣ попадались только черепки и кости; затѣмъ, главное мѣсто стоянки лежитъ между устьями рр. *Маньки* и *Стучны* по берегу залива; далѣе стоянка продолжается и на другой сторонѣ

⁵⁾ Чтенія въ Истор. Об. Нестора Лѣтописца, кн. I, стр. 244.

Стучны *подъ с. Злодѣвкой*, но здѣсь находки были незначительны (рис. 12). Мѣстность между устьями Маньки и Стучны представляет пологій песчаный бугоръ; весеннія воды не заливаютъ только верхушки этого бугра, кругомъ же образуется громадное водное пространство, такъ какъ всѣ три рѣчки и Днѣпръ выступаютъ изъ береговъ и сливаются вмѣстѣ. Площадь, на которой сосредоточены различные культурные остатки, занимаетъ не болѣе 500 квад. саж.; все это мѣсто положительно сплошь покрыто черепками, между которыми попадаются кости, кремни и другіе камни, въ необдѣланномъ и обдѣланномъ видѣ; среди нихъ изрѣдка зеленѣютъ кусочки бронзы и вещи изъ нея; эти послѣднія главнымъ образомъ встрѣчаются въ центральномъ пунктѣ стоянки. Культурный слой обнаженъ не на всемъ пространствѣ; толщина его достигаетъ иногда $\frac{1}{2}$ арш.

Въ данномъ случаѣ, также какъ и при описаніи стоянки у Никольской Слободки, мы раздѣляемъ найденные здѣсь предметы на группы, именно: 1) орудія, 2) гончарныя издѣлія, 3) остатки пищи, 4) украшенія.

Орудія. а) *Каменные.* Изъ шлифованныхъ орудій встрѣтилось только два обломка діоритовыхъ молотковъ; у обоихъ сохранились части сверлиль. Кромѣ этихъ обломковъ найденъ еще кусокъ шлифованнаго діоритоваго цилиндра, 4 сант. въ поперечникѣ. На стоянкѣ найдено нѣсколько шлифованныхъ камней или точилъ; заслуживаютъ вниманія слѣдующіе: кусокъ песчаника, въ 7 см. въ поперечникѣ, почти овальной формы, одна сторона отшлифована; прекрасное точило изъ діорита въ видѣ бруска, 9 сант. длины, одна сторона его отшлифована хорошо, другія же только слегка; небольшой кусокъ также діоритоваго бруска, съ 4-хъ сторонъ отшлифованный. Типы кремневыхъ орудій такіе же, какъ и у Никольской Слободки, и отличаются такой же миниатюрностью. Больше всего найдено ножиговъ и ихъ обломковъ—до 30; почти всѣ они съ двумя рѣжущими краями. Острія въ настоящемъ смыслѣ не было найдено ни одного, но встрѣчались болѣе или менѣе подходящія подъ эту форму осколки. Между скребками, кромѣ миниатюрныхъ, (рис. 13) найдено нѣсколько сравнительно крупныхъ, большей частью продолговатыхъ. Среди подправленныхъ стрѣлъ попало нѣсколько штукъ типа неизвѣстнаго Ник. Слободкѣ, именно, со стержнемъ (рис. 15 и 16).

б) *Костяныя.* Только одинъ обломанный конецъ долота; въ $3\frac{1}{2}$ сант. длины; лезвіе хорошо отточено, ширина его 1 сант. съ небольшимъ.

в) *Бронзовыя.* Игла съ ушкомъ, немного согнутая и надломанная посрединѣ, $4\frac{1}{2}$ сант. длины, небольшое долотцо, въ 3 сант. длиной, одинъ конецъ плоскій, отточенный, другой—закругленный, приспособленный для всаживанія въ ручку.

Гончарство. Гончарный кругъ также не былъ въ употребленіи, и сосуды приготовлялись отъ руки. Глина большей частью хорошо выдѣланная, безъ примѣси кварца, или съ незначительнымъ процентомъ его. Обжигъ почти всегда полный, хотя и неравномѣрный; послѣ обжига сосуды принимали красный цвѣтъ, хотя встрѣчались и темные, даже совсѣмъ черные черепки; нашелся одинъ черепочекъ, покрытый дендритами. Плотность не уступаетъ современной. Толщина стѣнокъ отъ $1\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{2}$ сант. и тоньше. Размѣры сосудовъ различны — начиная отъ самыхъ маленькихъ и кончая довольно большими, какъ объ этомъ можно судить по оставшимся черепкамъ. Формы также разнообразны. Цѣлый сосудъ найденъ только одинъ, —это миниатюрный горшечекъ съ толстыми ($\frac{3}{4}$ сант.) стѣнками, сдѣланный довольно грубо, посрединѣ онъ расширяется. высота $5\frac{1}{2}$ сант., въ поперечникѣ 6 сант. (т. V, 1). Встрѣтилось затѣмъ нѣсколько

кусковъ отъ сосудовъ, вполне достаточныхъ для опредѣленія формы. Такимъ образомъ найдена часть сосуда, имѣвшаго видъ плоскаго глинянаго круга съ чуть-чуть загнутыми краями; сюда также примыкаетъ сосудъ гораздо лучшей выдѣлки и, повидимому, большихъ размѣровъ, съ высокими стѣнками, отогнутыми наружу; затѣмъ найдены: 2 обломка очень маленькихъ горшечковъ въ видѣ площадокъ; цѣлый бокъ сравнительно большаго сосуда, по формѣ напоминающаго современные горшки; онъ украшенъ орнаментомъ изъ углубленій, вдавленныхъ пальцемъ; довольно большая часть сосуда въ родѣ миски, чернаго цвѣта; бокъ и дно сосуда формы сходной съ вышеописаннымъ цѣлымъ, но гораздо больше его. Найдено также 7 кусочковъ отъ небольшихъ сосудовъ съ частыми сквозными дырочками.

Рис. 17

Большинство днищъ сосудовъ — плоскія, но есть нѣсколько другихъ у которыхъ вылеплены ножки, образовавшіяся отъ простаго углубленія въ глину (рис. 17). Ручки отъ сосудовъ попадались часто; ихъ найдено до 40 штукъ. Роль ручекъ могли сначала исполнять шишки, иногда двойныя, налѣпленные на сосудъ въ видѣ украшенія; затѣмъ онѣ удлиняются и все болѣе и болѣе принимаютъ видъ настоящей ручки, но прикрѣпленной къ сосуду только однимъ концомъ; послѣ начинаютъ прикрѣплять и другой конецъ, хотя ручки остаются все еще круглыми или четырехугольными; наконецъ, ручки принимаютъ видъ обыкновеннаго плоскаго ушка, иногда даже орнаментированнаго.

Орнаментика сосудовъ очень разнообразна и иногда довольно сложна. Украшался главнымъ образомъ верхъ сосуда. Самый простой видъ—это углубленія, сдѣланные пальцемъ, такъ что иногда виденъ отпечатокъ ногтя. Затѣмъ наиболѣе многочисленную группу составляетъ орнаментъ дырочками; дырочки сдѣланы не такъ старательно, какъ у Ник. Сл.; вдавлены онѣ снаружи и изнутри. Орнаменту дырочками не уступаетъ по своей многочисленности орнаментъ изъ налѣпленныхъ полосокъ, нѣсколькихъ (т. V, 2) или одной, иногда довольно толстой (т. V, 3); на этихъ полоскахъ въ свою очередь дѣлались углубленія, большей частью пальцемъ (т. V, 4). Далѣе, слѣдуетъ орнаментъ изъ прямыхъ линій (т. V, 5, 6 и 7) и изъ небольшихъ углубленій, часто соединенныхъ по нѣскольку вмѣстѣ и въ такомъ видѣ непрерывно повторяющихся. Изъ соединенія предыдущихъ образуются новые орнаменты. Изъ орнаментовъ, отличающихся отъ вышеуказанныхъ, отмѣтимъ орнаментъ въ видѣ птичьихъ лапокъ (т. V, 8), затѣмъ отпечатокъ, полученный отъ вдавливанія какой то плетенки (т. V, 9) и, наконецъ, сложный орнаментъ изъ прямыхъ линій (т. V, 10). Углубленія, сдѣланные пальцемъ, и нарѣзы покрываютъ иногда и самый ободокъ сосудовъ. Заслуживаетъ вниманія украшеніе изъ небольшихъ шишекъ, помѣщенныхъ въ средней части сосуда (т. V, 11).

Глиняныхъ грузилъ и пряслицъ найдено больше 25 штукъ, но цѣлыхъ встрѣтилось немного, все больше половинки. Собственно грузиломъ слѣдуетъ назвать только одинъ экземпляръ, котораго найдена лишь половина, изъ очень плотной глины.

Пряслицы готовились также и изъ черепковъ разбитыхъ сосудовъ; у Триполья найденъ черепочекъ, кругомъ обточенный и, вѣроятно, предназначавшійся для пряслицы; найдены также одна цѣлая и двѣ половинки уже готовыхъ пряслицъ изъ черепковъ съ дырочками по срединѣ. Попадаются пряслицы и орнаментированныя.

Остатки пищи. На пескѣ, среди черепковъ, попадались зубы и кости разныхъ животныхъ; между ними нашлись двѣ большія трубчатые кости, разбитыя и давшія продольныя трещины. Всѣ кости принадлежатъ животнымъ, до сихъ поръ живущимъ; онѣ большей частью очень вывѣтрившись, иногда покрыты дендритами; есть нѣсколько со слѣдами огня. Но вообще костямъ, найденнымъ на поверхности, мы не придаемъ большаго значенія, такъ какъ присутствіе ихъ можетъ быть и случайное. Гораздо важнѣе открытая нами изъ песка куча сильно обуглившись костей; судя по одному позвонку, кости принадлежатъ крупному млекопитающему, быть можетъ, быку.

Украшения. Къ числу украшеній можно отнести небольшія и легкія пряслицы, въ особенности тѣ, которыя сдѣланы изъ черепковъ и могли служить бусами. Такимъ же украшеніемъ служилъ можетъбыть найденный тамъ же небольшой глиняный цилиндрикъ съ перехватомъ по срединѣ, орнаментированный точками.

Изъ бронзовыхъ украшеній назовемъ тоненькія пластинки, свернутыя въ трубочки разной величины, спираль изъ плоской проволоки, пластинки въ формѣ трапеціи съ колечкомъ для пришиванія, покрытая рядами выбитыхъ точекъ. Наибольше интересной представляется часть фибулы римскаго типа; игла ея не сохранилась, но въ томъ мѣстѣ, гдѣ должна была прикрѣпляться, замѣтны слѣды желѣзной ржавчины. Совершенно аналогичныя фибулы, сдѣланныя изъ бронзы и желѣза, обнаружены на Кавказѣ, въ могилахъ, относимыхъ къ III в. по Р. X. Въ центральной части стоянки найдено на одномъ мѣстѣ 6 широкихъ бронзовыхъ полуколецъ, 3 вывѣтрившіяся бусы изъ композиціи и нѣсколько кусочковъ бронзы, — все это вмѣстѣ составляло какое-то украшеніе, возстановить форму котораго не удалось. Кромѣ этихъ болѣе крупныхъ и цѣлыхъ вещицекъ, встрѣтилось много обломковъ колецъ, пряжекъ, браслетовъ и разныхъ другихъ бронзовыхъ украшеній.

Попадались также на этой стоянкѣ куски стеклянныхъ браслетовъ и стеклянныя бусы; найдена между прочимъ сережка изъ бронзоваго колечка съ двойной золотистой бусинкой. Мы пока не рѣшаемся приписать употребленіе этого рода предметовъ обитателямъ стоянки и оставляемъ этотъ вопросъ въ сторонѣ до нахожденія точныхъ данныхъ.

Заканчивая перечень предметовъ, найденныхъ у м. Триполья, нужно добавить, что здѣсь встрѣтилось нѣсколько кусковъ желѣзныхъ перержавленныхъ ножицъ и большой желѣзный рыболовный крючекъ.

Бросая общій взглядъ на стоянку у м. Триполья, мы прежде всего должны констатировать мѣстное производство каменныхъ орудій. Доказательствомъ приготовления кремневыхъ отбивныхъ орудій служатъ многочисленныя осколки кремня, а также два миниатюрныя нуклеуса, изъ которыхъ замѣчательны въ особенности одинъ по своей правильной формѣ. Тутъ же, быть можетъ, дѣлали и шлифованныя орудія, на что указываютъ шлифовальныя камни.

Глиняныя издѣлія готовились также на мѣстѣ, — что доказывается тѣми кусками глины, которые нашлись между черепками; они, вѣроятно, случайно попали въ огонь и тамъ были обожжены, а потому и сохранились до сихъ поръ; одинъ изъ нихъ изъ хорошо мятой глины другой — съ густой примѣсью кварца; на одномъ кускѣ даже видны слѣды руки. Гончарство стоянки у м. Триполья въ выдѣлкѣ сосудовъ достигло предѣловъ, дальше которыхъ безъ помощи гончарнаго круга и нельзя было идти. Орнаментъ на сосудахъ отличается правильнымъ и сложнымъ рисункомъ.

Что касается бронзовыхъ предметовъ, обнаруженныхъ на этой стоянкѣ, то здѣсь важно было бы установить отношеніе ихъ къ предметамъ каменнаго вѣка: употреблялись ли они вмѣстѣ съ послѣдними, или явились позднѣе, составляютъ ли непосредственное продолженіе болѣе древней культуры, или стоятъ независимо отъ нея. На всѣ эти вопросы отвѣтить въ томъ или другомъ смыслѣ пока еще нельзя, такъ какъ обстоятельства находки этихъ предметовъ не даютъ намъ требуемыхъ для рѣшенія данныхъ: предметы найдены не въ послѣдовательно залегающихъ слояхъ, а перемѣшанными на одной поверхности.

Вопросъ о мѣстномъ или чужеземномъ происхожденіи бронзовыхъ предметовъ также не вполне ясенъ. Съ одной стороны, здѣсь есть предметы, (какъ напр. фибула), чужеземное происхожденіе которыхъ почти несомнѣнно; съ другой стороны мы имѣемъ нѣкоторыя данныя, указывающія на мѣстную обработку бронзы; — это прежде всего, часть (дно, остатки стѣнокъ и ручка) небольшого сосуда (рис. 18 и 19), служившаго, повидимому, тиглемъ для плавки бронзы;

слѣды послѣдней сохранились какъ внутри, такъ и снаружи тигля; затѣмъ кусочки мѣдной жу-
велицы и не большой кусочекъ бронзовой проволоки, служившей, повидимому, матеріаломъ для
выдѣлки мелкихъ вещицъ.

На основаніи сдѣланныхъ находокъ стоянку у м. Триполья можно отнести такъ же, какъ и
стоянку у с. Никольской Слободки, къ
концу неолитической эпохи и даже,
пожалуй, ко времени переходному отъ
каменнаго вѣка къ металлическому.

Рис. 18

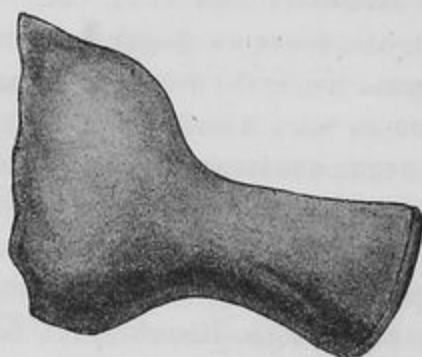

Рис. 19

Бугоръ у м. Триполья былъ вре-
менной стоянкой, такъ какъ весной
покрывался водой. Судя по толщинѣ
культурнаго слоя, посѣщенія этого
мѣста были довольно часты.

Въ заключеніе нужно упомянуть,
что у с. Злодѣвки проф. Антоновичемъ

также обнаружена пещера, вырытая въ лесѣ ¹⁾.

Сравнивая всѣ вышеописанныя стоянки, мы должны констатировать сходство ихъ. Сход-
ство это выражается прежде всего въ одинаковомъ мѣстоположеніи: на открытыхъ песчаныхъ
буграхъ, у рѣки; далѣе, и главнымъ образомъ, въ тожество находимыхъ на стоянкахъ пред-
метовъ какъ изъ камня, такъ и изъ глины. Различіе между стоянкой у Никольской Слободки
и у м. Триполья, заключающееся въ томъ, что на послѣдней найдены бронзовые предметы, мо-
жетъ быть объяснено недостаточнымъ обнаженіемъ культурнаго слоя у Никольской Слободки;
тоже самое можно сказать и по отношенію къ другимъ незначительнымъ стоянкамъ. Кромѣ
того, мы имѣемъ свѣдѣнія, что и на буграхъ у с. Вышенокъ также найдены бронзовыя орудія.
Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ право приписать стоянки по берегамъ р. Днѣпра одному и
тому же племени, съ одинаковымъ культурнымъ развитіемъ.

Нами обследована только незначительная часть теченія р. Днѣпра. Но несомнѣнно, что и
въ другихъ мѣстахъ по берегамъ будутъ открыты аналогичныя стоянки первобытнаго человѣка.
И мы увѣрены, что послѣдующія изслѣдованія, веденныя систематически и надлежащимъ
образомъ обставленныя, добудутъ гораздо больше матеріала для уясненія быта нашихъ пред-
ковъ, чѣмъ это могли сдѣлать мы нашими посильными изысканіями.

¹⁾ Чтенія въ Историч. Об. Нестора Лѣтописца, кн. 1, стр. 244.

О происхождении русских и польских Славянъ и причинъ появленія кладовъ римскихъ монетъ въ землѣ древнихъ Руссовъ и Ляховъ.

Д. Я. САМОКВАСОВА.

Первостепенные вопросы русской исторіи и археологій, — о происхождении русской народности и причинъ появленія кладовъ римскихъ монетъ императорской эпохи въ землѣ древнихъ Руссовъ, — по моему убѣжденію, имѣютъ между собою тѣсную историческую связь.

Подъ происхожденіемъ даннаго народа разумѣется процессъ образованія этнографическихъ признаковъ, которыми этотъ народъ отличается отъ другихъ народовъ родственнаго происхожденія. Поясню это опредѣленіе примѣрами. Въ V вѣкѣ еще не было Англичанъ, въ смыслѣ нынѣ существующаго англійскаго этнографическаго типа, образовавшаго свои этнографическія особенности послѣ завоеванія Бриттовъ Англо-Саксами. Въ эпоху Юлія Цезаря и Тацита еще не было нынѣ существующихъ этнографическихъ типовъ нѣмецкаго, шведскаго и французскаго, возникшихъ на глазахъ исторіи изъ древне-германскаго этнографическаго корня, обитавшаго въ эпоху Юлія Цезаря и Тацита между Рейномъ и Эльбою. Точно также въ VI вѣкѣ еще не было нынѣ существующихъ славянскихъ этнографическихъ типовъ русскаго, польскаго, чешскаго, сербскаго и болгарскаго, возникшихъ на глазахъ исторіи изъ общаго имъ праславянскаго корня; по свидѣтельству историковъ современниковъ въ VI вѣкѣ Славяне представляли собою три народа: Венеты, Анты и Склавы, различавшіеся географически, но говорившіе еще однимъ языкомъ ¹⁾.

Въ какой географической области обиталъ обще-славянскій или праславянскій этнографическій типъ, и когда этотъ типъ разорвался географически, и подъ влияніемъ различія мѣстныхъ

¹⁾ „Къ Дунаю прилежитъ Дакія, какъ вѣнцомъ огражденная высокими горами, по лѣвой сторонѣ которыхъ и отъ вершинъ р. Вислы, на неизмѣримомъ пространствѣ, обитаетъ многолюдный народъ Венедскій. Название этого народа, хотя нынѣ измѣняется, по различію племенъ и поселеній, но преимущественно они называются Славянами и Антами.... *Венеты*, какъ я сказалъ уже выше, *происходя отъ одного народа, въ настоящее время составляютъ уже три народа: Венеты, Анты и Склавы*“. (Jornandis: De Gothorum origine; cap. V et XXIII). „Всѣ славянскіе народы (cuncti Slavinoꝝ populū) свободно пропустили Геруловъ чрезъ свои земли.... Меотійскій заливъ впадаетъ въ Понтъ Эвксинскій; тамошніе обитатели извѣстны были прежде подъ именемъ Киммерійцевъ, а нынѣ называются уже Утургурами. Дальнѣйшія области на сѣверъ занимаютъ безчисленные народы Антовъ (Populi Antarum infiniti)... *у Славянъ и Антовъ одинъ языкъ, очень трудный... они занимаютъ великое пространство земли; большая часть земель по ту сторону Истра принадлежитъ имъ*“. Proc. Bel. Goth. кн. XI, гл. 15; кн. IV, гл. 4; кн. III, гл. 14.

условія жизни, образовалъ новѣйшіе славянскіе этнографическіе типы, а между ними и народности русскую и польскую?

Прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ древнѣйшій изъ сохранившихся славянскихъ лѣтописцевъ въ Начальномъ Русскомъ Лѣтописномъ Сводѣ, гдѣ говорится слѣдующее: „Поселились Славяне по Дунаю, гдѣ нынѣ земли Венгерская и Болгарская. Отъ тѣхъ Славянъ разошлись Славяне по землѣ и назвались разными именами въ разныхъ мѣстахъ: поселившіеся на рѣкѣ Моравѣ назвались Моравами, а другіе назвались Чехами; тѣ же Славяне Бѣлые Хорваты и Сербы и Хорутане. *Когда же Волохи напали на Славянъ дунайскихъ*, поселились между ними и стали притѣснять ихъ, то часть Славянъ выселилась на Вислу и прозвалась тамъ Ляхами; а отъ этихъ Ляховъ одни прозвались Полянами, другіе Лутичами, иные Мазовшанами, иные Поморянами. Такіе же Славяне пришли и поселились по Днѣпру и назвались одни Полянами, а другіе Древлянами, потому что поселились въ лѣсахъ; а другіе поселились между Припетью и Двиною и назвались Дреговичами; иные поселились на Двинѣ и назвались Полочанами, именемъ рѣки Полоти, впадающей въ Двину; Славяне же, поселившіеся около озера Ильменя, сохранили свое имя, сдѣлали городъ и назвали его Новгородомъ; а другіе поселились по Деснѣ, по Сейму, по Сулѣ и назвались Сѣверянами. *Такъ разошелся славянскій народъ*“²⁾.

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ ясно видно, что древнѣйшій славяно-русскій лѣтописецъ различалъ двѣ эпохи славянской колонизаціи въ Европѣ: праславянскую, древнѣйшую, до нашествія Волоховъ, когда Славяне жили только въ придунайскихъ областяхъ Европы и составляли тамъ одинъ народъ, говорившій однимъ славянскимъ языкомъ, и позднѣйшую, послѣ покоренія Славянъ Волохами, когда праславяне выдвинули свои колоніи въ центральныя области Европы, гдѣ они, по различію областей, назвались разными именами и образовали въ восточныхъ областяхъ центральной Европы народность славяно-русскую, а въ западныхъ славяно-ляшскую.

Кто же были Волохи, по свидѣтельству лѣтописца, завоевавшіе славянскую прародину и принудившіе нашихъ предковъ оставить придунайскія области и колонизировать побережья Вислы, Днѣпра, Десны, Сулы и другихъ рѣкъ центральной Европы? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ опредѣленіе времени, въ которое, по историческимъ свѣдѣніямъ древнѣйшаго славянскаго лѣтописца, имѣло мѣсто географическое разобщеніе праславянъ и послѣдовавшее затѣмъ образованіе новѣйшихъ народностей славяно-русской и славяно-ляшской.

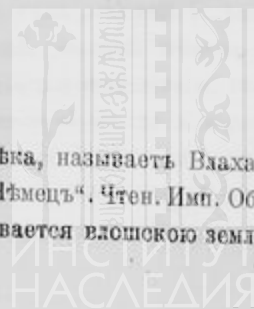
Прежде всего необходимо опредѣлить, какой народъ называлъ Волохами самъ лѣтописецъ. Несомнѣнно, лѣтописецъ разумѣлъ Итальянцевъ, и въ частности Валаховъ, какъ потомковъ древнихъ Итальянцевъ—Римлянъ. Въ перечисленіи европейскихъ странъ лѣтописецъ называетъ *Италію землею волошьскою*³⁾, а въ разсказѣ о движеніи Угровъ въ придунайскія страны говоритъ онъ слѣдующее: *почаша воевати на жуцая ту Волохи и Словѣни. Сѣдяху бо ту преже Словѣни, и Волъхове пріяша землю славѣньску; посемъ же Угри прогнаша Волохи, и наслѣдиша землю, и сѣдоша съ Словѣны, покоривше я подъ ся: оттолѣ прозвася земля Угорьска*⁴⁾. Что лѣтописецъ подъ Волохами разумѣлъ не Кельтовъ, какъ думалъ Шафарикъ, и не Лонгобардовъ, какъ думалъ Шлецеръ, а Итальянцевъ, доказывается еще и тѣмъ, что Славяне называли въ эпоху Нестора и называютъ до настоящаго времени Волохами только Итальянцевъ—Римлянъ.⁵⁾

²⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. I, стр. 3.

³⁾ „Сѣдять къ западу до землѣ агнянски и до Волошьски“. Тамъ же, стр. 2.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 10.

⁵⁾ Болгаринъ Святый Климентъ, въ „Житіи Меводія“, по харатейному списку XII вѣка, называетъ Влахами Итальянцевъ—Римлянъ: „Суть въ ны вышли учители мнози крестьяни изъ Влахъ, изъ Грекъ и изъ Нѣмецъ“. Чтен. Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. 1865 г., кн. 1, отд. 3, стр. 5. Въ „Полинодіи“ З. Копыстенскаго „Италія называется влшскою землею

Къ какому же времени должно отнести лѣтописный фактъ завоеванія дунайскихъ Славянъ Итальянцами, а слѣдовательно, и эпоху движенія Славянъ изъ придунайскихъ областей въ центральныя области Европы? Исторія Европы знаетъ только одинъ фактъ завоеванія придунайскихъ областей жителями Италіи, — это время завоеванія римскимъ императоромъ Траяномъ придунайскаго царства Гетовъ. Историки-современники, оставившіе описаніе борьбы Римлянъ съ Гетами и обращенія царства Гетовъ въ римскую провинцію Дакію, свидѣтельствуютъ, что „многія дакійскія племена, убѣгая отъ римскаго рабства, оставили свою родину и выселились за Карпаты“⁶⁾. Это свидѣтельство и моментъ завоеванія царства Гетовъ Римлянами вполне соотвѣтствуютъ свидѣтельству русской лѣтописи о завоеваніи Славянъ Волохами на Дунаѣ и обстоятельствахъ колонизаціи нашихъ предковъ изъ областей дунайскихъ въ центральныя области Европы. Другого подобнаго момента не знаетъ исторія славянской прародины.

Но въ такомъ случаѣ, предками русскихъ и польскихъ Славянъ, завоеванными на Дунаѣ Волохами, должны быть признаны Геты (греческое имя) или Даки (латинское имя) времени римскаго императора Траяна. Можно ли оправдать это заключеніе историческими фактами, имѣющимися въ распоряженіи науки нашего времени? Въ нашемъ распоряженіи цѣлый рядъ фактовъ, доказывающихъ, что древнѣйшій славянской лѣтописецъ имѣлъ право назвать и дѣйствительно назвалъ Славянами дунайскихъ Гетовъ или Даковъ времени гетскаго царя Децебала и римскаго императора Траяна.

Греческій историкъ Левъ Діаконъ Калойскій, описывая погребеніе воиновъ русскаго князя Святослава, убитыхъ подъ Дористоломъ въ войнѣ съ Іоанномъ Цимисхіемъ, называетъ Замолксиса древнимъ учителемъ Руссовъ и предполагаетъ, что онъ научилъ ихъ уважаемымъ эллинскимъ таинствамъ, соблюдаемымъ при погребеніи⁷⁾. Изъ этого свидѣтельства слѣдуетъ, что по мнѣнію Льва Діакона Калойскаго предками Славяно Руссовъ были Геты, такъ какъ Замолксисъ былъ мудрецъ гетскаго происхожденія и учитель Гетовъ⁸⁾.

Другой греческій историкъ, Θεοφιλακτὴρ Симоката, часто употребляетъ имена Гетовъ и Славянъ, какъ названія одного народа, и даже прямо утверждаетъ, что названіе Геты есть древнѣйшее имя славянъ⁹⁾.

Прискъ Панійскій, членъ посольства императора Θεοδοσία II къ Аттилѣ, царю Гунновъ, проѣзжалъ области по Дунаю, составлявшія древнюю Гетику или Дакію. Онъ встрѣтилъ здѣсь населеніе, говорившее языкомъ, отличнымъ отъ языковъ греческаго, римскаго и нѣмецкаго. Сохранились только два слова этого языка времени Приска Панійскаго: „медось“ — названіе напитка, замѣнявшаго вино, и „кавосъ“ — названіе напитка, приготовлявшагося изъ ячменя. „Эти слова до сихъ поръ существуютъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ и не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что языкъ, который употреблялся въ Гетикѣ или Дакіи половины V вѣка, называемый Прискомъ скифскимъ языкомъ, былъ языкъ славянской“¹⁰⁾.

и въ то же время *Римъ и Влохи являются такими же однозначашами географическими единицами, какъ и у Нестора*“ (см. Труды Кіевской Духовной Академіи, 1885 годъ, февраль, № 2; ст. В. Завитневича, стр. 281—283). И теперь еще западные и южныя Славяне называютъ Итальянцевъ Влохами и Влахами (у Поляковъ — Влохъ, у Чеховъ — Влахъ). Продукты Италіи и теперь еще называются у русскихъ и польскихъ Славянъ волошскими (волошскіе орѣхи, волошская капуста и пр.). Жители славянскихъ селеній въ южной Италіи, на вопросъ: какъ обращаются съ ними итальянцы? отвѣчаютъ: „*Власи су добра челядь*“ (см. Макушева: О Славянахъ молизскаго графства, стр. 7 и 8).

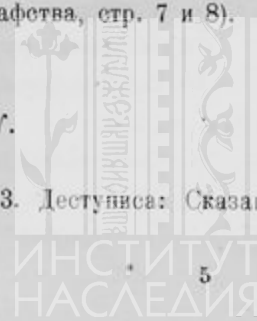
6) См. Д. Я. Самоквасова: Происхожденіе Славянъ, стр. 84.

7) Левъ Діаконъ Калойскій, кн. IX, гл. VI, стр. 149—150.

8) См. географію Страбона, кн. VII, гл. VII, § 5. Юрнанда: De Gethorum origine, гл. V.

9) Θεοφιλακτὴρ, Исторія; кн. III, гл. IV; кн. VI, гл. VI; кн. VII, гл. II.

10) См. Дринова: Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами, стр. 68, 69, изд. 1873. Дестуниса: Сказанія Приска Панійскаго, стр. 46—50.

Въ славянскомъ язычествѣ важное значеніе имѣлъ праздникъ календа—коляда, одинаково почитаемый у Славянъ южныхъ, западныхъ и восточныхъ. Этотъ праздникъ и его названіе несомнѣнно заимствованы Славянами отъ римскихъ *calendae*, въ чемъ удостовѣряютъ этимологическое сходство славянскаго и римскаго названія и прямыя историческія свидѣтельства ¹¹⁾. Но римскій праздникъ и римское его названіе могли быть заимствованы русскими и польскими Славянами только въ эпоху географическаго и политическаго единенія всѣхъ Славянъ въ дунайской прародинѣ и общаго ихъ столкновенія съ римскимъ вліяніемъ; а такимъ моментомъ славянской исторіи была только эпоха господства въ Дакии императора Траяна и его преемниковъ.

Имя царя Траяна играетъ важную роль въ преданіяхъ южныхъ, западныхъ и восточныхъ Славянъ. „Откровеніе св. апостоль“, изданное по рукописи XIV вѣка, называетъ Траяна въ числѣ древне-славянскихъ боговъ: „имяше боги мнози: Перуна и Хорса, Дья и Трояна, и ины мнози“, и далѣе поясняетъ, что „Троянъ бже царь въ Римъ“ ¹²⁾. Въ „хожденіи Богородицы по мукамъ“, изд. по рукописи XII вѣка, точно также, рядомъ съ Хорсомъ, Велесомъ и Перуномъ, именуется древне-славянскій богъ Троянъ ¹³⁾. Въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“ упоминаются: тропа Трояна, земля Трояна, седьмой вѣкъ Трояна и „вѣчи Трояна“, относимыя сказаніемъ къ древнѣйшему періоду исторіи Славянъ, отъ которыхъ оно ведетъ свое лѣтосчисленіе ¹⁴⁾. Одна древнеболгарская пѣсня воспѣваетъ царя Траяна, какъ владѣтеля несмѣтныхъ сокровищъ; одна древне-сербская сказка смѣется надъ царемъ Трояномъ и т. д. ¹⁵⁾. Какой же это царь Траянъ или Троянъ, извѣстный сказаніямъ всѣхъ новѣйшихъ славянскихъ народностей, восточныхъ, западныхъ и южныхъ? Славянская исторія не знаетъ другого царя Траяна, кромѣ римскаго царя, покорившаго царство Гетовъ или Даковъ и вытеснившего, по свидѣтельствамъ Діона Кассія, Евтропія и Флоріана, многія придунайскія племена въ закарпатскія страны.

Слѣдовательно, свидѣтельства славяно-русскаго лѣтописца о дунайской славянской прародинѣ, о Волохахъ—Итальянцахъ, завоевавшихъ нашихъ предковъ на Дунаѣ, и отождествленіе этого факта съ завоеваніемъ царства Гетовъ Римлянами въ эпоху императора Траяна должны быть признаны основанными на древнихъ историческихъ данныхъ и должны быть признаны соотвѣтствующими исторической дѣйствительности,

Сопоставляя съ этимъ выводомъ новѣйшіе факты русской археологіи, состоящіе въ открытіи множества римскихъ серебряныхъ монетъ эпохи цезаря Траяна и его ближайшихъ преемниковъ въ землѣ древнихъ Руссовъ и Ляховъ, на пространствѣ между Волгою и Эльбою, мы усматриваемъ въ этомъ фактѣ прямое подтвержденіе сказанному историческому выводу о времени завоеванія нашей прародины Римлянами и колонизаціи нашихъ предковъ на побережьяхъ рѣкъ Вислы, Днѣпра, Десны и др. въ эпоху владычества Гимлянъ въ Дакии.

Фактъ открытія римскихъ монетъ въ землѣ древнихъ Ляховъ, на пространствѣ между Эль-

¹¹⁾ Шестой вселенскій соборъ 1691 года строго запретилъ христіанамъ отправлять языческіе праздники *латинскаго происхожденія*: воту и „*сице маголемия коляды*“. (См. Буслаева: Ист. церк. слав. и русскаго языка; с. 381). Въ толкованіи на шестидесятое постановленіе шестого собора, въ которомъ заключается сказанное запрещеніе, говорится слѣдующее: „*каланди суть первіи въ каждомъ мѣсяци дни, въ нихъ же обычаи бѣ Еллиномъ творити жертвы*“. (Тамъ же; стр. 383). Особенною честью пользовались у Римлянъ календы январскія, относительно которыхъ соборомъ постановлено специальное запрещеніе: „*аще кто въ первый день Января на каляду идетъ, якоже первое поганья творяху*“.... (См. Словарь Миклошича, подъ словомъ „коляда“).

¹²⁾ См. Лѣтоп. русск. литер. и древн.; кн. V, отд. матер. стр. 5. Востокова; Словарь церк.-слав. яз., т. II, стр. 282.

¹³⁾ См. Тихонравова: Памятники отреч. лит. 1863 г.; 11, с. 23. Срезневскаго: Древ. памят. Русск. яз. и письма; 1863 г.; с. 205.

¹⁴⁾ Слово о полку Игоревѣ, изд. Пушкина; стр. 6, 14, 19, 35. Изд. Тихонр.; стр. 2, 4, 5 и 10.

¹⁵⁾ См. Болгар. народ. пѣсни, собр. отъ брат. Милодиновци; стр. 38—41. Чолакова: Болг. народн. сборникъ; 1872 г. с. 115. Словарь сербск. яз. Кораджича; подъ словомъ Троянъ.

бою и Вислою, давно извѣстенъ и давно вызывалъ попытки объясненія причины появленія Римскаго серебра въ центральныхъ областяхъ Европы. Еще польскій историкъ Мѣховита († 1523 г.) обратилъ вниманіе на находки въ Польшѣ монетъ цезаря Адріана и думалъ, что „Аланы занесли изъ Галліи въ Польшу разныя монеты цезаря Адріана“. Нѣмецкій историкъ первой четверти XVIII ст., Либкнехтъ, также предполагалъ, что „монеты римскихъ цезарей были потеряны въ славянскихъ земляхъ позднѣйшими пришельцами“. Но уже Чацкій доказалъ, что такое объясненіе невѣрно, такъ какъ „монеты римскихъ императоровъ встрѣчаются въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ не было Аланъ, да притомъ онѣ древнѣе всякихъ позднѣйшихъ пришельцевъ“. Нѣкоторые пытались объяснить появленіе римскихъ монетъ въ славянскихъ земляхъ предположеніемъ существованія греческихъ колоній въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ встрѣчаются сказанныя монеты; но и это предположеніе не можетъ быть принято, какъ совершенно голословное и не оправдываемое историческими данными. Наконецъ, господству ющимъ объясненіемъ сказаннаго факта является предположеніе торговыхъ сношеній Римлянъ съ Балтійскимъ побережьемъ, изобилующимъ янтаремъ, ради котораго якобы Римляне посѣщали Балтійское побережье, и покупая у мѣстныхъ жителей янтарь, снабжали ихъ римскимъ серебромъ. Эта теорія впервые была высказана нѣмецкимъ историкомъ Байеромъ, а затѣмъ, была принята Крузе, Момзенемъ, Гильдебрандтомъ, Вибергомъ, Крашевскимъ и др. Въ позднѣйшее время краковскій Академикъ Садовскій, на основаніи находокъ римскихъ монетъ, издалъ сочиненіе „О торговыхъ путяхъ Грековъ и Римлянъ чрезъ побережья Одера, Вислы, Днѣпра и Нѣмана къ берегамъ моря Балтійскаго“¹⁶⁾. Содержаніе и аргументація этой теоріи подробно изложены нами въ изслѣдованіи „О происхожденіи Русскихъ Славянъ“, вошедшемъ въ составъ второго выпуска нашей „Исторіи Русскаго Права“, напечатаннаго въ 1884 году въ Варшавѣ.

Сущность аргументаціи теоріи Садовскаго и его предшественниковъ, основанной на фактахъ открытія римскихъ монетъ императорской эпохи въ центральныхъ областяхъ Европы, заключается въ слѣдующемъ. На побережьяхъ Одера, Вислы, Нѣмана и нижняго теченія Днѣпра встрѣчаются предметы римскаго искусства и римскія монеты императорской эпохи. Эти находки свидѣтельствуютъ, что Римляне посѣщали центральныя области Европы, принадлежавшія варварскимъ народамъ. Съ какою же цѣлью они туда ѣздили? У Плинія Младшаго сохранилось извѣстіе, по которому императоръ Неронъ командировалъ римскаго всадника разузнать, гдѣ находится страна, въ которой добывался янтарь, приходившій въ римскую имперію чрезъ посредство Венетовъ? Командированный всадникъ нашелъ эту страну и привезъ въ Римъ много янтара, употребленнаго на украшеніе цирка, построеннаго Нерономъ. Слѣдовательно, заключаетъ теорія, Римляне посѣщали „янтарное Балтійское побережье“ открытое всадникомъ Нерона, и вымѣнивали у мѣстныхъ варваровъ янтарь на предметы римскаго искусства вообще и въ частности на римскія монеты. Гдѣ встрѣчаются римскія монеты и другіе предметы римскаго искусства, тамъ были Римляне, торговаршіе балтійскимъ янтаремъ.

Провѣряя аргументацію этой теоріи, мы нашли, что она противорѣчитъ свидѣтельствамъ историковъ-современниковъ, съ одной стороны, и фактамъ русской археологіи, открытымъ въ послѣднія десятилѣтія, съ другой стороны.

По смыслу подлинника свидѣтельства Плинія, посѣщеніе римскимъ всадникомъ при Неронѣ страны янтара было фактомъ исключительнымъ, единачнымъ¹⁷⁾, и эта страна и всѣ области

¹⁶⁾ Drogi hand. Grec. u Rzym. przez porzécza Odry, Wisly, Dniepra i Niemana do wybrz. morza Balt. W Krakowie. 1876 r.

¹⁷⁾ „Arboris succum esse prisci nostri credere, ob id succinum adpellantes... et inde Veneti primum, quos Graeci Enetos vocabant, famam rei fecere proximae Pannoniae, id accipientes circa mare Adriaticum... Sexcentis fere M pass a Carnunto. Pannoniae abest litus id Germaniae, ex que invenitur, per cognitum nuper. Vidit enim Eques Romanus, missus

центральной Европы, лежавшія между Эльбою и Днѣпромъ, оставались до Нерона и послѣ него внѣ непосредственныхъ торговыхъ, военныхъ и какихъ бы то ни было римскихъ сношеній. Это прямо и единогласно свидѣтельствуютъ историки-современники: Юлій Цезарь, Страбонъ и Тацитъ, а другихъ историческихъ источниковъ отъ этого времени не имѣется.

По свидѣтельству Юлія Цезаря, въ его время всѣ области на востокъ отъ Эльбы, простиравшіяся по Балтійскому побережью и далѣе на шестьсотъ миль, представляли собою совершенно безлюдныя пустыни, потому что, объясняетъ историкъ, въ южной Германіи обиталъ многолюдный и сильный народъ Свевы, а сильные варварскіе народы не дозволяютъ жить вблизи своихъ владѣній другимъ народамъ и окружаютъ ихъ границы обширными пустынями ¹⁸⁾.

По свидѣтельствамъ Страбона, въ его время была извѣстна только Германія, лежавшая между рѣками Рейномъ и Эльбою, съ которой Римляне познакомились въ эпоху походовъ Юлія Цезаря. Всѣ страны, лежавшія за Эльбою и простиравшіяся по Балтійскому побережью и далѣе, оставались Римлянамъ совершенно неизвѣстными; никто изъ Римлянъ не заходилъ въ мѣстности за Эльбою ни водою, ни сухимъ путемъ ¹⁹⁾.

По свидѣтельствамъ Тацита, въ его время, во II в. по Р. Х., области Европы, лежавшія на востокъ отъ Эльбы и сама Эльба были извѣстны Римлянамъ только по слуху. Римляне имѣли непосредственныя торговыя сношенія только съ народами Германіи, обитавшими вблизи границъ Римской имперіи. *Народы же сѣверной Германіи, обитавшіе на востокъ отъ Эльбы и вообще удаленные отъ границъ Римской имперіи, не цннили ни золота, ни серебра и не принимали римской монеты, а торговыя сдѣлки между собою совершали способомъ обмена товара на товаръ.* Сосѣдніе Римской имперіи германскіе народы, производившіе торговыя сношенія съ Римлянами, предпочитали старую монету новой и серебряную золотой, потому что мелкая серебряная монета была для нихъ удобнѣе при ихъ недорогихъ покупкахъ ²⁰⁾.

ab id comparandum a Juliano curvante gladiatorum manus Neronis Principis, qui haec commercia et litora peragravit". C. Plinii Secundi: Historia Naturalis; L. XXXVII, C. XI.

¹⁸⁾ Publice maximam putant esse laudem, quam latissime a suis finibus vacare agros: hac re significari, magnum numerum civitatum suam vim sustinere non posse. *Itaque una ex parte a Suevis circiter millia passunt DC agri vacare dicuntur.* Ad alteram partem, succedunt Ubii, quorum fuit civitas ampla atque florens, ut est captus Germanorum, et paulo, quam sunt ejusdem generis, etiam ceteris humaniores, propterea, quod Renum attingunt, multumque ad eos mercatores ventitant, et ipsi propter propinquitatem Gallicis sunt moribus assuefacti. Hosquum Suevi, multis saepe bellis experti, propter amplitudinem gravitatem que civitatis, finibus expellere non potuissent, tamen vectigales sibi facerunt, ac multo humiliores infirmiores que redegerunt. De bello Gallico, lib. IV, cap. III.

¹⁹⁾ „За жителями прирейнскими слѣдуютъ прочія племена, которыя обитаютъ между Рейномъ и р. Альбіемъ; эта исследная протекаетъ почти параллельно Рейну по направленію къ океану, перерѣзывая страну по величинѣ такую же, какую прорѣзываетъ и Рейнъ“. (Географія, кн. VII, гл. I, п. 3. Переводъ Мищенко; изд. 1879 г.) „Эти германскія племена сдѣлались извѣстными съ тѣхъ поръ, какъ стали воевать съ Римлянами, когда они то покорялись имъ, то снова поднимались, то оставляли прежнія мѣста жительства. *Еще и многія другія изъ нихъ сдѣлались бы извѣстными, если бы Августъ позволилъ своимъ полководцамъ перейти Альбію*“. (Тамъ же, п. 4). „Что касается Германцевъ, то какъ я сказалъ, сѣверные изъ нихъ простираются вдоль океана. Впрочемъ, *извѣстны изъ нихъ только тѣ, которые обитаютъ между устьями Рейна и Альбіемъ.* Наиболѣе извѣстные — Сугамбры и Кимбры. *Все, что за Альбіемъ до океана, совершенно намъ неизвѣстно. Мы не знаемъ, чтобы кто-либо изъ предтественниковъ плавалъ вдоль этого берега... Римляне никогда не заходили въ тѣ мѣстности, которыя лежатъ за Альбіемъ, равнымъ образомъ, никто не совершалъ туда путешествія и сухимъ путемъ*“. (Тамъ же, гл. II, п. 4).

²⁰⁾ Cornelli Taciti: De origine situ moribus ac populis Germaniae; cap. I: „Germania omnisa Gallis Raetisque et Pannoniis Rheno et Danuvio fluminibus, a Sarmatis Dacisque mutuo metu aut montibus separatur: cetera Oceanus ambit, latos sinus et insularum inmensa spatia complectens, nuper cognitis quibusdam gentibus ac regibus, quos bellum aperuit“.... Cap. V: „*Argentum et aurum propitiine an irati di negaverint dubito nec tamen adfirmaverim nullam Germaniae venam argentum aurumve gignere; quis enim scrutatus est? possessione et usu haud perinde adficiuntur; est videre apud illos argentea vasa, legatis et principibus eorum muneri data, non in alia vilitate quam quae humo finguntur; quamquam*

Слѣдовательно, теорія непосредственныхъ торговыхъ сношеній Римлянъ съ „янтарнымъ Балтійскимъ побережьемъ“ въ эпоху Юлія Цезаря, Страбона, Плинія и Тацита рѣзко противорѣчитъ фактамъ исторіи, прямымъ свидѣтельствамъ сказанныхъ историковъ, по которымъ страны Европы, лежащія на востокѣ отъ рѣки Эльбы и на сѣверѣ отъ Карпатовъ оставались Римлянамъ императорской эпохи совершенно неизвѣстными: никто изъ Римлянъ не ѣздилъ и не ходилъ туда, ни водою, ни сухимъ путемъ; а туземные варварскіе народы не цѣнили золота и серебра и не принимали римской монеты.

Съ другой стороны, аргументація разбираемой теоріи, въ приложеніи къ фактамъ русской археологіи, собраннымъ въ нашемъ сочиненіи „О происхожденіи Славянъ“, ведетъ къ невозможнымъ, явно невѣрнымъ выводамъ. По этой теоріи, находка единичнаго экземпляра или клада римской монеты въ данной области служитъ доказательствомъ, что въ эпоху этой монеты такая область была посѣщаемая Римлянами, ходившими на Балтійское побережье за янтаремъ. „Монеты Веспасіана, говоритъ Садовскій, найденныя въ Устьи и въ окрестностяхъ Вьенцбурга, доказываютъ, что въ его время ходили Римляне къ берегамъ гданскимъ... Заглядывали въ его время и до копей нурскихъ, такъ какъ и въ Лежайскѣ найдена монета Веспасіана... Начатый при Веспасіанѣ торгъ янтаремъ не прерывался и при его наслѣдникахъ, что доказываютъ монеты Домиціана, разбросанныя въ Силезіи, Великой Польшѣ, Царствѣ Польскомъ и Пруссіи. Судя по особенно значительному количеству монетъ Траяна, находимыхъ на всѣхъ порѣчьяхъ нашихъ, должно признать, что при этомъ императорѣ торговое движеніе отличалось здѣсь большимъ оживленіемъ, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ округѣ янтарнаго торга“; и т. д. ²¹⁾. Но разсуждая такъ, на основаніи собранныхъ нами свѣдѣній о кладахъ римскихъ монетъ, найденныхъ въ предѣлахъ земли древнерусскихъ Славянъ, мы должны будемъ придти къ заключеніямъ, по которымъ римскіе купцы ходили за янтаремъ въ Могилевскую губернію, гдѣ въ 1804 году, близъ города Климовичи, былъ найденъ кладъ, состоявшій изъ 1815 серебр. монетъ первыхъ римскихъ императоровъ; въ Черниговскую губ., гдѣ въ 1873 г., въ пяти верстахъ отъ г. Нѣжина, былъ найденъ кладъ серебряныхъ римскихъ монетъ, изъ которыхъ въ Имп. Арх. Коммиссію было доставлено 1312 экземпляровъ, принадлежавшихъ римскимъ императорамъ отъ Нерона до Септимія Севера; въ Курскую губ., гдѣ въ 1880 г., въ Обоянскомъ уѣздѣ, у села Луневки, былъ найденъ глиняный сосудъ серебряныхъ римскихъ монетъ отъ Траяна до Септимія Севера; въ Калужскую губ., гдѣ въ 1854 г. былъ найденъ кладъ римскихъ серебряныхъ монетъ, изъ котораго 50 экземпляровъ, пересланныхъ мѣстнымъ губернаторомъ министру Удѣловъ, принадлежали императорамъ отъ Веспасіана до Коммода; въ Пензенскую губ., гдѣ въ 1875 г., въ Саранскомъ уѣздѣ, былъ открытъ кладъ римской серебряной монеты отъ Траяна до Луциллы; въ Нижегородскую губ., гдѣ въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ, у Сергіевской церкви, былъ открытъ стеклянный сосудъ съ римскими монетами, изъ которыхъ 24, высланныя въ Имп. Арх. Коммиссію, принадлежатъ времени отъ имп. Нервы до имп. Коммода; и т. д.

Пока исторической литературѣ оставались неизвѣстными вышеупомянутые и имъ подобные факты открытія кладовъ римскихъ монетъ въ предѣлахъ земли древнерусскихъ Славянъ, до тѣхъ поръ могла имѣть вѣроятность теорія Байера, принятая Крузе, Момзенемъ, Гильдебрантомъ, Вибергомъ, Крашевскимъ, Садовскимъ и другими новѣйшими учеными, объясняющими

proximi ob usum commerciorum aurum et argentum in pretio habent formaseque quasdam nostrae pecuniae agnoscunt atque eligunt; interiores simbius et antiquius permutatione mercium utuntur. Pecuniam probant veterem et diu notam, serratos bigatosque. Argentum quoque magis quam aurum sequuntur, nulla adfectione animi, sed quia numerus argenteorum facilius usui est promisca ac vilia mercantibus“. Cap. XLI: „in Hermunduribus Albis oritur, flumen inclatatum et notum olim; nunc tantum auditur“.

²¹⁾ „Drogi Handlowe“, стр. 77, 78.

причину появления кладовъ римскихъ монетъ въ предѣлахъ центральной Европы торговыми сношеніями Римлянъ съ Балтійскимъ побережьемъ, ради торговли янтаремъ. Но нынѣ эта теорія должна быть положительно отвергнута наукою, какъ стоящая въ непримиримомъ противорѣчій съ вышеприведенными нами свидѣтельствами историковъ-современниковъ и археологическими открытіями послѣднихъ десятилѣтій въ землѣ древнихъ Славяноруссовъ.

Однако же балтійскій янтарь встрѣчается въ древнихъ римскихъ могилахъ; его знаютъ и древніе Римскіе писатели. Какимъ же способомъ былъ доставляемъ балтійскій янтарь въ Италію, если сами Римляне не посѣщали странъ прибалтійскихъ, изобилующихъ янтаремъ, ни водою, ни сухимъ путемъ?

По свидѣтельству Тацита, янтарь собирали только Эсты, и безъ всякой обдѣлки они продавали его и съ удивленіемъ получали плату ²²⁾. Историкъ не сообщилъ намъ, кому именно Эсты доставляли янтарь, отъ кого получали за него плату и въ чемъ состояла эта плата; но во всякомъ случаѣ, не отъ Римлянъ непосредственно и не римскія деньги, потому что, по вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ Юлія Цезаря, Страбона и Тацита, области юго-восточнаго Балтійскаго побережья были Римлянамъ неизвѣстны, и по свидѣтельству Тацита, обитатели этой страны, удаленные отъ границъ Римской имперіи, не цѣнили золота и серебра, не принимали римской монеты, а торговыя сдѣлки между собою совершали посредствомъ мѣны товара на товаръ.

Отъ кого же Римляне получали балтійскій янтарь, и кому его доставляли Эсты? На этотъ вопросъ прямо отвѣчаютъ намъ извѣстія Плинія и Геродота. По словамъ Плинія, современника Тацита, „*Adfertur (succinum) a Germanis in Pannoniam maxime et inde Veneti primum, quos Enetos Gracci vocaverunt, famam rei fecere proximique Pannoniae et agentes circa mare Hadriaticum*“ ²³⁾. Геродотъ, перечисливъ сѣверныхъ сосѣдей европейской Скиѣи, Невровъ, Андрофаговъ, Меланхленовъ и т. д., свидѣтельствуемъ: „о сихъ народахъ многое извѣстно, такъ какъ посѣщаютъ ихъ Скиѣи, отъ коихъ нетрудно получить о нихъ свѣдѣнія, а также и нѣкоторые Греки изъ торжища Борисфенитянъ (Ольвіи) и другихъ торжищъ понтійскихъ. Скиѣи, посѣщающіе перечисленные народы, производятъ съ ними дѣла посредствомъ переводчиковъ“ ²⁴⁾.

Отсюда можно предположить, что римскія монеты императорской эпохи занесены въ области бассейновъ рѣкъ центральной Европы народами—посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ классическаго міра съ міромъ варварскимъ центральной Европы. Но и это предположеніе не можетъ быть принято наукою по двумъ причинамъ: во первыхъ, оно стоитъ въ полномъ противорѣчій съ извѣстіемъ Тацита о неупотребленіи монетъ варварскими народами въ торговыхъ сдѣлкахъ; во вторыхъ, оно противорѣчитъ составу кладовъ римскихъ монетъ первыхъ трехъ столѣтій, открытыхъ въ центральныхъ областяхъ Европы и заключающихъ въ себѣ исключительно римскую монету. Въ денежныхъ кладахъ всѣхъ временъ торговаго происхожденія постоянно встрѣчаются монеты разныхъ народовъ и государствъ, въ чемъ можно убѣдиться, на примѣръ, по богатымъ даннымъ въ этомъ отношеніи, собраннымъ въ „Мухамеданской нумизматикѣ“ П. С. Савельева. Только всѣ клады римскихъ монетъ, открытые въ бассейнахъ рѣкъ Одера, Вислы, Западнаго Буга, Нѣмана, Припети, Днѣпра, Десны, Сулы, Псла, Сожи и Оки, при полномъ отсутствіи монетъ греческихъ, заключаютъ въ себѣ исключительно монеты римскихъ императоровъ I, II и III столѣтій, времени господства Римлянъ въ Дакии и выселенія гето-дакійскихъ племенъ за Карпаты, въ центральныя области Европы.

Въ моемъ изслѣдованіи „О происхожденіи Славянъ“, напечатанномъ въ 1884 году, пере-

²²⁾ Germania; cap. XLV.

²³⁾ Hist. Nat., XXXVII, 42.

²⁴⁾ Исторія; IV, 24.

числены были 32 клада римских серебряных монетъ, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи и Польши, хранящихся въ разныхъ нумизматическихъ коллекціяхъ и заключающихъ въ себѣ десятки, сотни и тысячи экземпляровъ серебряной монеты римскихъ императоровъ до времени паденія римскаго владычества въ Дакии. Сказанные клады были открыты въ теченіе только послѣднихъ трехъ десятилѣтій; но и за этотъ сравнительно короткій срокъ они не исчерпываютъ собою всѣхъ находокъ этого рода въ предѣлахъ древне-славянской земли, потому что свѣдѣнія о находкахъ разбросаны во множествѣ столичныхъ и провинціальныхъ изданій, и собрать ихъ полностью единичными силами въ настоящее время невозможно; кромѣ того, подлинно извѣстно, что многіе клады серебряныхъ монетъ, подобно кладу, открытому подъ Калишемъ, заключающему въ себѣ до 20,000 монетъ первыхъ римскихъ императоровъ, попадаютъ не въ нумизматическія собранія, а въ плавильные горшки евреевъ. Со времени напечатанія вышеуказаннаго моего изслѣдованія, мною собранъ уже прилагаемый къ реферату дополнительный рядъ свѣдѣній о старыхъ и новыхъ кладахъ, открытыхъ въ землѣ древнихъ Ляховъ и Руссовъ, точно такого же состава, какъ и клады, о которыхъ были собраны мною свѣдѣнія до 1884 г. Если же въ теченіе только послѣдняго тридцатилѣтія открыто случайно болѣе сорока кладовъ римскихъ монетъ до Септимія Севера включительно, то можно представить себѣ, какую массу составили бы эти находки, если бы ихъ стали собирать у насъ, какъ на западѣ Европы, со времени Байера, два столѣтія тому назадъ? Можно прямо утверждать, что множество кладовъ, какъ часто случается и на нашихъ глазахъ, было открыто и перелито въ слитки металла въ теченіе 1700 лѣтъ, протекшихъ со времени первоначальнаго водворенія славянскихъ колонистовъ въ центральныхъ областяхъ Европы. Многіе клады остаются еще не открытыми. Должно принять въ соображеніе и то обстоятельство, что не всѣ монеты, вынесенныя Славянами изъ дунайской прародины, были погребены въ землѣ новой родины и остались въ ней по смерти своихъ владѣльцевъ. По всей вѣроятности, большая часть серебрянаго денежнаго имущества была утилизирована владѣльцами въ новой родинѣ, перелита въ слитки, украшенія и прочее. Едва ли не этимъ обстоятельствомъ объясняется фактъ присутствія въ славянскихъ могилахъ центральныхъ областей Европы множества разнообразныхъ серебряныхъ предметовъ, рѣдко встрѣчающихся въ могилахъ скиѣской эпохи, своими формами очень сходныхъ съ предметами могилъ Италіи времени первыхъ римскихъ императоровъ. Происхожденіе сказанной массы денежнаго римскаго имущества, порученнаго храненію земли древнихъ Ляховъ и Руссовъ, можно объяснить только тѣмъ, что предки наши, оставляя свою дунайскую прародину, подъ гнетомъ римскаго владычества, обмѣнили свое трудно уносимое имущество на легко уносимый металлъ и поручили его храненію земли новой родины, подобно тому, какъ въ наше время, европейская монета вывозится въ Америку европейскими колонистами, или русская монета уносится на побережья рѣкъ центральной и восточной Азіи русскими колонистами.

Наконецъ, изложенные историческіе и археологическіе факты можно дополнить еще слѣдующимъ соображеніемъ. Открытія кладовъ монетъ первыхъ римскихъ императоровъ, до Септимія Севера включительно, представляютъ собою обыкновенныя явленія только въ центральныхъ областяхъ Европы, по сказаніямъ Нестора, заселенныхъ славянскими колонистами, оставившими ихъ придунайскую прародину въ эпоху владычества тамъ Волоховъ-Римлянъ. Только въ землѣ древнихъ Ляховъ, Дулебовъ, Древлянъ, Полянъ, Сѣверянъ, Дреговичей, Радимичей и Вятичей открыты клады римскихъ монетъ, содержащія въ себѣ сотни и тысячи экземпляровъ. Что же касается областей Европы, лежавшихъ за предѣлами древне-славянской земли, а именно, древней Германіи, между Рейномъ и Эльбою, Скандинавіи, Остзейскаго края, сѣверныхъ губерній Россіи, Заволжскихъ губерній, Земли Войска Донскаго и Новороссіи, то въ нихъ римскія монеты или совсѣмъ не встрѣчаются, или встрѣчаются только рѣдкими единичными фактами, а не

сотнями и тысячами экземпляровъ. Этотъ фактъ можно объяснить только тѣмъ, что, согласно свидѣтельству Начальнаго Русскаго Лѣтописнаго свода, дунайскими колонистами первоначально были заняты побережья рѣкъ центральныхъ областей Европы, гдѣ, слѣдовательно, должно было сосредоточиться и ихъ денежное имущество. Но само собою разумѣется, что отдѣльныя славянскія колоніи могли быть выдвинуты и за предѣлы территоріи древнихъ Ляховъ и Руссовъ, очерченной Несторомъ, а слѣдовательно, единичные факты открытія кладовъ римскихъ монетъ возможны и внѣ предѣловъ земли древнихъ Ляховъ и Руссовъ, очерченной свидѣтельствомъ Нестора, что однако же нисколько не можетъ вредить общему выводу, обусловленному вышеизложенными историческими и археологическими фактами.

По этому выводу, расселеніе Гетовъ или Даковъ, Праславянъ, во II вѣкѣ послѣ Р. Хр. въ центральныя области Европы, вслѣдствіе натиска Волоховъ-Римлянъ, связанное съ разрывомъ нашихъ предковъ политическимъ и географическимъ, имѣло своимъ послѣдствіемъ этнографическое образованіе новѣйшихъ, намъ современныхъ славянскихъ народностей, а между ними и народностей на западѣ славяно-ляшской или славяно-польской и на востокѣ—славяно-русской.

Предлагая содержаніе настоящаго реферата на обсужденіе историковъ и археологовъ VIII археологическаго съѣзда, я встрѣчу съ благодарностью всякое замѣчаніе и всякое возраженіе.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Свѣдѣнія о кладахъ римскихъ монетъ, открытыхъ въ предѣлахъ древнеславянской земли, собранныя по напечатаніи въ 1884 г. моего сочиненія „О происхожденіи Славянъ“.

Вслѣдъ за появленіемъ въ печати собранныхъ мною свѣдѣній о кладахъ римскихъ монетъ, открытыхъ въ предѣлахъ Россіи и Польши, было получено мною письмо краковскаго Академика Адама Карловича Киркора, въ которомъ, между прочимъ, по отношенію къ кладамъ римскихъ монетъ, говорится слѣдующее: „Получивъ второй выпускъ вашей „Исторіи Русскаго Права“, съ приложенными къ оному вопросамъ, спѣшу сообщить все, что мнѣ извѣстно по предмету, васъ интересующему, въ отношеніи моихъ археологическихъ изысканій въ Галиціи. Вы упоминаете о валѣ Траяна въ Подольской губерніи, и вамъ вѣроятно извѣстно, что этотъ же валъ проходитъ на протяженіи 26 километровъ и въ Галицкой Подоліи. По всему протяженію этого вала и въ окрестностяхъ онаго, во всемъ Барщовскомъ уѣздѣ, съ давнихъ временъ и постоянно, находятъ въ землѣ, при ея обработкѣ, римскія монеты. Вы не встрѣтите почти ни одной дѣвухи въ деревняхъ и мѣстечкахъ, у которой на шеѣ между монистами не висѣла бы одна или нѣсколько римскихъ серебряныхъ монетъ. Попадаются и золотыя, но рѣдко. Онѣ очень дорожатъ ими, какъ завѣтнымъ наслѣдствомъ послѣ бабушекъ и прабабушекъ. Во время развѣздовъ въ Подоліи мнѣ удалось добыть болѣе 40 римскихъ монетъ для музея Академіи; всѣ онѣ найдены по одиночкѣ и почти всѣ Траяна, Адриана и Антонина. Я слышалъ и о находкѣ клада въ окрестностяхъ вала Траяна. Такія же монеты находятъ очень часто, тоже по одиночкѣ, какъ на югъ отъ вала, по теченію Днѣстра, на Покутьи и въ Буковинѣ, такъ и на сѣверѣ, въ Тарнопольскомъ и Злочовскомъ уѣздахъ, на побережьяхъ Серета, Гнѣзны, Гнилой, Цыганки, Дупы, Суриты, а равно всего теченія Збруча, отъ Подволочиска до Окоповъ св. Троицы, гдѣ Збручъ впадаетъ въ Днѣстръ. Въ 1882 году я привезъ изъ Тарнополя въ Академію 6 римскихъ серебряныхъ монетъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ уѣзда и принадлежащихъ императорамъ Нерону, Антонину Пію, Фаустинѣ, Адриану, Коммоду и Криспинѣ. Въ прошедшемъ же году я при-

везъ изъ Збаража одну серебряную и 5 мѣдныхъ монетъ Нерона, Траяна, Антонина Пія и еще одну монету съ изображеніемъ бородатаго Вакха, города Ульпіанумъ, въ Большой Мизіи. Въ Тарнопольѣ есть любители, собравшіе уже значительныя коллекціи римскихъ монетъ. Тамъ же есть еврей, который за безцѣнокъ скупаеъ римскія монеты у крестьянъ и потомъ дорого продаетъ ихъ въ Вѣнѣ. Въ Тарнопольскомъ уѣздѣ крайній предѣлъ распространенія римскихъ монетъ—Подгорице. Ни въ одномъ курганѣ, или каменномъ гробѣ, какъ равно и на кострищахъ никогда мнѣ не удалось найти римскую монету, какъ на Подоли, такъ и на Покутьи. Римскія бронзовыя издѣлія, находимыя тоже въ окрестностяхъ вала Траяна, легко отличить какъ по превосходной отдѣлкѣ, такъ и орнаментовкѣ, отъ обыкновенно находимыхъ въ гробахъ Подоли и Покутья, состоящихъ преимущественно изъ колець, серегъ и тому под., большею частью неуклюжей работы, и что замѣчательно, совершенно такихъ же, какъ и въ кострищахъ на побережьи Вислы. Особенно замѣчательныя римскія бронзы найдены вблизи Траянова вала. Рисунокъ большихъ римскихъ зеркалъ изъ могилъ въ Сапоговѣ вы найдете въ „Kłosach“ за 1877 годъ, № 622, стр. 356. Любопытно то, что рисунокъ осьмиконечной звѣзды, изображенной на зеркальномъ медальонѣ, и до сихъ поръ ежегодно повторяется, конечно безсознательно, на такъ называемыхъ *писанкахъ*, заготавливаемыхъ народомъ къ Свѣтлому Христову Воскресенію. Римскія бронзовыя издѣлія были находимы мною и другими и въ мѣстностяхъ болѣе отдаленныхъ отъ вала Траяна, на примѣръ въ Глубочкѣ Великомъ, близъ Тарнополя, на берегахъ Днѣстра и Стрыни, въ Беремянахъ, Жнибродахъ и Дуплисахъ—въ курганахъ. Что касается до вашей теоріи, я вполне съ вами согласенъ и признаю высокое значеніе находимыхъ римскихъ монетъ“.

Въ деревнѣ Войсковѣ, Мелецкомъ староствѣ, въ восточной Галиціи, при раскопкѣ поля въ 1885 г., найденъ сосудъ заключавшій въ себѣ нѣсколько тысячъ монетъ (*kilka tysięcy sztuk monet*) времени императоровъ Веспасіана и Траяна ²⁵).

Въ селеніи Хмѣловомъ, Тарнобрежскаго уѣзда, въ Галиціи, при копани рва, найдено нѣсколько сотъ римскихъ монетъ (*kilka set monet rzymskich*), изъ которыхъ 21, поступившія въ собраніе кн. Любомірскаго, принадлежали слѣдующимъ императорамъ: Нерону, Веспасіану, Титу, его дочери Тиціи, Траяну, Антонину, Фаустинѣ Младшей, Луцію Веру, женѣ его Луциліи, Адриану и Марку Аврелію ²⁶).

Въ 1885 г. въ Императорскую Археологическую Коммиссію былъ присланъ кладъ, найденный въ Ивановицкой гминѣ, Калишскаго уѣзда, состоявшій изъ серебряныхъ римскихъ монетъ Траяна, Адриана, Антонина Пія, Фаустины Старшей и Младшей, Албина, Криспины, Луциллы и Септимія Севера ²⁷).

Въ 1886 году въ ту же Коммиссію было доставлено 108 серебряныхъ римскихъ монетъ II вѣка по Р. Х. изъ клада, найденнаго въ колоніи Пражухѣ, Калишскаго уѣзда. Въмѣстѣ съ монетами въ этомъ кладѣ были найдены 2 серебряныя серьги „съ оригинальными привѣсками, въ видѣ петлицъ“ ²⁸).

Въ 1875 году въ имѣніи Мацѣвице (*Maciejowice*), Гарволинскаго уѣзда, былъ найденъ кладъ римскихъ монетъ Веспасіана, Тита, Адриана, Антонина Пія, Марка Аврелія, Фаустины Младшей и Старшей, Луція Вера, Коммода и Септимія Севера ²⁹).

Въ 1870 году въ Сѣдлецкой губерніи, на побережьи рѣки Ливы, было найдено 150 римскихъ монетъ времени Марка Аврелія ³⁰).

²⁵) Tyd. Illustr. 1885 г., № 49. Pravda, 1885 г., № 42.

²⁶) Wiadomosci Archeologiczne. Warszawa. 1874 г., II, статья кн. Любомірскаго, стр. 75.

²⁷) Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1882—1888 г. изд. 1891 г., ст. XCII.

²⁸) Тамъ же, стр. CLXI.

²⁹) Judiciarum in Polonia L. antique, Liber terrae Cernengis, pag. I, Varsaviae, 1879 г.

³⁰) Pamietnik Fizyograficzny, ст. Т. Луневскаго: „Brzegi i dolina rzeki Liwa“, с. 11.

Труды 8-го археол. съезда въ Москвѣ 1890 г. т. III.

Въ Сѣдлецкой губерніи, у города Межирѣчья, на берегу небольшого ручья, у долины р. Кржны, впадающей въ Бугъ, въ 1887 г. было найдено около 600 серебряныхъ монетъ первыхъ римскихъ императоровъ отъ Траяна до Коммода ³¹⁾.

Въ Гродненской губерніи, въ имѣніи Кундринъ, Соколовскаго уѣзда, въ лѣсу, при добычаніи глины, на глубинѣ 1½ арш., было найдено болѣе 1000 серебряныхъ римскихъ монетъ, часть которыхъ была захвачена евреями, а около 100 монетъ, поступившихъ въ собраніе графа Тышкевича, принадлежатъ времени отъ императора Траяна до Септимія Сѣвера ³²⁾.

Въ Ковенской губ., у города Россіены, былъ найденъ кладъ римскихъ монетъ, изъ котораго въ Императорскую Археологическую Комиссію было прислано 24 экземпляра, принадлежащихъ императорамъ отъ Домиціана до Каракаллы ³³⁾.

Графъ А. А. Бобринскій, въ своемъ изслѣдованіи „Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы“, изданномъ въ 1888 г., о находкахъ римскихъ монетъ говоритъ слѣдующее: „въ разныхъ мѣстахъ попадались и римскія серебряныя монеты. Мнѣ удалось скупить у окрестныхъ крестьянъ и евреевъ 23 римскія монеты, которыя всѣ почти достовѣрно найдены на поляхъ въ районѣ около 30 верстъ вокругъ Смѣлы. Монеты эти принадлежали слѣдующимъ эпохамъ: двѣ консульскія (Egnatia Turia); три—императора Траяна, одна—Нервы, одна—Адриана, одна—жены его Сабины, четыре—Антонина, одна Вера, выбитая для Малой Азіи; двѣ—Марка Аврелія, двѣ—жены его Фаустины-младшей, двѣ—Коммода, одна—жены Септима Севера—Юліи Домны, одна—Макрина, двѣ—жены Галліена—Салонины“ (стр. 153—154).

Въ приложеніи къ тому же изслѣдованію помѣщена сохранившаяся въ Корсунѣ безыменная записка неизвѣстнаго времени, на французскомъ языкѣ, въ которой, между прочимъ, говорится слѣдующее: „что касается древности Корсуни, то въ ней невозможно сомнѣваться; часто находятъ здѣсь древнія римскія монеты; я самъ собралъ ихъ болѣе 200; генераль фонъ Сухтеленъ, большой нумизматъ, нашелъ между ними очень рѣдкіе экземпляры, особенно одну Юлія Цезаря, которую я ему подарилъ вмѣстѣ съ другими; остальные я передалъ кн. Лопухину, какъ найденныя на землѣ, ему принадлежащей“ (стр. 155—156).

Въ 1871 году въ с. Головоквѣ, Чигиринскаго уѣзда, былъ найденъ кладъ римскихъ серебряныхъ монетъ, сохранившіеся экземпляры котораго принадлежатъ времени имп. Траяна и Антониновъ ³⁴⁾.

Въ селеніи Переписи, Городнинскаго уѣзда, Черниговской губ., найденъ кладъ римскихъ серебряныхъ монетъ, три сохранившихся экземпляра котораго поступили въ мое собраніе древностей,—Траяна, Антонина Пія и Фаустины.

Въ городѣ Глинскѣ, Роменскаго уѣзда, Полтавской губерніи, въ огородѣ мѣстнаго священника было найдено нѣсколько серебряныхъ монетъ времени имп. Траяна, изъ которыхъ двѣ были пересланы въ музей Кіевского университета ³⁵⁾.

„Въ коллекціи А. В. Жукова, въ г. Купянскѣ, Харьковской губ., находится 28 римскихъ монетъ имп. Тита и др., изъ которыхъ три, по словамъ продавшаго ихъ, были выкопаны около Харькова. По словамъ С. А. Городецкаго, учителя Корочинской гимназіи, въ Обоянскомъ уѣздѣ Курской губерніи вырытъ большой кладъ римскихъ монетъ, 8 изъ которыхъ находятся теперь въ Корочѣ, у одной помѣщицы“ ³⁶⁾.

³¹⁾ Сообщение Г. А. Шпилевскаго. „Куріеръ Варшавскій“, 1887 г., № 304, ст. кс. Плезинскаго. „Atheneum“, 1887 г., т. IV, стр. 360—547.

³²⁾ Сообщение Г. А. Шпилевскаго.

³³⁾ Сообщение Ю. Б. Иверсена.

³⁴⁾ Кіевлянинъ, 1871 г. № 77. Н. Вѣляшевскій: „Монетные клады Кіевской губерніи“, стр. 141, изд. 1889 г.

³⁵⁾ Сообщение С. А. Мазараки.

³⁶⁾ Письменное сообщеніе члена VI Археологическаго Съѣзда А. Селиванова.

Въ 1882 году было доставлено въ Императорскую Археологическую Коммиссію 6 римскихъ серебряныхъ монетъ Адріана, Антонина Пія, Фаустины и Коммода, изъ клада, открытаго въ Курской губ., въ Обоянскомъ уѣздѣ, близъ дер. Гридасовой ³⁷⁾.

Въ 1884 году въ Императорскую Археологическую Коммиссію поступили 24 серебряныя римскія монеты перваго и втораго столѣтій нашего лѣтосчисленія, отысканныя въ Сызранскомъ уѣздѣ, Пензенской губ. ³⁸⁾. Изъ того же клада мѣстнымъ помѣщикомъ г. Инсарскимъ переданы въ мое собраніе древностей 4 серебряныя монеты Нерона, Траяна, Антонина Пія и Коммода.

„Въ Императорскую Археологическую Коммиссію поступило 24 римскихъ денара, найденныхъ въ апрѣлѣ сего года (1884) въ Нижнемъ-Новгородѣ, у Сергіевской церкви, въ стеклянномъ сосудѣ. Монеты, несмотря на малочисленность, обнимаютъ собой порядочный періодъ времени, принадлежатъ Нервѣ, Траяну, Адріану, Фаустинѣ, Антонину Пію, Луциллѣ и Коммоду“ ³⁹⁾.

Не привожу множества свѣдѣній о находкахъ въ предѣлахъ древнеславянской земли отдѣльныхъ экземпляровъ серебряной римской монеты времени I—III столѣтій по Р. Х., въ виду кладовъ такихъ монетъ, содержащихъ сотни и тысячи экземпляровъ.

³⁷⁾ Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1882—1888 гг., изд. 1891 г., стр. XXIII.

³⁸⁾ Тамъ же, стр. LVII.

³⁹⁾ Письменное сообщеніе графа И. И. Толстого.

Основанія хронологическаго распредѣленія этнографическихъ матеріаловъ, открытыхъ въ могилахъ южной и центральной Россіи.

Д. Я. САМОКВАСОВА.

Въ курганахъ южныхъ и центральныхъ губерній Европейской Россіи уже открыты большія археологическія богатства, собранныя въ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ коллекціяхъ древностей. Теперь пора воспользоваться этимъ матеріаломъ для исторіи нашего отечества, а для этой цѣли необходимо распредѣлить могильныя древности по историческимъ эпохамъ. Нынѣ существующія системы храненія могильныхъ древностей въ большинствѣ собраній представляются намъ не научными. Для примѣра беру самое богатое собраніе Императорскаго Эрмитажа. Мы видимъ, что здѣсь вѣнки подобраны къ вѣнкамъ, ожерелья къ ожерельямъ, кольца къ кольцамъ и т. д., и разобрать этотъ матеріалъ по могиламъ уже невозможно. Такая система храненія древностей болѣе пріятна для глазъ, но въ ней гибнетъ масса археологическихъ фактовъ безъ всякой пользы для науки. Въ нѣкоторыхъ, болѣе научныхъ коллекціяхъ могильныя древности распредѣляются по могиламъ: золотые, серебряные, бронзовые, каменные, глиняные и всякіе другіе предметы, найденные въ данной могилѣ, хранятся нераздѣльно; но и въ такихъ собраніяхъ обыкновенно не обращается вниманія на историческую связь между могилами разныхъ мѣстностей и на наслоеніе могилъ въ данной мѣстности, принадлежащихъ разнымъ историческимъ эпохамъ. Между тѣмъ, распредѣлить могилы нашего отечества по историческимъ эпохамъ, на основаніи различій въ ихъ содержаніи и устройствѣ совершенно необходимо, если мыжелаемъ воспользоваться ими для изученія исторіи культуры народовъ, населявшихъ нашу землю. Только по распредѣленіи могильныхъ древностей въ системѣ исторической возможно будетъ приступить къ распредѣленію ихъ по народностямъ и воспользоваться ими для познанія культуры даннаго народа въ данную историческую эпоху.

Но есть ли возможность уже въ настоящее время приступить къ распредѣленію могильныхъ древностей нашей земли по историческимъ эпохамъ? Богатство этого матеріала въ нашей землѣ, уже открытаго по настоящее время, въ связи съ историческими, этнографическими и географическими свѣдѣніями, оставленными намъ древними писателями, начиная съ Геродота и кончая составителемъ перваго русскаго лѣтописнаго свода, по моему убѣжденію, даютъ возможность уже теперь распредѣлить могильныя древности нашей земли въ исторической системѣ, по историческимъ эпохамъ или періодамъ. Въ такой системѣ распредѣленъ курганный матеріалъ моего

собрания древностей, часть котораго помѣщается на выставкѣ Съѣзда, а образцы могилъ принятыхъ мною историческихъ періодовъ передъ нашими глазами.

Въ настоящемъ моемъ рефератѣ имѣю честь предложить на обсужденіе ученыхъ тѣ основанія, какія приняты мною и, по моему мнѣнію должны быть положены въ основаніе распредѣленія языческихъ могилъ южныхъ и центральныхъ областей Европейской Россіи по историческимъ эпохамъ.

Моя коллекція древностей заключаетъ въ себѣ преимущественно предметы древности изъ кургановъ, мною раскопанныхъ. Курганъ представляетъ собою земляную насыпь на могилѣ язычника, — это обычный памятникъ язычниковъ. Въ христіанскую эпоху, по общему правилу, обычай насыпки кургановъ прекращается, и курганы христіанской эпохи, подобные насыпаннымъ на могилахъ Костюшки подъ Краковомъ и Тараса Шевченки подъ Каневомъ, представляютъ собою рѣдкія исключенія. Княгиня Ольга, будучи язычницей, „повелѣ людямъ своимъ надъ своимъ княземъ могилу съсыпать велику“, а, умирая христіанкою, завѣщала погresti себя по христіанскому обряду, почему „не сыпаша могилы надъ нею, не велѣ бо творити тѣризны надъ собою“¹⁾. Въ „Житіи князя Константина Муромскаго“ говорится, что онъ похоронилъ сына своего Михаила по христіанскому обряду, а язычники, бывшіе при погребеніи, „дивляхуся, яко не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе, яко погребаему сыну самодержцеву, а могилы верхъ холмомъ не сути“²⁾. Достаточно этихъ двухъ свидѣтельствъ для доказательства, что курганы представляютъ собою памятники надъ могилами язычниковъ, а слѣдовательно, этнографическіе матеріалы, открываемые въ курганахъ, характеризуютъ собою условія быта языческихъ народовъ, населявшихъ наше отечество. Но языческая эпоха въ нашемъ отечествѣ очень длинна, заключаетъ въ себя тысячелѣтія. Какъ же намъ подраздѣлить могилы этого длиннаго періода времени? Для рѣшенія этого вопроса всего прежде необходимо справиться съ историческими данными, относящимися къ народамъ, населявшимъ наше отечество.

Въ историческомъ наслоеніи языческихъ народовъ, населявшихъ южную половину Европейской Россіи, послѣдовательно смѣнили другъ друга народы разныхъ именъ, называемые древними историками въ послѣдовательномъ историческомъ порядкѣ слѣдующими общими именами: Киммеріанами, Скифами, Сарматами, Славянами, Половцами и Татарами. Именами этихъ народовъ, какъ господствовавшихъ въ данныя историческія эпохи, и могутъ быть названы тѣ пять историческихъ періодовъ, по которымъ уже теперь возможно распредѣлить языческіе могильники, изслѣдованные по настоящее время въ южной половинѣ Европейской Россіи: могильники эпохъ Киммерійской, Скиѣской, Сарматской, Славянской, Половецко-Татарской. Само собою разумѣется, что эти названія имѣютъ историческое, а не этнографическое значеніе, означаютъ только принадлежность даннаго кургана и цѣлаго могильника къ данному историческому періоду, а не данному этнографическому типу. За распредѣленіемъ языческихъ могилъ нашей земли по историческимъ періодамъ, дальнѣйшею задачею археологической науки будетъ распредѣленіе могилъ даннаго историческаго періода по этнографическимъ типамъ, по народностямъ.

I. Киммерійская эпоха, до VI вѣка предъ Р. Х.

Киммерійскою эпохою я называю время до передвиженія изъ Азіи въ припонтійскія области племени Скиѣовъ-Сколотовъ, по свидѣтельствамъ Геродота, вытѣснившимъ изъ областей, лежавшихъ надъ Чернымъ моремъ, племя Киммеріанъ и образовавшихъ сильную скиѣскую

¹⁾ Полн. Соб. русск. лѣт., т. XV, стр. 59 и 68.

²⁾ А. Котляревскій: „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“, стр., 126.

державу между нижними теченіями Дона и Дуная. Геродотъ относитъ это событіе ко времени скиѣскаго царя Мадія, сына Протоѳи, царя лидійскаго Ардаса, сына Гигеса, и царя мидійскаго Кіаксара, сына Фраотры ³⁾, т. е. къ третьей четверти VII в. до Р. X. Въ моментъ передвиженія въ Европу Скиѣы стояли на одной степени культуры съ Массагетами, ихъ одноплеменниками и сосѣдами, не знали употребленія желѣза и серебра, а приготавливали вооруженіе, оружіе и другіе предметы домашняго быта изъ мѣди, т. е. Скиѣы-Сколоты до VII в. предъ Р. X. включительно стояли на степени бронзовой культуры ⁴⁾. Киммеріане же того времени, по историческимъ даннымъ, не имѣли никакихъ сношеній съ иноземными народами, приносили въ жертву своимъ богамъ всѣхъ иностранцевъ, появившихся въ ихъ странѣ, почему и Черное море того времени называлось Аксенскимъ, а, по археологическимъ даннымъ, Киммеріане до прихода Скиѣовъ еще не были знакомы съ употребленіемъ металловъ на человѣческія потребности, и всѣ предметы своего быта приготавливали только изъ камня, кости, глины и дерева, т. е. Киммеріане до VII в. предъ Р. X. включительно стояли на степени каменной культуры, Только въ началѣ VI в. до Р. X. на побережьяхъ Чернаго моря появляются греческія колоніи, и это море получаетъ названіе Евксинскаго—гостепріимнаго ⁵⁾. Съ греческими колонистами проникаетъ въ другіе понтійскія области желѣзное оружіе и на желѣзные предметы домашняго быта, а вмѣстѣ съ тѣмъ, туземные обитатели древней европейской Скиѣи знакомятся съ употребленіемъ желѣза на человѣческія потребности.

Всѣ могильники нашей земли, заключающіе въ себѣ ясныя слѣды быта народовъ каменной культуры, я называю могилами доисторической эпохи или эпохи киммерійской. Къ этому же разряду я отношу и могилы переходнаго времени отъ культуры каменной эпохи въ нашемъ отечествѣ къ культурѣ желѣзной, или отъ эпохи Коммерійской къ эпохѣ Скиѣской.

Могильники доисторической или Киммерійской эпохи отличаются отъ могильниковъ послѣдующихъ историческихъ эпохъ своимъ содержаніемъ и особенностями своего устройства.

Кладбища Киммерской эпохи не содержатъ въ себѣ бытовыхъ предметовъ изъ желѣза и серебра, а содержатъ только бытовые предметы изъ глины, кости и камня, а иногда и изъ мѣди. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ курганы этой эпохи многомогильные, прикрываютъ нѣсколько могилъ преимущественно съ остатками погребенныхъ покойниковъ, съ человѣческими костяками. Нерѣдко встрѣчаются и могильники безъ кургановъ, подъ ровною поверхностью земли. Могильныя ямы, вырытыя въ материкѣ, разной формы: прямоугольныя, треугольныя, круглыя и катакомбныя; часто могильныя ямы были обкладываемы съ боковъ и покрываемы сверху деревомъ или камнемъ, но встрѣчаются безъ всякой обкладки и покрытія. Костяки въ могилахъ часто обращены головами въ разныя стороны, не только въ могильникахъ или кладбищахъ разныхъ мѣстностей, но и въ одномъ могильникѣ; положеніе туловища также различно: на спинѣ, на боку и въ сидячемъ положеніи, съ конечностями согнутыми или вытянутыми. Вообще же въ положеніи конечностей костяковъ Киммерійской эпохи преобладаетъ согнутость или скорченность, такъ называемое утробное положеніе: руки согнуты кистями къ лицу подъ прямымъ, или тупымъ, или острымъ угломъ; бедра пригнуты къ туловищу, а голени къ бедрамъ; но, какъ сказано, встрѣчаются и вытянутыя конечности, а иногда руки вытянуты, а ноги согнуты, и наоборотъ. Кости, а особенно черепъ, нерѣдко окрашены порошкомъ темно-краснаго цвѣта. Иногда въ могильникахъ киммерійскихъ типовъ встрѣчаются и остатки трупосожженія, и притомъ въ двухъ формахъ: въ видѣ обгорѣлаго деревяннаго сруба, съ обугленнымъ кос-

³⁾ Ист. Геродота; кн. I, гл. 15, 103; кн. IV, гл. 1—4.

⁴⁾ Тамъ же, кн. I, гл. 201 и 215.

⁵⁾ Географія Страбона, кн. VII, гл. III, § 6.

тякомъ, въ скорченномъ положеніи, и каменными орудіями, и въ видѣ глиняныхъ сосудовъ съ пережженными человѣческими костями и каменными орудіями.

Могилы типовъ Киммерійской эпохи были встрѣчены во всѣхъ областяхъ южной Европы, гдѣ были произведены сколько-нибудь обстоятельныя археологическія изслѣдованія, отъ Кавказа до Франціи включительно. Въ Національномъ музеѣ Буда-Пешта, въ Болонскомъ муниципальномъ музеѣ, въ музеѣ Кирхера въ Римъ и въ Неаполитанскомъ Національномъ музеѣ я видѣлъ модели древнѣйшихъ могилъ Австро-Венгріи и Италиі, съ каменными, а иногда и бронзовыми орудіями, совершенно сходныя съ такими же могилами, открытыми въ нашей землѣ, на Кавказѣ, въ Новороссіи, Малороссіи, на Волини, Подоліи и въ Привислинскомъ краѣ. Типъ такой же могилы изображенъ въ только что изданномъ сочиненіи почтеннаго члена Съѣзда г. Карталяка, посвященномъ изученію первобытныхъ древностей Франціи. Въ областяхъ Европы, куда не проникали скизо-греческая и сармато-римская цивилизаціи, обстановка погребенія народовъ Киммерійской эпохи сохранялась долго господствующею, какъ напр., у финскихъ племенъ сѣверныхъ окраинъ Россіи, остававшихся въ условіяхъ быта народовъ Киммерійской эпохи до времени знакомства съ условіями славяно-русской культуры V—IX столѣтій по Р. Х. Типичными предметами могилъ Киммерійской эпохи въ моей коллекціи древностей могутъ служить предметы изъ камня, кости, глины и мѣди, найденные въ курганахъ окрестностей Кисловодска и Пятигорска; такіе же предметы изъ кургановъ окрестностей с. Новогригорьевки, Александровскаго у., Екатеринославской губ.; каменные и костяные предметы изъ кургановъ Каневского у. Кіевской губ.; предметы изъ каменныхъ гробницъ, изслѣдованныхъ мною подъ Варшавою, въ деревнѣ Чеховичи и подъ Новолоргіевскимъ, у дер. Коссово. Изъ могилъ, раскопанныхъ другими изслѣдователями, сюда относятся: курганъ „Долгая могила“ у с. Александрополя, Екатеринославскаго у., раскопанный П. С. Савельевымъ; курганъ „Гермесова Близница“ у с. Бѣленькаго, Екатеринославской губ., раскопанный И. Е. Забѣлинымъ; курганы окрестностей м. Смѣлы, въ Черкасскомъ уѣздѣ, на землѣ экономіи Смѣлинской и Константиновской, раскопанные графомъ А. А. Бобринскимъ; могильникъ подъ ровною поверхностью, открытый въ селеніи Гнильцѣ, Радомысльскаго у., Кіевской губ.; могильникъ въ урочищѣ Кесиковцы у Новой Ушицы, Подольской губ.; курганъ у с. Залужья, Острожскаго у., Волинской губ., раскопанный Г. О. Оссовскимъ; каменные гробницы, открытыя г-мъ А. Бужинкимъ у дер. Піонтницы, Ломжинской губ.; и г-мъ І. Пржиборовскимъ на берегу рѣки Веири, между селами Раженемъ и Парчевымъ, и т. д.

II. Скиѣская эпоха, съ VI по I в. до Р. Х.

За образованіемъ между Дономъ и Дунаемъ державы Скизовъ-Сколотовъ, подъ главенствомъ племени Паралатовъ, на сѣверномъ побережьи Чернаго моря появляются греческія колоніи, Пантикапея, Херсонесь, Ольвія и др., а отъ греческихъ колонистовъ Скиѣы познаютъ употребленіе желѣза и серебра на человѣческія потребности и получаютъ отъ Грековъ предметы искусства изъ желѣза, серебра, золота, бронзы, терракоты, стекла, кладутъ такіе предметы въ могилы своихъ покойниковъ и тѣмъ даютъ возможность археологіи нашего времени отличить могильники Скиѣской эпохи отъ могильниковъ эпохи Киммерійской. Съ другой стороны, надпонтійскіе народы Скиѣской эпохи до времени военныхъ столкновеній съ Римомъ эпохи Митридата Великаго и Гетскаго Децебаха не имѣли никакихъ сношеній съ Римлянами, а потому въ могильникахъ Скиѣской эпохи не встрѣчаются предметы римскаго искусства, содержаніемъ которыхъ, въ свою очередь, отличаются могильники нашей земли послѣдующей исторической эпохи, называемой нами Сарматскаго.

Могильники или кладбища Скиѣской эпохи, съ VI по I в. до Р. X., не содержатъ предметовъ римской цивилизаціи, а часто содержатъ въ себѣ предметы несомнѣнно греческаго искусства первыхъ столѣтій до Р. X., а именно: греческія монеты, терракотовые, стеклянные, золотые и серебряные сосуды, иногда съ греческими надписями, а иногда съ изображеніемъ сценъ изъ греческой мифологіи и скиѣскаго быта; золотые вѣнки, повязки, серьги, ожерелья, браслеты, перстни, камни и др. украшенія, несомнѣнно греческой работы; греческія бронзовыя зеркала; греческое вооруженіе и оружіе: греческіе мечи съ ажурными ручками, иногда съ фигурными и узорчатыми золотыми бляхами; греческіе чешуйчатые желѣзные панцири, топоры и т. д.

Могильники или кладбища нашей земли, заключающіе въ себѣ предметы несомнѣнно греческаго искусства первыхъ столѣтій до Р. X. и не заключающіе въ себѣ предметовъ римскаго искусства, я выдѣляю въ особую группу и отношу такія могилы къ историческому періоду, названному мною Скиѣскимъ, по преобладавшему въ то время этнографическому типу въ надпонтійскихъ областяхъ, называемому историками того времени Скиѣами.

По своему устройству могилы Скиѣской эпохи очень разнообразны. Обыкновенную форму могилъ Скиѣской эпохи представляетъ курганъ, покрывающій могильную яму, вырытую въ материкѣ, отъ двухъ съ половиною до четырехъ аршинъ длины, отъ пяти четвертей до трехъ аршинъ ширины и отъ одного до четырехъ аршинъ глубины, закрытую сверху деревяннымъ потолкомъ, а иногда обнесенную и съ боковъ деревяннымъ срубомъ, покрытую землянымъ курганомъ отъ одного до пяти аршинъ отвѣсной высоты и отъ двадцати до пятидесяти аршинъ въ окружности основанія. Иногда, особенно въ мѣстностяхъ, изобилующихъ камнемъ, и мѣстностяхъ степныхъ, деревянные срубъ и потолокъ замѣняются каменными плитами, а насыпь кургана скрѣпляется слоями крупнаго и мелкаго булыжника. Въ тѣхъ же могильникахъ встрѣчаются курганы большихъ размѣровъ, отъ пяти до двадцати пяти аршинъ въ окружности основанія, съ гробницами, имѣющими форму жилыхъ помѣщеній, до двѣнадцати аршинъ длины, восьми аршинъ ширины и шести аршинъ глубины, съ переднею входною камерой, со столомъ по срединѣ дна могилы, съ земляными или деревянными лавками у стѣнокъ и съ нишами въ стѣнкахъ для помѣщенія домашней утвари. Иногда вертикальныя ямы, встрѣчаемыя на подошвѣ кургановъ Скиѣской эпохи, ведутъ въ катакомбныя помѣщенія разной формы, вырубленные въ плотныхъ слояхъ глины, на различной глубинѣ отъ поверхности, отдѣленные отъ входной ямы деревянными или каменными заслонками. Подъ большими курганами той же эпохи нерѣдко встрѣчается нѣсколько могильныхъ помѣщеній, изъ которыхъ одно главное, центральное, заключающее въ себѣ прахъ покойника, надъ которымъ сооруженъ курганъ-памятникъ, а въ остальныхъ помѣщаются его слуги лошади и домашняя утварь. Иногда въ курганахъ, насыпанныхъ надъ могилами Скиѣской эпохи, вырытыми въ материкѣ, встрѣчаются земляныя, деревянныя и каменныя вставныя могилы, помѣщающіяся въ насыпи. Могилы Скиѣской эпохи нерѣдко встрѣчаются вставленными въ курганы киммерійской эпохи, а въ курганахъ Скиѣской эпохи часто встрѣчаются вставныя могилы послѣдующихъ историческихъ эпохъ, Сарматской, Славянской и Половецко-Татарской.

Большинство могильныхъ помѣщеній Скиѣской эпохи, открытыхъ въ курганахъ южной Россіи, найдены ограбленными посредствомъ подземныхъ подкоповъ, въ то время, когда гробницы еще сохранялись въ цѣлости и могильныя помѣщенія не были засорены землею и обломками потолковъ. Въ ограбленныхъ могилахъ скелеты разбросаны въ беспорядкѣ; иногда ихъ вовсе нѣтъ, а изъ предметовъ быта встрѣчаются только предметы, брошенные древними грабителями, какъ имъ ненужные, и предметы, потерянные ими и незамѣченные. Въ уцѣлѣвшихъ отъ разграбленія могилахъ Скиѣской эпохи костяки встрѣчаются обращенными головами на югъ, востокъ и западъ; туловище на спинѣ; руки и ноги вытянуты. Въ курганахъ скиѣской

эпохи скорченность остова, согнутое положеніе конечностей, а равно и окраска костей встрѣчаются очень рѣдко, да притомъ только въ могильнахъ, имѣющихъ служебное значеніе по отношенію къ могиламъ главнаго погребенія.

Я не могу показать образцовъ содержанія могилъ Скиѣской эпохи изъ моей коллекціи древностей, потому что я не производилъ раскопокъ въ предѣлахъ древней державы Скиѣовъ-Сколотовъ, за исключеніемъ раскопокъ, произведенныхъ много въ 1884 году на берегахъ р. Конки, въ Екатеринославской губ., результаты которыхъ поступили на храненіе въ Императорскій эрмитажъ. Типичными образцами могильниковъ Скиѣской эпохи, раскопанныхъ другими изслѣдователями, служатъ всѣ могилы южной Россіи, въ которыхъ были найдены греческія монеты и другіе предметы греческаго искусства, эпохи существованія государства Скиѣовъ-Паралатовъ въ надпонтійскихъ областяхъ. Сюда принадлежатъ: курганъ Куть Обскій, въ окрестностяхъ Керчи, открытый въ 1830 году, и сосѣдній съ нимъ безымянный курганъ, открытый въ 1821 году; каменная гробница кургана, раскопаннаго въ 1846 году въ общественномъ саду г. Керчи; могилы двухъ кургановъ, раскопанныхъ въ 1846 году на Таманскомъ полуостровѣ, у станціи Сѣнной (Ашика: Воспорское царство; ч. II., стр. 29, 39, 41, 20 и 21); Артиховскій курганъ на Таманскомъ полуостровѣ, за Сѣнною станціей, раскопанный въ 1876 году В. Г. Тизенгаузенемъ (И. Толстого и Н. Кондакова; Русскія древности въ памятникахъ искусства; в. I, стр. 52 и 53); Луговая могила, близъ села Александрополя, въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, раскопанная въ 1852—1856 гг. г-ми Терещенко и Люценко (Древности Геродотовой Скиѣи“, изд. Имп. Арх. Коммиссіи; вып. I, стр. 1—25); „Чертомлыцкій курганъ“ и „Краснокутская могила“, раскопанные въ Екатеринославской губ., И. Е. Забѣлинымъ (тамъ же, стр. 43, и слѣд., 74—118); Катакомба кургана Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губ., у мѣстечка Рыжановка, открытая въ 1881 г. и дослѣдованная Г. О. Оссовскимъ въ 1887 г. (Wielki kuhran Ryżanowski, opis. S. Ossowski. Khakow, 1888 г.); и мн. др.

III. Сарматская эпоха, съ I по V в. Р. X.

За паденіемъ главенства племени Паралатовъ въ древней европейской Скиѣи, передвинулись изъ за Дона въ приднѣпровье Сарматскія племена (Діод. Сиц.; II, 43), смѣшавшіяся здѣсь съ родственными имъ скиѣскими племенами и образовавшіе вмѣстѣ съ ними новое государство между Дономъ и Днѣпромъ подъ главенствомъ Сарматскаго племени Роксаланъ (см. Д. Самоквасовъ: „О происхожденіи Славянъ“ во II вып. Ист. Русск. Права; стр. 75 и слѣд.); а во второмъ вѣкѣ до Р. X. скифо-сарматскія племена, подъ именами Роксаланъ, Буровъ, Бастарновъ и Яриговъ, передвигаются въ области между Днѣпромъ и Дунаемъ, смѣшиваются здѣсь съ туземными племенами и, поселившись на Дунаѣ, образуютъ съ туземцами одно государство, подъ главенствомъ племени Гетовъ (греческое имя) или Даковъ (римское имя). Въ I вѣкѣ до Р. X., въ правленіе царя Бербисты, это государство дѣлается обширнымъ и могущественнымъ. При этомъ царѣ, по свидѣтельству Страбона, „упражненіемъ, воздержаніемъ отъ пьянства и повиновеніемъ законамъ страна настолько возвысилась, что въ продолженіе немногихъ лѣтъ здѣсь образовалось сильное царство; большая часть сосѣдей подчинилась Гетамъ. Даже для Римлянъ онъ дѣлался страшнымъ, когда смѣло перешедши Истръ, опустошилъ Фракію до самой Македоніи и Иллиріи“ (Географія, кн. VII, гл. III, § 11. Перев. Мищенко, стр. 306).

Въ виду такъ расширяшагося могущества царства Гетовъ, уже Юлій Цезарь замышлялъ походъ въ Гетику—Дакію и заготовилъ для этого похода стотысячную армію, но походъ не состоялся, вслѣдствіе смерти Цезаря. Предположеніе Цезаря было приведено въ исполненіе Ав-

густомъ, при которомъ началась война Римлянъ съ Гетами, длившаяся съ переменнымъ счастьемъ въ теченіе ста лѣтъ, до времени императора Траяна, обратившаго царство Гетовъ въ римскую провинцію Дацію, восточною границею которой былъ Днѣпръ (см. Реслера: *Roman. Stud.*; s. 30 п. f. Ф. Бруна: *Черноморье*; стр. 245 и слѣд.).

Въ эпоху борьбы Римлянъ съ Гетами и римскаго господства въ Дакии множество предметовъ римскаго искусства императорской эпохи (монеты, терракотовые сосуды, иногда съ изображеніями сценъ изъ римской мифологіи и римскими надписями, римское вооруженіе и оружіе, римскія фибулы, шпоры и проч.) вышло изъ предѣловъ Римской имперіи и появилось въ обстановкѣ быта народовъ южныхъ и центральныхъ областей Россіи, а особенно при ближайшихъ преемникахъ императора Траяна, когда по свидѣтельствамъ историковъ современниковъ многія дакійскія племена оставили свою дунайскую родину и выселились за Карпаты. Предметы римскаго искусства, по погребальнымъ обычаямъ язычниковъ, были полагаемы въ могилы покойниковъ, а въ настоящее время ихъ присутствіе въ данныхъ языческихъ могильникахъ Россіи даетъ намъ возможность отличить ихъ отъ могильниковъ предыдущихъ историческихъ эпохъ скифской и киммерійской.

Такимъ образомъ, всѣ могильники нашей земли, заключающіе въ себѣ несомнѣнные предметы римскаго искусства императорской эпохи, я соединяю въ третью группу, называемую мною могильниками сарматской эпохи, такъ какъ въ первые вѣка послѣ Р. X. имя Сарматовъ является господствующимъ у историковъ современниковъ въ наименованіи народовъ надпонтійскихъ областей,

По своему устройству, могилы сарматской эпохи столько же разнообразны, какъ могилы предыдущихъ эпохъ. Но въ могильникахъ сарматской эпохи многихъ мѣстностей южной и центральной Россіи трупосоженіе преобладаетъ надъ погребеніемъ покойника, и могилы съ остатками сожженныхъ покойниковъ являются въ трехъ формахъ: въ видѣ погребальной урны, сосуда изъ глины, а иногда изъ бронзы, заключающаго въ себѣ пережеванныя человѣческія кости, стоящаго въ могильной ямѣ, иногда обложенной камнемъ, или деревомъ, и закрытаго землею, а иногда камнемъ, въ уровень съ окружающею поверхностью земли; въ видѣ погребальной урны, стоящей на подошвѣ, на материкѣ, или въ насыпи кургана на разной высотѣ отъ его вершины; въ видѣ кострища, то есть, остатковъ всего костра, на которомъ былъ сожженъ покойникъ, закрытаго землею и камнемъ въ уровень съ окружающею поверхностью земли, а иногда курганомъ. Иногда по соженіи покойника на приготовленной предварительно насыпи, кострище цѣликомъ сваливали въ гробницу, приготовленную въ центрѣ той же насыпи, а потомъ закрывали ее верхнею половиною кургана. Въ могилахъ съ остатками погребенныхъ покойниковъ положеніе костяковъ сарматской эпохи не отличается отъ положенія ихъ въ могилахъ скифской эпохи. Скорченныхъ и окрашенныхъ костяковъ не встрѣчается. Могильники съ костяками сарматской эпохи часто встрѣчаются разграбленными въ древности, подобно могильникамъ скифской эпохи. Могильники съ остатками трупосоженія встрѣчаются разграбленными только въ новое время, посредствомъ раскопки кургановъ и поверхности земли, подъ которою помѣщаются кострища и погребальныя урны.

Въ моей коллекціи древностей къ предметамъ, извлеченнымъ изъ могилъ сарматской эпохи, относятся слѣдующіе: римскія бронзовыя фибулы и римскія желѣзныя шпоры изъ могильника, открытаго при проведеніи Привислянскій желѣзной дороги, въ Плоцкой губ., у города Млавы, заключавшаго въ себѣ погребальныя урны съ пережеванными человѣческими костями, расплавленными стеклянными бусами, бронзовыми и желѣзными предметами неизвѣстнаго назначенія и сказанными фибулами и шпорами; золотые, терракотовые и другіе предметы изъ курганнаго могильника, изслѣдованнаго мною въ 1876 году въ Каневскомъ у., Кіевской губ., у с. Ябло-

новки; золотые, серебряные, терракотовые, бронзовые и желѣзные предметы изъ кургановъ, раскопанныхъ мною въ Роменскомъ у. Полтавской губ., у селеній Аксютинцы, Герасимовки и Сурмачевки; предметы изъ могильника, открытаго мною подъ ровною поверхностью въ Александровскомъ у., Екатеринославской губ., у с. Новогригорьевки, поступившіе на храненіе въ Императорскій Эрмитажъ; предметы изъ могильника, открытаго мною подъ ровною поверхностью на „Чеснокъ горѣ“, у колоніи Карраса, подъ Пятигорскомъ.

Изъ могильниковъ, раскопанныхъ другими изслѣдователями, типичными представителями могилъ сарматской эпохи могутъ служить слѣдующіе: могильникъ подъ Масловымъ, въ Силезіи, подъ ровною поверхностью, изслѣдованный мѣстнымъ пасторомъ Германомъ, заключавшій въ себѣ множество погребальныхъ урнъ съ пережженными человѣческими костями и разными бытовыми предметами, а между ними, нѣсколько золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ римскихъ императоровъ; на темномъ фонѣ одной урны сохранилась слѣдующая римская надпись изъ бѣлыхъ точекъ: „D. Mart. ossa III. oll. liba“; а на одной изъ терракотовыхъ лампочекъ сохранилась римская надпись: fortis (Herrman: Masslographie. 1711. F. Kruse: Bugordiz. 1819. Leipzig. S. 73 и f.); могильники подъ Кролевцемъ у дер. Гасенау, въ Куявскомъ у., подъ Пловцами, и въ Олькушскомъ у., подъ Дрочлиномъ, съ погребальными урнами, въ которыхъ между пережженными костями были найдены монеты римскихъ императоровъ: Домиціана, Траяна и Адриана (J. Sadowskiego: Drogi Handlove greckie i Rzymskie. Krakow. 1876. г. s. 77. I. Kraschewskiego; Sztuka i Slowian. Wilno. 1860. г. s. 152, 153); могильникъ надъ Нотицею, подъ Чарнковымъ, съ погребальными урнами, въ одной изъ которыхъ была найдена римская маска-времени имп. Траяна (Wiadomosci Archeologiczne; II; s. 72—74; Warszawa 1874 г.); курганъ Кіевской губ., у г. Умани, въ которомъ была найдена золотая римская императорская монета (И. Фундуклей: Обзорѣніе могилъ и пр.; с. 7. Кіевъ 1848 г.); курганъ Звенигородскаго у., Кіевской губ., у с. Петрика, въ которомъ найдены остатки костра и много предметовъ изъ золота, бронзы и терракоты, представляющихъ собою дублиеты предметовъ, найденныхъ въ Помпѣй Труды Кіевск. Арх. Съѣзда. Т. II.; с. 201); курганъ Звенигородскаго у. Кіевской губ., на границѣ земель селеній Ромейковки и Петриковки, въ которомъ, между прочимъ, были найдены бронзовый шлемъ и бронзовые наголенники, представляющіе собою дублиеты найденныхъ въ Сициліи (И. Фундуклей: Обзорѣніе могилъ; стр. 13 и 73; курганный могильникъ Каневского у., между с. с. Песчаниками и Лазурцами, въ кострищахъ которыхъ, между прочимъ, были найдены римская амфора и римская терракотовая ваза, украшенная мифологическимъ рисункомъ (тамъ же, стр. 18—20; прилож. т. XII); курганы окрестностей Керчи, раскопанные А. Ашикомъ, въ одномъ изъ которыхъ былъ найденъ золотой вѣнокъ съ выбитымъ въ срединѣ его ликомъ имп. Антонина и римскою надписью: M. Antoninus augtrp XXVII, а въ другомъ, золотыя бляшки съ вытиснутымъ на нихъ изображеніемъ римскихъ монетъ (Воспорское царство, ч. II, стр. 49—51); и мног. друг.

IV. Славянская эпоха, съ VI по XI в. по Р. X.

Надпонтійскіе народы впервые именуется Склавидами и Антами у западнаго историка VI в. Иорнанда и южнаго историка того же времени византійскаго сенатора Прокенія, по свѣдѣтельствамъ которыхъ, Склавины и Анты были народами одного происхожденія, говорили однимъ языкомъ, были многочислѣйшими народами въ Европѣ того времени и занимали неизмѣримыя пространства, лежавшія надъ Понтомъ и нижнимъ Дунаемъ, въ предѣлахъ европейской Скиѣи и Сарматіи предыдущихъ историческихъ эпохъ (см. Д. Самоквасова, О происхожденіи Славянъ, стр. 10 и слѣд.). У историковъ послѣдующихъ столѣтій имена Склавины, Анты и

Вендовъ, нерѣдко чередуясь съ прежними именами Скивовъ и Сарматовъ, являются господствующими въ именованіи народовъ надпонтійскихъ и поддунайскихъ областей. Позже, у начального русскаго лѣтописца и другихъ славянскихъ историковъ имена Вендовъ, Склавинъ и Антовъ смѣняются однимъ общимъ именемъ—Словенъ—Славянъ.

Кіевлянами-Полянами христіанство было принято уже въ концѣ IX вѣка, въ правленіе Аскольда и Дира; но при Олегѣ и его преемникахъ, языческой династіи, язычество господствовало въ Кіевѣ наравнѣ съ христіанствомъ (см. доводы съ Греками). При Владимірѣ, въ концѣ X вѣка, крестилась вся Русь; но въ областяхъ, удаленныхъ отъ Кіева, христіанство распространилось не сразу, и нѣкоторыя племена, какъ на примѣръ Вятичи, оставались въ язычествѣ до конца XI вѣка.

Могильники съ VI по XI вѣкъ включительно, заключающіе въ себѣ византійскія, арабскія и западныя монеты и другіе предметы византійскаго и арабскаго искусства сказанныхъ столѣтій, я отношу въ четвертую группу и называю ихъ могильниками славянской эпохи, именемъ господствующаго народа въ эту эпоху.

По своему устройству могилы славянской эпохи столько же разнообразны, какъ могилы предыдущихъ эпохъ. Въ могильникахъ славянской эпохи погребеніе часто встрѣчается рядомъ съ сожженіемъ труповъ; но встрѣчаются не менѣе часто кладбища только съ погребеніемъ и кладбища только съ трупосожженіемъ. Въ могильныхъ ямахъ, заключающихъ въ себѣ костяки славянской эпохи, сравнительно съ могильниками скифской и сарматской эпохъ, рѣдко встрѣчаются слѣды забрусовки, деревянныхъ и каменныхъ склеповъ, или гробницъ; взаменъ того, часто встрѣчаются слѣды досчатыхъ гробовъ, сколоченныхъ деревянными или желѣзными гвоздями. Катакомбы съ костяками славянской эпохи встрѣчаются только на Кавказѣ, гдѣ онѣ составляютъ иногда многомогильныя кладбища. Въ положеніи костяковъ наблюдается преобладаніе положенія головою на западъ, на спинѣ; руки сложены на туловищѣ, иногда вытянуты по бокамъ; ноги вытянуты вдоль туловища. Скорченныхъ и окрашенныхъ костяковъ не встрѣчается. Рядомъ съ человѣческимъ костякомъ, въ могилахъ съ болѣе богатымъ содержаніемъ, нерѣдко встрѣчается лошадиный остовъ, съ желѣзными удилами во рту и желѣзными стременами по бокамъ туловища. Виды устройства могилъ съ остатками трупосожженія тѣ же, что и въ сарматскую эпоху. Въ содержаніи могилъ славянской эпохи появляются многія формы желѣзныхъ предметовъ, никогда не встрѣчающіяся въ могилахъ предыдущихъ эпохъ, новыя формы желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, мечей, сабель, кольчуги (взамѣнъ панцырей изъ пластинокъ), стремени и пр. Въ орнаментикѣ преобладаетъ серебро надъ золотомъ.

Типичными формами могилъ славянской эпохи служатъ слѣдующіе примѣры: могильникъ Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, у с. Новогригорьевки, изслѣдованный мною въ 1884 г., многіе предметы котораго, украшенные камнями и стекломъ, представляютъ собою дублиеты предметовъ, найденныхъ въ могилахъ Венгріи съ монетами VI столѣтія, хранящихся въ національномъ музеѣ Буда-Пешта (зала III; шкафъ 24); курганы съ кострищами города Чернигова и его окрестностей, раскопанные мною въ 1873 и 1874 годахъ, заключавшіе въ себѣ византійскія и восточныя монеты IX и X столѣтій; курганы съ кострищами Черниговскаго уѣзда, при выѣздѣ изъ м. Сѣднева на Городню, раскопанные мною въ 1886 году, въ которыхъ найдены восточныя монеты IX и X столѣтій; курганъ, раскопанный мною тамъ же, подъ которымъ, въ могильной ямѣ, вырытой въ материкѣ, найдены остатки человѣческаго костяка, а при немъ обрубокъ (четвертушка) восточной монеты; совершенно сходные по устройству и содержанію курганный могильникъ Курской губерніи, Суджанскаго уѣзда, у Николаевской Бѣлогорской пустыни, съ монетою 1027—1054 г., епископа Бернольда, города Гренингена, изслѣдованный мною въ 1873 г., и курганный могильникъ города Глинска, Роменскаго уѣзда,

Полтавской губ., съ куфическою монетою X вѣка, изслѣдованный мною въ 1889 г.; катакомбный могильникъ въ Тагаурскомъ ущельи, въ урочищѣ Суоргомъ или Горькій источникъ, на землѣ осетина Э. Т. Дударова, изслѣдованный мною въ 1882 году, въ которомъ было найдено болѣе тридцати золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ VI—VIII столѣтій, византійскихъ, сассанидскихъ и аббасидскихъ.

Къ славянской эпохѣ относится также множество другихъ могильниковъ, раскопанныхъ въ разное время разными лицами и въ разныхъ мѣстностяхъ, съ костяками, кострищами и погребальными урнами, въ которыхъ не было найдено монетъ, но были открыты типичныя формы устройства и содержанія могильниковъ VI—XI столѣтій послѣ Рождества Христова: могильники моихъ раскопокъ съ костяками, кострищами и погребальными урнами въ окрестностяхъ Чернигова, у Троицкаго монастыря, на правомъ берегу р. Стрижня и у д. Гущина; въ Черниговскомъ уѣздѣ, у м. Сѣднева, у г. Березны, у х. Мишкова; въ Стародубскомъ уѣздѣ, у сс. Левинки и Мериповки; въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, у сс. Лариновки и Хворостовичъ; въ Глуховскомъ уѣздѣ, у сс. Волокитина и Ротовки; въ Курскомъ уѣздѣ, у сс. Клюквы, Александра и Городища; въ Путивльскомъ уѣздѣ, у с. Мартыановки; въ Роменскомъ уѣздѣ, у сс. Липоваго и Медвѣжьяго; въ окрестностяхъ Переяслава, Полтавской губерніи; въ окрестностяхъ Кіева, за Лыбедью, и возлѣ Китаевской пустыни; въ Привислинскомъ краѣ, въ окрестностяхъ Варшавы, въ Венгровскомъ уѣздѣ, у д. Грембокова и др.; многіе могильники съ костяками и остатками трупосожженія раскопокъ В. Б. Антоновича въ предѣлахъ земель древнихъ Сѣверянъ, Полянъ, Древлянъ и Тиверцевъ; могильники съ кострищами и костяками раскопокъ гг. Кущинскаго, Чаусова и Сизова въ Смоленской губерніи; нѣкоторые могильники раскопокъ гг. Тышкевича, Турбина, Завитневича и др. въ предѣлахъ Литвы; многіе могильники раскопокъ гг. Оссовскаго, Пршиборовскаго, Павинскаго, Киркора, Глогера, Луневскаго и др. въ предѣлахъ Галиціи, Привислинскаго края и Познани; и т. д.

V. Половецко татарская эпоха съ XII по XVII вѣкъ.

Съ рецепціей христіанства обычай насыпки кургановъ надъ гробницами покойниковъ прекращается въ средѣ славяно-русскихъ племенъ. Но на сѣверныхъ окраинахъ Россіи и въ областяхъ южной Россіи въ XI, XII и послѣдующихъ столѣтіяхъ обитали языческіе народы не славянскаго происхожденія, финскіе, половецкіе, монголо-татарскіе, хоронившіе своихъ покойниковъ по языческому обряду, съ возведеніемъ кургановъ надъ ихъ гробницами. Эти курганы сѣверной и южной Россіи, часто встрѣчающіеся многочисленными группами, я выдѣляю въ особый отдѣлъ и называю ихъ могильниками половецко-татарской эпохи въ исторіи наслоенія языческихъ могилъ въ нашей землѣ.

По своей формѣ курганы половецко-татарской эпохи не отличаются отъ кургановъ предыдущихъ историческихъ періодовъ, но отличаются отъ нихъ тѣмъ, что содержатъ въ себѣ исключительно остатки погребенныхъ и никогда сожженныхъ покойниковъ, съ предметами искусства XII—XVI столѣтія.

Типичными представителями могильниковъ половецко-татарской эпохи служатъ нижеслѣдующіе примѣры: вставная могила въ насыпи одного изъ кургановъ сарматской эпохи, раскопанныхъ мною въ 1876 году у с. Яблоновки, Каневского уѣзда, Кіевской губерніи, заключавшая въ себѣ разные бытовые предметы и обрубокъ (половину) золотой византійской монеты XII вѣка; около 150 кургановъ разной величины, изслѣдованныхъ мною и А. А. Карцевой въ 1884 году въ окрестностяхъ селенія Вороной, въ Новомосковскомъ у., Екатеринославской губ., заключавшихъ въ себѣ рядомъ со множествомъ разнообразныхъ бытовыхъ предметовъ три зо-

лотоордынскія серебряныя монеты хана Узбека, серебряную монету хана Джанибека, одинъ золотой и два серебряныхъ предмета, въ родѣ подвѣсокъ-амулетовъ, съ татарскими надписями, выражающими благопожеланія ихъ владѣльцамъ (Труды VI археол. Съѣзда въ Одессѣ; т. I, стр. 168—200, 206 и 207); курганный могильникъ Екатеринодарскаго уѣзда у станицы Старой Мышастовки, изслѣдованный въ 1879 году В. Л. Беренштамомъ, въ которомъ между прочими бытовыми предметами были найдены серебряная монета хана Джанибека, 4 серебряныя монеты хана Абдуллы и серебряная золотоордынская монета съ нечеткою надписью (V археол. Съѣздъ въ Тифлисѣ. Протоколы подготовит. комитета, стр. 305—307); и др.

На основаніи изложенныхъ фактовъ и историческихъ соображеній я предлагаю археологическіе матеріалы, открытые по настоящее время въ предѣлахъ Европейской Россіи, раздѣлить на пять группъ или отдѣловъ и назвать эти группы именами народовъ, господствовавшихъ въ соотвѣтственныя историческія эпохи въ предѣлахъ земли нашего отечества: могилы эпохъ киммерійской, скифской, сарматской, славянской и половецко-татарской.

Слѣды вліянія Готѳовъ въ сѣверной пелосѣ Россіи.

АСПЕЛИНА.

Намъ извѣстно уже изъ исторіи, а еще болѣе изъ сравнительнаго языкознанія, что Готѳы въ теченіе пяти первыхъ вѣковъ нашей эры въ значительной степени вліяли на финскія и, по-видимому, на славянскія племена Сѣверной Россіи. Нѣкоторыя историко-археологическія соображенія по этому вопросу были мною представлены въ отдѣльной статьѣ, посвященной Археологическому Съѣзду въ Одессѣ, подъ названіемъ „La Rosomonorum gens et le Ruotsi“. Для того, чтобы упомянутое вліяніе выяснить археологически во всѣхъ подробностяхъ, у насъ пока еще слишкомъ мало могильныхъ и другихъ совмѣстныхъ находокъ, которыхъ одновременные предметы представляются изслѣдователю найденными вмѣстѣ и которыя столь необходимы для уясненія хронологическаго развитія матеріала.

Прежде чѣмъ установилась эта сравнительная хронологія, могло казаться, что всѣ находки желѣзнаго вѣка, сдѣланныя между устьемъ Камы и Чудскимъ озеромъ, одновременны и, судя по встрѣчающимся въ нихъ, восточнымъ монетамъ, относятся къ концу доисторическаго періода, что въ дѣйствительности невысказуемо. Я позволю себѣ обратить вниманіе изслѣдователей на нѣкоторые предметы, встрѣчающіеся между этими послѣдними находками и указывающіе на формы прямо заимствованныя отъ Готѳовъ.

Уже во время моихъ изслѣдованій въ 1880 и 1881 годахъ, произведенныхъ въ Эстляндіи, Лифляндіи, Курляндіи, гдѣ и навѣрное существовалъ ранній готѳскій желѣзный вѣкъ, закончившійся около половины V вѣка нашей эры и для котораго *дугообразная фибула* или пряжка (Bogenfibel), развившаяся изъ такъ называемыхъ римскихъ фибулъ, составляетъ характеристическую особенность, я встрѣтилъ одинъ видъ дугообразной пряжки, который никогда не встрѣчается въ находкахъ готѳскихъ предметовъ ранняго желѣзнаго періода, но, напротивъ, встрѣчается въ находкахъ поздняго финскаго и латышскаго желѣзнаго вѣка, хотя впрочемъ дугообразная пряжка представляетъ въ нихъ чуждую форму. Пряжку этого вида издалъ, между прочимъ, Семеновскій въ своемъ сочиненіи „Бѣлорусскія древности“ на стр. 31, рис. 20. Такія же пряжки найдены вмѣстѣ съ предметами поздняго желѣзнаго вѣка также въ Финляндіи на рѣкѣ Кумо и около Ладожскаго озера.

На Выставкѣ, устроенной при настоящемъ Съѣздѣ, находятся, насколько я могъ разсмотрѣть въ витринахъ черезъ стекло, предметы подобнаго рода. Такъ, въ числѣ выставленныхъ графиней П. С. Уваровой рязанскихъ древностей, мы видимъ три дугообразныя пряжки одной формы и такую же четвертую въ коллекціи Тверскаго Музея; появленіе наиболѣе подходящаго къ нимъ готѳскаго первообраза надо въ настоящее время ожидать изъ южной части прибалтійскихъ губерній. Затѣмъ между Пермскими древностями г-на Теплоухова есть дугообразная пряжка, которая, такъ сказать, акклиматизирована прибавленіемъ къ ней подвѣсокъ; кромѣ того, въ трудахъ Финляндскаго Археологическаго Общества изданъ мною еще одинъ видъ

дугообразной пряжки из собраній Пермскихъ древностей графа Строганова. По настоящая Выставка доказываетъ, что мы въ этомъ отношеніи должны быть готовы на новыя неожиданности.

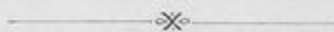
Между Муромскими древностями встрѣчается *подковообразная пряжка* съ вставленною въ нее эмалью (*Antiquités du Nord Finno-Ougrien, fig. 873*). Пряжка эта давно возбуждала во мнѣ сомнѣнія, и я опасался признать ее мѣстною: настолько чуждою казалась она между другими Муромскими предметами. Трудно было предполагать связь между нею и такимъ же образомъ украшенными эмалью бронзовыми древностями, которыя мнѣ были извѣстны раньше изъ Балтійскихъ губерній и особенно по коллекціи Подчачинскаго въ Варшавѣ, изъ Ковенской губерніи (мною изданы въ V выпускѣ *Antiquités du Nord Finno-Ougrien, фиг. 1763, 1778, 1782, 1785, 1883 и 1884*). Теперь же оказывается, что такая связь между ними дѣйствительно существуетъ.

На Выставкѣ Съѣзда есть такая же пряжка изъ готской находки г-на Висковатаго въ Петербургской губерніи, близъ Нарвы; кромѣ того, въ Императорскомъ Историческомъ Музеѣ тѣ же пряжки являются въ находкахъ изъ Ярославской и Московской губерній. Мало того, г-мъ Н. П. Булычевымъ представлены на эту же Выставку при Съѣздѣ чрезвычайно важные въ археологическомъ отношеніи предметы, добытые имъ, повидимому, изъ могилъ. Найденныя имъ древности подходятъ весьма близко къ вышеупомянутымъ изъ прибалтійскихъ губерній и должны быть отнесены къ той же, еще мало разграниченной готской группѣ предметовъ. По всей вѣроятности эти технически-своеобразныя формы, принадлежатъ Остъ-готамъ, которые во время нашествія Гунновъ были столь могущественны въ финскихъ и славянскихъ областяхъ, но которыхъ дѣйствительная исторія еще не выяснена доисторическою археологіей.

Къ сожалѣнію мнѣ неизвѣстны подробности о находкѣ г. Булычева, но желательно было бы, чтобы онъ имѣлъ возможность прослѣдить распространеніе культурнаго слоя этихъ предметовъ. Открытіемъ въ средней Россіи культурнаго слоя, который можетъ быть съ точностью опредѣленъ этнографически и хронологически, онъ оказалъ археологіи неоцѣнимую заслугу. У меня нѣтъ подъ руками никакихъ пособій для сравненія, но можно смѣло предполагать, что открытые г. Булычевымъ формы относятся, примѣрно къ V-му вѣку. Славянскіе и финскіе предметы въ этихъ готскихъ находкахъ и предметы готскіе въ славянскихъ и финскихъ должны впоследствии послужить къ развитію археологической хронологіи.

Въ виду историческаго значенія этой находки а равно и существенной необходимости точнѣйшаго этнографическаго распредѣленія матеріала для постановки исторіи культуры доисторическихъ народовъ, которая составляетъ главную задачу сравнительной археологіи, позволю себѣ въ заключеніе пожелать, чтобы Императорское Московское Археологическое Общество при другихъ своихъ великихъ задачахъ обратило особенное вниманіе на разслѣдованіе доисторическихъ славянскихъ культурныхъ слоевъ во всѣхъ разнообразныхъ отѣнкахъ. Такія слои, конечно, должны встрѣчаться повсюду, гдѣ жили Славяне въ началѣ историческаго періода и навѣрное также между древностями уже собранными въ этихъ славянскихъ земляхъ. Если бы изъ всѣхъ общественныхъ и частныхъ музеевъ были вмѣстѣ собраны для изданія хотя самые характеристическіе матеріалы этого рода, тогда бы легко можно было группировать цѣлыя могильныя находки и вмѣстѣ съ ними отдѣльно найденныя вещи не только по главнымъ археологическимъ эпохамъ, но, болѣе или менѣе, и по болѣе частнымъ хронологическимъ и провинціальнымъ слоямъ.

Составленіе атласа, обнимающаго все до настоящаго времени извѣстныя доисторическія древности славянскаго міра было бы для сравнительной археологіи дѣломъ громаднѣйшаго значенія вполне достойнымъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Саратовъ на лѣвомъ берегу Волги и время перенесенія его на правый ея берегъ.

Е. Е. ЧЕКАЛИНА.

Заволжскій Саратовъ находился въ одной верстѣ къ сѣверу отъ нынѣшней Покровской слободы Самарской губ., на правомъ берегу степной рѣчки Саратовки, при самомъ впаденіи ея въ одинъ изъ рукавовъ Волги, на мѣстности довольно ровной и еще на памяти Покровскихъ старожиловъ покрытой дремучими лѣсами. Подмываемые Волгою и разрушаемые временемъ слѣды его представляются теперь едва замѣтными; по прежнимъ же изысканіямъ нашего покойнаго земляка А. Ф. Леопольдова развалины Саратова занимали небольшое трехугольное пространство всего лишь въ 7 десятинъ хозяйственной мѣры, омываемое съ одной стороны рукавомъ Волги, съ другой рѣч. Саратовкой и съ третьей, гдѣ теперь замѣтна лишь канава, двойнымъ землянымъ валомъ и состояли изъ ямъ, бугровъ и груды камня отъ разсыпавшихся печей: каменныхъ строеній въ немъ не было; здѣсь находили старинныя монеты и металлическія вещи ¹⁾ и теперь еще находятъ крупныя мѣдныя сосуды.

Основываясь на нѣкоторыхъ приблизительныхъ указаніяхъ, сохранившихся въ нашихъ письменныхъ памятникахъ XVI вѣка, первоначальное основаніе города Саратова на лѣвомъ берегу Волги по инициативѣ русскаго правительства принято относить къ 1590 году, въ которомъ Саратовъ въ первый разъ встрѣчается съ эпитетомъ „Новаго города“ подъ управленіемъ воеводы основателя его князя Григорья Засѣкина ²⁾. Не касаясь этого спорнаго еще вопроса, на разрѣшеніе котораго было затрачено не мало труда другими изыскателями, я въ настоящемъ трудѣ моемъ намѣренъ представить несомнѣнныя историческія указанія о томъ, что на мѣстѣ стараго гор. Саратова весьма задолго до основанія здѣсь русской крѣпости существовало татарское поселеніе, которое въ видѣ покинутаго селища или городища перешло подъ русское укрѣпленіе при возникшей въ концѣ XVI вѣка, съ паденіемъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ, потребности въ постройкѣ сторожевыхъ пунктовъ или острожковъ по Волгѣ.

Первое несомнѣнное указаніе на это урочище мы встрѣчаемъ въ „Путешествіи“ Рубруквиса, который лѣтомъ 1253 года, направляясь изъ Крыма въ станъ Батыя, нашель послѣдній на лѣвомъ берегу Волги въ 10-ти длинныхъ дняхъ пути отъ Дона (около 400 верстѣ) и въ 5-ти

¹⁾ Историч. очеркъ Саратовскаго края. А. Леопольдова 1848 г., стр. 32 и 33.

²⁾ Акты историч., т. 1, № 230. — Поволжье проф. Перетятковича, ч. I, стр. 320—321.

труды 8-го археол. съезда въ москвѣ 1890 г. т. III.

дняхъ пути ниже южныхъ предѣловъ Камской Болгаріи въ видѣ весьма многолюднаго лѣтняго становища на пространствѣ 3—4-хъ миль, выше котораго Батый въ своихъ ежегодныхъ кочевкахъ съ ордою не поднимался по Волгѣ³⁾. На прекрасной своими подробностями и возможной точностью картѣ венеціанцевъ братьевъ Пицигани, составленной въ 1367 году въ числѣ многихъ поселеній по Волгѣ на лѣвомъ ея берегу противъ Укека нанесенъ ими городокъ *Yalacki* (тюрское Яйлакъ—лѣтнее становище) и, наконецъ, на таковой же картѣ 1459 г. знаменитаго ученаго космографа XV вѣка Фра Мауро противъ Укека также поставленъ городокъ, нѣсколько выше его, и на одномъ изъ устьевъ впадающей съ лѣвой стороны въ Волгу небольшой рѣчки⁴⁾.

Саратовъ или Сары-Тау (т. е. Желтая Гора), несомнѣнно получившій свое названіе отъ соименной ему рѣчки, на устьѣ которой онъ находился прежде, чѣмъ перешелъ на нагорный берегъ Волги, подъ этимъ именемъ встрѣчается въ первый разъ въ такъ называемой „Булгарской лѣтописи“, написанной около 1581 г. жителемъ Казанской области Шерефетдиномъ Булгари, въ числѣ многихъ другихъ издавна населенныхъ мусульманами мѣстъ. Повѣствуя во второй части своей лѣтописи о распространеніи ислама между Булгарами, Шерефетдинъ между прочимъ говоритъ, что воспитанникъ весьма ученаго въ дѣлахъ вѣры Булгарина Идриса шейхъ Касимъ изъ Новой Казани (основанной въ первой половинѣ XV вѣка), сдѣлавшись намѣстникомъ по смерти своего учителя и проживая въ Новой Казани, научилъ исламу многихъ людей изъ Ала-Тау, Алатура, *Сары-Тау* и другихъ мѣстъ и умеръ въ Казани и что второй его преемникъ Шаамъ, сынъ Иштерьяка, учившійся въ Багдадѣ, словомъ и дѣломъ прямилъ дорогу людей въ Казани, Уфѣ, Алатурѣ, Синбирѣ, *Сары-Тау*, *Сарычинъ* и Табулѣ. Хотя авторъ не приводитъ никакихъ хронологическихъ датъ для опредѣленія времени дѣйствія этихъ Касима и Шаама, но съ помощью указаній его же лѣтописи можно приблизительно опредѣлить послѣднее. Ранѣе, перечисляя по порядку проповѣдниковъ ислама въ Болгаріи, онъ говоритъ, что помянутый выше Идрисъ, отправившись въ Яркандъ, учился тамъ 15 лѣтъ у шейха Уллы, научившагося исламу у послушника туркестанскаго богослова Ходжи Ахмеда Сеюви или Яссеви. Этотъ Ахмедъ Яссеви хорошо извѣстный и до сихъ поръ въ средней Азіи, какъ одинъ изъ ученѣйшихъ богослововъ и величайшихъ святыхъ, жилъ по мѣстнымъ преданіямъ во второй половинѣ XIV вѣка и надъ его могилой въ гор. Туркестанѣ до сего времени сохранилась и привлекаетъ отовсюду богомольцевъ построенная еще Тамерланомъ каменная мечеть—одно изъ величайшихъ въ средней Азіи зданій⁵⁾. Принимая во вниманіе эти указанія, можно съ достовѣрностью заключить, что время проповѣди Касима и Шаама въ саратовскомъ Поволжьѣ относится не позже, какъ къ срединѣ XV вѣка.

Находясь пока въ полномъ невѣдѣніи исторіи внутренняго быта Болгаро-татарскаго царства, мы при всей новизнѣ и можетъ быть неожиданности для насъ такого заключенія не имѣемъ никакихъ основательныхъ поводовъ усумниться въ исторической достовѣрности нашего автора по этому вопросу и принять его за рассказъ какое-либо недоразумѣніе или вымыселъ въ виду, на примѣръ, его очевиднаго желанія показать торжество и широкое распространеніе

³⁾ См. статью Ф. М. Шмидта въ *Zeitschrift der Geselsch. für Edkunde zu Berlin*, 20 B. 3 H. 1885.

⁴⁾ Обѣ эти карты въ частяхъ, относящихся къ нижнему Поволжью, изданы мною съ объясненіями во II томѣ Трудовъ Саратов. Архивн. Коммисіи, 1889 г.

⁵⁾ Лѣтопись Булгари въ переводѣ съ разныхъ списковъ, проф. Березина (Уч. Зап. Казан. Унив. 1852 г. кн. III) и акад. В. Зернова (Труд. Вост. Отд. Арх. Общ., ч. IV, 1859 г.).—Симбир. городище Невоструева 1869 г..—Сборникъ статей, касающ. Туркестанскаго края Хорошихина 1876 г. и Истор. Вѣстникъ 1888 г. № 7. Къ заключенію о томъ, что эта лѣтопись писана авторомъ около 1581 г., приводитъ насъ постановленная имъ себѣ задача разсказать о шейхахъ и святыхъ, жившихъ въ Булгарѣ до 989 г. гѣджры. О русскомъ владычествѣ онъ не упоминаетъ ни разу и вѣроятно по этому г. Березинъ считаетъ его жителемъ первой половины XVI вѣка.

ислама между населеніемъ болгарской и сосѣднихъ областей. Если и предположить, что онъ писалъ свою лѣтопись послѣ 1590 г., то и тогда нѣтъ возможности подозрѣвать его въ томъ, что онъ отнесъ основаніе Саратова и Царицына ко времени гораздо древнѣйшему основанія здѣсь русскихъ крѣпостей лишь ради того, чтобъ увеличить ими область распространенія ислама въ XV вѣкѣ, ибо во всякомъ случаѣ онъ писалъ ее въ то время, когда среди его современниковъ еще живо сохранялось преданіе объ упоминаемыхъ имъ поселеніяхъ.

Область бывшихъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ дѣлается для насъ болѣе или менѣе извѣстной въ топографическомъ отношеніи лишь со времени ихъ окончательнаго покоренія и съ принятіемъ правительствомъ мѣръ къ ея русской колонизаціи и закрѣпленію; при этомъ не рѣдко русскіе города возникали или на мѣстѣ инородческихъ поселеній и въ такихъ городахъ русское поселеніе, составляя сначала лишь крѣпостной гарнизонъ, съ новымъ притокомъ русскихъ поселенцевъ постепенно вытѣсняло инородцевъ и за новымъ поселеніемъ сохранялось лишь его старое имя или же на мѣстѣ удобно расположенныхъ старыхъ городищъ или селищъ и въ обоихъ случаяхъ только благодаря случайно сохранившимся письменнымъ памятникамъ или же народнымъ преданіямъ, мы иногда открываемъ первоначальныхъ обитателей и основателей этихъ городовъ ⁶⁾.

Булгарская лѣтопись, замѣтимъ мимоходомъ, даетъ и другое интересное указаніе, на которое мѣстнымъ археологамъ слѣдуетъ обратить вниманіе: изъ нея мы узнаемъ, что еще въ срединѣ XV вѣка продолжалась проповѣдь ислама между Татарами Саратовскаго Поволжья и слѣдовательно между ними могли еще сохраняться въ то время языческіе обряды, каковы, наприм., сожженіе покойниковъ и насыпка кургановъ надъ могилами ⁷⁾.

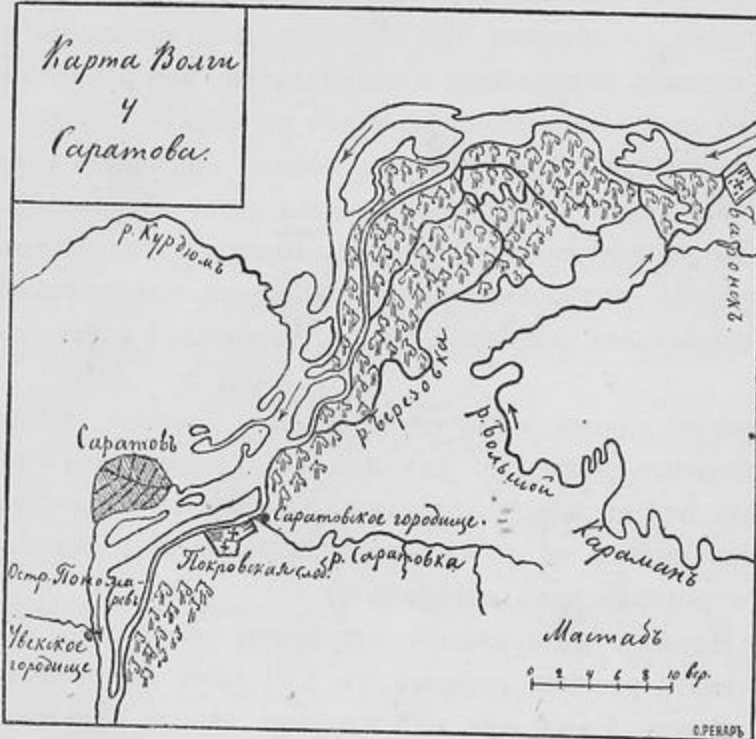
Сохранившіеся въ Архивѣ Разряднаго Приказа историческіе документы объ устройствѣ сторожевой и станичной службы на юговосточной русской окраинѣ въ XVI вѣкѣ даютъ намъ интересное указаніе о томъ, что на лѣвомъ берегу Волги еще до построенія города Саратова, въ весьма близкомъ отъ него разстояніи и всего вѣроятнѣе на самомъ его мѣстѣ находился стоялый, т. е. лѣтній острожекъ или станица въ видѣ центра сторожевыхъ разъѣздовъ вверхъ и внизъ по Волгѣ.

Вслѣдъ за изданіемъ 16 февраля 1571 г. общаго устава, упорядочившаго устройство сторожевой и станичной службы на степной окраинѣ Россіи, князь Воротынскій 21 того же февраля для надзора за исправностью назначенныхъ въ уставѣ сторожей опредѣлилъ 4-хъ стоялыхъ головъ съ особыми отрядами станичниковъ, изъ которыхъ первый, начиная съ востока, самый большой, состоящій изъ 135 человекъ дѣтей боярскихъ, Татаръ, казаковъ, Чувашъ и Мордвы и посылаемый изъ Казани, Свияжска, Алатыря, Темникова и друг. городовъ подъ начальствомъ головы изъ казанскихъ жильцовъ долженъ, быть „стояти въ полѣ, на Волгѣ, подъ Караманскимъ лѣсомъ, а отъ тое головы ѣздити станичникамъ, перемѣняясь по шти (6-ти) недѣль, на гору по Волгѣ (т. е. вверхъ) до Тетюшскаго города, а проѣзду днища съ четыре, а на подоль къ Волгѣ, (т. е. внизъ) до верхъ рѣчки Балыклея, а проѣзду днища съ три или меньше“. Съ запада къ устью Балыклея должны были подѣзжать, замыкая цѣпь разъѣздовъ, станичники 2-го головы, поставленнаго на Дону выше Хопра и Медвѣдицы. Станица подъ Караманскимъ лѣсомъ просуществовала лишь до 1576 г. и затѣмъ была перенесена на р. Ворону.

⁶⁾ „О городищахъ древн. Волжско-болгарскаго и Казанскаго царствъ въ губ. Казанской, Сибирской, Самарской и Вятской“, Невоструева, въ Труд. Москов. Археолог. Съѣзда 1869 г. — „Древніе города“, С. М. Шпизевскаго, 1877 г. — Поволжье, Перетятковича, т. I, стр. 237, 258—260, 265—267, 271.

⁷⁾ Хотя такіе знатоки быта Татаръ въ эпоху язычества, какъ Плато Карпини и Рубруквистъ, говорятъ лишь о простомъ у нихъ погребеніи, но другіе писатели-очевидцы, какъ Марко Поло и армян. историкъ Киракоса Гандзакеци († 1272 г.) удостовѣряютъ также и о существовавшемъ у нихъ трупно-сожженіи.

Вмѣсто нея при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ была учреждена на протяженіи всей Волги линія разѣздовъ и сторожъ съ замѣщеніемъ служилыхъ людей охотниками главнымъ образомъ изъ вольныхъ волжскихъ и яицкихъ казаковъ⁸⁾. Этотъ Караманскій лѣсъ несомнѣнно существуетъ и по нынѣ, занимая обширное пространство по луговому берегу („на полѣ“) на общемъ устьѣ довольно значительныхъ рѣкъ Большаго и Малаго Карамановъ и прикасаясь на югѣ къ устью рѣч. Саратовки съ сохранившимися на немъ развалинами стараго Саратова⁹⁾. Рѣч. Балыклей

впадаетъ въ Волгу въ Царицынскомъ уѣздѣ. Она и Караманъ значились и на Большомъ Чертежѣ. Просуществовавъ лишь 5 лѣтъ, Караманская станица по всей вѣроятности послужила началомъ къ основанію города Саратова; иныхъ слѣдовъ ея въ ближайшемъ районѣ не сохранилось.

О существованіи какого-либо городища у сѣвернаго края помянутаго лѣса на Волгѣ близъ нынѣшняго Екатериненштадта или Баронска умалчиваютъ все ученые путешественники второй половины XVIII вѣка, въ томъ числѣ и Палласъ, бывший здѣсь въ 1773 г.

Несомнѣнное подтвержденіе существованія стародавняго поселенія на мѣстѣ гор. Саратова на лѣвомъ берегу Волги мы находимъ въ найденной Археографич.

Коммиссіей въ Астраханскихъ архивахъ и опубликованной въ III томѣ ея Актовъ историч. „памяти стрѣлецкимъ головамъ, отправленнымъ изъ Самары въ Астрахань“ (стр. 441), гдѣ говорится между проч. слѣдующее: „Лѣта 7122 (1614) мая въ 23 день по государеву царя и вел. князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи указу. Писали мы къ боярину и воеводамъ ко князю Ив. Никитичу Одоевскому да ко окольникову къ Семену Васильевичу Головину да къ дьяку Юдину (въ Казань), что вы пріѣхали на Саратовское городище мая въ 21 день; и вы изъ Самары отпущены подѣ Астрахань въ 17 день мая и велѣно вамъ ѣхать къ Астрахани на спѣхъ днемъ и ночью и вы ѣхали отъ Самары до Саратовскаго городища полчетверта дни. . . вы то дѣлаете не гораздо: заѣзжали есте на Саратовское городище и копали ямы и искали поклажаевъ, а отъ городища заѣзжали къ Саратову близко 10 верстъ и прислали.. (не разобрано) колокола; а мы васъ послали на спѣхъ, а не ямы копать и не поклажаевъ искать и не для колоколовъ“ и т. д. „Писана на Саратовскомъ городищѣ“. Въ другомъ актѣ того 1614 года, въ донесеніи Самарскаго воеводы упоминается о „Саратовскомъ пепелищѣ“, какъ о мѣстѣ сбора воровскихъ казаковъ. Такъ какъ слово пепелище и теперь еще нерѣдко употребляется вмѣсто словъ: городище,

⁸⁾ О сторожев., станичн. и полев. службѣ, Бѣляева, 1846 г. стр. 17—19, 24 и 33 и прим. 32 и 44. По всей вѣроятности объ этихъ качачьихъ разѣздахъ свидѣлствуютъ очень часто упоминаемые въ мѣстныхъ архивныхъ документахъ о земляныхъ дачахъ конца XVII вѣка, въ видѣ урочищъ на обширномъ пространствѣ отъ праваго берега Волги: „казачьи дороги, казачьи или караульные горы, казачьи броды“ на рѣчкахъ и проч. Акты Москов. государ., т. I, № 4.

⁹⁾ По восточному краю этого лѣса протекаетъ рѣч. Березовка. См. приложенную карту, свитую мною въ видѣ коніи съ 92 листа Спец. карты Европ. Россіи изд. Главн. Штаба.

селище и печищи ¹⁰⁾, то и въ этомъ актѣ слѣдуетъ разумѣть не сожженный Саратовъ, какъ думаютъ нѣкоторые изъ писавшихъ о немъ, а то же Саратовское городище, о которомъ говорится въ памяти стрѣлецкимъ головамъ. Необходимо также замѣтить, что здѣсь подъ именемъ Саратовскаго городища не слѣдуетъ разумѣть покинутое поселеніе, какъ это дѣлалось всѣми до сихъ поръ: городищами съ опредѣлительнымъ названіемъ означались обыкновенно существующія на старыхъ укрѣпленіяхъ поселенія ¹¹⁾.

Русскій Саратовъ въ видѣ весьма небольшого городка былъ впервые основанъ никакъ не ранѣе 1582 года, ибо путешествовавшій въ 1579 г. отъ Ярославля внизъ по Волгѣ до Астрахани, а въ 1581 г. обратно и подробно описавшій попутные населенные пункты служитель англійской торговой компаніи, извѣстный Христофоръ Борро, говоря о Тетюшахъ, Царицынѣ и даже о развалинахъ Укека и перечисляя всѣ караулы или сторожи, основанные русскими на нижней части Волги, ни единымъ словомъ не упоминаетъ о Саратовѣ ¹²⁾; вслѣдствіе этого къ 1614 году, за такое короткое время существованія на Саратовскомъ городищѣ русскаго поселенія, въ немъ не могло остаться забытыхъ кладовъ и даже какихъ-то колоколовъ, найденныхъ и привезенныхъ въ правобережный, т. е. нынѣшній Саратовъ стрѣлецкими головами; очевидно на этомъ мѣстѣ находилось то древнее татарское поселеніе эпохи Золотой орды, которое на современныхъ картахъ подъ именемъ Яйлака или становища обозначалось противъ Укека, подобно ему привлекавшее потомъ кладоискателей и давшее, можетъ быть, и самому урочищу имя городища или пепелища, если прежде всего оно не получило этого имени отъ находившейся на немъ Караманской станицы.

Находясь на окраинѣ Казанскаго царства къ юго-восточнымъ степямъ и будучи подвержено нападеніямъ крымскихъ и погайскихъ Татаръ, это существовавшее еще въ серединѣ XV вѣка подъ именемъ Сары-Тау поселеніе задолго до основанія здѣсь русскаго укрѣпленія было покинуто его обитателями: ни Контарини въ 1476 г., ни Борро въ 1579 г. объ немъ уже не упоминаютъ.

Приведенный выше документъ даетъ также весьма важное указаніе о томъ, что уже въ 1614 г. близъ Саратовскаго городища существовалъ нынѣшній Саратовъ; здѣсь невозможно допустить ошибки въ прочтеніи года (7122) въ подлинной рукописи, такъ какъ и вторая рукопись, въ коей упоминается о Саратовскомъ пепелищѣ, писана въ Казань на имя тѣхъ же кн. Одоевскаго и Головина, извѣстныхъ своею дѣятельностью на Волгѣ въ то время противу Заруцкаго и относится къ тому же 1614 г. Это указаніе останавливаетъ на себѣ наше вниманіе въ особенности потому, что оно стоитъ въ совершенномъ противорѣчій съ тѣми удостовѣреніями, которыя даютъ намъ такіе свидѣтели-очевидцы, какъ Олеарій и Стрюйсъ, оба видѣвшіе Саратовъ: одинъ въ 1636, а другой въ 1669 годахъ еще на *львомъ*, низменномъ берегу Волги, на *одномъ изъ ея рукавовъ*, населенный стрѣльцами съ воеводой — полковникомъ во главѣ и стоящій здѣсь въ качествѣ оберегательнаго пункта отъ набѣговъ Калмыковъ, о нападеніи которыхъ на Саратовъ за это время говорятъ и наши документы ¹³⁾. Первый изъ этихъ путешественниковъ даетъ намъ и рисунокъ Саратова, а послѣдній въ своемъ краткомъ, но, очевидно,

¹⁰⁾ Наприм. Болгарскимъ пепелищемъ и теперь еще называются развалины древняго Болгара на Волгѣ и др. См. примѣч. Спасскаго къ изданной имъ книгѣ Больш. Чертежу на стр. 271, 263, 254. Леопольдовъ при описаніи тѣхъ же саратовскихъ развалинъ за Волгою называетъ ихъ пепелищемъ. Дер. Печищи существуетъ и нынѣ въ Свияжскомъ у.

¹¹⁾ Въ книгѣ Больш. Чертежу многія изъ существующихъ нынѣ поселеній назывались городищами: Чугуево городище, Медынское, Наровчатское, Поромзино городище и т. д. Въ архивныхъ документахъ нынѣшнія селенія почти всегда назывались городищами или городками, если стояли на или около старыхъ укрѣпленій.

¹²⁾ Это путешествіе въ видѣ подробнаго извлеченія изъ писемъ Борро помѣщено въ I т. извѣстнаго англ. Сборника XVI вѣка Гаклюйта (3 изд. 1889—12 г., стр. 471—486).

¹³⁾ Акты историч., т. VI, стр. 110.

не заимствованномъ у Олеарія описаніи называетъ его очень маленькимъ городкомъ и, оба автора умалчиваютъ о какомъ-либо населенномъ пунктѣ на мѣстѣ нынѣшняго Саратова ¹⁴⁾.

Для разъясненія этого весьма интереснаго въ исторіи нашего города вопроса обратимся къ помощи другихъ изъ сохранившихся до насъ источниковъ.

По книгѣ Большому Чертежу городъ стоялъ на лѣвомъ берегу Волги и на рукавѣ, ибо замѣчено: „а противъ Саратова островъ“; но на собственноручномъ чертежѣ сына Бориса Годунова Ѳедора, умершаго въ 1605 г., воспроизведенномъ на прекрасной „Картѣ Россіи 1614 года“ извѣстнаго голландскаго географа Гесселя Герарда, посвятившаго ее царю Михаилу Ѳеодоровичу, Саратовъ (и Царицынъ) помѣщенъ уже на правомъ ея берегу ¹⁵⁾. Покойный Леопольдовъ со словъ одной рукописи начала нынѣшняго столѣтія, бывшей у него въ разсмотрѣніи и потомъ сгорѣвшей, удостовѣряетъ, что Саратовъ, по сохранившимся преданіямъ, перенесенъ на правый берегъ въ 1605 году ¹⁶⁾.

Въ числѣ доставленныхъ въ 1888 г. г. Голомбѣвскимъ въ Саратовскую Архивн. Коммисію и опубликованныхъ въ 4-мъ вып. I тома ея Трудовъ копій съ грамотъ по Саратову, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юст., одинъ документъ 1635 г. курдюмскія рыбныя ловли называетъ „подгородными“ относительно Саратова и тѣмъ самымъ какъ бы указываетъ на существованіе его въ то время на нагорномъ берегу Волги; другой замѣчательный документъ 1674 г. говоритъ, что въ это время именнымъ указомъ царя Алексѣя Михайловича „*вельно Саратовъ городъ дѣлатъ на горахъ новой*“, для чего назначался къ сломкѣ рыбный дворъ Московскаго Новоспасскаго монастыря, выстроенный здѣсь, судя по третьему документу изъ того же собранія, относящемуся къ 1652 г., на четырехъ дворовыхъ мѣстахъ, уступленныхъ въ этомъ году монастырю посадскими людьми за ненадобность; но по просьбѣ монастыря и въ виду того, что „новому городу утѣсненія и въ приходъ воинскихъ людей отъ того двора никакой порухи не чаялось“, сломка его была остановлена. Изъ производившагося въ текущемъ столѣтіи въ сенатѣ дѣла о саратовскихъ земляхъ и рыбныхъ ловляхъ видно, что въ 1658 г. въ Саратовѣ, на правомъ берегу Волги, у Соколовой горы, гдѣ нынѣ церковь Преображенія, существовалъ уже его древній Богородскій мужской монастырь, коему въ этомъ году по грамотѣ изъ приказа Казанскаго дворца были даны рыбныя ловли совмѣстно съ саратовскими жителями ¹⁷⁾.

Такимъ образомъ, всѣ приведенные мною документы вмѣстѣ съ картою Герарда несомнѣнно намъ указываютъ на то, что съ самаго начала семнадцатаго вѣка Саратовъ существовалъ уже на правомъ, нагорномъ берегу Волги; на это же указываетъ и то обстоятельство, что пространство по сию сторону Волги, между Пензою и Саратовомъ, издавна называлось саратовскою степью, какъ, наприм., въ разсмотрѣнныхъ мною актахъ 1666 г. объ отводѣ земель поселенцамъ гор. Пензы. Что же касается свидѣтельствъ Олеарія и Стрюйса, то они приводятъ насъ къ заключенію, что и при существованіи новаго поселенія—если только этотъ сравнительный эпитетъ можетъ имѣть здѣсь мѣсто—старое укрѣпленіе на лѣвомъ берегу Волги не было упразднено и разрушено, и еще много лѣтъ продолжало существовать одновременно съ новымъ поселеніемъ и служить защитою отъ набѣговъ сначала Ногайскихъ Татаръ, а потомъ Калмыковъ.

¹⁴⁾ Путешествіе Олеарія въ Московію и Персію, изд., въ Гамбургѣ, на нѣм. яз., 1796 г. и Путешествіе Ив. Стрюйса въ Московію, Татарію, Персію и проч., въ перев. съ голланд. на франц. яз. Гланиуса, 1720 г. Вотъ подлинныя слова мало пока извѣстнаго въ нашей литературѣ Стрюйса: „14 августа (1669 г.) мы бросили якорь у Саратова. Это очень маленькій городокъ, построенный на равнинѣ и орошаемый однимъ изъ рукавовъ Волги. Сосѣдство Казаковъ и Татаръ, называемыхъ Калмыками, заставляетъ содержать здѣсь во всякое время сильный гарнизонъ. Съ этихъ мѣстъ начинаютъ показываться Калмыки, которые, по моему мнѣнію, самые безобразные и самые страшные изъ людей“ (т. II, р. 5).

¹⁵⁾ Эта карта приложена къ III ч. „Сказаній современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ“, Устрялова, 1837 г.

¹⁶⁾ См. примѣч. I.

¹⁷⁾ „Саратовскій мужской монастырь, статья г. Кореннаго, въ газ. Саратовскій Листокъ 1883 г., № 121 и слѣд.

Прямое указаніе на это обстоятельство мы находимъ и въ памяти стрѣлецкимъ головамъ, *писанной въ 1614 г. на Саратовскомъ городищѣ*,—мѣстѣ, несомнѣнно, населенномъ, какъ уже сказано выше и даже имѣвшемъ, какъ видно, административное значеніе.

Обращаясь къ разрѣшенію вопроса о времени упраздненія города Саратова на лѣвомъ берегу Волги, мы находимъ, что еще въ 1669 г. Стрюйсъ видѣлъ его на этомъ берегу, а въ 1674 г. горододѣлецъ, полковникъ А. Шель, строилъ уже на нагорномъ берегу новый городъ, т. е. стѣны, валы и рвы и для этого сносилъ частныя постройки. Допустить предположеніе о томъ, что Шель, строя новый городъ, лишь расширялъ существовавшее здѣсь ранѣе укрѣпленіе, отъ котораго не сохранилось до насъ никакихъ слѣдовъ и преданій, было бы едва-ли возможно: крѣпости или остроги всегда сохранялись неизмѣнно даже при самомъ значительномъ расширеніи городовъ. Основываясь на этихъ несомнѣнныхъ данныхъ и соображеніяхъ, нельзя не придти къ убѣжденію въ томъ, что именно въ 1674 году и состоялось упраздненіе Саратовскаго укрѣпленія на лѣвомъ берегу Волги съ перенесеніемъ его на правый ея берегъ. Существова на первомъ изъ нихъ послѣдніа 40 лѣтъ для защиты восточной окраины Россіи отъ набѣговъ и разореній Калмыковъ, оно съ временнымъ ихъ замиреніемъ и со вступленіемъ ихъ хана Аюки, по договору 27 февраля 1673 г., подъ покровительство Россіи ¹⁸⁾, потеряло свое значеніе на этомъ мѣстѣ и было упразднено. Населенное, по Олеарію, одними стрѣльцами и имѣвшее по преданію, одну деревянную церковь во имя иконы Казанской Богоматери, оно съ переводомъ гарнизона совершенно *запустѣло*; на его мѣстѣ мы потомъ въ первой половинѣ XVIII вѣка находимъ такъ называемый „калмыцкій торгъ“ (мѣновой дворъ).

Въ виду несомнѣнныхъ указаній о существованіи Саратова на правомъ берегу Волги уже въ 1614 г. покойные Леопольдовъ и Артемьевъ, а послѣ нихъ и проф. Перетятковичъ это упраздненіе отнесли къ самому началу XVII вѣка, признавъ въ немъ перенесеніе города на правый берегъ Волги и категорически отвергли свидѣтельство Олеарія о существованіи Саратова въ 1636 г. на лѣвомъ берегу, какъ противорѣчащее документальнымъ указаніямъ ¹⁹⁾. Только покойный Костомаровъ былъ убѣжденъ въ противномъ: основываясь на удостовѣреніи Олеарія и Стрюйса, онъ утверждалъ, что еще въ эпоху возмущенія Стеньки Разина Саратовъ находился на лѣвомъ берегу Волги, гдѣ тотъ и взялъ его лѣтомъ 1670 г. безъ сопротивленія; на мѣстѣ же нынѣшняго Саратова авторъ исторіи этой эпохи никакого поселенія не находилъ ²⁰⁾.

Если мною при разрѣшеніи весьма темнаго до сихъ поръ вопроса о такъ называемомъ перенесеніи Саратова съ лѣваго берега Волги на правый вѣрно понятъ цѣлый рядъ указанныхъ выше документовъ и изъ нихъ въ особенности указъ царя Алексѣя Михайловича о построеніи на нагорномъ берегу новаго города и не отвергнуто, подобно гг. Перетятковичу и Артемьеву удостовѣреніе не одного, а двухъ свидѣтелей-очевидцевъ: Олеарія и Стрюйса, что безъ самой очевидной натяжки было бы и совершенно невозможно, то намъ само-собою остается лишь придти къ слѣдующему, не содержащему въ самомъ себѣ ничего невозможнаго заключенію. Со времени своего основанія до 1674 г. самый городъ Саратовъ или точнѣе Саратовскій острогъ подъ именемъ Саратовскаго городища, или города Саратова, въ видѣ небольшой крѣпостцы, слѣды коей сохранились до нынѣ, съ воеводою и лишь съ гарнизономъ изъ стрѣльцовъ, находился на лѣвомъ берегу Волги, представлявшемъ гораздо болѣе удобствъ для наблюденія и отраженія набѣговъ сначала Ногайскихъ Татаръ, а потомъ Калмыковъ на восточную окраину. Посадъ же его, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе значительный, находился, судя по документу 1652 г. объ уступкѣ *посадскими людьми* дворовыхъ мѣсть Новоспасскому монастырю, на

¹⁸⁾ Полное Собр. Законовъ, т. I, № 540.

¹⁹⁾ Поволжье Перетятковича, ч. II, прим. на стр. 204. — Город-

скія поселенія Рос. Имп. т. IV, стр. 406. Авторы отвергаютъ свидѣтельство Олеарія и умалчиваютъ о Стрюйсѣ.

²⁰⁾ Бунтъ Стеньки Разина, Костомарова, изд. 2 дополн., 1859 г., стр. 143.

правомъ ея берегу, искони гораздо менѣе опасномъ отъ нападеній разныхъ кочевниковъ ²¹⁾, на мѣстѣ, окруженномъ горами и вообще хорошо защищенномъ самою природою и ближайшемъ къ острогу изъ удобныхъ для поселенія. Только въ 1674 г. городъ соединился съ посадомъ, будучи перенесенъ на такъ называемую тогда Крымскую сторону Волги. Не имѣя самостоятельнаго значенія, посадъ почти никогда въ правительственныхъ актахъ особо отъ своего города не упоминался; Олеарій же и Стрюйсъ умалчиваютъ о немъ потому, что, проходя мимо города рукавомъ Волги, они видѣть посада не могли. Такое заключеніе не только не ведетъ за собою произвольнаго отрицанія свидѣтельствъ этихъ путешественниковъ, но, по моему мнѣнію, и легко объясняетъ кажущееся противорѣчіе между ними и архивными документами.

Посадъ при городѣ Саратовѣ существовалъ съ самаго начала его основанія, такъ какъ въ одномъ изъ документовъ производившагося въ сенатѣ о городскихъ земляхъ помянутаго выше дѣла упоминается между прочимъ о саратовскомъ посадскомъ Ивашкѣ Соколовѣ, которому еще по указу 1591 г. была отведена на лѣвомъ берегу Волги пожня, и который пожертвовалъ ее Четырехсвятскому монастырю, основанному въ ближайшемъ сосѣдствѣ на правомъ берегу Волгѣ, на рѣчкѣ Увековкѣ.

По всей вѣроятности, гор. Саратовъ въ началѣ своего существованія на лѣвомъ берегу Волги представлялъ собою не болѣе, какъ стоялый острожекъ, т. е. былъ занимаемъ гарнизономъ по правиламъ сторожевой и станичной службы лишь въ теченіе лѣтняго времени. Путешествовавшій по Волгѣ въ 1579 и 1581 годахъ помянутый выше Христ. Борро нашель на поворотѣ ея отъ Донскаго волока къ Каспійскому морю шесть сторожевыхъ пунктовъ, или карауловъ, во главѣ которыхъ стоялъ Царицынъ съ 50-ю пушкарями и которые подобно Царицыну были занимаемы гарнизономъ лишь въ теченіе лѣтняго времени. Вслѣдствіе своей незначительности или-же, быть можетъ, временнаго разоренія его Ногайскими Татарами Саратовъ не нашель себѣ мѣста въ древнѣйшей изъ сохранившихся до насъ росписи 11-ти низовымъ городамъ 1615 г., въ которой упомянуты: Астрахань, Царицынъ, Самара, Тетюши, Алатырь и др. Но въ росписи 1625 г. онъ вошелъ уже въ число значительныхъ стратегическихъ пунктовъ, занятыхъ не только гарнизономъ, но и частію передвижнаго, назначеннаго на защиту восточной окраины Россіи войска и содержалъ служилыхъ людей, всего 489 человекъ ²²⁾.

Этотъ трудъ былъ вполне законченъ, когда мнѣ пришлось ознакомиться съ совершенно игнорируемымъ нашею историческо-географическою литературою путешествіемъ по Россіи въ 1666 и 1667 годахъ извѣстнаго голландскаго географа Николая Витзена. Различая обѣ стороны Волги въ нижнемъ ея теченіи, подъ именами московской и калмыцкой и означая на первой изъ нихъ города Тетюши и Симбирскъ, онъ нашель Саратовъ на плоской луговой равнинѣ калмыцкой стороны, въ одной милѣ отъ р. Волги, т. е. отъ главнаго ея русла. На приложенной имъ къ своему сочиненію картѣ Татаріи (миссіонера) Н. Сансона 1659 г. Саратовъ также означенъ на лѣвомъ берегу Волги. Витзень называетъ Саратовъ небольшимъ городкомъ, населеннымъ солдатами для наблюденія за Калмыками, и замѣчаетъ, что этотъ нѣкогда *громадный построенный изъ обожженнаго кирпича городъ* представлялся въ его время уже въ болѣею частію разрушенномъ видѣ и сохранилъ *слѣды многихъ драгоценныхъ палатъ*, между которыми особенно отличался *большой увеселительный лѣтній дворецъ*, построенный, по мнѣніюавтора, *Тамерланомъ* ²³⁾.

Такимъ образомъ Витзень не только подтверждаетъ свидѣтельства Олеарія и Стрюйса о существованіи Саратовской крѣпости въ концѣ XVII вѣка на лѣвомъ берегу Волги, но и окончательно убѣждаетъ насъ въ томъ, что она возникла на старомъ татарскомъ поселеніи.

²¹⁾ Поволжье Перетятковича, ч. II, стр. 338 и др.

²²⁾ Помянутое сочин. Бѣляева, стр. 35 и 41.—Разрядн. книги, т. I, стр. 79 и 1143.

²³⁾ Nord-en Oost Tartarye etc. Nicolaaes Witsen's, 2 изд., 1705 г., стр. 604, 713—715 и предисл.

Мещеры и Буртасы по сохранившимся о них памятникамъ.

Ө. Ө. ЧЕКАЛИНА.

I.

Вопросъ объ этихъ двухъ, нѣкогда многочисленныхъ, или по крайней мѣрѣ занимавшихъ обширныя области племенахъ, ждетъ еще въ нашей исторической этнографіи своего разрѣшенія, такъ какъ всѣ сдѣланныя къ тому попытки различныхъ изыскателей приводили къ различнымъ результатамъ. Его разрѣшеніе затрудняется, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что наша первоначальная лѣтопись вовсе не знала Мещеры, лѣтописи же среднихъ временъ кратко и лишь случайно упоминали о ея области въ сосѣдствѣ съ Мордовою и ни та, ни другія вовсе не знали Буртасовъ; восточные писатели, оставившіе намъ богатый матеріалъ для исторической этнографіи Поволжья, наоборотъ—хорошо сравнительно знали Буртасовъ и не знали Мещеры. Наконецъ, западные писатели почти не знали ни того, ни другаго племени подъ ихъ настоящими названіями. Но весьма замѣчательно, что всѣ взятые въ совокупности указанія о Мещерѣ русскихъ письменныхъ памятниковъ древнюю Мещерскую область относятъ къ тому пространству, на которомъ восточные писатели помѣщаютъ Буртасовъ. Лѣтописи среднихъ временъ, не давая точныхъ указаній для опредѣленія положенія этой области, соединяютъ ее вмѣстѣ или помѣщаютъ въ южномъ сосѣдствѣ съ областью Мордвы въ среднемъ Поволжьѣ, между нижнимъ теченіемъ Оки и Сурою ¹⁾. Къ числу самыхъ раннихъ свидѣтельствъ ихъ о Мещерѣ относятся указанія XIV вѣка на Мещерскій городокъ на Окѣ (впослѣдствіи гор. Касимовъ), указанія 1483 г. о мещерскихъ волостяхъ въ сѣверныхъ уѣздахъ нынѣшней Тамбовской губ., 1495 г. о рубежѣ мещерскомъ между Переяславлемъ и Рязанью и нѣкот. другія. Князь А. Курбскій въ описаніи своего похода съ отдѣльнымъ отрядомъ на Казань въ 1552 г., говоритъ, что онъ прошелъ изъ Коломны „черезъ Рязанскую землю и потомъ Мещерскую, идѣ же есть мордовскій языкъ (т. е. народъ); потомъ препроводяся аки въ три дни мордовскіе лѣсы, изыдохомъ на великое дикое поле“ ²⁾. На этомъ полѣ еще въ 1535 г., по лѣтописямъ, былъ построенъ „городъ Мокшанъ, въ Мещерѣ на Мокшѣ“ по просьбѣ мещерскихъ жителей, а въ 1552 г. городъ Шацкъ ³⁾.

¹⁾ Исторія Карамзина, т. I, прим. 73. О Касимовскихъ царяхъ, Вельяминова-Зернова, т. 1, стр. 30—31. Карта Россіи IX в. Погодина при III т. его Древ. Рус. Исторіи.

²⁾ Сказанія князя Курбскаго, изд. 3 Устрялова, стр. 14.

³⁾ Ист. Карамзина, т. VIII, прим. 66 и 246.

Труды 8-го археол. съѣзда въ Москвѣ 1890 г. т. III.

Въ памятникахъ послѣ покоренія Казани и Астрахани болѣе опредѣленно указывается пространство Мещерской области: такъ по росписямъ мещерскимъ сторожамъ 1571 и 1586 гг. видно, что эта сторожевая линія, состоявшая изъ 4-хъ сторожъ, начиналась на р. Барышѣ въ нынѣшней Симбирской и направлялась на западъ въ Пензенскую и Тамбовскую губерніи до р. Цны и что сторожевые разъѣзды ея станичниковъ направлялись внизъ по Дону до волжской перволоки и ниже для наблюдений за перелазами Ногайцевъ на ихъ пути въ Крымъ и обратно и за нападеніемъ ихъ „на мещерскія мѣста“. По росписи 1579 г. станица у Богатаго Затона на Дону близъ нынѣшняго Коротояка, посылала разъѣзды внизъ по рѣкѣ до нынѣшняго Богучара „для обереженія рязанскихъ и мещерскихъ мѣстъ“ и проч. ⁴⁾.

Такимъ образомъ слѣдуетъ заключить, до древняя Мещерская область занимала обширное пространство между Рязанскою областью и Дономъ съ одной стороны и Волгою съ другой; на сѣверѣ она примыкала къ лѣсной области Мордвы, въ нынѣшнихъ Нижегородской, Симбирской, Тамбовской, Рязанской и Пензенской губ. ⁵⁾, вѣроятно, занимая и въ ней годныя для земледѣлія пространства между лѣсами и продолжая сохранять за собою, какъ видно изъ приведенныхъ словъ кн. Курбскаго и свидѣтельства лѣтописей о построеніи въ Мещерѣ городовъ Мокшана и Шацка, свое стародавнее имя даже и послѣ поселенія въ мѣстныхъ лѣсахъ Мокши, совершившагося вѣроятно при общемъ переселеніи Мордвы съ запада ⁶⁾. На югѣ же Мещерская область примыкала къ юго-восточнымъ степямъ Россіи; о томъ, какъ далеко на югъ простиралось жительство Мещеры, свидѣтельствуеетъ нынѣ лишь рѣчка Мещерка, въ Воронежской губ., впадающая въ р. Воронежъ. Впрочемъ, здѣсь, на границахъ помянутыхъ степей, благодаря цѣлому ряду смѣнявшихъ другъ друга воинственныхъ кочевыхъ ордъ, выходившихъ изъ Азіи и затѣмъ постоянныхъ нападеній золото-ордынскихъ, крымскихъ и ногайскихъ татаръ, южные предѣлы осѣдлыхъ поселеній Мещеры сравнительно, очень рано должны были отодвинуты далеко на сѣверъ, почти не оставивъ здѣсь обычныхъ слѣдовъ существованія въ сохранившихся наименованіяхъ живыхъ урочищъ. По всей вѣроятности только послѣ соприкосновенія съ Мордвою на сѣверѣ Мещера, сдѣлалась извѣстной нашимъ лѣтописямъ, по одному лишь, впрочемъ, названію, такъ какъ онѣ постоянно смѣшивали ее съ Мордвою, чему могло способствовать не только совмѣстное поселеніе, но и отсутствіе рѣзкихъ различій въ наружныхъ чертахъ этихъ инородцевъ.

По вопросу о мѣстожителствѣ Мещеры въ довольно раннюю эпоху въ нашихъ лѣтописяхъ есть одно интересное указаніе на „страну Наручатьгу“ (Наровчатскую Пензенской губ.), которую въ 1361 г., прикочевавшій сюда изъ Заволжья вмѣстѣ со всею ордою и царемъ ея Авдуломъ, князь Тагай въ междоусобицѣ отнялъ у него себѣ (Исторія Карамз, т. IV, прим. 396). По сохранившимся преданіямъ между пензенскими отатарившимися Мещеряками эта Наровчатская страна составляла ихъ коренное достояніе ⁷⁾. Впрочемъ, у современной Мещеры о своей прародинѣ сохранилось самое смутное представленіе, указывающее лишь на то, что она считаетъ себя стародавнимъ пришельцемъ, а не кореннымъ обитателемъ занимаемой ею нынѣ области праваго Поволжья ⁸⁾.

Извѣстный путешественникъ, посланникъ французскаго короля Людовика IX, ученый мо-

⁴⁾ О сторожев. и станичн. службѣ, Бѣляева, примѣч. 30, 54 и 52.

⁵⁾ Въ 1617 г. Мещерскую область составляли города: Арзамасъ, Кадомъ, Шацкъ, Касимовъ, Алатырь, Курмышъ и Темниковъ. Разр. Кн. т. I, стр. 450. О. О. Ч.

⁶⁾ См. далѣ примѣч. 26.

⁷⁾ Гор. Наровчатъ значился на Бол. Чертежѣ подъ именемъ Наровчатскаго городища и слѣдовательно былъ основанъ (1627 г.) на развалинахъ древняго города.

⁸⁾ Извѣстія Казан. общ. археол., ист. и этногр., т. IV. Свѣдѣнія о Мишаряхъ о. Малова, стр. 39—45.

нахъ Рубруквисъ, проѣзжая лѣтомъ 1253 г. по южно-русскимъ степямъ изъ Крыма въ сѣверо-восточномъ направленіи къ стану Батыя, около нынѣшняго Саратова, говоритъ, (гл. XVI его „Путешествія“), что „вся страна, за перейденнымъ имъ Дономъ, очень хороша и съ сѣверной стороны изобилуетъ лѣсами и рѣками; въ ея обширныхъ лѣсахъ живутъ два разноплеменные народа, изъ которыхъ одинъ называется Moxel (Мокша); онъ не имѣетъ ни городовъ, ни деревень, но лишь нѣсколько хижинъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ въ лѣсахъ; большая часть этого языческаго народа съ его княземъ во главѣ была истреблена въ Германіи (Венгрии), будучи взята туда покорившими его Татарами. Близъ него живетъ народъ по имени Merdas (по другому списку Merclas)—Римляне называютъ его Merduos или Mardes; это магометане. Далѣе за ними рѣка Этилія“ (Волга). Въ обоихъ этихъ народахъ наши историки видѣли обыкновенно лишь два колѣна Мордвы и во второмъ изъ нихъ даже Маджаровъ, обитателей Кумскихъ степей Кавказа⁹⁾. Оставляя въ сторонѣ это второе предположеніе, какъ основанное на явномъ недоразумѣніи относительно направленія пути, пройденнаго Рубруквисомъ въ Россіи, мы не можемъ признать вѣроятнымъ и первое предположеніе. Не только путешественникъ иностранецъ, но и русскіе сосѣди Мордвы Мокши и Эрзи, живущихъ въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, никогда не различали и не различаютъ ихъ между собою—такъ неуловимы были отличія въ ихъ обликѣ, вѣрѣ и обычаяхъ даже въ эпоху язычества; Рубруквисъ же говоритъ о двухъ народахъ разноплеменныхъ. Мы пришли къ полному убѣжденію въ томъ, что онъ подъ именемъ Merdas или Merclas разумѣлъ Мещеру, жившую на востокъ отъ Мордвы до самой Волги; она могла принять исламъ въ очень раннюю эпоху отъ своихъ сосѣдей и можетъ быть властителей Камскихъ Болгаръ.

Основываясь на разборѣ имени Мяшаръ или Мишаръ, которымъ Мещеряки называютъ себя сами и называются другими инородцами, наши ориенталисты академ. Радловъ и Вельяминовъ—Зерновъ пришли въ весьма интересному и важному для насъ своими послѣдствіями заключенію о томъ, что, подъ именемъ Мажаровъ, упоминаемыхъ нашими лѣтописями (Никонов. и Львов. и Царств. Кн.) подъ 1551 год. въ числѣ обитателей праваго побережья Волги—горныхъ людей въ области Казанскаго царства: Мордвы, Черемисы, Чуваши и др. слѣдуетъ разумѣть Мещеру¹⁰⁾. Едва-ли возможно усомниться въ достовѣрности этого заключенія и допустить подобно, наприм., покойному Артемьеву, чтобы имя Мажаровъ, встрѣчающееся на страницахъ нашей областной исторіи, начиная съ первой половины X вѣка, могло означать лишь то или другое сословіе, а не племенную группу. Для спеціальныхъ изысканій остается лишь разрѣшить вопросъ о томъ, какимъ образомъ то же повидимому названіе было искони усвоено Уграми или Венграми и различить въ историческихъ памятникахъ указанія на Мажаровъ—Мещеру и на ихъ сосѣдей Маджаровъ—Угровъ. Переселеніе Мещеры за Волгу началось по всей вѣроятности, не ранѣе конца XVI или начала XVII вѣка.

Кромѣ Рубруквиса никто изъ западныхъ писателей, не исключая и самаго Герберштейна, подробно и въ качествѣ очевидца-путешественника, описавшаго въ началѣ XVI вѣка инородцевъ Поволжья, не упоминаетъ о Мещерѣ, смѣшивая ее вѣроятно съ Мордвою. Восточные писатели, оставившіе намъ богатую литературу о древнихъ инородцахъ Поволжья, начиная съ VIII вѣка, также не упоминаютъ ни о Мещерѣ, ни о Мишаряхъ подъ ихъ настоящимъ названіемъ. Лишь одинъ изъ нихъ Шерифетдинъ Булгари, писавшій въ концѣ XVI вѣка, упоминаетъ о Мишаряхъ, живущихъ вмѣстѣ съ Башкирами.

Что касается исторіи быта и племенныхъ особенностей древней Мещеры, то никакихъ указаній по этому предмету въ нашихъ памятникахъ не сохранилось и лишь въ эпоху подчи-

⁹⁾ Рефератъ покойн. Шестакова на IV Археол. Съѣздѣ въ Казани.

¹⁰⁾ Труды IV Арх. Съѣзда въ Казани, т. I, отд. II, стр. 17. О Касимов. царяхъ, т. I, стр. 30—31.

ненія ея русскому владычеству встрѣчаются свидѣтельства о томъ, что она вмѣстѣ съ Мордвою несла на восточной окраинѣ службу въ качествѣ конныхъ и пѣшихъ казаковъ, сторожей и станичниковъ. Современная литература также не богата этнографическими изысканіями о Мещерѣ и изъ нихъ мы можемъ указать лишь на труды казанскихъ этнографовъ, напечатанные въ разныхъ изданіяхъ и между прочимъ въ IV т. „Извѣстій“ мѣстнаго Общества Истор., Археол. и Этногр. 1883 г. (статья прот. Малова). Но эти труды представляютъ въ себѣ одинъ очень важный по нашему мнѣнію недостатокъ: основываясь почти лишь на однихъ лингвистическихъ изысканіяхъ, прочно устанавливающихъ принадлежность Мещеры къ турецко-татарскому племени, они соединяютъ въ одно этнографическое цѣлое—въ племенную группу Мишарей нѣсколько совершенно различныхъ инородцевъ, живущихъ на обширномъ пространствѣ Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Нижегородской, Симбирской, Саратовской, Самарской, Казанской и Уфимской губерній, въ томъ числѣ и *всѣхъ* Татаръ, живущихъ въ семи первыхъ изъ этихъ губерній. Но принадлежащіе къ этому комплексу Мещеряки, въ собственномъ смыслѣ этого названія, въ антропологическомъ отношеніи составляютъ, очевидно, особую племенную группу отъ ихъ сосѣдей Татаръ, которые въ свою очередь въ этомъ отношеніи ничѣмъ особеннымъ не отличаются отъ ихъ казанскихъ соплеменниковъ, въ чемъ легко убѣдиться при изысканіяхъ и знакомствѣ съ ихъ типомъ на мѣстѣ ¹¹⁾. Сходство и даже тождество языка и самыхъ названій Мещеры и Мишарей—Татаръ могутъ быть объяснены заимствованіемъ и во всякомъ случаѣ свидѣтельствовать лишь о племенномъ родствѣ, но никакъ не о тождествѣ между этими инородцами. Акад. Вельяминовъ-Зерновъ и покойный Золотницкій причисляютъ Мещеру совершенно гадательно къ финскому племени и сходство ея языка съ татарскимъ объясняютъ лишь заимствованіемъ ¹²⁾. Послѣдній ориенталистъ былъ убѣжденъ въ томъ, что Татары, живущіе по правую сторону Волги, представляютъ не Мещеру, а отатарившихся подъ вліяніемъ магометанства Чувашей („Корневой Словарь“ стр. 326).

По изысканіямъ акад. Радлова языкъ Мещеры изъ всѣхъ тюркскихъ нарѣчій Поволжья представляетъ особенное сходство съ языкомъ Кумановъ или Половцевъ ¹³⁾.

II.

Гораздо болѣе сравнительно дошло до насъ историческихъ свѣдѣній о Буртасахъ. Эти свѣдѣнія принадлежатъ почти исключительно восточнымъ писателямъ и начинаются со времени гораздо древнѣйшаго, чѣмъ всѣ указанія нашихъ письменныхъ памятниковъ о Мещерѣ, а именно съ X и даже VIII-го вѣка. Отдѣливъ съ помощью тщательныхъ изысканій нашихъ ученыхъ ориенталистовъ, въ особенности проф. Хвольсона, первоисточники отъ многихъ наполненныхъ искаженіями и ошибками компиляцій ¹⁴⁾, мы найдемъ, что самыя достовѣрныя свѣдѣнія о Буртасахъ оставили намъ писатели X вѣка: Ибнъ-Дастъ, Эль-Балхи и въ особенности Масуди, весьма ученый арабъ изъ Багдада, посѣтившій въ числѣ многихъ странъ, извѣстныхъ въ его время, побережья Каспійскаго моря. (Наиболѣе важное для насъ изъ его сочиненій „Золотые Луга“ окончено имъ въ 948 г.).

¹¹⁾ Мещеряки по своему тѣлосложенію гораздо крупнѣе и красивѣе живущихъ съ ними рядомъ Татаръ; лицо ихъ круглое, безъ рѣзкихъ очертаній и съ густою бородою, а не продолговатое и сухое съ очень небольшою и рѣдкою бородкою, какъ у послѣднихъ, которые и сами никогда не смѣшиваютъ себя въ одно племя съ Мещеряками. Замѣтимъ также, что Татары Саратовской губ., переселенные сюда въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка изъ Тамбовской и Пензенской губ., не называютъ себя Мишарями.

¹²⁾ О Касимов. царяхъ, т. I, стр. 30—31.

¹³⁾ О языкѣ Кумановъ, В. Радлова, 1884 г., стр. 41 и 53.

¹⁴⁾ Извѣстія Ибнъ-Даста въ перев. и съ коментар. Хвольсона, 1869 г.

Сообщаемыя этими писателями свѣдѣнія о Буртасахъ можно представить въ слѣдующемъ общемъ сводѣ.

Страна Буртасовъ искони находилась на правомъ берегу Волги ¹⁵⁾, непосредственно примыкая къ ней между царствами Хазаровъ и Болгаровъ въ разстояніи 15 — 20 дней водяного пути отъ Хазарской столицы Итиле, на устьѣ Волги и простиралась вверхъ по рѣкѣ на 15—17 дней пути и на такое же разстояніе отъ рѣки на западъ въ глубь материка ¹⁶⁾. Ученый; компиляторъ XI вѣка Аль-Бекри расширяетъ это квадратное пространство даже до 1½ мѣсяца пути. Буртасы принадлежали къ тюркскому племени, составляли многочисленный народъ ¹⁷⁾, говорили языкомъ особымъ отъ Хазаровъ, Болгаровъ и Руссовъ и были стройны и красивы; будучи язычниками, одни изъ нихъ сожигали своихъ покойниковъ, другіе хоронили ихъ. Земля ихъ была просторна и обилвала лѣсистыми мѣстами; между деревьями чаще встрѣчался хеленджъ (береза). Они строили деревянные дома и жили разсѣянно, т. е., вѣроятно не имѣли ни городовъ, ни большихъ селеній; занимались хлѣбопашествомъ (по Аль-Бекри имѣли обширныя пашни), скотоводствомъ и пчеловодствомъ, имѣли верблюдовъ, большія стада рогатаго скота и множество меду; но главное ихъ богатство состояло въ мѣхахъ черныхъ и красныхъ лисицъ, куницъ и вообще пушныхъ звѣрей, ради которыхъ посѣщали ихъ восточные и болгарскіе купцы; буртасскіе дорогіе мѣха уже въ VIII вѣкѣ были извѣстны подъ этимъ именемъ въ средней Азіи. Буртасы находились въ подданствѣ Хазарскаго царя, которому поставляли на службу 10 тысячъ всадниковъ; мѣстные судъ и расправа творились у нихъ старшинами, которыхъ было по одному и по два въ каждомъ селеніи. На нихъ дѣлали набѣги Болгары, грабили и уводили ихъ въ плѣнъ; но и сами они, будучи сильны и храбры нападали, на Болгаровъ и Печенѣговъ.

Проживая въ ту отдаленную эпоху, къ которой относятся эти свидѣтельства о нихъ восточныхъ писателей, по Волгѣ на пространствѣ, почти примыкавшемъ на югѣ къ донскому волоку, Буртасы приходили здѣсь то во враждебныя столкновенія, то въ дружескія сообщенія съ Руссами, которые совершали опустошительныя нападенія на побережья Каспійскаго моря, направляясь въ судахъ изъ Чернаго и Азовскаго морей по Дону, волоку и Волгѣ. Такъ въ 913 г. Руссы были побиты Буртасами на волокѣ при своемъ возвращеніи съ награбленной добычей съ Каспійскаго моря; въ 943 г. Буртасы вмѣстѣ съ Руссами уже въ качествѣ ихъ союзниковъ совершили морской походъ въ Берду, на берегахъ Куры ¹⁸⁾. По свидѣтельству писавшаго въ 976 г. ученаго араба Ибнъ-Хаукаля, посѣщавшаго между прочимъ и Прикаспійскія страны, Руссы въ своихъ извѣстныхъ истребительныхъ походахъ при Святославѣ по Окѣ и Волгѣ на Хазаровъ и Ясовъ въ 965—969 год. ограбили и почти поголовно перебили также и Буртасовъ, остатки коихъ разбѣжались въ ближайшія страны, такъ что отъ нихъ не осталось и слѣдовъ на Волгѣ ¹⁹⁾. Изъ позднѣйшихъ писателей даетъ интересное указаніе о Буртасахъ компиляторъ конца XIV или начала XV вѣка Бакуви (изъ Баку). Почти повторяя о нихъ первоисточники, онъ

¹⁵⁾ Масуди, говоря о рѣкѣ Буртасѣ, сообщившей свое имя этому народу, и о томъ, что по ней плаваютъ суда Хазаровъ и Болгаровъ, очевидно разумѣетъ подъ этимъ именемъ не Оку, какъ думаетъ проф. Хвольсонъ, а Волгу выше Донскаго волока, такъ какъ р. Итиль, по его словамъ, получала свое начало лишь на этомъ мѣстѣ и здѣсь же сливалась съ рукавомъ Чернаго моря Найтасѣ (Дономъ); рѣка же Буртасѣ впадала въ р. Итиль выше Хазарской столицы (Les prairies d'or. trad. par V. de Meinard et P. de Courteille, t. II, p. 14—15).

¹⁶⁾ Судовой путь отъ гор. Итиля до гор. Болгара Арабы совершали въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ.

¹⁷⁾ По другому, посмертному сочиненію Масуди, приводимому г. Хвольсономъ въ Извѣстіяхъ Ибнъ-Даста (книгѣ Ссылковъ).

¹⁸⁾ Каспій; акад. Дорна, 1875 г., стр. 495—523.

¹⁹⁾ Сказанья мусульман. писателей, Гаркави, 1870 г., стр. 218—20.

отодвигаетъ Буртасовъ значительно выше по Волгѣ, говоря, что ночь у нихъ коротка и лѣтомъ продолжается не болѣе часа, и добавляетъ, что въ деревянныхъ домахъ они живутъ зимою, а лѣтомъ разсѣваются по полямъ ²⁰⁾.

Основываясь на единогласномъ свидѣтельствѣ восточныхъ писателей различныхъ эпохъ, слѣдуетъ, несомнѣнно, заключить, что многочисленное племя Буртасовъ, начиная уже съ X вѣка, рѣзко отличалось отъ своихъ кочевыхъ сосѣдей осѣдло-земледѣльческимъ бытомъ, на который указываетъ и самое слово Буртасъ, означающее въ буквальномъ переводѣ, по утверженію покойнаго ориенталиста Казан. проф. Сбоева, осѣдлый житель ²¹⁾, и что до разоренія этого племени Руссами въ 969 г., а всего вѣроятно до второй половины XI вѣка, т. е. до нашествія Половцевъ изъ Заволжья, оно занимало обширное пространство нынѣшнихъ Саратовской (за исключеніемъ Царицынскаго уѣзда, входившаго въ предѣлы Хазаріи), Пензенской и частію Симбирской, Тамбовской, Воронежской губ. и области Войска Донскаго. Въ настоящее время о немъ свидѣлствуютъ на этомъ пространствѣ лишь рѣчка Буртасъ съ 4-мя селеніями на ней того же имени, населенными Мещерою, и, можетъ быть, старинныя урочища, носящія названіе *Бурасовъ*, наприм., въ разныхъ уѣздахъ Саратовской губ.

Хотя мы не имѣемъ пока никакихъ прямыхъ историческихъ указаній о столкновеніи Половцевъ съ Буртасами и оттѣсненіи ими послѣднихъ съ упомянутаго выше пространства, но принявъ во вниманіе тотъ погромъ и опустошеніе, которые произвела эта по преимуществу прославившаяся въ нашей исторіи до нашествія Монголовъ своею дикостью и воинственностью кочевая орда въ юго-восточныхъ степяхъ Россіи и имѣя въ виду, что эта орда, оттѣснивъ Узовъ за р. Донъ въ западномъ направленіи, вскорѣ заняла между прочимъ почти все то полустепное пространство, которое въ X вѣкѣ было заселено Буртасами, оттѣсненіе этихъ послѣднихъ представится для насъ несомнѣннымъ. Арабъ Ибнъ-ель-Асиръ въ своемъ подробномъ разсказѣ со словъ очевидцевъ о первомъ нападеніи Татаръ на южную Россію въ 1223 г. упоминаетъ лишь въ числѣ разныхъ произведеній земли Половцевъ, поступающихъ отъ нихъ въ продажу, о буртасскихъ мѣхахъ, подъ именемъ которыхъ искони были извѣстны на востокѣ черныя лицицы, о бобрахъ и проч.; о Буртасахъ же не говоритъ ни слова въ своемъ повѣствованіи ²²⁾. О томъ же свидѣлствуетъ и то замѣчательное обстоятельство, что съ XI вѣка въ богатой писателями и трудами восточной литературѣ не встрѣчается уже новыхъ указаній о Буртасахъ, и что позднѣйшіе писатели въ разсказѣ о нихъ ограничиваются лишь компиляціями или повтореніемъ своихъ предшественниковъ, иногда до очевидности искажая первоисточники, какъ наприм., указаніемъ на буртасскіе города Сиваръ и Буртасъ и проч. ²³⁾.

Не можетъ подлежать сомнѣнію также и то, что Буртасы, какъ племя земледѣльческое и осѣдлое, или во всякомъ случаѣ очень близкое къ этому быту, по естественному ходу вещей переселилось или отодвинулось въ сѣверномъ направленіи ближе къ лѣсной области древней Россіи въ послѣдовавшее затѣмъ сосѣдство Мордвы-Мокши. О переселеніи ихъ въ черноморскія степи по общему пути передвиженія всѣхъ кочевыхъ ордъ, являвшихся изъ Азіи, никакихъ указаній въ исторіи мы не находимъ и помянутый выше Рубрукъ, описавшій подробно встрѣченныхъ имъ въ 1253 г. на пути изъ Крыма къ Волгѣ близъ нынѣшняго Саратова обитателей пройденныхъ имъ степей и ихъ сосѣдей и имѣвшій, при своей тщательной наблюдательности, возможность видѣть и узнать въ многолюдныхъ становищахъ Сартака и Батыя всѣхъ ихъ но-

²⁰⁾ Рус. Исторія, Бестужева-Рюмина, т. 1, стр. 68—69.

²¹⁾ Чуваши, Сбоева, 1865 г. стр. 184.

²²⁾ Сборникъ матер. къ ист. Золотой орды, Тизенгаузена, т. 1, стр. 26—28.

²³⁾ Извѣстія Ибнъ-Даста, Хвольсона, стр. 73—75.

выхъ подданныхъ, о Буртасахъ не упоминаетъ ни единымъ словомъ ²⁴⁾. Въ южной части ихъ бывшей области онъ находитъ кочевья Татаръ и разоренныхъ ими Половцевъ съ ихъ могильными насыпями, увѣнчанными каменными статуями, а въ лѣсахъ къ сѣверу отъ этихъ кочевьевъ встрѣчаетъ два разноплеменные народа: Мокшу и потомъ ея сосѣда съ очевидно искаженнымъ именемъ Мещеры—Merdas (по другому списку Merclas), примыкающаго къ Волгѣ (Гл. XIV—XVI его „Путешествія“). Проѣхавшій въ 1246 г. тѣми же степями, но въ болѣе южномъ направленіи, Плано Карпини въ числѣ южныхъ сосѣдей земли Половцевъ (Комани) называетъ бритоголовыхъ Brutachii въ числѣ многихъ другихъ обитателей Кавказа и еще Клапротъ указалъ, что подъ ними слѣдуетъ разумѣть не Буртасовъ, а одно изъ лесгинскихъ колѣнъ, существующее и въ настоящее время подъ именемъ Буртунне или Буртуна. Наконецъ, допустить предположеніе о томъ, что Буртасы были истреблены побѣдителями, или же незамѣтно слились съ ними путемъ брачнаго родства, безъ очевидной натяжки не возможно: первое по ихъ многочисленности, а второе по рѣзкимъ различіямъ въ быту побѣдителей и побѣжденныхъ и во всякомъ случаѣ подобное сліяніе могло бы совершиться лишь въ теченіе весьма продолжительной эпохи.

III.

Если, такимъ образомъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что Буртасы въ эпоху передвиженія инородцевъ нижняго Поволжья, вызваннаго нашествіемъ Половцевъ, со второй половины XI-го вѣка въ своей первоначальной области были вынуждены оттѣсниться въ сѣверномъ направленіи, то самъ собою возникаетъ вопросъ: въ какомъ же изъ мѣстныхъ инородческихъ племенъ слѣдуетъ искать ихъ въ настоящее время? Одни изъ ученыхъ, задававшихся разрѣшеніемъ этого вопроса, какъ, наприм., оріенталисты: покойный Сбоевъ („Чуваши“ 1865 г.), акад. Дорнъ и отчасти проф. Хвольсонъ, находили Буртасовъ въ нынѣшнихъ Чувашахъ; большинство же историковъ и этнографовъ находили ихъ въ Мордвѣ-Мокшѣ. Первое мнѣніе основывается, главнымъ образомъ, на объясненіи слова „Буртасъ“ изъ современнаго чувашскаго нарѣчія; второе же мнѣніе на томъ обстоятельстве, что Буртасы, по извѣстіямъ восточныхъ писателей, населяли то самое пространство, на которомъ искони жила и живетъ Мокша, не извѣстная лишь послѣднимъ подъ этимъ именемъ.

Изъ этихъ двухъ мнѣній второе по степени своей вѣроятности заслуживаетъ особаго вниманія. Дѣйствительно, многочисленное колѣно Мордвы-Мокши давно, хотя и не искони занимало, какъ упомянуто выше, ту южную часть общей лѣсной Мордовской области, которая входила также въ составъ и области сѣверныхъ поселеній Буртасовъ по приблизительному лишь опредѣленію ея восточными писателями X вѣка; старинныя бытовые особенности Мокши въ главныхъ чертахъ тождественны съ чертами быта Буртасовъ, представляя разность лишь въ степени земледѣльческой способности въ пользу послѣднихъ. Но, насколько намъ извѣстно по историческимъ указаніямъ, лишь одна Мордва-Эрзя обитала по Волгѣ между нижними теченіями Оки и Суры, Мокша же, обитавшая къ югу отъ нея по бассейнамъ Цны, Мокши и Суры, на востокъ не достигала Волги, а на югѣ ограничивалась верховьями помянутыхъ рѣчекъ ²⁵⁾, и безъ очевидныхъ натяжекъ нѣтъ никакой возможности допустить, чтобы область поселеній Мордвы-Мокши въ X вѣкѣ простиралась къ юго-восточнымъ степямъ почти до донскаго волока и такимъ образомъ совмѣщала бы въ себѣ мѣстности со столь различными физико-географическими условіями, которыя представляютъ сѣверная и южная половины этого обширнаго про-

²⁴⁾ По вопросу о направленіи пути, пройденнаго Рубруквисомъ въ Россіи въ 1253—1255 гг., см. специальную статью Ф. М. Шмидта съ картою въ Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, 20 B., 3 H., 1835 г.

²⁵⁾ Очерки Мордвы, Мельникова въ Рус. Вѣсти. 1867 г., № 6. Поволжье, проф. Перетятковича, ч. I, стр. 245—246

странства. Первая изъ нихъ даже и въ настоящее время по преимуществу лѣсная съ преобладающимъ хвойнымъ лѣсонасажденіемъ; вторая же, начинаясь за южной границей сплошныхъ сосновыхъ лѣсовъ, составляетъ переходъ къ степямъ и покрыта листовыми лѣсами лишь въ видѣ роцъ или острововъ. Эта лѣсная граница пересѣкаетъ Волгу около гор. Симбирска; до этого же приблизительно пункта достигала по Волгѣ и сѣверная граница древней области Буртасовъ, несомнѣнно болѣе обильной, чѣмъ теперь, листовыми лѣсами, а слѣдовательно, и пушнымъ звѣремъ ²⁶⁾.

По причинамъ до сихъ поръ не выясненнымъ и, всего вѣроятнѣе, по отсутствію торговыхъ сношеній между Мордвою и Болгарами по крайней мѣрѣ до переселенія ея колѣна Эрзи съ береговъ Оки на нижегородское поволжье, въ область Черемись, восточные писатели дѣйствительно не знали Мордвы ²⁷⁾; лишь одинъ изъ нихъ, знаменитый персидскій историкъ, жившій при дворѣ монгольскихъ владѣтелей Персіи и писавшій въ самомъ началѣ XIV вѣка, Рашидъ-Эдинъ, упоминаетъ о южномъ ея колѣнѣ—Мокшѣ, если только нашъ ученый ориенталистъ, г. Березинъ, правильно прочелъ это имя въ одной изъ восточныхъ рукописей. Въ описаніи втораго нашествія Монголовъ на Россію въ 1237 г. помянутый историкъ говоритъ, что по завоеваніи Болгаріи сыновья Батыя, Урда и Берке, вмѣстѣ съ другими принцами „напали на Мокшу и Буртасовъ и въ малое время овладѣли ими“ ²⁸⁾. Это свидѣтельство Рашидъ-Эдина, въ достовѣрности коего едва ли можно сомнѣваться, для насъ весьма важно въ томъ особенно отношеніи, что оно категорически различаетъ Мордву и Буртасовъ. Русская повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ опредѣляетъ и самый путь монгольскихъ завоевателей, шедшихъ въ 1237 г. изъ Болгаріи „безъ числа аки пружи“ на Рязанскую землю по южной окраинѣ обширныхъ присурскихъ лѣсовъ, указывая на р. Узу, гдѣ они остановились первымъ станомъ и пожгли на ней лѣса ²⁹⁾.

Первая часть нашей Степенной книги, составленная весьма ученымъ Сербомъ, современникомъ Дмитрія Донскаго, московскимъ митрополитомъ Кипріяномъ, подробно перечисляя всѣхъ покоренныхъ Татарами инородцевъ, въ числѣ ихъ называетъ Болгаровъ, Буртасовъ, Мордву и Черемису, а въ разсказѣ о славной побѣдѣ Дмитрія Донскаго надъ Мамаемъ въ 1380 г. снова упоминаетъ о Буртасахъ въ числѣ многихъ наемныхъ ратниковъ Мамаея ³⁰⁾. Очевидно, Буртасы были извѣстны автору, какъ современнику этого событія, имѣвшему возможность свѣдѣнія о немъ почерпнуть изъ непосредственнаго источника. Весьма замѣчательно, что Степенная книга, обнимая собою весьма длинный періодъ русской исторіи до эпохи завоеванія Казанскаго и Астраханскаго царствъ включительно, ни разу не упоминаетъ ни о Мещерѣ, ни о Мажарахъ. Въ нашихъ архивныхъ документахъ Буртасы упоминаются также отдѣльно отъ Мордвы, наприм., въ Кадомскомъ уѣздѣ въ 1682 г. въ качествѣ новокрещеныхъ ясачныхъ крестьянъ (Извѣстія Тамб. Арх. Комис., вып. XIV, 1887 г., прилож. 6).

Сообразивъ всѣ сохранившіяся до насъ топографическія, историческія и бытовыя указанія о древнихъ Буртасахъ и сопоставивъ ихъ съ таковыми же указаніями, которыя мы имѣемъ о древнихъ и современныхъ намъ инородцахъ нижняго Поволжья вообще, мы думаемъ, что едва ли

²⁶⁾ Географич. распредѣленіе хвойныхъ деревьевъ въ европ. Россіи съ картами, О. Кеппена, 1885 г., стр. 136.

²⁷⁾ Весьма вѣроятно, что въ X и даже XI вѣкѣ правое побережье Волги между Окою и Сурую еще не было занято Мордвою и принадлежало аборигенамъ этого края Черемисамъ, извѣстнымъ на востокѣ подъ именемъ Цармисъ (Извѣстія Казан. Общ. Археол., т. VII, „Черемисы“ проф. Смирнова, стр. 6—10; Географія началъ дѣтств., Барсова, изд. 2, стр. 55 и 56 и Труды IV Археол. Съѣзда, т. I, отд. II, стр. 254).

²⁸⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1855 г., № 5. Въ подлинной рукописи Мокша названа Тукши.

²⁹⁾ См. эту „Повѣсть“ въ изд. Срезневскаго въ Записк. Акад. Наукъ, т. XI, кн. 1, 1867 г.

³⁰⁾ Степенная книга, ч. 1, стр. 323 и 493.

сдѣлаемъ ошибку, если будемъ искать Буртасовъ въ современной намъ Мещерѣ, представляющей собою незначительные остатки многочисленнаго племени, большею частію давно и совершенно обрусѣвшаго или отатарившагося, но и за всѣмъ тѣмъ исчисляемаго въ настоящее время въ 160 тысячъ обоюго пола душъ ³¹⁾. Обширное пространство древнихъ поселеній Мещеры, о которомъ, наприм., свидѣтельствуя разрядныя росписи сторожъ XVI вѣка, совершенно совпадающее съ областью поселенія Буртасовъ, племенное единство ея съ Буртасами, также Тюрками по удостовѣренію восточныхъ писателей и, наконецъ, земледѣльческій бытъ, которымъ по замѣчанію всѣхъ наблюдателей—этнографовъ, начиная съ акад. Лепехина и кончая, наприм., г. Черемшанскимъ („Описаніе Оренбургской губ.“ 1859 г.), Мещера искони отличалась между своими сосѣдями, и который раньше другихъ инородцевъ праваго Поволжья привелъ ее къ обрусѣнію— все это въ связи съ приведенными выше указаніями Рубруквиса и Рашидъ-Эддина приводитъ насъ къ слѣдующему весьма вѣроятному заключенію. Будучи, какъ говорилось выше, оттѣснены Половцами во второй половинѣ XI вѣка въ сѣверномъ направленіи, Буртасы въ соприкосновеніи и сношеніяхъ съ новыми сосѣдями сдѣлались извѣстными подъ именемъ Мещеры, если прежде всего это имя не принадлежало имъ искони въ силу общаго и давно замѣченнаго между всѣми нашими инородцами обыкновенія носить различныя названія: свое собственное и данныя имъ сосѣдями ³²⁾. Пользуясь аналогіей, можно было бы съ большою вѣроятностью заключить, что слово Мещера, происшедшее изъ древняго Мажары, было кореннымъ, сохранившимся и донинѣ собственнымъ названіемъ этого племени; Буртасами же оно называлось по бытовому отличію его кочевыми сосѣдями, наприм., въ области Хазаровъ, откуда это названіе могло перейти и къ восточнымъ писателямъ. Впрочемъ, мы не настаиваемъ на этихъ подробностяхъ и предложили ихъ лишь въ видѣ возможныхъ объясненій къ нашему основному заключенію.

Если справедливо приведенное выше мнѣніе акад. Вельяминова Зернова и Радлова о тождествѣ Мещеры и лѣтописныхъ Мажаровъ (1551 г.), а въ немъ сомнѣваться едва ли возможно, то въ подтвержденіе нашего заключенія мы можемъ сослаться и на достовѣрное свидѣтельство современника Масуди, писавшаго въ томъ же 948 г. для императора Канстантина Багрянороднаго. Этотъ писатель, зная сравнительно хорошо топографію и современныхъ ему обитателей южной и юго-восточной Россіи и очевидно разумѣя, какъ признано всѣми его комментаторами, хорошо извѣстныхъ ему состоявшихъ изъ семи колѣнъ Венгровъ подъ именемъ Турокъ (въ Панноніи), особо отъ нихъ упоминаетъ о Мазарахъ и Узахъ въ числѣ сосѣдей Печенѣговъ за время жительства послѣднихъ по рр. Волгѣ и Яику до 893 г., когда они были вытѣснены Узами и Хазарами за р. Донъ въ Черноморскія степи. Узы, по свидѣтельству Масуди, уже въ 913 г. обитали по правую сторону Волги, приходя зимовать къ донскому волоку и слѣдовательно изъ странъ, гдѣ-либо выше его лежащихъ; что и сами Печенѣги до ихъ вытѣсненія Узами обитали на обоихъ берегахъ Волги, видно, во 1-хъ, изъ словъ того же императора, который говоритъ, что въ 893 г. Узы выгнали Печенѣговъ изъ *своихъ* областей, которыя оставались за ними и въ эпоху его царствованія въ 5 дней пути отъ черноморскихъ степей и, во 2-хъ, изъ хроники Кедрина, который удостовѣряетъ, что гор. Саркель на Дону былъ построенъ около 834 г. Хазарами для защиты отъ Печенѣговъ ³³⁾. Такимъ образомъ и сосѣди послѣднихъ Мазары легко могли быть обитателями праваго Поволжья и несомнѣнно это были тѣ Мажары, о которыхъ говорятъ наши лѣтописи XVI вѣка, и слѣдовательно Буртасы современныхъ императору мусульманскихъ писателей. Въ числѣ

³¹⁾ Геогр.-статистич. Словарь Рос. Им., Семенова, т. III, стр. 231—232.

³²⁾ Корневой чувашско-русскій словарь Золотницкаго, 1875 г., стр. 244—245.

³³⁾ Географія Россіи по Константину Багрянор., акад. Байера. Разысканія о началѣ Руси, Д. И. Иловайскаго, изд. 2, стр. 269—271 и 555. Ибнъ-Дастъ, Д. А. Хвольсона, стр. 47 и 103—114.

труды 8-го археол. съезда въ Москвѣ 1890 г. т. III.

извѣстныхъ автору инородцевъ онъ упоминаетъ также и о Мордвѣ, жившей въ 10 дняхъ пути отъ сѣверной границы области Печенѣговъ, проходившей около Кіева, и въ виду сообщаемыхъ имъ весьма обстоятельныхъ свѣдѣній о славянскомъ и инородческомъ населеніи южной половины Россіи нельзя допустить, чтобы онъ не зналъ или не упомянулъ Буртасовъ подъ тѣмъ или другимъ названіемъ.

Что касается по занимающему насъ вопросу до остальныхъ инородческихъ племенъ праваго Поволжья, то ни одно изъ нихъ ни въ исторіи своего прошлаго, ни въ условіяхъ настоящаго не представляетъ достаточныхъ основаній къ тому, чтобы искать въ немъ потомковъ Буртасовъ. Если этихъ потомковъ до сихъ поръ не искали въ Мещерѣ, то это, намъ кажется, потому, что, начиная съ той отдаленной эпохи, когда Мещера впервые сдѣлась извѣстной русскимъ лѣтописямъ, она постоянно смѣшивалась съ Мордвою, а потомъ, отатарившись и частію обрусѣвъ, очень рано лишилась своей племенной индивидуальности, и наши оріенталисты, начиная съ Френа, а за ними и этнографы, игнорируя Мещеру, обыкновенно усматривали потомковъ Буртасовъ въ Мордвѣ.

Археологическія изысканія могли бы окончательно уяснить разрѣшеніе занимающаго насъ вопроса, но, къ сожалѣнію, систематическихъ раскопокъ кургановъ, разсѣянныхъ въ изобиліи на пространствѣ древней Буртасской области, смѣнявшей нѣсколько разъ своихъ обитателей, сдѣлано еще слишкомъ мало для того, чтобы въ настоящее время можно было извлечь изъ этого источника какія-либо указанія.

Бѣлозерское городище Херсонскаго уѣзда, Бѣлозерской волости и сосѣднія городища и курганы между низовьемъ р. Ингульца и началомъ Днѣпровскаго лимана.

Г. Л. СКАДОВСКАГО.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Предлагая въ распоряженіе Съѣзда дневники моихъ раскопокъ, въ которыхъ я старался придерживаться исключительно фактической стороны, воздерживаясь въ нихъ отъ всякихъ обобщеній или предложеній, постараюсь сгруппировать въ моемъ докладѣ всѣ изслѣдованныя мною погребенія на наиболѣе характерныя группы, сдѣлавъ предварительно характеристику изслѣдуемой мѣстности по отношенію къ встрѣчающимся здѣсь курганамъ, городищамъ и другимъ остаткамъ старины.

Здѣсь же въ предисловіи нахожу умѣстнымъ изложить принятую мною систему раскопокъ и способъ составленія приложеній къ докладу, какъ-то: карты кургановъ, плановъ городищъ и фотографическихъ таблицъ.

Раскопка кургановъ производилась мною въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала я измѣрялъ по возможности окружность кургана и діаметръ его; затѣмъ, при помощи компаса опредѣлялъ направленіе странъ свѣта, намѣчалъ заступомъ очертаніе раскопки различной величины и формы, смотря по величинѣ кургана и соображаясь съ сосѣдними, раскопанными раньше курганами, приступалъ къ раскопкѣ кургана, снимая слой за слоемъ въ предѣлахъ намѣченнаго очертанія и записывая въ дневникъ послойно все, что попадалось во время раскопки съ поименованіемъ, въ какомъ разстояніи отъ центра кургана находился предметъ или скелетъ и въ какомъ положеніи онъ находился въ землѣ. Могильное пятно, обнаруженное какъ въ насыпи кургана, такъ и въ материковой землѣ, обкапывалось канавой шириною въ 1 арш., или въ 1 арш. 8 вершк. до появленія дна могильной ямы. Полученный этимъ способомъ столбъ могильной насыпи измѣрялся въ длину, ширину и глубину. Въ тѣхъ случаяхъ, когда при обкапываніи могильнаго пятна, на какой-либо глубинѣ, замѣчалось расширеніе могильной ямы въ какую-либо сторону, (это обнаруживалось цвѣтомъ земли или рыхлостью ея), что указывало на присутствіе здѣсь мины, углубленіе канавы съ этой стороны немедленно прекращалось и раскопка замѣченной мины производилась при незначительности ея—сбоку, а при значительныхъ размѣрахъ мины—послойно сверху, при чемъ, опредѣливъ размѣръ мины, я приступалъ къ обкапыванію ея канавой такъ же, какъ обкапывалась могильная яма. Записавъ размѣры могильной насыпи или

размѣръ мины и направленіе ихъ относительно странъ свѣта, я приступалъ къ разборкѣ земли въ нихъ содержавшейся, производя эту работу при помощи ножей и небольшихъ лопатъ и измѣряя и записывая въ дневникъ положеніе находокъ и фотографируя по возможности очищенные отъ земли скелеты. Раскопка кургана считалась оконченной послѣ удостовѣренія въ томъ, что подъ могильнымъ пятномъ слѣдуетъ материковая глина.

Приложенная къ докладу карта кургановъ и остатковъ древнихъ поселеній (Табл. XIV) обнимаетъ пространство между рр. Ингульцемъ и Днѣпромъ отъ деревни Городокъ близъ Роксандровки на Ингульцѣ до дер. Широкая балка на Днѣпровскомъ лиманѣ. Она составлена по планамъ генеральныхъ и частныхъ межеваній, которыми мнѣ удалось воспользоваться отъ владѣльцевъ земель, входящихъ въ предѣлы сказанныхъ границъ, земли которыхъ въ большинствѣ случаевъ размежеваны на клѣтки отъ 5-ти до 10-ти десятинъ въ натурѣ и на планахъ. Само собою разумѣется, что математически точное обозначеніе каждаго кургана на картѣ, представило бы для меня непосильный трудъ; но при изложенныхъ условіяхъ и при помощи трехъ-верстной карты Генеральнаго штаба, на которой обозначены главнѣйшіе курганы, мнѣ представилась возможность намѣтить на моей картѣ каждый курганъ съ рискомъ ошибиться въ точности его мѣсто-нахожденія полагаю не болѣе, какъ на 10 сажень въ ту или другую сторону, ибо карта моя составлялась слѣдующимъ образомъ: уменьшивъ планъ собственной земли до размѣровъ (1 верста въ дюймѣ), въ которыхъ я счелъ удобнымъ составить предполагаемую карту и разбивъ ее на клѣтки, согласно натурѣ и имѣющимся планамъ, я приступилъ къ нанесенію на нее кургановъ, которые разыскивались путемъ разѣздовъ по клѣткамъ специально для этого приглашеннаго лица и нанесенія находимыхъ въ натурѣ кургановъ въ соотвѣтствующій пунктъ на картѣ. Кромѣ бороздъ, указывающихъ въ степи границы каждой клѣтки, большимъ подспорьемъ при опредѣленіи мѣстности служили, въ изобиліи встрѣчающіеся здѣсь овраги, балки и поселенія, обозначенныя также на картахъ, которыми я пользовался. По нанесеніи на карту всѣхъ кургановъ, я уничтожилъ на ней сѣтку клѣтокъ и многіе поселки, оставивъ только главнѣйшія современныя поселенія, чтобы болѣе выдѣлить на ней курганы и городища.

Курганы еле замѣтные обозначены на картѣ красной точкой, большіе—красными крестиками, еще большіе—звѣздочкой изъ трехъ красныхъ штриховъ; курганы въ сажень вышины и болѣе—звѣздочкой изъ четырехъ штриховъ. Раскопанные курганы окаймлены чернымъ кружкомъ. Синяя цифра возлѣ кургана соотвѣтствуетъ номеру раскопаннаго кургана согласно дневнику раскопокъ. Мѣста съ признаками древнихъ поселеній обозначены желтой краской, а несомнѣнныя городища очерчены, кромѣ того, красной каймой.

Для съемки *плановъ городищъ* я не всегда пользовался точными инструментами. Большинство измѣреній сдѣлано отъ руки при помощи компаса, рулетки и шаговъ. Только для съемки Бѣлозерскаго городища мною былъ приглашенъ землемѣръ, П. З. Рябовъ.

КУРГАНЫ.

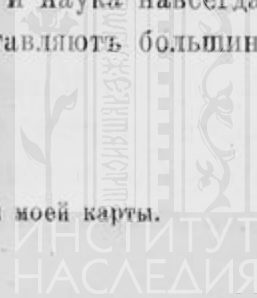
Рѣдкій докладъ изслѣдователя кургановъ южной Россіи не начинается удивленіемъ передъ безконечныхъ множествомъ ихъ въ нашемъ краѣ. Херсонскій уѣздъ не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи, судя по крайней мѣрѣ по пространству, ограниченному рр. Ингульцемъ, Днѣпромъ и Днѣпровскимъ лиманомъ, вошедшему въ составленную мною карту распредѣленія кургановъ и остатковъ древнихъ поселеній въ предѣлахъ между деревнями: Городкомъ у Ингульца, Фалѣвской у Днѣпра и Широкомъ у Золотаго Мыса, на Днѣпровскомъ лиманѣ. Если мы вспомнимъ, что еще не въ столь отдаленную историческую эпоху Ингуль считался судоходнымъ до нынѣшняго Елисаветграда и что Бѣлозерская и Вереvчина балка были нѣкогда

рѣками, протекавшими здѣсь и впадавшими въ Днѣпръ, что Ингулецъ и теперь судоходенъ для небольшихъ судовъ, то не будетъ увлеченіемъ объяснить несмѣтное множество оставшихся здѣсь донинѣ слѣдовъ древняго пребыванія человѣка географическими особенностями мѣстности, которая, находясь вблизи моря и въ предѣлахъ четырехъ большихъ рѣкъ, орошалась еще Бѣлозерской и Веревчиной. Что интересъ составляли рѣки, это доказывается наибольшимъ распространеніемъ кургановъ, городищъ и другихъ остатковъ поселеній по теченію этихъ рѣкъ и балокъ въ связи съ находимыми въ курганахъ доказательствами занятія многихъ изъ населявшихъ эту мѣстность жителей преимущественно рыбной ловлей. Проѣзжайте правымъ берегомъ Ингульца или по правому склону Веревчиной, или Бѣлозерской балки и вы будете поражены неисчислимымъ множествомъ кургановъ самой разнообразной величины ¹⁾. Рѣдко они встрѣчаются стоящими особнякомъ, чаще группами, по нѣскольку кургановъ, еще чаще большими могильниками въ нѣсколько десятковъ или сотенъ кургановъ, расположенныхъ извивающейся лентой на возвышенныхъ буграхъ, параллельно теченію рѣчки или балки, или на высшихъ пунктахъ бугровъ, расположенныхъ между двумя балками. Могильники и отдѣльные курганы въ низменностяхъ составляютъ весьма рѣдкое исключеніе.

Составленная мною карта кургановъ позволяетъ мнѣ высказать подмѣченное еще раньше явленіе, что курганы въ нашей мѣстности соотвѣтствуютъ наиболѣе возвышеннымъ пунктамъ нашихъ степей. Форма кургановъ не представляетъ по наружному виду особаго разнообразія. О ней можно говорить только на основаніи большихъ кургановъ, наиболѣе сохранившихъ свой внѣшній видъ. Между ними замѣчаются коническіе и съ куполообразной вершиной. Первые отличаются обыкновенно большей высотою относительно основанія, вторые наоборотъ. Въ тѣхъ и другихъ болѣе или менѣе замѣтна большая отлогость юго-западной стороны сравнительно съ сѣверо-восточной. Практика моихъ раскопокъ позволяетъ мнѣ сдѣлать выводъ, что коническая или куполообразная форма нашихъ кургановъ не можетъ служить указаніемъ содержимаго кургана въ смыслѣ эпохи или народности, создавшей ихъ, что она случайна и зависитъ часто отъ количества погребенныхъ въ курганѣ покойниковъ и отъ способа погребенія, именно: въ насыпи кургана или въ материкѣ, ибо многіе курганы выросли по мѣрѣ увеличенія числа погребеній въ насыпи его, прибавленіемъ послѣдней сверху; другіе расширились въ стороны по мѣрѣ увеличенія числа сосѣднихъ погребеній въ материкѣ прибавленіемъ насыпи кургана при каждомъ новомъ погребеніи въ стороны. Что же касается большей отлогости многихъ кургановъ къ югу и западу и большей крутизны ихъ со стороны сѣвера и востока, то это объясняется, можетъ быть, и атмосферическими явленіями, именно преобладаніемъ у насъ продолжительныхъ осеннихъ дождей при сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ и поэтому большимъ смываніемъ кургановъ съ этой стороны.

Величина здѣшнихъ кургановъ весьма различна. Наибольшіе достигаютъ 2—3 сажень; наименьшіе представляютъ еле замѣтныя возвышенія почвы. Простоявъ вѣка и тысячелѣтія на цѣлинныхъ степяхъ неприкосновенными, за послѣднее столѣтіе подъ вліяніемъ быстрого заселенія края и ежегодно увеличивающихся запашекъ они быстро уменьшаются въ размѣрахъ, и такъ же быстро уничтожаются на нашихъ глазахъ подъ постояннымъ дѣйствіемъ плуга, какъ быстро таетъ зимній снѣгъ отъ теплаго весенняго вѣтра. Исчезающіе курганы составляютъ большинство нашихъ кургановъ; они скоро исчезнутъ съ лица земли, и наука навсегда лишится въ нихъ матеріала для своихъ изслѣдованій и выводовъ. Они составляютъ большинство раскопанныхъ мною кургановъ.

¹⁾ То же замѣчается и у бассейна р. Ингула и у притоковъ Ингульца за предѣлами моей карты.

Бѣлозерское и сосѣднія городища и другіе остатки древнихъ поселеній.

Предварительно описанія Бѣлозерскаго городища я позволю себѣ провести читателя по правому берегу рр. Ингульца и Днѣпра отъ деревни Михайловки на Ингульцѣ до Золотаго мыса на Днѣпровскомъ лиманѣ. У этихъ береговъ исключительно расположены городища и другіе остатки древнихъ поселеній. Указывая ихъ по порядку, я опишу въ своемъ мѣстѣ и Бѣлозерское городище.

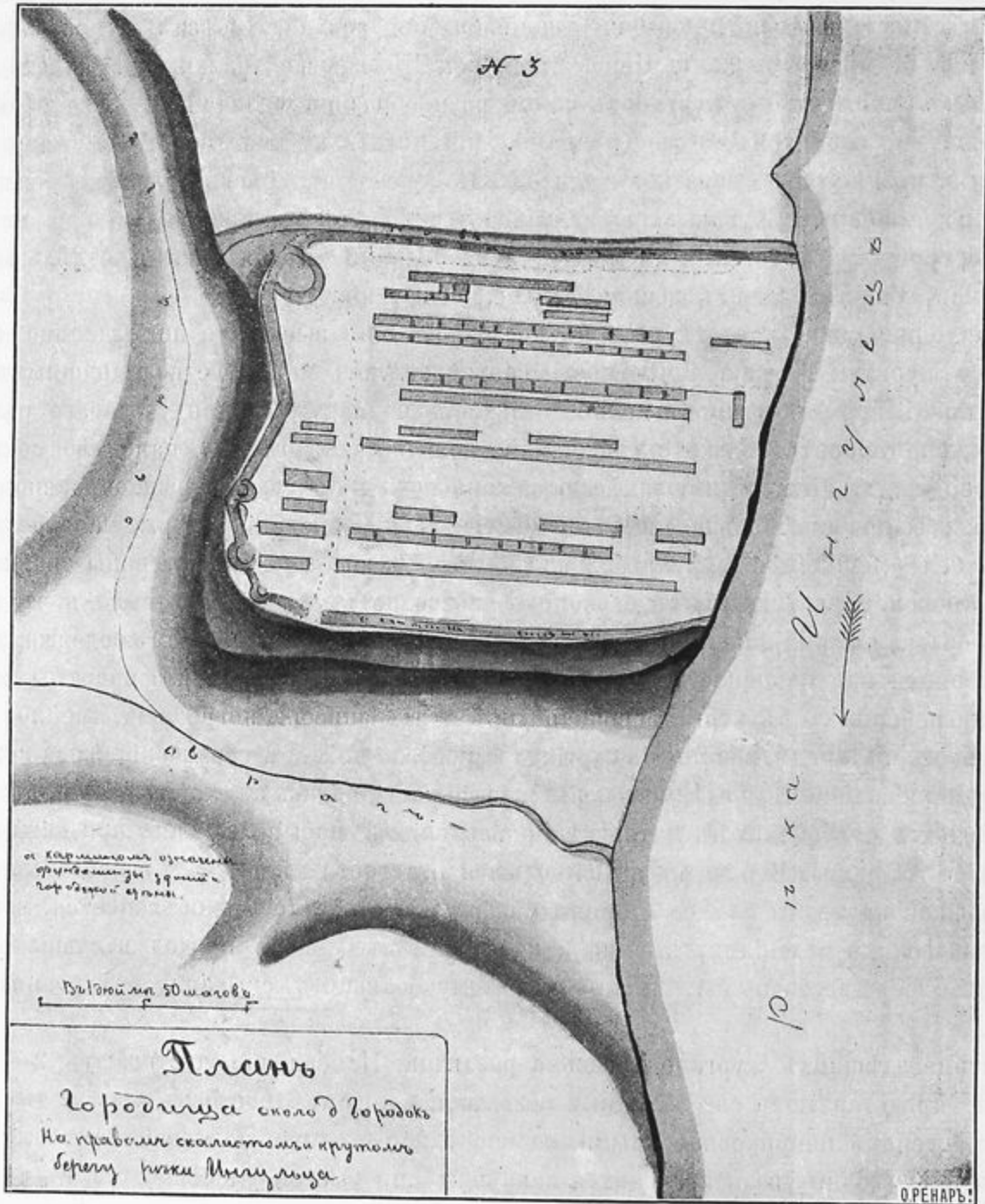

Рис. 20.

Городище у с. Городокъ (рис. 20) расположено на высокомъ каенистомъ утѣсѣ, омываемомъ съ востока изгибомъ р. Ингульца; въ томъ мѣстѣ его теченія, гдѣ на правомъ берегу раскинулась деревня Михайловка. Оно неприступно съ этой стороны, гдѣ почти отвѣсныя скалы спускаются въ рѣку. Съ южной и западной стороны почти столь же отвѣсныя скалы спускаются въ глубокія естественныя балки, изъ которыхъ южная при высокой водѣ орошается р. Ингульцемъ; съ сѣверной оно отдѣляется отъ остальнаго материка искусственнымъ рвомъ, прорытымъ

по прямому направлению от балки къ Ингульцу. Съ западной, сѣверной и восточной стороны утесъ окаймляется фундаментомъ каменной стѣны, имѣвшей, какъ видно, около 3-хъ шаговъ ширины; кромѣ того съ западной стороны, т. е. со стороны балки, между остатками фундамента замѣтны слѣды фундаментовъ башенъ или другихъ круглыхъ сооружений. Вся поверхность утеса занята каменными фундаментами длинныхъ построекъ, расположенныхъ параллельно. Большинство изъ нихъ раздѣлены остатками поперечныхъ фундаментовъ какъ бы на камеры въ 3 и 4 аршина и болѣе. Между остатками построекъ я находилъ куски амфоръ и другой толстостѣнной глиняной посуды.

Между жителями сосѣднихъ деревень не сохранилось никакихъ преданій о происхожденіи этого городища или населявшихъ жителей его, кромѣ неясныхъ разсказовъ о какихъ-то раз-

Рис. 21.

бойникахъ. По ихъ словамъ, нѣсколько сосѣднихъ деревень построено изъ камня, добытаго изъ стѣнъ и фундаментовъ этого городка. Не трудно повѣрить этому, потому что и во время моего кратковременнаго пребыванія на немъ, въ продолженіи полутора часа, изъ него было вывезено крестьянами шесть подводъ камня, взятаго на моихъ глазахъ изъ фундаментовъ ¹⁾.

Городище около деревни Еленовки отстоитъ въ 160 саженьяхъ отъ скалистаго берега р. Ингульца и состоитъ (Рис. 21) изъ землянаго вала, окруженнаго рвомъ и небольшимъ землянымъ бугромъ, окаймляющими прямоугольную площадь въ 61 саж. длины и 54 сажень ширины, внутри которой сохранились остатки землянокъ въ видѣ болѣе или менѣе глубокихъ ямъ, ясно сохранившихъ очертанія комнатъ и входовъ въ нихъ. Съ наружной стороны рва съ восточной и южной стороны сохранилось нѣсколько признаковъ такихъ же землянокъ. Рядъ изъ

¹⁾ Не даромъ сосѣдняя деревня носитъ названіе „Городокъ“.

13-ти такихъ же землянокъ сохранился и между городищемъ и берегомъ р. Ингульца въ разстояніи 47 саж. отъ послѣдняго. Во рвахъ и въ самомъ городищѣ мнѣ не удалось найти остатковъ глиняной посуды. Мои находки ограничивались здѣсь кусками толстой зеленой стеклянной посуды и поразительно большимъ количествомъ толстыхъ кусковъ кристаллическаго гипса. Преданій объ этомъ городищѣ мнѣ собрать не удалось ¹⁾.

Не распространяясь здѣсь о нѣсколькихъ *пещерахъ*, расположенныхъ между этими двумя городищами въ каменистыхъ скалахъ на берегу Ингульца, при селеніи Федоровкѣ и о такихъ же пещерахъ при д. Фалѣевкѣ, которыя, для признанія въ нихъ историческаго интереса, требуютъ серьезныхъ раскопокъ, упоминаю здѣсь объ нихъ только для свѣдѣнія лицъ, желающихъ заняться изслѣдованіемъ этихъ пещеръ; оставляя мало изслѣдованный мною берегъ р. Днѣпра у деревни Фалѣевки, гдѣ среди множества остатковъ землянокъ у берега Днѣпра и множества черепковъ сравнительно новѣйшаго происхожденія, мнѣ случилось найти нѣсколько ручекъ амфоръ несомнѣнно древняго происхожденія; оставляя и г. Херсонъ, подъ которымъ скрывается не мало остатковъ жилья, обнаруживаемыхъ при копаніи фундаментовъ и погребовъ, особенно

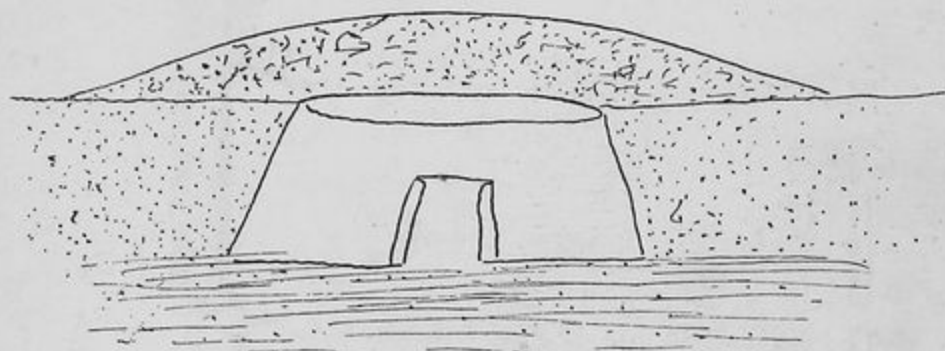

Рис. 22.

въ Забалковской части города, гдѣ обнаруживаются часто ямы, наполненные мусоромъ, изъ котораго извлекаются куски мрамора и древней посуды, амфоры орнаментированныя мелкими поперечными бороздками, глиняныя, кафельныя черепицы съ выпуклыми украшеніями въ видѣ лилій; оставляя безъ описанія слѣды древняго жилья въ казенномъ саду, близъ Херсона,

въ которомъ одинъ изъ Арнаутовскихъ жителей нашелъ зарытыми въ землю нѣсколько фунтовъ мѣдныхъ стрѣлъ; оставляя и неясныя остатки жилья, обнаруживаемыя при обвалахъ глиняныхъ скалъ между устьемъ р. Вереvчиной и Арнаутовскими хуторами, перехожу къ р. Бѣлозеркѣ у впаденія ея въ озеро Бѣлое. Здѣсь на лѣвомъ берегу на протяженіи 1½ верстъ поверхность береговой почвы отличается неровностями, замѣтными буграми и неясными остатками каменныхъ сооружений въ видѣ разбросанныхъ по полю камней, а мѣстами въ видѣ болѣе ясныхъ признаковъ фундаментовъ. Какъ по берегу, такъ и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него попадаются куски *глиняной толстостѣнной посуды, ручки и шейки амфоръ*, и осколки *грубой посуды* изъ черной глины съ кварцовы мизернами. Здѣсь въ 1879 году кладовскатели, раскапывая небольшой бугоръ, расположенный на скатѣ отлогаго почвеннаго берега, спускавшагося къ камышевой плавнѣ и имѣющій видъ небольшого кургана, открыли на моихъ глазахъ интересное сооруженіе, выкопанное въ землѣ въ формѣ *круглой печи*, имѣвшей около сажени въ діаметрѣ верхней части и расширявшейся до 4-хъ аршинъ въ нижней, которая отстояла отъ верхней приблизительно около 2-хъ аршинъ. Со стороны плавни она имѣла въ нижней части отверстіе въ видѣ челюстей печи, около ¾ аршина вышины и ширины (рис. 22), стѣны которой были уложены вертикально стоявшими каменными плитами, носившими на себѣ несомнѣнные признаки огня. Такіе

¹⁾ Это и неудивительно, такъ какъ всѣ поселенія здѣсь недавняго происхожденія и населены жителями изъ другихъ губерній. Напр., д. Городокъ основана въ 1818 г., Еленовка населена выходцами изъ Волынской губерніи въ 1805, Роксандровка—1812 г., изъ Чигиринскаго у., Кіевской губ., Федоровка—1845 г., изъ Черниговской губ.; только Садовое и Михайловка могутъ считаться селеніями, бывшими здѣсь при Запорожцахъ.

же слѣды огня и весьма высокой температуры замѣчались и на внутреннихъ стѣнкахъ печи. Печь была наполнена мусоромъ, въ которомъ было найдено много *осколковъ грубой посуды* изъ черной глины съ примѣсью песку. Вокругъ этого сооруженія было разбросано множество такихъ же осколковъ посуды, подтверждающихъ мое предположеніе, что это была печь для обжиганія глиняной посуды.

На правомъ берегу устьевъ той же рѣчки Бѣлозерки, приходилось нерѣдко наталкиваться такъ же на остатки глубокой старины. Здѣсь мною были найдены *орудія каменнаго вѣка*, о которыхъ я упомяну въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Здѣсь же открыты остатки *древняго жилья* (см. Дневникъ, Курганъ № 17), а можетъ быть и печи для обжиганія посуды. Начиная отъ Кебики, кургана, стоящаго недалеко отъ Бѣлаго озера и имѣющаго въ окружности 96½ сажня, по всему берегу мыса, образуемаго этимъ озеромъ, р. Кошевой и р. Днѣпромъ, на каждомъ шагу наталкиваешься на остатки старины. Возлѣ Кебики уцѣлѣло 46 остатковъ *Запорожскихъ землянокъ*, расположенныхъ въ видѣ улицы на пространствѣ 140 саж., посреди которой сохранились слѣды большой землянки, поставленной поперекъ направленія остальныхъ. Отъ землянокъ уцѣлѣли только ямы различной формы и величины, въ нѣкоторыхъ замѣтны слѣды сѣней и выходовъ, по одному и по два. Недалеко отъ остатковъ большой землянки расположена мусорная куча, раскапывая которую палкой, я извлекъ кусокъ зеркальнаго стекла, толщиной въ мизинецъ. Въ Бѣлозеркѣ не такъ давно жили еще старики, помнившіе своихъ отцевъ Запорожцевъ со всѣми ихъ атрибутами, рассказывавшіе про житье ихъ въ нашихъ мѣстахъ до пожалованія Бѣлозерскихъ степей Екатериной II А. Ганибалу, при которомъ имъ было объявлено приказаніе удалиться или приписаться къ какому либо мѣстному обществу. Запорожцы, по словамъ стариковъ, разбрелись въ разныя стороны, а нѣкоторые приписались въ Херсонскіе мѣщане или попали въ число крестьянъ, оставивъ потомство подъ извѣстными у насъ фамиліями: Кабузаны, Гончары, Тараны, Нечай и пр.

Направляясь отъ Кебики по краю обрыва берега большаго мыса, образуемаго водами Бѣлаго озера и р. Кошевой, къ хутору Глинище, вы найдете въ разныхъ мѣстахъ неровности почвы, сглаживающіяся съ каждымъ годомъ, а надъ самимъ Глинищемъ—разбросанные камни и слѣды фундамента нѣкогда стоявшей здѣсь, по преданіямъ, турецкой мечети (?). Далѣе въ разстояніи двухъ верстъ отъ остатковъ мечети расположено *Бѣлозерское городище*, на которомъ я останавлиюсь дольше, чѣмъ на другихъ.

Въ тринадцати верстахъ по теченію рѣки Днѣпра, ниже г. Херсона, и въ одной верстѣ ниже соединенія съ Днѣпромъ протока его р. Кошевой, съ правой же стороны начинается другой протокъ, р. Корабелка (рис. 23). Начало этого узкаго, но довольно глубокаго протока имѣетъ видъ бухты. Теченіе Корабелки здѣсь сначала перпендикулярно теченію Днѣпра, но на разстояніи приблизительно 150 саженой оно поворачивается подъ прямымъ угломъ и продолжается между высокими камышами параллельно Днѣпру. Здѣсь же въ изворотѣ колѣна Корабелки, съ правой же стороны, издавна расположенъ рыбный заводъ. Заводъ этотъ и мѣсто расположенія его называется Корабельное; это мѣсто и въ настоящее время, представляющее изъ себя единственную въ своемъ родѣ удобную стоянку въ бурную погоду для небольшихъ лодокъ, должно было представлять для здѣшнихъ историческихъ народовъ, употреблявшихъ небольшія лодки, громадное значеніе.

Кромѣ нѣсколькихъ возвышенныхъ грядъ, на которыхъ расположено Корабельное, весь правый берегъ Днѣпра и Корабелки въ этихъ мѣстахъ низменный, покрытый непроходимыми высокими камышами и топкими болотами, поглощающими часто голодныхъ животныхъ, увлекшихся зеленью ихъ растительности. Болота эти тянутся здѣсь полосой около полу-версты ширины. Это обстоятельство дѣлало бы бухту недоступной для жителей материка, ежели бы она

не была соединена съ нимъ остатками гребли (можетъ быть и исторической) неизвѣстнаго происхожденія, которая тянется отъ Корабелки черезъ камыши и подходитъ къ высокимъ глинистымъ обрывамъ, на вершинѣ которыхъ расположено *городище*, о которомъ идетъ рѣчь. Здѣсь же расположена батарея временъ Севастопольской войны, построенная для защиты Днѣпра; здѣсь же вы найдете и остатки землянокъ различной формы и величины. И все это скучено на одномъ мѣстѣ, на мысѣ, образуемомъ поворомъ Днѣпра и его протоковъ, а съ ними и обрыва материка, возвышающагося надъ ними на шесть саженой. Съ высоты этого мыса вы замѣтите, что насколько мѣстность Корабельнаго интересна, какъ бухта, настолько вершина этого мыса интересна въ другихъ отношеніяхъ. Взобравшись на этотъ мысъ, окинувъ взглядомъ весь окру-

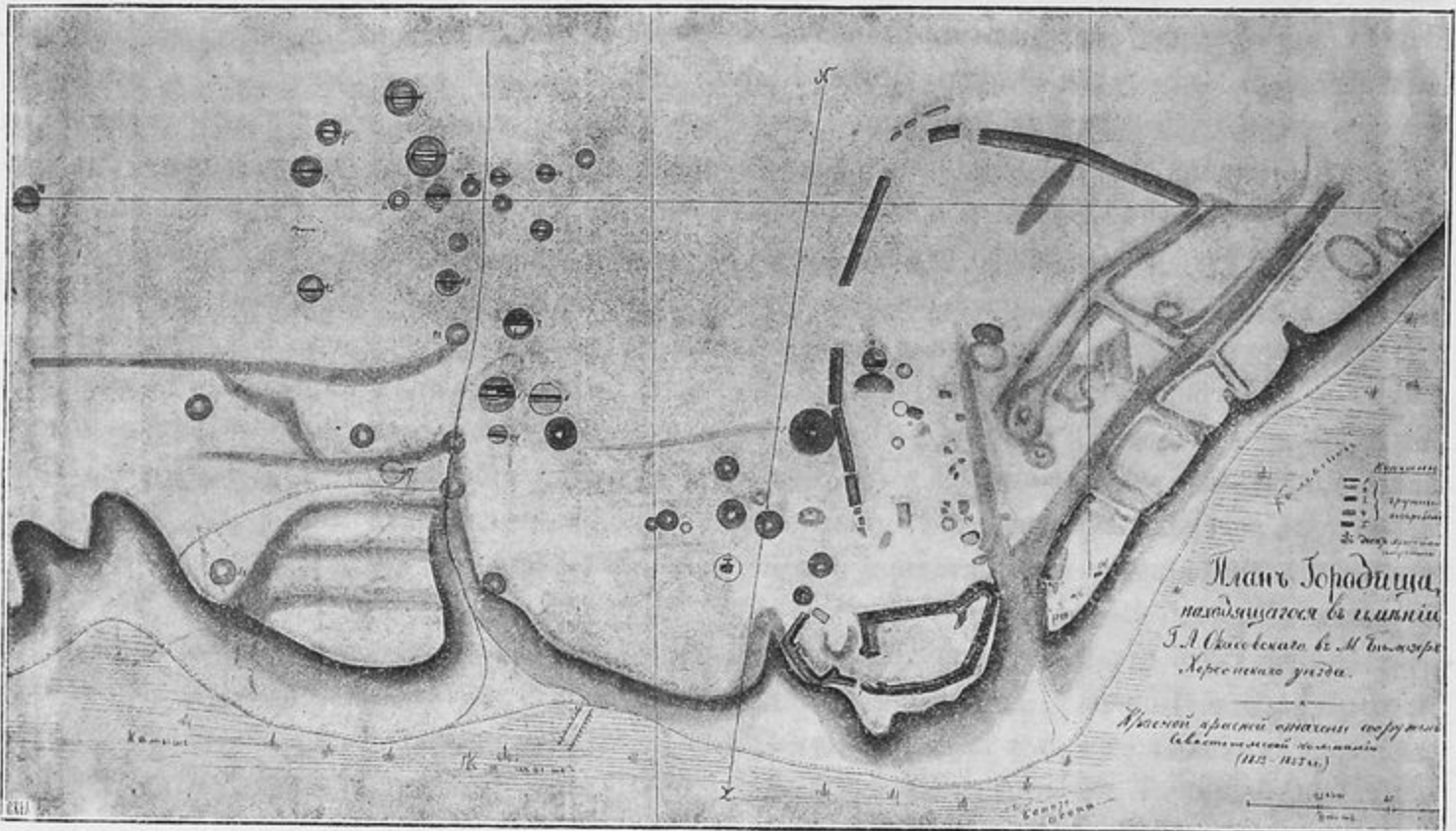

Рис. 23.

жающій васъ горизонтъ и познакомившись съ картой, вы согласитесь съ тѣмъ, что именно это мѣсто должны были избирать для осѣдлости историческіе народы, какъ желавшіе заниматься торговлей, хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и рыбнымъ промысломъ, такъ и тѣ, которые искали удобнаго мѣста, откуда бы они могли во-время замѣчать приближающагося съ моря врага, чтобы своевременно принять противъ него соотвѣтствующія мѣры. Для того, чтобы это было яснѣе, я позволю себѣ нѣкоторыя поясненія.

Небольшой мысъ, на которомъ стоитъ городище, находится, какъ видно изъ плана, на юго-восточной сторонѣ большаго мыса, образуемаго съ западной стороны Днѣпровскимъ лиманомъ, съ южной теченіемъ р. Днѣпра и его притоковъ, съ восточной—рѣкой Кошевой, а съ сѣверо-восточной Бѣлозерскимъ озеромъ и р. Бѣлозеркой. Часть мыса, на которой стоитъ городище, самая возвышенная и царитъ надъ всѣмъ остальнымъ, окружающимъ ее пространствомъ степей и плавень. Отъ городища начинается ровная, слегка покатая къ сѣверо-западу степь, оканчивающаяся глубокой сѣнокосной долиной, соединяющей Бѣлозерское озеро съ Днѣпровскимъ лиманомъ у такъ называемаго лимана Солонецъ у дер. Софіевки. Пространство къ югу отъ городища, какъ я уже сказалъ, занято Днѣпромъ и его протоками, которые въ разстояніи тринадцати верстъ отъ городища оканчиваются Днѣпровскимъ лиманомъ.

Соединеніе въ этомъ мѣстѣ множества протоковъ Днѣпра облегчало сношеніе съ болѣе или менѣе отдаленными и интересными пунктами. Однимъ изъ такихъ пунктовъ была современная „Голая пристань“, связывающая и теперь наше городище съ Таврическимъ берегомъ. Не даромъ рукавъ, соединяющій эти два мѣста, называется Старымъ Днѣпромъ и не даромъ на правомъ берегу его, на Потемкинскомъ островѣ, было поселеніе, сохранившееся и до нынѣ въ видѣ городища, о которомъ рѣчь впереди. Это же обстоятельство придавало нашему городищу, кромѣ торговаго значенія, еще и стратегическое, Съ одной стороны, съ него можно было прослѣдить за каждымъ судномъ, входящимъ въ Днѣпръ съ момента, когда оно покажется въ видѣ точки на горизонтѣ лимана до тѣхъ поръ, пока оно не поровняется съ нимъ; съ другой стороны, точно такъ же нельзя упустить ни одного суденышка, спускающагося по Днѣпру со стороны Херсона; съ третьей—перспектива стараго Днѣпра открывала врага, приближающагося съ Таврической стороны, а съ четвертой возвышенная мѣстность городища, командуя надъ окружающею степью, не давала возможности укрыться приближающемуся сухопутному врагу.

Все вышесказанное, мнѣ кажется, достаточно доказываетъ, почему весь большой мысъ, отъ Бѣлозерскаго озера до Днѣпра, носить на себѣ столько остатковъ старины.

Подойдя къ *городищу*, вы едва ли обратите на него вниманіе. Холмистость мѣстности, обусловленная прежними сооружениями и безъ того сглаженная временемъ, еще болѣе теряется въ присутствіи рѣзко выдающихся, окружающихъ ее, свѣжихъ валовъ батареи послѣдней Крымской войны (обозначенной на планѣ вправо болѣе правильными насыпями). Только случайныя, но интересныя раскопки заставили меня приписать небольшія углубленія, возвышенности и балочки остаткамъ кварталовъ, которые выяснились вполне только послѣ снятія плана мѣстности (прилож. № 4). Чтобы познакомить съ нимъ читателя, предлагаю ему вернуться къ греблѣ, ведущей отъ Корабельнаго. По окончаніи плавни, гребля раздѣляется на двѣ дороги. Дорога влѣво поворачиваетъ къ подъему на обрывъ, проложенному въ сороковыхъ годахъ; сохранившаяся же старая дорога поворачиваетъ отъ гребли вправо и даетъ такой же поворотъ къ такому же подъему, но запущенному. Внизу, въ началѣ этого подъема, съ правой стороны замѣтны остатки древнихъ сооружений въ видѣ ямъ и холмовъ, а за ними, тутъ-же въ началѣ плавни едва замѣтные слѣды древней криницы. На обрывѣ съ лѣвой стороны подъема и дороги стоитъ батарея Севастопольской войны, а съ правой нѣсколько болѣе или менѣе явственно обозначенныхъ кварталовъ древняго городища, обрисовывающихся узенькой балочкой, параллельной обрыву, постепенно опускающейся по мѣрѣ приближенія къ спуску, и углубленіями, идущими отъ нея къ обрыву и въ противоположную сторону. За первой балочкой слѣдуетъ почти параллельно ей вторая такая же, а дальше чуть замѣтна третья, увеличивающія число кварталовъ. Первый кварталъ, ограниченный обрывомъ материковаго берега, спускомъ старой дороги и глубокимъ устьемъ, первой балочки, имѣетъ видъ возвышеннаго глинистаго утеса, остальные ограничены болѣе или менѣе явственными бугорками и имѣютъ волнистую поверхность. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно замѣтить широкія углубленія въ видѣ ямъ. Лѣвая сторона отъ подъема, занятая батареей, покрыта въ началѣ остатками землянокъ, а дальше она тоже холмистая; но тамъ большинство холмовъ имѣетъ характеръ уничтоженныхъ временемъ кургановъ—кладбища древняго поселенія. Нѣсколько почти параллельныхъ балочекъ, хотя и не столь ясныхъ, замѣтно и дальше за Корабельчанской дорогой. Первые раскопки этого городища, какъ я сказалъ раньше—были случайныя; они были произведены кладоискателями, получившими отъ меня разрѣшеніе на поиски съ условіемъ работать въ моемъ присутствіи. Раскопка производилась въ первомъ кварталѣ городища и начата съ остатковъ землянки, обозначенной на планѣ № 1. Въ ней найдено четыре человѣческихъ скелета, расположенныхъ въ беспорядкѣ въ разныхъ мѣстахъ землянки и остатки кобицы съ обгорѣвшей отъ нея глиняной стѣной. Затѣмъ кладоискатели раскопали

вторую землянку надъ дорогой № 2 и, не найдя въ ней ничего кромѣ штучныхъ камней съ мелкой насѣчкой, обратились опять къ тому же первому кварталу, стали раскапывать мѣсто возлѣ первой землянки и открыли двѣ глубокия ямы (погребя) овальной формы, съ стѣнами, гладко отдѣланными въ глинѣ. Одна изъ нихъ № 3 глубиной въ 2¼ сажени, имѣетъ вертикальное направление; другая № 4 длиннѣе, имѣетъ косвенное направление, параллельно обрыву, и развѣтвляется внизу на два узкихъ хода: одинъ сохраняетъ направление ямы, а другой приближается къ обрыву. Обвалы заставили прекратить раскопку этого погреба. Изъ этихъ ямъ извлечено множество осколковъ амфоръ и другой посуды обожженной красной и желтой глины, изящной и простой работы, и грубой посуды, сдѣланной изъ черной глины съ примѣсью зеренъ кварца. Слѣдующія раскопки въ сосѣднихъ мѣстахъ обнаружили новыя ямы въ видѣ заброшенныхъ печей, наполненныя такими же осколками въ перемежку съ золой, землей и рѣчными раковинами ¹⁾.

Заинтересовавшись этими находками, я и самъ принялся за раскопки этихъ мѣстъ и производилъ ихъ послѣ кладонскателей переваломъ, на глубину одного аршина и болѣе, смотря по надобности. Началъ съ разрытой землянки № 1 и, подвигаясь на сѣверо-востокъ, раскопалъ пространство, обозначенное на планѣ—abcd. При этихъ раскопкахъ найдены мусорныя ямы наполненныя землей съ пепломъ и кусками амфоръ большей величины, чѣмъ раньше и различныхъ формъ. У однѣхъ діаметръ горла доходилъ до четырехъ вершковъ другихъ онъ немного болѣе вершка. Форма амфоръ такъ же различна: попадались съ двойными ручками, изогнутыми подъ угломъ и съ полукруглыми, украшенными продольными нарѣзками. Найдена глиняная слезничка безъ горлышка простой работы; осколки флаконовъ и мисокъ съ поливой и краской, а также куски черныхъ, грубыхъ горшковъ. Найдены носикъ отъ лампы, шесть глиняныхъ трузилъ отъ невода, различныхъ формъ, три пращевыхъ камня, довольно изящный черный брусокъ съ дырочкой у одного конца, веретена; кусокъ ручного жернова (?), кусокъ желѣзнаго копья, стеклянная буса съ перемежающимися слоями голубого и бѣлаго цвѣта, ольвійская медная монета съ изображеніемъ съ одной стороны человѣческой головы въ профиль, украшенной вѣнкомъ, и надписи, въ которой со стороны затылка головы можно прочесть олію; два мѣдныхъ Екатерининскихъ пятака.

Изъ остатковъ животныхъ обращало на себя вниманіе множество свиныхъ костей, осетровыхъ щитковъ и рѣчныхъ раковинъ ²⁾.

Находимые камни поражали своимъ разнообразіемъ. Большинство ихъ не мѣстнаго происхожденія. Единственный въ нашей мѣстности камень, плотный ноздреватый известнякъ попался рѣдко въ большихъ кускахъ. Большіе камни были по большей части штучные и напоминали находимые въ Ольвійскихъ саркофагахъ. Между осколками мелкаго камня встрѣчался гранитъ, порфиръ, мраморъ, яшма, орагонитъ, слюдистый сланецъ, слюдистый песчаникъ и друг. Всѣ они, какъ несуществующіе въ нашихъ мѣстахъ, должны были быть привезены сюда изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстъ. Здѣсь же я нашелъ въ землѣ осколокъ шарообразнаго кристаллическаго метеорнаго желѣза и кусокъ вулканической лавы ³⁾. Затѣмъ найденъ еще кусокъ глинянаго предмета, напоминающаго торсъ глинянаго идола.

Всѣ эти предметы находились въ хаотическомъ безпорядкѣ. На одномъ уровнѣ съ ольвійской монетой находишь кусокъ желѣзнаго серпа чуть ли не современной работы; рядомъ

¹⁾ Старожилы утверждаютъ, что въ тѣ времена, когда городище еще не распаивалось, какъ теперь, въ немъ было мѣсто, извѣстное въ народѣ подъ названіемъ сметника, въ которомъ находили кольца, серьги, цвѣтные камни и др. вещицы. Указать это мѣсто мнѣ они уже не могли.

²⁾ Изъ раковинъ чаще другихъ попадаются: *Pecten maximus* и *Paludina*.

³⁾ Онъ сѣраго цвѣта, имѣетъ крупныя бѣлыя зерна и напоминаетъ лаву, находимую во Франціи — въ Овернѣ.

съ кускомъ амфоры—желѣзная клямка, какую и теперь можно найти въ деревенской хатѣ; подъ запорожской землянкой—печь съ золой и кусками амфоръ; части человѣческаго скелета перемѣшаны съ камнями, щитками осетра и костями лошади. Словомъ, нетрудно было догадаться изъ этого безпорядка, что здѣсь жилъ не одинъ какой-либо народъ, а что мѣсто это постоянно притягивало къ себѣ обитателей; одни смѣняли другихъ и, разрушая остатки жилищъ своихъ предшественниковъ, строили изъ нихъ свои жилища. Лучшимъ доказательствомъ этого послужила уцѣлѣвшая часть какого-то фундамента, сложенного подъ прямымъ угломъ

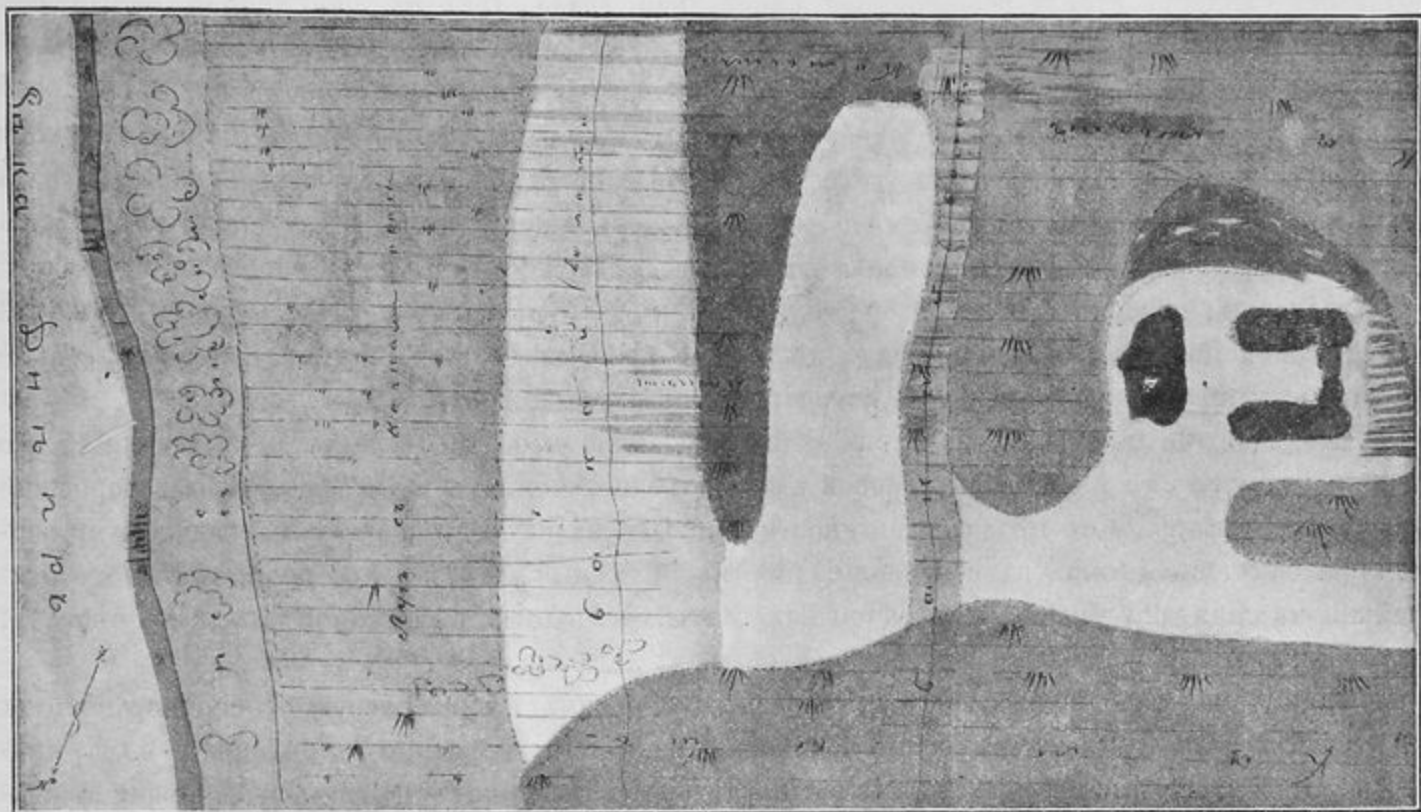

Рис. 24.

(см. планъ № 7—6), одна сторона которой направлялась къ обрыву, другая къ спуску. Въ этомъ фундаментѣ можно было найти правильныя каменные плиты съ мелкой насѣчкой и остатками штукатурки, каменные карнизы, части камней, высѣченныхъ одни въ формѣ желобовъ, какъ для водопрода или бани, другіе какъ бы для бассейна, и указывающихъ на времена цивилизаціи. Къ сожалѣнію, фундаментъ этотъ простирался недалеко. Въ одну сторону онъ имѣлъ не болѣе четырехъ, а въ другую не болѣе пяти аршинъ. Продолжительность жизни разныхъ народовъ въ этомъ мѣстѣ доказывается глубиной культурнаго слоя, который достигаетъ здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ аршина и болѣе, въ то время какъ слой чернозема въ сосѣднихъ мѣстахъ не болѣе четырехъ вершковъ.

Лѣтомъ 1886 года мы произвели раскопку въ томъ же городищѣ совместно съ Д. И. Эварницкимъ. На этотъ разъ мы попали на яму, наполненную землей, мусоромъ и осколками посуды, дно которой было усыпано мелкими морскими раковинами. Открыта печь, два глиняныхъ груза, кусокъ свинца, и продолжались повторенія прежнихъ находокъ.

Прежде чѣмъ спускаться внизъ по Днѣпру, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о городищѣ, указанномъ на моей картѣ на *Большомъ Потемкинскомъ островѣ*, носящемъ еще названія острова Маслова и Галухина (рис. 24) ¹⁾. Оно расположено на правомъ берегу рукава Днѣпра, называемаго Старымъ Днѣпромъ, на полпути отъ г. Херсона къ Голой Пристані.

¹⁾ См. планъ № 8.

Высадившись на довольно высокую гряду песчаного берега, покрытого старыми вербами, осокорями и лозой, и пройдя через эту гряду, имѣющую здѣсь около 15 саженой ширины, внутрь острова, проходишь около 40 саженой по тропинкѣ, пробитой через топкую камышевую плавню, и натываетесь на бакай, протекающій вдоль берега и отдѣляющій васъ отъ высокой сѣнокосной гряды, окруженной густой и высокой камышевой растительностью. Продолжая путь все въ томъ же направленіи по пробитой здѣсь тропинкѣ и пройдя сѣнокосную гряду, имѣющую около 30 саженой ширины, натываетесь на второй, болѣе узкій бакай ¹⁾, за которымъ слѣдуетъ вторая возвышенная сѣнокосная гряда, такъ же окруженная камышевою растительностью. На этой грядѣ возвышается три бугра съ выемками по срединѣ, составляющіе вмѣстѣ съ раздѣляющимъ ихъ пространствомъ гряды, самое возвышенное мѣсто ея. Послѣ сильныхъ наводненій изъ подъ песчаного грунта этой гряды еще и теперь обнаруживаются человѣческіе скелеты. По словамъ мѣстныхъ жителей, въ болѣе отдаленныя времена вся гряда была покрыта человѣческими костями и черепами, наводившими страхъ на сосѣднихъ обывателей. Поверхностныя раскопки обнаруживаютъ здѣсь множество черепковъ различной посуды. Я находилъ на поверхности земли обломки стеклянныхъ бусъ и куски толстостѣнной глиняной посуды, напоминающіе вышеописанныя амфоры. Жителями Голой Пристани найдено здѣсь же много мѣдныхъ пятаконъ временъ Императрицы Екатерины II-й.

Ислѣдованіе направленія бакаевъ убѣждаетъ меня, что они сдѣланы искусственно и что они прорыты не съ цѣлью рыбной ловли или съ хозяйственной, а съ цѣлью, укрыть городище отъ берега Днѣпра и съ цѣлью возможности выплыть въ случаѣ околками на каюкахъ при помощи бакай въ Днѣпръ въ совершенно противоположныхъ мѣстахъ острова, такъ какъ ближайшій къ городищу бакай, какъ видно изъ карты, сообщается съ Днѣпромъ въ двухъ мѣстахъ, отстоящихъ отъ городища на нѣсколько верстъ.

Занимаемая городищемъ гряда имѣетъ между прочимъ ту интересную особенность, что на ней растетъ такъ называемый „солодкій корень“, растеніе, извѣстное въ ботаникѣ подъ именемъ „*Glycyrriza glabra*“, не встрѣчаемое нигдѣ болѣе въ нашихъ мѣстахъ и собираемое жителями с. Голой Пристани вслѣдствіе необыкновенно сладкаго вкуса корня, который они употребляютъ въ пищу.

Раскопка этого *городища*, вслѣдствіи незначительности занимаемаго имъ пространства и рыхлости грунта, могла бы быть весьма нетрудной и могла бы, можетъ быть, открыть болѣе отдаленную эпоху его существованія, чѣмъ то время, къ которому относятся сохранившіяся объ немъ преданія и относящіяся къ послѣднимъ страницамъ исторіи Запорожья. Здѣсь по словамъ стариковъ, укрывались казаки, тѣснимые съ одной стороны указами Екатерины II-й, а съ другой Турками, нападавшими на нихъ съ таврической стороны. Здѣсь, говорятъ они, были перерѣзаны Турками послѣдніе остатки Запорожцевъ на первый день Пасхи, когда послѣ сильной попойки они спали непробуднымъ сномъ. Этой рѣзней они объясняютъ и множество находимыхъ здѣсь человѣческихъ скелетовъ. Въ народѣ упорно держатся слухи о зарытыхъ здѣсь богатствахъ, постоянно привлекающихъ сюда кладоискателей.

Запорожцамъ же приписываютъ у насъ и группу слѣдовъ *землянокъ*, расположенныхъ между Бѣлозерскимъ городищемъ и с. Касперовкой (рис. 25) частью на возвышенномъ материковомъ берегу Днѣпра, частью у подошвы его. Она расположена въ разстояніи $4\frac{1}{2}$ верстъ по пути изъ Бѣлозерскаго городища къ с. Касперовкѣ; непосредственно за с. Касперовкой, начинается недавно заселенная и быстро растянувшаяся по берегу деревня Кизій Мысь. На пространствѣ,

¹⁾ Бакаемъ у насъ называется иногда естественный, а чаще искусственный ерикъ или канава среди камышей, прокопанный для проѣзда въ каюкѣ къ озеру или рѣкѣ.

занятомъ этой деревней, по всей вѣроятности, еще недавно можно было обнаружить остатки древнихъ поселеній, о чемъ можно судить по находимымъ здѣсь черепкамъ древней посуды и по извлекаемымъ здѣсь изъ земли камнямъ и кирпичамъ.

Приближаясь къ западной границѣ пространства, занятаго моею картою, мнѣ остается сказать нѣсколько словъ объ остаткахъ древнихъ поселеній, чуть ли не существеннѣйшихъ изъ всѣхъ, вошедшихъ въ эту карту. Я разумѣю остатки *городища у Золотого мыса*, замѣчаемые и теперь въ разныхъ мѣстахъ на пространствѣ возвышеннаго берега отъ Глубокой пристани вплоть до Золотого мыса въ видѣ незначительныхъ характерныхъ неровностей почвы, сохранившіяся мѣстами и понынѣ, не смотря на грандіозныя земляныя сооруженія, воздвигнутыя 1854 — 55 годахъ для предупрежденія вылазки неприятеля въ этомъ мѣстѣ, удобномъ для глубоко-сидящихъ судовъ, и несмотря на постоянно продолжающіеся въ теченіи многихъ вѣковъ обвалы глинистаго берега въ лиманъ.

Невелирочная съемка этого берега могла бы и здѣсь, какъ и въ Бѣлозерскомъ городищѣ, выяснитъ остатки древнѣйшихъ слѣдовъ построекъ среди остатковъ сооружений Крымской войны; они могли бы выяснитъ связь сохранившихся остатковъ поселеній Глубокой у пристани съ таковыми же у Золотого мыса, и связать ихъ съ *громаднымъ могильникомъ*, простирающимся отъ большаго кургана, на которомъ стоялъ въ 1855 году оптической телеграфъ, внутрь материка, ускользнувшимъ отъ нашего знаменитаго изслѣдователя древностей Южной Россіи, графа А. Уварова, вслѣдствіе столь ничтожной величины кургановъ, составляющихъ этотъ могильникъ, что дѣломъ они совершенно скрываются подъ густой зеленою высокоихъ травъ и хлѣбовъ. Только этимъ соображеніемъ я могу объяснить себѣ слова этого почтеннаго изслѣдователя: „Въ окрестно-

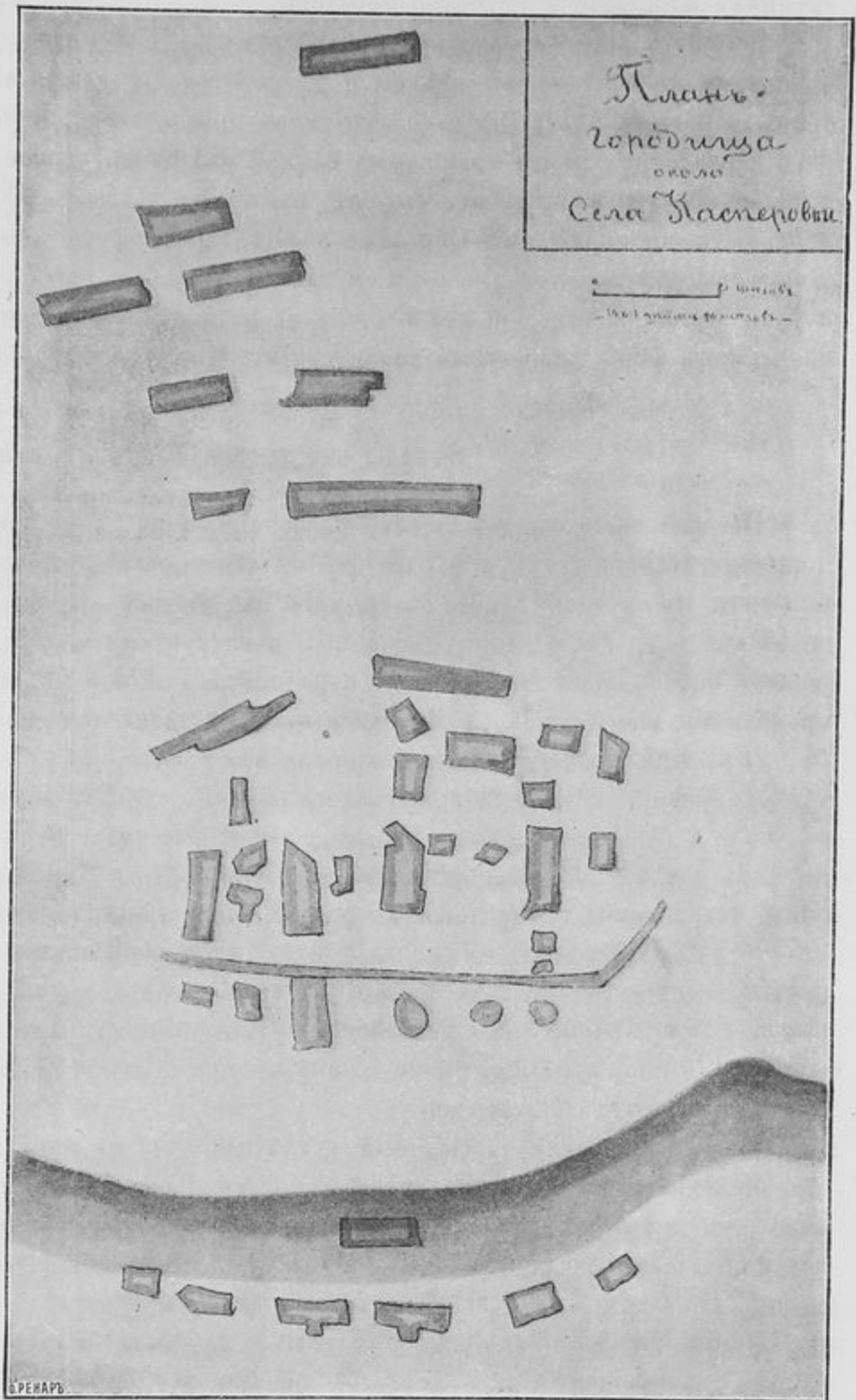

Рис. 25

Въ окрестно-

стяхъ Золотого и Станиславскаго мыса не встрѣчается ни одного кургана¹⁾, и почему онъ обратилъ исключительное вниманіе за Золотой мысъ, не сказавъ ни слова объ остаткахъ древнихъ поселеній у Глубокой пристани.

Изслѣдуя рвы, образовавшіеся отъ дождевыхъ потоковъ у балокъ, спускающихся здѣсь къ лиману въ томъ мѣстѣ, гдѣ были сосредоточены главныя укрѣпленія временъ Крымской войны, я нашелъ здѣсь, въ откосахъ рововъ профили ямъ, наполненныхъ мусоромъ, изъ котораго я извлекалъ много пращевыхъ камней различной величины и осколки разнообразной древнѣйшей посуды, начиная отъ амфоръ, изящныхъ вазочекъ съ рисунками, и кончая грубыми первобытными горшками. Образомъ изящнѣйшей посуды можетъ служить найденный здѣсь *черепокъ отъ терракотоваго подноса*, на которомъ прекрасно сохранилась часть женской фигуры и руки женщины стоящей возлѣ стола съ изящными рѣзными ножками въ желтыхъ краскахъ на черномъ фонѣ, покрытомъ характернымъ для греческой посуды лакомъ.

Выводы изъ раскопанныхъ кургановъ.

Пытаясь привести въ систему раскопанный матеріалъ, приходится отказаться отъ всякой попытки установить какую бы то ни было систематику *Бѣлозерскихъ кургановъ* по наружному ихъ виду. По внутреннему же содержанію ихъ только можно раздѣлить на курганы, насыпанные сразу при погребеніи одного покойника, и на курганы, выросавшіе по мѣрѣ погребенія въ нихъ новыхъ покойниковъ, иногда одной народности, а иногда многихъ, смѣнявшихъ одна другую въ продолженіе многихъ вѣковъ. Интереснымъ представителемъ послѣднихъ можетъ служить курганъ № 2, въ насыпи котораго найдено 7 однообразныхъ скелетовъ, судя по найденнымъ при нихъ предметамъ, современниковъ Ольвіи; подъ ними найденъ *скелетъ* совершенно другого типа, *погребенный въ ладль*, а еще ниже — въ материкѣ, *скелетъ каменнаго періода съ кремневыми орудіями*. Курганы съ наслоеніемъ поколѣній весьма разнообразны. Такъ, въ курганахъ №№ 9, 52, 44, мы опять встрѣчаемся съ наслоеніемъ разныхъ поколѣній, но здѣсь типы погребеній уже иные; въ курганѣ № 39, опять иные; въ №№ 4, 10, 29 и 38 опять иные. Поэтому, оставляя всякую попытку систематизировать курганы, и на основаніи внутренняго содержанія ихъ попытаюсь выяснитъ главнѣйшіе типы погребеній, подмѣченные въ раскопанныхъ курганахъ и установить ихъ хотя бы въ приблизительной хронологической послѣдовательности, насколько она будетъ вытекать изъ тѣхъ же кургановъ.

Въ первую группу погребеній, встрѣчающихся въ моихъ дневникахъ, войдутъ *погребенія Каменнаго періода*. Существованіе въ нашихъ мѣстахъ этого доисторическаго періода подмѣчено было мною еще раньше, чѣмъ я убѣдился въ немъ изъ раскопокъ, благодаря нѣсколькимъ случайнымъ находкамъ каменныхъ орудій у р. Бѣлозерки. Эти находки были тѣмъ болѣе интересны, что между ними встрѣчаются орудія изъ мѣстнаго известняка. Рис. 26 изображаетъ найденный мною въ землѣ при садовыхъ работахъ *обломокъ молота*, состоящей изъ двухъ частей, прикрѣпившихся къ палкѣ при помощи ремней, для которыхъ на поверхности выдолблены наружные желобки, а для помѣщенія между ними палки — внутренніе желобки, составляющіе при складываніи обѣихъ половинокъ круглую дыру. На поляхъ, прилегающихъ къ рѣкѣ, мнѣ удавалось находить и *наконечники стрѣлъ* также изъ нашего плотнаго известняка (рис. 27), а также и *кельтъ* изъ того же матеріала. Всего разъ мнѣ удалось найти у насъ *обломокъ топора изъ діорита* (рис. 28). Орудія изъ этого матеріала, также какъ и кремневыя орудія должны были высоко цѣниться у насъ первобытнымъ человѣкомъ за неимѣніемъ въ

¹⁾ Изслѣдованія о Древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго моря, графа А. Уварова, ст. 34.

нашихъ мѣстахъ кремня, діорита, яшмы. Этимъ я объясняю рѣдкіе случаи находокъ подобныхъ орудій во многихъ изъ нашихъ кургановъ, несомнѣнно принадлежащихъ каменному періоду. Найденные кремневые наконечники весьма примитивной работы и принадлежали человѣку, неумѣвшему еще заостривать свое орудіе отбивкой краевъ, а пользовался имъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно откалывалось отъ nucleus'a. Впрочемъ, *кремневый наконечникъ копья* изъ Кургана № 50, уже съ отбитыми краями лежалъ по лѣвую сторону изголовья скелета. Въ насыпи того

Рис. 26

Рис. 27

Рис. 28

же кургана найдено два куска кремневыхъ *скребковъ*, нѣсколько *наконечникъ стрѣлъ* изъ мѣстнаго известняка и два трехугольныхъ орудія изъ того же матеріала, имѣющихъ до 2 вершковъ высоты и $1\frac{1}{2}$ вершка въ основаніи, и служившія, какъ будетъ объяснено ниже, для земляныхъ работъ при погребеніи.

Кромѣ этихъ орудій при скелетахъ первобытныхъ людей древнѣйшей эпохи клались у насъ и обыкновенные камни. Такъ: въ курганѣ № 50 подъ затылокъ черепа былъ положенъ необдѣланный известнякъ круглой формы; другой камень лежалъ у него на груди. Въ томъ же курганѣ, въ другой могильной ямѣ черепъ скелета былъ окруженъ мелкими камнями величиной до вершка, аккуратно сложенными въ формѣ полукруга, начиная большимъ и кончая меньшимъ. Въ курганѣ № 32, въ первой могильной ямѣ рядомъ со скелетомъ описываемаго типа найдены слѣды сгнившей деревянной дубины.

Особенный интересъ представляетъ курганъ, когда, кромѣ орудій, употреблявшихся первобытнымъ человѣкомъ, онъ указываетъ еще и на способъ производства работъ этимъ орудіемъ. Изслѣдованіе дна одной изъ могильныхъ ямъ кургана № 50 указало мнѣ оригинальный способъ, къ которому прибѣгалъ первобытный человѣкъ для производства земляныхъ работъ каменнымъ орудіемъ. На таблицѣ VI, ф. 1, изображено дно этой могильной ямы, снятое съ натуры, въ которой на плотной глинистой поверхности дна, обнаружались пятна изъ мягкой порошкообразной глины, заключенной въ глухихъ дырахъ, направленныхъ косвенно въ разныя стороны материковаго грунта. Каждая дыра имѣла около $1\frac{1}{2}$ вершка ширины и отъ 1 до 2-хъ вершковъ глубины. Происхожденіе этихъ дыръ не можетъ быть приписано мышамъ или инымъ животнымъ, какъ потому, что рыхлая земля, наполнявшая дыры, не отличалась цвѣтомъ отъ остальной окружающей материковой, такъ и потому, что всѣ эти дыры были глухи и ни одна изъ всѣхъ не простиралась глубже двухъ вершковъ, къ тому же всѣ онѣ были направлены въ косвенномъ направленіи. Два послѣдніе обстоятельства въ связи съ находеніемъ въ насыпи

кургана оригинальныхъ трехъугольныхъ камней, шириною въ $1\frac{1}{2}$ вершка, заставило меня предположить, что могильная яма была произведена сверленіемъ земли при помощи найденныхъ раньше трехъугольныхъ камней, вѣроятно, прикрѣпленныхъ къ ямамъ.

Просверливъ косвенныя дыры, на пространствѣ преднозначенномъ для предполагаемой ямы, копающій могъ сбивать большимъ камнемъ куски материковой земли, образовашіеся между дырами и продолжать сверленіе и опять отбиваніе земли до тѣхъ поръ, пока не получалъ яму требуемой глубины. Подмѣтивъ такую особенность дна этой ямы, я сталъ обращать особенное вниманіе на это обстоятельство въ послѣдующихъ раскопкахъ и успѣлъ обнаружить такіе же дыры еще въ двухъ могилахъ кургана № 52. Обладая столь примитивными средствами для своихъ работъ, нашъ первобытный человѣкъ не могъ пользоваться глубокими ямами для погребенія умершихъ. Поэтому большинство этихъ ямъ весьма мелки. Такъ: въ курганѣ № 1, могильная яма имѣетъ всего 8 вершковъ глубины; въ курганѣ № 2—6 вершковъ, въ курганѣ № 16—6 вершковъ, въ курганѣ № 50—8 вершковъ (подъ камнями 8); въ томъ же курганѣ послѣднія ямы: первая имѣла 12 вершковъ, и только пятая яма того же кургана имѣетъ 2 арш. 3 верш.

Наиболѣе типичнымъ представителемъ погребеній каменнаго вѣка въ этой группѣ можетъ служить курганъ № 2. Здѣсь покойникъ погребенъ въ мелкой ямѣ въ 6 вершковъ глубины, 2 арш. 4 верш. длины и 1 арш. 4 верш. ширины, выкапанной на поверхности земли. Дно ея устлано слоемъ красивой зеленой глины, на которой лежитъ скелетъ на спинѣ, головою на сѣверо-востокъ, ногами на юго-западъ, кости рукъ протянуты вдоль боковъ скелета; кости ногъ согнуты колѣнами вверхъ; кости ступней отстоятъ на полъаршина отъ тазовыхъ костей. У праваго виска найденъ красивый *наконечникъ стрѣлы* и половина другаго такого-же наконечника; въ кисти лѣвой руки такой же наконечникъ, значительно меньшихъ размѣровъ. Разрушившіеся до порошкообразнаго состоянія кости скелета не дали возможности констатировать окраску костей этого скелета. Найденные же возлѣ черепа, подъ нимъ и мѣстами на остальныхъ костяхъ черепа, слѣды краски коричнево-краснаго цвѣта допускаютъ это предположеніе. Земля, наполнявшая эту яму—черноземная и необыкновенно рыхлая. Могильная яма выкопана въ глинистомъ грунтѣ. Надъ ней и на пространствѣ около двухъ аршинъ вокругъ могилы замѣченъ слой обгорѣлой земли, опускающійся къ центру и поднимающійся къ окружности и допускающій предположеніе, что въ похоронные обряды входило сожиганіе костра и что костеръ засыпался землей въ то время какъ онъ не успѣлъ еще потухнуть ¹⁾. Остановиваясь на этомъ курганѣ какъ на типичнѣйшемъ для погребеній каменнаго періода, я нахожу его и древнѣйшимъ вслѣдствіе того, что найденныя въ немъ каменные орудія по отдѣлкѣ своей принадлежатъ по моему мнѣнію къ *палеолетическому періоду*. Края ихъ не имѣютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ отбивки. Практика указала мнѣ, что кости ногъ скелетовъ этой группы въ рѣдкихъ случаяхъ сохранили первоначальное свое положеніе. Они оказываются въ большинствѣ случаевъ опрокинутыми въ правую или лѣвую сторону (табл. VII, фигур. 1); или въ оби стороны (табл. VI, фиг. 2). Но положеніе костей пятокъ, лежащихъ всегда плашмя, служитъ каждый разъ указаніемъ что всѣ эти скелеты находились первоначально въ томъ же положеніи какъ и описанный скелетъ кургана № 2, т. е. колѣни ихъ были вверхъ.

Въ остальныхъ курганахъ мы имѣемъ обильный матеріалъ не только для заключенія, что окраска погребяемаго составляла обязательный похоронный обрядъ этого типа погребеній, но и для предположенія, что первобытный человѣкъ предавалъ землѣ не трупъ покойника а ске-

¹⁾ Объ этомъ можно судить на томъ основаніи, что задымленный пластъ земли давалъ книзу ясный контуръ въ видѣ рѣзко выраженной линіи а верхній былъ расплывчатый (кусокъ такой земли сохраняется въ моей коллекціи). Тоже замѣчено и въ курганѣ № 1.

леть его, выкрашенный красной краской или какой либо мастикой смѣшанной съ этой краской, оказавшейся по анализу окисью желѣза. Это вытекаетъ изъ слѣдующихъ раскопокъ:

1) Въ курганѣ № 21. (Табл. VI, фиг. 2), у выкрашеннаго скелета, лежащаго на спинѣ, кости бедеръ раздвинулись вправо и влѣво; правая—подъ прямымъ угломъ къ позвоночнику; лѣвая—почти подъ такимъ же угломъ. Берцевыя кости отъ колѣней заворачиваютъ подъ острымъ угломъ назадъ и оканчиваются костями пятокъ, расположенными плашмя рядомъ, въ разстояніи около 5 вершковъ отъ тазовыхъ костей.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что кости ногъ этого скелета при погребеніи были подняты колѣнами вверхъ; объ этомъ свидѣтельствуеетъ положеніе костей пятокъ. Но вопросъ въ томъ разошлись ли кости ногъ у трупа или у скелета? Былъ ли покойникъ погребенъ въ состояніи трупа или скелета. Такое измѣненіе положенія костей ногъ, какъ здѣсь, гдѣ кости бедеръ и берцевыя лежатъ въ одной плоскости съ остальными костями скелета, не могло произойти постепенно отъ вѣковаго надавливанія верхнихъ слоевъ земли: оно должно было произойти только сразу отъ засыпанія ихъ землею. Согласившись же съ этимъ нельзя, допустить, чтобы у трупа бедра могли разойтись въ такой степени, чтобы головки бедряныхъ костей вышли изъ бедряныхъ ямокъ тазовыхъ костей, какъ это замѣчается здѣсь.

Курганъ № 16, подтверждаетъ это предположеніе. Скелетъ также былъ выкрашенъ. Возлѣ него найдены кусочки такой же красной краски. Кости бедеръ и берцевыя кости его сходятся въ одну точку вверхъ и расходятся противоположными концами въ стороны и внизъ. Судя по разстоянію головокъ бедряныхъ костей одной отъ другой и по положенію остальныхъ частей ногъ, они не перемѣнили своего положенія, между тѣмъ они не приходится къ своимъ мѣстамъ у костей таза, который въ свою очередь лежитъ относительно позвоночника и реберъ на своемъ мѣстѣ, но слишкомъ далеко отъ костей ногъ. Этотъ безпорядокъ въ расположеніи частей скелета недопускаетъ объясненія его перемѣщеніемъ костей при засыпкѣ ихъ землей; нельзя приписать его грызунамъ или другимъ подземнымъ животнымъ. Животныя эти могли разбросать кости, но не отодвинуть кости туловища отъ костей ногъ или наоборотъ, не произведя безпорядка между отдѣльными костями, составляющими эти двѣ группы костей. Это скорѣе объясняется неудачнымъ укладываніемъ скелета въ могилу при самомъ погребеніи.

Слѣдующій случай для меня еще болѣе убѣдителенъ. Одинъ изъ выкрашенныхъ скелетовъ кургана № 50, именно тотъ, у изголовья котораго найденъ кремневый наконечникъ копья лежалъ на спинѣ, кости рукъ были протянуты у боковъ. Бедро правой ноги направлено въ правую сторону, берцовыя кости той же ноги заворочены назадъ подъ острымъ угломъ съ костями ступней той же ноги, расположенныхъ плашмя. Рядомъ съ костями этой ступни были расположены кости ступни лѣвой ноги и также плашмя; на нихъ упирался нижній конецъ бедренной кости лѣвой ноги, головка которой приходилась къ своему мѣсту таза. Берцовыя кости лѣвой ноги лежали параллельно берцовымъ костямъ правой и прикасались нижней частью къ костямъ лѣвой ступни, а верхней частью къ нижней части праваго бедра. Колѣнная чашечка правой ноги лежала у нижней конечности праваго бедра, чашечка же лѣвой ноги—лѣвѣ середины его (табл. VII фиг., 1). Такое расположеніе костей ногъ при пяткахъ, лежащихъ рядомъ и плашмя, также указываетъ на то, что онѣ были въ началѣ установлены колѣнами вверхъ, и еще очевидно подтверждаетъ, что покойникъ былъ погребенъ въ состояніи скелета, а не трупа; ибо такое измѣненіе положенія костей могло произойти только съ костями скелета безъ мышцъ, кожи и другихъ тканей и не постепенно, а сразу, при засыпкѣ могильной ямы землей.

Если мы согласимся съ тѣмъ, что эти мертвецы хоронились въ состояніи скелетовъ (при которыхъ могли оставаться только болѣе или менѣе прочныя связки хряща), а не въ состояніи труповъ, то происхожденіе краски на костяхъ объясняется само собой. Ежели въ похорон-

ный обрядъ древнѣйшаго обитателя херсонскихъ степей входилъ обязательный обычай предавать землѣ умершаго только послѣ отдѣленія мяса отъ костей скелета птицами или гніеніемъ на солнцѣ, какъ это практикуется и теперь у нѣкоторыхъ дикарей, то даже у первобытнаго человѣка станетъ понятнымъ желаніе придать сколько-нибудь приличный видъ обезображенному родному трупу.

Особенно толстый слой краски на нѣкоторыхъ скелетахъ и нѣкоторая маслянистость ея и костей, наблюдаемая въ нѣкоторыхъ могилахъ¹⁾, допускаетъ предположеніе, что кости обмазывались какимъ-либо жирнымъ веществомъ или мастикой, окрашенной этой краской.

Мы знаемъ, что у Австралийцевъ погребенію костей предшествуютъ предварительныя временныя похороны умершаго, котораго зарываютъ на время въ землю, прячутъ въ дупло большого дерева, обертываютъ въ кору и подвѣшиваютъ къ деревьямъ или кладутъ на высокомъ помостѣ, или же высушиваютъ на небольшомъ огнѣ. У азиатскихъ Малайцевъ также существуетъ два погребенія: послѣ временнаго пребыванія трупа въ землѣ кости вырываютъ для окончательнаго погребенія, которое производится весьма торжественно. Индѣйцы Америки оставляютъ своихъ мертвецовъ на цѣлый годъ въ лѣсу и потомъ уже хоронятъ ихъ кости; они также сжигаютъ ихъ или высушиваютъ на небольшомъ огнѣ. Наконецъ, мнѣ извѣстно изъ доклада гр. Уварова Тифлискому Съѣзду²⁾, что и въ древней Персіи очищеніе костей было обязательно. Существованіе подобнаго обычая предварительныхъ похоронъ съ цѣлью очистить кости у дикарей трехъ частей свѣта тѣмъ болѣе допускаетъ предположеніе о существованіи подобнаго же обычая у нашего первобытнаго человѣка на основаніи изложенныхъ наблюденій надъ костями скелетовъ раскопанныхъ кургановъ.

Переходя отъ типичнѣйшаго и древнѣйшаго погребенія каменнаго вѣка кургана № 2 къ остальнымъ погребеніямъ того же типа, мы замѣчаемъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія и совершенствованія, замѣчаемыя въ устройствѣ болѣе глубокихъ и богаче обставленныхъ могильныхъ ямъ, въ болѣе совершенныхъ каменныхъ орудіяхъ и въ другихъ предметахъ, указывающихъ на нѣкоторый прогрессъ. Такъ, напр., въ курганахъ №№ 20, 29, 32, 50 и 52 могильныя ямы покрыты большими каменными плитами. Въ курганѣ № 32, 2-ая могильная яма сравнительно роскошной работы; часть ея, занимаемая ногами, обложена камнями, на которыхъ найдены *костяныя орудія* (ножи?); надъ ямой, у ногъ скелета стоитъ вертикально большой камень, а могильная яма покрыта большой каменной плитой.

Найденный въ курганѣ № 50 кремневый *наконечникъ копья* съ отбитыми краями значительно совершеннѣе *наконечниковъ стрѣлъ*, найденныхъ въ курганѣ № 2. Въ курганѣ № 52, въ камнѣ, покрывавшемъ могильную яму, мы замѣчаемъ *первообразъ каменныхъ бабъ*; въ немъ видно желаніе первобытнаго мастера придать камню человѣческія формы. Въ верхней части камня (таб. VII, рис. 2) замѣчается подобіе головы или шеи (къ которой могла намазываться глиняная голова); а съ боковъ, въ мѣстахъ, соотвѣтствующихъ рукамъ, выдолблены глубокія дыры, служившія, можетъ быть, для помѣщенія въ нихъ вставныхъ рукъ. Мастеръ видимо пытался сдѣлать въ соотвѣтственномъ мѣстѣ подобіе живота, какое мы замѣчаемъ у каменныхъ бабъ. Въ то время, какъ въ курганѣ № 29 (2-я могила) мы находимъ на груди скелета въ качествѣ украшеній *створку раковины*, въ курганѣ № 24 (2-я могила) грудь скелета украшена *костяными издѣліями довольно тонкой работы* — головной булавкой и костяной круглой привѣской. Здѣсь же найдены продыравленные *зубы волка и лисицы* и 8 копытныхъ *костей ямента*. Наконецъ, подъ камнемъ, покрывавшимъ могильную яму кургана № 20, найденъ маленькій *мѣдный заост-*

1) Напр., скелетъ ребенка въ курганѣ № 50, скелеты дѣтей въ курганѣ № 9 и др.

2) Гр. А. С. Уваровъ. Курганы съ разчлененіемъ близъ Дербента.

реинный предметъ, въ 2 сант. длины, напоминающій гвоздикъ безъ шляпки и указывающій на переходъ къ болѣе культурной эпохѣ. Вокругъ костей ступней скелета, найденнаго въ этой могилѣ, замѣчены слѣды деревянной обуви.

Замѣчательно, что при этихъ погребеніяхъ отсутствуютъ сосуды ¹⁾.

Изложенный отдѣлъ погребеній страдаетъ въ моей коллекціи черепами. Сохранить ихъ въ цѣлости было рѣшительно невозможно. Они могли бы разрѣшить вопросъ, дѣйствительно ли всѣ эти погребенія принадлежатъ одной народности, постепенно цивилизовавшейся здѣсь. Единственный черепъ, сохраненный мною изъ кургана № 32, поврежденный и раньше, разбился при перевозкѣ его на Съѣздъ.

Скелеты этой группы были находимы въ курганахъ №№ 1, 2, 4, 9, 16, 20, 21, 23, 24, 29, 32, 38, 44, 50 и 52.

Двадцать два скелета, составляющіе эту группу, были направлены черепами въ разные стороны.

Второй типъ погребеній принадлежитъ также дикому народу, употреблявшему каменные орудія. Онъ характеризуется скорченнымъ положеніемъ костей ногъ при остальномъ скелетѣ, лежащемъ на боку. Значительная ветхость скелетовъ не допустила наблюденія и описанія положенія рукъ многихъ скелетовъ этой группы, но положеніе рукъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они поддавались наблюденію, указываетъ на большое разнообразіе въ этомъ положеніи. То они сложены вмѣстѣ и подведены подъ щеку какъ у спящаго (кург. № 20, 2-я могила, таб. IX, фиг. 1); то согнутыя руки упираются одна въ колѣно согнутой ноги, а другая въ тазовую кость (кург. № 10); то кисть лѣвой согнутой руки покоится на лбу, а кисть правой подпираетъ локоть этой руки (кург. № 10). Въ курганѣ № 21, (таб. IX, фиг. 2), мы находимъ въ одной могилѣ два скелета рядомъ въ такомъ же скорченномъ положеніи, изъ которыхъ передній (?) держитъ въ лѣвой согнутой рукѣ кость быка, какъ бы поднося ее ко рту, а задній (?) той же рукой придерживаетъ на груди грубый горшокъ. Кисть правой руки передняго скелета подложена подъ правую щеку, а кисть той же руки задняго скелета притянута къ колѣнямъ и т. д. Въ курганѣ №№ 38 (6-й слой), 24 (3-я могила и 2-я могила) кости рукъ согнуты въ локтѣхъ и отброшены впередъ.]

Скелеты предыдущей группы были находимы погребенными въ могилахъ, вырытыхъ исключительно въ материковой землѣ. Въ этой же группѣ многіе скелеты составляли напластованія погребеній въ курганной насыпи, и находясь же въ одномъ курганѣ съ предыдущими, были всегда надъ ними и никогда наоборотъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они наблюдались въ могильныхъ ямахъ неправильно яйцевидной или другой неправильной [формы, иногда вырытыхъ непосредственно надъ ямами предыдущей группы (напр., въ курганѣ № 21). Нѣкоторые курганы (№№ 4, 10, 29, 38) особенно изобилуютъ такими погребеніями, попадающимися чуть ли не во всѣхъ слояхъ этихъ кургановъ.

Могильныя ямы весьма мелки—4, 5, 8, 12 и 13 вершковъ. Подстилка подъ скелетомъ изъ цвѣтной глины или коры не наблюдалась; но *окрашиваніе скелетовъ* представляетъ также общее явленіе въ этой группѣ погребеній. Въ курганѣ № 9 (6-й слой) скелетъ усыпанъ древеснымъ углемъ. Покрышекъ изъ каменныхъ плитъ надъ скелетами не наблюдалось.

Кромѣ плоскаго камня *диорита*, мастерски отдѣланнаго и отшлифованнаго въ формѣ плос-

¹⁾ Разбитый сосудъ, найденный на границѣ могильной ямы въ курганѣ № 50, не можетъ быть отнесенъ къ этой могилѣ, потому что онъ былъ въ то же время на границѣ центрального пятка—результата работъ кладонскателей, и могъ попасть сюда при засыпкѣ кладонскательской ямы, что подтверждается и тѣмъ, что сосудъ найденъ разбитымъ. То же можно сказать и о черепкахъ, найденныхъ въ 1-й могилѣ кург. № 24.

каго цилиндра, найденнаго у верхней челюсти скелета (таб. VIII), въ курганѣ № 24 мнѣ не удалось найти другихъ каменныхъ орудій. Въ курганахъ же №№ 27, 29, 38, 24 найдены *каменные издѣлія*, имѣющія назначеніе украшеній и амулетовъ: *молоточки* (рис. 29), *привѣски цилиндрики* изъ трубчатыхъ костей птицъ, *продырявленные зубы* волка и лисицы и *цѣлое ожерелье* изъ такихъ зубовъ въ перемежку съ такими же цилиндриками изъ птичьихъ костей. Кромѣ поименованныхъ украшеній потребность изящнаго при низкой степени развитія этого народа выражается и въ найденной у скелета кургана № 27 двустворчатой рѣзной раковинѣ *Unio* съ закрытыми створками, наполненной ископаемыми раковинами (*cardium littorales*) и мелкими камешками, выкрашенными красной краской.

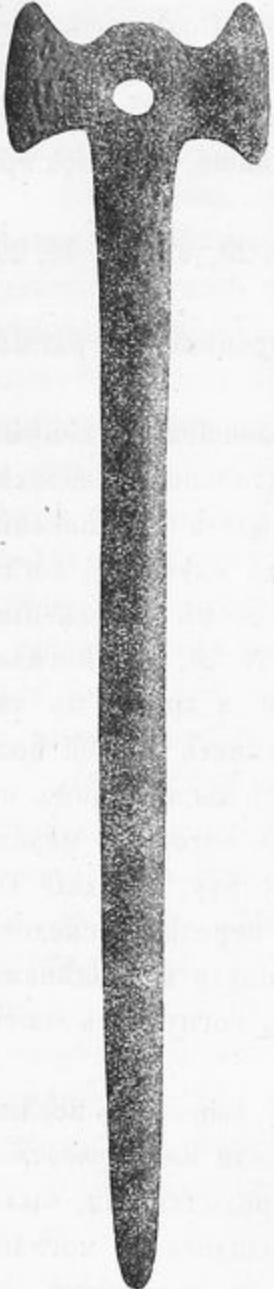

Рис. 29.

Рис. 30.

Сосуды, отсутствующіе въ предыдущей группѣ, находятся почти при каждомъ скелетѣ этой группы. Они встрѣчаются у разныхъ частей скелета. Восемь разъ сосудъ найденъ возлѣ черепа (у затылка, у темени, у лицевыхъ костей), три раза у грудныхъ костей, два раза у конечностей ногъ и одинъ разъ у колѣней¹⁾. Сосуды этой группы примитивны и указываютъ, что мастеръ не зналъ еще употребленія станка. Форма ихъ разнообразна: иные имѣютъ закругленные дны (табл. X). Другіе снабжены

грубымъ подобіемъ ручекъ, вылепленныхъ отъ руки и предназначенныхъ, видимо, для укрѣпленія его надъ огнемъ; другіе имѣютъ плоское дно и болѣе или менѣе выпуклыя стѣнки (табл. X). Наконецъ, въ курганѣ № 21 и 38 мы находимъ у скелетовъ горшки съ грубой орнаментикой (табл. X и рис. 30), сдѣланной палочкой или рыбьей костью. Въ курганѣ № 10 у скелета найденъ грубый сосудъ, напоминающій плоску.

Изъ 38 скелетовъ этого типа, найденныхъ въ 15-ти курганахъ, большинство положено головою на ЮЗ.

Скелеты этого типа принадлежать къ числу наиболѣе распространенныхъ скелетовъ нашихъ кургановъ. Они встрѣчаются чаще другихъ вмѣстѣ съ другими скелетами въ курганахъ съ наслоеніями и преимущественно съ скелетами 1-й группы, при чемъ они находились всегда выше ихъ. Это обстоятельство можетъ служить указаніемъ на то, что народность, которой они принадлежать, населила нашъ край наиболѣе первой, если она не происходитъ отъ предыдущей.

Возлѣ этихъ скелетовъ ни разу не найдено металловъ; а каменное орудіе, найденное всего разъ, не давало бы мнѣ основанія причислить ее къ каменному періоду, если бы каменные орудія при такихъ скелетахъ не были обнаружены раскопками гг. Антоновича, Самоквасова, Эвар-

¹⁾ Кромѣ того многіе горшки найдены въ сторонѣ отъ скелета а иногда они находились въ предыдущихъ слояхъ. Подобные горшки не причислены мною къ этой группѣ во избѣжаніе ошибокъ могущихъ произойти при опредѣленіи типа горшковъ, принадлежащихъ этой народности.

ницкаго, Оссовскаго и гр. Бобринскаго въ Екатеринославской, Кіевской и Волинской губерніяхъ. При разсмотрѣніи 4-го типа погребеній мы найдемъ указанія на то, что греческая колонизація застала у насъ эту народность. Этимъ можетъ быть и объясняется, что рядомъ съ каменными орудіями, находимыми при этихъ скелетахъ, попадаются какъ исключеніе мѣдные предметы (см. раскопки гр. Бобринскаго въ Кіевской губ., Богатая могила, и нѣкоторыя другія изслѣдованныя г. Самоквасовымъ близъ Новогригорьевки, Екатеринославской губ.), приобрѣтавшіеся можетъ быть туземцами у колонистовъ.

Заканчивая съ каменнымъ вѣкомъ, я долженъ еще упомянуть о двухъ парахъ скелетовъ, найденныхъ въ курганахъ №№ 16 и 9, которые я помѣстилъ въ первую группу, хотя они по расположенію костей не могутъ быть безусловно причислены ни къ первой, ни ко второй группѣ, а представляютъ положеніе среднее между обѣими и только болѣе близкое къ первой, чѣмъ ко второй. Скелеты кургана лежали рядомъ на спинѣ, нѣсколько наклонно въ правую сторону. Кости рукъ прилежащихъ сторонъ указываютъ, что они держали другъ друга за руку. Въ остальномъ кости лѣваго скелета соответствовали первой группѣ. Сохраненный черепъ типичный долихоцефаль съ рѣзнымъ гребнемъ вдоль всей вершины черепа и съ сильно выраженными надбровными дугами. Оба скелета окрашены. Правый скелетъ не вполне удовлетворилъ требованіямъ 1-й группы расположеніемъ костей ногъ и костей правой руки.

Два дѣтскихъ скелета кургана № 9 лежали также рядомъ вплотную и вполне соответствовали 1-й группѣ. Отступленіе замѣчается здѣсь только въ удаленіи локтей отъ туловища (замѣченное здѣсь, какъ и въ 16-мъ курганѣ, нахождение двухъ скелетовъ въ одной ямѣ замѣчено и въ курганѣ № 44 съ погребеніемъ, принадлежащимъ къ 1-й группѣ). Кости этихъ скелетовъ были маслянисты и окрашены ярко красной краской.

Переходя къ наиболѣе распространеннымъ погребеніямъ, въ которыхъ погребаемый укладывался на спинѣ съ вытянутыми по длинѣ туловища ногами и съ протянутыми у боковъ руками, въ положеніи, характеризующемъ у насъ періодъ употребленія металловъ и при которомъ каменные орудія встрѣчаются у насъ только въ видѣ пращевыхъ камней, кремней для добыванія огня или кремневыхъ орудій предшествующихъ поколѣній, употребляемыхъ уже въ качествѣ талисмановъ, я не могу не выдѣлить въ особый 3-й типъ погребеній скелета, найденнаго въ насыпи 2-го кургана непосредственно надъ погребеніемъ 1-й группы и надъ 7-ю погребеніями слѣдующей 4-й группы. Онъ былъ погребенъ въ *деревянной ладѣ* съ остроконечнымъ носомъ и кормой, въ которой онъ еле помѣщался. Обшивка ладьи совершенно истлѣла; сохранились лишь полуистлѣвшіе дубовые бруски, составлявшіе остовъ ея. Скелетъ погребеннаго лежалъ головою на СВ, ногами на ЮЗ.

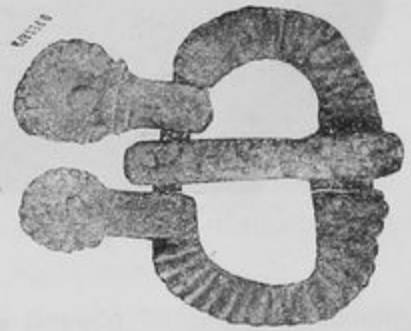

Рис. 31.

Подъ поясницей его найдена довольно изящная *мѣдная пряжка* (рис. 31) и нѣсколько *мѣдныхъ пластинокъ* тонкой мѣди. У конечностей ногъ положены *конскіе зубы*. Скелетъ покрытъ другой такой же ладьей. Надъ нимъ нѣсколько къ западу *кости коня* безъ черепа и позвоночника. Здѣсь же найдены части *железныхъ удилъ* (скелетъ разрушенъ).

Къ 4-му типу относятся 7 скелетовъ съ такимъ же расположеніемъ костей, найденные въ насыпи кургана № 2, 2 скелета въ насыпи кургана № 1 (оба въ 5 слоѣ) и 2 скелета въ насыпи кургана № 8¹⁾. Всѣ одиннадцать скелетовъ лежатъ головою на В, ногами на З. Почти у каждаго скелета у ногъ или у головы найдена какая-либо посуда. У однихъ она сравнительно гру-

¹⁾ Сюда же, можетъ быть, относятся 2 скелета изъ кургана № 4.

бой работы изъ обожженной сѣрой или черной глины; у другихъ—терракотовая изящныхъ формъ. Грубые сосуды въ формѣ малороссійскихъ мисокъ (фиг. 32 и 33) или грубыхъ кувшиновъ съ ручкой; другіе болѣе изящные кувшины (рис. 34), или терракотовый необожженный

Рис. 32.

Рис. 33.

Рис. 34.

Рис. 35.

горшечекъ изящной работы или такой же изящный терракотовый трехгубый кувшинъ (рис. 35). Возлѣ скелетовъ этой группы не найдено никакихъ предметовъ, напоминающихъ боевыя орудія, но возлѣ нихъ постоянно находились *пряслицы* и *грузила* отъ неводовъ. Многіе скелеты были украшены *мѣдными браслетами* (рис. 36), *перстнями*, *серьгами*, *стеклянными бусами*, иногда орнаментированными рисунками, а также *сердоликовыми бусами* и бусами изъ *горнаго и дымчатого хрусталя*. Вокругъ шеи скелета ребенка найдено 8 продыравленныхъ *скарабей*, сдѣланныхъ изъ твердой массы и составляющихъ вмѣстѣ съ *фаллосомъ* изъ этого же матеріала—*ожерелье*. Скарабей сохранили слабую окраску (одна желтая, одна *фіолетовая* и двѣ голубыя). Каждая имѣетъ на нижней сторонѣ вырѣзанную надпись, которая на различныхъ экземплярахъ различна (рис. 37). Вокругъ шейныхъ позвонковъ женскаго скелета между *сердоликовыми бусами* найденъ *фаллосъ* большихъ размѣровъ и два *медальона* изъ той же массы съ изображеніемъ *херувимовъ*. Возлѣ другихъ скелетовъ найдены *мѣдныя зеркала* и *мѣдная фибула*, а возлѣ скелета ребенка—*мѣдный колокольчикъ*. Всѣ эти предметы, кромѣ надписей скарабей, со-

вершенно сходны съ находимыми въ Ольвіи какъ по матеріалу, такъ и по стилю и доказываютъ принадлежность ихъ современникамъ Ольвіи. Возлѣ скелетовъ незамѣтно какихъ бы то ни было признаковъ пищи, положенной при покойникѣ и составляющей обязательную принадлежность погребеній двухъ слѣдующихъ группъ. Черепа ихъ рѣзко отличаются отъ остальныхъ, сравнительно красивыми формами: выпуклымъ лбомъ и меньшею областью мозжечка, и поэтому большей округлостью профиля. Послѣдніе два обстоятельства въ связи съ нахожденіемъ при скелетахъ посуды и украшеній, тождественныхъ съ находимыми въ Ольвійскихъ гробни-

Рис. 36.

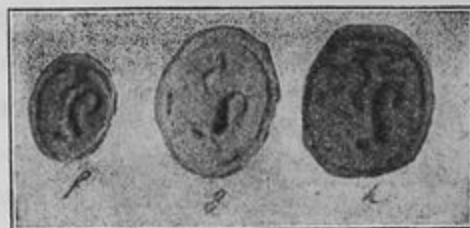

Рис. 37.

Рис. 38.

цахъ, и въ связи съ нахожденіемъ такихъ скелетовъ исключительно возлѣ Бѣлозерскаго городища въ трехъ курганахъ, составляющихъ тѣсную группу, даютъ поводъ предполагать что они принадлежатъ небогатымъ греческимъ колонистамъ, населявшимъ это городище, гдѣ они, судя по находимымъ при скелетахъ грузиламъ отъ неводовъ, занимались рыбнымъ промысломъ. Въ курганѣ № 8 находимъ скелетъ этого типа безъ черепа, который былъ, по всей вѣроятности, испорченъ при копаніи могилы для найденнаго возлѣ него скелета 2-го типа. Въ курганѣ № 4 съ наслоеніемъ скелетовъ находимъ скелетъ 4-го типа подъ скелетомъ 2-го. Не указываютъ ли эти два обстоятельства на то, что греческая колонизація застала здѣсь ту дикую народность, употреблявшую каменные орудія, которая оставила намъ множество скелетовъ въ скорченномъ положеніи? Нельзя ли объяснить этимъ и нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ находокъ металлическихъ вещей при скелетахъ этого типа въ курганахъ Екатеринославской губ. и Киевской, обнаруженныхъ г. Самоквасовымъ и гр. Бобринскимъ?

Къ 5-му типу относятся скелеты, погребенныя съ такимъ же расположеніемъ отдѣльныхъ частей какъ у предыдущей группы; но скелеты погребены въ весьма характерныхъ земляныхъ сооруженіяхъ, общихъ для всѣхъ восьми погребеній этой группы съ небольшими варіаціями въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Они занимали каждый разъ *отдѣльный курганъ*, въ которомъ ни разу не попадалось какихъ либо другихъ погребеній, всегда—въ курганахъ, еле возвышающихся надъ уровнемъ почвы, и всегда въ курганахъ, расположенныхъ *возлѣ Бѣлозерскаго городища*.

Погребенія совершались въ обширной ямѣ отъ 1 ар. 13 вер. до 3 ар. 6 вер. глубины, имѣющихъ одну сторону (отъ 2 ар. 2 вер. до 3½ ар. длины) прямолинейную, а остальные—составляющіе полукругъ, вслѣдствіе чего могильное пятно въ такихъ курганахъ имѣетъ форму полуовала. Въ полукруглой стѣнѣ ямы замѣчается два небольшихъ углубленія въ видѣ небольшихъ минъ, отстоящихъ на одинаковомъ разстояніи отъ концовъ прямолинейной стѣны ямы и имѣющихъ около 1½ аршина длины. Плоское могильное дно выстилалось цвѣтными тканями или березовой корой и на немъ устанавливался деревянный гробъ въ формѣ ящика, закрытаго

крышкой из досок и заколоченного грубыми желѣзными гвоздями. Отсутствие амфоръ при этихъ потребеніяхъ составляетъ рѣдкое исключеніе. Пища при покойникѣ не только составляетъ общее явленіе, но она каждый разъ состоитъ изъ одинаковыхъ частей быка: лопатки и сосѣднихъ

Рис. 39.

частей ноги и реберъ. На лопаткѣ каждый разъ находимъ совершенно одинаковый *желѣзный ножъ* съ одинаковой костяной ручкой¹⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ кромѣ костей быка она состоитъ изъ костей ягненка, положенныхъ подъ затылокъ погребеннаго. Въ большинствѣ случаевъ при скелетѣ находимъ изящную *посуду греческой работы* (рис. 39), глиняныя *пряслицы*, *грузила* отъ неводовъ, а на скелетахъ *мѣдныя или золотыя серьги*, *мѣдныя браслеты*, *кольца зеркала и золотыя бусы*. *Боевыя орудія* найдены только въ одной могилѣ (кур. № 3) въ видѣ *працевыхъ камней* и *мѣдныхъ стрѣлъ*. Какъ скелетъ, такъ и пища вмѣстѣ съ остальными вещами, положенными при покойникѣ, размѣщены во всѣхъ этихъ курганахъ поразительно однообразно. Каждая изъ этихъ могилъ (исключая № 3, въ которой могильная яма нѣсколько отстаетъ отъ общаго типа), взятая за образецъ, можетъ служить приблизительной копіей другихъ. Для примѣра изложу погребеніе кургана № 6 (рис. 40).

летъ, такъ и пища вмѣстѣ съ остальными вещами, положенными при покойникѣ, размѣщены во всѣхъ этихъ курганахъ поразительно однообразно. Каждая изъ этихъ могилъ (исключая № 3, въ которой могильная яма нѣсколько отстаетъ отъ общаго типа), взятая за образецъ, можетъ служить приблизительной копіей другихъ. Для примѣра изложу погребеніе кургана № 6 (рис. 40).

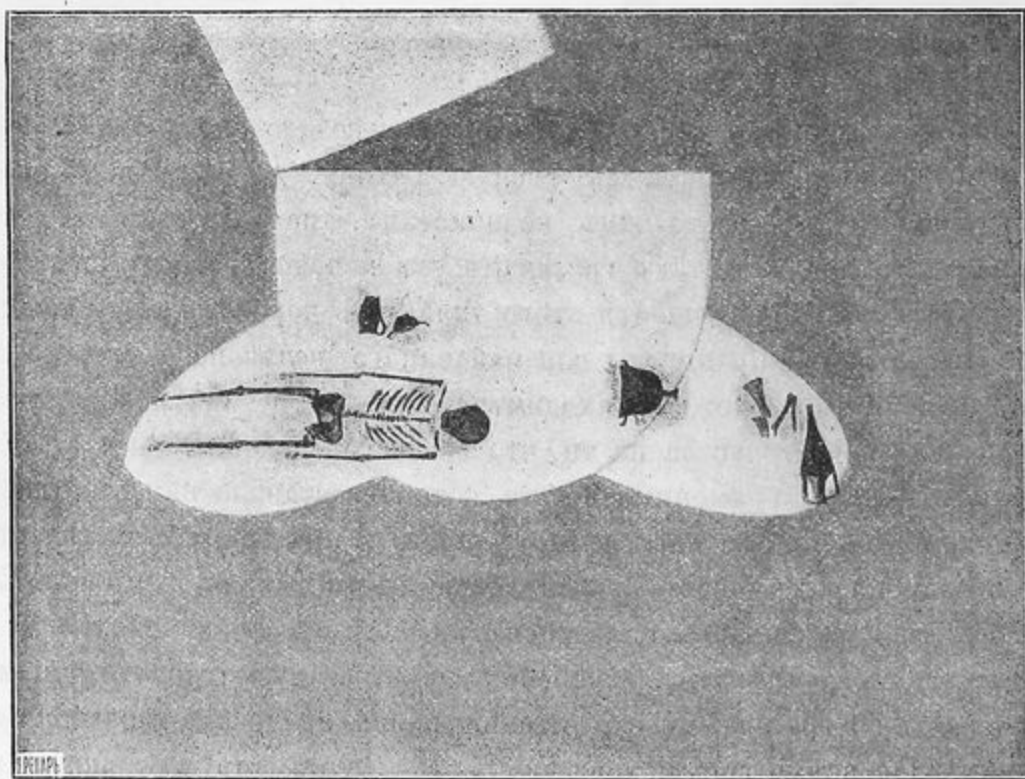

Рис. 40.

На днѣ могильной ямы въ лѣвой минѣ стояла наклонно къ стѣнѣ—*амфора*, у основанія ея—кости передней ноги быка: лопатка и часть реберъ; на лопаткѣ лежалъ *желѣзный ножъ* съ костяной рукояткой. Дальше, въ направленіи къ правой минѣ—изящная *терракотовая урна греческой работы*, съ рисункомъ на обѣихъ сторонахъ; подъ ней *алавастръ*, глиняная *пряслица* и глиняное *грузило* отъ невода, далѣе—*черепъ* человѣческаго скелета, концы ногъ котораго приходятся къ стѣнѣ противоположной правой мины. Затылокъ скелета подпертъ *кучей костей ягненка*, вслѣдствіе чего онъ приподнятъ вверхъ. Съ обѣихъ сторонъ черепа найдено

¹⁾ Обгорѣлыя кости, замѣченныя въ нѣкоторыхъ курганахъ, указываютъ на поджариваніе ихъ на огнѣ.

по золотой *серьжѣ* въ видѣ проволочныхъ тонкихъ колецъ. Съ правой стороны скелета, въ разстояніи полуаршина отъ него — изящная *терракотовая вазочка* и *глиняный кувшинъ*. Содержимое въ остальныхъ могилахъ различается только въ количествѣ и качествѣ предметовъ, но расположены онѣ въ томъ же порядкѣ.

Послѣ погребенія могильная яма засыпалась глиной, мало отличавшейся цвѣтомъ отъ окружающей материковой глины, вслѣдствіе чего при раскопкѣ кургана могильное пятно разъискивается съ трудомъ; иногда оно обнаруживается раньше по мягкости его, чѣмъ по очертаніямъ. Передъ насыпаніемъ кургана засыпаемая яма и ближайшіе къ ней мѣста замазывались

Рис. 41.

Рис. 42.

слоемъ глины, толщиною до $\frac{1}{2}$ аршина и представляющимъ при раскопкѣ этихъ кургановъ столь плотный матеріалъ, что для раскопки его приходится иногда прибѣгать къ помощи лоповъ. Поверхъ намазаннаго пласта насыпался курганъ, занимавшій въ моихъ раскопкахъ около 4-хъ слоевъ, въ которыхъ каждый разъ обнаруживались *черепки грубой глиняной посуды* и изящной *терракотовой, кремни, пряслицы, грузила* и куски слюдистаго песчаника.

Посуда, судя по стилю, несомнѣнно греческой работы. Еще больше подтверждаютъ это рисунки на урнѣ кургана № 6, изображающіе съ одной стороны Эрота, преслѣдующаго дѣвицу, въ которомъ и сюжетъ и костюмъ дѣвицы принадлежатъ Греціи, а съ другой стороны двухъ пляшущихъ женщинъ такъ-же въ греческихъ костюмахъ, одну держащую въ лѣвой рукѣ бубень, другу—заложившую руку за плащъ, заброшенный за плечо. Обѣ фигуры какъ съ той, такъ и съ другой стороны изображены желтыми красками на черномъ фонѣ, покрытомъ лакомъ. На первомъ рисункѣ тѣло раскрашено бѣлымъ по желтому.

Датами для опредѣленія времени погребенія могутъ служить и клейма на глиняной черепицѣ, найденной въ курганѣ № 37 и на амфорѣ кургана № 3.

Клеймо, вдавленное на черепицѣ (рис. 41), раздѣлено рубчикомъ на двѣ половины. На правой изображена птица, сидящая на рыбѣ, которую она клюетъ; а на лѣвой греческая надпись, указывающая, что она сдѣлана при астиномѣ Аполлодорѣ, фабрикантомъ Поссейдоніемъ¹⁾.

ΓΟΣΕΙΛΩ

ΕΓΙΑΓΟΔ

ΟΔΩΑΣΤ

¹⁾ Помѣщая здѣсь же объясненіе этой надписи, сдѣланное членомъ Моск. Археологич. Общества, А. А. Русовымъ. Соображаясь съ разъясненіями подобныхъ же клеймъ, сдѣланныхъ графомъ Уваровымъ (Древности Южной Россіи 1851, 128 — 132) Беккеромъ и Юргевичемъ (Зап. Од. Общ. Ист. и Др. Т. VII, 1868, стр. 56, 81, также Т. XI, 1879), по дополненіи недостающихъ буквъ въ словахъ мы получимъ:

Ποσειδωνίου, ἐπὶ Ἀπολλοδώρου ἀστυνόμου,

т. е. работа гончарнаго мастера „Поссейдонія при астиномѣ Аполлодорѣ“. Эмблема на этомъ клеймѣ — морской орелъ на дельфинѣ показываетъ, что эта черепица происхожденія Ольвійскаго, такъ какъ это былъ государственный гербъ Ольвіополитянъ. Имя Поссейдонія извѣстно по клеймамъ, разъясненнымъ г. Беккеромъ (въ указанной его статьѣ подъ № 16), а также по клеймамъ на кирпичахъ и амфорахъ Ольвійскихъ, изданныхъ гр. Уваровымъ, хотя послѣдній въ

Клеймо на шейкѣ амфоры найденной въ курганѣ № 3 (рис. 42) прекрасно сохранилось; но оно состоитъ всего изъ шести буквъ

ΣΤΥ

ΜΟΥ

пужно полагать отъ слова

(Α)ΣΤΥ(Ν)

(Ο)ΜΟΥ

На этой же амфорѣ на нижней части шейки стоитъ буква Μ, сдѣланная краснымъ карандашомъ (железнякамъ), означающая, можетъ быть, принадлежность сосуда кому либо. Мѣтка, имѣющая, вѣроятно, такое же значеніе, замѣтна на сосудѣ, найденномъ въ томъ же курганѣ въ видѣ знака $\frac{\text{Κ}}{\text{Ι}}$.

Этотъ типъ погребеній найденъ въ 9 курганахъ, въ которыхъ изъ 6 ти неразграбленныхъ скелетовъ 3 обращены головою на СЗ; 1—на З; 1—на СВ и 1—ЮВ.

При всемъ моемъ желаніи сохранить хотя бы одинъ изъ череповъ этой группы, всѣ мои попытки въ этомъ направленіи были тщетны. Черепа оказывались разрушенными или временемъ или грызунами.

Сходство погребеній 4-й и 5-й группы можетъ усматриваться только въ томъ, что въ обѣихъ мы находимъ предметы греческаго издѣлія, хотя характеръ этихъ издѣлій нѣсколько иной. Въ остальномъ мы замѣчаемъ въ 5-й группѣ рѣзкія отличія отъ предыдущей какъ въ устройствѣ могилъ, такъ и въ нахожденіи при этихъ скелетахъ изобильно положенной пищи—особенности, сколько мнѣ извѣстно, характеризующей варварскіе обычаи. Если принять скелеты, найденные при скелетахъ, составляющихъ главное погребеніе въ курганахъ № 3 и 7, за рабовъ, положенныхъ при господинѣ, то предположеніе о принадлежности этихъ могилъ варварамъ станетъ еще вѣроятнѣе.

Шестой типъ во многихъ отношеніяхъ сходенъ съ пятымъ, но весьма существенныя отличія его столь характерны и постоянны, что погребенія, составляющія ее, не могутъ войти въ составъ пятой группы и должны быть выдѣлены въ особую 6 группу.

Эти погребенія, какъ и предыдущія занимаютъ курганы, въ которыхъ никогда не замѣчалось болѣе раннихъ или болѣе позднихъ погребеній, и всегда—курганы весьма незначительныхъ размѣровъ ¹⁾. По снятіи нѣсколькихъ слоевъ насыпи (около 4-хъ) каждый разъ ясно обозначалось характерное могильное пятно продолговатой формы съ закругленными углами, придававшими ему болѣе или менѣе овальный видъ. Надъ могильной ямой никогда не замѣчалось глиняной намазки или другихъ признаковъ, указывающихъ на желаніе скрыть могилу покойника, который, какъ увидимъ дальше, тщательно скрывался отъ похитителей за могильной ямой, замазанной глиной въ особой минѣ, отходящей отъ могильной ямы на большей или меньшей глубинѣ преимущественно къ СВ-ку и расположеннымъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ головою на Зап. или СЗап., ногами на В. или СВ. Глубина могильной ямы и размѣры минъ—

своихъ клеймахъ подъ № 17 (*ἑστιαίου ἀστινόμου, Ποσειδωνίου*) и № 21 (*Ποσειδωνίου, ἀστονόμου Νευμηίου τοῦ Ααπόνοξ*) присвоивалъ это имя астиному, а не гончару. Если при другой постановкѣ занятыхъ на клеймахъ, прочитанныхъ гр. Уваровымъ, имя Поссейдонія можетъ быть понято, какъ имя астинома, то на черепицѣ Бѣлозерскаго кургана оно несомнѣнно обозначаетъ гончара: въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить, что время, когда астиномъ состоялъ въ должности, определено временемъ пребыванія въ Ольвіи горшечника, что крайне несообразно, и сверхъ того получилась бы неестественность въ разстановкѣ словъ: „Поссейдонія при Аполлдорѣ (гончарѣ) астинома“.

¹⁾ Постороннія погребенія замѣчены только въ курганахъ №№ 46, 51 и 41(?), но они судя по найденнымъ при нихъ предметамъ принадлежатъ бѣднякамъ этой же группы.

различны. Одни устраивались проще, другія—роскошнѣе, но всѣ—согласно описанному образцу. Примѣромъ первыхъ можетъ служить могильная яма кургана № 41, изображенная на рисункѣ 43.

Здѣсь она имѣетъ 3 аршина длины, 1 ар. 5 в. ширины и 3 ар. 3 в. глубины и направлена по длинѣ съ ЗЮЗ. на ВСВ. Съ СЗС-й стороны ея къ СЗС-рѣ отходитъ мина, верхній край которой начинается на глубинѣ 2 арш. 2 в. отъ вершины могильной ямы, а дно—составляетъ продолженіе покатога дна могильной ямы и отстоитъ на $1\frac{1}{2}$ аршина ниже потолка мины у ея входа. Въ началѣ ширина мины равна длинѣ могильной ямы; при удаленіи на 1 аршинъ она постепенно расширяется до 3 ар. 12 в.; затѣмъ, какъ показано на рисункѣ, сразу суживается полукруглой стѣной. Вдоль ВЮВ. стѣны могильной ямы у самага дна ея устроены двѣ глиняныя ступеньки, по 4 вершка каждая, спускающіяся отъ нея къ минѣ и занимающія половину ширины дна могильной ямы.

Въ такой минѣ погребенный лежалъ на спинѣ головою на З. или СЗ., ногами на В. или СВ. Руки протянуты у боковъ, ноги—вытянуты (въ двухъ случаяхъ берцевая кость правой

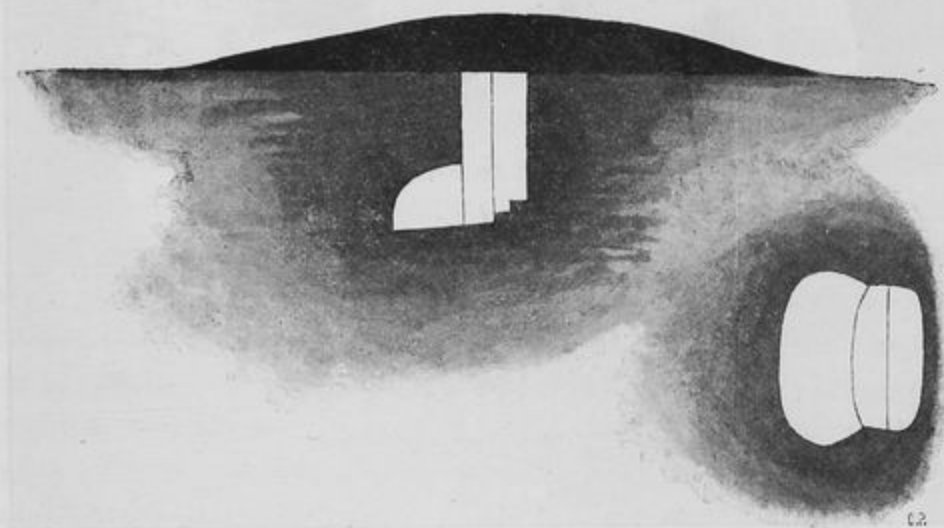

Рис. 43.

ноги лежала на берцевой—лѣвой). *Пища* встрѣчается обязательно и у всѣхъ этихъ скелетовъ, но она не представляетъ такого однообразія, какъ въ характерѣ пищи, такъ и въ мѣстѣ гдѣ она клалась, какъ это наблюдалось въ предъидущей группѣ. Весьма часто встрѣчаемая лошадиныя кости съ ножами при нихъ, указываютъ на преимущественное употребленіе въ пищу конины, которая въ предъидущей группѣ была замѣчена всего разъ и то въ курганѣ № 3, на который я указалъ, какъ на курганъ, отступающій во многихъ отношеніяхъ отъ остальныхъ кургановъ этой группы.

Возлѣ скелета находимъ преимущественно *военные доспѣхи*, чего за исключеніемъ того же третьяго кургана такъ же не замѣчалось въ предъидущей группѣ. *Мѣдныя стрѣлы*, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ возлѣ скелета или аккуратно сложенныя въ количествѣ 30 и болѣе штукъ, иногда въ березовомъ колчанѣ, составляютъ принадлежность каждаго кургана этого типа. Рѣдкій курганъ обходится безъ *железныхъ копій*, *пикъ* или *кирокъ* положенныхъ возлѣ самага скелета или въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него. *Посуда* въ этихъ курганахъ не составляетъ такого общаго явленія какъ въ предъидущихъ. Она встрѣчается въ могилахъ съ болѣе роскошными боковыми минами имѣющими скорѣе характеръ катакамбъ. Образцемъ такихъ могилъ могутъ служить могилы кургановъ №№ 42 ¹⁾, 45 и 51.

¹⁾ Могила кургана № 42 отличается отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что въ ней мина отходитъ въ сторону не по длинѣ могильной ямы а по ширинѣ ея.

Въ курганѣ № 45 подъ 4-мъ слоемъ насыпи кургана открыта могила въ 3 арш. длины, 1 арш. 3 в. ширины и 3 ар. 9 в. глубины, направленная съ СВ. на ЮЗ.

Отъ СВ-ой стѣны могильной ямы къ СВ. отходить мина, имѣющая 2 ар. 3 в. вышины и 4 ар. 15 в. длины. Ширина ея одинакова на всемъ протяженіи; длина ея, постепенно расширяясь, достигаетъ въ разстояніи 3 ар. 15 в.; затѣмъ, стѣны ея сразу закругляются, образуя въ разстояніи 4 ар. 15 в. отъ могильной ямы съ потолкомъ мины, отстоящимъ отъ дна ея въ разстояніи 2 ар. 3 в., полукруглый сводъ (рис. 44). Дно могильной ямы опускается ко дну могилы глиняной ступенькой въ три вершка вышины. Въ разстояніи около $1\frac{1}{2}$ ар. отъ

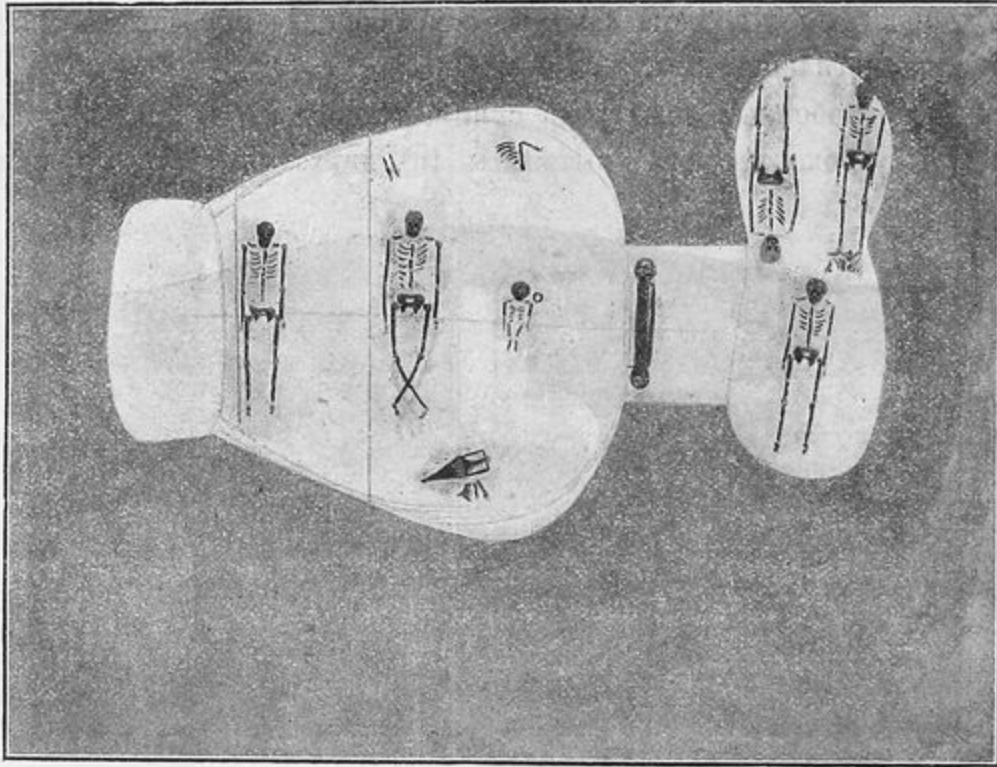

Рис. 44.

нея, оно опускается второй ступенькой въ 6 верш. Всѣ стѣны и потолокъ этой могильной камеры вымазаны толстымъ слоемъ глины. Вдоль правой ступеньки погребень челоуѣкъ въ деревянномъ гробѣ. Скелетъ его лежалъ на спинѣ съ вытянутыми руками у боковъ туловища и съ протянутыми ногами. При скелетѣ найдена мѣдная серьга; у праваго плеча — большое мѣдное зеркало съ слѣдами деревянной ручки; вокругъ нижней части правой локтевой кости — мѣдный браслетъ. У тазовыхъ костей нѣсколько бѣлыхъ бусочекъ (разсыпавшихся на воздухѣ), повидимому, отъ украшения одежды, и разбитая изящная терракотовая вазочка у концевъ ногъ. Здѣсь же у сѣверной стѣны мины найдены лопатки и 12 паръ реберъ коня. Между 2 и 3 ребромъ торчалъ остатокъ вложеннаго между ними желѣзнаго ножа¹⁾. Между костями коня и гробомъ положено нѣсколько мѣдныхъ стрѣлъ.

Второй скелетъ лежалъ вдоль 2-й ступеньки въ томъ же положеніи, какъ и предъидущій, съ тою разницею, что берцевыя кости правой ноги лежали на берцевыхъ лѣвой (какъ въ курганѣ № 19). У правой и у лѣвой стѣны могильной камеры найдены остатки обильно положенной здѣсь пищи; съ правой стороны амфора, а за ней у самой стѣны кости быка; съ лѣвой стороны 7 реберъ, лопатка и плечевая кость коня; между ними желѣзный ножъ съ костяной ручкой.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

¹⁾ Какъ въ погребеніи 3-го кургана.

Въ серединѣ пространства этой части камеры помѣщались кости ребенка, въ возрастѣ до 1½ года, между которыми найдено нѣсколько *стеклянныхъ* и другихъ *бусъ* и *железное кольцо* имѣющее 1½ в. въ діаметрѣ ¹⁾.

Скелетъ, найденный здѣсь у ступеньки, заключался, повидимому, въ деревянномъ гробѣ. У лѣвой стороны черепа его найдена изящная *терракотовая вазочка* (табл. XI, фиг. 6), у правой руки *32 мѣдныхъ стрѣлы*. У изголовья внѣ гроба *2 железныхъ наконечника копій*.

Скелетъ и найденныя въ этой части аксесуары погребенія были замазаны толстымъ слоемъ глины отъ уровня 2 ступеньки вплоть до противоположной стѣны, въ которой за слоемъ глины была скрыта большая каменная плита, подпертая двумя круглыми камнями, закрывавшая входъ въ узкій подземный проходъ, около 2½ арш. ширины, 2 аршина длины и сообщавшій эту камеру со 2-й, которая въ свою очередь сообщалась при помощи простой глиняной арки съ третьей камерой, находившейся къ СЗ. отъ нея. Эти камеры такъ же какъ и первая обмазаны по стѣнамъ глиной и наполнены глинистой землей. Они составляли или одно самостоятельное погребеніе части предъидущихъ.

Вторая камера была овальной формы, имѣла 3 арш. длины 1 арш. 4 в. ширины и 1½ ар. вышины. Въ центрѣ ея лежалъ человѣческой скелетъ съ тѣмъ же положеніемъ костей и въ томъ же направленіи какъ и 1-й скелетъ первой камеры. У лѣвой стороны черепа его найдена *серьга* состоящая изъ двухъ серебряныхъ проволочныхъ колецъ и надѣтаго на нихъ полаго золотого шарика. Шея и руки были украшены *бусами* (табл. XII). У лѣваго плеча было положено *мыдное зеркало*. Въ такомъ же положеніи и направленіи лежалъ скелетъ у СВ. стѣны третьей камеры, имѣвшей 2 арш. длины и 1½ арш. ширины. Возлѣ него найдена *мѣдная проволочная серьга съ бусой, стеклянная буса* и двѣ изящныя *терракотовыя вазочки* (табл. XI фиг. 1 и 5). Третій скелетъ, занимавшій обѣ камеры, былъ положенъ на спинѣ у ЮЗ. стѣнъ этихъ двухъ камеръ головою къ СЗ. ногами на ЮВ., нѣсколько наклонно къ двумъ предъидущимъ скелетамъ. Голова и туловище его помѣщались во второй камерѣ, ноги—въ третьей. Черепъ лежалъ на *терракотокомъ сосудѣ*. У кисти лѣвой руки была *красивая буса* (табл. XII, фиг. 12); у праваго бедра *22 мѣдныхъ стрѣлы* въ кожаномъ колчанѣ, и неизвѣстнаго мнѣ назначенія мѣдный предметъ. Между черепами 1 и 3 скелета и костями ногъ 2 найдена куча костей животныхъ испорченныхъ грызунами между которыми найдено *три железныхъ ножа*.

Остается еще сказать объ могилахъ, найденныхъ въ курганахъ № 46 и № 51, въ которыхъ сохраненъ тотъ же характеръ построенія могилъ, съ тою разницею, что они представляютъ миньятюръ предъидущихъ. Они весьма мелки и такъ же имѣютъ небольшую мину къ СВ. Въ небольшой минѣ, отходящей въ СВ. найдено два дѣтскихъ скелета. Форма этихъ сооружений можетъ быть охарактеризована словами Кепека, сказавшаго о татарскихъ могилахъ, что они имѣютъ въ поперечномъ разрѣзѣ форму сапога. До нѣкоторой степени это сходство можетъ быть отнесено и ко всѣмъ могиламъ этой группы.

Интересно, что въ то время какъ курганы предъидущей группы сосредоточены исключительно возлѣ Бѣлозерскаго городища, всѣ курганы этой группы оказывались или на бугрѣ, окаймляющемъ съ правой стороны Бѣлозерскую балку, или составляли группу кургановъ, расположенную на высокомъ бугрѣ, раздѣляющемъ двѣ глубокия балки, спускающіяся съ лѣвой стороны въ Бѣлозерскую.

Вся посуда, найденная въ этихъ могилахъ—весьма изящная и, несомнѣнно, греческой работы (табл. XI). Объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ форма ея и лакъ покрывающій ее, такъ и

¹⁾ Въ курганѣ № 51 между разбросанными въ этой расхищенной могилѣ костями человѣческаго скелета и костями отъ положенной пищи найдены такъ же кости ребенка.

листообразный рисунок вытѣсненной на сосудѣ фиг. 4, совершенно тождественный съ находимыми въ греческихъ могилахъ Ольвіи. Рисунокъ изъ листьевъ плюща на вазочкѣ (ст. 1) встрѣчается часто на античной греческой посудѣ. То же можно сказать и о вазочкѣ (ориг. 1 той же табл.) украшенной вѣткой плюща и объ остальныхъ предметахъ, украшавшихъ скелеты этой группы—о *браслетахъ и стеклянныхъ бусахъ* (табл. XII) моущихъ служить образцами Ольвійскихъ. *Стрѣлы*, находимыя въ этихъ могилахъ, совершенно скиѣскія.

Къ этой группѣ относятся курганы №№ 18, 19, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 51,

Въ двухъ черепахъ, добытыхъ мною изъ этихъ могилъ, замѣчаются признаки долихоцефализма.

Эта группа такъ же имѣетъ характеръ варварскихъ погребеній, выражающійся въ пищѣ, находимой въ изобилии при скелетахъ, и въ погреніи рабовъ при господинѣ—явленія замѣчаемыя въ ней чаще, чѣмъ въ предъидущей. Въ двухъ курганахъ этой группы мы встрѣчаемся на зарываніемъ при погребаемомъ, кромѣ раба, такъ же и ребенка ¹⁾. Но главное различіе ее отъ предъидущей заключаются: 1) въ устройствѣ иныхъ могильныхъ сооружений; 2) въ постоянномъ нахожденіи при скелетахъ этой группы остатковъ оружія, въ то время, какъ въ предъидущей мы находимъ предметы, указывающіе на осѣдлый образъ жизни; 3) курганы съ этими могилами разбросаны въ открытой степи въ то время, какъ всѣ курганы 5-й группы сосредоточены возлѣ Бѣлозерскаго городища; 4) въ этой группѣ мы встрѣчаемся чаще съ остатками коней, положенныхъ при скелетѣ; въ курганахъ же 5-й группы остатки эти замѣчены всего разъ и то въ курганѣ № 3, выдѣляющемся и другими особенностями.

Все это говоритъ въ пользу осѣдлаго характера 5-й группы несомнѣнно насѣлявшей Бѣлозерское городище и занимавшейся здѣсь скотоводствомъ, овцеводствомъ и рыбнымъ промысломъ и въ пользу воинственнаго и кочеваго характера 6-й группы.

Существованіе подобныхъ могилъ въ южной Россіи уже извѣстно. Они считаются *скифскими могилами*. Могу указать, напр., на могилы раскопанныя въ Кіевской губ. гр. Бобринскимъ отличавшіяся, впрочемъ, нѣкоторыми деталями, между прочимъ деревянными сооружениями въ могилахъ и формой могильной ямы и признанными П. Кондаковымъ и гр. Толстагымъ (Древности Скифо-Сарматскія) скифскими могилами.

Указывая на характерныя особенности 5 группы погребеній, доказывающія мирный осѣдлый образъ жизни народности, насѣлявшей Бѣлозерское городище и признаваемой скифской и на особенности 6 группы, доказывающія воинственный, кочевой образъ жизни этой другой скифской народности, не могу не вспомнить словъ Геродота: „Отъ торговаго города Борисфенитовъ составляющаго наиболѣе срединный пунктъ во всей приморской Скифіи, первыми живутъ каллипиды, представляющіе собою эллиновъ-скифовъ, выше ихъ живетъ другой народъ именуемый алазонами. Какъ послѣдніе такъ и каллипиды во всемъ ведутъ такой же образъ жизни какъ и скифы, но хлѣбъ они сѣютъ и употребляютъ въ пищу, равно какъ лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо. Надъ алазонами обитаютъ скифы-пахари“ и т. д. „Народы эти живутъ вдоль рѣки Гинаниса къ западу отъ Борисфена“.

Въ седьмую группу входятъ погребенія, у которыхъ форма могильной ямы ладьеобразна и въ которыхъ рядомъ съ погребеннымъ были положены кости ногъ коня и черепъ его не въ качествѣ пищи, положенной при покойникѣ, а скорѣе какъ эмблема коня.

Образцомъ этихъ кургановъ служатъ №№ 31 и 39.

¹⁾ См. курганы №№ 45 и 51. Кромѣ того въ одномъ изъ кургановъ рядомъ съ могильной ямой подъ кучей камней найдено три дѣтскихъ скелета въ безпорядочной кучѣ, украшенныхъ такими же бусами, какія мы встрѣчаемъ при скелетахъ этой группы и двулицей головкой.

Курганы эти такъ же очень не большіе. Въ первомъ изъ нихъ могильное пятно открыто подъ четвертымъ слоемъ, во второмъ—подъ пятымъ.

Въ курганѣ № 31 оно имѣло очертаніе широкой ладьи, направленной съ В. на З., у съ острымъ, восточнымъ краемъ и западнымъ закругленнымъ. Длина этой могилы 3 арш. 4 вершка, ширина 2 арш. 7½ вер.

Въ курганѣ № 39 оно имѣло очертаніе болѣе узкой ладьи, съ обоихъ сторонъ одинаково острой и направленной съ ВЮВ. на ЗСЗ. Содержаніе ихъ за небольшими исключеніями тождественно.

Въ первой—на глубинѣ 1 арш. 4 в., во второй на глубинѣ 1 арш. 2 в. находимъ скелеть человѣка, положеннаго на спинѣ головою на СВ—ногами на ЮЗ въ особомъ углубленіи, выкопанномъ въ полукругломъ днѣ могильной ямы. Въ обѣихъ могилахъ на отлогой южной стѣнѣ въ направленіи положенія человѣческаго скелета помѣщается *черепъ коня*; за нимъ *переднія конечности* а дальше *заднія конечности коня*.

Въ курганѣ № 31 (табл. XIII, фиг. 1) у изголовья черепа, помѣщающагося въ нишѣ отвѣсной южной стѣны, у изголовья скелета, найденъ *горшокъ* грубой работы и *костяная оправа ножа*. Въ обѣихъ могилахъ между скелетами человѣка и костями коня мы находимъ *военные доспѣхи*, уложенные также въ особыхъ углубленіяхъ могильной ямы, и остатки *конской сбруи*; расположены они слѣдующимъ образомъ: вдоль лѣваго бока скелета остатки *деревяннаго лука*, концы котораго обложены *костяными украшеніями*. Дальше въ томъ же направленіи лежатъ остатки *древокъ трехъ стрѣлъ*, обращенныхъ къ черепу *железными наконечниками*. Съ противоположной стороны *древки* прикасаются къ остаткамъ *деревяннаго предмета* напоминающаго *колчанъ (?)*. Пространство между черепами коня и человѣка занято остатками *сбруи*, *деревянныхъ частей сбруи* съ остатками *мѣдныхъ пластинокъ*, *пряжками* и остатками *железныхъ удилъ*. У самой стѣны найдено нѣсколько костей *ягненка*.

Кости обоихъ скелетовъ покрыты толстымъ слоемъ сгнившаго звѣринаго мѣха. Это явленіе особенно выдѣлялось въ курганѣ № 39 (табл. XIII, фиг. 2), гдѣ этотъ слой имѣетъ видъ широкаго покрывала надъ всѣмъ скелетомъ. Въ курганѣ № 31 съ обѣихъ сторонъ скелета замѣчены слѣды сгнившаго дерева, изъ котораго однако нельзя вывести заключенія, чтобы онъ былъ погребенъ въ гробу. Въ курганѣ № 39 поверхъ слоя изъ звѣринаго мѣха простирался въ обѣ стороны широкій слой отъ изгнившихъ *деревянныхъ досокъ*, не имѣющій ничего общаго съ остатками гроба или крышки его. Скелеть 31 кургана былъ опоясанъ *кожанымъ поясомъ* украшеннымъ *тремя круглыми совершенно плоскими пуговицами изъ мѣди*, приклепанными къ нему *заклепками*, а также длинными *тонкими мѣдными пластинками* и *мѣдными пряжками*. Поясъ снабженъ у одного конца *застежкой*, которая и теперь употребляется на *кавказскихъ поясахъ*, состоящей изъ *полой мѣдной оправы*, окружающей въ одномъ мѣстѣ *ремень пояса* и нѣсколько меньшей *мѣдной плотной пластинки*, прикрѣпленной къ концу ремня для проведенія конца пояса въ эту *мѣдную оправу*. Подъ *поясницей* скелета найдены *железная пряжка* и кусочекъ *кремня* *молочно-синяго цвѣта*. Другой кусочекъ *кремня* найденъ у *кисти правой руки*.

Скелеть 39 кургана былъ украшенъ *золотой проволочной серьгой*, найденной у *лѣваго уха*, двумя *золотыми проволочными крючками* въ формѣ *застежекъ съ серебрянымъ кольцомъ* украшеннымъ *четырьмя круглыми синими стеклами*, найденными у *берцовыхъ костей* и *служившими, вѣроятно, украшеніемъ обуви*.

Погребенія этой группы до нѣкоторой степени дополняются курганомъ № 14, раскопка котораго, какъ видно изъ *дневника*, начата *кладоискателями*, а окончена мною ¹⁾. Въ этомъ кур-

¹⁾ Принадлежность его къ этой группѣ кургановъ доказывается: 1) положеніемъ костей скелета; 2) толстымъ слоемъ сгнившаго звѣринаго мѣха окружающаго кости скелета; 3) тѣмъ что въ кучѣ костей извлеченныхъ *кладоискателями* 8-го археол. съезда въ *москвѣ 1890 г. т. III.*

ганѣ скелетъ лежалъ также головою на В, ногами на З. При немъ были найдены черепъ и кости ногъ коня. На всѣхъ костяхъ скелета замѣчены слѣды звѣринаго мѣха. Вокругъ правой берцовой кости у самой пятки найдены четыре серебрянныя пластинки ¹⁾ отъ кожанаго браслета съ припаянными къ нимъ тонкими золотыми пластинками, пермскаго типа (рис. 45). Кромѣ того возлѣ скелета найдены сердоликовыя бусы и много серебрянныхъ украшеній отъ пояса и сбруи, украшенныхъ стеклами и гранатами окруженными золотыми ободками, гладкими или покрытыхъ мелкими шариками рис. 46—50.

Единственный черепъ, добытый мною изъ этихъ могилъ (изъ кургана № 31), къ сожалѣнію, значительно измѣнилъ свои формы подъ тяжестью земли; замѣтно однакожь что онъ отличается выпуклымъ лбомъ, и сильно развитыми лицевыми костями.

Рис. 45.

Рис. 46.

Рис. 47.

Рис. 48.

Рис. 49.

Рис. 50.

Всѣ раскопанные мною 52 кургана, находясь на пространствѣ Бѣлозерской степи, растянутой на 11 верстѣ въ длину и 5 въ ширину, составляютъ каплю въ морѣ разбросанныхъ на этомъ пространствѣ кургановъ и едва-ли открыли всѣ типы погребеній, оставленныхъ здѣсь вѣковыми переселеніями. Въ числѣ погребеній, не вошедшихъ въ 7 типовъ, выдѣляются нѣсколько погребеній, напрашивающихся представителями новыхъ типовъ. Могу указать, напр., на два скелета кургановъ №№ 5 и 24 или скелетъ кургана № 33, черепъ котораго, хотя и измѣнившій свои формы подъ тяжестью земли, имѣетъ свои характерныя отличія какъ въ лицевыхъ костяхъ, такъ и въ лобныхъ; или погребеніе, найденное въ насыпи кургана № 9, гдѣ скелетъ (разбросанный грызунами) находился въ гробницѣ, состоящей изъ вертикально поставленныхъ каменныхъ плитъ, прикрытой сверху такими же плитами; или скелетъ, погребенный въ насыпи кургана № 44, лежащій на спинѣ съ протянутыми по длинѣ туловища костями рукъ и ногъ, съ правой стороны котораго лежало три желѣзныхъ копья съ длинными древками, съ лѣвой два колчана съ мѣд-

кателями изъ могилы, я нашелъ также кости 4 конечностей и черепа коня; 4) найденными въ могилѣ украшениями, совершенно тождественными съ найденными въ предыдущихъ и не встрѣчающихся въ въ курганахъ другихъ группъ.

¹⁾ Сплавъ серебра съ небольшимъ количествомъ мѣди.

ными стрѣлами, а у изголовья между другими предметами амфора съ клеймомъ КОАЕ ¹⁾; наконецъ, скелетъ кургана № 12 съ типичнымъ монгольскимъ черепомъ. АГ

Эти могилы даютъ основаніе ждать отъ новыхъ раскопокъ новыхъ группъ погребеній, не заходя за предѣлы этого сравнительно небольшого пространства дальше къ Вереvчиной балкѣ или къ р. Ингульцу, гдѣ насыпи многихъ кургановъ разнятся отъ Бѣлозерскихъ содержаніемъ множества камней въ насыпи кургана, или еще дальше, гдѣ уже возлѣ Берислава въ нѣкоторыхъ курганахъ замѣчаются слѣды каменныхъ саркофаговъ изъ тесаного камня.

Что же касается Бѣлозерскаго городища, то новыя раскопки, полагаю, не могутъ открыть много новыхъ фактовъ для освѣщенія его прошлаго. Между 22-мя курганами, раскопанными возлѣ этого городища, было не болѣе 4-хъ, заслуживающихъ по наружному виду своего названія; остальные разыскивались съ большимъ трудомъ, и едва-ли на остающемся гладкомъ пространствѣ, занятомъ бывшими могильниками, найдутся еще могилы, подобныя могиламъ богатыхъ греческихъ колоній. Раскопанныя же могилы дали достаточно матеріала для вывода, что это городище никогда не было большимъ торговымъ центромъ. Объ его прошломъ говорятъ 7 скелетовъ перваго типа, 16 втораго, 1 третьяго, 11 четвертаго и 14 пятаго и 1, подходящій къ седьмому типу найденныхъ въ могильникѣ этого городища.

Въ виду того громаднаго интереса, который возбуждаетъ среди историковъ вопросъ о Геродотовыхъ Каллипидахъ, въ которыхъ одни видятъ помѣсь Эллиновъ и Скиѳовъ, другіе — Скиѳовъ, принявшихъ эллинскую культуру, а третьи соглашаютъ эти мнѣнія и видятъ въ Каллипидахъ особое населеніе Ипанидскаго побережья, происшедшее отъ брачныхъ связей Эллиновъ съ Скиѳами и имѣвшее эллинскую культуру, мнѣ весьма досадно, что не удалось сохранить хоть одинъ изъ череповъ № 5-й группы, принадлежащей, повидимому, осѣдлой скиѳской народности; но я питаю надежду, что если будутъ предприняты раскопки могильника близъ остатковъ городища у Глубокой пристани, то народность эта обрисуетъ въ болѣе рѣзвыхъ чертахъ.

Въ заключеніе мнѣ остается просить снисхожденія къ тѣмъ ошибкамъ въ выводахъ и обобщеніяхъ, которые могли вкратъ въ трудъ любителя; а если раскопки мои не удовлетворяютъ тѣхъ, которые пытаются положить предѣлъ раскопкамъ любителей, то въ оправданіе свое скажу, что трудно усидѣть среди степей пассивнымъ свидѣтелемъ исчезновенія отъ науки этого множества остатковъ старины, не удовлетворивъ любознательности, естественной грамотному человѣку, въ виду постоянныхъ распахекъ ихъ плугомъ чуть ли не еще болѣе опасныхъ для науки, чѣмъ разграбленія ихъ кладоискателями.

¹⁾ А. А. Русовъ толкуеть ее слѣдующимъ образомъ:

<i>Κορυλλου</i> , ἀστυνομοῦντος	Π α (σιχαρον)
или <i>Κορυλλου</i> ἀστυνομου	Π α (σιάδου)
.....	Π α (γαμου)
.....	Π (αυσανίου) и т. п.

Но сильное сокращеніе словъ не даетъ возможности настаивать на томъ или другомъ предположеніи.

ДНЕВНИКЪ СКАДОВСКАГО.

1-й курганъ (см. планъ Бѣлозерскаго Городища).

Начало раскопки 15 конецъ 17 Сентября.

Курганъ расположенъ въ 87 саженьяхъ отъ обрыва и въ 12 саж. отъ новой Корабельчанской дороги. Окружность его $42\frac{1}{2}$ саж., діаметръ черезъ вершину 14 саж. Поверхность покрыта жнивьемъ. На курганѣ разбросано нѣсколько камней. Мѣстность съ незапамятныхъ временъ почти ежегодно обрабатывается плугомъ.

Раскопка производится траншеей въ 16 арш. длины и 10 арш. ширины и записывается послойно.

1-й слой. Въ разстояніи 5 аршинъ отъ центра кургана къ С.-З. найденъ осколокъ горшка изъ черной глины, а въ разстояніи 8 арш. къ Ю.-З. осколокъ кости.

2-й слой. Въ разстояніи 5 аршинъ къ С.-З. камень-дикарь неправильной формы, величиною въ $1\frac{1}{2}$ вершка.

3-й слой. Въ 4-хъ аршинахъ на Ю.-З. крупные осколки костей. Въ 2-хъ аршинахъ на В. кость. Въ 6-ти аршинахъ на Ю.-В. небольшой камень. На В. у самаго центра крупныя кости.

Съ 4-го слоя траншея сужена на 3 арш. въ ширину. Въ этомъ слоѣ ничего не найдено.

5-й слой. Въ 5-ти аршинахъ на С. небольшой черепъ, а за нимъ и весь скелетъ ребенка, величиною въ 1 арш. 4 вершка. Скелетъ расположенъ головою къ В., ногами къ Западу. Руки скелета расположены у боковъ скелета, ноги вытянуты. Вокругъ него нѣтъ никакихъ признаковъ гроба. На плечевой кости правой руки *мѣдное запястье*, изогнутое спиралью изъ круглой проволоки подобное тому которое изображено на Табл. XII, фиг. 8 съ расширенными концами, діаметръ его $5\frac{1}{2}$ сантиметровъ. Съ лѣвой стороны черепа *глиняный горшокъ* безъ всякаго украшенія съ надбитой верхушкой, имѣетъ 8 сант. вышины и $6\frac{1}{2}$ сант. въ діаметрѣ отверстія. Въ 5 арш. къ Западу второй скелетъ ребенка въ томъ же положеніи и направленіи. Возлѣ него ничего не найдено.

Въ 6-мъ слоѣ ничего не найдено. Траншея укорочена на 3 аршина въ длину.

7-й слой. Въ 5 арш. на Ю.-З. колѣнная чашечка человѣка. Въ 6 арш. на З. кости человѣка. Въ $3\frac{1}{2}$ аршинахъ на З. скелетъ человѣка въ направленіи: голова на С.-В. ноги на Ю.-З. Руки сложены локтевыми костями на животѣ на крестъ, черепъ лицомъ вверхъ. Ноги вытянуты. На безымянномъ пальцѣ правой руки *мѣдное кольцо* изъ круглой проволоки.

На животѣ *пряжка въ видѣ кольца съ привѣсочкой изъ мѣди*. Длина скелета 2 арш. Въ $4\frac{1}{2}$ арш. на С.-З. четвертый скелетъ человѣка. Голова на Ю.-В., ноги на С.-З. Скелетъ имѣетъ 2 арш. 2 вершка длины. Руки протянуты у боковъ. Ноги вытянуты. Въ центрѣ кургана 2 большихъ камня неправильной формы, около 12 вершковъ длины каждый; сложены они одинъ надъ другимъ, при чемъ верхній направленъ болѣе къ Югу, а нижній къ Западу отъ центра.

Въ разстояніи $\frac{1}{2}$ аршина къ С.-В. черепъ. На В. отъ него *горшокъ* изъ черной глины безъ украшеній но съ раздавленнымъ бортомъ, двѣ *железные пряжки* и одна *мѣдная* продолговатая, плоская, съ утолщеннымъ шпилькомъ въ видѣ клюва и небольшой кусочекъ желѣза. За черепомъ—скелетъ съ протянутыми у боковъ руками и вытянутыми ногами. Направленіе скелета: голова на В. ноги на З. Длина его 2 арш. 3 вершка.

На каждой ногѣ у сустава ступни найдено по мѣдной *бляшкѣ*, согнутой какъ переплетъ книги длиною около 2 сантим., а шириною въ 1 сантим. Третья такая же бляшка, но нѣсколько больше найдена въ землѣ съ правой стороны ногъ. У локтя лѣвой руки найденъ задній стержень мѣдной *фибулы* въ $7\frac{1}{2}$ сант. длины. На груди, у рукъ и на животѣ одиннадцать *мѣдныхъ украшеній* въ видѣ небольшихъ пуговицъ съ шейками и слѣдами заклепокъ къ нимъ.

Вокругъ туловища 14 украшеній *отъ пояса* въ видѣ мѣдныхъ гладкихъ продолговатыхъ бляшекъ съ продольнымъ прорѣзомъ на серединѣ и пряжки, напоминающихъ рис. 49. Подъ поясницей найдена *мѣдная оправа* отъ оконечности пояса, такая же, какія употребляются теперь на Кавказѣ и состоящая изъ двухъ тонкихъ пластинокъ въ 5 сант. длины и $1\frac{1}{2}$ сант. ширины, обхватывавшихъ конецъ поясного ремня закругленныхъ со стороны соответствующей концу пояса и прямолинейныхъ съ противоположной стороны. Здѣсь же найдены боковыя *пластинки* той же оправы.

Подъ камнями, стоявшими въ центрѣ кургана и у скелета (больше къ В. отъ него) слой *березовой коры* и много обугленныхъ зеренъ, напоминающихъ масляныя косточки.

Съ 8-го слоя кончается насыпь кургана и начинается материковая земля. По снятіи этого слоя обнаружилась къ В. у самого центра могильное пятно въ 2 арш. и $3\frac{1}{2}$ вершка длины и 1 арш. 4 вершка ширины въ формѣ прямоугольнаго четырехъугольника съ закругленными углами. Пятно остается нетронутымъ и обкапывается галлереей въ аршинъ ширины.

На глубинѣ 8 вершковъ подъ пятномъ обнаружилась материковая земля.

Разборка пятна. Въ землѣ, составляющей пятно, ничего не найдено, кромѣ скелета, лежащаго на днѣ. Кости его разрушились почти до порошкообразнаго состоянія. *Дно могилы вымазано красивой глиной зеленого цвѣта.*

Положеніе скелета: голова на С.-З.; ноги на Ю.-В.; руки вытянуты нѣсколько въ стороны отъ туловища; ноги согнуты подъ угломъ; колѣни направлены къ Югу. Положеніе черепа относительно туловища опредѣлить невозможно, онъ совершенно разрушенъ и раздавленъ землею.

Земля подъ могильнымъ пятномъ на разстояніи болѣе 2 аршинъ въ окружности его какъ бы обожжена или закопчена. Черный слой такой задымленной земли, имѣющей приблизительно $\frac{1}{2}$ вершка толщины, имѣетъ рѣзкій контуръ книзу и разплывчатый сверху (образчикъ такой земли хранится въ коллекціи).

2-й курганъ (см. планъ Бѣлозерскаго городища).

Раскопка началась 16 сентября, окончилась 19.

Курганъ отстоитъ въ 3-хъ саженьяхъ отъ предыдущаго на Востокъ. Покрываетъ жнивьемъ и распадается изъ года въ годъ, какъ и предыдущій. Въ окружности имѣетъ 44 саж., въ діаметрѣ черезъ вершину 13 саж.

Раскопка производится двумя сквозными траншеями: одной съ С.-В. на Ю.-З., другой съ С.-З. на Ю.-В. Ширина каждой траншеи 5 аршинъ.

Въ слояхъ 1, 2 и 3 кромѣ трехъ *черепковъ черной грубой глины* ничего не найдено.

4-й слой. Въ разстояніи 4-хъ аршинъ отъ центра кургана къ Ю.-З. человѣческой черепъ. Въ разстояніи $4\frac{1}{2}$ арш. къ Западу отъ центра *горшокъ изъ черной глины* формы усѣченнаго конуса, вышиной $10\frac{1}{2}$ сант., отверстіе 10 сант. Въ 7 арш. къ Западу маленькій камень дикарь. Въ 3-хъ аршинахъ на С. осколокъ кости. Въ 10 арш. на З. осколокъ *кувшина желтой глины*. Въ центрѣ рѣчная раковина и *желтый черепокъ съ нарѣзками*. Въ 15 арш. къ Западу кусокъ лавы. Въ $6\frac{1}{2}$ арш. къ Западу *терракотовый трехъзубый кувшинъ* (Ойнохой) (рис. 35), изящной работы, съ ручкой, вдоль ручки тянется три углубленія; высота его 17 сант. Часть отверстія возлѣ ручки отбита. Онъ находился у правой стороны черепа скелета, который, судя по тазовымъ костямъ долженъ быть женскимъ. Направленіе скелета головой на В., ногами на З., лицомъ вверхъ; руки у боковъ, ноги вытянуты. Ростъ 2 арш. 2 вершка. На мѣстѣ ушей найдены *мѣдная серыи*; у шеи *12 сердоликовыхъ, крулыхъ бусъ* въ перемежку съ овальными, черными, стеклянными (послѣднія оказались треснутыми); между ними *фаллосъ* изъ бѣлой массы, выкрашенный голубой краской нѣсколько болѣе $1\frac{1}{2}$ сант. длины. Вокругъ правой руки у кисти 8 *длинныхъ камней розоватыхъ бусъ* и 8 короткихъ между ними *сердцевидная привѣсочка* въ бугоркахъ, съ такимъ же ушкомъ, какъ у фаллоса, изъ такой же массы и такого же цвѣта. У верхней

части плечевой кости *мѣдное, гладкое зеркало* діаметромъ въ 4 сантиметра. Недалеко отъ черепа *горшокъ изъ грубой черной глины* (разбитъ).

Въ 5 аршинахъ къ С. дѣтскій скелетъ, направленный головой на Востокъ, ногами на Западъ. Скелетъ на боку, лицомъ къ Югу, затылкомъ къ С. Руки и ноги вытянуты по линіи туловища. Величина скелета 1 арш. 4 вершка. Возлѣ височныхъ костей найдено по *мѣдной тонкой серы* весьма изящной работы изъ круглой тонкой проволоки съ перевитой петлей на одномъ концѣ. Возлѣ шеи *фаллусъ* около 1½ сантиметра длины съ ушкомъ и 8 *скарабей* (рис. 37) изъ нихъ одна желтая, одна фіолетовая и 2 голубыя; 2 меньшихъ по 1½ сант. и 2 еще меньшихъ по 1 сант. съ небольшимъ. Послѣднія 4 кое-гдѣ сохранили голубую окраску, каждая изъ нихъ имѣетъ съ нижней стороны вырѣзанную надпись, которая на различныхъ экземплярахъ—различна (рис. 37).

На груди найдены 3 *бусы изъ горнаго хрустала*, 3 *голубыхъ каменныхъ* дынообразныхъ, одна *буса сердоликовая* и нѣсколько крупныхъ изъ пасты съ глазками и полосками. Кромѣ того, на груди же

2. *медаліона*, діаметръ каждаго 1½ сантиметра, одинъ изъ нихъ выкрашенъ голубой краской, другой — неопредѣленной темной; оба съ изображеніемъ амуровъ. Возлѣ поясничныхъ позвонковъ *мѣдный гладкій колокольчикъ* діаметръ основанія и высота его по 2 сант. У правой стороны черепа *глиняный кувшинчикъ* съ ручкой въ 12 сант. вышины.

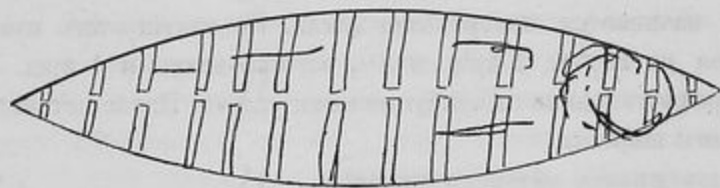

Рис. 51

Въ 4-хъ арш. отъ центра къ С. *черный глиняный горшокъ*. Въ 8 арш. къ Ю. такой-же *горшокъ*, раздавленный подъ тяжестью земли.

7-й слой. Въ разстояніи 6 аршинъ къ Югу 4 куска перегнившего *дерева* 1⅛ вершка и болѣе каждый. Въ центрѣ попадаетъ *березовая кора*.

Въ разстояніи 1 аршина къ В. *человѣческой черепъ*, возлѣ него треснутая *буса*, грубой работы изъ черной глины съ примѣсью зеренъ кварца, *крузило* отъ невода и *горшокъ желтой глины*; за черепомъ оказался и остальной скелетъ головой на Востокъ, ногами на Западъ. Руки вытянуты у боковъ, ноги рядомъ. Снаружи средней части лѣвой плечевой кости *гладкое зеркало* діаметромъ въ 4 сант. съ двумя надломами съ одной стороны. Нѣсколько костей кисти правой руки оказались на правомъ плечѣ. На срединѣ обѣихъ бедеръ разбросаны мелкія *бѣлыя бусы*. На кистяхъ обѣихъ рукъ по 4 *бусы изъ горнаго хрустала*.

Въ центрѣ—*зубы коня* и *березовая кора*. Въ отброшенной землѣ найдены въ этомъ мѣстѣ *угленныя зерна*, напоминающія маслячныя косточки. Въ разстояніи 2½ арш. на С. кости лошади и *кусочки перегнившего дерева*.

8-й слой. 7 арш. на С. три небольшія косточки. Отъ нихъ 1½ арш. на В. еще нѣсколько костей. Въ 14 арш. къ З. отъ центра овалный морской камень въ 2½ вершка длины.

9-й слой. Въ разстояніи 2½ арш. къ С. *кости лошади* въ направленіи отъ С.-В. на Ю.-З., безъ черепа и позвоночника. Въ восточной сторонѣ отъ костей части *железнаго удила съ кольцами*.

10-й слой. Подъ костями лошади нѣсколько къ Югу, попарно сложенные, перегнившіе *деревянные бруски* въ количествѣ около 14 паръ. Самые длинныя въ срединѣ; къ краямъ они уменьшаются до незначительныхъ размѣровъ. На нѣкоторыхъ остались остатки коры. Расположеніе этихъ брусковъ въ общемъ обрисовываетъ *контуры лодки* съ одинаково острыми концами. Подъ брусками скелетъ *человѣка*, подходящій ростомъ къ обѣимъ крайнимъ парамъ брусковъ.

Длина скелета 2 аршина 6 вершковъ. Направленіе головой на С.-В., ногами на Ю.-З. Руки протянуты у боковъ, ноги вытянуты. У костей пальцевъ ногъ—*конскіе зубы*. Подъ поясницей изящная *мѣдная пряжка* (рис. 31) и нѣсколько *пластинокъ тонкой мѣди*.

Подъ скелетомъ такіе же бруски, въ такомъ же порядкѣ и обрисовываютъ такую же фигуру лодки (рис. 51).

Подъ скелетомъ, почти у самаго кургана, обозначалось черное могильное пятно, надъ которымъ земля имѣла видъ обгорѣлый, также какъ и въ предыдущемъ курганѣ, но слоемъ не горизонтальнымъ, а нѣсколько поднимающимся отъ центра въ стороны. Такой же слой замѣчался подъ костями коня.

Направление могильного пятна съ С.-З. на Ю.-В. Длина его 2 арш. 4 вершка, ширина 1 арш. 4 вершка. Пятно обкапывается галлереей въ $\frac{3}{4}$ арш. ширины. На глубинѣ 6 вершковъ подѣ пятномъ оказалась материковая земля.

Разборка пятна. На днѣ его оказался скелетъ, кости котораго почти порошкообразны. Положеніе скелета: голова на С.-З., ноги на Ю.-В. Черепъ покоится на правой сторонѣ—лицемъ на Ю.-З. Руки вытянуты нѣсколько въ стороны отъ скелета. Ноги приподняты колѣнями вверхъ, а ступни направлены отъ нихъ внизъ и нѣсколько влѣво. Изъ праваго виска извлечены 2 кремневые наконечника стрѣлъ (рис. 52 и 53); одинъ изъ нихъ (рис. 52) сердцевидной формы другой (рис. 53) имѣетъ видъ и величину половины перваго. Возлѣ кисти лѣвой руки найденъ такой же, сердцевидной формы, кремневый наконечникъ стрѣлы, но меньшихъ размѣровъ. Подѣ черепомъ земля усыпана порошокъ коричнево-краснаго цвѣта, та же краска найдена на нѣсколькихъ костяхъ черепа, а подѣ остальнымъ скелетомъ—слой красивой зеленоватой глины.

Рис. 52

Рис. 53

Убѣдившись, что подѣ пятномъ во всѣ стороны продолжается материковая земля, приступаю къ раскопкѣ четырехъ клинѣвъ, образовавшихся отъ пересѣченія сквозныхъ траншей.

Раскопка С.-В. клина. На глубинѣ равной мѣсту погребенія перваго скелета ребенка и въ одиковомъ разстояніи отъ центра найденъ второй скелетъ ребенка, лежащій головою на С.-В., ногами на Ю.-З. Величина скелета 1 аршинъ 2 вершка. Руки протянуты вдоль боковъ. Ноги вытянуты. Вокругъ шеи найдено нѣсколько бусъ изъ пасты, украшенныхъ глазами и орнаментомъ, подобно выше упомянутыхъ. Возлѣ праваго уха большая мѣдная серьга, возлѣ лѣваго — малая съ такой же застежкой петлей какъ выше упомянутыхъ. На правой рукѣ у кисти спиральный мѣдный браслетъ съ концами, отдѣланными на подобіе лапокъ якоря (рис. 56) другимъ меньшимъ висающимъ на немъ. На пальцѣ мѣдный перстень на локтевой кости лѣвой рукѣ, 2 мѣдныхъ браслета одинъ конецъ которыхъ загнутъ кручкомъ между тѣмъ какъ вторая сторона приплюснута и имѣетъ отверстіе для этого же крючка. Въ землѣ возлѣ шеи украшеніе (?) въ видѣ двухъ маленькихъ мѣдныхъ спаянныхъ рядомъ трубочекъ и плоская табличка овальной формы, величиною въ 1 сантиметръ.

Раскопка Ю.-В. клина. На глубинѣ 12 вершковъ и въ разстояніи $5\frac{1}{2}$ арш. отъ центра кургана человѣческой скелетъ, головою на В., ногами на З. Руки протянуты у боковъ, ноги вытянуты. Величина скелета 2 арш. 3 вершка. На животѣ желѣзная пряжка. Въ разстояніи полуаршина отъ черепа къ С. 2 небольшихъ макотры изъ черной глины одна (рис. 32) въ 10 сант. вышины и 16 сант. ширины, другая (рис. 33) $6\frac{1}{2}$ сант. вышины и 10 сант. ширины.

Раскопка С.-З. клина. На глубинѣ пятаго слоя—человѣческой скелетъ въ разстояніи отъ центра около 5 аршинъ. Голова скелета направлена къ В., ноги къ З. Руки протянуты у боковъ, ноги вытянуты. На шеѣ и на $\frac{1}{2}$ аршина къ Ю.-З. отъ нея найдено 58 бусъ горнаго и дымчатаго хрустала. На мѣстахъ, соответствующихъ ушамъ, пара мѣдныхъ круглыхъ сережекъ, на груди мѣдная фибула (рис. 36). На обѣихъ кистяхъ рукъ по нѣсколько стеклянныхъ бусъ. Возлѣ лѣваго плеча зеркало. Возлѣ черепа, нѣсколько къ С.-В., кубышка изъ голубоватой глины съ питуломъ *).

Раскопка Ю.-З. клина. На глубинѣ 6-го слоя—человѣческой скелетъ, головой на В., ногами на З. Руки протянуты у боковъ, ноги вытянуты; черепъ въ разстояніи $5\frac{1}{2}$ арш. отъ центра кургана. На скелетѣ ничего нѣтъ кромѣ 3-хъ небольшихъ бусъ у черепа (2 каменные бѣлыя и 1 черная) и нѣсколько мелкихъ бѣлыхъ—у ступней.

Вертикальный разрѣзъ 2-го кургана вдоль траншей, черезъ центръ, отъ С.-З. на Ю.-В., съ указаніемъ расположенія скелетовъ въ слояхъ, конскихъ костей въ девятомъ и ладьеобразнаго гроба въ 10-мъ слой, а также могильнаго пятна съ его скелетомъ.

Курганъ № 3-й (см. планъ Бѣлозерскаго городища).

*) Боковое отверстіе для питья.

Раскопка началась 20 и, кончилась 22 Сентября.

Курганъ отстоитъ на 36 арш. къ С. отъ предыдущаго. Въ окрестности 40 саж., діаметръ черезъ вершину 13½ саж. Покрываетъ бурьяномъ; также распаивается ежегодно какъ и предыдущіе.

Раскопка производится траншеей, направленной съ В. на З. Длина 18 арш., ширина у краевъ по 6 арш. Посреди кургана небольшое углубленіе.

Въ 1 и 2-мъ слое ничего не найдено.

3-й слой. Въ 7½ арш. на С.-З. отъ центра выдвигается толстое ушко сосуда желтой глины и большой камень. Въ разстояніи 7 арш. къ З. — толстое горлышко сосуда изъ желтой глины (діаметръ его около 3-хъ вершковъ). Нѣсколько черепковъ такой же глины и 2 куска гранита разбросаны въ разныхъ мѣстахъ этого слоя.

4-й слой. Возлѣ указаннаго въ 3-мъ слое камня, оказалось еще нѣсколько камней и 2 черепка, изъ которыхъ одинъ черный, другой желтой глины.

На Ю., въ 4-хъ аршинахъ отъ центра, начинается, какъ бы, слой плотной глиняной смазки, утолщающійся къ центру до толщины 4½ вершковъ; далѣе, въ разстояніи 1 аршина отъ центра, эта смазка прекращается, но продолжается болѣе къ Западу. На С.-З., въ 24 аршинъ отъ центра, замѣчено такое же пятно глиняной смазки; гдѣ оно началось и гдѣ кончилось своевременно не замѣчено.

Въ 5½ арш. отъ центра на С.-В. такая же смазка но нѣсколько тоньше и тоже неподмѣченная вовремя.

5-й слой. Камни 3-го и 4-го слоя продолжаютъ. Они сложены въ видѣ столбика съ четырехъ-угольной верхушкой, имѣющей длину съ Ю. на С. 1 арш. 4 вершка и ширину съ В. на З. 1 арш. Съ сѣв. стороны между камнями горлышко амфоры, а подъ камнями въ безпорядкѣ разбросаны кости неизвѣстнаго животнаго, черные черепки, осколки амфоры и древесный уголь. Въ разныхъ мѣстахъ кургана въ этомъ слое найдены осколки прочной желтой глиняной посуды.

Подъ этимъ слоемъ начинается материковая земля.

6-й слой. Форма раскопки измѣнена въ кругъ съ діаметромъ 9½ арш. и траншеей къ мѣсту расположенія каменнаго столба. Въ разстояніи 1 арш. отъ центра къ В. 2 кости крупнаго животнаго и нѣсколько желтыхъ черепковъ.

7-й слой. Траншея къ столбику заброшена, въ виду того, что въ ней и подъ столбикомъ оказывается материковая земля. Передъ началомъ раскопки этого слоя счищено мѣсто работъ. Въ центрѣ обнаружилось пятно рыхлой земли—среднее между кругомъ и многогранникомъ. Діаметръ его приблизительно=6 арш. Пятно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по окраскѣ совершенно сливается съ окружающимъ глинистымъ грунтомъ и узнается только по плотности; поэтому, для лучшаго выясненія формы пятна, раскопка продолжается въ прежнемъ порядкѣ, т. е. снимается еще одинъ слой вмѣстѣ со слоемъ пятна.

Въ центрѣ пятна найденъ кусочекъ кремня въ 7 сант. длины и 7 сант. ширины, и такой же величины кусокъ желѣзистаго песчаника, имѣющаго форму двухграннаго угла.

8-й слой. Передъ началомъ работы опять счищено мѣсто. Пятно получило форму болѣе продолговатую, но все еще неправильную. Отъ В. къ З. оно имѣетъ 7 арш. Съ С. на Ю. 4 арш. Снять 8-й слой также какъ и предыдущій. Изъ - подъ слѣдующаго слоя въ разстояніи 1 арш. къ В. отъ центра торчитъ кость. По очисткѣ мѣста выяснилось пятно въ 7½ арш. длины. Форма его неправильный 5-ти-угольникъ, у котораго одна сторона имѣетъ 5½ арш., другая—5 арш., третья—4 арш., четвертая—3 арш. и пятая 3½ арш. С.-В. и Ю.-В. углы ея закруглены. Пятно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (болѣе у С.-В. стороны) имѣетъ цвѣтъ окружающей материковой глины.

Пятно окапывается галлереей въ 1 арш. ширины. На глубинѣ 4½ арш. отъ верхушки кургана и 2½ арш. отъ основанія его пятно прекратилось. По осмотрѣ столба, образовавшейся могильной насыпи, со всѣхъ сторонъ можно было убѣдиться, что не всѣ стѣны его были вертикальными, потому что съ нижней части южной стороны, нѣсколько къ В. пришлось отдѣлать слой материковой земли, мѣстами въ ¼ аршина. То же можно сказать и о всей нижней части С.-В. стѣны пятна. Кромѣ того, при выкапываніи канавы, окружающей пятно, у южной стороны его въ разстояніи ½ арш. отъ дна былъ оставленъ замѣченный слой рыхлой земли, въ которомъ и оказался впоследствии скелетъ. На днѣ пятна съ Ю.-З. стороны замѣтна ступенька изъ материковой глины, вошедшая въ составъ пятна и имѣющая 6 вершковъ ширины и 6 вершковъ вышины.

Разработка пятна.

Почти на поверхности могильной насыпи въ разстояніи 1 аршина къ В. отъ центра кость крупнаго животнаго. Въ Ю.-В. части кусочекъ желѣза. Въ Вост. части—пепель.

Въ центрѣ нѣсколько человѣческихъ костей въ безпорядкѣ.

Въ центрѣ высоты пятна разбросаны въ разныхъ мѣстахъ части человѣческаго скелета по черепа нѣтъ. Въ слѣдующихъ слояхъ ничего не попадается, кромѣ множества скелетовъ мышей и сусликовъ. Все пятно и сосѣдняя материковая земля изрыта норами. На глубинѣ аршина отъ дна пятна въ восточной сторонѣ обнаружилось 5 сгнившихъ деревянныхъ столбовъ, вбитыхъ вертикально по-лукругомъ съ Ю. на С. въ материкъ.

На днѣ пятна оказались въ зап. сторонѣ, въ углу, у самой ступеньки человѣческой черепъ затылкомъ на З., теменемъ вверхъ, лицомъ на В.

Въ разстояніи 1½ аршина на В. отъ него разбросаны въ безпорядкѣ человѣческія кости. Въ Вост. сторонѣ, на 1 аршинъ отъ Ю.-В. угла къ Западу человѣческой черепъ, макушкой вверхъ, лицомъ на В., затылкомъ на З.; позвоночникъ съ ребрами и ноги направлены къ Юго-Западу. Часть скелета, начиная отъ таза, выходитъ за предѣлы пятна. Судя по рыхлости земли въ этомъ мѣстѣ галереи и потому, что съ этой части стѣны пятна снятъ слой материковой земли, нужно полагать, что весь скелетъ, исключая черепа, находился въ глинѣ. Ноги скелета вытянуты. Костей рукъ при скелетѣ не оказалось. У правой стороны нижней челюсти оказалась *крутая проволочная серья* въ 3½ сант. въ діаметрѣ. По вынутіи изъ земли, она была покрыта бѣлымъ налетомъ, который вскорѣ сдѣлался голубоватымъ; по очисткѣ въ одномъ мѣстѣ отъ налета она получила стальной цвѣтъ, а при дальнѣйшемъ оскабливаніи оказалась золотой. У лѣвой стороны той же челюсти найдена такая же *золотая серья* 4 сантим. въ діаметрѣ. Подъ нижней челюстью, больше къ лѣвой сторонѣ, — *мѣдное зеркало* 10 сант. въ діаметрѣ. Вокругъ черепа разсыпаны *дутья золотыя бусы*, однѣ изъ нихъ круглыя, другія (продолговатыя) съ продольными углубленіями и 2 обломка заплата. Въ разстояніи ½ арш. къ Ю.-З. отъ черепа этого скелета — *амфора красной обожженной глины* вышиною 66 сант. Въ верхней части шейки ея вдавленное клеймо съ надписью (рис. 42 и стр. 100).

Въ разстояніи ½ арш. къ Ю. отъ *черепа кости лошади* расположенныя такимъ образомъ: девять реберъ сложены въ порядкѣ, начиная меньшимъ и кончая большимъ вдоль южной стороны пятна, параллельно другъ другу; при нихъ съ южн. стороны позвоночный хребетъ. Между 6 и 7 ребрами торчитъ *бѣлая костяная рукоятка ножа* въ 9½ сант. длины, а глубже изъ-подъ реберъ извлечено *лезвие* этого ножа въ 6 ст. длины, съ заостреннымъ и направленнымъ нѣсколько вверхъ концемъ. Непосредственно за ребрами къ З. лежатъ слѣдующія кости коня: лопатка упирается въ среднюю часть ребра; отъ нея на С.-З. направлена плечевая, а на Ю.-В. локтевая кость; направо и налѣво отъ плечевой кости расположены параллельно другъ другу голени, а съ ними соприкасаются и продолжаются въ томъ же направленіи бедра коня.

На Ю.-В. отъ первыхъ реберъ коня расположена по направленію къ черепу локтевая кость человѣка, а возлѣ нея *4 пращевыхъ камня*. Другая такая же, но болѣе испорченная, локтевая (?) кость— съ противоположной стороны скелета коня, въ направленіи отъ 6 ребра къ С. Подъ этими ребрами коня оказались соотвѣтственныя имъ ребра другой стороны коня. Подъ ними тонкій слой перегнивашаго дерева, 2 куса круглаго полаго *желѣза* (остатки копыя) внутри обоихъ—куски истлѣвашаго дерева. Оба куса приходятся другъ къ другу вплотную въ мѣстѣ излома и имѣютъ въ длину 22 ст. Подъ ребрами же съ южной стороны въ безпорядкѣ кости кисти человѣческой руки. Между конемъ и Ю.-В. стороной пятна — изящный *черный терракотовый флакончикъ* съ поливой въ 11 ст. вышины, а у самой стѣны разбросаны *бѣлила и румяна* въ порошокъ и кускахъ. На З. отъ концовъ бедеръ коня, въ разстояніи 1 арш. отъ нихъ изящная *черная возочка* съ ручками (рис. 39) мѣстами съ краснымъ оттѣнкомъ; высота ее 8 ст. Съ наружной стороны дна вырѣзанъ значекъ к. Въ разстояніи полуаршина отъ реберъ коня къ С.-З. *мѣдная стрѣла*. Въ южной сторонѣ пятна найдена такая же *стрѣла* типа называемаго скинскимъ.

По измѣреніи дна пятна, оказалось, что южная сторона его на ¾ арш. ниже сѣверной части.

Курганъ № 4 (см. планъ Бѣлозерскаго городища).

Труды 8-го археол. съѣзда въ Москвѣ 1890 г. т. III.

Окружность кургана 30 саж. Диаметръ черезъ вершину 11 сажень. Покрываетъ прошлогодней травой и бурьяномъ. Раскапывается послойно колодцемъ, диаметръ котораго 12 аршинъ.

1-й слой. Ничего не найдено.

2-й слой. Въ разстояніи 1 сажени отъ центра кургана къ В. *осколки посуды* изъ черной глины. Въ разстояніи 5 аршинъ 4 вершковъ на Ю.-В. отъ центра кургана—часть верхней челюсти ребенка. При немъ дѣтскій скелетъ весьма плохо сохранившійся и испорченный при работѣ, почему положеніе его и величина не могутъ быть опредѣлены. Скелетъ покоится на спинѣ. Направленіе его: головой на С.-З., ногами на Ю.-В. Въ разстояніи 1½ аршина отъ черепа къ С. кусокъ *кремня*. У ногъ ребенка кусочекъ *окиси желѣза* и чернѣйшій раздавленный *горшечекъ* въ 9½ сант. вышины и около 8½ см. въ отверстіи, дно около 9 см., стѣнки его слегка выпуклы безъ бортовъ.

Въ разстояніи 12 вершковъ на С.-В. отъ центра кусокъ кости ноги крупнаго животнаго. Въ разстояніи 4½ арш. на С.-З. часть створки рѣчной раковины.

3-й слой. Въ разстояніи 5 арш. 10 вершковъ на З. отъ центра черепъ человѣческаго скелета расположеннаго на лѣвомъ боку, затылкомъ на С.-В., лицомъ на Ю.-З., головой на Ю.-В., ногами на С.-З. Кости рукъ въ безпорядкѣ у боковъ. Они, равно какъ и ребра раздавлены, разрушены и не поддаются описанію. Кости ногъ сложены подъ угломъ колѣнями къ З., ступнями къ С. Въ 8 вершкахъ отъ центра къ С.-В. *земный горшечекъ* съ конусообразнымъ дномъ 10 ст. высоты и 12½ шир. (табл. X). Въ разстояніи 5 аршинъ на Ю.-В. отъ центра *горшечекъ черной глины*, мѣстами какъ бы выкрашенный въ красноватый цвѣтъ, съ плоскимъ дномъ и безъ ручки. Въ разстояніи полуаршина отъ него къ С. человѣческій черепъ, раздавленный землею и кости неполнаго скелета лежащаго на правомъ боку, направленные отъ него къ С.-З.; послѣдніе оказались въ безпорядкѣ и значительно разрушенными. Въ разстояніи 1½ арш. отъ этого черепа къ С.-В. оказался еще одинъ черепъ. Кости скелета направлены отъ него къ С.-З. и расположены также на правомъ боку. Расположеніе костей рукъ по ветхости костей опредѣлить нельзя. Кости ногъ расположены подъ угломъ колѣнями къ С.-В. ступнями къ Западу.

4-й слой. Въ разстояніи 1½ арш. отъ центра къ В. *горшечекъ* изъ грубой черной глины, раздавленный землею, въ верхней части у отверстія сохранилась часть одной изъ ручекъ; вышиною горшечекъ 11 сант. и шириною 11 сант. съ конусообразнымъ дномъ *).

5-й слой. Въ разстояніи 4 аршинъ 5 вершк. къ Западу отъ центра *небольшой горшечекъ* изъ черной глины съ плоскимъ дномъ и широкимъ отверстіемъ.

Возлѣ него черепъ ребенка, расположенный на лѣвомъ боку, лицомъ на Западъ. Остальной скелетъ направленъ отъ черепа къ С.-З. и покоится также на лѣвомъ боку, лицомъ на Западъ. Ноги согнуты подъ угломъ и колѣнями на Западъ. Положеніе рукъ опредѣлить нельзя; у самаго центра нѣсколько къ З. человѣческій черепъ, а за нимъ и остальной скелетъ — на лѣвомъ боку, головой на Ю.-Ю.-В., ногами на С.-С.-З., руки сложены у боковъ (?); ноги согнуты подъ угломъ: колѣнями къ З. Въ разстояніи 3 арш. 11½ вершковъ на С. отъ центра *горшечекъ* въ 6½ сант. выш., дно 5½ сант. и отверстіе 7½ сант. слегка съ стѣнками выпуклыми и безъ всякаго борта.

На черепѣ дѣтскаго скелета между горшкомъ и черепомъ часть створки рѣчной раковины. Скелетъ расположенъ на спинѣ. Кости рукъ протянуты вдоль боковъ. Кости ногъ вытянуты прямо. Направленіе скелета съ З.-Ю.-З. на В.-С.-В.

Въ 7-й слой, расположенномъ на материкѣ на 4 арш. 7 вершковъ къ Западу отъ центра разрушившійся человѣческій скелетъ лежащій головой на Ю.-Ю.-В. ногами на С.-С.-З. Черепъ на правомъ боку лицомъ къ В. Скелетъ лежитъ на спинѣ въ неясныхъ признакахъ могильнаго пятна. Плечевыя кости руки у боковъ, лѣвая локтевая тоже, правая сложена на груди кистью къ нижней челюсти. Ноги согнуты подъ угломъ колѣнями къ С.-В.

Въ разстояніи 5 арш. 6 вершковъ отъ центра—дѣтскій скелетъ, головой на С.-З., туловищемъ на Ю.-В., лицомъ на З.; колѣни согнуты подъ угломъ къ Ю.-З., лежитъ на правомъ боку, положеніе рукъ опредѣлить нельзя.

*) Къ Югу отъ него на 1 аршинъ — макотра изъ черной глины, грубой работы 1½ арш. вышины и столько же въ диаметръ. Совершенно раздавлена землею.

Курганъ № 5 (см. планъ Бѣлозерскаго городища). Мартъ 1887 года.

Окружность кургана 58 сажень; діаметръ черезъ вершину 19 саж. Въ центрѣ кургана углубленіе въ $\frac{1}{2}$ аршина глубины и $\frac{3}{4}$ арш. ширины. Раскопка производится круглымъ колодеземъ съ діаметромъ 14 арш.

1-й слой. Нѣсколько *черепковъ толстой посуды* изъ желтой глины въ С. части кургана.

2-й слой. У окружности южной стороны кургана—человѣческой скелетъ; головой на Западъ, ногами на В., лицомъ на С. и лежитъ на спиѣ. Лѣвая рука протянута кистью ниже живота, правая согнута подъ угломъ на груди, при чемъ кисть ея приходится на лѣвомъ боку. Ростъ скелета 2 арш. 1 верш. У стѣны Ю.-З. стороны окружности раскопки *куча черепковъ черной грубой посуды*. Въ центрѣ попадаются камни.

3-й слой. Въ 3-хъ арш. отъ центра на З. мелкіе камни и 2 конскихъ зуба въ центрѣ. Въ разныхъ мѣстахъ слоя попадаетъ много *черепковъ толстыхъ и тонкихъ*, желтыхъ и черныхъ. Въ разстояніи 3 арш. 13 вершк. на С.-С.-З. *горшочекъ* довольно чистой работы съ орнаментикой вышиною $11\frac{1}{2}$ сант. съ верхнимъ отверстіемъ въ 7 сант. и дномъ въ $5\frac{1}{4}$ ст.

4-й слой. У С.-С.-В. окружности нижняя часть *горшка изъ черной глины* нижняя часть уже верхней. Горшечекъ имѣетъ форму усѣченнаго конуса. Въ центрѣ кургана земля необыкновенно тверда и перемѣшана съ осколками костей и *черепкамъ глиняной посуды*.

5-й слой. У С.-В. части окружности раскопки *горшечекъ изъ черной глины* съ плоскимъ дномъ; отверстіе 9 сант., дно $8\frac{1}{2}$ сант., вышина $9\frac{1}{4}$ сант. Стѣнки слегка выпуклы, отверстіе окружено легкой впадиной.

6-й слой. Въ центрѣ половина *горшка* грубой работы изъ черной глины вышиною 10 сант., отверстіе $11\frac{1}{4}$ сант., дно плоское, не можетъ быть измѣрено, такъ какъ разбито, стѣнки прямолинейны.

7-й слой. Въ центрѣ *осколки битой посуды* и части человѣческаго черепа.

8-й слой. Потерявъ надежду на прекращеніе слѣдовъ работы кладоискателей, обнаруживавшихся во все время раскопки, находимыми въ центрѣ кургана, я рѣшился измѣнить форму раскопки въ продольную канаву черезъ центръ кургана съ С. на Ю. Ширина канавы 2 арш.

Пройдя такимъ образомъ два слоя, я обнаружилъ человѣческой черепъ—на затылкѣ, лицомъ вверхъ. Въ 12 вершковъ къ В. отъ черепа кости головы и ногъ телянка въ безпорядкѣ. Отъ черепа къ Ю.-Ю.-З. направленъ скелетъ, сохранившійся до половины плечевыхъ костей и соответствующихъ реберъ и позвонковъ. Остальной части скелета нѣтъ. Мѣсто отрѣза скелета соответствуетъ границѣ твердой части кургана, замѣченной отъ первыхъ слоевъ.

Сняты 9 и 10 слой къ В. и З. отъ канавы, при чемъ ясно обозначилось черное пятно, имѣющее неправильную форму круга съ 3-мя выпуклинами съ С.-З. стороны.

Съ С. на Югъ пятно имѣетъ 6 арш. 1 верш., съ В. на З. 5 арш. 6 верш. Пятно окапывается траншеей. Пятно прекратилось въ С. части на глубинѣ 7 вершковъ, а въ Ю. на глубинѣ 14 вершковъ.

Разборка пятна. Во всѣхъ слояхъ пятна, въ разныхъ мѣстахъ, *черепки толстой посуды*, по большей части, съ правильными горизонтальными мелкими углубленіями, *осколки амфоръ* и другой посуды черной и желтой глины, камни, раковины и осколки человѣческихъ костей.

На днѣ пятна найдены 5 скелетовъ рѣчныхъ черепахъ.

При осмотрѣ стѣнъ раскопки этого кургана замѣченъ и извлеченъ изъ южной стороны на глубинѣ, соответствующей 7-му слою, *черный горшечекъ (макотра)* вышиною 13 сант., съ основаніемъ въ 9 сант. и отверстіемъ въ $16\frac{1}{2}$ сант. и грубою орнаментикой, напоминающей рисунокъ раньше выкопаннаго горшка.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что я имѣлъ дѣло съ курганомъ, уже раньше раскопаннымъ. Убѣжденіе это доказывается: 1) углубленіемъ, замѣченнымъ до раскопки на верхушкѣ кургана; 2) постоянно попадавшимися въ центрѣ кургана осколками костей и посуды; 3) соответствіемъ линіи обрѣза скелета съ линіей пятна твердой земли, продолжавшейся въ насыпи кургана во всѣхъ слояхъ; 4) отсутствіемъ находокъ въ этомъ пятнѣ, и 5) черепахами, попавшими несомнѣнно въ яму, образовавшуюся отъ раскопки и засыпанными вмѣстѣ съ ней лицомъ, производившимъ эту раскопку до меня.

Курганъ № 6. (См. планъ Бѣлоз. Гор.) Раскопанъ 16 апрѣля 1887 г. Окружность кургана 38 саж., діаметръ 12 саж. Раскопка производится въ формѣ прямоугольника, направленнаго съ СВ. на ЮЗ. Длина прямоугольника 11 арш., ширина 8 арш., углы его направлены на С, Ю, В и З.

1-й слой. Ничего.

2-й слой. У середины сѣверовост. края раскопки осколки амфоры и глиняное кружало.

3-й слой. Тамъ же толстые черепки посуды желтой глины и тонкіе черной.

4-й слой. Въ Сѣв. углу часть кости ноги крупнаго животнаго и большая створка рѣчной раковины. У середины сѣверозап. края раскопки кусокъ слюдистаго песчаника и овальной формы раковистый известнякъ. Въ 3-хъ аршинахъ отъ центра къ западу осколокъ кости и 3 куска слюдистаго песчаника зеленоватаго цвѣта. Въ разстояніи $2\frac{1}{2}$ арш. отъ центра къ ЮЗ. большой пращевый камень.

5-й слой. Въ южномъ углу черныи черепокъ. Въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ арш. отъ центра къ западу куски реберь и ключица овцы. Въ центрѣ круглый кварцевый камень.

6-й слой. Въ разстояніи 1 арш. 5 вершковъ къ западу отъ центра пять костей овцы (нога и ребра). Въ разстояніи 1 арш. 8 верш. къ С. мелкіе осколки костей и кусокъ кремня сердцевидной формы.

У ЮВ. стороны пластинка точильнаго камня.

По окончаніи 6-го слоя ясно выяснилось могильное пятно въ формѣ полуовала, основаніе котораго обращено на ЮЗ. и равно 2 арш. 14 верш. Ширина въ серединѣ 2 арш. 10 верш., а ширина у вершины 2 арш. 6 верш. Высота фигуры полуовала 2 арш. 13 вершковъ.

Пятно окапывается канавой въ 1 арш. 4 вершка ширины. На глубинѣ 10 вершковъ отъ вершины пятна въ разстояніи 1 арш. 7 верш. отъ лѣваго угла основанія фигуры пятна; у образовавшейся стѣны пятна показалось перегнившее дерево въ формѣ какъ бы вершины столбика.

На глубинѣ 1 аршина съ сѣв. стороны пятна въ канавѣ замѣчается рыхлая земля (пятно удаляется здѣсь къ сѣверу). На этой глубинѣ оно отошло уже на $\frac{1}{4}$ аршина. Такое же удаленіе пятна замѣчается въ восточной сторонѣ пятна къ востоку. Рыхлая земля оставляется нетронутой, вслѣдствіе чего, по мѣрѣ углубленія канавы, изъ могильнаго пятна постепенно вырастаютъ 2 выпуклины въ стороны къ С. и В. На глубинѣ 2 арш. 10 верш. сѣверная равняется 1 арш., а восточная — $\frac{3}{4}$ аршина. На глубинѣ 3 арш. 3 верш. отъ начала пятна и 5 арш. 6 верш. отъ вершины кургана пятно прекратилось, при чемъ восточная выпуклина оказалась миной, удаленною отъ могильной ямы на $1\frac{1}{4}$ арш., а сѣверная на 7 вершковъ. Въ оконечности сѣверной мины замѣтно *горлышко амфоры*.

Разработка могильнаго пятна. Во второмъ слоѣ пятна оказались кости ягненка. Послѣ этихъ находокъ въ пятнѣ, изрытомъ вдоль и поперекъ норами сусликовъ и мышей, мѣстами наполненныхъ трухой перегниващаго дерева, во всемъ столбѣ пятна до самаго дна, кромѣ нѣсколькихъ осколковъ костей, ничего не найдено. На днѣ пятна въ прямомъ направленіи отъ лѣвой мины къ правой т. е. отъ СЗ. къ ЮЗ., расположенъ человѣческій скелетъ; берцовыя кости его помѣщаются въ зап. минѣ. Затылокъ черепа подпертъ снизу костями ягненка (ключица, нѣсколько реберь и часть нижней челюсти), вслѣдствіе чего черепъ имѣетъ вертикальное положеніе относительно скелета. Съ правой и лѣвой стороны черепа найдено по *золотой серьѣ* изъ круглой проволоки ¹⁾. Остальной скелетъ покоится на спинѣ; руки у боковъ; ноги вытянуты прямо; Ростъ скелета 2 арш. 1 верш. Черепъ съ выпукломъ лбомъ, при всѣхъ зубахъ. Кости плохо сохранились. Подъ скелетомъ слой материковой глины окрашенъ въ коричневый цвѣтъ. Замѣченныя раньше *амфора* стоитъ у стѣны мины въ вертикальномъ положеніи; у основанія ея лежатъ кости передней ноги и лопатки годовалаго теленка. Къ лопаткѣ присталь ножъ съ костяною бѣлою ручкой.

Далѣе къ вост. *изящная террактовая черная урна*, 16 сант. вышины, съ изображеніемъ на одной стороны Эрота, преслѣдующаго женщину а съ другой двѣ женскія фигуры въ мантияхъ. Урна обращена дномъ къ СЗ, а отверстіемъ къ черепу, т. е. на ЮВ., ручками вверхъ и внизъ. Подъ урной *глиняный кружокъ*, *глиняная пряслица* и *алавастръ* съ надбитымъ горлышкомъ и разрушенною временемъ частью стѣнки, на которой она лежала.

Въ разстояніи $\frac{1}{2}$ аршина отъ черепа къ югу *террактовая черная вазочка* изящной работы, $6\frac{1}{2}$ сант. высоты и 9 сант. ширины, съ двумя ручками и *кувшинъ*. Въ разстояніи 1 арш. 6 вершковъ къ юго-востоку кусокъ перержавленнаго желѣза.

¹⁾ Кольца, называемыя авторомъ *серьями*, слѣдовало бы точнѣ называть *височными кольцами*. Отъ Редакціи.

Въ восточной минѣ ничего не найдено, кромѣ костей ноги и крыла птицы.

Возлѣ скелета слѣдовъ гроба незамѣчено; но надъ черепомъ нѣсколько къ зап. замѣчались раньше остатки перегнившего дерева.

Курганъ № 7 (См. планъ Бѣлоз. Город.) 17 апрѣля 1887 года. Окружность кургана 37 саж., діаметръ 17 саж. Раскапывается прямоугольникомъ, меньшія стороны котораго по 9 аршинъ направлены къ В и З., а большія по 12 аршинъ—къ С. и Ю.

1-й слой. Въ разныхъ мѣстахъ небольшіе камни и черепки черной и красной посуды.

2-й слой. То же и круглое *глиняное грузило*.

3-й слой. Въ разныхъ мѣстахъ небольшіе черепки. Въ Ю. Зап. углу кость крупнаго животнаго. Въ центрѣ разбитая *изящная вазочка* греческой работы, и кусокъ желѣзистаго известника.

4-й слой. Осколокъ *кремневаго ножа*. Во время работы замѣчается очень твердый слой (въ центрѣ) какъ бы набитой или намазанной земли. По снятіи этого слоя выяснилось что слой смазки или набойки имѣетъ неправильно овальную форму, направленную отъ центра кургана къ югу, частію къ В., гдѣ онъ теряется за стѣною раскопки и незначительнымъ кускомъ къ Сѣверу.

5-й слой. Слой набоя продолжается до 6 слоя, при чемъ форма и величина его фигуры измѣняется. Вершина овала упирается въ сѣверную линію раскопки. Отъ Сѣв. стороны онъ направленъ къ Южной и въ разстояніи 1 аршина отъ Ю. стороны достигаетъ наибольшей ширины 4 арш. 4 вершковъ.

6-й слой. Въ южной сторонѣ, у края раскопки найденъ *точильный брусокъ* въ 9 ст. длины, 5 ширины и въ $2\frac{1}{2}$ толщины. По снятіи слоя, подъ бывшимъ раньше слоемъ набоя, оказалось могильное пятно въ формѣ полуовала, обращеннаго прямолинейнымъ основаніемъ на ЮЗ., закругленной верхушкой на СВ. и съ небольшимъ прибавкомъ у основанія къ Зап., изъ подъ котораго торчитъ кость. Основаніе пятна равно $3\frac{1}{2}$ арш., высота 3 арш. 7 верш., прибавокъ пятна 13 вершк.

Для выясненія пятна въ Южной сторонѣ пришлось подвинуть южную линію раскопки на $1\frac{1}{2}$ аршина къ Югу.

Пятно окапывается траншеей, какъ и предыдущія. На глубинѣ 10 верш. въ восточной сторонѣ пятна, близъ вершины, оказалась выпуклина пятна (начало мины) выступающая отъ пятна на $\frac{1}{2}$ арш. къ СВ., ширина ея $\frac{3}{4}$ арш. Такая же выпуклина оказалось и съ Сѣверной стороны, но нѣсколько шире первой.

На глубинѣ 1 сажени 1 вершка отъ начала пятна и на глубинѣ 1 саж. 1 арш. 15 вершковъ отъ вершины кургана, пятно прекратилось. Здѣсь выпуклины (мины) удалились отъ стѣны могильнаго пятна приблизительно на $1\frac{1}{4}$ арш.; что же касается прибавки пятна, замѣченнаго первоначально у основанія пятна, то онъ постепенно уменьшился и слился со столбомъ пятна у середины его высоты.

Разборка пятна. Замѣченная въ верхнемъ прибавкѣ пятна кость оказалась костью человѣческой ноги; рядомъ съ ней лежитъ другая. Отъ ногъ остальной скелетъ направленъ головою на В. скелетъ полуразрушенъ и имѣетъ 2 арш. $1\frac{1}{2}$ вершка длины.

Руки его протянуты у боковъ (лѣвая локтевая кость найдена въ вертикальномъ положеніи у стѣны пятна на 8 вершковъ ниже своего мѣста; она вѣроятно попала въ вертикальную нору суслика). Въ разстояніи 7 вершковъ отъ черепа къ Вост. голова и передняя часть телянка; при нихъ остатки *железнаго ножа*. Въ верхней части Сѣверной мины черепъ и передняя часть спины осетра; нѣсколько ниже кости телянка, скелетъ, руки и кружокъ трудно объяснимаго назначенія и происхожденія. Все пятно изрыто сусликовыми норами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадаетъ древесный уголь. На днѣ пятна въ углу восточной мины стоитъ въ нѣсколько наклонномъ положеніи *амфора* съ отбитымъ концомъ остраго дна.

У основанія ея *изящная вазочка* греческой работы съ двумя ручками и *глиняное грузило*. У основанія амфоры лежатъ кости передней ноги быка и лопатка съ положеннымъ на нее *железнымъ ножомъ съ костяной ручкой*. Въ разстояніи 16 вершковъ отъ амфоры къ СЗ. черепъ, а затѣмъ и остальной скелетъ человѣка, имѣющій 2 арш. 7 верш. длины; голова его направлена въ ЮВ. ноги къ СЗ.

Руки протянуты у боковъ, правая рука отклонена локтемъ нѣсколько къ Ю.; поверкъ плечевой кости ея и вдоль локтевой лежитъ *алавастровый флаконъ*; 24 сант. длины и $6\frac{1}{4}$ толщины, по выше праваго плеча *мѣдное зеркало*.

Вдоль боковъ скелета отъ верхушки черепа до основанія ногъ ясно видны остатки гроба и мѣс-

тами *железных гвоздей*, имѣющихъ болѣе или менѣе $1\frac{1}{2}$ вершка длины. При нихъ видны слѣды шляпокъ. Разстояніе между боками у черепа и у ногъ одинаково.

Курганъ № 8 (см. планъ Бѣлозерскаго городища). 18 апрѣля 1887 года. Окружность кургана 28 саж. діаметръ 11 саж.: раскопка тоже въ видѣ прямоугольника направленного длинными сторонами (11 арш.) отъ СЗ. на Ю. В. и короткими (равными 8 арш.) отъ СВ. на ЮЗ.

1-й слой. Въ СВ. углу *брусочекъ* изъ аспида съ дырочкой для привѣшиванія.

2-й слой. Ничего.

3-й слой. У середины линіи Вост. стороны раскопки чернѣйшій черепокъ въ 2-хъ арш. отъ центра, къ С., кусокъ кости человѣческаго черепа. У середины Сѣв. линіи раскопки кусокъ глинянаго кирпича въ формѣ карниза; въ центрѣ небольшой камень и осколокъ кости.

4-й слой. Въ разстояніи 4 арш. 11 верш. отъ центра къ В. дѣтскій черепъ макушкой вверхъ. У правой стороны нижней челюсти его *мѣдная монета* съ сквознымъ отверстіемъ для привѣшиванія съ одной стороны монеты изображенъ профиль головы воина съ бородою и въ каскѣ, обращенный въ правую сторону; на другой сторонѣ слѣды совершенно испорченной надписи.

По ниже лѣвой стороны нижней челюсти осколокъ *мѣдной пластинки*; съ правой стороны черепа *двойная мѣдная серпа* изъ тонкой круглой проволоки съ однимъ перевитымъ концомъ въ видѣ петли.

Отъ черепа вертикально внизъ идетъ позвоночный столбъ и при немъ ребра.

На правомъ верхнемъ ребрѣ 2 мѣдныхъ привѣсочки изъ тонкой проволоки съ петлей на одномъ концѣ и спиралью на другомъ.

Черепъ направленъ затылкомъ на ССЗ. лицомъ на ЮЮЗ. За 6-й парой реберъ скелетъ прекращается. Въ 6 вершкахъ отъ черепа къ Югу части костей рукъ. Въ $\frac{1}{2}$ арш. на ЮВ. части разрушившихся костей, похожихъ на кости ногъ. Судя по костямъ черепа скелетъ принадлежитъ ребенку 5—7 лѣтъ.

Въ разстояніи 2 арш. 10 вершковъ къ Зап. отъ центра кости человѣческой ступни. По разборкѣ земли оказался скелетъ человѣка; лежитъ онъ головой къ Вост., ногами къ западу; черепа при немъ не оказалось. Кости рукъ протянуты у боковъ; ноги вытянуты прямо; скелетъ лежитъ на спиѣ.

У праваго плеча этого скелета отрытъ черепъ другаго скелета, лежащаго на правомъ боку, лицомъ на Ю., затылкомъ на Сѣв., туловищемъ къ Вост. Ноги согнуты подъ угломъ, колѣнями къ Югу. Правая рука протянута кистью къ колѣнямъ, лѣвая протянута вдоль лѣвыхъ реберъ. Въ Южномъ углу раскопки въ стѣнѣ, соотвѣтственно 5-му слою, замѣченъ и извлеченъ *глиняный горшокъ* съ 2 ручками въ видѣ бугорковъ. Горшекъ сравнительно изящной работы и крѣпкой конструкціи.

Въ Южномъ углу раскопки показалось могильное пятно, большая часть котораго направлена за предѣлы раскопки къ Ю. Понадобилось раскопать часть ЮЗ. и ЮВ. стѣны. При этой раскопкѣ вырыто 2 человѣческихъ скелета, положеніе которыхъ было невозможно опредѣлить. При одномъ изъ нихъ лежало 9 *мѣдныхъ стрѣлъ* обыкновеннаго скифскаго типа.

Въ разстояніи 4 арш. 10 вершковъ къ С. отъ центра черепъ человѣка на затылкѣ макушкой къ В. отъ него остальной дѣтскій скелетъ направленъ къ Зап. скелетъ сильно поврежденъ. Въ нижней челюсти его 3-й коренной молочный зубъ замѣняется постояннымъ.

На ладони лѣвой руки кусочекъ плоскаго желѣза—ножикъ.

Подъ лѣвой частью спины ниже локтя *мѣдное кольцо*, а на верхнихъ ребрахъ 2 *каменные бусы*—синяя и черная, а лѣвѣе — еще одна стеклянная — разбитая. Черепъ былъ подъ стѣною раскопки; при расчисткѣ ея сверху найдены въ 3-слоѣ 2 черепка *большой амфоры*.

Ближайшій край могильнаго пятна находится въ разстояніи 2 арш. 13 вершк. на югъ отъ центра фигура его похожа на пятна предыдущихъ двухъ кургановъ, но она не столь правильна. Основаніе фигуры неправильнаго полуовала обращено къ В. и равно 2 арш. 5 вершк., закругленная вершина къ Зап. высота его 2 арш. 13 вершковъ. Въ разстояніи $\frac{1}{4}$ аршина отъ пятна, въ 1 — ю.-з.-с. сторонѣ начинается второе продолговатое пятно съ закругленными краями (углами). Длина его = 2 арш. 14 верш. шир. въ южн. его части 1 арш. 3 вершка, въ сѣв. части 1 арш. 9 вершковъ.

Оба пятна обкапываются канавой, при чемъ въ зап. сторонѣ перваго найдены позвонокъ и ребро человѣка.

Тутъ же мягкая земля съ костями грызуна. По мѣрѣ углубленія канавы, большое пятно постепенно придвигается къ меньшему. На глубинѣ 3 арш. и 3 вершка отъ вершины кургана и 1 аршин. $9\frac{1}{2}$ вершк. отъ начала пятна оно соединяется съ сѣв. угломъ меньшого и прикращается. Въ стѣнѣ большого пятна, у мѣста соединенія его съ маленькимъ, извлечена *терракотовая плоская тарелочка* при ней оказалось нѣсколько костей пясти ноги человѣка. Дно первого пятна остается во все время и во всѣхъ мѣстахъ въ одинаковомъ разстояніи отъ его верхушки, дно же втораго, находясь на одинаковомъ уровнѣ съ нимъ (т. е. у сѣв. своей стороны) постепенно повышается по направленіи къ Южной и остается здѣсь удаленной отъ вершины на 1 арш. 5 вершковъ.

Разборки 1-го мошлянаго (чернаго) пятна (рис. 54).

1-й слой. 2 бараньи кости: одна въ сѣв. сторонѣ, а другая въ вост. (а), 3 куска древеснаго угля (в).

Двѣ кости крупнаго животнаго (е), кости человѣческой ступни (д).

2-й слой. Два черепка *амфоры* вмѣстѣ (е). Позвонокъ человѣка (г).

3-й слой. Два черепка (г).

4-й слой. Большой черепокъ *амфоры*, подъ нимъ позвонокъ большаго животнаго (h) 2 косточки пальцевъ человѣческой ноги и шейный позвонокъ. (i). Шейной позвонокъ и часть кости ноги. Мѣсто найденной

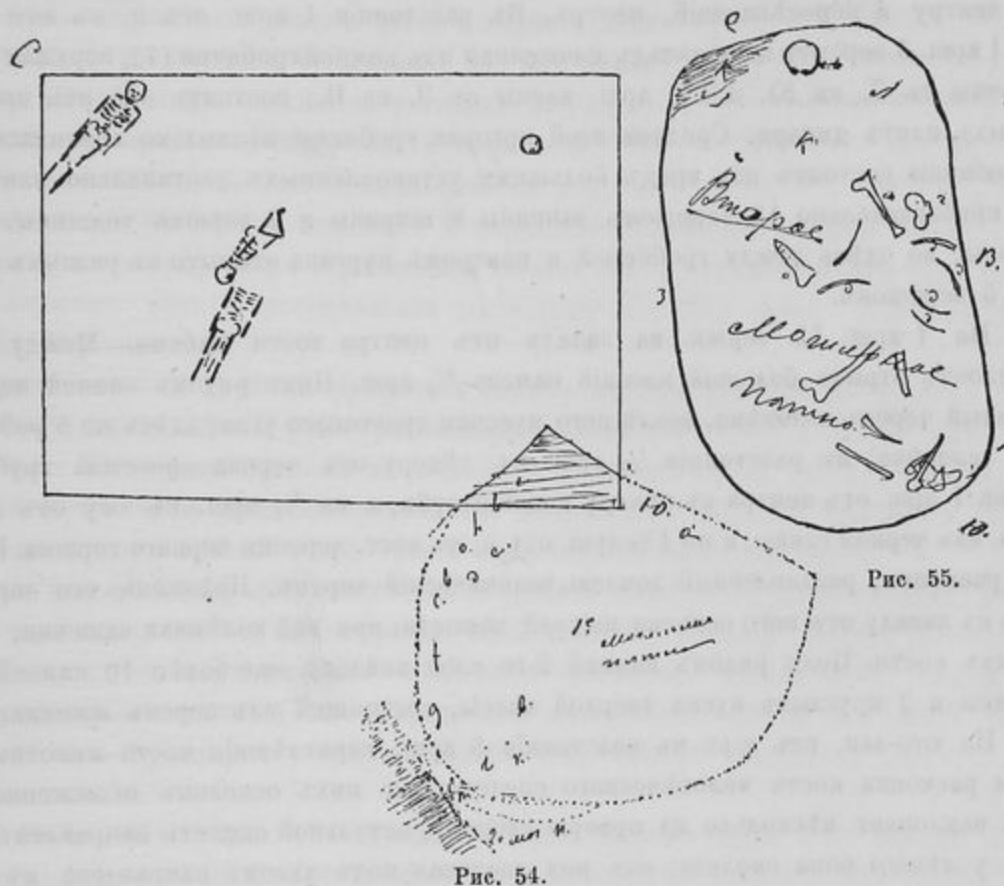

Рис. 55.

Рис. 54.

раньше терракотовой тарелочки (е). Мѣсто раньше найденныхъ костей пястья (m). На днѣ пятна кусочки древеснаго угля и мѣстами обгорѣлая земля.

Разборка втораго мошлянаго пятна (рис. 55). Въ южной части пятна въ первомъ слоѣ (а) тазовая кость и (b) кость ноги крупнаго животнаго.

Во 2-мъ слоѣ подъ костью ноги—лопатка и локтевая кость человѣка. Далѣе къ сѣверу тазовая кость человѣка и ребра человѣка. Въ слѣдующемъ слоѣ черепъ безъ нижней челюсти. Подъ черепомъ шейной позвонокъ. На Ю. отъ него въ разстояніи 1 вершка—другой позвонокъ; кости ногъ и крыльевъ птицы, колѣнная чашечка (л), нижняя челюсть человѣка съ 16 зубами (м), плечевая кость человѣка (13 дюймовъ), (о) лопатка человѣка, подъ нею кости пальцевъ (н), бедренная кость (15 дюйм.); подъ ребромъ (d') *мѣдная пряжка*,—глубже, подъ нижнею челюстью, крестецъ и тазъ человѣка; подъ ребрами—локтевая кость (8 $\frac{1}{2}$ g. gh.), грудная кость и берцовая человѣка.

Курганъ № 9. (См. карту кургановъ).

Послѣдній курганъ изъ длинной цѣпи ихъ, тянущихся по возвышенному правому берегу р. Бѣлозерки, къ СЗ. отъ усадьбы на 200 саж. и на 75 саж. западнѣй сада.

Окружность кургана 54 саж., діаметръ 50 арш. ($16\frac{2}{3}$ саж.).

Расположенъ на цѣлинной толокѣ и служить постояннымъ тырномъ для овецъ. При раскопкѣ присутствовали членъ Географ. Общ. А. А. Русовъ.

Раскопка производится послойно въ видѣ удлиненнаго прямоугольника, длинныя стороны котораго направлены съ сѣв. на югъ и = 11 арш., а короткія съ востока на зап. = 8 аршинъ.

1-й слой. Въ разстояніи 4 арш. 3 верш. къ зап. отъ центра найденъ осколокъ свѣжей кости овцы. Въ разстояніи 3 арш. къ СЗ. отъ центра кусокъ затылочной кости черепа человѣка. Въ разстояніи 3 арш. 6 верш. на ЮЗ. восемь плоскихъ камней (дикарь-известнякъ), сложенныхъ полукругомъ съ В. на З., въ наклонномъ другъ къ другу положеніи, какъ кровельная черепица. Въ разстояніи 2 арш. къ ССВ. плоскій камень въ $\frac{1}{2}$ аршина въ наклонномъ положеніи, верхушкой къ сѣв. Въ разныхъ мѣстахъ больше къ зап. сторонѣ, найдено еще 5 плоскихъ камней, величиною отъ 3 до 5 вершковъ. Въ разныхъ мѣстахъ слоя попадались небольшіе кусочки жженнаго кирпича.

2-й слой. На вост. отъ камня перваго слоя начинается рядъ камней, расположенный по направленію къ центру и пересѣкающій, центръ. Въ разстояніи 1 арш. отъ ц. къ юго западу онъ прекращается. На 1 арш. 5 вер. отъ ц. на западъ сложенная изъ камней гробница (7); верхняя ея часть имѣетъ $1\frac{2}{16}$ арш. ширины съ С. на Ю. и $1\frac{1}{4}$ арш. длины съ З. на В.; состоитъ она изъ правильно и аккуратно сложенныхъ плитъ дикаря. Средина этой крышки гробницы нѣсколько ввалилась внутрь; с., юж. и зап. бока гробницы состоятъ изъ трехъ большихъ установленныхъ вертикально плитъ. Каждая изъ плитъ имѣетъ приблизительно 13 вершковъ вышины и ширины и 2 вершка толщины. Съ вост. стороны нѣтъ стѣны, но здѣсь между гробницей и центромъ кургана открыто въ разныхъ мѣстахъ 10 камней, не болѣе 5 вершковъ.

3-й слой. На 4 арш. 13 вершк. на западъ отъ центра кости кабана. Между рядами камней предыдущихъ слоевъ отрытъ большой плоскій камень $\frac{3}{4}$ арш. Подъ рядомъ камней перваго слоя оказался раздавленный черепъ человѣка, возлѣ него кусочки древеснаго угля; здѣсь же 5 реберъ и нѣсколько костей ступни человѣка; въ разстояніи $\frac{1}{2}$ арш. къ сѣверу отъ черепа *горшечекъ* грубой работы изъ черной глины; на 1 арш. отъ центра къ сѣверу конскій зубъ, а на $\frac{1}{2}$ арш. къ югу отъ ц. раздавленная землею макотра. изъ черной глины; а въ $1\frac{1}{2}$ арш. отъ ц. къ вост. черепки чернаго горшка. Къ вост. отъ ц., у самой стѣны раскопки, раздавленный землею человѣческой черепъ. Положеніе его опредѣлить невозможно. Немного къ западу отъ него остатки нижней челюсти; при ней колѣнная чашечка, кость бедра и 2 больш. борцовыхъ кости. Подъ рядомъ камней 2-го слоя найдено еще болѣе 10 камней, толстый черепокъ бѣлой глины и 2 круглыхъ куска твердой массы, состоящей изъ зеренъ жженнаго кирпича.

4-й слой. На юго-зап. отъ ц-ра въ разстояніи 5 арш. перетлѣвшія кости животныхъ и 2 камня; у южной стѣны раскопки кости человѣческаго скелета при нихъ осколокъ обожженной кости. Скелеть 3-го слоя наклоненъ нѣсколько на правую сторону, остальной скелеть направленъ на ССЗ. Лѣвая плечевая кость у лѣваго бока скелета; отъ нея локтевая подъ угломъ направлена къ Вост. Правая локтевая протянута параллельно скелету. Положеніе остальныхъ костей опредѣлить невозможно. Къ востоку отъ черепа куски разбитаго горшка изъ черной глины. Скелеть усыпанъ кусочками древеснаго угля. Разобрана гробница предыдущихъ слоевъ; земля въ ней изрыта грызунами; кости неполнаго человѣческаго скелета найдены въ безпорядкѣ, какъ показано на рисункѣ.

5-й слой (рис. 56). У самаго центра, нѣсколько къ западу, человѣческой скелеть (18) на спинѣ, черепомъ на ю., ногами на с., руки у боковъ и ноги вытянуты. Съ лѣвой стороны скелета 3 *мѣдныхъ стрѣлы* обыкновеннаго скифскаго типа на ЮВ. отъ мѣста, гдѣ вертикально стоялъ камень въ 4-мъ слое; у южной стѣны гробницы человѣческой черепъ (19) на лѣвомъ боку, лицомъ на ЮВ.; немного южнѣе черепа 3 *мѣдныхъ стрѣлы* одного типа съ предыдущими.

7-й слой. Въ центрѣ кургана кости человѣка, коня и *обложки жельзныхъ удиалъ* лежатъ въ безпорядочной кучѣ.

8-й слой. Въ разстояніи 4-хъ арш. на СВ. отъ ц-ра черепъ и скелеть человѣка направленаго

ногами къ ЮВ., лежитъ на спинѣ; руки протянуты у боковъ, ноги вытянуты, ростомъ 2 ар. 7 вер. У локтя лѣвой руки наконечникъ *копья* изъ чернаго кремня на шеѣ близъ лѣвой скулы маленькая согнутая кольцемъ *узенькая мѣдная пластинка*. У тазовыхъ костей *железные блишки отъ полса*. На груди *железная пряжка*. У ногъ скелета берцовая кость коня. Подъ скелетомъ глиняная смазка и мѣстами подъ черепомъ и спиною остатки изгнившаго дерева.

Подъ 8-мъ слоемъ оказалось материковая глина, въ ней выяснилось три могильныхъ пятна: одно изъ нихъ начинается у центра кургана и тянется по направленію къ ЮВ.—2 ар. длины и 1 ар. 6 вер. ширины, углы слегка закруглены.

Другое начинается немного западнѣе центра и тянется къ Сѣв. длина его 1 ар. 8 вер. ширина 11 вер.; углы его также закруглены. Третье находится къ ЮВ. отъ ц-ра у самой стѣны раскопки и имѣетъ овальную форму длиною $1\frac{1}{4}$ ар. и шириною 1 ар. 3 вер. Въ первомъ пятнѣ, изрытомъ по всѣмъ направленимъ норами грызуновъ мышей и сусликовъ, въ СВ. части торчитъ верхушка *мнянаго чернаго горшка* съ узкимъ дномъ и двумя маленькими круглыми ручками. На глубинѣ $\frac{1}{4}$ аршина, на днѣ пятна, разрушенныя кости человѣческаго скелета въ безпорядкѣ. Раздвоенный черепъ лежитъ на правомъ боку у СВ. стѣны пятна. Отъ него тянется рядъ позвонковъ къ Зап. и оканчивается полуразрушенными костями таза. Къ сѣверу отъ нихъ 2 параллельно лежащихъ кости бедеръ, а за ними въ такомъ же положеніи къ западу кости берцовокъ; у начала болѣе отдаленной отъ таза бедряной кости замѣчены кости пальцевъ руки и направленная къ черепу локтевая кость. Горшокъ отстоитъ отъ нижней челюсти на $2\frac{1}{2}$ вершка.

На днѣ второго пятна на глубинѣ $\frac{1}{2}$ аршина лежитъ скелетъ ребенка на правомъ боку, головой на С, ногами къ Югу. Кости лѣвой руки расположены на лѣвомъ боку и слегка согнуты въ локтѣ подъ угломъ къ Вост. Кости ногъ сложены въ колѣняхъ подъ угломъ къ западу. Всѣ кости ногъ скелета маслянисты и *окрашены въ красный цвѣтъ*. На нѣкоторыхъ мѣстахъ (лобныя и тазовыя кости) покрыты какъ бы порошкомъ краски и при треніи ярко окрашиваютъ предметы.

Въ 3-мъ пятнѣ на глубинѣ $\frac{1}{2}$ арш. два дѣтскихъ скелета въ возрастѣ около 10 лѣтъ. Кости ихъ такъ же маслянисты и окрашены, какъ и кости предыдущаго скелета. Скелеты лежатъ рядомъ бокъ-о-бокъ.

Черепъ направленъ теменемъ къ Вост. наклонены нѣсколько тазами къ С. Кости соприкасающихся рукъ разрушились и положеніе ихъ опредѣлить невозможно. Кости же правой руки—праваго скелета и лѣвой—лѣваго—протянуты у боковъ. Кости ногъ обихъ скелетовъ согнуты подъ угломъ колѣнями къ югу.

Курганъ № 10-й. Въ 100 саж. отъ западнаго берега Бѣлаго озера и въ такомъ же разстояніи отъ большаго кургана „Кибиха“ къ С.-Вост.; поверхность кургана распахана отчего центръ возвышается надъ уровнемъ поля не болѣе $\frac{3}{4}$ аршина. При раскопкѣ участвовалъ членъ Геогр. Общ. А. А. Русовъ. Раскопка началась круглымъ колодцемъ діаметромъ въ 9 арш.

1-й слой не найдено ничего.

2-й слой. Въ 2-хъ арш. разстояніи отъ ц-ра на С. З. показались кости, разборка которыхъ оставлена до слѣдующаго слоя.

3-й слой. На С.-З. отъ ц-ра кургана въ разстояніи 2-хъ аршинъ черепъ на лѣвомъ боку, лицомъ на Ю.-З., затылкомъ на С.-В. На С.-В.; отъ него нѣсколько сохранившихся реберъ, а далѣе, въ томъ же направленіи, большая и малая берцовая кость. Около реберъ нѣсколько къ зап. *черный горшокъ* въ стоячемъ положеніи, игральная кость-бабка. На С. отъ центра въ разстояніи $3\frac{3}{4}$ аршина *низкая плошка* въ стоячемъ положеніи. Отъ нея на Югъ—плохо сохранившійся скелетъ, лежащій на правомъ боку со скорченными ногами, головою на Ю.-В. ногами на С.-З. и лицомъ на С.-В. Лѣвая рука согнута въ локтѣ и кистью лежитъ къ С.-В., плечевая кость ея верхнюю частію удалено нѣсколько отъ черепа.

срѣзки чернаго горшка.

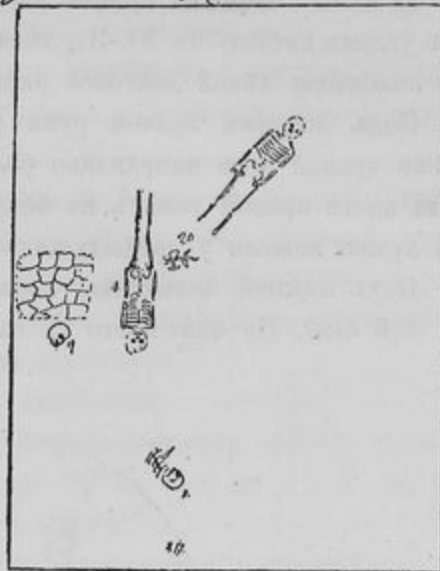

Рис. 56.

4-й слой. На Ю.-В. отъ ц-ра въ $4\frac{3}{4}$ арш. черепъ. неполнаго и плохо сохранившагося скелета головою на Ю.-В., ногами на С.-З. лежитъ на спинѣ, руки у боковъ, кости ногъ вытянуты и неполны.

5-й слой. Нѣсколько къ западу отъ предыдущаго скелета и въ разстояніи 4-хъ аршинъ отъ ц-ра на Ю.-В. черепъ скелета лежащаго на лѣвомъ боку, ногами на С.-З., черепъ на лѣвомъ вискѣ, лицомъ на Ю.-З., верхняя правая плечевая кость протянута у праваго бока, локтевая согнута подъ прямымъ угломъ кистью на Ю.-З., лѣвая плечевая кость протянута подъ скелетомъ, такъ же какъ и правая; положеніе лѣвой локтевой опредѣлить нельзя.

Подъ локтемъ правой руки тазовая кость. Ноги согнуты подъ угломъ въ колѣняхъ при чемъ колѣно правой ноги направлено болѣе къ югу, а лѣвой ноги болѣе къ западу, такимъ образомъ берцовыя кости правой лежатъ на бедрѣ лѣвой—перекрещиваясь съ нею. Кости этого скелета сохранились лучше нежели у предыдущихъ скелетовъ.

Подъ нижней челюстью, параллельно лѣвой плечевой кости, лежитъ на ней *черный горшечекъ*.

6-й слой. По снятіи его на глубинѣ 1 арш. 3 верш. обозначилось среди желтой подпочвы темное

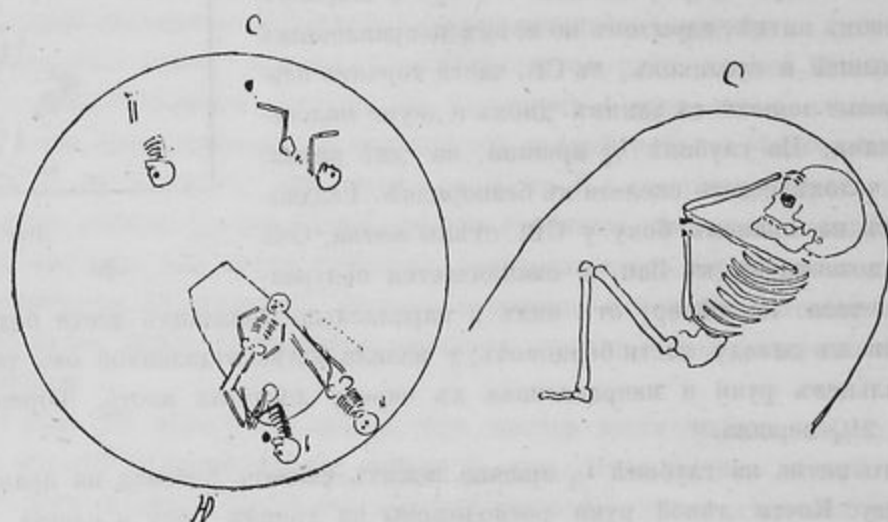

Рис. 57.

могильное пятно продолговатой формы. Болѣе узкая сторона его 13 верш. находится въ центрѣ кургана, наиболѣе широкая 1 арш. 13 вершк. на Ю.-В. отъ центра. Длина пятна по направленію на Ю.-В. отъ ц-ра—3 арш. 2 вершка.

Юго-восточный край его полукруглый, а съ С.-З.—прямолинейный.

На срединѣ с.-в. границы пятна выдѣляется изъ подъ земли черепъ, часть котораго заходитъ за линію пятна.

Пятно окапывается канавой въ 1 аршинъ ширины. Въ *первомъ* же словѣ этой канавы у Ю.-З. границы пятна, ближе къ юго-вост. краю его, заступомъ отрублены рабочими концы ногъ (берцовыхъ костей), оказавшимися принадлежащими скелету, лежащему поперекъ окапываемаго пятна. Тутъ же найдены и кости писти ноги. На глубинѣ 1 арш. 3 вершковъ отъ начала пятна оказалась подъ нимъ материковая земля.

Разборка могильнаго пятна (рис. 57).

Видѣвшійся черепъ принадлежитъ хорошо сохранившемуся скелету, лежащему на спинѣ, почти поперекъ пятна, головою на С.-С.-В. на Ю.-Ю.-З. Руки у боковъ, но локти отставлены нѣсколько въ сторону. Вытянутыя ноги заходятъ за ю.-зап. границу пятна и обрублены, какъ уже сказано, заступомъ рабочаго. Кости скелета *окрашены краснымъ веществомъ*. Черепъ имѣетъ большую область мозжечка, низкій лобъ и широкія выдавшіеся скулы. Почти въ центрѣ 1-го слоя пятна найдена *каменная плитка* изъ дикаря—трехъугольной формы, стороны которой равны 3 вершкамъ.

Въ ю.-в. половинѣ пятна другой скелетъ съ костями сохранившимися хуже. Черепъ и весь скелетъ его лежитъ на правомъ боку и почти упирается теменемъ въ Ю.-В. стѣну могильной ямы, глазами на С.-В. скелетъ головою на Ю.-В., ногами на С.-З. лѣвая рука согнута подъ угломъ и кистью

прикасается ко лбу выше лѣваго глаза; правая согнута подъ угломъ и подпираетъ кистью локоть лѣвой руки; ноги въ согнутомъ положеніи, какъ у скелетовъ 5 и 6. Между костями рукъ на груди скелета дно облитаго сверху *чернаго сосуда*.

На днѣ пятна у ЮЗ. стѣны скелетъ съ полуразрушенными костями, головою на ЮВ., ногами на СЗ. Голова и весь скелетъ лежитъ на лѣвомъ боку, ноги согнуты колѣнями на ЮЗ. Кисть правой руки лежитъ на тазовой кости, лѣвая упирается кистью въ колѣно лѣвой ноги.

Въ СЗ. стѣнѣ канавы, котораго оказывалось могильное пятно, помѣчено новое вертикальное могильное пятно. Основаніе его на $\frac{1}{4}$ ар. выше предыдущаго и изъ подъ него показываются тазовыя кости человѣческаго скелета.

Расчищено сверху соотвѣтственное мѣсто. Направленіе длины его съ С. на Ю. на днѣ оказался скелетъ съ довольно хорошо сохранившимися костями. Лежитъ онъ на лѣвомъ боку, головою на югъ, лицомъ на зап. Руки согнуты, кисти ихъ подъ нижней челюстью; локти почти прикасаются къ колѣнямъ согнутыхъ же ногъ. Колѣно нижней (лѣвой) ноги придвинуто ближе къ туловищу, чѣмъ верхней (правой). Черепъ его имѣетъ узкое лицо. Кости *окрашены краснымъ порошкомъ*.

Курганъ № 11. (См. Планъ Бѣлозерскаго Городища.) 2 июня 1887 года.

Окружность трудно опредѣлить. Черезъ СЗ. часть проходитъ Карабельчанская дорога. Раскопка намѣчена въ формѣ прямоугольника имѣющаго стороны 11 ар. съ С. Ю. и 9 ар. съ В. на Зап. Западный уголъ этой фигуры не раскапывается, чтобы не попортить дороги.

1-й слой. Въ разныхъ мѣстахъ слоя найдено 5 толстыхъ желтыхъ *черепокъ* и 1 черныя.

2-й слой. Въ разныхъ мѣстахъ слоя найдено 32 *черепка* преимущественно изъ толстой желтой глиняной посуды, между ними нѣсколько осколковъ ручекъ *амфоръ*. Найдены плоскій слегка округленный небольшой камень и 2 маленькихъ.

3-й слой. Въ разныхъ мѣстахъ слоя найдены: *ручка греческой вазочки* и 127 *черепковъ посуды* преимущественно изъ желтой глины, черепки различной величины, между ними нѣкоторые до 9 верш. величиною.

Въ разстояніи 4 ар. 2 вер. СВ. отъ ц-ра осколокъ ребра быка (?) и др. кости. Тамъ же створка рѣчной раковины. Въ центрѣ земля значительно мягче, чѣмъ у краевъ.

4-й слой. Въ С. сторонѣ 4 *черепка*.

5-й слой. Въ верхней части слоя въ Ю. сторонѣ 3 *черепка*. Весь слой за исключеніемъ $1\frac{1}{2}$ ар. въ центрѣ состоитъ изъ твердой набитой глины.

6-й слой. За исключеніемъ незначительной части въ центрѣ, гдѣ оказался гнѣздо суслика, весь слой состоитъ изъ чрезвычайно твердой глины. Въ Вост. части найдены 1 *черепокъ*.

7-й слой ничего. Подъ нимъ замѣчены слѣды свѣтлаго могильнаго пятна.

Подъ 8-мъ слоемъ выяснилось могильное пятно, имѣющее форму полуовала съ нѣсколько заостренной вершиной, обращенной на СВС. прямолинейное ровное 2 аршина основаніе обращено на ЮЗ. и высота = $2\frac{2}{16}$ ар. Пятно окапывается канавой въ $1\frac{1}{4}$ ар. ширины. На глубинѣ 7 вер. въ сѣв. части замѣчается удаленіе пятна къ сѣверу (мина). на глубинѣ 13 вер. въ этой части пятна (мина) обнаруживаются осколки тонкихъ костей, напоминающія дѣтскія черепныя кости. На глубинѣ 1 ар. 9 вер., въ этой же минѣ найдена истлѣвшая деревянная палочка въ $1\frac{1}{2}$ вер. длины и небольшой слой березовой коры. На глубинѣ 1 ар. 13 вер. мина расширилась на зап. до половины зап. линіи пятна. Изъ стѣны пятна, въ этомъ мѣстѣ извлечены небольшой кусочекъ разложившагося желѣза. Углубленія канавы въ этомъ мѣстѣ приостановлено. Въ остальныхъ мѣстахъ она углублялась до 1 ар. 14 вер. На этой глубинѣ подъ пятномъ оказалась материковая земля.

Въ вост. части пятна замѣчена вторая мина меньшихъ размѣровъ. Первая удалена отъ пятна на $1\frac{2}{16}$ ар., вторая на $\frac{1}{2}$ ар., образовавъ такимъ образомъ углубленіе на подобіе мины, соединяющей сѣверною съ восточною.

Разборка могильнаго пятна (рис. 58).

Въ третьемъ слоѣ пятна оказались въ западномъ углу слѣд. кости: недалеко отъ СЗ. стѣны кости человѣческой плюсны (1); на ЮВ. въ полуаршинѣ большая берцовая кость человѣка (2). Нѣсколько на вост. отъ нея 3 конскихъ зуба (3). Въ Ю углу недалеко отъ ЮВ. стѣны пятна плечевая

кость человека (4). Въ остальныхъ слояхъ до самого основанія пятна ничего не найдено. На днѣ оказались слѣдующія кости: приблизительно подъ плечевою костью, найденною въ 3-мъ слое пятна группа человеческихъ костей въ безпорядкѣ, состоящая изъ испорченнаго черепа (5), нѣсколькихъ реберъ, (6), пальцевъ руки (7), ледра (8), локтевой кости (9). Вторая такая же группа костей прихо-

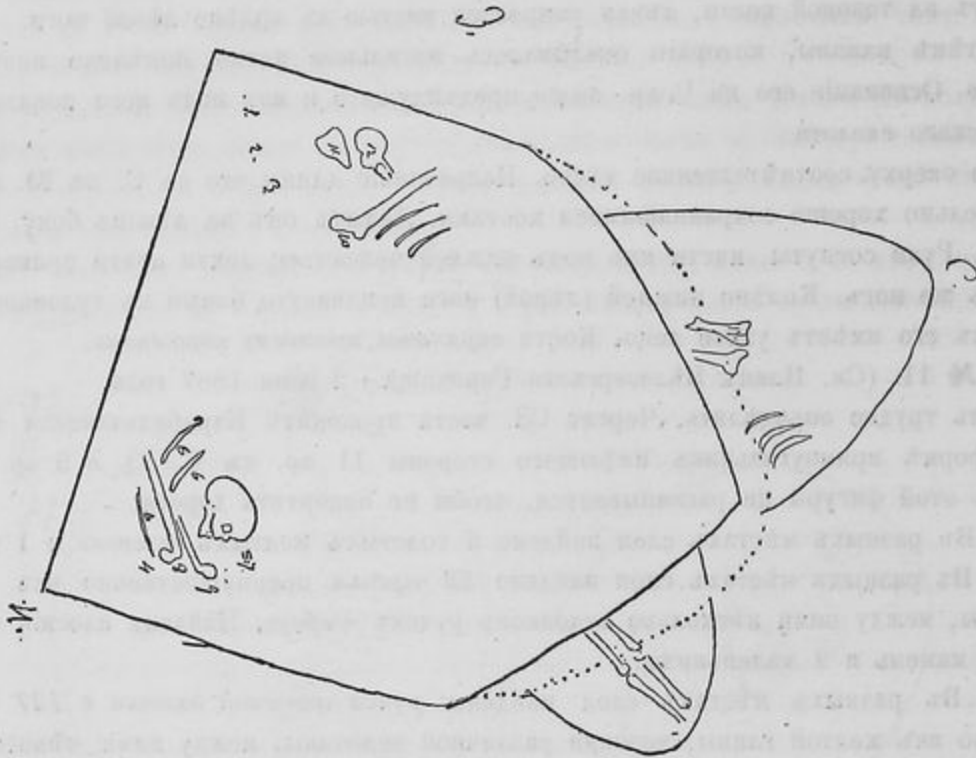

Рис. 58.

дится приблизительно подъ остальными костями третьяго слоя и состоитъ изъ человеческого бедра (10), крестца (11), тазовой кости (12), нѣсколькихъ реберъ (13), оказавшихся подъ ними нѣсколькихъ позвонковъ и другихъ костей человека въ полнѣйшемъ безпорядкѣ. Въ сѣв. части пятна и на днѣ сѣв. мины лопатка молодого быка (14), часть ноги и ребра быка. На днѣ вост. канавы найдены 2 большихъ берцовыхъ кости и 2 малыхъ берцовыхъ костей, лежащихъ параллельно, а за ними ступни человеческихъ ногъ.

Если предположить эти кости частью разобраннаго до меня человеческого скелета, то онъ долженъ былъ имѣть направленіе съ ЮЗЗ на ВСВ; кромѣ этихъ костей здѣсь же найдена *мѣдная стрѣла*.

Курганъ № 12. (См. планъ Бѣлоз. город.). Начало раскопки 2, конецъ—4 іюля.

Окружность 28 сажень, діаметръ 11 сажень.

Раскопка производится въ формѣ четырехугольника, длинныя стороны котораго направлены отъ В. на З., равны 11 арш., а меньшія съ С. на Ю.=9 арш.

1-й слой. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ слоя найдено нѣсколько *черепковъ желтой толстой глиняной посуды*.

2-й слой. То же, между ними дно *амфоры* (?).

Въ разстояніи 3 арш. 5 вершковъ къ В. отъ центра часть челюсти лошади съ зубами.

3-й слой. Подъ частью челюсти лошади изъ 2-го слоя найдены еще зубы лошади.

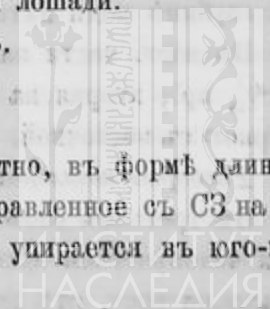
4-й слой. Въ томъ же направленіи окрашенный въ бѣлый цвѣтъ *черепокъ*.

5-й слой. Въ разныхъ мѣстахъ слоя 2 *черенка* изъ желтой глины.

6-й слой. Ничего не найдено.

По окончаніи 6-го слоя въ вост. углу раскопки замѣчено могильное пятно, въ формѣ длиннаго прямоугольника, въ 3 арш. 9 верш. длины и 1 арш. 9 вершковъ ширины, направленное съ СЗ на ЮВ.

Пятно обкапывается канавой со всѣхъ сторонъ, исключая ЮВ, которая упирается въ юго-вост. стѣну раскопки.

На глубинѣ 2 арш. 3 вершковъ пятно прекратилось.

Разборка пятна (рис. 59). На днѣ могильной ямы въ сѣверо-зап. ея части 9 большихъ камней, величиною отъ $\frac{3}{4}$ арш. до $1\frac{1}{4}$ арш. Большинство ихъ обтесанные въ видѣ толстыхъ плитъ неправильной формы, другіе—толстыя плиты дикаря-известняка. Камни достигаютъ 6 вершковъ толщины; всѣ они, исключая двухъ, стоятъ вертикально или на собственномъ основаніи, или облакотившись на сосѣдніе.

Въ юго-вост. сторонѣ пятна, ближе къ срединѣ, также на днѣ его, — 2 осколка перержавленнаго желѣза въ разстояніи $\frac{1}{4}$ арш. одинъ отъ другого.

Въ юго-зап. сторонѣ въ стѣнѣ могильнаго пятна, въ нижней части, замѣчена рыхлая глиняная въ видѣ пятна неправильной формы въ 2 квадр. арш. Предположивъ мину, я приступилъ къ выбору

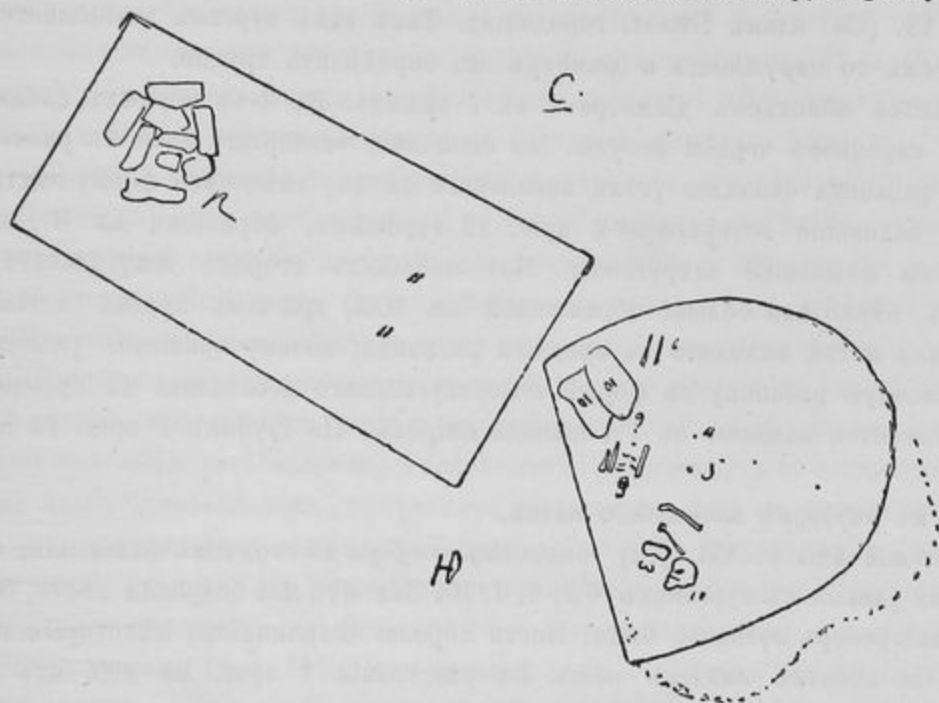

Рис. 59.

рыхлой земли. Дно предполагаемой мины оказывается на 5 вершковъ ниже дна предыдущей могильной ямы. По мѣрѣ углубленія внутрь мины стѣны ея удаляются вправо и влево. Въ началѣ разборки земли мины найдены 2 каменные плиты около 1 аршина длины каждая, за ними пепель. У лѣвой стѣны кости ногъ, при нихъ истлѣвшіе остатки *железнаго ножа*, въ средней части (могилы) мины половина большой глиняной продолговатой *пряслицы*, 2 *бусы*: одна гладкая синяя, другая съ рисунками въ видѣ бѣлыхъ кружковъ съ темнымъ пятномъ въ срединѣ и кусочки обугленныхъ костей; съ правой стороны человѣческая лопатка, плечевая кость и кость запястья. Все это на разстояніи $1\frac{1}{2}$ арш. отъ начала мины. Продолжается разборка мины, при чемъ замѣчается постепенное расширеніе ея. Въ срединѣ открытъ позвоночникъ человѣка, нѣсколько правѣ плечевая кость человѣка въ положеніи параллельномъ раскопанной раньше. Между ними нѣсколько реберъ и позвонковъ; еще правѣ нѣсколько обломковъ костей, опредѣлить которые за ветхостью невозможно. Подъ всѣми костями слой голубовато-сѣрой истлѣвшей массы съ *следами ткани*, какъ бы волосяной. Изслѣдуя мину вверхъ при помощи желѣзнаго щупа, я пришелъ къ убѣжденію, что имѣю дѣло не съ миной, а со вторымъ могильнымъ пятномъ, сосѣднимъ съ первымъ. Поэтому приступаю къ расчисткѣ соответствующаго пространства сверху и къ нахожденію очертанія новаго пятна (мина раскопана на $2\frac{1}{2}$ арш. въ ширину и 2 арш. въ длину). Для новой работы занято пространство въ 4 квадр. аршина.

1-й слой. Черепокъ черной глины.

2-й слой. Ничего.

3-й слой. Твердый глинистый грунтъ.

4-й слой. Чрезвычайно твердая глина, какъ бы смазанная.

5-й слой. Ясно обозначается пятно въ формѣ половины овала. Прямолинейное основаніе его = 2

арш. $2\frac{1}{2}$ вершкамъ обращено къ З., а закругленная вершина къ С. Высота фигуры пятна $2\frac{3}{16}$ арш. Лѣвая сторона основанія пятна соприкасается угломъ къ юго-вост, сторонѣ перваго пятна. Пятно обкапывается канавой. До пятаго слоя могильное пятно сохраняетъ почти ту же форму. Съ пятаго слоя съ ЮВ стороны пятно начинаетъ отодвигаться и обнаруживается въ этомъ направленіи мину, которая, по мѣрѣ углубленія, отодвигается и, наконецъ, раздваивается на двѣ мины, изъ которыхъ южная къ концу работы оказывается отошедшей на 10 вершковъ, а восточная на 13 верш. отъ первоначальной стѣны пятна. При разборкѣ насыпи пятна (могильной ямы) въ ней до самого основанія ничего не найдено. На днѣ пятна оказались: человѣческій черепъ, 2 бедра, колѣнная чашечка и спинной позвонокъ, расположенные, какъ показано на рисункѣ.

Курганъ № 13. (См. планъ Бѣлоз. городища). Такъ какъ курганъ возвышается очень незначительно надъ уровнемъ то окружность и діаметръ его опредѣлить трудно.

Раскопка ведется колодцемъ діаметромъ въ 7 аршинъ. Въ 4-хъ первыхъ слояхъ ничего не найдено кромѣ двухъ черепковъ черной посуды. По окончаніи четвертаго слоя въ разстояніи 1 арш. 9 в. ЮЗЮ отъ центра раскопки оказался уголь могильнаго пятна, имѣющаго форму почти равносторонняго трехъ угольника, основаніе котораго = 2 арш. 12 вершкамъ, обращено на З., а высота съ З. на В. = $1\frac{1}{2}$ арш. Углы нѣсколько закруглены. Изъ меньшихъ сторонъ 3-угольнаго пятна, сторона, обращенная къ СВ, нѣсколько больше обращенной къ ЮВ, при чемъ первая слегка изогнута внутрь пятна. Южный уголь пятна выходитъ за предѣлы раскопки, почему пришлось рассчитать эту сторону и произвести добавочную раскопку въ формѣ четырехугольнаго добавленія къ прежней и до ея уровня.

Пятно обкапывается канавою въ $1\frac{1}{2}$ аршина ширины. На глубинѣ 1 арш. 13 вершк. пятно прекратилось.

Приступлено къ разборкѣ могильнаго пятна.

На днѣ могильной ямы въ СЗ. углу оказалась *амфора* въ стоячемъ положеніи, совершенно такая же, какъ найденная раньше въ курганахъ № 3, 6, 7. На Зап. отъ нея бедреная кость, большая берцовая, лопатка и нѣсколько реберъ молодого быка. Кости хорошо сохранились; нѣкоторыя изъ нихъ мѣстами сильно обуглены. На лопаткѣ найденъ *ножь*. Въ разстояніи 1 арш. на югъ отъ амфоры изящная *терракотовая вазочка*. Подъ донышкомъ вазочки бѣлое истлѣвшее шелковистое вещество, напоминающее горный ленъ; въ разстояніи 12 вершковъ къ югу отъ костей быка—черепъ скелета человѣка, положеннаго головой на СЗ., ногами на ЮВ. между черепомъ и костями быка найдено *глиняное грузило*. Ростъ скелета 2 арш. $3\frac{1}{2}$ вершка; руки протянуты у боковъ, ноги вытянуты. На пальцѣ лѣвой руки раздавленный *мѣдный перстень*. Подъ черепомъ, съ лѣвой стороны, разрушенная тонкая *мѣдная серьга* въ формѣ кольца.

На правой рукѣ не далеко отъ кисти сохранились остатки истлѣвшаго *железнаго браслета*. Кости ступней скелета заходятъ за предѣлы линіи могильнаго пятна въ оказавшуюся здѣсь мину. Мина эта замѣчена при обкапываніи пятна, именно при послѣднихъ трехъ слояхъ канавы; ширина ея точно не опредѣлена, длина же равна $\frac{3}{4}$ арш.

Курганъ № 14-й. Онъ расположенъ въ цѣпи кургановъ по новому берегу р. Бѣлозерки, гдѣ и курганъ № 11, и отстоитъ отъ него почти на $\frac{3}{4}$ версты на ЮЮЗ. и въ 60 саж. на Ю. отъ Высокой могилы, гдѣ былъ телеграфъ въ 1854—6 году.

Въ ноябрѣ 1884 года, кладоискатели изъ крестьянъ м. Бѣлозерки прислали ко мнѣ одного изъ своей среды объявить, что они разрыли курганъ и нашли въ немъ скелетъ покрытый „шерстью“. Я отправился немедленно на мѣсто раскопки и увидалъ слѣдующее:

Раскопка производилась на крестьянскомъ надѣлѣ въ разстояніи около 100 сажень на СЗ. отъ кладбища м. Бѣлозерки. По словамъ кладоискателей, до раскопки на этомъ мѣстѣ возвышался еле замѣтный курганчикъ, обратившій на себя ихъ вниманіе тѣмъ, что во время оранки плугъ наткался здѣсь на большой камень.

Принявшись за работу еще въ прошлую осень, они сначала извлекли этотъ камень, имѣвшій по ихъ словамъ около $1\frac{1}{2}$ арш. длины, они замѣтили еще другой камень, еще большій, лежавшій ниже этого, а за нимъ третій около аршина длины. За этимъ камнемъ оказалась темная рыхлая земля, извлекаемая которую, они замѣтили, что она окружена плотно материковой глинною. На стѣнахъ, образовавшейся

послѣ продолжительной работы могильной ямы, они нашли 4 крестика съ цвѣтными камнями. Трудно было добиться отъ нихъ обстоятельнаго разсказа о мѣстѣ находки этихъ крестиковъ; не легче было имѣ разыскать и пріобрѣсть 2 изъ нихъ; остальные переходили изъ рукъ въ руки и окончательно затерялись. Оказалось что эти крестообразныя серебряныя украшенія (рис. 46), по всей вѣроятности, отъ кожаной сбруи. Это доказываютъ шпильки на 4 оконечностяхъ крестовъ со слѣдами заклепокъ, которыми они держались на кожѣ. Поперечникъ каждаго креста $1\frac{3}{4}$ вершка. Всѣ 4 оконечности креста полукруглыя съ слегка заостренной верхушкой и съ полукруглыми отверстіями, въ которыхъ вставлены въ золотыхъ ободкахъ пластинка цвѣтной слюды или стекла. Средняя часть запята шлифовальнымъ круглымъ рубиномъ, окаймленнымъ ободкомъ изъ ряда золотыхъ шариковъ. Кромѣ этихъ крестообразныхъ украшеній, они тогда же нашли другія такъ же серебряныя украшенія пояса или сбруи тоже со шпильками и слѣдами заклепокъ, различныхъ формъ и размѣровъ (рис. 47 и 48). Многія съ украшеніями изъ кусочковъ стекла или слюды, окаймленныхъ золотымъ ободкомъ. Серебро, изъ которыхъ сдѣланы эти украшенія весьма плохого качества съ большою примѣсью мѣди.

Наступившая непогода заставила кладоискателей прекратить эту раскопку и засыпать ее. Возобновивъ теперь прежнюю яму, они наткнулись на черепъ и кости человѣческаго скелета. Разсмотрѣвъ собранныя для меня въ кучу кости, я замѣтилъ на костяхъ рукъ и нѣкоторыхъ костяхъ черепа слой истлѣвшей звѣриной шкуры. Всѣ кости были изломаны, а въ кучѣ я замѣтилъ кости ногъ коня и куски черепа его. На шейныхъ позвонкахъ и около нихъ кладоискатели нашли 22 небольшихъ сердоликовыхъ бусы. На основаніи объясненія кладоискателей о расположеніи въ землѣ найденныхъ костей, я пришелъ къ убѣжденію, что скелетъ лежалъ на спинѣ головой на В., ногами на З.; но гдѣ были найдены кости коня они объяснить немогли. Расположеніе рукъ скелета не выяснено. Такъ какъ между кучей костей я не нашелъ костей ногъ, то принялся разыскивать ихъ въ петронутой землѣ и сейчасъ же наткнулся на концы параллельно лежащихъ берцовыхъ костей, направленныхъ на западъ; за этими костями слѣдовали кости ступней. На нижней части правой берцовой кости я замѣтилъ зеленую окраску и тутъ же 4 серебряныя пластинки отъ браслета съ золотыми накладками изъ тонкихъ пластинокъ съ выпуклыми точными рисунками (рис. 45). Судя по шпилькамъ и слѣдамъ заклепокъ на этихъ четырехъ пластинкахъ, нужно думать, что онѣ были прикрѣплены къ ремню. Берцовыя кости покрыты также слоемъ истлѣвшей звѣриной шкуры съ ясными остатками истлѣвшаго волоса. Позднѣе мнѣ удалось разыскать и пріобрѣсть нѣкоторые изъ найденныхъ раньше предметовъ, найденныхъ въ этомъ курганѣ.

Курганъ 15. 21 и 22 августа 1887 г. Расположенъ въ 50 саж. отъ кург. 16 на сѣверъ.

Окружность его 28 саж. діаметръ $11\frac{1}{2}$ саж. Сильно распаханъ. Раскопка производится въ формѣ прямоугольника, длинныя стороны котораго 11 ар. обращены съ С. на Ю., а короткія—8 ар. съ В. на З.

1-й слой. Въ южной сторонѣ раскопки, у самой стѣны, почти въ срединѣ линіи ея, два толстыхъ минеральныхъ черепка возлѣ нихъ толстый камень-дикарь въ 6 вер. Въ разстояніи 3 ар. 13 вер. отъ центра на ЮЗ., изъ подъ слоя торчатъ вертикально камень дикарь въ 5 вер. Между нимъ и центромъ разрушенные остатки дѣтскаго скелета положеніе и величину котораго опредѣлить невозможно.

2-й слой. Въ разстояніи 3-хъ ар. 8 вер. на югъ отъ центра колѣнная чашечка человѣка и разрушенныя кости ногъ его въ безпорядкѣ. Къ востоку отъ нихъ остальные кости того же скелета.

Какъ черепъ, такъ и остальные кости разрушены и не поддаются изслѣдованію, скелетъ несомнѣнно расположенъ головой на вост., ногами на зап., а черепъ лежитъ на правой сторонѣ. На СВ. отъ черепа сосудъ грубой работы съ закругленнымъ дномъ, вышины въ $2\frac{1}{2}$ вершка.

3-й слой. Въ разстояніи $1\frac{1}{4}$ ар. отъ центра на сѣв. каменная плитка дикаря въ $\frac{1}{2}$ ар. длины немного сѣвернѣе отъ нея другая въ $\frac{3}{4}$ ар. Отъ самаго центра кургана къ СЗ. третья плитка въ 1 ар. длины четвертая небольшая въ 7 вершковъ стоитъ вертикально, нѣсколько наклонно къ къ С; въ разстояніи $\frac{1}{2}$ ар. отъ центра къ СВ. пятая плитка величиною въ 10 вер. стоитъ также вертикально, съ наклономъ къ югу—въ разстояніи 1 ар. къ В. отъ центра. Въ центрѣ кургана кости передней ноги и нѣсколько позвонковъ овцы.

4-й слой. У краевъ раскопки и угловъ ея земля становится очень твердой; приближаясь къ центру она рыхлѣе и у центра очень рыхла.

Подъ 4-мъ слоемъ въ центрѣ кургана оказалось могильное пятно въ 2 ар. 13 вер. длины и 1 ар. ширины, направленное съ ВЮВ. на ЗСЗ. Къ сѣверу отъ него, рядомъ съ нимъ, въ томъ же направленіи другое пятно въ 1 ар. 7 вер. длины и 1 ар. ширины. Разстояніе между пятнами $\frac{1}{2}$ ар. Оба пятна обкапываются канавой; прекращаются они на глубинѣ 7 вер. На днѣ меньшаго пятна замѣчено 2 раздавленныхъ дѣтскихъ черепа и разбросанные по всюду полуразрушенныя дѣтскія кости въ безпорядкѣ и разбитый *сосудъ* съ закругленнымъ дномъ. Одинъ черепъ расположенъ въ СЗ., а другой въ ЮВ. сторонѣ могилы, а макотро въ серединѣ ея.

Въ большомъ пятнѣ скелетъ такъ же разрушенный, съ раздавленнымъ черепомъ, лежитъ на спинѣ. Кости рукъ протянуты у боковъ, ноги вытянуты. Съ правой стороны грудныхъ костей грубой работы *черный горшокъ*, совершенно раздавленный. Скелетъ головою на В., ногами на З.

Курганъ 16. 22—23 августа 1887 года. Въ разстояніи 38 шаговъ на югъ отъ кургана № 17 и 14 къ сѣв. отъ раскопаннаго кладонскателями № 14. Возвышеніе его надъ уровнемъ остальной почвы еле замѣтно. Онъ обращаетъ на себя вниманіе только потому, что занимаемое имъ мѣсто не распаивается и обходится плугомъ вслѣдствіе густо разбросаннаго здѣсь щебня; расположенный среди поля онъ имѣетъ видъ овальной площадки въ 8 саж. 1 ар. длины съ СВ., ЮЗ, и 6 саж. ширины съ ЮВ. къ СЗ; окружность площадки=33 саж.

1-й слой. Вся площадка раскапывается на толщину 1 штиха заступа, при чемъ у краевъ раскопки замѣчается больше камней и они большей величины; ближе къ центру попадаетъ преимущественно щебень.

2-й слой. Кромѣ изрѣдка попадающихся камней и щебня, ничего не найдено.

По окончаніи слоя, въ центрѣ раскопки намѣченъ правильный четырехугольникъ въ 12 ар. длины съ СВ. на ЮЗ. и 9 ар. ширины съ ЮВ. на СЗ; раскопка продолжается въ этихъ предѣлахъ.

3-й слой. Ничего не найдено.

4-й слой. Въ разстояніи 1 ар. 8 вер. замѣченъ человѣческой черепъ. Вокругъ черепа обнаружилось темное могильное пятно въ 1 ар. длины съ Вост. на Зап. и 15 вер. ширины съ С. на Ю.

Пятно обкапывается канавою.

На глубинѣ 6 вершковъ оно прекращается. Въ верхней части пятна въ разныхъ мѣстахъ замѣчены *зерна яркой красной краски*. Скелетъ лежитъ на днѣ пятна на спинѣ; черепъ лежитъ правой стороной на костяхъ праваго плеча. Кости черепа слегка *окрашены краснымъ веществомъ*. Скелетъ направленъ черепомъ на ВЮВ. Кости рукъ протянуты у боковъ, кости ногъ согнуты въ колѣняхъ и направлены колѣнями къ С.; при немъ ничего не найдено. Кости плохо сохранились.

5-й слой. Въ разстояніи 4 ар. 2 вер. къ С. отъ центра замѣчено могильное пятно, въ $1\frac{1}{4}$ ар. длины съ В. на Зап. и 14 вер. ширины С. на Ю. Пятно обкапывается канавой и прекратилось на глубинѣ $2\frac{1}{4}$ вер. (работчіе утверждаютъ, что замѣтили его еще въ предыдущемъ слоѣ, почему настоящая глубина пятна не выяснена). На днѣ плохо сохранившійся скелетъ, лежащій на спинѣ и направленный черепомъ на ЮВВ.; черепъ лежитъ на лѣвой сторонѣ; кости ногъ согнуты подъ угломъ, колѣнями на ЮЗ. Руки протянуты у боковъ.

6-й слой. Въ разстояніи 3 ар. 4 вер. къ В. человѣческой черепъ. Могильное пятно еле замѣтно. Черепъ и весь скелетъ расположены на правомъ боку; кости полуразрушены. Скелетъ лежитъ головою на С; туловищемъ на Ю. положеніе рукъ опредѣлить нельзя; кости ногъ согнуты въ колѣняхъ подъ угломъ, колѣнями на СВ. ростъ скелета 2 ар. $4\frac{1}{2}$ вер. У костей ступней глиняный *черный горшокъ* съ закругленнымъ дномъ. Въ разстояніи 5 ар. 10 вер. отъ центра къ СВ. плоскій камень въ $\frac{1}{2}$ ар. (4); между нимъ и скелетомъ этого слоя второй камень въ 5 вер. длины и ширины лежитъ плашмя.

7-й слой. За первымъ камнемъ замѣченъ третій большой, направленный отъ него къ стѣнѣ и теряющейся за нею; длина его 1 ар. 1 вер. Открытіе этого камня въ связи съ замѣченной въ этомъ мѣстѣ мягкой землею, въ противоположность съ остальнымъ пространствомъ раскопки, гдѣ повсюду замѣчается материковая земля, подало мысль измѣнить планъ раскопки. Большой камень принимается за центръ прямоугольника со сторонами въ 7 ар. (квадратъ).

Производимое такимъ образомъ размѣреніе раскопки по направленію къ СВ. ведется по слою.

1-й слой. Ничего и 2-й тоже.

3-й слой. Въ разстояніи $\frac{1}{2}$ ар. отъ камня къ СВ. лопатка быка, а у СЗ. стѣны кости ноги быка. Въ остальныхъ слояхъ ничего не найдено. Большой камень имѣеть $1\frac{1}{2}$ ар. длины; наибольшая его толщина 4 вер.

8-й слой. Съ СЗ. стороны камня земля очень рыхла; съ СВ. и ЮЗ. твердѣе, а съ Юго-Вост. очень тверда.

9-й слой. Ничего. У сѣверной стѣны добавочной раскопки 2 человѣческихъ скелета рядомъ; оба на спинѣ немного наклонены влѣво; головами на В; туловища обоихъ скелетовъ направлены съ В. на З.; скелеты лежатъ вплотную одинъ за другимъ. Кисть лѣвой руки, задняго скелета соединена съ кистью правой руки передняго. Расположеніе кистей этихъ рукъ не удалось выяснитъ. Кости ногъ обоихъ скелетовъ направлены колѣнями на Ю. Черепъ лѣвого скелета направленъ лицомъ въ верхъ и повороченъ теменемъ къ черепу задняго, праваго скелета, который наклоненъ влѣво и почти прикасается лбомъ къ темени его. Черепъ задняго плохо сохранился и разбитъ, а черепъ передняго удалось сохранить. Онъ замѣчательнъ сильно развитыми надбровными дугами.

Эти скелеты лежатъ на глубинѣ 31 аршинъ отъ поверхности земли и окружены плотной желтой глиной.

11 слой. Весь состоитъ изъ материковой глины. Изъ СЗ. стѣны раскопки, по окончаніи слоя, показалось человѣческая кость. Раскопка, направленная въ эту сторону, обнаружила скелетъ съ совершенно разрушенными губкообразными костями.

Суди по расположенію реберъ и позвонковъ видно, что скелетъ былъ положенъ на спинѣ головой на СВ., ногами на ЮЗ. Черепъ лежитъ у праваго плеча скелета затылкомъ вверхъ, лицомъ внизъ и совершенно разрушенъ. Ребра, позвонки, грудная кость, крестецъ, тазъ лежатъ на своихъ мѣстахъ, какъ у скелета, положеннаго на спинѣ. Костей рукъ при нихъ нѣтъ. Кости ногъ начинаются съ 4-хъ вершковъ отъ таза; онѣ сложены слѣдующимъ образомъ: кости бедеръ и берцовыя кости сходятся колѣнями кверху въ одну точку и расходятся противоположными сторонами въ стороны и книзу; костей ступни правой ноги недостаетъ.

Въ разстояніи $\frac{1}{4}$ арш. на СВ. отъ черепа *красный порошокъ* и комочки красной краски, перемѣшанной съ истлѣвшей шерстью.

Въ продолженіе всей раскопки, начиная съ 7-го слоя, грунтъ былъ однообразный, желтый, глинистый.

Курганъ № 17. Въ саду Бѣлозерской экономіи, раскопанъ 11—12 марта 1888 года.

Одинъ изъ садовыхъ рабочихъ сообщилъ мнѣ, что во время прошлогодней осенней посадки деревьевъ въ Бѣлозерскомъ саду, копая яму для посадки дерева, онъ наткнулся на большой камень и, не потревоживъ его, произвелъ посадку дерева.

Это обстоятельство заставило меня приняться за раскопку въ этомъ мѣстѣ.

Мѣстность ни чѣмъ не отличается отъ окружающей. Это небольшой склонъ къ СВ. и рѣкѣ Бѣлозеркѣ. Мѣстность не носитъ на себѣ никакихъ бугровъ и кургановъ (вѣроятно, благодаря постоянной садовой культурѣ въ продолженіе 50 лѣтъ). Раскопка отстоитъ на 80 саж. отъ рѣки и не далеко отъ южной канавы сада.

Окрестныя мѣста давно уже интересовали меня въ археологическомъ отношеніи присутствіемъ небольшихъ каменныхъ насыпей недалеко отъ берега рѣки и нѣсколькими находками каменныхъ орудій: *каменнаго молотка* изъ діорита (рис. 23) *большаго каменнаго молотка* изъ мѣстнаго камня (известняка), складнаго изъ двухъ частей съ отверстіемъ для рукоятки и углубленіями для увязыванія ихъ ремнями (рис. 26) и *каменнаго кельта* также изъ мѣстнаго камня известняка.

Въ виду тѣсноты между растущими здѣсь деревьями, раскопка заложена въ формѣ круглаго колодца, съ діаметромъ въ 4 аршина. Центромъ круга служитъ центръ ямки, въ которую было посажено дерево.

На глубинѣ 1 арш. 2 вершковъ показалось верхушка камня, а послѣ расчистки окружающей его земли, ясно обозначилась СВ и ЮВ. границъ могильнаго пятна, образующія въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ арш. на ВСВ отъ ц—ра прямой уголъ теряются за стѣнами раскопки. Съ цѣлью отыскать всѣ границы пятна, раскопка расширяется по направленію къ ЮЗ и ЮВ.

Въ результатѣ получилось могильное пятно, направленное съ СВ на ЮЗ въ формѣ прямоугольника, съ длиною въ $4\frac{1}{4}$ арш. и шириною 4 арш. 2 вершка.

Пятно обкапывается канавой и на глубинѣ $\frac{1}{2}$ арш. прекращается.

Разборка пятна. Замѣченный въ началѣ камень (а) имѣетъ $\frac{3}{4}$ аршина длины, онъ упирается о дно пятна и нѣсколько наклоненъ къ ЮЗ. На СВ отъ него на днѣ пятна найдены 4 небольшихъ камня (b); расположенныхъ какъ показано на рисункѣ.

Въ разстояніи $\frac{1}{2}$ арш. на юго-вост. отъ большого камня бедро и голень задней ноги быка, далѣе, въ томъ же направленіи, небольшой камень и, наконецъ, почти у самой южной стѣны—еще два небольшихъ камня и бычачье ребро.

Нѣсколько къ западу отъ большого камня на днѣ же могильнаго пятна, начинается тщательно уложенная настилка изъ большихъ и малыхъ черепковъ амфоръ и другой толстостѣнной глиняной по-

Рис. 60.

суды, которая тянется по срединѣ пятна, кончаясь почти у южной линіи его, полосой мѣстами въ $1\frac{1}{2}$ арш., а мѣстами въ $2\frac{1}{4}$ арш.

Между большимъ камнемъ и костями ногъ быка найдено нѣсколько древесныхъ углей. Въ срединѣ западной линіи пятна дно его сильно обожжено и усыяно множествомъ мелкихъ угольковъ на пространствѣ двухъ квадр. арш.

Здѣсь же замѣчена сложенная изъ камня печь (рис 60), имѣющая овальную форму въ 2 арш. длины и $1\frac{3}{4}$ ширины. Она имѣется почти вдоль западной границы пятна, выступаетъ на $\frac{1}{2}$ арш. внутрь пятна, а остальной частью за его предѣлы. Она состоитъ изъ колонныхъ не обтесанныхъ плитокъ мѣстнаго известняка, сложенныхъ плашмя въ перемежку съ глиной. Внутренняя часть печи также овальной формы имѣетъ $1\frac{1}{4}$ арш. длины (Д) и $\frac{3}{4}$ аршина ширины (HE) и соединяется съ внутреннею частью могильнаго пятна при помощи отверстія составляющаго челюсти печи (СВ), составленныхъ 4-мя вертикально поставленными плитами мѣстнаго известняка.

Стѣна НД., входящая въ пятно, имѣетъ $\frac{1}{2}$ арш. вышины и 6 вершковъ ширины, стѣна же ЕГ, заходящая за пятно, $\frac{3}{4}$ арш. вышины и $\frac{1}{2}$ арш. ширины.

Всѣ стѣны печи къ основанію расширяются до $\frac{3}{4}$ арш. Внутренность ея выложена камнемъ и усыпана углемъ. Всѣ составляющіе печь камни сильно обожжены; нѣкоторые — докрасна. Земля подъ печью на глубинѣ $1\frac{1}{12}$ вершка обожжена.

Курганъ № 18. Въ открытой степи на дѣвственной цѣлинѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ усадьбы къ Сѣв. за рѣкой Бѣлозеркой, расположено на высокомъ водораздѣлѣ между двумя глубокими балками, впадающими въ р. Бѣлозерку, одинъ изъ группы множества еле замѣтныхъ кургановъ и 2 большихъ средней величины.

Окружность его 35 саж., діаметръ черезъ вершину $10\frac{1}{2}$ саж.

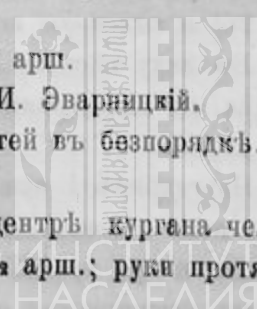
Раскопка начата траншеей съ СЗ. на ЮВ.; длина ея 16 арш., ширина 8 арш.

Въ раскопкѣ принимаетъ непосредственное участіе и руководитъ ею Д. И. Эварницкій.

1-й слой. Въ разныхъ мѣстахъ слоя найдено нѣсколько лошадиныхъ костей въ безпорядкѣ.

2-й слой. Куски гнилого дерева и 2 ребра человѣческаго скелета.

3-й слой. Кость лошади, обломокъ изгнившей деревянной доски и въ центрѣ кургана человѣчскій скелетъ: на спинѣ, головою на СВ., ногами на ЮЗ., длани скелета $2\frac{1}{2}$ арш.; руки протянуты вдоль туловища, у праваго плеча небольшая кучка золы.

Подъ скелетомъ замѣтны остатки какъ бы деревянной лѣстницы, состоящей изъ 5 поперечныхъ перекладинъ, прикасающихся къ двумъ длиннымъ продольнымъ, равнымъ по длинѣ скелету. Поверхъ скелета замѣчены остатки деревянныхъ досокъ и грубыхъ желѣзныхъ гвоздей. У ногъ скелета овальный *жельзный сосудъ* (рис. 61) съ такою же ручкой, напоминающей малороссійскую деревянную ложку.

Рис. 61.

Сосудъ видимо кованный изъ небольшихъ желѣзныхъ пластинъ; онъ совершенно разрушается отъ прикосновенія къ нему и сохраненъ толь при помощи гипсовой обмазки снаружи. Скелетъ плохо сохранился, черепъ отдѣленъ отъ позвонковъ и отличается сильно выдающеюся затылочною костью.

Въ 4 и 5-мъ слояхъ ничего не найдено.

Подъ 5-мъ слоемъ въ центрѣ кургана обнаружилось могильное пятно овальной формы. Длина его около 2 арш.; ширина 1 арш. Пятно оказывается канавой въ аршинъ шириною вплоть до основанія пятна, которое оказывается на глубинѣ 2 аршинъ отъ начала его и на глубинѣ 3 аршина 4 вершка отъ поверхности кургана.

На днѣ могильной ямы съ зап. стороны найдены кости переднихъ ногъ лошади, сложенные крестообразно одна на другую, въ восточной же сторонѣ, такимъ же образомъ сложенные, кости заднихъ ногъ лошади, а при нихъ 2 *мѣдныхъ стрѣлы* и обломки небольшого *жельзнаго копья*, полагаю внутри. Дно пятна не горизонтально, а имѣетъ наклонъ къ Сѣверу, гдѣ въ стѣнѣ канавы, которой обкапывалось пятно, замѣчены прослойки въ глинѣ, обнаруживающія сводъ. По изслѣдованіи, оказалась здѣсь широкая и низкая мина, туго забитая глиной, по извлеченіи которой найденъ человѣческой скелетъ, положенный по направленію съ Зап. на Вост. лицомъ вверхъ; кости рукъ скелета протянуты у боковъ, бедренныя кости протянуты параллельно и составляютъ продолженіе скелета; берцовокъ и костей пятокъ не оказалось. У изголовья скелета замѣчены остатки вбитаго здѣсь *деревяннаго столба*, а подъ спиной остатки 3 деревянныхъ перекладинъ. У ногъ остатки *ножа* съ деревянной ручкой. Ниже этого скелета найденъ еще скелетъ въ томъ же положеніи, но безъ черепа; при немъ найдены остатки перержавленнаго *жельзнаго ножа*.

Курганъ № 19. Находится въ 15 саженьяхъ къ востоку отъ кург. № 18. Въ окружности 27 саж., въ діаметрѣ черезъ вершину 9½ саж. Раскопка въ видѣ равнобедреннаго трехугольника, обращеннаго основаніемъ на Зап., вершиной на Вост. Длина каждой стороны трехугольника 5½ саж. Раскопка произведена такъ же при участіи и подъ руководствомъ Д. И. Эварницкаго.

По снятіи 4 слоевъ, въ которыхъ кромѣ черепковъ изъ желтой глины ничего не найдено, въ центрѣ кургана обнаружилось могильное пятно, такой же формы и величины какъ и предыдущее въ курганѣ № 18. Оно также обкапывается канавой аршинной ширины и прекратилась на глубинѣ 2 аршинъ. Дно могильной ямы оказалось также съ наклономъ къ Сѣверу. Въ сѣверной стѣнѣ раскопанной ямы обнаружены такія же прослойки въ глинѣ такой же формы какъ и въ курганѣ № 18, за ними оказалась такая же мина набитая глиной, расположенная ниже уровня дна могильной ямы, между которыми и дномъ мины замѣчены 2 глиняныя ступеньки. Дно мины оказалось вымазаннымъ красной глиной и на немъ человѣческой скелетъ съ открытымъ ртомъ, лицомъ вверхъ; скелетъ положенъ головою на Западъ, ногами Вост. Т. Ф. Кости рукъ протянуты вдоль боковъ; кисти правой руки не оказалось. Ноги сложены одна на другую, правая на лѣвую. Длина скелета 2½ арш. Возлѣ лѣвой кости руки 46 *мѣдныхъ стрѣлокъ* разной величины, соединенныхъ въ одну массу; повидимому они были заключены въ *колчанъ изъ березовой коры*; у изголовья черепа съ обѣихъ сторонъ найдено по одной

птичьей кости, а подъ правой ногой кости пальца руки. Скелетъ лежалъ на гладко-выровненной и установленной березовой корою днѣ мины. Черепъ скелета имѣеть отклоненія отъ нормальныхъ череповъ. У лѣваго плеча найдено *железное копье* съ удлинненно втулкой и короткой головкой съ мало-выдающимися перьями и остатокъ другого такого же *железнаго копья* но листообразной широкой формѣ. Нѣсколько дальше и выше копья, ближе къ изголовью скелета, найдены *кости лошади* съ остатками *деревяннаго сидла*, обложеннаго по краямъ *железною тонкою пластинкою*, которая была прибита небольшими желѣзными гвоздями.

Курганъ № 20-й. Расположенъ въ 15 саж. на ЮЗ. отъ кургана № 18 и въ 32 саж. на зап. отъ кургана № 19-й. Вокругъ него замѣтна кольцеобразная выемка земли. Окружность кургана 86 саж., диаметръ черезъ вершину $27\frac{1}{2}$ саж. Раскопка производится въ формѣ круглаго колодца съ диаметромъ въ 5 сажень. При раскопкѣ присутствовалъ членъ Географ. Общ. А. А. Русовъ.

1-й слой. Въ разстояніи 1 сажени на ЮВ. отъ центра найдены кости человѣческаго черепа, разбитаго на мелкіе куски. Отъ него по направленію къ центру тянулись въ беспорядкѣ кости человѣческаго скелета, перемѣшанныя съ костями крупнаго животнаго. Тѣ и другія весьма ветхи и не поддаются точному описанію.

2-й слой. Въ разстояніи 2 арш. 9 вершк. отъ центра къ ЗЮЗ. копыто коня; подъ нимъ въ слѣдующемъ слоѣ берцовая кость и нѣсколько другихъ *костей коня* въ беспорядкѣ; при нихъ нѣсколько кусковъ, разрушенныхъ временемъ, желѣза.

3-й слой. Въ разстояніи 4 арш. 14 вершк. къ Зап. отъ центра разбитый *горшокъ* изъ черной глины грубой работы; съ плоскимъ дномъ, съ слегка изогнутыми боками, съ отверстіемъ нѣсколько большаго діаметра, нежели дно, безъ ручекъ и безъ всякой орнаментики. Горшокъ расположенъ у колѣнъ человѣческаго скелета, положеннаго въ скорченномъ положеніи на правомъ боку, головой на В., ногами на З., лицомъ на С. Скелетъ разрушенъ временемъ и сусликами, такъ что опредѣлить положеніе костей рукъ невозможно.

Въ 4-мъ слоѣ ничего не найдено.

5-й слой. Въ разстояніи $2\frac{1}{2}$ арш. къ сѣверу отъ центра черепъ человѣческаго скелета, совершенно разрушеннаго. Скелетъ на лѣвомъ боку положенъ головою на СЗ.; ноги согнуты и направлены колѣнями къ груди такимъ образомъ, что кости бедеръ лежатъ почти параллельно берцовымъ. Лѣвая рука подложена кистью подъ щеку. Положеніе костей правой руки опредѣлить невозможно.

Въ 6-мъ слоѣ ничего не найдено.

7-й слой. Въ разстояніи 2 арш. 7 верш. отъ центра къ югу показался уголь большаго камня. Въ разстояніи 1 арш. 14 верш. отъ центра къ вост. уголь другого камня. Возлѣ центра кургана обнаружены края большихъ камней; возлѣ нихъ замѣчается въ землѣ прослойка березовой коры. По очисткѣ земли оказались 3 каменные плиты, положенныя плашмя рядомъ и прикасающіяся одна къ другой длинными сторонами. Средняя плита имѣеть 2 арш. $5\frac{1}{2}$ верш. длины и $1\frac{1}{2}$ арш. ширины. Къ СЗ. отъ нея плита приблизительно такой же величины, а къ ЮЗ. поменьше. Всѣ три неправильной формы. Подъ ними слой бѣлаго цвѣта. Подъ среднимъ камнемъ *мѣдный гвоздикъ* (?) безъ шляпки непосредственно подъ камнями могильное пятно въ томъ же направленіи, въ какомъ были сложены камни, т. е. съ СВ. на ЮЗ. Пятно имѣеть 2 арш. 9 верш. длины и 1 арш. 12 верш. ширины, въ формѣ четырехугольника съ закругленными углами. Оно прекращается на глубинѣ 1 арш. 8 верш. отъ начала его и на глубинѣ $3\frac{1}{4}$ арш. отъ поверхности кургана. На днѣ пятна скелетъ человѣка, имѣющій 2 арш. 9 верш. длины. Онъ лежитъ на спинѣ головою на СВ. Руки протянуты вдоль боковъ, ноги согнуты колѣнями къ СЗ., при чемъ колѣно лѣвой ноги лежитъ у кисти правой руки, а колѣно правой ноги удалено отъ нея на 3 вершка къ ЮЗ. Лѣвая бедряная кость почти подъ прямымъ угломъ къ позвоночнику, правая—подъ угломъ нѣсколько больше прямого. Берцовыя кости почти параллельны съ бедрянными. Кости пятокъ и пальцевъ обѣихъ ногъ расположены рядомъ и приходятся подъ наружнымъ вертеломъ лѣвой бедряной кости.

Скелетъ, судя по зубамъ, въ полномъ возрастѣ. Черепъ отъ ветхости распадается. Всѣ кости скелета *окрашены въ красный цвѣтъ*. Въ разныхъ мѣстахъ при костяхъ и особенно у кисти лѣвой руки найдены порошкообразные кусочки красной и бѣлой краски. Всѣ кости пальцевъ, пястья и запястья ногъ покрыты со всѣхъ сторонъ слоємъ изгнившаго дерева (обувь).

Курганъ № 21-й (см. планъ Бѣлоз. городища). 22 августа 1888 г. Онъ совершенно распаханъ и еле замѣтенъ; ширину и окружность опредѣлить нельзя.—Раскопка производится въ формѣ круглаго колодца, имѣющаго 8 арш. въ діаметръ, съ прибавленіемъ къ нему съ западной стороны квадрата въ 3 арш. ширины, въ виду того, что въ эту сторону онъ какъ будто бы расширяется.

Въ 1-мъ слоѣ ничего не найдено.

2-й слой. Въ разстояніи 3 арш. 13 верш. отъ центра къ ЗЮЗ. найдены разрушенные и разломанные куски человѣческаго черепа и остальныхъ костей человѣческаго скелета; опредѣлить положеніе его невозможно; на 3 арш. къ СЗ. отъ центра небольшой камень известнякъ.

3-й слой. Въ разстояніи 2 арш 13 верш. на ЮЮВ. отъ центра *горшочекъ* изъ черной глины раздавленный землею, очень грубой работы, безъ слѣдовъ ручекъ и орнаментики. Въ разстояніи 1 арш. 13 верш. къ западу отъ центра 2 маленькихъ камушка, куски двустворчатой раковины и кусокъ кости пастыя коня; отсюда по направленію къ СВ., на протяженіи одной сажени разбросаны въ разныхъ мѣстахъ камни величиною отъ 2 хъ до 3-хъ вершковъ. Между ними попадаются черепки грубыхъ *черныхъ горшковъ*, а также куски *желтой плотной, толстостѣнной посуды* и кусокъ слюдястаго песчаника (сланца) зеленоватаго оттѣнка ¹⁾. Подъ конской костью обнаружались совершенно истлѣвшія кости человѣческаго скелета, между ними расколотый *горшокъ* грубой работы изъ черной глины съ орнаментикой (рис. 30) и нѣсколько костей крупнаго животнаго. Въ срединѣ южной линіи добавочной раскопки найденъ кусокъ трубчатой птичьей кости съ винтообразными нарѣзками на ней.

Въ 5 слоѣ ничего не найдено, а непосредственно за нимъ на глубинѣ 1 ар. 9 вер. отъ поверхности кургана оказалось могильное пятно, расположенное въ добавочномъ кускѣ раскопки и имѣющее неправильную форму, напоминающую форму сердца; ширина его 2¹/₄ арш. длина 2¹/₂ арш. широкое основаніе обращено къ ЮВ., а заостренная вершина къ СЗ. Пятно оказалось глубиною въ 12 вер.

Въ верхней части пятна—2 человѣческихъ скелета, положенныхъ на лѣвомъ боку, черепами къ ЮВ., туловищемъ къ СЗ. Оба скелета обращены лицевыми костями къ Зап. и лежатъ въ скорченномъ положеніи. Передній держитъ въ правой рукѣ ребро быка, какъ бы поднося его ко рту, лѣвая рука его подложена кистью подъ лѣвую щеку. Задній скелетъ въ томъ же положеніи съ тою разницею, что вмѣсто ребра онъ держитъ въ правой рукѣ *грубо орнаментированный горшокъ* изъ черной глины подобный рис. 30, а лѣвая рука его протянута подъ лѣвое колѣно. Ноги не столь прижаты къ туловищу, какъ у предыдущаго. Кости обѣихъ скелетовъ весьма ветхи разрушены и раздавлены. Кости черепа нѣсколько сдавлены отъ тяжести земли. Ростъ задняго скелета 2 ар. 6 вер., передній значительно больше и костью крупнѣе и толще. Къ низу пятно суживается къ СЗ. и на днѣ пятна покоится третій скелетъ, обращенный такъ же черепомъ на ЮВ., а туловищемъ на СЗ., и расположенный на спинѣ; черепъ обращенъ лицевыми костями къ Западу, кости рукъ протянуты по бокамъ скелета, а кости ногъ въ слѣдующемъ порядкѣ: кость праваго бедра направлена къ С., а голень подъ острымъ угломъ обратно къ Западу, бедро лѣвой ноги такимъ же образомъ направлено къ Зап., а голень обратно къ Сѣверу. Предположивъ, что кости ногъ разошлись въ стороны сейчасъ же послѣ погребенія покойника отъ засыпанія его землею, и что онѣ были установлены при погребеніи въ такомъ же положеніи какъ и у скелета въ могильномъ пятнѣ кургана № 2, я изслѣдовалъ кости, кости пальцевъ ногъ, чтобы опредѣлить лежатъ ли пятки плашмя или въ профиль. Къ сожалѣнію кости лѣвой стопы отсутствовали, кости же правой оказались лежащими не въ профиль, а плашмя. У шестого ребра правой стороны найдено 3 кусочка древеснаго угля. Черепъ и всѣ кости *окрашены* слегка въ *красный цвѣтъ*. Подъ скелетомъ тонкій слой голубоватозеленой глины. Всѣ кости крайне ветхи. Зубы обѣихъ челюстей совершенно стерты и пристають одинъ къ другому, какъ два мельничныхъ жернова. Изъ костей скелета сохранены части челюсти, tibia, fibula, грудная кость и часть затылочной.

Курганъ № 22. (см. планъ Бѣлоз. город.) 23 августа 1888 года. Совершенно распаханъ и еле замѣтенъ. Измѣрить окружность и діаметръ его невозможно. Раскапывается круглымъ колодцемъ въ діаметръ 8 арш.

Въ 1-мъ слоѣ ничего не найдено.

1) Въ формѣ пластинки, правильно заостренной съ одной стороны.

2-й слой. У сѣв. стѣны найденъ кусокъ ручки амфоры.

3-й слой. Черепокъ толстаго глинянаго сосуда.

Въ 4 и 5 слояхъ ничего не найдено.

Подъ пятымъ слоемъ на глубинѣ 1 арш. 9 вершковъ отъ поверхности кургана обнаружилось могильное пятно весьма яснаго очертанія напоминающее сердце, но съ почти прямолинейнымъ основа-

ніемъ. Средина линіи основанія пятна находится въ разстояніи $1\frac{3}{4}$ арш. отъ центра кургана и обращена къ югу, а заостренная вершина къ С,

Пятно обкапывается канавой въ 1 арш. ширины. На глубинѣ $\frac{1}{2}$ арш. у западной части пятна замѣченъ въ канавѣ мягкій нематериковый грунтъ, а на глубинѣ 1 ар. съ этой же стороны камень, выходящій за предѣлы пятна. На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршина въ вост. сторонѣ пятно прекратилось, а въ западной продолжается до глубины $2\frac{1}{4}$ аршина.

Разборка пятна (рис. 62). Пятно состоитъ изъ земли темнаго цвѣта. На глубинѣ $\frac{3}{4}$ аршина, въ срединѣ пятна найдена бедряная кость человѣка, лежащая въ направленіи отъ Вост. къ Зап. Камень замѣченный у западной стѣны пятна, при обкапываніи его канавой оказался однимъ изъ большихъ кам-

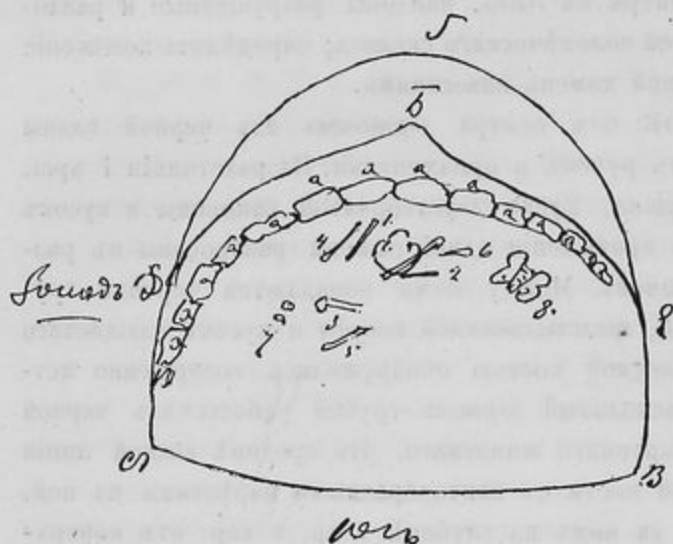

Рис. 62.

ней (отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ ар.), составляющихъ стѣну въ $1\frac{1}{4}$ ар. вышины, начинающійся, какъ показано на рисункѣ, почти у основанія фигуры пятна въ западной стѣнѣ его, удаляющійся внутрь пятна по мѣрѣ приближенія его къ вершинѣ пятна и снова приближающійся, впоследствии, къ срединѣ восточной стѣны его, гдѣ и прекращается. На одномъ изъ камней замѣчено выдолбленное углубленіе въ формѣ кружка съ діаметромъ въ 3 вершка, отъ котораго къ одному изъ краевъ камня тянется прямолинейный желобокъ, такой же глубины какую имѣетъ и кружокъ. Въ центрѣ кружка круглая выпуклина въ $\frac{1}{2}$ вер. ширины.

Дно пятна оказалось покатымъ съ ЮВ. на СЗ.; на днѣ пятна, у южной стороны каменной стѣны найдена куча человѣческихъ костей въ безпорядкѣ, какъ показано на рисункѣ.

Здѣсь же найдено желѣзное лезвие ножа въ разрушенномъ видѣ, а въ сусликовыхъ норахъ собрано много березовой коры. За каменной стѣной, замѣченная раньше при обкапываніи пятна канавой, рыхлая глина составляетъ насыпь, которою засыпана мина, обозначенная на рисункѣ линіей ДГЕ. Покатость дна пятна, замѣченная раньше по ту сторону стѣны, продолжается здѣсь до этой линіи ДГЕ., обозначающей материковую стѣну мины и отстоящей отъ каменной стѣны, въ самомъ отдаленномъ пунктѣ на 2 арш. 3 вершка. На днѣ мины оказался скелетъ человѣка, кости его совершенно разрушены и многихъ костей недостаетъ, въ томъ числѣ и черепа. По расположенію костей ногъ и рукъ можно предположить съ большою вѣроятностью, что скелетъ лежалъ на спинѣ головой на Зап., ногами на Вост., что руки его были протянуты вдоль туловища, а ноги параллельно линіи позвоночника.

Курганъ № 23. (см. планъ Бѣлоз. городища). Въ $34\frac{2}{3}$ саж. на ЮЗ. отъ кургана № 22 и въ $(13\frac{1}{4})$ саж. отъ № 1 и 2-го. Курганъ еле замѣтенъ. Раскапывается круглымъ колодцемъ въ 8 аршинъ въ діаметрѣ.

1-й слой. Ничего не найдено.

2й слой. У СВ. окраины найденъ небольшой камень. Въ 2 арш. 3 вершкахъ къ ЗЮЗ. отъ центра найденъ разбитый черный горшокъ съ грубой орнаментикой состоящей изъ параллельныхъ выпуклыхъ узкихъ полосокъ съ вдавленныхъ по ихъ поверхности когтевымъ орнаментомъ. Возлѣ него нѣсколько человѣческихъ костей.

3й слой. Въ разстояніи 3 арш. отъ центра къ ЮВ. камень больше $\frac{1}{2}$ арш., подъ нимъ кости человѣка сильно потревоженныя сусликомъ и весьма разрушенныя, продолжающіяся въ направленіи къ центру.

4-й слой. Въ 3 арш. 6 вершкахъ къ Востоку отъ центра найдена амфора, опрокинутая вверхъ

дномъ; на 9 вершковъ далѣе къ ВСВ. отъ нея найденъ человѣческой черепъ и весь скелетъ, лежащій, слегка опрокинутымъ на лѣвый бокъ. Правая рука протянута у правой стороны скелета; лѣвая рука откинута въ сторону. Положеніе ногъ неопредѣлено, такъ какъ кости ногъ испорчены рабочими.

Въ разстояніи 2 арш. къ В. отъ центра найдена вторая *амфора* такой же формы, какъ и первая, лежащая на боку.

5-й и 6-й слой. Въ 21 арш. 10 вершковъ отъ центра къ СВ. показались въ 5-мъ слое ребра быка, а въ 6-мъ, здѣсь же, найдены 2 бабки его и лопатка. Подъ 6-мъ слоемъ на глубинѣ 2 арш. 6 вершковъ отъ поверхности кургана, на 2 арш. отъ центра къ СВ. показался край 1-го могильнаго пятна совершенно круглой формы. Диаметръ пятна равенъ 2½ аршина. Пятно обкапывается канавой до глубины 12 вершковъ, на которой пятно прекратилось. Въ 1½ арш. къ вост. отъ центра показался уголь втораго могильнаго пятна, направленнаго отъ этого мѣста къ ЮЗ и имѣющаго 2 аршина 5 вершковъ длины и 1 арш. ширины. Пятно обкапывается канавой и прекратилось на глубинѣ ½ аршина.

Разборка 1-го пятна. Въ первыхъ слояхъ пятна до середины его высоты ничего не найдено (земля темная). На глубинѣ 5 вершковъ отъ поверхности пятна, найдены въ немъ таранная кость и бабка (плюсно) крупнаго животнаго; немного ниже замѣчается прослойка пепла.

На днѣ могильной ямы довольно толстый (въ ¾ вершка) слой камышевой золы и пепла, между которыми разбросаны обожженные *кости коня*. Убѣдившись, что подъ могильнымъ пятномъ грунтъ состоитъ изъ материковой глины, я произвелъ изслѣдованія стѣнъ ямы, происшедшей отъ обкапыванія пятна канавой, при чемъ замѣтилъ въ СВ стѣнѣ кость. Продолженная въ этомъ направленіи разборка глиняной стѣны обнаружила новое могильное пятно, состоящее изъ желтой глины такого же цвѣта какъ и окружающая его материковая. Поверхностное изслѣдованіе этого пятна миной, обнаружило 5 череповъ въ беспорядкѣ; иные лежали челюстями вверхъ, другіе внизъ; тутъ же найдены и другія кости человѣческихъ скелетовъ, но такъ же разбросанными; при нихъ 2 *мѣдныхъ стрѣлки* и расколотый на много частей *черный горшочекъ* безъ ручекъ, съ почти круглымъ дномъ и съ арнаментомъ вдоль выпуклой его стороны вдавленный въ глубь въ видѣ елочки.

Разборка 2-го пятна. На днѣ пятна, на глубинѣ 2 арш. 14 вершковъ отъ поверхности кургана найденъ скелетъ человѣка, лежащій на спинѣ, головою на ЮЗ, туловищемъ на СВ. Кости рукъ протянуты у боковъ скелета. Ноги направлены колѣнями къ югу, всѣ кости *окрашены красной краской*.

Курганъ № 24. (См. планъ Бѣлозерскаго городка). Представляетъ изъ себя еле замѣтное расплывшееся возвышеніе надъ уровнемъ земли, неподдающееся точному измѣренію. Раскапывается круглымъ колодцемъ съ 9 арш. діаметромъ.

Въ 1, 2 — 3 *слояхъ* въ разныхъ мѣстахъ найдено нѣсколько *черепковъ черной глиняной посуды* и нѣсколько небольшихъ камней.

4-й слой. Въ разстояніи 4 арш. 3 вершковъ у юго-зап. стѣны замѣчена куча золы, которая помещается на днѣ ямы въ 1¼ аршина ширины, на половину выходящей за стѣну раскопки. Въ 2¼-хъ аршинахъ отъ центра къ сѣверу маленькій разбитый *горшечекъ*; возлѣ него дѣтскій скелетъ, совершенно разрушенный и разбросанный сусликами. Въ 6 *слое* ничего не найдено.

Подъ 6 слоемъ, на глубинѣ 1 арш. 15 вершк. отъ поверхности кургана, у СВ стѣны раскопки выяснилось могильное пятно. Оно тянется вдоль этой стѣны въ направленіи съ СЗ на ЮВ и имѣетъ ясный контуръ съ СЗ стороны, которая имѣетъ 1¼ арш. ширины и 2 арш. 3 вер. длины; съ противоположной стороны (ЮВ) оно сливается съ окружающей материковой глиной, почему обкапываніе его канавой производится почти наугадъ. Въ восточной части пятно прекратилось на глубинѣ 6 вершковъ, въ западной же сторонѣ оно продолжалось до 1 арш. 7 вершковъ отъ начала пятна, или до 3 арш. 15 верш. отъ поверхности кургана.

Разборка пятна (рисунокъ 63). Въ СВ части пятна, почти на поверхности его, оказался человѣческой скелетъ, лежащій на спинѣ въ скорченномъ положеніи ногъ въ правую сторону, безъ черепа, съ костями рукъ, протянутыми вдоль боковъ, но нѣсколько удаленными локтями, въ направленіи съ СЗ на ЮВ. У локтя лѣвой руки найдено 8 копытныхъ косточекъ молодого ягненка. Между правыми ребрами слѣдующіе *костяные предметы* всѣ съ дырочками для привѣшиванія: заостренная съ

одного конца, а съ другой отдѣланная на подобіе молоточка костяная палочка (рис. 29), плоская, тонкая *круглая привѣска*, *зубь волка* и *зубь лисицы*. Подъ скелетомъ твердая материковая глина. Возлѣ послѣдняго шейнаго позвонка въ томъ мѣстѣ, гдѣ замѣчено отсутствіе черепа, ясно обрисовывается полоса новаго могильнаго пятна, имѣющаго правильную форму круга съ діаметромъ въ $1\frac{1}{4}$ арш.

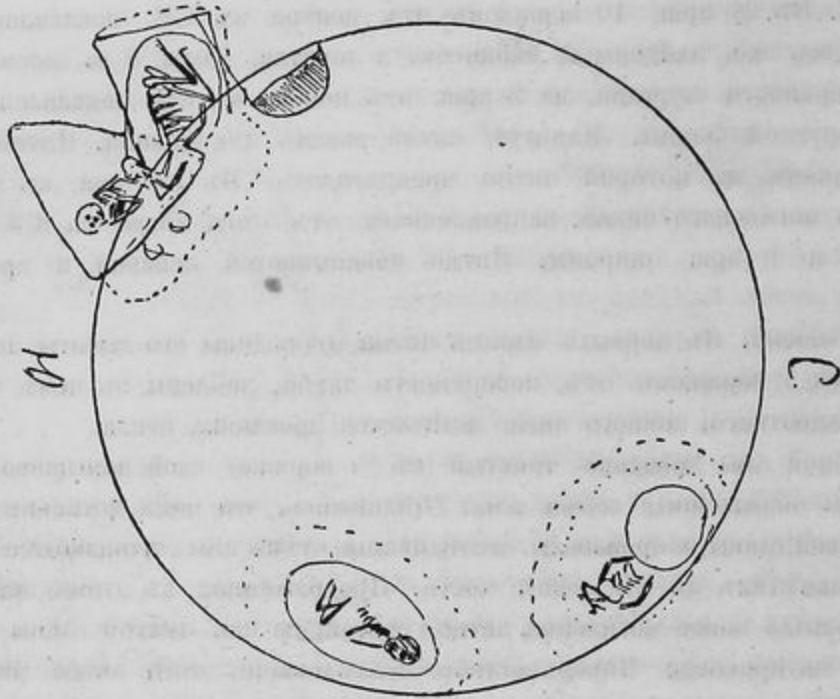

Рис. 63.

Послѣдовавшая разборка этого пятна обнаружила вскорѣ *черепки черной грубой работы посуды*, а на днѣ ямы разбросанные въ разныхъ мѣстахъ куски человеческого черепа, по всей вѣроятности принадлежавшіе скелету, найденному выше и потревоженному кладонскателями.

2 могильное пятно обнаружено съ ЮВ стороны раскопки; оно имѣетъ неправильную яйцевидную форму, обращено острымъ концомъ на СВ (длина 2 арш. 2 вершка), а тупымъ къ ЮЗ.; ширина его $1\frac{3}{4}$ аршина.

На днѣ могильной ямы, на глубинѣ 5 вершковъ отъ начала пятна и на глубинѣ $2\frac{1}{4}$ аршина отъ поверхности кургана, найденъ скелетъ человѣка, расположенный на лѣвомъ боку въ скорченномъ положеніи плечевая кость правой руки, повидимому, лежитъ по направленію туловища, а локтевая отброшена къ югу; лѣвая рука отброшена нѣсколько впередъ и направлена кистью къ колѣнямъ. Къ верхней челюсти прикасается положенное возлѣ черепа *каменное орудіе* изъ діорита, имѣющее форму плоскаго хорошо отшлифованнаго цилиндра.

Какъ орудіе это, такъ и весь скелетъ *окрашены въ красный цвѣтъ*. Ростъ скелета 2 аршина 12 вершковъ.

3-е могильное пятно. У юго-западной стѣны раскопки замѣчена часть могильнаго пятна, скрывающагося за стѣною раскопки и выдающагося внутрь всего на 3 вершка. Для выясненія его размѣровъ произведена добавочная раскопка этой стѣны въ формѣ, показанной на рисункѣ линіями ABCD, при чемъ обнаружено, что начало пятна соотвѣтствуетъ здѣсь также концу 6-го слоя; оно направлено съ ЗЮЗ на ВСВ. Длина его 2 арш. 5 вершк., а ширина 1 арш. 5 вершковъ; закругленный конецъ пятна обращенъ къ ЗЮЗ, а заостренный къ ВСВ. На днѣ его, на глубинѣ 5 вершковъ отъ начала, оказался скелетъ человѣка въ скорченномъ положеніи, положенный головою на ВЮВ туловищемъ на ЗСЗ на правомъ боку; плечевая кость лѣвой руки протянута по линіи туловища, а локтевая обращена впередъ. Плечевая кость правой руки протянута изъ подъ туловища нѣсколько впередъ, а локтевая заворочена назадъ и опирается кистью о лѣвое бедро у колѣна. На ребрахъ лѣвой стороны груди лежатъ слѣдующія *костяныя издѣлія*: молоточекъ подобно выше описанному, *два волчьихъ зуба*, съ отверстіями

для подвѣшиванія, и одинъ *зубъ лисицы*, 4 кусочка трубчатыхъ птичьихъ костей съ винтообразными и кольчатыми нарѣзками вокругъ нихъ. Кости скелета полуразрушены и *окрашены красной краской*. При скелетѣ недостаетъ черепа, шейныхъ позвонковъ и первыхъ спинныхъ, нѣсколькихъ верхнихъ реберъ, ключицъ, верхней части одной лопатки, а также верхнихъ частей плечевыхъ костей. Всѣ недостающія кости какъ бы отрѣзаны. Это предположеніе объясняется замѣченной здѣсь же линіей новаго могильнаго пятна, проходящей у мѣста срѣза недостающихъ костей скелета. Это 4-е могильное пятно имѣетъ форму трехъ-угольника. Меньшая сторона его 2 арш. 7 вершковъ обращена къ центру кургана; остальные двѣ имѣютъ по 2 арш. 10 вершк.; всѣ три угла пятна закруглены. За недостаткомъ мѣста пятно обкапывается канавой только съ сѣверо-восточной стороны. На глубинѣ $\frac{1}{2}$ аршина или на $2\frac{3}{4}$ арш. отъ поверхности кургана пятно прекратилось.

Разборка пятна обнаружила на днѣ его скелетъ человѣка, положенный на спинѣ съ небольшимъ наклономъ въ правую сторону головою на ЮВ., туловищемъ СЗ. Ноги согнуты, бедра кисти ногъ тупымъ угломъ къ позвоночному столбу, берцовыя къ бедрянымъ согнуты въ колѣнахъ подъ прямымъ угломъ. Колѣни обращены СВ. Правая рука согнута въ локтѣ, кисть этой руки лежитъ на лѣвой сторонѣ груди; плечевая кость лѣвой руки протянута по линіи туловища, локтевая направлена къ нижней части живота, кисть ея лежитъ на лобковыхъ костяхъ. Возлѣ затылка найдено *4 мѣдныхъ украшеній*; возлѣ кисти лѣвой руки—*мѣдное проволочное кольцо*. Всѣ кости ветхи—губчаты. Черепъ сохранился сравнительно очень хорошо. Судя по многимъ недостающимъ зубамъ и потому, что мѣста въ челюстяхъ, гдѣ недостаетъ коренныхъ зубовъ, успѣли зарости и сгладиться, черепъ принадлежитъ весьма старому субъекту; онъ малыхъ размѣровъ и, судя по сильно развитымъ тазовымъ костямъ, принадлежитъ женщинѣ. Скелетъ имѣетъ 2 арш. 7 вершк. длины. Подъ скелетомъ могильное пятно не прекратилось, но, постепенно суживаясь, остановилось на глубинѣ 4 арш. 2-хъ вершковъ отъ поверхности кургана. При чемъ дно его выяснилось въ формѣ круга съ діаметромъ въ $\frac{3}{4}$ арш.

Содержимое этой части (кургана) могильнаго пятна состоитъ изъ весьма рыхлой черной земли. Въ разстояніи $\frac{1}{2}$ арш. отъ дна замѣченъ слой камышевой золы, въ 1 вершокъ толщины; къ центру пятна онъ понижается, къ периферію повышается. Другой такой же слой замѣченъ у самаго дна.

Курганъ № 25. (см. планъ Бѣлозерскаго городища), имѣетъ видъ едва замѣтнаго возвышенія. Раскопка производится въ формѣ круглаго колодца, съ діаметромъ въ 9 арш. 1-й слой. *Черепокъ* толстой грубой посуды изъ желтой глины въ центрѣ кургана. Въ 5 мѣстахъ найдены осколки *амфоры*.

Въ 2—3—4 *слояхъ* ничего не найдено. Въ 5 *слоѣ*, въ разстояніи $1\frac{1}{4}$ арш. отъ ц-ра къ ЮВ. грунтъ значительно мягче, нежели въ остальныхъ мѣстахъ. По снятіи этого слоя, обнаружилось могильное пятно, которое началось недалеко отъ ц-ра, тянется въ формѣ длиннаго прямоугольника съ СЗ на ЮВ. и имѣетъ 4 арш. 2 вершка длины и 1 арш. ширины, упираясь ЮВ. концомъ въ стѣну раскопки.

Пятно обкапывается канавой аршинной ширины, которая указала дно могильнаго пятна на глубинѣ 4 арш. 9 вершковъ отъ поверхности кургана.

Разборка пятна. На глубинѣ 1 арш. въ СВ концѣ пятна замѣчено 8 большихъ камней, сложенныхъ на подобіе ступенекъ, спускающихся до дна пятна. Одинъ изъ верхнихъ камней обгорѣлый и съ замѣтными слѣдами сажи. У основанія его лежатъ 2 бараньи кости конечностей и *железный разрушенный* временемъ *ножъ* съ костяной ручкой. Ни въ могильной насыпи, ни на днѣ ничего больше не найдено до ЮВ. края, гдѣ въ уровень съ дномъ замѣтна верхняя часть большого камня, расположеннаго ниже горизонта дна. Углубленіе южной канавы обнаружило глиняную лѣстницу, состоящую изъ двухъ материковыхъ стержней, каждая въ 3 вершка вышины, рѣзко отдѣляющихся отъ рыхлой и болѣе темной глины, составляющей новое могильное пятно.

Производя раскопку этого пятна миной, я наткнулся на рѣзкій контуръ трехугольнаго чернаго пятна *), рѣзко вырисовывающагося въ темномъ рыхломъ глинистомъ могильномъ пятнѣ, имѣющемъ прямолинейное основаніе длиною 3 арш. и высотой 2 арш. 5 вер. и фигуру напоминающую полуоваль. Двѣ глиняныя ступеньки и камень, найденный у края предыдущаго пятна, связываютъ эти два пятна,

*) Основаніе его 2 арш. 5 верш. высота 1 арш. 10 вершковъ.

Труды 8-го археол. съѣзда въ Москвѣ 1890 г. т. III.

и понижаютъ уровеньъ дна послѣдняго на 9 вершковъ противъ перваго. У основанія камня найдена красивая *стеклянная буса* состоящая изъ рѣзкихъ цвѣтныхъ полосъ: черной, желтой, и бѣлой. Въ черномъ трехугольномъ пятнѣ найденъ позвонокъ человѣка, ребра и разбитая большая длинная *глиняная пряслица* въ восточной сторонѣ могильнаго пятна 2 позвонка, ребро и *глиняная буса*.

Въ ЮВ. сторонѣ черепъ человѣка, внутри котораго устроено гнѣздо мышей, наполненное мелкими костями. Въ $\frac{1}{4}$ аршина отъ него къ ЮЗ. плечевая кость человѣка, а далѣе куча человѣческихъ костей. Въ разныхъ мѣстахъ пятна попадаются *черепки изящной посуды* изъ терракоты. Дно пятна во многихъ мѣстахъ окрашено истлѣвшей тканью въ сѣро-фіолетовый цвѣтъ.

Курганъ № 26. (см. планъ Бѣлозерскаго городища).

Расположенъ на краю низменной полосы, выходящей изъ спуска въ Корабельное, направляющійся отсюда параллельно материковому высокому берегу р. Днѣпра и впадающей опять въ другой естественный спускъ, въ разстояніи 60 сажень отъ этого мѣста къ Западу отъ корабельнаго спуска. Курганъ имѣетъ 38 саж. въ окружности и 12 саж. въ діаметрѣ черезъ вершину, въ направленіи съ С. на Ю.; съ В. на З. онъ длиннѣе, раскопанъ колодцемъ въ 9 арш. діам. Въ первыхъ четырехъ слояхъ въ разныхъ мѣстахъ попадаются *черепки* грубой черной посуды, а также толстостѣнной желтой. Въ 5 слоѣ найдено два камня, а подъ 6 выяснилось 4 пятна:

1-е пятно въ формѣ неправильнаго съ закругленными углами трехугольника, съ не прямолинейными сторонами.

Одной стороной оно упирается въ ЗСЗ. стѣну раскопки, а противоположнымъ угломъ обращенъ къ центру кургана.

Основаніе трехугольника ровно 1 арш. 2 вершкамъ, высота 1 арш. 6 вершк.

Началось пятно на глубинѣ 1 арш. 13 верш. отъ поверхности кургана, окончилось на глубинѣ 6 вершк. отъ начала его.

Въ насыпи пятна, кромѣ трехъ костей конечности телят, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, нѣсколькихъ мелкихъ кусочковъ древеснаго угля, нѣсколькихъ грубыхъ черепковъ и трехъ костей кисти руки человѣка ничего не найдено.

2-е пятно замѣчено у ВЮ стѣны; оно яйцевидной формы съ неправильными очертаніями, обращено затушеванной стороною къ стѣнѣ раскопки, а заостренной къ центру кургана. Длина его 1 арш. 10 верш., ширина 1 арш. 7 верш., а окончилось постепенно суживаясь на подобіе лотка, на глубинѣ 2 арш. 9 вершковъ отъ поверхности кургана. Въ насыпи пятна найдено въ разныхъ мѣстахъ 7 *черепковъ* грубой черной посуды, нѣсколько мелкихъ кусочковъ угля, осколокъ кости и створка рѣчной раковины.

3-е пятно замѣчено въ разстояніи 5 вершковъ отъ С. стѣны раскопки; имѣетъ форму неравнобедреннаго трехугольника съ закругленными углами и съ непрямолинейными сторонами. Большая сторона обращена къ стѣнѣ раскопки, вершина къ центру кургана; длина 2 арш. 9 $\frac{1}{2}$ верш. а ширина 2 арш.

Въ СЗ. сторонѣ на глубинѣ 4 вершковъ пятно прекратилось и отступило отъ СЗ. конца на $\frac{3}{4}$ аршина. Въ остальной части оно уходитъ до глубины 1 арш. 11 верш. отъ поверхности, оканчиваясь на глубинѣ 3 арш. 2 вершка отъ начала кургана, и постепенно суживается до квадратнаго дна въ 1 арш. 1 верш. Въ верхней половинѣ насыпи пятна найдена створка рѣчной раковины, немного ниже уголь, далѣе нѣсколько *черепковъ* желтой глиняной посуды, *мѣдная проволочная фибула* подобная рис. 38 и небольшой кусокъ лавы.

Нѣсколько ниже половины высоты пятна показалась мѣстами камышевая зола, а недалеко отъ дна пятна 2 плотныхъ слоя золы; одинъ въ разстояніи 8 вершковъ отъ дна, а другой 4 вершк. Каждый слой имѣетъ 1 вершокъ толщины.

4-е пятно выступаетъ краемъ изъ за СЗ. стѣны. Раскопка этой стѣны выяснила направленіе его съ СЗ. на ЮЗ., длина 2 арш. 2 вершка, ширина 1 арш. къ З. сторонѣ юго-вост. конечности его при-мыкаетъ квадратный придатокъ пятна въ 1 □ арш., содержащій золу перемѣшанную съ землею. На глубинѣ 4 вершковъ пятно измѣнило форму, прекратившись у ЮЗ. края и принявъ форму круга нѣсколько удлиненаго съ СЗ. къ ЮЗ. Въ насыпи пятна земля напоминаетъ мусоръ. Въ нижней половинѣ его попадаются куски грубой посуды, небольшіе камни, рѣчныя раковины и на днѣ, на глубинѣ 3 $\frac{3}{4}$

арш. отъ начала пятна черепъ собаки безъ нижней челюсти. Квадратный придатокъ, наполненный золою, продолжался рядомъ съ пятномъ до глубины 1 арш. 2 вершковъ, за тѣмъ прекратился. Никакихъ предметовъ или костей здѣсь не найдено.

Курганъ № 27. (см. планъ Бѣлозерск. город.) Едва замѣтенъ надъ уровнемъ земли и неподдается измѣреніямъ. Раскапывается кругомъ колодцемъ въ 8 арш. діаметромъ.

Въ 1 слой въ различныхъ мѣстахъ найдено 2 черепка черной грубой посуды и 1 желтый.

Во 2 слой ничего не найдено.

3-й слой. У центра кургана найдено грубо-обдѣланный камень въ формѣ плоскаго цилиндра изъ известняка, діаметръ его $9\frac{1}{2}$ сант., высота 5 сант.; другой камень такой же обдѣлки, но поменьше, найденъ на 1 арш. отъ юго-зап. стѣнки; этотъ камень имѣетъ $6\frac{1}{2}$ сант. въ діаметрѣ и 4 сант. высоты.

Подъ 4-мъ слоемъ показалось пятно къ Ю. отъ центра, но очертанія его совершенно не ясны.

Подъ 5 слоемъ выяснилось на глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. три пятна:

1-е мошальное пятно. Въ центрѣ кургана, неправильной формы, длина его $2\frac{3}{4}$ арш. съ Зап. на В., ширина $2\frac{1}{4}$ арш. съ С. на Ю. Глубина пятна 5 вершковъ.

На днѣ его кости, превращающіяся въ порошокъ отъ прикосновенія къ нимъ. Расположеніе костей въ общемъ уловить невозможно.

2-е мошальное пятно замѣчено къ З. отъ 1-го въ 1 арш. отъ западнаго края его; оно имѣетъ ту же форму, но немного поменьше, глубина 4 вершка. На днѣ лежитъ скелетъ челоуѣка головою на В., туловищемъ на З., лицомъ на Югъ, въ скорченномъ положеніи колѣнями къ Ю. Правая рука нѣсколько согнута въ локтѣ; кисть ея лежитъ на нижней части живота. Лѣвая протянута подъ скелетомъ кистью подъ тазовыя кости. Всѣ кости весьма ветхи—полуразрушены и мѣстами окрашены въ красный цвѣтъ.

3-е пятно (замѣченное подъ 4-мъ слоемъ) отстоитъ на $1\frac{1}{4}$ арш. отъ южнаго края 1-го пятна; форма его продолговата, неправильна; углы закруглены. Во многихъ мѣстахъ пятно сливается съ окружающей землею, какъ цвѣтомъ, такъ и плотностью. Прекратилось оно на глубинѣ 6 вершковъ. На днѣ лежитъ скелетъ головой къ СВ. туловищемъ на Ю.-З., лицомъ на С. Ноги скорчены подъ острымъ угломъ и обращены колѣнями къ С. Всѣ кости ветхи и полуразрушены. Черепъ совершенно раздавленъ. Многихъ мелкихъ костей недостаетъ. За берцевыми костями недалеко отъ колѣней найдены 2 створки рѣчныхъ раковинъ, наполненныя ископаемыми двустворчатыми раковинами, добытыми вѣроятно изъ мягкаго известняка, какой находится и теперь въ одесскихъ каменоломняхъ. Нѣкоторыя изъ раковинъ окрашены въ красную краску. Здѣсь же лежалъ и кусокъ камня, величиною въ $4\frac{1}{2}$ сант., и плоскій известковый камень въ 5 сант. съ самородной окраской краснаго цвѣта съ буро-зелеными полосами. Подъ колѣнями лежатъ такъ же створка рѣчной раковины, а впереди тазовой кости зубъ какого-то крупнаго животнаго.

Курганъ № 28. (См. пл. Бѣлозерск. городища). Стоитъ у крутизны материковаго берега долины р. Днѣпра. Едва замѣтный расплывчатый курганъ. Раскапывается круглымъ колодцемъ въ 8 арш. діаметромъ. Въ пройденныхъ *трехъ слояхъ*, кромѣ черепковъ черной и желтой глиняной посуды, камней, а мѣстами мѣла, ничего не найдено. По окончаніи третьяго слоя, на глубинѣ 1 арш. отъ поверхности кургана показались два пятна, одно въ разстояніи $\frac{3}{4}$ аршина къ СВ. отъ центра длиною въ $1\frac{1}{2}$ арш. съ СВ. на ЮЗ., шириною въ 1 арш. 2 вершка. Другое въ разстояніи 1 арш. на ЮВ. отъ него, обращено какъ и первое меньшей стороною къ ЮВ. и имѣетъ 1 арш. 7 вершк. длины съ СЗ. на ЮВ. и 1 арш. ширины. Оба пятна имѣютъ форму прямоугольнаго трехгранника съ неправильными очертаніями и закругленными углами.

Разборка 1-го пятна. На поверхности грубо обдѣланной въ формѣ лепешки камень известнякъ, плоское круглое основаніе его имѣетъ $6\frac{1}{2}$ сант. въ діаметрѣ, высота 3 сант.. Въ слѣдующихъ слояхъ 3 осколка амфоры и нѣсколько грубыхъ черепковъ черной посуды.

Разборка 2-го пятна. Кромѣ нѣсколькихъ черепковъ черной посуды и амфора и нѣсколькихъ осколковъ кости, ничего не найдено.

Курганъ № 29 (16 ноября 1888 г.). Курганъ расположенъ при впаденіи р. Бѣлозерки въ Бѣлое озеро, на лѣвомъ берегу ея въ 50 саж. на Сѣв.-Вост. отъ дороги изъ Дотова сада къ греблѣ, прибли-

зительно въ 150 саж. отъ гребли и 100 саж. отъ замѣченныхъ здѣсь на берегу остатковъ древнихъ поселеній. Окружность кургана 95 саж., діаметръ черезъ вершину 31 сажень. Раскопка круглымъ колодомъ съ діаметромъ въ 9 арш. Покрываетъ дерномъ цѣлинныхъ травъ (рис. 64).

1-й слой. Въ центрѣ попадаются небольшіе камни въ 2—3 вершка.

2-й слой. На 3 арш. 7 верш. къ ЮЮВ. отъ центра попадаются человѣческія кости, совершенно разрушенныя. Опредѣлить положеніе скелета невозможно. Въ центрѣ кургана найденъ камень въ 8 вершковъ длины.

Въ разстояніи 1 арш. 7 вершковъ на З. отъ центра—камень въ 5 вершковъ длины, возлѣ него нѣсколько остатковъ реберъ, черепокъ изъ черной глины и птичьи кости.

Въ разстояніи 4 арш. къ С. отъ центра—разрушенный черепъ человѣка на правомъ боку, положеніе остальныхъ костей за ветхостью опредѣлить невозможно.

Къ В. отъ этого черепа—въ 13 вершкахъ черепъ человѣка вполне разрушенный.

3-й слой. У самаго центра, нѣсколько къ З., найдено три камня, сложенныя бокомъ - о - бокомъ; одинъ величиною въ $\frac{3}{4}$ арш., а остальные два по $\frac{1}{2}$ арш. длины. При нихъ нѣсколько малыхъ камней.

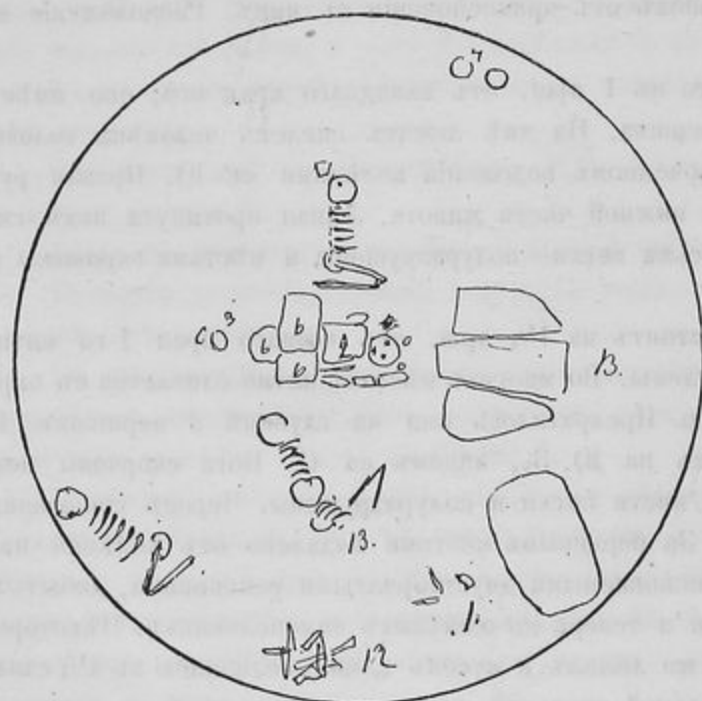

Рис 64.

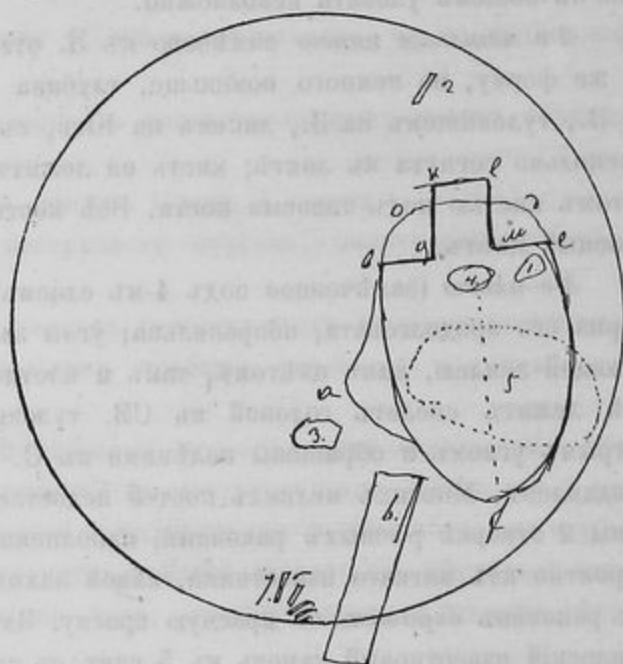

Рис. 65.

4-й слой. Въ разстояніи $2\frac{1}{2}$ арш. къ С. отъ центра — черепъ скелета, лежащаго на лѣвомъ боку, головою на С., туловищемъ на Ю., въ скорченномъ положеніи. Кости совершенно разрушены. Положеніе костей рукъ опредѣлить невозможно. При немъ позади черепа разбитый горшокъ изъ черной глины, съ плоскимъ дномъ, съ прямыми, нѣсколько спускающимися къ низу, стѣнками, напоминающій формою цвѣточные горшки, снаружи и внутри окрашенъ слегка въ розовый цвѣтъ

5-й слой. Въ центрѣ лежитъ скелетъ. Черепъ его выступаетъ къ Востоку отъ центра кургана, а остальная часть скелета къ Западу; онъ лежитъ на спинѣ, кости рукъ протянуты параллельно туловищу, ноги вытянуты. Кости сохранились лучше, чѣмъ въ остальныхъ скелетахъ, но также весьма ветхи; черепъ совершенно раздавленъ. У плеча правой руки 2 створки рѣчныхъ раковинъ; у локтя кремь (nucleus); черепъ и кости рукъ до тазовыхъ костей обставлены небольшими камнями.

6-й слой. На 2 арш. къ югу отъ центра черепъ скелета, положеніе котораго опредѣлить невозможно за ветхостью. Разрушенный черепъ лежитъ на лѣвомъ боку, лицомъ къ сѣверу; скелетъ направленъ къ востоку ногами. Подъ черепомъ ребра другого скелета, лежащаго въ скорченномъ положеніи съ СЗ. на ЮВ. на лѣвомъ боку.

У ЮЗ. стѣны раскопки скелетъ человѣка въ скорченномъ положеніи, на правомъ боку, головой къ Западу, туловищемъ на Вост. Положеніе рукъ опредѣлить нельзя, такъ какъ кости сильно разру-

шны. При ребрахъ найдено *костяное оружіе* въ формѣ молотка съ одной стороны и длиннаго стержня съ другой.

Здѣсь же, при ребрахъ найденъ *волчій зубъ* съ отверстіемъ для привѣшиванія. Къ Востоку отъ черепа скелета, находящагося въ центрѣ кургана, изъ-подъ слѣдующаго 7-го слоя показывается большой камень.

7-й слой. Замѣченный раньше камень имѣетъ 1 арш. 10 верш. длины; ширина его въ одномъ концѣ 1 арш., въ другомъ $\frac{1}{2}$ арш.; по обѣ стороны, въ площади съ нимъ, лежатъ другіе два камня, оба въ 1 арш. длины и $\frac{3}{4}$ ширины въ средней части. Камни не мѣстные, а привезенные, вѣроятно, изъ за Буга. Всѣ три неправильно обтесанные, прикасаются длинными сторонами и прикрываютъ могильное пятно, находящееся непосредственно подъ ними и направленное съ С. на Югъ, длиною 1 арш. 14 верш. и шириною 1 арш., формою четырехугольника съ закругленными прямыми углами. На днѣ пятна лежитъ скелетъ человѣка, сильно *окрашенный красной краской*, положенъ на спину, головой на ЮЮЗ, туловищемъ на ССВ., лицомъ влѣво. Правая рука вытянута вдоль туловища, лѣвая тоже, но кисть послѣдней направлена къ животу. Кости ногъ подогнуты къ тазовымъ костямъ. Колѣни обращены влѣво. Черепъ и кости весьма ветхи, измѣреніе и сохраненіе ихъ невозможны. У Юго - Вост. стѣны замѣчено второе могильное пятно; оно направлено съ СВ. на ЮЗ., длина его 1 арш. 10 верш., ширина 1 арш., глубина 5 верш., отъ начала вершины кургана на глубинѣ 1 арш. 10 вершковъ. Пятно четырехугольной съ округленными углами формой. На днѣ пятна скелетъ человѣка головой на СВ., туловищемъ на ЮЗ., положенъ на спинѣ; черепъ покоится на лѣвой щеке; руки протянуты вдоль боковъ скелета. Ноги согнуты колѣнями влѣво, кости ногъ подобраны къ тазовымъ костямъ. *Скелетъ окрашенъ*; кости разрушены; на костяхъ груди створка рѣчной раковины (Urio.) Положеніе берцовыхъ костей и лѣвой стопы опредѣлить нельзя: онѣ попорчены и растасканы сусликами.

Курганъ № 30. (Рис. 65). 17 ноября 1888 г. Отстоитъ отъ № 29 къ сѣверу приблизительно на 150 саж. Окружность его 43 саж., діаметръ $14\frac{2}{3}$ саж. Курганъ стоитъ на участкѣ, часто вспахиваемомъ. Раскапывается круглымъ, въ 8 арш. въ діаметрѣ колодцемъ.

1-й слой—ничего не найдено.

2-й слой. Въ вост. стороны попадаютъ небольшіе камни, между ними одинъ въ $\frac{1}{2}$ арш. величиною.

3-й слой. У ВСВ. стѣны большая берцовая кость человѣка. Нѣсколько къ центру отъ нея черепокъ черной посуды.

4-й слой. У южной стѣны замѣтны слѣды изгнившаго дерева. Въ 2-хъ арш. отъ центра къ В. камень въ $\frac{1}{2}$ арш. длины, покрытый слоемъ бѣлой извести.

5-й слой. Въ разстояніи 3-хъ арш. отъ центра къ В. камень въ $\frac{1}{2}$ арш.; этотъ камень, какъ и всѣ попадавшіеся раньше, выбѣленъ известью.

Отъ ЮВ. стѣны начинается и продолжается до середины разстоянія къ центру прослойка весьма твердой глинистой земли, въ которой попадаютъ кости человѣка, зубы лошади и нижняя челюсть овцы. Отъ камня (3) начинаются остатки деревяннаго гроба, положеннаго съ ССЗ. на ЮЮЗ. и имѣющаго 2 арш. 13 верш. длины и $\frac{1}{2}$ арш. ширины у обоихъ концовъ.

Доски, составляющія крышку, дно и бока, совершенно истлѣли, за исключеніемъ одной доски вост. стороны, которая мѣстами еще сохранила свою древесину. Стѣнки гроба имѣли вертикальное положеніе, сбиты толстыми *железными гвоздями*, имѣющими до 2-хъ сант. толщины, а у шляпки $3\frac{1}{2}$ сант.; длину гвоздей опредѣлить нельзя: они совершенно разрушились, а сохранившійся конецъ со шляпкой не превышаетъ 6 сант. Крышка, повидимому, состояла изъ доски, прибитой сверху. Въ гробу скелетъ положенъ головою на ЗЮЗ. ногами на ВСВ.; руки сложены по христіанскому обряду на груди; ноги вытянуты; подъ кистью лѣвой руки *мѣдный крестъ* со слѣдами выпуклаго Распятія; вокругъ туловища, повыше тазовыхъ костей *мѣдныя пуговицы*, поляя внутри, состоящая изъ круглой мѣдной пластинки съ колечкомъ внизу и припаянной къ ней сверху конической и закругленной сверху части (табл. XX, 1); такія же пуговицы, расположенныя рядомъ, найдены, начиная отъ нижней челюсти до тазовыхъ костей и ниже. Пять такихъ пуговицъ найдено на лѣвыхъ ребрахъ и болѣе десятка въ разныхъ мѣстахъ гроба. Подъ костями рукъ сохранились 2 куска *суконной ткани*, составлявшіе края пра-

ваго и лѣваго борта одежды; къ правому прикрѣплены описанныя раньше пуговицы, на лѣвомъ же сдѣланы петли, грубо обметанныя ниткой (рис. 66). Петли отстоятъ одна отъ другой въ разстояніи $2\frac{1}{2}$ сант. Пуговицы прикрѣплены къ борту въ такомъ же разстояніи. Пуговицы продѣты сквозь обметанныя дырки въ бортѣ колечками пуговицъ, черезъ которыя съ противоположной стороны протянутъ ремешокъ въ $\frac{1}{2}$ сант. толщины. На концахъ локтевыхъ костей у кистей рукъ сохранились остатки *кожаныхъ обиллаговъ*, какъ видно, тѣсно обхватывавшихъ въ этихъ мѣстахъ руки. Вокругъ гроба могильное пятно распространяется дальше 4—5 вершковъ. Въ западной сторонѣ найдены весьма ветхія кости человѣка, потревоженныя при копаніи этой могилы; между ними найденъ *костяной амулетъ*, сдѣланный изъ черепной кости какого-то животнаго, именно изъ кости, окружающей затылочную дыру черепа. На периферіи его сдѣлано отверстіе для привѣшиванія. Основаніе гроба до стигало конца 6-го слоя.

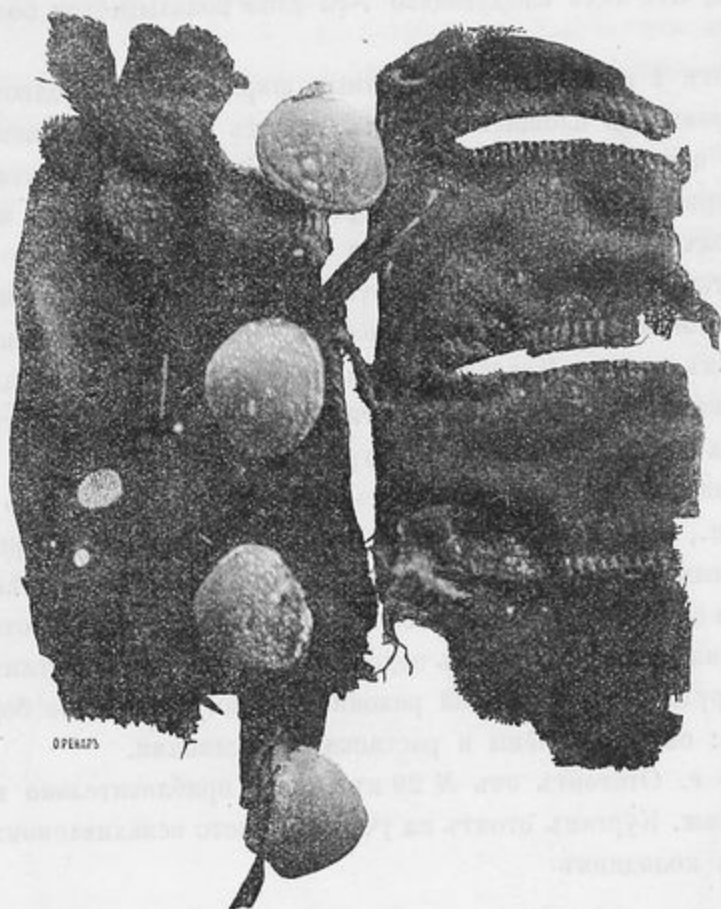

Рис. 66.

7-й слой не далъ находокъ. Подъ нимъ у вост. стѣны показалось пятно неправильной формы a b c d e f, какъ показан на рисункѣ; длина его съ С. на Югъ до 4 арш., а ширина съ В. на Западъ $3\frac{1}{2}$ арш. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пятно сливается съ окружающей землей, вслѣдствіе чего пройденъ еще одинъ слой, при чемъ у края пятна, обозначеннаго на рисункѣ с., найдена куча человѣческихъ костей въ безпорядкѣ. По снятіи 8-го слоя, пятно приняло другую форму, обозначенную на рисункѣ линіей b g k l. m. ef. Длина этого пятна съ С. на Югъ 2 арш. 15 вершковъ, сюда входитъ и придатокъ g. k. lm. въ $1\frac{3}{4}$ арш.; ширина же съ З. на В. 2 арш. 6 вершковъ. На глубинѣ слѣдующихъ 4-хъ вершковъ придатокъ gklm исчезъ, остальная же часть пятна продолжаясь, суживаясь уступами неправильнаго очертанія до глубины 1 арш. 2 вершка отъ начала пятна. Здѣсь на днѣ пятна найдены въ разныхъ мѣстахъ кости человѣка и лошади и камни въ безпорядкѣ, свидѣтельствующемъ о расхищеніи могилы; близость начала этого пятна къ гробу 5-го слоя, подаютъ поводъ предполагать, что ограбленіе могилы относится ко времени этихъ христіанскихъ похоронъ.

Курганъ № 31. 18 ноября 1888 г. На крестьянскомъ надѣлѣ, въ 11 шагахъ отъ обмежка и въ разстояніи 140 шаговъ на ЮЗ отъ кургана № 15, раскопаннаго кладоискателями. Курганъ ежегодно распахивается и покрытъ стерней. Онъ сильно расплылся и едва замѣтенъ, такъ что измѣреніе его очень затруднительно.

Раскопка производится въ формѣ квадрата съ 7 аршинными сторонами, которыя обращены къ В. З. С. и Югу.

1-й слой. Въ разныхъ мѣстахъ слоя найдено 12 известняковыхъ камней отъ 3 вершк. до $\frac{1}{2}$ арш.

2-й слой. Въ разныхъ мѣстахъ найдено 8 камней до $\frac{3}{4}$ арш. величиною.

3-й слой ничего не найдено.

4-й слой. Въ средней части сѣв. линіи раскопки—скелетъ человѣка безъ черепа и многихъ костей, крестецъ, два послѣднихъ позвонка, плечевая кость и три ребра; расположены всѣ эти кости въ такомъ положеніи, что можно скорѣе предположить, что скелетъ брошенъ нежели погребенъ.

Подъ скелетомъ, на глубинѣ 1 арш. $2\frac{1}{2}$ верш. замѣчено могильное пятно, длиною въ $3\frac{1}{4}$ арш. съ С. на В. и 2 арш. $7\frac{1}{2}$ вершк. шириною съ Ю на Сѣверъ. ЮВ. линія пятна отстоитъ отъ центра

кургана на 1 арш. а пятно, неправильной яйцевидной формы, къ востоку уже чѣмъ къ западу; ЮВ. линия пятна болѣе прямолинейна, а западная болѣе выпуклая, чѣмъ остальные. На поверхности, вдоль южной линии пятна, выступаютъ кости.

Пятно обкапывается канавой.

Въ ю.-вост. сторонѣ стѣны могильной ямы съ каждымъ слоемъ замѣтно уходитъ къ сѣверо-западу, а остальныхъ мѣстахъ стѣны его опускаются отвѣсно и прекращаются на глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. отъ начала. Съ С.-В. стороны, недалеко отъ Вост. оконечности пятна, на глубинѣ 14 вершковъ отъ поверхности пятна, замѣчены слѣды небольшой мины къ Востоку въ 1 арш. шириною.

Разборка пятна. У южной окраины пятна, замѣченные раньше кости, оказались *черепомъ и костями* 4-хъ конечностей лошади, положенными на отлогомъ спускѣ южной стѣны могилы. Подъ костями ногъ замѣтны мѣстами слѣды березовой коры.

На днѣ пятна—скелетъ человѣка, положенный головою на ВСВ ногами на ЗЮЗ. Черепъ скелета покоится въ минѣ, конецъ которой отстоитъ отъ могильной ямы въ разстояніи 1 арш. Кости рукъ протянуты вдоль боковъ, у черепа нижняя челюсть далеко отстоитъ отъ верхней. Черепъ имѣетъ довольно выпуклый лобъ, значительно развитыя лицевыя кости и особенно носовую кость. Затылочная кость, къ сожалѣнію, измѣнила свою форму подъ давленіемъ земли, а височныя вышли изъ швовъ, вслѣдствіе чего, суставныя отростки нижней челюсти не приходятся къ своимъ мѣстамъ въ височныхъ костяхъ. Измѣненіемъ формы и положенія этихъ костей можетъ быть объяснено и явленіе сильно открытаго рта скелета. Непосредственно за черепомъ стоитъ *горшокъ* съ плоскимъ дномъ, со слегка округленнымъ профилемъ боковъ, суженной шейкой и расходящимся краемъ у отверстія, сдѣланный изъ грубой черной глины безъ ручекъ и безъ всякой орнаментики. Часть верхняго края отбита во время раскопки. Высота горшка 140 сант., діаметръ отверстія 97 мм. діаметръ дна 70 мм. наибольшая ширина 85 мм. Возлѣ него найденъ кусокъ *костяной ручки* отъ ножа съ выемкой у одной стороны. Пovyше лѣваго плеча, нѣсколько въ сторону кости передней части ягненка. Поверхность лѣвой теменной кости черепа человѣка окрашена зеленой окраской, величиною въ горошину, отъ мѣднаго предмета, который не удалось розыскать. На костяхъ скелета лежитъ плотный слой изгнившей кожи и шерсти. Вдоль скелета, съ правой и лѣвой стороны тянутся остатки истлѣвшаго дерева. У правой стороны тазовой кости найдено *мѣдное украшеніе отъ пояса* въ 34 мм. длины и 12 м. ширины, сдѣланное изъ двухъ горизонтальныхъ тонкихъ пластинокъ, находящихся одна надъ другой въ разстояніи 3-хъ мм., съ одного края закругленныхъ, а съ другой прямолинейныхъ и спаянныхъ вмѣстѣ при помощи мѣдной, вертикально стоящей и загнутой пластинки въ 5 мм. ширины: повидимому, это была обдѣлка оконечности ременнаго пояса на подобіе и теперь встрѣчающихся на Кавказѣ. Вокругъ верхней части тазовыхъ костей найдены и другія украшенія, доказывающія это предположеніе. Найдена пара тонкихъ *мѣдныхъ пластинокъ*, одна изъ нихъ, болѣе уцѣлѣвшая, имѣетъ 53 мм. длины и 17 м. ширины къ одному краю ея приклепанъ мѣдный штифтикъ, служившій для прикрѣпленія его къ ремню; другая пластинка той же ширины съ отломаннымъ концомъ. При нихъ найдена соединявшая ихъ боковая пластинка въ 3 мм. ширины. Здѣсь же, немного лѣвѣе, найдено *19 кусочковъ* отъ такихъ же пластинокъ—остатковъ украшеній пояса. У лѣвой стороны таза 3 болѣе плотныхъ украшенія въ видѣ круглыхъ, *плоскихъ мѣдныхъ пуговицъ* съ стержнями, которыми онѣ были придѣланы къ поясу и мѣдная пряжка, совершенно такая же, какъ найденныя въ курганѣ № 14. Подъ крестцомъ—*жельзная пряжка*, совершенно перержавленная, *кусочекъ кремня* молочнаго цвѣта и кусокъ перержавленнаго желѣза, у правой кисти руки—*кусочекъ кремня* молочно-голубаго цвѣта. У лѣваго локтя расположены *костяныя (украшенія)* пластинки длиною 15 и 20 мм. сложенныя попарно плоскими сторонами. Наружныя стороны каждой пары пластинокъ закруглены и нѣкоторыя изъ нихъ украшены нарѣзками въ формѣ полосокъ; между каждой парой пластинокъ замѣченъ слой изгнившаго дерева и другого неопредѣленнаго вещества.

Пластинки расположены по длинѣ своей почти параллельно направленію скелета. Возлѣ лѣвыхъ берцовыхъ костей найдены такія же пластинки, но въ меньшемъ числѣ. Какъ тѣ, такъ и другія весьма ветхи и ломаются при извлеченіи изъ земли. Отъ первыхъ къ послѣднимъ тянется дугообразно слой изгнившаго дерева въ формѣ *лука*, дающій поводъ думать, что костяныя пластинки служили отдѣлкой краевъ лука. Крайнія изъ пластинокъ, находящихся у плеча, заострены и плоски. Рядомъ съ ними,

въ разстояніи 4-хъ вершковъ, лежитъ 3 *железныхъ наконечника стрѣлы*, направленные остріями на ВСВ. Отъ нихъ въ противоположную сторону, т. е. въ направленіи положенія скелета и лука (?) замѣтны слѣды изгнившихъ древокъ, оканчивающихся приблизительно тамъ же, гдѣ и лукъ, съ ясносохранившимися *остатками березоваго колчана*. Какъ лукъ (?), такъ и стрѣлы съ древками и колчаномъ помѣщаются на 2 вершка ниже скелета въ особыхъ канавкахъ, вырытыхъ въ материковомъ днѣ пятна.

Разстояніе между этими предметами и скелетомъ лошади занято остатками *конской сбруи*, отъ которой уцѣлѣли *железные удила* въ полуразрушенномъ видѣ, *два кольца*, 1 *пряжка*, нѣсколько кусковъ желѣза, куски изгнишаго дерева и при нихъ обломки тоненькихъ *мѣдныхъ пластинокъ*.

Курганъ № 32 (22, 23, 24 ноября 1888 года) называемый Крученымъ курганомъ, въ полуверстѣ отъ городища къ сѣверу и въ $\frac{1}{4}$ версты отъ материковаго обрыва берега долины рѣки Днѣпра къ СВ.

Окружность кургана 55 саж., діаметръ 20 сажень съ СЗ. на ЮВ. и $16\frac{2}{3}$ саж. съ ЮЗ. на СВ.; курганъ окруженъ широкою выемкой, которая съ СВ стороны имѣетъ наибольшую ширину и глубину. Курганъ часто распаивается. Раскопка производится въ формѣ круглаго колодца, діаметромъ въ 10 арш.

Въ 1 и 2 слояхъ ничего не найдено.

3-й слой. Въ центрѣ кургана найденъ камень (раковистаго известняка), грубо обдѣланный въ формѣ сплюснутаго шара, въ $2\frac{1}{4}$ вершка ширины и 1 вершка вышины. Камень покрытъ со всѣхъ сторонъ толстымъ слоемъ сажи.

4-й слой. Въ 3-хъ аршинахъ къ югу отъ центра *горшокъ* грубой работы изъ черной глины, имѣющій плоское дно и въ профилѣ прямолинейныя, расходящіяся кверху стѣнки. Горшокъ раздавленъ на мелкіе куски.

5-й слой. Въ разстояніи $\frac{1}{2}$ арш. къ ВЮВ. отъ центра черепъ челоуѣка и скелеть, положенный на спинѣ, съ протянутыми у боковъ руками и вытянутыми по линіи скелета ногами. Кости совершенно разрушены—порошкообразны.

Скелеть лежитъ головою на В., ногами на З.

6-й слой. Ничего не найдено.

7-й слой. У западной стѣны раскопки обнаружены кости скелета челоуѣка, положеннаго на спинѣ, головою на СВ., ногами на ЮЗ. Кости рукъ протянуты у боковъ. Ноги согнуты колѣнями вверхъ такимъ образомъ, что колѣни соприкасаются, а берцовыя кости книзу расходятся въ сторону; кости разрушены—порошкообразны, *окрашены яркой красной краской*; при черепѣ найдены мелкіе куски этой краски въ порошокъ; подъ скелетомъ глиняная смазка и мѣстами березовая кора. Начиная отъ лѣваго локтя на протяженіи $1\frac{1}{2}$ аршина по направленію къ черепу, тянутся слѣды изгнившей толстой деревянной дубины. Этотъ слой соотвѣтствуетъ первому слою чернозема. Весь курганъ отъ перваго до послѣдняго слоя состоялъ изъ необыкновенно рыхлой, сначала черной земли, а начиная съ 7 слоя, съ примѣсью глины.

Подъ 7-мъ слоемъ въ восточной сторонѣ оказалось *могильное пятно* на глубинѣ 2-хъ арш. 15 вершковъ отъ поверхности кургана. Половина пятна оказалась за стѣною раскопки, вслѣдствіе чего здѣсь сдѣлана добавочная раскопка стѣны на $2\frac{1}{2}$ арш. Могильное пятно оказалось овальной формы, длина его 3 арш. 10 вершковъ, ширина 3 арш. 3 вершка. У СВ. края пятна стоитъ вертикально, плоскій камень, въ 1 арш. 6 вершк. длины и 1 арш. ширины.

Пятно обкапывается канавой, которая обнаружила, что первоначальное очертаніе его продолжается до глубины $1\frac{1}{4}$ аршина. Въ изслѣдованной землѣ, составлявшей могильную насыпь, ничего не оказалось. Дальнѣйшее изслѣдованіе обнаружило, что могильное пятно, углубляясь далѣе, суживается и на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. отъ своего начала, имѣетъ въ длину $2\frac{1}{2}$ арш., а въ ширину арш. 14 вершк., сохраняя овальную форму. Съ сѣверной стороны оно обложено камнями въ видѣ стѣнки. На камняхъ толстый слой березовой коры, а у основанія одного изъ нихъ *два костяныхъ орудія* въ видѣ пластинокъ, имѣющихъ 25 ммт. ширины у одного края и суживающихся до 0° къ противоположному концу; длина одной 16 сант., другой 15 сант., толщина 2 мм. Эти костяныя орудія, вслѣдствіе неосторожности моей, попали въ руки рабочихъ и изломаны ими въ малые куски. Разобрана каменная стѣна и приступлено къ дальнѣйшему изслѣдованію пятна. Углубивши яму еще на 5 вершковъ, обнаружилъ плос-

кую каменную плиту, въ 2 арш. 10 вершковъ длины и 1½ арш. ширины; подъ нею скелетъ человѣка, положенный на спинѣ, головою на ЮЗ.; кости рукъ протянуты вдоль боковъ, при чемъ лѣвая рука нѣсколько больше правой отброшена въ сторону; ноги согнуты колѣнными вправо. Всѣ кости скелета сильно окрашены краснымъ порошкомъ, съ очень развитыми лицевыми костями и скошеннымъ лбомъ. Изъ костей скелета обращаютъ на себя вниманіе поясничные позвонки своею необыкновенно крупною величиною. Дно пятна имѣетъ у СВ. края 1 арш., у ЮЗ. ½ аршина ширины и 2 арш. 6 вершковъ длины.

Курганъ № 33. Въ разстояніи около 55 саж. на СВ. отъ № 82-го. Окружность 23½ саж., діаметръ 7 саж. Раскапывается колодцемъ въ 6 арш. діаметромъ.

2-й слой. У СВ. стѣны раскопки черепки раздавленнаго грубаго *чернаго горшка*.

3-й слой. Въ томъ же мѣстѣ *порошокъ красной краски*.

По снятіи 4-го слоя выяснилось могильное пятно слѣдующаго очертанія. Длина его 4½ арш., ширина 3 аршина. Пятно обкапывается канавой.

На глубинѣ 12 вершковъ оно прекратилось.

Разборка пятна. Въ первомъ слое у СВ. стороны оказались кости человѣка: лопатка, локтевая и лучевая кости и нѣсколько осколковъ обожженныхъ костей, въ безпорядкѣ кости пястья и запястья руки. Въ центрѣ обожженные небольшіе камни, рыбная чешуя и осколки обожженныхъ костей.

Одна изъ стѣнъ носитъ слѣды огня. Здѣсь найдена нижняя челюсть человѣка, кости пястья и запястья руки и нѣсколько обгорѣлыхъ осколковъ костей. При разборкѣ пятна далѣе вглубь, въ СВ. и ЮВ. сторонѣ, ничего болѣе не найдено, въ центральной же части оказалось новое могильное пятно имѣющее 3 арш. длины и 1¼ арш. ширины и окончившееся на ½ аршина глубже предыдущаго; на днѣ его оказался человѣчскій скелетъ, головою на СВ., ногами на ЮЗ., лицомъ кверху. Кости рукъ скелета протянуты у боковъ, ноги вытянуты. Всѣ кости очень ветхи и *окрашены красной краской*. Черепъ измѣнилъ свою первоначальную форму отъ тяжести земли. Ростъ скелета 2 арш. 3 вершка. Въ разстояніи 9 вер. отъ черепа—*кувшинъ* грубой работы изъ черной глины съ ручкой.

Курганъ № 34. Къ СВ. отъ № 33 почти на 100 саж.; окружность его 42⅔ саж., діаметръ 14⅔ сажени. Раскапывается колодцемъ съ діаметромъ въ 6 арш.

Въ 3-мъ слое у С. стѣны раскопки скелетъ человѣка на СВ. головою, а ногами на ЮВ., правая рука протянута къ низу живота, лѣвая подъ тазовую костью, ноги вытянуты; величина скелета 2 арш. ½ вершка. У правой стороны черепки *чернаго* грубой работы *горшка*. Въ разстояніи 1 арш. къ центру отъ него *другой*

Рис. 67.

(рис. 67) изъ черной глины, слегка окрашенный въ желто-розовый цвѣтъ, грубо орнаментированный вдавленными палочкой или костью углубленіями. Высота его и наибольшая ширина 12 сант., отверстіе 9½ сант., діаметръ дна 6½ сант. Черепъ скелета раздавленъ, имѣетъ скошенный лобъ и выдавшіяся скулы. Подъ 4-мъ слоемъ выяснилось могильное пятно въ центрѣ кургана; длина его съ В. на З. 2 арш. 1 верш., ширина 1 арш. 11 вер., глубина 5 верш.; на днѣ пятна найдены въ беспорядкѣ кости человѣческаго скелета, разбросанныя и разрушенныя сусликами и мышами.

Курганъ № 35. Расположенъ у обрыва берега р. Дибра, на т. наз. Крученомъ спускѣ. Окружность 42 сажени, діаметръ 14 сажень. На вершинѣ его впадина глубиною въ ½ аршина, шириною въ 3 аршина.

Въ первыхъ 3-хъ слояхъ ничего не найдено.

Въ центрѣ замѣчаются слѣды ямы, подъ замѣченной раньше впадиной.

4-й слой. Въ разстояніи 5 арш. къ востоку отъ центра куски раздавленнаго *горшка* въ формѣ макотры грубой работы изъ черной глины, имѣющей 7 вершковъ въ діаметръ отверстія.

5-й слой. Въ 2-хъ арш. 10 вершкахъ къ ЮВ. отъ центра кости человѣческой ступни и берцовыя кости перерубленныя на срединѣ; у мѣста отруба замѣчена полоса какъ бы могильной ямы. Отъ нея къ центру замѣчается рыхлая черная земля и въ ней осколки костей и *черепки черной грубой посуды*

и обожженной желтой. По окончаніи 6-го слоя выяснилось пятно неправильной формы съ ясными признаками работы кладовскателей, объясняющими и происхождение замѣченной до начала работы выемки на вершинѣ кургана.

Въ насыпи замѣчается множество *осколковъ битой посуды* и костей.

Раскопка кургана, какъ несомѣнно разграбленнаго, прекращена.

Курганъ № 36 (см. планъ Бѣлозерскаго городища). Курганъ едва замѣтенъ. Раскапывается круглымъ колодцемъ въ 8 арш. діаметромъ.

Въ 1 и 2 слое найдены у сѣв. стѣны *черепки* желтой глиняной посуды съ толстыми стѣнками.

Подъ 4-мъ слоемъ показались неясные слѣды какъ бы могильной ямы у юго-вост. стѣны.

Подъ 5-мъ выяснилось два пятна. Одно изъ нихъ начинается въ разстояніи $1\frac{3}{4}$ ар. отъ южной стѣны раскопки, имѣетъ здѣсь $2\frac{1}{2}$ аршина и по мѣрѣ приближенія къ стѣнѣ, постоянно расширяясь, достигаетъ 3-хъ арш. и теряется за стѣною раскопки. Отъ него тянется на сѣверъ другое узкое пятно въ формѣ ленты, длиною въ 4 арш. 1 верш., а шириною мѣстами $\frac{1}{2}$ арш., мѣстами же въ $\frac{3}{4}$ арш. Къ этому пятну съ Вост. стороны примыкаетъ другое значительно свѣтлѣе 1-го, имѣющее 1 арш. 14 вершковъ по линіи окранны раскопки; оно также теряется за линіей раскопки и также имѣетъ узкій придатокъ въ 1 арш 15 вершковъ длины, параллельный первому, такой же ширины, какъ и предыдущій.

Обкопка этихъ пятенъ канавой обнаружила южный край ихъ не далѣе $\frac{1}{4}$ арш. отъ стѣны раскопки и дно на глубинѣ 5 вершковъ.

Въ концѣ придатка оказались осколки *толстостѣнной желтой глиняной посуды*: въ средней части горлышко *амфоры*, въ остальныхъ мѣстахъ пятенъ кромѣ такихъ же черепковъ и осколковъ костей ничего не найдено.

Курганъ № 37 (см. планъ Бѣлозерскаго городища). Расположенъ между курганами городища и въ разстояніи отъ кургана № 7 и 6.

Раскапывается круглымъ колодцемъ имѣющимъ, діаметръ въ 9 аршинъ.

1-й слой. Въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько *черепковъ* толстостѣнной глиняной посуды.

2-й слой. Въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько черепковъ, а у западной стѣны пращевой камень в 5,5 сант. въ діаметрѣ.

3-й слой. Въ разстояніи 1 арш. отъ сѣверной стѣны глиняная *пряслица*.

Подъ 5-мъ слоемъ, на глубинѣ 1 арш. 5 вершковъ отъ поверхности кургана въ ССВ. части оказалось могильное пятно, выходящее за предѣлы раскопки на 6 вершковъ.

Пятно имѣетъ неправильную форму; одна сторона, обращенная къ центру раскопки, имѣетъ $2\frac{3}{4}$ арш. длины, другая, обращенная къ периферію 3 арш. 3 вершкамъ. Сторона, лежащая въ окружности, $1\frac{1}{2}$ аршина, выходящая за предѣлы окружности $1\frac{1}{4}$ арш.

При откапываніи могильнаго пятна канавой, на глубинѣ 11 вершковъ отъ поверхности, въ вост. углу замѣчена мина, отходящая къ ЮВ и СВ. На этой глубины она имѣетъ уже $\frac{3}{4}$ аршина ширины и отошла отъ этого угла могильной ямы на 6 вершковъ. У сѣвернаго угла ямы признаковъ мины не замѣчается; но они ясны по всей стѣнѣ канавы, противоположной СВ. сторонѣ могильнаго пятна (ямы), граница мины выражается здѣсь прямой линіей, направляющейя отъ восточнаго угла могильной ямы къ С. и кривой линіей идущей къ востоку. Изслѣдованіе СВ. стѣны канавы выяснило, что вершина мины имѣетъ нѣсколько свообразную поверхность. Вершина мины начинается на глубинѣ 11 вершк. отъ начала канавы, дальнѣйшее углубленіе которой въ вост. части временно прекращается, а продолжается углубленіе ея въ остальныхъ мѣстахъ; пятно прекратилось на глубинѣ 1 арш. 6 верш. отъ начала ея и на глубинѣ 3 арш отъ вершины кургана.

Дно западной части могильнаго пятна постепенно опускается къ Востоку и кажется такимъ образомъ на 14 вершковъ выше дна восточной стороны.

Изслѣдованіе стѣны одной изъ канавъ обнаружило, что материковая земля отдѣляется здѣсь отъ насыпи мины весьма твердымъ слоемъ глиняной смазки, толщиной около 4 вершковъ, а изслѣдованіе дна мины у могильнаго пятна обнаружило дно ея на 4 вершка ниже дна могильнаго пятна. Для выясненія (дна) величины и формы мины приступлено къ раскопкѣ ея послойно сверху. Съ этой цѣлью

производится добавочная раскопка надъ миной на протяженіи $2\frac{1}{2}$ арш.; на глубинѣ 15 вершковъ, получилое ясное очертаніе пятна въ формѣ полуовала, у котораго сноованіе обращено къ западу и имѣеть 2 арш. длины, а высота овала 2 арш. 14 вершковъ. На глубинѣ 2 арш. 2 вершковъ оказа-лось дно этого пятна.

Разборка пятна могильной ямы. Во всей насыпи этого пятна ничего не найдено кромѣ 2 неболь-шихъ кусочка перержавленнаго желѣза

Разборка пятна мины. На днѣ его расположены слѣдующія находки.

Въ сѣв. углу стоитъ въ вертикальномъ положеніи небольшая (14 сант. выш.) амфора; она прижата къ самой стѣнѣ, въ 6 вершкахъ отъ нея къ югу лежитъ *изящная вазочка* изъ терракоты, высотой 10 сант. и $7\frac{3}{8}$ сант. въ отверстіи и $11\frac{3}{8}$; между крайними точками ручекъ кости передней ноги и лопатка быка; на ней *ножъ съ костяной ручкой* совершенно разрушенный. Рядомъ съ плечевой костью лежитъ кусокъ глиняной *черепицы*, слегка согнутой дугообразно и имѣющей въ ширину 51 сант. Край ея съ правой и лѣвой стороны имѣютъ выпуклыя закраины, вышиною и шириною по 5 сант.; на внутренней ея сторонѣ клеймо, изображенное на рис. 37.

На черепицѣ лежитъ изящная *глиняная терракотовая черная тарелочка* въ $9\frac{1}{2}$ сант. ширины и $2\frac{3}{8}$ сант. вышины. Между костями быка найдена *глиняная пряслица* и *глинянное кружало*. Далѣе къ ЮВ замѣчены ребра и другія кости ягненка возлѣ совершенно разрушеннаго человѣческаго черепа, еще далѣе человѣческія кости: ребра, плечевыя и локтевыя кости, кости пальцевъ, бедра и другія разрушенныя и разбросанныя въ безпорядкѣ, дающемъ, впрочемъ, возможность заключить, что скелеть былъ распо-ложенъ головою на СЗ, ногами на ЮВ. Возлѣ черепа найдено *мѣдное кольцо*—серга. Вся насыпь могиль-ныхъ пятенъ этого кургана изрыто по всеѣмъ направленіямъ норами грызуновъ.

Курганъ № 38 (см. планъ Бѣлозерскаго городища). Раскапывается крутымъ 9 ар. діаметра ко-лодцемъ.

Въ 3-мъ слоѣ отъ центра въ разстояніи 3-хъ аршинъ на ЮЗЮ рѣчная раковина; на 3 аршина къ югу отъ центра большой разбитый грубой работы горшокъ въ формѣ макотры, съ грубой орнамен-тикой. Сосудъ имѣеть въ верхнемъ отверстіи 7 вершковъ, а въ высоту $6\frac{1}{2}$ вершковъ. Возлѣ него бедро человѣческаго скелета.

Въ разстояніи 3-хъ аршинъ на ЗЮЗ. рѣчная раковина; на разстояніи 2 аршинъ къ ЮВ. отъ центра *горшокъ* грубой работы изъ черной глины съ круглымъ дномъ у затылка человѣческаго ске-лета, расположеннаго на правомъ боку, головою на ЮВ.; кости разрушены и положеніе отдѣльныхъ костей опредѣлить невозможно.

Въ 4-мъ слоѣ въ 2-хъ аршинахъ отъ центра черепъ человѣческаго скелета, расположеннаго го-ловою на Ю., туловищемъ на С.; скелеть въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку. Плечевая кость правой руки на ребрахъ правой стороны, колѣни направлены къ западу, кости пятокъ при тазовыхъ костяхъ. Передъ лицевыми костями черепа найденъ *горшокъ* изъ черной глины грубой работы и съ плоскимъ дномъ. Въ разстояніи $3\frac{3}{4}$ арш. къ ЮЗ. отъ центра дѣтскій скелеть, совершенно разрушен-ный. Кости ногъ вытянуты, руки протянуты вдоль боковъ, лежитъ головою на С. ногами на Югъ.

Къ Сѣверу за черепомъ *кувшинъ* грубой работы, изъ черной глины съ ручкой вышина его 16,6 сант.; ширина отверстія 9 сант. Въ центрѣ кургана нѣсколько къ Югу *горшокъ* грубой работы, изъ черной глины, съ плоскимъ дномъ, съ орнаментикой. Возлѣ горшка разрушенныя кости человѣческаго скелета; опредѣлить ихъ расположеніе не удалось. На 3 арш. 3 вершка къ СВ. отъ центра чернѣй *гор-шокъ* изъ черной глины, грубой работы, съ орнаментикой. Возлѣ горшка куча костей, разрушенныхъ временемъ и разбросанныхъ сусликами.

6-й слой. Въ 3 аршинахъ 13 вершкахъ къ ЮЗ. отъ центра—черепъ скелета, лежащаго на лѣ-вомъ боку, головою къ ЮВ., ногами къ СЗ., въ скорченномъ положеніи. Все кости скелета *окрашены красной краской*. Вокругъ шеи и на ребрахъ собрано 16 *волчьихъ и лисьихъ зубовъ* съ дырочками для привѣшиванія, 17 цилиндрическихъ *костяныхъ украшеній* съ винтообразными нарѣзками, 3 длинныхъ куска птичьей трубчатой кости и 4 короткихъ широкихъ *костяныхъ бусы*. У затылочныхъ костей че-репа найденъ *горшокъ* съ круглымъ основаніемъ, окончивающимся вдавленіемъ внутрь горшка, величиною въ пятакъ.

Подъ 5-мъ слоемъ выяснилось могильное пятно, величиною въ 2 аршина 10 верш. съ З. на В., ширина его въ Зап. части 1 арш. 1½ верш. въ средней—1 арш. 2½ верш. и въ Вост. 1 арш. 4½ верш.

На глубинѣ 4-хъ вершковъ пятно прекратилось. На днѣ его, вымазанномъ светлой зеленой глиной лежитъ скелетъ, вымазанный краснымъ порошкомъ; кости его разрушены до порошкообразнаго состоянія. Скелетъ расположенъ на спинѣ, головою на западъ. Кости рукъ протянуты у боковъ, кости ногъ согнуты колѣнями на право, т. е. къ югу. Кости пятокъ отстоятъ отъ тазовыхъ костей на ½ аршина.

Курганъ № 39. (рис. 68) Лежитъ къ Западу отъ описанной группы кургановъ на материковомъ берегу р. Днѣпра. Представляетъ изъ себя еле замѣтное возвышеніе надъ остальной поверхностью земли. Раскапывается круглымъ колодезъмъ съ діаметромъ въ 9 аршинъ.

Въ первыхъ двухъ слояхъ ничего не найдено.

Въ 3-мъ слое отъ центра къ югу тянется на протяженіи 2-хъ аршинъ 2-хъ вершковъ рядъ каменныхъ плитокъ (дикарь), отъ 4-хъ до ¾ арш. величиною, всѣ они наклонены отъ В. къ Западу. Подъ ними нижняя челюсть человѣка.

Въ 5-мъ слое. Такой же рядъ камней отъ центра къ Западу на протяженіи 1 арш. 6 вершковъ. Подъ ними височная кость человѣческаго скелета, кусокъ плечевой кости, позвонокъ и лучевая кость человѣка. Въ центрѣ кургана кусокъ слюдистаго песчаника. Въ 4½ аршинахъ къ Западу отъ центра—скелетъ человѣка, на лѣвомъ боку, въ скорченномъ положеніи, у скелета недостаетъ черепа и верхнихъ частей плечевыхъ костей. Скелетъ былъ положенъ головою на ССЗ., остальнымъ туловищемъ на ЮЮВ, колѣни обращены на СВ. Кости пятокъ на ½ арш.

отстоятъ отъ тазовыхъ костей. Въ 3½ арш. отъ центра къ СВ. человѣскій скелетъ на лѣвомъ боку, головою къ В., ногами къ Западу, черепъ обращенъ лицомъ книзу. Правая рука согнута и обращена кистью къ черепу, лѣвая тоже согнута, но кистью отращена къ Югу. Кости ногъ согнуты и колѣнями обращены къ ЮЗ.

Подъ пятымъ слоемъ замѣчено могильное пятно, направленное къ ЗЗС. отъ центра, оно имѣетъ въ длину 4 арш. 13. вершковъ. Ширина въ срединѣ равна 1 арш. 13 вер., постепенно суживается къ острымъ закругленнымъ концамъ; на границѣ пятна замѣчены 2 маленькія юршечка. Одинъ имѣетъ 6,7 сант. вышины и 8 сант. въ отверстіи, грубо орнаментированъ нарѣзками въ видѣ палочекъ и крестиковъ, сдѣланныхъ острымъ оружіемъ (ножемъ?). Другой меньшей величины безъ всякой орнаментики 4,7 сант. вышины и 7 сант. въ отверстіи; дно коническое ¹⁾. У сѣверной окраины пятно прекратилось на глубинѣ 5 вершковъ. По разборкѣ могильной насыпи оказалось, что дно пятна имѣетъ уклонъ съ Сѣвера на Югъ. У сѣвернаго края расположены, на покатости дна съ запада на востокъ, черепъ коня (табл. XIII); за нимъ переднія конечности его; далѣе 2 камня величиною около 5 вершковъ каждый, а еще дальше къ Вост. истлѣвшіе остатки деревяннаго ленчика отъ *спдла* и кости заднихъ конечностей. Параллельно съ костями коня положенъ скелетъ человѣка, направленный такъ же головою на Зап., ногами на Вост. Скелетъ покоится въ особомъ углубленіи, вырытомъ въ общемъ днѣ могильной ямы. Скелетъ прикрытъ плотнымъ слоемъ изгнившей кожи и шерсти и слоемъ изгнившаго дерева толщиною въ ½ вершка и шириною около 1½ аршина. Каждая кость окружена слоемъ изгнившей кожи и шерсти; мѣстами замѣчаются остатки *ткани*. Величина скелета 2 арш. 6 вершк. Онъ лежитъ на спинѣ руки протянуты у боковъ, ноги вытянуты. Кости плохо сохранились. Съ лѣвой стороны черепа остатки неиз-

¹⁾ Они не могутъ быть отнесены къ этому погребенію, потому что оно совершенно въ курганѣ, уже поврежденномъ.

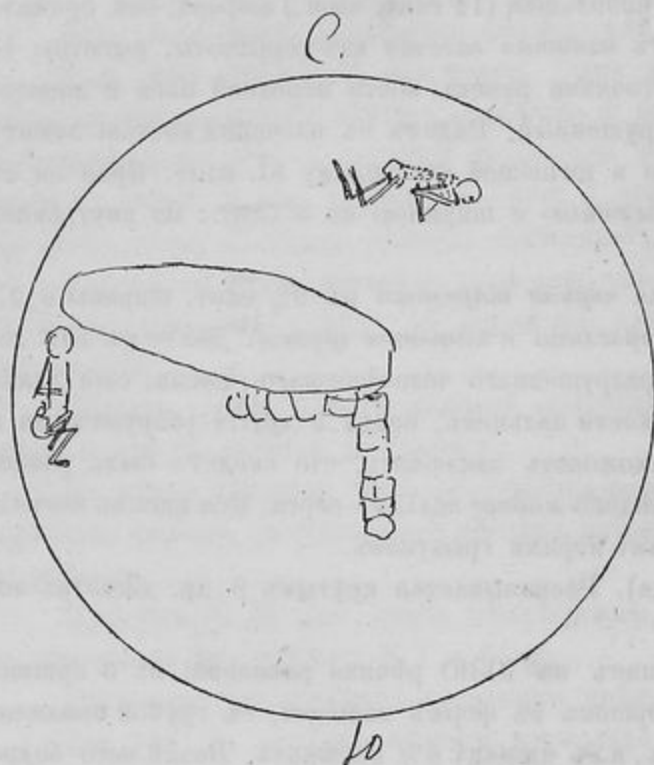

Рис. 68.

вѣстнаго *жельзнаго оружія* съ роговой ручкой. У лѣваго уха *золотая серьга въ видѣ кольца* въ 2 сант. въ діаметрѣ. На груди *золотой крючекъ* въ 1, 6 сант. (застежка) у верхней части правого бедра—другой такой же крючекъ. На нижней половинѣ берцовыхъ костей *10 мѣдиныхъ пуговицъ* одна большая, украшенная по окружности мелкими кружочками и 9 меньшихъ. У кисти правой руки *кольцо*, двѣ трети его изъ металла (серебра) и одна треть занята 4 шариками изъ голубого стекла.

Курганъ № 40-й. Одинъ изъ группы кургановъ, лежащей между Дотовымъ садомъ, Пащихой и средними сараями, представляетъ изъ себя еле замѣтное возвышеніе на лѣво отъ дороги и рядомъ съ разрытымъ кладонскателями курганомъ.

Раскапывается въ формѣ круглаго колодца діаметромъ въ 9 арш.

Въ 1-хъ двухъ слояхъ ничего не найдено. Послѣ *третьяго* слоя выяснилось могильное пятно длиною съ В. на Зап. 2 ар. 14 вершк., а въ ширину 1 арш. 5 вершковъ. Въ первомъ слоѣ канавы замѣчается вездѣ рыхлая глина, кромѣ западной стороны, гдѣ она весьма тверда. Во второмъ слоѣ канавы замѣчается то же. На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ аршина отъ начала пятна по сѣверной окраинѣ замѣчается расширеніе пятна въ канаву къ СВ. На глубинѣ 1 арш. 13 верш. оно отстоитъ уже на 7 вершковъ; на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш. на 1 аршинъ; на глубинѣ 2 арш. 3 вершка въ юз. сторонѣ пятно прекратилось. При изслѣдованіи его въ профиль съ ЮВ. и СЗ. сторонъ ясно замѣтна ступенька, удаляющая ЮЗ. сторону пятна на 4 вершка къ СВ. На глубинѣ $12\frac{1}{2}$ вершковъ отъ первой ступеньки замѣчается вторая также еще разъ удалившая ЮЗ. сторону пятна къ СВ. на 4 вершка. На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ аршина отъ второй ступеньки т. е. на глубинѣ 4 арш. 3 вершковъ отъ начала пятна замѣчено дно могильной ямы. Приступлено къ разборкѣ содержимаго пятна и мины выходящей къ СВ. за предѣлы канавы.

Разборка могильнаго пятна. Могильная насыпь изрыта норами овражковъ. На двѣ могильной ямы замѣчена настилка березовой коры. Въ ЮВ. сторонѣ могильной ямы найдены слѣды человѣческихъ костей въ безпорядкѣ: 2 бедра, случевая кость, 2 большихъ и 2 малыхъ берцовыхъ костей, а въ серединѣ СВ. линіи пятна нѣсколько реберъ. Отъ СВ. линіи пятна къ СВ. мина отходитъ на 2 арш. 5 вершковъ. Наибольшая ея ширина, у стѣны ямы, 4 арш. Дно мины, постепенно понижаясь отъ дна первоначальнаго пятна, углубляется на 5 вершковъ ниже его. На днѣ мины найдены въ безпорядкѣ въ разныхъ мѣстахъ слѣдующія кости человѣческаго скелета: черепъ, лучевая кость, лопатка, тазъ, нѣсколько реберъ, нѣсколько позвонковъ; всѣ кости сильно разрушены. Насыпь мины такъ же какъ и насыпь могильнаго пятна сильно изрыта по всѣмъ направленіямъ норами сусликовъ.

Курганъ № 41. Въ той же группѣ, гдѣ и № 40-й и въ 15 шагахъ отъ № 22 и № 20. Раскапывается круглымъ колодцемъ, діаметръ котораго 10 арш. Въ 1 слоѣ найдено *жельзное кольцо* сравнительно новаго происхожденія. По святіи 3-го слоя въ центрѣ кургана выяснилось могильное пятно а подъ ЮЮЗ. стѣной раскопки замѣченъ камень. Длина пятна съ ЮВВ. на ЗЗС.—3 аршина ширина 1 арш. 5 вершковъ изъ подъ верхняго его слоя торчатъ кости скелета, лежащаго головою къ Востоку ногами на Западъ. Кости рукъ протянуты вдоль боковъ; ноги вытянуты. На ступнѣ правой ноги *жельзное стремя*. Колѣно этой ноги нѣсколько приподнято; ротъ раскрытъ. Между костями ногъ, по ниже тазовыхъ костей *жельзное кольцо*, діаметромъ $1\frac{1}{2}$ вершка. *Другое* меньшее подъ крестцомъ; величина скелета $2\frac{1}{4}$ аршина. Черепъ сохраненъ. Пятно окапывается канавой въ 1 арш. ширины. На глубинѣ 2 арш. 11 вершковъ обнаружено удаленіе ЮВ. границы пятна къ СЗ. двумя ступеньками на 4 вершка, всего на $\frac{1}{2}$ аршина.

Затѣмъ повиженіе могильной ямы съ этой стороны прекращается. Съ СЗ. стороны на глубинѣ 2 арш. 2 вершковъ замѣтно удаленіе могильной ямы къ ССЗ. въ видѣ мины. Земля, наполняющая ее, состоитъ изъ рыхлой глины, рѣзко отличающейся по цвѣту отъ насыпи могильной ямы. Дно мины имѣетъ слабый наклонъ отъ дна могильной ямы и крайній предѣлъ его съ ССЗ. стороны ниже дна могильной ямы на 4 вершка. При удаленіи пятна мины отъ первоначальнаго могильнаго пятна, оно свачала расширялась, въ разстояніи 1-го аршина оно достигло ширины 3 арш. 12 вершковъ, за тѣмъ стало суживаться и прекратилось въ разстояніи 1 арш. 2 верш. отъ ССЗ. стѣны могильнаго пятна. Дно могильнаго пятна и дно мины оказались изрытыми норой лисицы. Съ лѣвой стороны мины найдены 2 кости бедра человѣка, 2 плечевыхъ, нѣсколько реберъ, лопатка, нижняя челюсть и нѣсколько позвонковъ. Въ правой сторонѣ 2 черепа, ключица, кости пальцевъ руки, 2 плечевыя к. чело-

вѣка и ребро быка. Всѣ эти кости найдены при началѣ мины. Далѣе, почти у конца мины найдено давно заброшенное гнѣздо лисицы и при немъ куча костей зайца, гусей и др. животныхъ. Здѣсь же оказался черепъ молодой лисицы.

Приступлено къ раскопкѣ ЮЮЗ. части кургана, гдѣ былъ замѣченъ камень. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ черепками глиняной обожженной толстостѣнной желтой посуды.

Къ западу отъ камня оказались 3 дѣтскихъ черепа (въ возрастѣ до 1 года) въ разныхъ положеніяхъ, при нихъ нѣсколько дѣтскихъ реберъ и др. костей совершенно разрушенныхъ. Возлѣ одного изъ нихъ восемь *мелкихъ бусъ* (табл. XII, ф. 1) и 1 изъ массы длинная (1,3 сант.) съ продольными и поперечными нарѣзками; здѣсь же найдены головка изъ массы величиною въ 2,8 сант. съ двумя женскими лицами, служившая привѣской къ ожерелью, какъ это видно по изломанному ушку въ верхней части ея (табл. XII, ф. 9). Замѣченный раньше камень имѣетъ $\frac{1}{2}$ аршина длины и лежитъ горизонтально; подъ нимъ оказалось еще 2 плиты, изъ нихъ каждая по $\frac{3}{4}$ арш. длины и ширины, онѣ стоятъ перпендикулярно къ верхнему; стоятъ онѣ по длинѣ восточнаго края оказавшагося здѣсь могильнаго пятна. Это пятно идетъ съ сѣвера на югъ и его ширина—1 арш. 10 вершковъ, а длина (съ С. на Ю.) 3 арш. Могильная яма въ $\frac{3}{4}$ арш. глубины; на днѣ—2 скелета, лежащіе головами къ сѣверу, ногами на югъ, оба на спинѣ; кости рукъ обоихъ протянуты у боковъ. Кости ногъ у обоихъ скелетовъ вытянуты. Берцовыя кости восточнаго скелета подходятъ подъ таковыя же западнаго скелета. Вокругъ шейныхъ позвонковъ на груди и около черепа западнаго скелета найдено 29 *бусъ стеклянныхъ*, бѣлыхъ, голубыхъ, синихъ, полосатыхъ и сѣрыхъ (табл. XII, ф. 2,) у кисти правой руки того же скелета большая овальная стеклянная полосатая двухцвѣтная бѣлая и сѣрая буса и одна стеклянная съ сжатыми зигзагообразными полосками. У черепа западнаго скелета найдена круглая *мѣдная серпа*. У изголовья скелетовъ кости быка и овцы, при нихъ перержавленный *ножъ*; другой такой же *ножъ* въ вертикальномъ положеніи воткнутъ въ землю между локтями обоихъ скелетовъ.

Курганъ № 42. Въ 20 шагахъ къ СВ отъ кургана № 20. Еле замѣтенъ. Раскапывается круглымъ колодцемъ съ діаметромъ въ 10 арш.

По снятіи трехъ слоевъ, въ центрѣ кургана оказалось могильное пятно, направленное съ В. на З., длина его 2 арш., ширина $1\frac{1}{2}$ арш. Пятно окапывается канавой, въ 1 арш. ширины; на глубинѣ 3 арш. 9 вершковъ оказалось дно могилы во всѣхъ мѣстахъ, кромѣ восточной части гдѣ грунтъ земли, какъ обнаружила канава, рыхлѣе.

Разборка пятна. На глубинѣ 1 арш. 1 верш. отъ начала пятна оказался скелетъ волка. На днѣ пятна въ восточной сторонѣ найдена берцовая кость человѣка, бедреная кость коня, лопатка и плечевыя кости быка; подъ бедреную костью коня ислѣвшій *железный ножъ*. Дно могильнаго пятна имѣетъ покатость съ запада къ востоку на 4 вершка. Къ востоку отъ пятна отходитъ мина, постепенно понижающаяся, наполненная костями человѣка, разбросанными въ беспорядкѣ и костями лошади. Здѣсь же найдены 7 *мѣдныхъ стрѣлъ*. Въ отвѣсной стѣнѣ раскопки замѣченъ слѣдъ норы, шириною въ $\frac{1}{2}$ арш., объяснившій какъ беспорядокъ въ могильной насыпи, такъ и въ минѣ.

Курганъ № 43. Расплывчатое возвышеніе въ 34 шагахъ на сѣверовостокѣ отъ кургана № 42. Раскапывается круглымъ колодцемъ, имѣющимъ 9 аршинъ въ діаметрѣ. Въ 4-хъ слояхъ насыпи кургана ничего не найдено.

Подъ 4-мъ слоемъ въ 1 арш. отъ ц-ра къ югу замѣчено могильное пятно, длиною съ В. на З. 3 арш., шириною 1 арш. 7 верш. Пятно окапывается канавою въ 1 арш. шириною.

На глубинѣ 1 арш. 9 вершковъ въ западной сторонѣ дно пятна отступило въ видѣ ступеньки на 6 вершковъ къ востоку; на ступенькѣ найдено 7 *мѣдныхъ стрѣлъ* такихъ, какія были найдены въ курганѣ № 21; затѣмъ дно пятна продолжало углубляться еще на 1 арш. 7 вершковъ, и здѣсь оказалось дно могильной ямы, постепенно углубляющейся къ вост. сторонѣ.

Въ восточной сторонѣ пятна на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. замѣчена мина, отходящая отъ него на ЮВ, а въ слѣдующемъ слоѣ отъ всей восточной стороны къ востоку. На глубинѣ $2\frac{1}{2}$ аршинъ пятно мины достигло восточной стѣны канавы. Дно пятна съ этой стороны оказалось на глубинѣ 3-хъ аршинъ отъ горизонта. Здѣсь также замѣчается постепенное пониженіе его и дно мины по мѣрѣ приближенія къ восточной стѣнѣ канавы, окружающей пятно.

Въ насыпи могильной ямы и открытой части мины, ничего не оказалось. Насыпь мины состоитъ изъ рыхлой черной земли, которая продолжалась и за стѣною канавы; въ $\frac{3}{4}$ аршина за канавой она прекратилась. При внимательномъ осматриваніи этой глянцовой стѣны, въ ней замѣчена трещина, имѣющая форму полукруга, а изслѣдованіе плотности грунта, окружающаго эту трещину и сравненіе его съ плотностью глины въ предѣлахъ ея, выяснило, что трещина составляетъ границу мины, вырытой въ глинистомъ грунтѣ, обмазанной мокрой глиной и затѣмъ засыпанной сухой глиной.

Разборка насыпи мины. Дно этой мины общее съ дномъ предыдущей.

На днѣ мины на 1 арш. отъ линіи стѣны канавы къ востоку замѣчены черепъ, а дальше остальной человѣческой скелетъ, лежащій на спинѣ, головою на западъ, ногами на востокъ. Правая рука протянута вдоль праваго бока скелета, лѣвая отброшена въ сторону, кости ногъ протянуты. Изъ опасенія обвала мины они очищены только до половины бедеръ. Вокругъ скелета найдено въ разныхъ мѣстахъ 32 стрѣлы того типа, что и въ курганѣ № 21.

Большая часть ихъ найдена возлѣ правой руки. У локтя лѣвой руки изящная вазочка. У изголовья черепа съ правой стороны въ разстояніи $\frac{1}{2}$ аршина отъ него перержавленная жельзная кирка, къ $4\frac{1}{2}$ вершка длины.

Одинъ конецъ ея расширенный острый и закругленный имѣетъ $1\frac{1}{2}$ вершка ширины, другой тупой круглый 1 вершокъ; по серединѣ кирки отверстіе изъ котораго перпендикулярно къ ней тянется слѣдъ деревянной истлѣвшей ручки. Немного южнѣе кирки найденъ жельзный наконечникъ копья.

Въ $\frac{1}{2}$ арш. отъ ногъ скелета влѣво лежитъ лопатка и ребра быка.

Курганъ № 44. Въ этой же группѣ кургановъ. Раскапывается круглымъ колодцемъ, имѣющимъ 11 арш. въ діаметрѣ.

Въ 4-мъ слоѣ на 1 арш. западнѣе центра торчитъ горлышко амфоры, у центра черепъ человѣческаго скелета, расположеннаго на правомъ боку въ скорченномъ положеніи, головою на ЮЮЗ, колѣни обращены къ востоку; положеніе рукъ за ветхостью костей опредѣлить невозможно.

Отъ центра къ востоку стоятъ вертикально камень, въ 1 арш. ширины. Камень упирается въ лѣвую сторону скелета отъ грудныхъ позвонковъ и въ кости лѣвой руки человѣческаго скелета, расположенною головою на зап., ногами на вост. Замѣченная раньше амфора стоитъ у изголовья черепа съ лѣвой стороны. Амфора имѣетъ на горлышкѣ клеймо, о которомъ было сказано выше (стр. 98).

Съ правой стороны черепа расположены 3 наконечника жельзныхъ копій остріями къ западу, отъ каждой изъ нихъ къ вост. имѣется слѣдъ изгнившихъ древокъ расположенныхъ параллельно костямъ рукъ и окончивающихся у колѣна.

Рядомъ съ ними лежитъ точильная плитка, въ 7 вершковъ длины и 5 ширины.

Отъ средней части плечевой кости къ югу лежатъ кости ноги быка; при нихъ найдены остатки перержавленнаго жельзнаго ножа. Въ костяхъ кисти лѣвой руки оказались остатки колчана изъ древесной коры, наполненнаго мѣдными стрѣлами, одного типа съ вышеописанными. Стрѣлы составляютъ сплошной комокъ (соединены образовавшеюся окисью мѣди), и всѣ направлены остріями къ ногамъ, а сохранившимися остатками древокъ параллельно костямъ рукъ. Другой такой же колчанъ съ такими же стрѣлами найденъ въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ вершка отъ лѣваго; древки второго колчана отклоняются отъ костей ногъ подъ острымъ угломъ.

Подъ амфорой пайдень глиняный сосудъ (черный) съ ручкой и кучка костей, употребляемыхъ для игры въ бабки.

Вокругъ скелета и найденныхъ предметовъ нигдѣ незамѣтно слѣдовъ ямы, вырытой для погребенія. Окружающая земля составляетъ послѣдній 5-й слой насыпи кургана и первый черноземный слой материковой земли. Непосредственно подъ этимъ погребеніемъ начинается материковая глина, въ которой подъ костями разобраннаго скелета замѣчено могильное пятно, имѣющее по длинѣ съ ЮЗЗ къ СВВ 1 арш. 18 вершковъ, а въ ширину 1 арш. 11 верш., глубина его $\frac{3}{4}$ арш. Въ верхнемъ слоѣ пятна у ЮЗЗ и СВВ краевъ пятна замѣчены слѣды изгнившихъ толстыхъ брускокъ, которые, по мѣрѣ сниманія слоевъ пятна, замѣтно опускаются ко дну, сохраняя направленіе, параллельное длинѣ его. Нужно полагать, что это остатки балокъ, положенныхъ поверхъ могилы и обрушившихся отъ тяжести могильной насыпи. На днѣ могильной ямы лежатъ два скелета; кости ихъ разрушились до порошко-

образнаго состоянія, но сохранили на себѣ яркую *пурпуровую краску*, которой особенно много на костяхъ черепа. Скелеты лежатъ рядомъ, оба на спинѣ, головами на востокъ. У скелета, лежащаго вдоль южной стѣны, кости рукъ протянуты вдоль боковъ. Кости ногъ согнуты колѣнями къ сѣверу, а кости пятокъ отстоятъ на $\frac{1}{2}$ аршина отъ тазовыхъ костей. Скелеть, лежащій вдоль сѣверной стѣны, значительно меньшихъ размѣровъ, хотя такъ же, какъ и предыдущій, принадлежитъ взрослому субъекту. Положеніе костей рукъ его такое же; кости ногъ также согнуты, но кости его, совершенно приближаясь къ тазовымъ костямъ, подходятъ къ бедреннымъ костямъ перваго скелета. У костей черепа найдены зерна *красной краски*.

Курганъ № 45. Курганъ находится на Бѣлозерскомъ крестьянскомъ надѣлѣ, на ЮВЮ отъ великой могилы, въ 316 шагахъ отъ нея. Курганъ имѣетъ $37\frac{1}{8}$ сажени и чрезъ вершину діаметромъ $14\frac{1}{3}$ саж. Раскапывается круглымъ колодцемъ, въ 11 арш. діаметромъ.

Въ *первыхъ 4-хъ слояхъ* ничего не найдено, кромѣ обломковъ костей какого-то животнаго, а въ 4-мъ слоѣ найденъ обломокъ кости ноги быка.

Подъ 4-мъ слоемъ замѣчено могильное пятно въ формѣ длиннаго прямоугольнаго четырехугольника съ закругленными углами, имѣющаго въ длину съ СЗ на ЮВ 1 сажень, а въ ширину 1 арш. 3 вершка, оно замѣчено на глубинѣ 1 арш. 5 вершковъ отъ поверхности кургана.

Пятно обкапывается канавой въ 1 аршинъ шириною.

Въ 3-мъ слоѣ канавы, у южной стѣны могилы, найденъ большой кусокъ скорлупы птичьяго яйца. На глубинѣ 1 арш. 6 вер. замѣчена мина, идущая къ сѣверу-востоку отъ с-в стѣны пятна. На глубинѣ $1\frac{3}{4}$ арш. мина подходитъ къ противоположной стѣнѣ канавы, постепенно расширяется и имѣетъ на глубинѣ 3-хъ аршинъ—4 аршина ширины ¹⁾).

Для опредѣленія точныхъ размѣровъ мины за стѣной канавы приступлено къ послойной раскопкѣ пространства на протяженіи 4 арш. 13 вершковъ къ СВ отъ этой стѣны, считая отъ центра, широкой полосой въ $6\frac{1}{2}$ аршинъ.

На глубинѣ $1\frac{3}{4}$ поверхности кургана стала открываться у стѣны канавы вершина мины по мѣрѣ углубленія раскопки и постепенно распространяющаяся къ СВ.

На глубинѣ 3-хъ арш. очертанія части мины, найденной въ канавѣ, сошлись съ очертаніемъ ея за канавой. На глубинѣ 3 аршина 9 вершковъ прекратилась могильное пятно.

Разборка насыпи могильнаго пятна и мины. Въ разстояніи $\frac{3}{4}$ аршина отъ дна могильнаго пятна замѣчены остатки 2-хъ деревянныхъ кольевъ, толщиною около $1\frac{1}{2}$ вершка, стоявшихъ вертикально: одинъ въ $\frac{1}{2}$ аршина отъ сѣвернаго угла пятна, другой въ срединѣ сѣверо-восточной границы его; оба упираются въ дно. Дно могилы устлано березовой корой; никакихъ предметовъ на немъ не найдено. Въ нѣкоторомъ разстояніи оно переходитъ непосредственно въ дно мины, на которомъ найдены кости коня и между 3 и 4 ребромъ его остатки *жельзнаго ножа*. Въ 7 вершкахъ отъ нихъ къ ЮВ найдено *26 мѣдныхъ стрѣлъ*, разбросанныхъ на пространствѣ 6-ти квадр. вершковъ; долѣе на 6 вершковъ по тому же направленію черепъ человѣческаго скелета, расположеннаго на спинѣ, головою на СЗ, ногами и на ЮВ. Кости рукъ протянуты вдоль боковъ, кости ногъ вытянуты. Всѣ кости сильно разрушены; у правой стороны черепа круглое *кольцо—серьга*, въ 3,5 сант. въ діаметрѣ (табл. XII, ф. 14), съ нацѣтой на ней бусой; у верхней части правой плечевой кости круглое выпукло-вогнутое *мѣдное зеркало* въ 19,8 сант. діаметромъ съ дырочкой для прикрѣпленія ручки и остатками этой ручки (истлѣвшей). Во кругъ нижней части правой локтевой кости *мѣдный браслетъ* въ 6,5 сант. діаметромъ (табл. XXVII, ф. 7.).

Возлѣ тазовыхъ костей нѣсколько небольшихъ *бѣлыхъ бусочекъ*, немедленно разсыпавшихся въ порошокъ, у берцовыхъ костей правой ноги *глиняная пряслица* изъ обожженной глины и осколки изящной *терракотовой вазочки*.

Замѣченные на днѣ могильной ямы деревянные столбы пришлись первый выше черепа скелета, второй у правой плечевой кости. У лѣвой плечевой кости найдены остатки такого столбика, лежащія въ горизонтальномъ положеніи. Надъ скелетомъ и подъ нимъ слой истлѣвшихъ досокъ. Дно мины

¹⁾ До этой глубины разобрана насыпь пятна мины.

оказывается здѣсь надъ скелетомъ и костями коня на 3 вершка ниже дна могильной ямы. Оно образуетъ здѣсь ступеньку въ 3 вершка глубины и идетъ далѣе горизонтально.

На $1\frac{3}{4}$ аршина отъ границы могильной ямѣ замѣчается весьма твердая глиняная намазка, продолжающаяся до оконечности мины. Такая же глиняная намазка замѣчается по всѣмъ стѣнамъ и толку мины.

Изслѣдованіе стѣнъ обнаружило за слоемъ глиняной смазки вертикально поставленный камень, вышиною въ $1\frac{1}{4}$ аршина и шириною 1 арш., подпертый снизу двумя меньшими камнями по 5 вершковъ. По счисткѣ земляной намазки пола оказалось, что здѣсь настоящее материковое дно на 6 вершковъ ниже дна, на которомъ расположенъ предыдущій скелетъ. Здѣсь дно понижается также ступенькою въ 6 вершк. У самой ступеньки расположенъ человѣческой скелетъ, также головою на СЗ, ногами на ЮВ. Кости рукъ его протянуты вдоль боковъ, кости ногъ вытянуты, при чемъ берцовыя кости правой ноги лежатъ на бедренныхъ костяхъ лѣвой ноги. Всѣ кости совершенно разрушены. У лѣвой стороны черепа *излишняя вазочка* изъ терракоты (табл. XI, ф. 6), 9,4 сантим. въ діаметрѣ.

Къ западу у изголовья черепа *2 желѣзныхъ наконечника копій* около 40 сантим. длины.

У правой руки и подъ правыми ребрами разбросано *32 мѣдныхъ стрѣлы*; у кости лѣвой руки 22 такихъ же *стрѣлы*; къ СВ на $\frac{1}{2}$ аршина отъ нихъ *желѣзное кольцо*, въ $1\frac{1}{2}$ вершка въ діаметрѣ. Возлѣ него черепъ и нѣсколько сохранившихся остатковъ костей ребенка въ возрастѣ до $1\frac{1}{2}$ года, здѣсь же 7 цѣлыхъ и разбитыхъ *стеклянныхъ бусъ* разной величины черныхъ и голубыхъ съ орнаментикой изъ бѣлыхъ колечекъ (табл. XII, нитка 12 авсд). Здѣсь же остатки *кожи* съ вытесненными на ней узорами. Въ $\frac{3}{4}$ арш. къ востоку отъ конца ногъ *амфора*. За ней ноги быка. На 1 арш. къ сѣверу отъ черепа кости коня. Между ними *желѣзный ножъ* съ костяной ручкой. По святіи камней, находящихся въ глубинѣ мины, оказалось, что за ними мина продолжается узкимъ проходомъ въ $2\frac{1}{2}$ арш. ширины и что въ растояніи $2\frac{3}{4}$ арш. отъ камней лежитъ скелетъ человѣка. Съ цѣлью опредѣлить связь этого погребенія съ предыдущимъ, приступлено къ послонной раскопкѣ мѣста, лежащаго надъ скелетомъ на протяженіи 4-хъ арш. отъ СЗ къ ЮВ и на 3 арш. съ ЮЗ на СВ. Паслойная раскопка выяснила, что надъ скелетомъ нѣтъ могильной ямы и что онъ лежитъ въ самостоятельной минѣ въ $1\frac{1}{2}$ арш. вышины и 3 арш. длины съ ЮВ на СЗ и около $1\frac{1}{4}$ арш. ширины, и сообщаемой съ сосѣдней и что отъ нея къ ССЗ отходятъ еще одна мина въ 2 арш. длины, $1\frac{1}{2}$ арш. ширины и $1\frac{1}{2}$ арш. вышины. Скелетъ лежитъ на спинѣ, головою на СЗ, ногами на ЮВ; кости рукъ протянуты у боковъ, ноги вытянуты. У лѣваго уха *мѣдная серья*, состоящая изъ двухъ колець, по 3 сантим. каждая въ діаметрѣ (табл. XII, ф. 5—6). Въ мѣстѣ соединенія этихъ колець былъ прикрѣпленъ *золотой дутый шарикъ*. Возлѣ головы *2 бусы* овальной формы съ поперечными и продольными вдавленными кольцеобразными полосками (табл. XII, ф. 12). Возлѣ костей обѣихъ рукъ *браслеты изъ бусъ* (таже таблица); подъ лѣвой плечевой костью *мѣдное зеркало*, 8 сантим. въ діаметрѣ.

Возлѣ костей рукъ *4 бусы* (табл. XII, ф. 12). Къ сѣверу отъ скелетовъ куча костей животныхъ разбросанныхъ грызунами. Въ этой кучѣ костей найдены: *пряслица* и *2 желѣзныхъ ножа* съ костяными черенками и одинъ *ножъ* безъ ручки. Рукоятка одного изъ нихъ украшена вырѣзными кружечками съ точками въ ихъ центрѣ. Кости животныхъ помѣщаются подъ стѣнкой между этой могильной миной и слѣдующей, вмѣщающей въ себѣ еще два скелета. Одинъ изъ нихъ лежитъ у края СВ. стѣны на спинѣ, головою на СЗ, ногами на ЮВ, руки протянуты у боковъ, ноги вытянуты¹⁾. Первый упирается ногами въ упомянутыя кости, черепъ второго отстоитъ отъ нихъ на $\frac{1}{2}$ арш. къ югу. На черепѣ перваго скелета найденъ *терракотовый сосудъ* 4,8 сантим. выш. 10,5 шир. (табл. XI, ф. 5). У лѣвой берцовой кисти *другой* въ 7,7 сантим. вышины и 12,5 ширины (табл. XI, ф. 1) съ рисункомъ, напоминающимъ листья плюща. У черепа *серья мѣдная* и *12 бусъ*. Черепъ 2-го скелета помѣщается въ 1-й минѣ; остальные части во второй. Подъ черепомъ *терракотовая лакированная миска* 18 сантим. ширины и 5 сантим. вышины (табл. XI, ф. 4). Она была положена уже разбитой на нѣсколько частей и шпигной нитками (?) при помощи просверленныхъ отверстій вдоль границы излома сосуда (см. таблицу).

¹⁾ *Другой* немного наклоненъ на правый бокъ, лежитъ ногами на СЗ; головою на ЮВ. руки протянуты у боковъ, ноги вытянуты.

У кости лѣвой руки овальная *синяя стеклянная буса*, напоминающая мозаику (табл. XII, ф. 12). У правой бедренной кости *28 мѣдных стрѣлъ* въ кожаномъ калчанѣ и неизвѣстный мѣдн. предметъ изъ мѣди. Материкъ подъ этимъ скелетомъ вымазанъ мѣломъ.

Курганъ № 46. На югъ отъ № 45, сливается съ нимъ.

Диаметръ черезъ вершину $9\frac{1}{3}$ саж., окружность 31 сажень. Раскапывается 9 арш. круглымъ колодцемъ.

Подъ 3-мъ слоемъ выяснилось въ 3 арш. 11 вершкахъ отъ центра къ ССЗ могильное пятно, направленное съ ВСВ къ ЗЮЗ. Длина его 2 арш. 4 вершка, ширина 1 арш. На днѣ его, на глубинѣ $\frac{1}{2}$ аршина, найденъ скелетъ челоуѣка головою на ЮЗ, ногами на СВ; подъ черепомъ *жельзное кольцо*. Кости разрушены.

Подъ 4-мъ слоемъ оказалось еще *три* пятна.

Второе пятно лежитъ на 9 вершковъ на СЗ отъ центра и имѣетъ 2 арш. въ длину и 1 арш. въ ширину, направл. къ СЗ отъ центра. При обкапываніи его канавой оказалось, что оно прекращается на глубинѣ $\frac{1}{2}$ аршина и отходить къ СВ на $\frac{1}{2}$ арш., образуя небольшую мину. На днѣ могильнаго пятна и мины лежатъ рядомъ 2 дѣтскихъ скелета головами на СЗ; у правой руки праваго скелета найденъ *мѣдный браслетъ* (табл. XII, ф. 7), а на пальцѣ лѣвой руки *мѣдный перстень* (табл. XII, ф. 13). Въ черепѣ его найдено *18 стеклянныхъ бусъ* и обломки *мѣдной серыи*. У лѣваго плеча (лѣваго скелета) плоскій *сосудъ* грубой работы.

Третье пятно отстоитъ на 3 аршина къ сѣверу отъ центра, имѣетъ длину въ 2 арш. 9 вершковъ и 1 арш. въ ширину.

Направленіе его съ В. на З. Къ СЗ. отъ него тянется отъ восточной стороны придатокъ къ СВ въ 1 арш. 9 вершковъ длины и $\frac{1}{2}$ арш. ширины. Глубина пятна $\frac{3}{4}$ аршина, а приатка $\frac{1}{2}$ арш. Эта могила оказалась разграбленной, а кости въ беспорядкѣ. Изъ предметовъ здѣсь найдены: *стеклянная буса*, украшенная кольцеобразными полосками, и *бѣлая коническая буса*.

Придатокъ пятна, по всей вѣроятности, принадлежитъ работѣ кладоискателей.

4-е пятно въ разстояніи 4 арш. 2 вершковъ на западъ отъ центра; заходитъ за предѣлы раскопки, направлено съ СЗ на З. и имѣетъ въ длину 2 арш. 15 вер., а въ ширину 13 вершковъ. На глубинѣ 1 арш. 5 вершковъ. У ЮЗ. стѣны оказалось дно пятна; противоположная сторона его ровно, какъ и самое дно, направилось подъ угломъ почти въ 45° къ СВ, образуя въ эту сторону мину, которая, отойдя на 2 арш къ СВ, остановилась на глубинѣ $3\frac{3}{4}$ аршина. На днѣ мины, вышина которой оказалась 1 арш. 5 вершковъ, найденъ челоуѣчскій скелетъ, лежащій на спинѣ, головою на западъ, ногами на востокъ. Кости рукъ скелета протянуты у боковъ, кости ногъ вытянуты. У праваго плеча скелета найдено *9 мѣдныхъ стрѣлъ*, у изголовья скелета кости быка, возлѣ нихъ *жельзный ножикъ* съ костяной ручкой, состоящей изъ двухъ половинокъ, склепанныхъ жельзными заклепками, *свинцовое грузило* и *мѣдное кольцо* (серьга?) (съ діаметромъ въ 3 сант.) съ надѣтыми на него двумя гранеными бусами. Вокругъ черепа и изъ черепа собрано *35 мѣлкихъ стеклянныхъ бусъ* и *1 большая* съ круглыми бѣлыми пятнами и *1 большая бѣлая* съ черными полосками (табл. XII).

Курганъ № 47. На крестьянскомъ надѣлѣ; ближайшій къ обмежку. Окружность 34 саж., діаметръ 12 саж., раскапывается круглымъ колодцемъ съ діаметромъ въ 10 арш.

1-й слой. У СВ. окраины раскопки углубленіе, изъ котораго найденъ раньше хозяиномъ дѣлянки камень дикарь, въ 1 арш. длины и 11 вершковъ ширины и 6 вершк. толщины. Подъ мѣстомъ, гдѣ лежалъ этотъ камень, найденъ другой приблизительно такихъ же размѣровъ, а подъ этимъ нѣсколько каменныхъ плитокъ.

По окончаніи 6-го слоя, въ разстояніи 1 арш. отъ центра, къ югу оказалось въ материкѣ могильное пятно, направленное по длинѣ съ СЗ на ЮВ. Пятно имѣетъ въ длину 3 арш. $13\frac{1}{2}$ вершковъ и 2 арш. 6 вершк. ширины.

На глубинѣ 1 арш. 6 вершковъ въ СВ. сторонѣ пятно стало отодвигаться къ С. и къ В. въ видѣ 2-хъ минъ, дно которыхъ оказалось на одномъ уровнѣ съ дномъ могильной ямы на глубинѣ 2 арш. $4\frac{1}{2}$ вершковъ отъ начала ея и на глубинѣ 3 арш. 14 вершковъ отъ поверхности кургана. Обѣ мины удалились въ стороны каждая на $\frac{3}{4}$ арш.

Разборка пятна. Въ верхнемъ слоѣ пятна найдена кость зайца въ предпоследнемъ слоѣ обломки *железнаго копья*. На днѣ пятна въ центрѣ—лопатка быка, обломокъ *чернаго глинянаго кубшина*, плечевая обгорѣлая кость быка и въ разныхъ мѣстахъ слѣды сгнившаго дерева. Въ лѣвой минѣ Человѣческой черепъ и кости рукъ въ разрушенномъ состояніи, здѣсь же ребро быка и ясные слѣды лисей норы. У правой мины 2 кости бедеръ человѣка, берцо, зубы и крестецъ человѣка. Дно пятна во многихъ мѣстахъ вымазано мѣломъ.

Курганъ № 48-й. На дѣлянкѣ того же крестьянина въ разстояніи 39 шаговъ къ ЮЗ. отъ № 47 и значительно меньше его. Раскапывается круглымъ колодцемъ съ діаметромъ въ 10 аршинъ.

1-й слой. У юго-зап. стороны колодца найдена куча камней.

3-й слой. Камни замѣченные въ первомъ слоѣ, продолжаютъ въ формѣ столбика, имѣющаго форму куба въ 13 вершковъ по всѣмъ направленіямъ.

Подъ 5 слоемъ выяснилось могильное пятно овальной формы въ разстояніи 1 арш. отъ центра къ СВ; длиною $3\frac{1}{2}$ арш. (отъ В. къ З.) и 1 арш. 10 вершк. шириною.

Въ разстояніи $1\frac{3}{4}$ арш. отъ него замѣчено другое круглое пятно съ діаметромъ въ 1 ар. 3 вер.

Пятно обкапывается канавой въ 1 арш. ширины. На глубинѣ 1 ар. 5 вер. большее пятно укоротилось съ юго-восточной стороны до 2-хъ аршинъ въ длину, въ ширину же сохранило прежніе размѣры. На глубинѣ 2-хъ ар. между обѣими пятнами оказалось третье, соединяющее ихъ и имѣющее 1 ар. ширины. На глубинѣ $2\frac{1}{2}$ ар. круглое пятно прекратилось. У основанія его съ сѣв.-вост. стороны стоитъ въ вертикальномъ положеніи каменная плита (известнякъ), вышиною въ $1\frac{1}{4}$ ар. и 1 ар. шириною, на границѣ круглаго пятна, съ пятномъ, соединяющимъ его съ большимъ пятномъ. Большое пятно прекратилось четырьмя вершками ниже.

Разборка могильныхъ пятенъ. Большое пятно, укоротившееся на глубинѣ 1 ар. 5 вер., обложено съ юго-вост. стороны четырьмя каменными плитами, вымазанными мѣломъ. Дно его продолжаетъ укорачиваться, понижаясь къ СЗ; оно также выложено камнемъ, по верхъ которыхъ лежатъ въ безпорядкѣ кости двухъ Человѣческихъ скелетовъ. Въ насыпи пятна надъ нимъ найдены *черепки желтой глиняной толстостѣнной посуды*. Отъ промежуточнаго пятна къ С. тянется мина длиною до 2-хъ аршинъ. На днѣ ея и на днѣ промежуточнаго пятна найдены еще кости двухъ Человѣческихъ скелетовъ и кости части быка въ безпорядкѣ.

Курганъ № 49. Примыкаетъ съ южной стороны къ большому кургану, и подвергается раскопкѣ вслѣдствіе сообщенія хозяина участка, что въ этомъ курганѣ онъ дорылся до каменной плиты которую онъ съ товарищами немогъ сдвинуть съ мѣста, когда въ прошломъ году раскапывалъ этотъ курганъ, а по этому онъ оставилъ раскопку и забросалъ его опять землею. Раскопка производится послойно и круглымъ колодцемъ 7 ар. въ діаметрѣ.

На глубинѣ 1 ар. 9 вер. оказалась плита изъ известняка-дикаря въ 1 ар. 12 вер. длины и 1 ар. ширины, замѣтно приподнятая съ прежняго своего мѣста. Подъ нею лежалъ скелетъ человѣка. Кости порошкообразны *окрашены красной краской*. Скелетъ положенъ на спину головою на З., ногами на В; руки протянуты вдоль боковъ ноги вытянуты.

Курганъ № 50. (Рис. 69). На крестьянскомъ надѣлѣ. Одинъ изъ большихъ кургановъ окружность его 72 сажени. діаметръ черезъ вершину 29 сажень. Вокругъ кургана, особенно съ западной стороны его, замѣчается широкая выемка въ почвѣ.

Раскопка производится круглымъ колодцемъ съ діаметромъ въ 9 сажень по слойно, съ сквозной травшейей, идущей съ С. на Ю., шириною въ 2 сажени для вывозки земли.

Во 2 слой въ юго.-вост. части въ разстояніи 7 ар. отъ центра кургана, найденъ скелетъ человѣка, лежащій на лѣвомъ боку, въ скорченномъ положеніи, головою на В., ногами на З., кости ступней придвинуты къ тазовымъ костямъ.

Передъ лицевыми костями *горшекъ* грубой работы изъ черной глины, раздавленный на мелкія части во время раскопки.

3-й слой. Въ центрѣ кургана найдены обломки костей быка или лошади, а въ вост. сторонѣ обломокъ *кремневаго скребка*.

4-й слой. Въ юго.-вост. части небольшой камень; еще въ предыдущемъ слоѣ въ центральной

части замѣчалось особенная твердость земли. Въ этомъ слоѣ она начинаетъ особенно рѣзко отличаться отъ окружающей, какъ плотностью, такъ и болѣе темнымъ цвѣтомъ. Въ центрѣ этого твердаго пятна, границы котораго трудно опредѣлить, попадаются кости конскаго черепа, черепки черной грубой посуды и нѣсколько маленькихъ камней.

Въ 5 и 6 слояхъ обнаруживается ясное очертаніе центрального твердаго пятна въ формѣ круга съ діаметромъ около $3\frac{1}{2}$ ар. Въ этихъ же слояхъ выступаютъ изъ подъ насыпи кургана большіе камни.

Въ 7 слоѣ найдено нѣсколько обломковъ костей въ 7 ар. къ ЮВ., (4) а въ южной траншеѣ (5) показался изъ подъ слѣдующаго слоя камень (6).

Въ 8 слоѣ къ ЮВ, отъ камня (2), подъ которымъ ничего не найдено, показалась группа камней. Въ 9 ар. къ Сѣверу отъ центра кусочекъ мѣлу. Въ 6 ар. къ ЮЗ. верхушка большой каменной плиты. Центральное пятно продолжается; земля такой же плотности и цвѣта. Въ ней попадаются кости лошадиного и человѣческаго скелета и мелкіе камни. Въ разныхъ мѣстахъ кургана найдено 2 камня въ формѣ правильного равносторонняго треугольника со сторонами равн. $1\frac{1}{2}$ вер. въ основаніи и $2\frac{1}{4}$

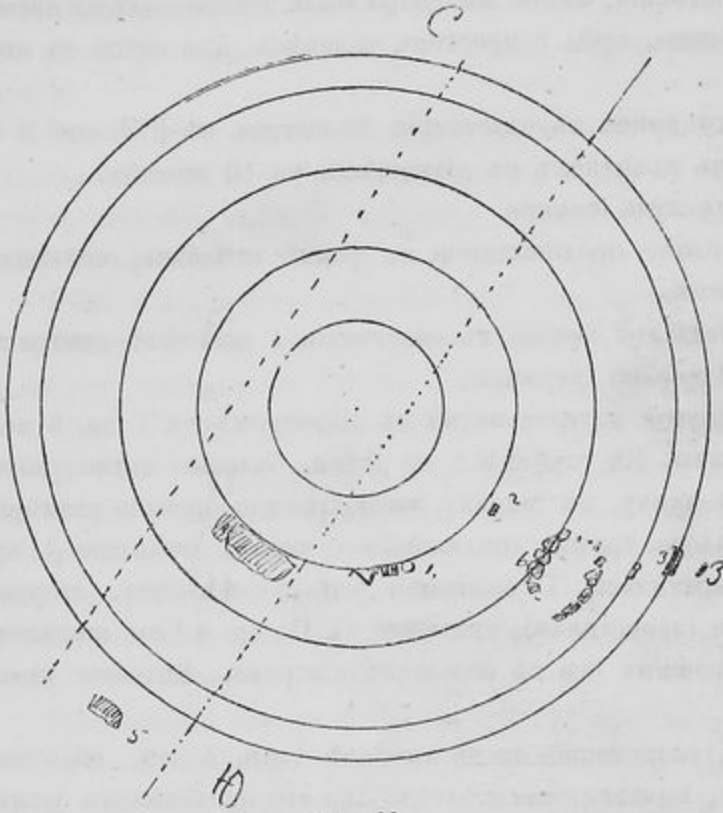

Рис. 69.

$2\frac{1}{2}$ вер. высоты и два камня въ формѣ почти равносторонняго треугольника со сторонами равныхъ $\frac{1}{2}$ вершка и $\frac{3}{4}$ вершка. Въ 9 слоѣ обнаруженъ нижній край камня (3), оказавшагося неправильной формѣ въ 1 ар. 15 вер. вышины, и 1 ар. $5\frac{1}{2}$ вер. ширины и около 9 вер. толщины.

Подъ 9 слоємъ выяснилась величина и направленіе камня (8); онъ имѣетъ 2 ар. 9 вер. длины, и 1 ар. 15 вер. ширины и 6—7 вер. толщины, окруженъ, съ Ю., подпирающими его, небольшими камнями, составляющими вмѣстѣ съ плитой площадь въ 2 ар. 9 вер. ширины и длины. Группа камней (6) оказывается состоящей изъ двухъ параллельныхъ рядовъ плитъ отъ 3 до 12 вер. величины, направленныхъ съ СВ. къ ЮЗ., въ наклонномъ положеніи одинъ рядъ къ другому.

Эти два ряда камней вмѣстѣ занимаютъ, въ Сѣв.-Вост. части площадь въ 2 ар. 7 вер., а съ Юго.-Зап.—2 ар. 5 вер. въ ширину, считая отъ наружнаго края камней одного ряда—до наружнаго края другаго ряда. Длина рядовъ $3\frac{1}{4}$ ар. Въ сѣв.-вост. сторонѣ этого сооруженія лежитъ еще нѣсколько камней, придающихъ всей группѣ видъ подковы.

При обкапываніи камней къ 3. отъ нихъ найденъ горшечекъ грубой работы изъ черной глины съ круглымъ дномъ и съ отбитымъ недостающимъ кускомъ отверстія, а подъ ними 1-е могильное пятно, длиною съ В. на З. 2 ар. 9 вер., шириною $1\frac{1}{2}$ ар. и глубиною 1 арш. 6 вершковъ.

При разборкѣ содержимаго могилы, въ первомъ слоѣ найдены мелкіе остатки сгнившаго дерева, въ срединѣ высоты могилы камень въ $\frac{1}{4}$ арш., глубже, въ разныхъ мѣстахъ, попадаютъ мелкіе камни; на днѣ могильной ямы скелетъ человѣка, положеннаго головою къ Востоку, ногами на Западъ, онъ лежитъ на спинѣ, руки протянуты вдоль боковъ, кости ногъ согнуты колѣнями къ Сѣверу. Величина скелета $2\frac{3}{4}$ арш., кости его разрушены. Вокругъ черепа лежатъ 9 небольшихъ камней въ видѣ ореола, начиная большимъ и кончая меньшимъ, величиною отъ 2 до $1\frac{1}{2}$ верш. и меньше. Кости скелета окрашены. Дно могильнаго пятна изрыто дырами около вершка въ діаметрѣ, направленными, по большей части, въ косвенномъ направленіи въ разные стороны.

Подъ камнемъ (8) найдено 2-е могильное пятно, длиною 1 арш. 15 верш. съ С. на Зап., 15 верш. ширины и $\frac{1}{2}$ арш. глубины. Камень лежитъ на черноземномъ материкѣ. Въ верхнемъ слоѣ пятна найдено нѣсколько кусковъ скорлупы птичьяго яйца; на днѣ пятна лежитъ скелетъ человѣка—головою

на В., ногами къ Западу, скелетъ лежитъ на спинѣ; кости рукъ протянуты вдоль боковъ, кости ногъ согнуты подъ угломъ къ Сѣверу. *Кости его окрашены въ пурпурово-красный цвѣтъ.* Около лицевыхъ костей разбросаны кусочки красной краски (сурик?), тутъ же порошокъ этой краски смѣшанъ съ землею на протяженіи 2-хъ вершковъ. Такая же краска найдена въ кусочкахъ около реберъ. У изголовья черепа положенъ камень дикарь-известнякъ въ 2 вершка длины и $1\frac{1}{2}$ вершка ширины. Другой камень поменьше найденъ раньше надъ локтевой костью лѣвой руки. Въ насыпи могильной ямы въ разныхъ мѣстахъ найдено нѣсколько кусочковъ пережженного камня. Верхняя часть могильной насыпи отличается отъ нижней своей значительной плотностью. Она составляетъ какъ бы цѣльную земляную массу, состоящую изъ тонкихъ прослоекъ различныхъ отѣнковъ мелко-зернистаго плотнаго чернозема, скорѣй—намазаныхъ, чѣмъ насыпанныхъ въ могильную яму. Нижняя же часть содержимаго могилы составляетъ необыкновенно рыхлый, разсыпчатый черноземъ, какъ бы перетертый руками. Дно могильной ямы (табл. VI, ф. 1), изрыто норами, шириною около $1\frac{1}{2}$ верш. и глубиною до 2 вершковъ, въ косвенномъ направленіи въ разные стороны, подъ болѣе или менѣе острымъ угломъ.

Всѣ норы наполнены рыхлой глиной одного цвѣта съ материковой.

Одинаковый характеръ норъ, одинаковый діаметръ ихъ отверстій (ямки) и нахождение въ насыпи кургана оригинальныхъ трехъугольныхъ камней, равныхъ по объему ширинѣ дыръ, все это допускаетъ предположеніе, что могильная яма копалась постепеннымъ сверленіемъ косвенныхъ дыръ и обламываніемъ кусковъ твердой материковой глины, образующихся надъ просверленными дырами.

Подъ камнемъ (5) оказалось *третье* пятно. Длина его съ В. на З. 2 арш. 5 верш., ширина 1 арш. 3 верш., глубина 2 арш. 3 верш. Скелетъ лежитъ на днѣ пятна на спинѣ, головою къ западу, ногами къ востоку, кости рукъ протянуты вдоль боковъ; кости ногъ лежатъ весьма странно: берцкая кость правой ноги направлена къ ЮЗ. касается колѣнной чашечки, отъ которой большая и малая берцовыя кости, принадлежація этой ногѣ, направлены къ СВ. и оканчиваются костями ступни, расположенными параллельно по дну пятна. Кость бедра лѣвой ноги весьма мало отклонена къ ЮЗ.; колѣнная чашечка лежитъ возлѣ верхней половины берцовыхъ костей ея, которая въ свою очередь *не служатъ* продолженіемъ этой ноги, а лежатъ параллельно берцовымъ костямъ правой. Кости ступни ея лежатъ рядомъ съ костями ступни правой ноги и приходятся подъ нижней частью бедра ея. *Кости окрашены красной краской.* У лобковыхъ костей насыпана кучка красной же краски. У изголовья скелета вырыта къ западу ниша, въ 4 вершка, и здѣсь къ сѣверу, у самага черепа, наконечникъ *копья изъ кремня*, большихъ размѣровъ, хорошей оббивки.

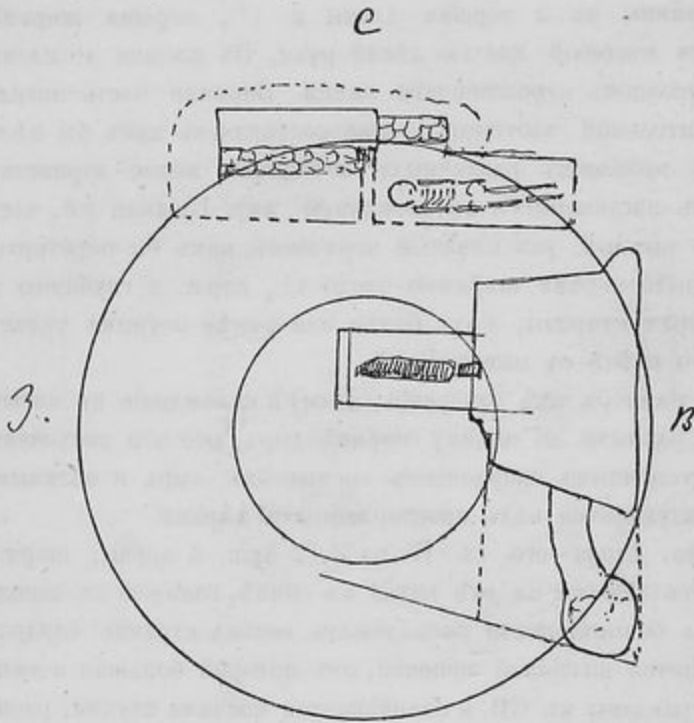
Въ СВ. стѣнѣ раскопки, у сѣверной части траншеи, въ уровень съ камнями, прикрывающими могилы этого кургана, замѣченъ уголь камня. Раскопка стѣны обнаружила большую каменную плиту, положенную съ СВ. на ЮЗ. Подъ камнемъ оказалось *4-е могильное пятно*, шириною въ 9 верш. и длиною съ СВ. на ЮЗ. 1 арш. 2 верш. Земля, наполняющая могилу, необыкновенно разсыпчата, она состоитъ изъ мелкихъ земляныхъ зеренъ и имѣетъ видъ тщательно перетертой руками земли, на днѣ пятна—скелетъ ребенка, *выкришенный въ яркій красный цвѣтъ*, имѣетъ маслянистыя кости. Скелетъ лежитъ на спинѣ, головою на СЗ. ногами на ЮВ. Кости рукъ протянуты вдоль боковъ; ноги согнуты и направлены колѣнями на ЮЗ.

Курганъ № 51. (рис. 70) На надѣлѣ того же крестьянина; въ разстояніи 50 шаговъ къ югу отъ № 50. Еле замѣтное возвышеніе надъ остальной поверхностью земли. Раскапывается круглымъ колодеземъ, съ діаметромъ въ 9 арш.

Подъ третьимъ слоемъ выяснилось 2 могильныхъ пятна. Первое пятно, въ разстояніи $4\frac{1}{2}$ арш. къ СВ. отъ центра, имѣетъ 2 арш. 5 верш. длины и 1 арш. ширины. На глубинѣ 1 арш. оказалась небольшая мина, заложная камнемъ и направленная къ ЮЗ., она вмѣстѣ съ могильнымъ пятномъ прекратилась на глубинѣ 1 арш. 13 верш. При чемъ мина отошла на $\frac{3}{4}$ арш. къ ЮЗ.; на днѣ ея расположенъ скелетъ челоуѣка, сильно разрушенный грызунами, намазанный слоемъ глины, поверхъ которой мина набита сухой глиною. Расположенъ скелетъ головою на СЗ. ногами на ЮВ. съ протянутыми у боковъ руками и вытянутыми ногами. Около остатковъ правой руки найдены *3 бусы*. Во время обкапыванія этого могильнаго пятна канавой, на глубинѣ 1 арш., замѣчено второе могильное пятно, отстоящее отъ этого на $\frac{1}{2}$ арш., оно было испорчено при обкапываніи первого. Длина его

по этому не могла быть съ точностью измѣрена. Отъ него къ ЮЗ. тянется такая же мина, какъ и въ предыдущемъ пятнѣ, она заложена мелкимъ камнемъ (какъ стѣнкой)

Ширина мины вмѣстѣ съ могильной ямой 1 арш. 4 вершка, длина $1\frac{1}{4}$ арш. На днѣ пятна лежитъ скелетъ ребенка на спинѣ, головою на СЗ. ногами на ЮВ. кости рукъ протянуты вдоль боковъ, кости ногъ вытянуты. Около правой руки найдено

10
Рис. 70.

14 бусъ. У лѣваго бока, между ребрами и предплечьемъ, лежитъ *точильный камень* изъ песчаника, съ отверстіемъ для привѣшиванія. Около височной кости разрушенная *мѣдная кольцеобразная серга*. Подъ головою три *синія стеклянныя бусы* съ бѣлыми пятнами. У изголовья, съ лѣвой стороны, лопатка и ребра барана при нихъ *железный ножъ*. Скелетъ ростомъ $1\frac{1}{4}$ арш. кости его сильно разрушены.

Въ центрѣ кургана оказалось 3-е могильное пятно, направленное съ ЮВ. на СЗ., длина его 2 арш. 2 вершка, ширина 1 арш. $1\frac{1}{2}$ вершка. Пятно обкапывается канавой въ 1 арш. ширины. На глубинѣ 2 арш. $2\frac{1}{2}$ вершковъ пятно у СЗ. края прекращается, при чемъ дно пятна въ 4 вершкахъ отъ этого края образовало ступеньку въ 4 вершка и стало постепенно понижаться къ ЮВ. сторонѣ и въ разстояніи 1 арш. 6 вершковъ отъ первой ступеньки образуетъ вторую ступеньку, понижающую дно пятна на глубину 2 сажень отъ начала пятна.

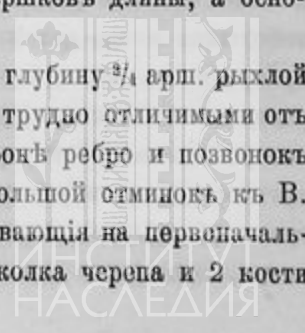
Разстояніе между первой ступенькой и второй занято большимъ плоскимъ камнемъ въ 2 арш. 2 вершка длиною и 1 арш. 6 вершк. ширины и 8 вершк. толщины.

Камень этотъ стоитъ вертикально и обращенъ болѣе узкой стороной къ послѣдней ступенькѣ, на которой стоитъ другой камень въ 1 арш. вышины, 9 верш. ширины и $3\frac{1}{2}$ вершка толщины. Онъ такъ стоитъ вертикально и обращенъ болѣе узкой стороной къ ЮВ., гдѣ оказался входъ въ мину, забитую глиной цвѣта окружающей материковой глины. Для опредѣленія точныхъ измѣреній этой мины, предпринимается послойная раскопка мѣстности къ ЮВ. отъ образовавшейся смѣны канавы на протяженіи около 5 арш. къ ЮВ., полосой въ $3\frac{3}{4}$ арш. расширяющейся къ ЮВ. до 6 аршинъ.

Въ слояхъ чернозема въ южномъ углу новой раскопки показалось почти круглое пятно длиною въ $1\frac{1}{4}$ арш., шириною 1 арш.

На глубинѣ 2 арш. 12 вершковъ показалось пятно мины, имѣющее, начиная отъ стѣны канавы, 1 арш. 2 вершка длины къ ЮВ. и 12 верш. ширины. Круглое пятно спустилось на эту глубину, сохраняя почти прежнія очертанія, но подвигаясь постепенно маленькими уступами къ пятну могилы. Пятно мины окапывается канавой, при чемъ замѣчается постепенное расширеніе пятна. На глубинѣ 4 арш. 14 верш. оказался горизонтальный проходъ къ пятну мины въ $2\frac{1}{2}$ арш. Пятно мины прекратилось вмѣстѣ съ круглымъ пятномъ на глубинѣ 6 арш. Поверхность мины имѣетъ куполообразную форму, вершина ея имѣетъ съ СЗ. (отъ стѣны канавы) къ ЮВ. 2 арш. 11 вершковъ длины, а основаніе 4 арш. 1 верш. шириною $2\frac{3}{4}$ арш. вышиною 1 сажень.

По разборкѣ насыпи мины оказалось, что верхняя часть ея засыпана на глубину $\frac{3}{4}$ арш. рыхлой темной глинистой землею, подъ нею плотная глина горизонтальными пластами, трудно отличимыми отъ цѣлины. Подъ нею въ западной части бычачьи плечевыя кости; въ ЮЗ. сторонѣ ребро и позвонокъ человѣка, кости рукъ и ногъ его, нижняя челюсть. Въ В. углу оказался небольшой стмидокъ къ В. Въ немъ пальцы двухъ ступней человѣка, сохранившія свое положеніе и указывающія на первоначальное направленіе положенія скелета ногами на Вост. Въ центрѣ пятна 2 осколка черепа и 2 кости

рукъ и *мѣдное зеркало* съ остатками кожи. Въ срединѣ СВ. границы мины кремень; въ СЗ. части мины бычачьи кости въ безпорядкѣ. Здѣсь же черепъ ребенка, осколки черепа взрослого человѣка и здѣсь же, у края могильнаго пятна, большая *стеклянная буса* съ бѣлыми глазками (т. XII, ф. 3). Подъ камнемъ входа въ мину черепъ ребенка, небольшой камень; дальше къ срединѣ мины черепъ взрослого человѣка. Наконецъ, въ западномъ углу черепъ ребенка, окруженный желѣзными украшениями *ножа*. Между черепами круглая *мѣдная серва*, камень и южнѣе камня, *желѣзное украшеніе отъ пояса (скоба)*.

Курганъ № 52-й. (Рис. 71). На дѣлянкѣ крестьянина; еле замѣтенъ надъ уровнемъ земли. Раскапывается круглымъ калодцемъ въ 10 арш. діаметромъ.

Во *второмъ слое* найденъ небольшой кусокъ *кремневого скребка*.

Въ *3-мъ слое*, въ центрѣ кургана найденъ *человѣческой скелетъ*, лежащій на спинѣ, кости ногъ вытянуты, кости рукъ и ихъ положенія не выяснены; головою на З. ногами на В. Въ $\frac{1}{2}$ арш. отъ тазовыхъ костей его, къ югу, разрушенный скелетъ *человѣка*, лежащаго на правомъ боку, головою на С. ногами на Югъ. Положеніе костей рукъ не опредѣлено. Кости ногъ согнуты колѣнями къ западу, кости ступней близко подходят къ тазовымъ костямъ. У края восточной стѣны раскопки найденъ *третій скелетъ ребенка*. Онъ также разрушенъ, костей черепа его не найдено, остальные кости

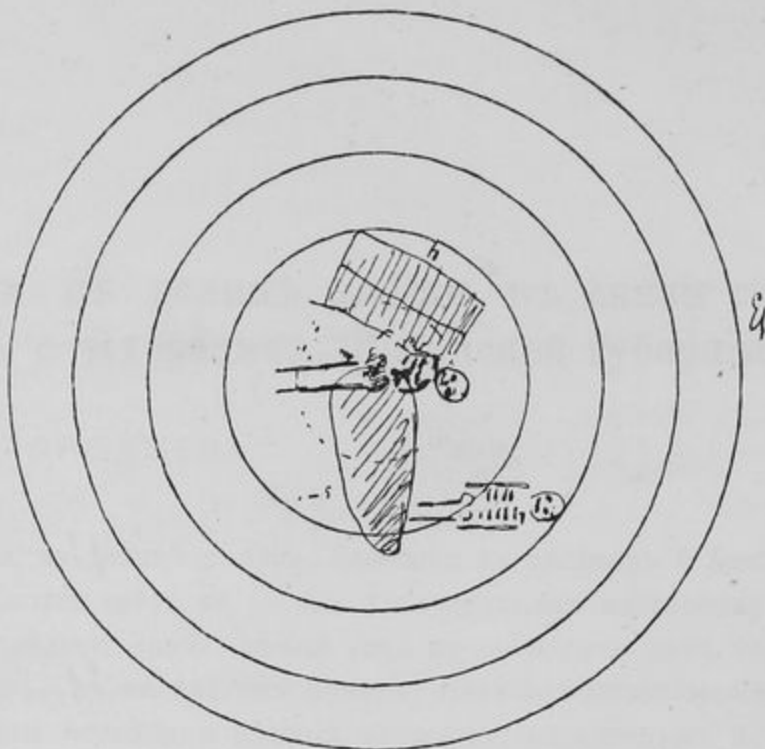

Рис. 71.

лежать въ совершенно такомъ же положеніи и направленіи какъ и кости предыдущаго скелета.

Въ *4-мъ слое* подъ первымъ и вторымъ скелетомъ предыдущаго слоя къ юго-западу отъ центра показались 2 каменные плиты большой величины, лежащія рядомъ, обѣ положены по длинѣ съ СЗ. на ЮВ. Длина каждой по 2 арш. ширина по $\frac{1}{2}$ арш. къ СВ. отъ ц-ра, показалась третья плита лежащая въ направленіи съ Ю. на С. и имѣющая въ длину 2 арш.; наибольшая ширина ея ближе къ центру кургана 1 арш.; къ сѣверу она суживается до $\frac{1}{2}$ аршина; толщина ея $\frac{1}{2}$ арш.. Отъ сѣверной части этого камня лежитъ къ западу головою, ногами на Вост. *человѣческой скелетъ*. Въ разстояніи $3\frac{1}{2}$ арш. отъ центра къ ЮВ. еще скелетъ на спинѣ, головою на СВ., ногами на ЮЗ. Положеніе костей рукъ невыяснено. Кости ногъ вытянуты по длинѣ скелета.

Камень (в) снятый съ мѣста оказался оригинальной формы. Онъ отдѣланъ довольно гладко, и напоминаютъ по формѣ и качеству каменные бабы.

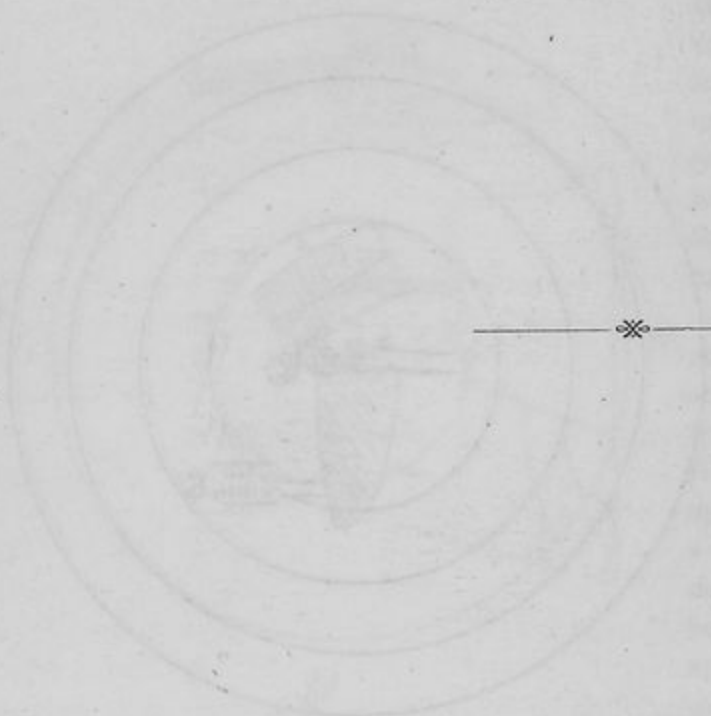
Подъ этимъ камнемъ оказалось могильное пятно въ 2 арш. длины, и въ 1 арш. ширины и 1 арш. 2 вершка глубины, имѣетъ направленіе по длинѣ съ С. на Югъ. На днѣ пятна лежатъ рядомъ два скелета головами на Югъ. Скелетъ, лежащій у СВ. стороны пятна, принадлежитъ *отроку*. Онъ положенъ на спинѣ, черепъ наклоненъ къ Востоку. Кисти рукъ его были, видимо, протянуты вдоль боковъ, правая плечевая сдвинута съ мѣста, локтевой нѣтъ. Тазъ поврежденъ, лѣвая нога согнута колѣномъ къ западу, правая повреждена и лежитъ не намѣстѣ; *всѣ кости окрашены краснымъ порошкомъ*. Черепъ типичный долихоцефаль.

Другой скелетъ, лежащій у ЮВ. стороны, дѣтскій, судя по зубамъ, не старѣе 2 лѣтъ. Ноги такъ же согнуты колѣнями къ СЗ. и упираются ими въ тазовыя кости перваго скелета. Этотъ скелетъ такъ же *окрашенъ*.

Подъ камнями (2 плиты), параллельно лежавшими къ ЮЗ. отъ центра, оказалось такое же пятно. Камни отдѣланы въ формѣ правильныхъ длинныхъ прямоугольниковъ; оба состоятъ изъ двухъ кусковъ. Одинъ изъ нихъ имѣетъ такой же выдѣланный бугоръ, какъ и въ предыдущемъ камнѣ Могильное

пятно имѣетъ форму прямоугольника (почти квадратъ со сторонами въ $1\frac{1}{2}$ арш.); глубина его 1 арш. Внизу оно суживается уступомъ со всѣхъ сторонъ до квадратной площади въ $1\frac{1}{4}$ арш. шириною и длиною.

На днѣ пятна скелетъ человѣка, разрушившійся до порошкообразнаго состоянія. Положеніе костей опредѣлить невозможно. Дно пятна изрыто дырами такъ же какъ и въ курганѣ № 50.

Жилища неолитической эпохи въ долинь р. Оки, въ связи съ открытіями въ окрестностяхъ с. Дубровичъ, Рязанской губерніи.

В. А. ГОРОДЦЕВА.

Современныя археологическія открытія, въ долинь р. Оки, особенно въ среднемъ и нижнемъ теченіи ея, все болѣе и болѣе проливаютъ свѣта на весьма удаленную отъ насъ эпоху, такъ называемаго каменнаго вѣка. За послѣднее время, рѣдкій годъ не приноситъ намъ новыхъ извѣстій объ открытіяхъ то въ одномъ, то въ другомъ пунктѣ остатковъ первобытной Окской культуры. Такимъ образомъ, собраны большія и цѣнныя коллекціи, по которымъ не только удалось вполне установить фактъ заселенія Окской долины въ глубочайшей древности, но и явилась возможность опредѣлить многія стороны бытовой и духовной жизни первобытнаго аборигена страны: многочисленныя издѣлія изъ камня, глины и кости помогли оцѣнить степень развитія и характеръ его искусствъ и промысловъ; кухонные отбросы, оставленные и сохранившіеся на древнихъ мѣстахъ жительства или временныхъ стоянокъ, познакомили насъ съ нѣкоторыми видами пищи и отчасти съ окружающею его фауною; погребенія—съ существовавшими обрядами и, наконецъ, даже съ нѣкоторыми личными антропологическими его признаками.

Несмотря однако на такіе очевидные успѣхи, сдѣланные наукою въ этой области, остается еще много фактически невырѣшенныхъ вопросовъ, изъ которыхъ является едва ли не самымъ важнымъ—вопросъ о первобытныхъ жилищахъ. До послѣдняго времени, насколько мнѣ извѣстно не было найдено ни одного факта, который бы отвѣчалъ на этотъ вопросъ. Между тѣмъ, жилища играютъ столь выдающуюся роль въ характеристикѣ жизни племенъ и народовъ, что безъ свѣдѣній о нихъ невозможно начертать сколько нибудь удовлетворительной картины быта, благодаря чего самымъ способнымъ изслѣдователямъ, когда они хотѣли возможно полнѣе представить жизнь доисторическихъ обществъ, часто и по необходимости приходилось, за отсутствіемъ фактовъ, строить гипотезы или прибѣгать къ помощи разнаго рода болѣе или менѣе научныхъ соображеній. Несомнѣнно, подобныя гипотезы и соображенія, разъ они покоятся на возможно точныхъ историческихъ справкахъ, или на сближеніяхъ съ аналогичными, археологическими фактами, добытыми въ другихъ болѣе или менѣе удаленныхъ географическихъ областяхъ и на сравненіяхъ съ формами быта современныхъ дикарей, имѣютъ положительныя достоинства какъ въ смыслѣ развитія нашихъ знаній, такъ равно и въ смыслѣ опредѣленія направленія для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ подобныя гипотезы, какъ бы онѣ ни были научно обставлены, никогда не пользуются полною доказательностію, никогда не мо-

гутъ достигнуть убѣдительности факта: сомнѣніе и недовѣріе можно назвать постоянными ихъ спутниками. Первое появленіе лучшихъ изъ нихъ почти всегда ознаменовывается возникновеніемъ усиленныхъ критическихъ разборовъ, усиленнымъ рвеніемъ опровергнуть новое предположеніе, затѣмъ, когда, такимъ образомъ, всѣ средства къ уничтоженію его будутъ исчерпаны, ему дается условное право гражданственности, имъ начинаютъ руководствоваться, съ нимъ начинаютъ соображаться и такъ продолжается, пока не явятся положительные, подтверждающіе или уничтожающіе его факты, послѣ чего, оно или совершенно отбрасывается, становясь до стояніемъ исторіи развитія мысли, или дѣлается научною истиною.

Подобное явленіе можно прослѣдить по отношенію къ одной изъ лучшихъ гипотезъ, касающихся предмета жилищъ Окскаго первобытнаго человѣка,—гр. А. С. Уварова.

Въ своемъ обширномъ трактатѣ по каменному періоду, гр. Уваровъ, въ силу универсальности взятой имъ программы, не могъ избѣжать вопроса о первобытныхъ жилищахъ Окской долины, ознаменованной уже въ то время многочисленными находками каменнаго вѣка. Но такъ какъ въ то время еще не было открыто ни одного факта, который бы могъ сколько нибудь освѣтить поднятый вопросъ, то ему по необходимости и сразу пришлось вступить въ область догадокъ и предположеній.

Относя всѣ мѣстонахожденія памятниковъ каменнаго вѣка, разбросанныя по песчанымъ холмамъ долины р. Оки, на протяженіи *отъ г. Рязани до с. Павлова, Владимірской губерніи*, къ временнымъ стоянкамъ переходной и неолитической эпохъ, и основываясь на частыхъ открытіяхъ въ Азій, Европѣ и въ самой Россіи пещеръ, обитаемыхъ доисторическимъ человѣкомъ въ обѣ означенныя эпохи, гр. Уваровъ высказываетъ твердое убѣжденіе, что только подобныя пещеры могли служить постоянными жилищами и Окскому обитателю ¹⁾.

Что касается вида жилищъ на временныхъ стоянкахъ, то графъ, воздерживаясь отъ прямыхъ указаній на этотъ предметъ, повидимому, склоняется къ предположенію, что таковыми служили временные *шалашы*. По крайней мѣрѣ, эта мысль усматривается въ томъ мѣстѣ его труда, гдѣ онъ дѣлаетъ общій обзоръ возможныхъ жилищъ въ Евр. Россіи въ переходную эпоху. По его словамъ, въ эту эпоху человѣкъ „могъ почти вездѣ, какъ на азіатскомъ, такъ и на европейскомъ материкѣ, найти естественныя пещеры удобныя для жилья; но могли также встрѣтиться и другія мѣстности, на которыхъ онъ не находилъ ни одного убѣжища. На такихъ мѣстностяхъ человѣку пришлось замѣнять отсутствіе естественныхъ пещеръ искусственнымъ способомъ: или постройкою временнаго, непрочнаго шалаша, отъ котораго даже и слѣдовъ не могло до насъ дойти, или рытіемъ искусственныхъ пещеръ. Понятно, продолжаетъ онъ далѣе, что въ послѣднемъ случаѣ требовались извѣстныя геологическія условія, необходимыя для исполненія такихъ работъ“ ²⁾.

Но такъ какъ Окскіе песчаные холмы, послужившіе стоянками для первобытнаго человѣка, относятся именно къ такимъ мѣстностямъ, гдѣ нельзя найти ни одного естественнаго убѣжища и гдѣ вполнѣ отсутствуютъ тѣ геологическія условія, которыя необходимы для исполненія работъ по сооруженію искусственныхъ пещеръ, то естественно прійти къ заключенію, что для временныхъ стоянокъ на дюнахъ остаются возможными только временные, непрочные шалашы.

Такимъ образомъ, общая картина Окскихъ первобытныхъ жилищъ, которая возстановляется по мнѣнію графа, является, для зимняго времени, въ видѣ душныхъ пещеръ, для лѣтняго—въ видѣ легкихъ шалашей. При этомъ первая часть картины основывается на сближеніи съ соотвѣтствующими археологическими открытіями въ другихъ географическихъ областяхъ и на преданіяхъ о пещерныхъ сѣверныхъ жилищахъ дошедшихъ къ намъ чрезъ древнихъ Грековъ и Римлянъ,

¹⁾ Гр. А. С. Уваровъ. Археологія Россіи. Каменный періодъ, ч. I, стр. 176.

²⁾ Ibid., стр. 275.

вторая часть выводится из совокупности всѣхъ вообще бытовыхъ признаковъ, добытыхъ, въ то время, на мѣстахъ Окскихъ древнихъ стоянокъ, а также и изъ геологическихъ свойствъ мѣстностей, занятыхъ стоянками.

На первый взглядъ такая картина представляется вполне естественною и какъ бы служить прямымъ введеніемъ къ ранней исторической эпохѣ Россіи, когда, по свидѣтельству перваго ея историка Геродота, всѣ сѣверные сосѣди Скивовъ ведутъ неустойчивую, кочевую жизнь, т. е. находятся въ той степени культурнаго развитія, когда человѣкъ, сознавая свою силу, перестаетъ прятаться въ глубокія норы изъ страха погибнуть въ одновременной борьбѣ съ зимнею стужею и массою, особенно лютыхъ въ это время года, звѣрей и ведутъ круглый годъ ту вольную привычную жизнь, какую онъ велъ, въ предшествующія эпохи, только лѣтомъ.

Но какъ бы ни казалась близкою къ истинѣ такого рода картина, все же въ основѣ ея лежали только предположенія и наведенія; болѣе же устойчивыя, непосредственныя фактическія опоры отсутствовали. Последнее обстоятельство было замѣчено послѣдующими учеными.

П. Кротовъ и проф. В. В. Докучаевъ первыми отнесли критически къ взглядамъ на Окскія первобытныя жилища, высказаннымъ гр. Уваровымъ. При этомъ Кротовъ, основываясь на характерѣ остатковъ каменнаго вѣка, на песчаныхъ буграхъ долины р. Оки, и отсутствіи по близости обитаемыхъ пещеръ, выразилъ сомнѣніе въ томъ, что послѣднія были необходимыми для древняго Окскаго обитателя. По его мнѣнію, человѣкъ того времени могъ вполне удобно проживать на тѣхъ же самыхъ дюнахъ, гдѣ погребены его культурные остатки. „Едва ли удобно было человѣку того періода, говорить онъ, жить въ пещерахъ, а дѣлать свои орудія, сосуды, насыщать голодь и вообще проводить довольно долгое время на противоположномъ берегу рѣки, какъ думаетъ гр. Уваровъ. Если онъ проводилъ довольно долгое время на буграхъ, отчего бы ему не жить здѣсь постоянно? Напротивъ, характеръ остатковъ, находимыхъ на буграхъ, показываетъ, что здѣсь-то и были настоящія поселенія человѣка“¹⁾.

Нѣсколько ниже, мы находимъ у него и еще слѣдующее заключеніе: „Мнѣніе гр. Уварова, что человѣкъ каменнаго періода въ долинѣ Оки жилъ въ пещерахъ и только временно появлялся на песчаныхъ буграхъ, нуждается въ доказательствахъ, ибо неизвѣстно, удобны ли для обитанія тѣ пещеры, на которыя онъ указываетъ (если только онѣ здѣсь находятся) и найдены ли въ нихъ какіе-либо остатки или хоть намеки на обитаніе ихъ человѣкомъ того періода“²⁾.

Сопоставляя оба цитированныя мѣста, легко замѣтить, что П. Кротовъ, хотя и не желаетъ согласиться съ мнѣніемъ гр. Уварова о постоянныхъ жилищахъ Окскаго первобытнаго человѣка въ пещерахъ, но въ то же время и не совсѣмъ увѣренъ, что этотъ первобытный человѣкъ не жилъ въ нихъ. Такъ, въ первомъ цитированномъ его мнѣніи, онъ довольно рѣшительно высказывается, что человѣкъ постоянно жилъ на Окскихъ буграхъ, потому что въ этомъ будто бы убѣждаетъ характеръ остатковъ, находимыхъ, на послѣднихъ; во второмъ его мнѣніи, напротивъ, обнаруживается, что онъ не допускаетъ мысли о жильѣ въ пещерахъ по тому только, что „ему неизвѣстно, удобны ли для обитанія тѣ пещеры, на которыя гр. Уваровъ указываетъ и найдены ли въ нихъ какія-либо остатки или хоть намеки на обитаніе ихъ человѣкомъ того періода“.

Гораздо сильнѣе возстаетъ противъ пещерной гипотезы проф. В. В. Докучаевъ. Въ своемъ сообщеніи „О доисторическомъ человѣкѣ Окскихъ дюнъ“, вышедшемъ въ печати ранѣе, чѣмъ появилось въ свѣтъ сочиненіе гр. Уварова „Каменный періодъ“, Докучаевъ, возстановляя ту дѣйствительную природу, среди которой долженъ былъ жить первобытный Окскій человѣкъ, рѣ-

¹⁾ П. Кротовъ. Къ вопросу объ относительной древности остатковъ каменнаго вѣка на р. Окѣ, стр. 45.

²⁾ Ibid., стр. 49.

шаетъ, что онъ только и могъ обитать на дюнахъ, которыя, будучи выжжены, однѣ могли доставить ему самыя безопасныя убѣжища отъ той массы дикихъ звѣрей, которыми переполнялись лѣсныя дебри, сплошь покрывавшія материковыя земли ¹⁾.

Затѣмъ, по выходѣ въ свѣтъ сочиненія гр. Уварова, Докучаевъ заявляетъ себя рѣшительнымъ противникомъ пещеръ, трактуемыхъ въ видѣ постоянныхъ жилищъ Окскаго первобытнаго человѣка. По его мнѣнію, Окскій человѣкъ, равно какъ и другіе его современники, жившіе въ Евр. Россіи, были обитателями равнинъ по преимуществу; для которыхъ пещеры, все равно какъ для современныхъ полудикихъ обитателей сѣверныхъ, полярныхъ странъ, не могли составлять обязательныхъ условій жизни. Въ подтвержденіе такого мнѣнія, Докучаевъ указываетъ на то, что „лучшія находки остатковъ каменнаго человѣка въ Россіи всѣ, безъ исключенія, сдѣланы или въ мѣстностяхъ чисто степныхъ, или слабо-волнистыхъ, и притомъ всегда по берегамъ рѣкъ и озеръ то живущихъ и понынѣ, то жившихъ несомнѣнно въ каменный періодъ“ ²⁾.

Подобные доводы несомнѣнно подрываютъ гипотезу гр. Уварова, хотя далеко еще ее не уничтожаютъ, такъ какъ для послѣдняго требуются болѣе характерныя и положительныя данныя, которыя бы прямо указывали на постоянное и непрерывное пребываніе человѣка тамъ, гдѣ открываются его изобильныя культурныя остатки, или доказывали бы невозможность самаго существованія пещерныхъ сооружений въ извѣстномъ районѣ, въ центрѣ котораго находятся обильныя культурныя остатки. Но такихъ данныхъ Докучаевъ не представляетъ, и мы добавимъ, что ихъ особенно трудно представить по отношенію долины р. Оки. Безъ этихъ же данныхъ еще не совсѣмъ возможно убѣдиться въ томъ, чтобы всѣ культурныя остатки, находимые на берегахъ рѣкъ и озеръ, не могли оказаться памятниками только временнаго пребыванія на нихъ человѣка и это является въ большей мѣрѣ справедливымъ, когда дѣло касается многоводныхъ рѣкъ и озеръ. Обширные водные источники въ отдаленныя времена первобытнаго человѣка, по многимъ признакамъ, содержали громадное количество рыбъ, съѣдобныхъ моллюсковъ, а берега ихъ питали милліоны животныхъ, звѣрей и особенно птицъ, пухомъ которыхъ покрывались побережья такъ, что мѣстами имъ переполнялась, по свидѣтельству Н. Высоцкаго и П. Кротова, береговая глина и человѣку по необходимости иногда приходилось лѣпить свои сосуды изъ глины съ этою примѣсью ³⁾. Такіе богатые водные источники могли естественно привлечь и человѣка, могли принудить его временно покидать пещеры, если онъ по какимъ бы то ни было мотивамъ предпочиталъ имѣть ихъ мѣстомъ своего постоянного жительства, и, наконецъ, заставить его совершать значительные переходы, чтобы достигнуть почти сказочныхъ озерно-рѣчныхъ угодій, берега которыхъ, такъ сказать, текли млекомъ и медомъ, пока не застывали отъ стужи. И такимъ образомъ, значительныя скопленія древнихъ культурныхъ остатковъ на берегахъ большихъ рѣкъ и озеръ могли явиться простымъ результатомъ вѣковыхъ сюда экскурсій пещернаго человѣка, какъ это полагалъ гр. Уваровъ.

Далѣе, не уничтожаетъ также Уваровскую гипотезу о пещерахъ и косвенно указанная проф. Докучаевымъ сравнительная рѣдкость открытій какъ самихъ пещеръ, такъ равно и другихъ какихъ-либо предметовъ, указывающихъ на пещерную жизнь человѣка въ озерно-рѣчныхъ долинахъ, въ материковой землѣ, въ которой было бы возможно сооруженіе первыхъ. Каж-

¹⁾ В. В. Докучаевъ. О доисторическомъ человѣкѣ Окскихъ дюнь. Труды Сп. О. Исп. природы, т. XIV. Прот. втораго засѣданія.

²⁾ В. В. Докучаевъ. Археологія Россіи. Каменный періодъ, стр. 9. Труды Сп. О. Естествоисп., т. XIII; вып. первый.

³⁾ А. Штукенбергъ и Н. Высоцкій. Матеріалы для изученія каменнаго вѣка въ Казанской губ., стр. 18. Труды О. Ест. при Имп. Казанскомъ университетѣ, т. XIV, выпускъ 5.

дому, кто занимался сборомъ коллекцій каменныхъ орудій на мѣстности, должно быть хорошо извѣстно, какъ легко отыскивать ихъ по рыхлымъ берегамъ, по дюнамъ, гдѣ, благодаря частымъ естественнымъ обнаженіямъ, предметы древности сами бросаются въ глаза и какъ трудно найти что-нибудь подобное въ плотной материковой почвѣ. Едва ли можно ошибиться, сказавши, что не болѣе одного—двухъ процентовъ всѣхъ находокъ, сдѣланныхъ въ такой почвѣ, являются не случайно открытыми, и это—въ то время, когда по отношенію находокъ въ рѣчныхъ долинахъ становятся возможными обширныя обобщенія и открытія на основаніи а пріорныхъ заключеній. Для уразумѣнія затруднительности открытій въ материковыхъ слояхъ позволительно поставить такой вопросъ: при современныхъ многочисленныхъ находкахъ каменнаго вѣка въ долину р. Днѣпра могла ли кому-нибудь прійти мысль тратить средства и время на отысканіе пещеръ въ береговомъ лессѣ этой рѣки, если бы онѣ не открылись намъ сами? Между тѣмъ эти случайно открытыя пещеры, тщательно обследованныя проф. Антановичемъ ¹⁾, главнымъ образомъ, и утвердили гр. Уварова въ мнѣніи, что Окскій долинный человѣкъ былъ жителемъ пещеръ; навѣрно, утвердили бы въ этой идеѣ и многихъ противниковъ его гипотезы, если пещеры были бы открыты и въ Окскихъ берегахъ, гдѣ онѣ геологически являются во многихъ мѣстахъ весьма возможными.

Одинаковаго почти взгляда съ П. Кротовымъ и проф. В. В. Докучаевымъ держится И. С. Поляковъ ²⁾. Онъ также полагаетъ, что на Окскихъ дюнахъ, Владимірской губерніи, доисторическій человѣкъ имѣлъ постоянное жительство, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ человѣкъ являлся только временнымъ посѣтителемъ. При этомъ онъ не вводитъ ни въ какія доказательства и разсужденія по поводу своихъ положеній, отгнѣняя лишь тѣ открытыя имъ характерныя признаки, которые болѣе всего способны были привести къ этимъ положеніямъ. Такъ, напримѣръ, непонятно, почему онъ относитъ къ временно посѣщаемымъ пунктамъ небольшой холмъ, лежащій между Волосовымъ и Муромомъ, по правому берегу Оки, нѣсколько такихъ же холмовъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Мурома, по лѣвому берегу Оки и Малый Окуловъ, а въ составъ пунктовъ постоянно обитаемыхъ, введены: Львиный курганъ, Плехановъ боръ, Волосово и нѣкоторые другіе. Опредѣляя временно посѣщаемые холмы, Поляковъ ограничивается лишь тѣмъ, что говорить: „на такихъ холмахъ намъ приходилось всегда находить остатки каменнаго вѣка, по крайней мѣрѣ въ видѣ кремневыхъ обломковъ и остатковъ глиняной посуды“ ³⁾; но почти то же самое, только въ большемъ размѣрѣ, характеризуетъ и холмы, отнесенныя имъ къ мѣстамъ постоянного жительства, на которыхъ также самыми характерными остатками являются всегда находимыя кремневая подѣлки и обломки глиняной посуды. Вся разница здѣсь заключается въ количествѣ, а не въ качествѣ признаковъ, находимыхъ на тѣхъ и другихъ. Но количество можетъ зависѣть и не отъ различія дѣйствующихъ причинъ, а отъ интенсивности и повторности дѣйствія одной какой-нибудь изъ нихъ.

Но такъ какъ И. С. Поляковъ, въ своемъ изслѣдованіи, сильно убѣдился въ присутствіи на нѣкоторыхъ холмахъ постоянныхъ поселковъ, то мы прослѣдимъ по возможности всѣ факты, открытыя имъ, которые могутъ говорить въ пользу его мнѣнія. Факты эти слѣдующіе:

1. Масса встрѣчающихся орудій и обломковъ. „Имѣя въ виду эту громадную массу встрѣчающихся здѣсь орудій и обломковъ отъ осадъ, говоритъ Поляковъ, приходится думать, что доисторическій человѣкъ не только дѣлалъ здѣсь для себя каменные принадлежности,

¹⁾ Гр. А. С. Уваровъ. Археологія Россіи. Каменный періодъ, т. I., стр. 276. Ссылка на „Чтеніе въ Ист. О. Нестора Лѣтописца, кн. I, стр. 244.

²⁾ И. С. Поляковъ. Изслѣдованія по каменному вѣку въ Олонецкой губерніи, въ долину Оки и на верховьяхъ Волги, стр. 83 и 84. Зап. Имп. Русск. Геогр. О. По отд. Этногр., т. IX.

³⁾ Ibid., стр. 84.

но видно, что здѣсь же онъ и работалъ ими“. Далѣе онъ прибавляетъ: „Интересно было еще то, что между остатками въ почвѣ чаще встрѣчались обломки отъ острія топоровъ; эти обломки служатъ явнымъ доказательствомъ того, что человѣкъ въ самомъ дѣлѣ здѣсь именно и работалъ, здѣсь именно онъ рубилъ и долбилъ своими точеными инструментами“¹⁾.

2. Находка одного деревяннаго обломка, „верхняя часть котораго, по свидѣтельству изслѣдователя, имѣла выемку, сдѣланную, очевидно, рукою человѣка и грубымъ орудіемъ; обломокъ этотъ есть, по мнѣнію его, часть столба, на которомъ, вѣроятно, должна была покоиться перекладина; этотъ столбъ долженъ былъ составлять нѣкогда часть человѣческой постройки“²⁾.

3. Находки рыболовныхъ ловушекъ³⁾.

4. Разсѣянность въ почвѣ культурныхъ остатковъ, начиная съ глубины нѣсколькихъ вершковъ до самыхъ нижнихъ ея предѣловъ⁴⁾; и, наконецъ,

5) Погребенія, по которымъ, говоритъ Поляковъ, „мы убѣждаемся, что человѣкъ не только пребывалъ весьма продолжительное время въ томъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ массу памятниковъ своей жизни, но что здѣсь же послѣ своихъ, можетъ быть, весьма тяжелыхъ трудовъ онъ и кончалъ свое существованіе, какъ это свойственно всякому смертному созданію. По археологическимъ даннымъ мы видимъ, что покойниковъ тогда хоронили, и при томъ какъ разъ около того мѣста, гдѣ, повидимому, сосредоточивалась самая дѣятельная жизнь людей, оставшихся въ живыхъ“⁵⁾.

Несомнѣнно, каждый изъ приведенныхъ признаковъ указываетъ на продолжительное пребываніе человѣка на одномъ мѣстѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ни одинъ изъ нихъ не является положительнымъ доказательствомъ постоянного жительства человѣка на мѣстѣ ихъ находокъ. Если мы обратимъ вниманіе на жизнь современныхъ кочующихъ, охотничьихъ и бродячихъ племенъ С. Европы, Азии, Америки, Австраліи и Африки, то легко увидимъ, что всѣ эти племена, хотя и не имѣютъ постоянного жительства, тѣмъ не менѣе всегда держатся одной извѣстной области и на лучшихъ для себя угодьяхъ предпочитаютъ оставаться возможно долѣе отдаваясь своимъ обычнымъ занятіямъ. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, если и Окскій первобытный человѣкъ, кочуя, охотясь или бродя, останавливался и проживалъ подолгу на излюбленныхъ имъ угодьяхъ, а во время своихъ остановокъ совершалъ обычные дѣла и обряды, остатки которыхъ въ видѣ разнообразныхъ подѣлокъ изъ дерева, глины, кости, камня и въ видѣ погребеній дошли до насъ. Разъ облюбовавъ какую-нибудь мѣстность и привыкнувъ къ ней, человѣкъ еще крѣпче связывался съ нею воспоминаніями и преданіями, послѣ чего только крайняя необходимость могла заставить его переимѣнить мѣсто стоянки. Такими излюбленными стоянками для Окскаго первобытнаго человѣка могли быть *Волосово*, *Плехановъ боръ*, *Львиный курганъ* и многія другія, на которыхъ памятники многолѣтнихъ, а возможно, и многовѣковыхъ его посѣщеній такъ сосредоточились и скопились, что ихъ легко было принять за признаки постоянного поселенія человѣка, какъ это сдѣлалъ Поляковъ, или даже за признаки нѣсколькихъ поселеній, сгруппированныхъ вмѣстѣ, какъ это полагалъ Кротовъ⁶⁾.

Одна лишь изъ находокъ, сдѣланныхъ Поляковымъ, казалось, должна бы болѣе всего говорить въ пользу мнѣнія о постоянномъ жительствѣ первобытнаго человѣка на Окскихъ дюнахъ,—это находка *обломка столба*, составлявшаго нѣкогда, по его мнѣнію, часть человѣческой жилой постройки. Но къ сожалѣнію, ни исключительность условій, при которыхъ сдѣлана эта находка, ни единичность ея, не позволяютъ утвердить на ней сколько нибудь положительное заключеніе.

¹⁾ Ibid., стр. 64.

²⁾ Ibid., стр. 75.

³⁾ Ibid., стр. 76 и 77.

⁴⁾ Ibid., стр. 86.

⁵⁾ Ibid., стр. 86.

⁶⁾ П. Кротовъ. Къ вопросу объ относительной древности остатковъ камен. вѣка на р. Окѣ, стр. 27. Труды О. Е. при ИМП. Казанскомъ универс., т. X, вып. 2.

Обломок столба найденъ въ береговомъ обрывѣ, у подножія песчаныхъ холмовъ *Плеханова бора*, среди древесныхъ скопленій, отнесенныхъ Поляковымъ къ бобровымъ постройкамъ ¹⁾, а Кротовымъ—къ такъ называемой *адамовщинѣ*, т. е. къ явленію весьма обыкновенному въ заливныхъ долинахъ лѣсныхъ рѣкъ ²⁾. Какъ то, такъ и другое условіе этихъ скопленій, начавшись весьма рано, могло продолжаться въ болѣе позднее время, когда на Окскихъ берегахъ развивалась новая осѣдлая жизнь человѣка. Поэтому и культурные остатки, заключенные въ древесныя скопленія, могли оказаться частію современными человѣку каменнаго вѣка и частію—болѣе поздняго происхожденія.

Наконецъ, допустивъ, что столбъ былъ дѣйствительно обработанъ человѣкомъ каменнаго вѣка, остается еще невыясненнымъ его истинное назначеніе, служилъ ли онъ для какой-либо другой цѣли или для жилища; въ послѣднемъ же случаѣ, какого жилища: временнаго или постояннаго? На всѣ эти вопросы здѣсь еще не можетъ быть положительнаго отвѣта.

Такимъ образомъ, пересмотрѣвъ всѣ тѣ факты, на которые И. С. Поляковъ имѣлъ возможность сослаться какъ на признаки существованія на дюнныхъ холмахъ постоянныхъ жилищъ каменнаго вѣка, мы ни одного изъ нихъ не можемъ признать достаточно основательнымъ для подтвержденія высказаннаго имъ мнѣнія и еще болѣе убѣждаемся, что имъ принята полная совокупность признаковъ многочисленныхъ временныхъ стоянокъ за признаки постоянныхъ жилищъ.

Заканчивая на этомъ разборъ мнѣній по вопросу о первобытныхъ *Окскихъ жилищахъ*, высказанныхъ далѣе компетентными изслѣдователями взятой нами географической области, для возможно полнаго освѣщенія этого вопроса, въ заключеніе не лишнимъ считаемъ привести одно изъ интереснѣйшихъ и выдающихся соображеній на этотъ предметъ проф. А. А. Иностранцева ³⁾.

Соображеніе А. А. Иностранцева о жилищахъ доисторическаго человѣка Ладожскаго озера, къ изложенію котораго мы приступаемъ, хотя и относятся къ мѣстности весьма удаленной и довольно изолированной отъ Окскихъ стоянокъ, тѣмъ не менѣе не теряетъ и для нихъ своей цѣны, какъ по тому, что опредѣленный Иностранцевымъ примитивный видъ жилища является въ одинаковой степени *возможнымъ и удобнымъ для Окскихъ обитателей*, такъ и еще болѣе потому универсальному объѣму въ пространствѣ и времени, который приписываетъ самъ авторъ этому виду жилищъ, благодаря чего проектированный имъ видъ жилища становится какъ бы обязательнымъ для всей средней и сѣверной Европейской Россіи не только въ доисторическія времена, но и во времена историческія, близкія къ настоящему, какъ, напр., къ X в., куда этотъ видъ жилища снизошелъ преемственно отъ древнѣйшихъ временъ.

Этотъ универсальный для холодной Россіи видъ жилища, по мнѣнію Иностранцева, состоялъ *изъ ямы*.

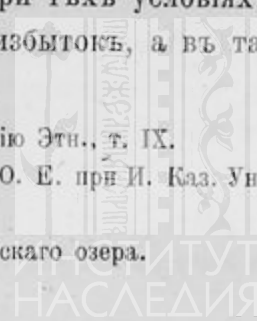
Воспроизводя бытовую сторону жизни доисторическаго человѣка побережья Ладожскаго озера и пересматривая всѣвозможныя по климатическимъ условіямъ и географическому положенію мѣстности жилища, какъ-то: деревянныя постройки, постройки изъ льда, пещеры, ямы, вырытыя въ землѣ, онъ рѣшительно останавливается на послѣднихъ.

„Вырыть яму, говоритъ А. А. Иностранцевъ, не трудно даже и при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находился нашъ доисторическій человѣкъ. Нагрѣть ее—лѣсу избытокъ, а въ такомъ

¹⁾ И. С. Поляковъ. Изслѣдов. по кам. вѣку, стр. 68—80. Зап. И. Г. О. по отдѣленію Этн., т. IX.

²⁾ П. Кротова. Къ вопр. объ отн. древн. ост. камен. вѣка на р. Окѣ, стр. 25. Тр. О. Е. при И. Каз. Универс. т. X., вып. 2.

³⁾ А. А. Иностранцевъ. Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера.

помѣщеніи, какъ извѣстно изъ образа жизни современныхъ намъ Индѣйцевъ Колумбіи и Эскимосовъ, тепло сохраняется такъ хорошо, что не чувствительны даже сильнѣйшіе морозы“¹⁾).

„Въ пользу послѣдняго предположенія, продолжаетъ Иностранцевъ, есть еще отдѣльное наведеніе. Ибнъ-Даста въ своихъ извѣстіяхъ начала X вѣка о Славянахъ описываетъ ихъ зимнія помѣщенія въ землѣ въ родѣ погреба, покрытаго крышею. Въ такіе погреба переселялись на время холодовъ съ семействами и согрѣвали ихъ дровами и раскаленными камнями, которые поливали водою. Жаръ въ такихъ жилищахъ былъ на столько силенъ, что приходилось снимать даже одежду. Въ такомъ жильѣ оставались до самой весны. Это извѣстіе Ибнъ-Даста подвергается сомнѣнію въ томъ отношеніи, что нѣкоторые думаютъ, будто бы онъ смѣшалъ бани съ жилищемъ. Въ такихъ подземныхъ жилищахъ живутъ еще и понынѣ нѣкоторые Эскимосы; въ ямахъ живутъ также Индѣйцы Колумбіи. Въ территоріи Аляски Индѣйцы ингелеты также пользуются подземными помѣщеніями, какъ и племя Малемуты, расположенное по берегамъ р. Уналаглита. Въ виду нахождения и въ настоящее время такихъ же жилищъ у дикарей, по нашему мнѣнію, заключаетъ Иностранцевъ, такой образъ жизни у Славянъ X вѣка могъ сохраниться отъ временъ доисторическихъ, могъ быть заимствованъ отъ тѣхъ народовъ болѣе холодныхъ странъ, въ область которыхъ вступили Славяне, или и прямо наслѣдовали отъ своихъ доисторическихъ предковъ“²⁾).

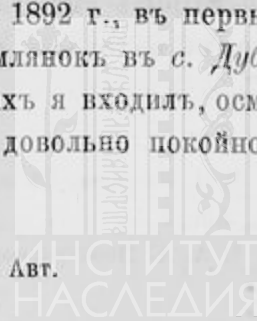
Не лишнимъ будетъ прибавить къ очерку жилищъ проф. Иностранцева то, что, дѣйствительно, ошибочно понимали Ибнъ-Даста тѣ, которые думали видѣть въ довольно вѣрно описанныхъ имъ славянскихъ жилищахъ X вѣка—бани. Раскопки, 1892 года, на Борковской дюнѣ, подъ г. Рязанью, дали уже образцы подобныхъ жилищъ. Среди остатковъ селенія, несомнѣнно, какъ показываютъ вещи, относящіяся къ X—XI вѣкамъ и славянскому племени, была найдена землянка и мнѣ лично удалось снять съ нея подробный планъ и составить профиль. Отысканные въ загрязненномъ полу этой землянки цилиндрическія стеклянныя, со слѣдами позолоты бусины, каменные прясла, точильные бруски, обломки глинянаго тигля, остатки съѣденныхъ животныхъ, птицъ и особенно многочисленныхъ рыбъ, частію разбросанныхъ по всему полу, а болѣею массою сложенныхъ въ особую яму, вырытую въ полу, около одной стѣны землянки, въ видѣ лахани, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что она служила жилымъ помѣщеніемъ, а не банею. Въ описанной землянкѣ, равно какъ и въ другихъ найденныхъ по сосѣдству съ нею, но менѣе сохранныхъ, была глинобитная печь и найдены песчаниковые распавшіеся на куски валуны съ ясными слѣдами настолько сильнаго прокаливанія ихъ на огнѣ, что нѣкоторые изъ нихъ легко растерались между пальцами въ песокъ. Быть можетъ и вѣроятнѣе всего эти камни служили цѣли, указанной Ибнъ-Дастой. Яма землянки имѣла 4 аршина ширины, 5 аршинъ длины, при глубинѣ въ $1\frac{3}{4}$ аршина. При этомъ, необходимо замѣтить, что крыша землянки, несомнѣнно, была обширнѣе ямы, такъ какъ глинобитная печь не находилась въ ямѣ, а внѣ ея, надъ обрѣзомъ ямы; между тѣмъ, нельзя допустить, чтобы она была не подъ крышею. Судя же потому, что весь полъ, рѣзко выдѣлившійся въ песчаномъ грунтѣ черною полосой ссохшейся грязи, былъ покрытъ кусками глины, иногда сохранившими тонкую плитчатую форму, можно заключить, что или крыша, или стѣны ямы этой землянки имѣли глиняную обмазку³⁾).

Сверхъ сего, удобнымъ нахожу присовокупить и то, что въ томъ же 1892 г., въ первыхъ числахъ октября мѣсяца, мнѣ пришлось видѣть нѣсколько подобныхъ землянокъ въ с. *Дубровицахъ*, выстроенныхъ бѣдными погорѣльцами—крестьянами. Въ двѣ изъ нихъ я входилъ, осматривалъ ихъ и черезъ разпросы узналъ, что семейства живутъ въ нихъ довольно покойно, а

1) Ibid., стр. 177.

2) Ibid., стр. 177—178.

3) Выписка изъ моего неизданнаго дневника раскопокъ на Борковской дюнѣ, 1892 г. Авг.

самые бѣднѣйшіе высказывали намѣреніе остаться въ нихъ на зиму, хотя и всѣхъ ихъ застала преждевременная зима въ этихъ первобытныхъ жилищахъ, возникшихъ въ силу необходимости въ борьбѣ за засуществованіе. Въ землянкахъ были кирпичныя печи. Крыша ихъ устраивалась изъ жердей и кольевъ, на которые сначала клался плетень, а потомъ двойной или тройной слой дерна.

Такимъ образомъ, мы находимъ полное подтвержденіе возможности существованія въ Россіи землянокъ даже въ примѣрахъ современной жизни. Эта возможность существующая въ настоящее время, существовавшая въ X—XI вѣкахъ, конечно, могла существовать, и въ болѣе раннія эпохи, чему мы, дѣйствительно, и находимъ подтвержденіе въ землянкахъ, открытыхъ Н. Высоцкимъ на берегахъ р. Волги, Казанской губерніи, относящихся къ концу неолитической эпохи каменнаго вѣка ¹⁾.

Само собою разумѣется, въ виду всего этого, крайне трудно отрицать возможность существованія такого рода жилищъ и у Окскаго первобытнаго человѣка. Станнымъ является только то обстоятельство, что остатковъ такихъ жилищъ до послѣдняго времени здѣсь никому не удалось открыть, тѣмъ болѣе, что ни трудностію ихъ открытія въ почвѣ, ни недостаточностію изслѣдованій такого отрицательнаго явленія положительно нельзя объяснить: разрѣзы въ свѣтлыхъ дюнныхъ пескахъ легко обнаруживаютъ всѣ неровности темныхъ культурныхъ наслоеній и сравнительно незначительныя по своимъ размѣрамъ очажныя ямы въ нихъ отчетливо обрисовываются и для открытія почти не представляютъ никакого затрудненія; въ отношеніи же многочисленности изслѣдованій долина Оки составляетъ даже счастливое исключеніе среди прочихъ областей Европейской Россіи.

Тѣмъ не менѣе, оставаясь вѣрными разъ высказанному взгляду, что отсутствіе открытій тѣхъ или другихъ явленій, еще далеко не доказываетъ дѣйствительнаго отсутствія или несуществованія такихъ явленій, мы были бы не вправѣ и при этихъ условіяхъ отрицать ямы, какъ жилища Окскаго доисторическаго человѣка, если бы вмѣстѣ съ этимъ отъ насъ не потребовалось еще болѣе важнаго допущенія—осѣдлой доисторической жизни на дюнахъ, которая до настоящаго времени ничѣмъ не могла быть доказана по отношенію первобытнаго человѣка долины р. Оки. Будь же доказано это послѣднее положеніе, тогда даже для крайняго сторонника пещерной идеи было бы вполне послѣдовательнымъ и даже необходимымъ прийти въ заключеніи именно къ такой формѣ жилищъ, такъ какъ въ генетическомъ отношеніи жилища ямы или землянки несомнѣнно стоятъ въ прямой родственной связи съ пещерами, и переходъ въ нихъ пещернаго человѣка является вполне естественной и зависитъ только отъ степени культурнаго развитія и степени эмансипаціи человѣка отъ вліянія тѣхъ причинъ, которыя заставляли его въ болѣе раннія времена искать покоя въ пещерахъ.

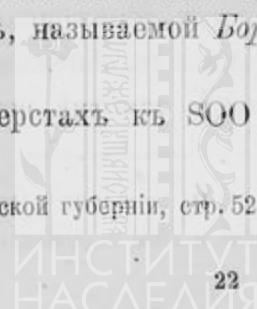
При такомъ состояніи мнѣній, высказанныхъ болѣе или менѣе твердо и основательно и, за однимъ исключеніемъ, прямо въ отношеніи Окскихъ первобытныхъ жилищъ каменнаго вѣка, мнѣ пришлось семь лѣтъ тому назадъ совершенно случайно взяться за изученіе этого предмета при изслѣдованіи заливной долины р. Оки, въ Рязанской губерніи, долины, на протяженіи болѣе, чѣмъ ста верстъ, отъ с. Солотчи до с. Исады, какъ показали наблюденія, изобилующей древними, типичными рѣчными дюнами и также изобилующей памятниками каменнаго вѣка, почти сплошь покрывшими эти дюны. Памятники одной изъ такихъ дюнъ, называемой *Борокъ*, и будутъ предметомъ нашего дальнѣйшаго изслѣдованія въ этой статьѣ.

Дюна Борокъ находится въ окрестностяхъ с. Дубровичъ, въ 12 верстахъ къ СЮ отъ

¹⁾ А. Штувенбергъ и Н. Высоцкій. Матеріалы для изученія каменнаго вѣка въ Казанской губерніи, стр. 52—53.

Тр. О. Е. при И. Казанск. университет., т. XIV, вып. 5.

труды 8-го археол. съезда въ Москвѣ 1890 г. т. III.

г. Рязани. Замкнутая топкими болотами и озерами, эта дюна еще въ семидесятыхъ годахъ, до проведенія дренажныхъ канавъ, считалась мало доступною, а во время весеннихъ Окскихъ разливовъ ежегодно является островомъ, окруженнымъ широкими и довольно глубокими водами.

Предметомъ моихъ посильныхъ изслѣдованій дюна Борокъ служила два года (1889 и 1890 г.), а предметомъ болѣе или менѣе частыхъ научныхъ экскурсій — въ продолженіе семи лѣтъ (1888—1894). За все это время здѣсь были открыты мною остатки весьма богатой *стоянки каменнаго вѣка*, *очажныя ямы*, *остатки открытыхъ костровъ* и *остатки одного сгорѣвшаго шалаша*, а около дюны найдены *постоянныя жилища* первобытнаго человѣка, расположенныя на *плотинобразномъ, искусственномъ холмѣ*, сооруженномъ изъ известковаго щебня и песка. Эти жилища представляются столь своеобразными и характерными по своей архитектурѣ, что ихъ совершенно нельзя подвести ни подъ какой извѣстный доисторической археологіи типъ жилищъ, почему я былъ вынужденъ и счелъ вполне справедливымъ дать имъ самостоятельное имя „*плотинныхъ жилищъ*“. По моему убѣжденію, такое имя, напоминая своимъ значеніемъ кранножи и свайныя постройки З. Европы, укажетъ на то принципиальное сродство, какое вновь открытыя жилища имѣютъ съ тѣми и другими, но вмѣстѣ, какъ самостоятельное имя, оно обозначитъ и тѣ оригинальныя, вполне самобытныя черты, благодаря которыхъ новыя жилища скорѣе могутъ стать *прототипомъ западно-европейскихъ надводныхъ жилищъ*, нежели быть заимствованной формой отъ нихъ.

Съ характеромъ и типомъ добытыхъ вещей на дюнѣ Борокъ просвѣщенная публика могла ознакомиться по моимъ коллекціямъ, бывшимъ на выставкахъ VIII Археологическаго Съѣзда и Московскаго Международнаго Конгресса Антропологии и Доисторической Археологіи. Кромѣ того, нѣкоторымъ изъ членовъ Московск. Археолог. Общества можетъ быть извѣстна и часть вышеупомянутыхъ открытій изъ описанія, представленнаго мною въ видѣ предварительнаго отчета Обществу о произведенныхъ изслѣдованіяхъ въ 1889 г. ¹⁾.

Отсутствіе же полнаго отчета въ печати по необходимости заставитъ меня сдѣлать нѣкоторыя повторенія и, главное, войти въ такія подробности, которыя, являясь необходимыми для полнаго освѣщенія фактовъ, могутъ быть утомительными для читателя.

Описаніе свое я поведу, придерживаясь хронологическаго хода моихъ изслѣдованій мѣстности.

Въ 1888 году, во время моихъ первыхъ экскурсій съ археологическою цѣлью на дюну Борокъ, между прочимъ, мое вниманіе было привлечено довольно обширнымъ обнаженіемъ темнаго культурнаго слоя на сѣверномъ возвышенномъ плато, составляющемъ главное ядро дюны. Ранѣе, какъ это мнѣ лично было извѣстно, все плато покрывалось мощнымъ слоємъ наноснаго песка, скрѣпленнаго частыми, почти сплошными кустами ивы, черемухи, можжевельника и др.; но какъ только послѣдніе были уничтожены (около 1870 г.), пески двинулись, гонимые вѣтромъ, въ прилегающія къ дюнѣ болота, оставляя на мѣстѣ только отдѣльные высокіе холмы подъ уцѣлѣвшими кустами растительности. По удаленіи верхнихъ покрововъ сталъ выдвигаться и подстилающій ихъ культурный слой. Въ 1888 г. этотъ слой былъ сдутъ болѣе, чѣмъ на половину, что легче опредѣлялось измѣреніями мощностей сохранившихся кусковъ этого слоя подъ уцѣлѣвшими на той же площади холмами верхняго песчаного наноса и мощности обнаженнаго слоя; причемъ подъ холмами культурный слой имѣлъ около 1½ четв. аршина, а на обнаженныхъ мѣстахъ — только около 3 вершковъ и даже значительно менѣе. При первомъ осмотрѣ всего обнаженія, здѣсь были найдены мелкіе осколки кремня и одно

¹⁾ В. Городцовъ. Описаніе мѣстонахожденій остатковъ каменнаго вѣка въ Рязанской губерніи, открытыхъ въ 1888 и 1889 г. Докладывалось въ засѣд. М. А. Общ. 11 мая 1890 г.

скребковидное, съ отточеннымъ лезвіемъ кремневое орудіе ¹⁾. Но кромѣ этого, здѣсь ничего особеннаго не было замѣчено.

Въ 1889 году, темный культурный слой еще покрывалъ все плато, хотя мощность его едва достигала 1 вершка. При этомъ въ юго-западной сторонѣ, на склоннѣ, обращенномъ къ небольшому внутреннему озерку Большой Бокалдѣ, ясно обозначилось кольцо, выраженное на поверхности культурнаго слоя пепелистымъ цвѣтомъ и едва примѣтнымъ возвышеніемъ надъ прилегающею мѣстностью. При осмотрѣ этого кольца, оно оказалось состоящимъ изъ слежавшейся золы съ большою примѣсью песка и мелкихъ углей. Кольцо имѣло форму довольно правильнаго эллипсиса съ осями въ 9 и 7 аршинъ. Какъ внутри, такъ и внѣ кольца открылись въ значительномъ количествѣ обломки битой посуды, слабо обожженной, большею частію совсѣмъ неорнаментованной или же покрытой рисункомъ изъ вдавленій, въ видѣ крупныхъ точекъ и полосокъ ²⁾. Среди этихъ остатковъ найдено двѣнадцать обломковъ тонкихъ ножей ³⁾. Все доказывало что мы имѣемъ дѣло съ остатками человѣческаго жилища.

Вторичныя наблюденія, въ той-же мѣстности произведенныя въ 1890 г., еще болѣе утвердили меня въ вѣрности моихъ предположеній. Благодаря продолжительному дѣйствию вѣтра, за истекшій періодъ времени, были уничтожены почти всѣ болѣе легкія частицы кольца, и повсюду обнажился черный слоекъ, непосредственно подстилавшій золистое образованіе послѣдняго. Кольцо въ это время уже не обозначалось сплошною массою золы, отъ которой остались только пятна, разбросанныя по окружности въ видѣ тонкаго налета, но его можно было прослѣдить по обнаружившимся уголькамъ. Одни изъ этихъ угольковъ лежали на самой поверхности безъ видимаго порядка, другіе, напротивъ, группировались въ довольно правильные кружки и мѣстами, въ этихъ случаяхъ, вѣдрялись въ черный слоекъ такъ, что производили впечатлѣніе остатковъ сгорѣвшихъ тонкихъ, около 1½ вершка въ діаметрѣ, деревьевъ или сучьевъ. При внимательномъ наблюденіи болѣе сохранившихся и нераспавшихся кружковъ можно было легко замѣтить, что уголки, составлявшіе ихъ, соприкасались другъ съ другомъ, имѣли общіе годовые круги древесины и валокна, направленные вверхъ. Нижняя часть ихъ проникала въ темный слоекъ по настолько, что ни одинъ изъ осматрѣнныхъ угольковъ не достигалъ до красноватаго песка, залегавшаго подъ чернымъ слойкомъ, хотя послѣдній былъ не толще полувершка. Всѣ эти явленія указывали, что горѣніе деревьевъ или сучьевъ происходило, во-первыхъ, въ ихъ болѣе или менѣе вертикальномъ положеніи, а во-вторыхъ, что оно совершилось съ поверхности того темнаго слоя, на которомъ отложилось золистое кольцо.

Сопоставляя всѣ наблюдаемые факты на этомъ мѣстѣ, можно прійти къ одному положительному заключенію, что здѣсь сгорѣло жилое помѣщеніе, имѣвшее эллиптическое основаніе и стѣны сдѣланныя изъ болѣе или менѣе вертикально поставленныхъ тонкихъ древесныхъ стволовъ или сучьевъ, прикрытыхъ слоемъ болѣе нѣжныхъ, вѣроятно всего, травянистыхъ растений, обратившихся послѣ горѣнія въ золу.

Любопытнымъ при этомъ являлось отсутствіе среди остатковъ сгорѣвшаго шалаша какихъ-либо признаковъ очага или костра. Полъ шалаша представлялся гладкимъ, безъ признаковъ возвышеній или углубленій въ немъ. Окраска его казалась равною и почти черною. Подъ чернымъ слоемъ пола залегалъ уплотненный *красноватый песокъ*, обыкновенно подстилающій на дюнѣ Борокъ культурный слой.

¹⁾ Находится въ Имп. Россійск. Музеѣ, въ Москвѣ. Авт.

²⁾ Находятся въ Музеѣ Ряз. Уч. Арх. Коммиссіи. Авт.

³⁾ Подобныя слѣды жилищъ съ тѣми-же остатками золы, угля, черепковъ глиняной посуды и каменныхъ орудій находятъ около Кенигсберга на такъ называемой „Kurische Nerung“ или той узкой песчаной полосѣ, которая отдѣляетъ Куришъ гафъ отъ Балтійскаго моря. *Отъ Редакціи.*

Древность открытых остатков сгорѣвшаго шалаша хорошо опредѣляется какъ горизонтомъ залеганія ихъ въ почвѣ, такъ и образцами человѣческихъ издѣлій, найденныхъ около него. Заключенные въ самой нижней плоскости культурнаго слоя, содержащаго только предметы каменнаго вѣка, эти остатки могутъ быть отнесены къ древнѣйшимъ памятникамъ того же вѣка, открытымъ на дюнѣ Борокъ.

Что касается формы сгорѣвшаго жилища, то, по моему мнѣнію, ее слѣдуетъ проектировать въ видѣ *простого коническаго шалаша*. Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимся за справками по этому предмету къ исторіи и этнографіи, то скоро можемъ найти, что жилища съ круглымъ основаніемъ, построенныя изъ легкихъ матеріаловъ въ видѣ кольевъ, вѣтвей, травы, коры, листьевъ и т. п., которыя при горѣніи своемъ, могутъ дать аналогичную картину съ открытою на дюнѣ Борокъ, дѣлятся на три основныхъ типа: полушарный, коническій и сложный цилиндро-коническій или цилиндро-полушарный. Всѣ эти типы примитивныхъ жилищъ, въ своихъ видоизмѣненіяхъ и приспособленіяхъ къ образу жизни владѣльцевъ, имѣютъ чрезвычайно обширное распространеніе. Существованіе ихъ можно прослѣдить на всѣхъ материкахъ земнаго шара. При чемъ, если обратить вниманіе на распространеніе каждаго изъ этихъ типовъ, то можно замѣтить, что всѣ они находятся въ связи съ степенью цивилизаціи расъ, племенъ и народовъ: простые типы соотвѣтствуютъ наиболѣе простымъ первобытнымъ культурамъ, а формы *сложнаго типа*—наиболѣе развитымъ культурамъ кочевого быта или переходнаго отъ неосѣдлаго къ осѣдлому быту. Такимъ образомъ, полушарныя и коническія шалаша мы находимъ у самыхъ низшихъ расъ и племенъ материка *Австраліи*, *острововъ Тасманіи*, *Новой Каледоніи*, *Вайну*, изъ группы *Таити* и др., въ *Африкѣ*—у низшихъ представителей *Готтентотовъ* и *Каффровъ*, въ *Америкѣ*—у *Пешересовъ*, *Индѣйцевъ Парагвая*, *Тегуэльчей*, нѣкоторыхъ *бразильскихъ племенъ* (*Короадо*), нѣкоторыхъ племенъ *Докота*, *Атапасковъ* и др., въ *Азійи* и въ *Европѣ* коническій типъ жилищъ открывается въ *чумахъ* и *юртахъ* многихъ *бродячихъ* и *кочующихъ племенъ* *полярныхъ странъ*, прилегающихъ къ *Сѣверному Ледовитому океану*. Всѣ эти племена являются и по настоящее время представителями низшихъ ступеней человѣческой культуры, и только немногія изъ нихъ, подъ вліяніемъ болѣе цивилизованныхъ расъ, выходятъ изъ первобытнаго состоянія, а болшею частію постепенно вымираютъ, не будучи въ состояніи примѣниться къ новымъ условіямъ жизни, условіямъ, естественный переходъ въ которыя являлся возможнымъ для нихъ только въ далекомъ будущемъ.

Напротивъ, въ совершенно другой, если можно такъ сказать, культурной сферѣ развивается типъ сложныхъ шалашей. Мы видимъ этого рода жилища или у богатыхъ, энергичныхъ кочевыхъ племенъ, лучшими представителями которыхъ являются *тюркско-монгольскія племена* в. Европы и ср. Азійи, или у племенъ вступающихъ, а иногда только что вступившихъ въ высшій осѣдлый бытъ, какими представляются почти всѣ племена *центральной и южной Африки*, древніе *Галлы* и, наконецъ, жители *швейцарскихъ свайныхъ построекъ*, жилища которыхъ, на основаніи болѣе достовѣрныхъ фактовъ, проектируются лучшими изслѣдователями въ видѣ *цилиндро-коническихъ шалашей*.

Возстановляя, на основаніи высказанныхъ соображеній, видъ открытаго жилища дюны Борокъ, мы прежде всего ни подъ какимъ видомъ не можемъ придать ему сложной формы, потому что это значило бы произвольно допустить для первобытнаго обитателя дюны болѣе высокую степень культуры, чѣмъ та, которую можно установить для него на совокупности всѣхъ культурныхъ его памятниковъ. Слѣдовательно, намъ остается выборъ изъ двухъ простыхъ формъ. Въ этомъ случаѣ рѣшающее значеніе можетъ имѣть способъ постройки жилищъ того и другого типа. Изъ описаній путешественниковъ мы знаемъ, что *полушарныя шалаша* или примитивныя жилища дѣлаются при помощи перегиба длинныхъ вѣтвей или кольевъ, положен-

ныхъ дугообразно крестъ на крестъ. Всѣ такія жилища по необходимости отличаются крайне незначительными размѣрами, что даетъ даже поводъ сравнивать ихъ съ *пчелиными ульями* или называть *ульевидными*. Очевидно, такіе малые размѣры контуровъ будутъ несовмѣстимы съ болѣе значительными размѣрами плана нашего жилища, и мы по необходимости отъ полушарной формы принуждены отказаться и остановиться на *конической*, не стѣсняющей насъ въ размѣрахъ. Постройка такого жилища не могла представить для первобытнаго человѣка никакихъ особенныхъ затрудненій. Древнее существованіе ихъ въ восточной Европѣ, вѣроятно же всего въ предѣлахъ современной Россіи, подтверждается римскимъ историкомъ Тацитомъ ¹⁾; явленіе же ихъ въ неолитическую и даже болѣе раннія эпохи представляется настолько возможнымъ, что его допускали на основаніи однихъ умозаключеній и гр. Уваровъ, и проф. Иностранцевъ ²⁾.

Итакъ, по открытымъ остаткамъ мы узнаемъ, что древнѣйшія жилища дюны Борокъ въ каменный періодъ имѣли видъ простого конического шалаша. Въ архитектурѣ эта элементарная форма жилища должна занимать одну изъ низшихъ ступеней, а въ отношеніи общечеловѣческой культуры стоять въ постоянной связи съ самыми низшими ступенями первобытной цивилизаціи, той цивилизаціи, представители которой не выходятъ изъ бродячаго, охотничьяго и, самое большое, кочевого быта, имѣющаго въ основаніи черты болѣе или менѣе рѣзко противоположныя осѣдлости, что даетъ намъ полное право заключить къ такому же быту и борковскаго первобытнаго обитателя, сгорѣвшій же шалашъ отнести къ категоріи *временныхъ*, а не *постоянныхъ* жилищъ.

Послѣднее положеніе въ отношеніи Борковскаго шалаша находитъ полное подтвержденіе въ отсутствіи признаковъ очага или костра внутри самаго жилища. Очевидно, человѣкъ не проживалъ въ немъ холодную зиму, предпочитая ему другой болѣе теплый кровъ. Гдѣ находился этотъ кровъ, гдѣ скрывался первобытный борковской человѣкъ отъ зимнихъ стужъ и холодовъ, составляетъ загадку, потерянный ключъ къ которой необходимо искать въ другомъ мѣстѣ.

Глубоко заинтересованный открытіемъ остатковъ древняго жилища, сдѣланномъ въ самомъ началѣ моихъ археологическихъ изслѣдованій, на естественномъ обнаженіи культурнаго слоя, я не упустилъ случая наблюдать такія обнаженія, гдѣ бы они не встрѣчались.

Пришедшая почти на всемъ своемъ протяженіи въ общее движеніе, названная дюна сама по себѣ представляла много удобствъ для наблюденій. Болѣе широкія обнаженія древняго культурнаго слоя здѣсь началось съ 1886 года. Между прочимъ, около этого времени былъ открытъ культурный слой на поверхности длиннаго песчанаго холма, расположеннаго въ видѣ полумѣсяца по подошвѣ общаго массива дюны. На хребтѣ этого холма, по рассказамъ очевидцевъ, шель обнаженный рядъ сгорѣвшихъ столбовъ, напоминавшихъ, будто бы, своимъ положеніемъ остатки сгорѣвшаго обширнаго двора. Но въ 1888 году, ко времени первыхъ моихъ изслѣдованій, эти остатки были уничтожены и отъ нихъ только мѣстами оставались разсѣянные куски угля, иногда достигавшіе довольно крупныхъ размѣровъ. Отъ культурнаго слоя здѣсь не оставалось ничего, поэтому трудно было прійти къ какому либо положительному заключенію какъ относительно древности этихъ остатковъ, такъ и ихъ назначенія, хотя необходимо замѣтить, что въ этомъ мѣстѣ были найдены кремневая оббитая орудія и много распавшихся на мелкіе куски глиняной едва обожженной посуды. Въ виду чего, можно бы допустить, что обнаженные, сгорѣвшіе столбы имѣли отношеніе къ первобытнымъ жилищамъ, но вѣрнѣе всего эти столбы представляли изъ себя остатки *сгорѣвшихъ деревьевъ*. По крайней мѣрѣ, къ послѣдней мысли меня склоняютъ наблюденія надъ многократно встрѣчаемыми сгорѣвшими столбами какъ на дюнѣ Борокъ, такъ и на другихъ, напр. Шумашской и Борковской дюнахъ, подъ г. Рязанью. Вни-

¹⁾ К. Тацитъ. Германія, гл. 46. С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. 1, стр. 83.

²⁾ А. А. Иностранцевъ. Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера, стр. 177.

мателное изученіе этихъ остатковъ приводитъ къ заключенію, что большинство изъ нихъ имѣютъ непосредственное отношеніе только къ образованію культурнаго, древняго слоя, почему подробное описаніе ихъ я оставляю для другой статьи. Теперь же перейду къ обзору костровъ и очаговъ, какъ имѣющихъ болѣе тѣсное и несомнѣнное отношеніе къ домашнему быту доисторическаго человѣка.

Мы видѣли, что среди остатковъ сгорѣвшаго шалаша не было найдено ничего такого, что бы могло указывать на присутствіе очага внутри жилища. Очевидно, очагъ находился гдѣ-нибудь внѣ открытаго нами жилья. Само собою разумѣется, очагъ не могъ быть слишкомъ удаленнымъ отъ жилья и, въ данномъ случаѣ, естественнѣе всего можно было ожидать его находки въ берегахъ внутренняго озера Большой бакалды, но къ сожалѣнію, кругомъ всѣ берега этого озера представляли уже въ то время картину полного и глубокаго разрушенія, благодаря котораго давно уничтожились культурный и даже красноватый подстилающій его слой, такъ что здѣсь невозможно было найти никакихъ отпечатковъ въ почвѣ.

Очажныя ямы и костры были открыты въ другихъ пунктахъ дюны. Всего ихъ было замѣчено *четыре*: двѣ ямы и два открытыхъ костра. Три изъ нихъ располагались по берегу озера Кремневой музги на днѣ которой найдена масса кремневыхъ осколковъ, полученныхъ при обработкѣ каменныхъ орудій и собрано до 500 номеровъ разнообразныхъ подѣлокъ изъ камня ¹⁾, хотя необходимо сказать, что сборъ орудій здѣсь былъ только начатъ, но далеко не законченъ и до настоящаго времени.

Изъ *очажныхъ ямъ* особенный интересъ представляетъ найденная въ береговомъ песчаномъ обрывѣ Кремневой музги. Эта яма оказалась съ небольшимъ подкопомъ внутри, что ей сообщало видъ печи. Подкопъ отчетливо вырисовывался ниже культурнаго слоя, покрытаго въ свою очередь аршиннымъ слоемъ наноснаго песка, заключающаго въ себѣ три тонкихъ растительныхъ слоя. Дно ямы покоилось на глубинѣ двухъ съ половиною аршинъ отъ современной поверхности. Ширина устья равнялась двумъ аршинамъ, подкопъ шелъ въ бокъ на двѣ съ половиною четверти аршина. Въ ямѣ ничего не было найдено, тогда какъ въ подкопѣ были обнаружены угли и зола, покрывшіе сплошнымъ слоемъ все дно его.

Вторая очажная яма находилась на южномъ скатѣ дюны, обращенномъ къ рѣчкѣ Ратугѣ; она имѣла видъ простаго углубленія, въ діаметрѣ около 1½ арш. и около 3 четв. глубины, отъ поверхности культурнаго древняго слоя. На днѣ ея найдены были угли и въ нихъ осколочки кремня. Около ямы собрано нѣсколько скребковъ и одинъ наконечникъ кремневой стрѣлы ²⁾. Совершенно такія же ямы наблюдались мною въ естественныхъ разрѣзахъ на Шумошской, Борковской (близъ г. Рязани), Рыковской и Фефеловской дюнахъ; при этомъ среди обыкновенныхъ остатковъ углей или золы иногда попадались обломки глиняной посуды (Шумашъ), осколки кремня и рѣдко кремневая орудія (Борки подъ г. Рязанью).

Остатки костровъ мною наблюдались въ 1892 г. на естественныхъ обнаженіяхъ культурнаго слоя. Они состояли въ обоихъ случаяхъ изъ болѣе или менѣе значительнаго количества углей разныхъ древесныхъ породъ, между которыми замѣтны были *дубъ и сосна*. Угли группировались въ видѣ круговъ, діаметръ большого изъ нихъ достигалъ 1½ аршина, а меньшаго— около 1 арш. Основанія обоихъ костровъ составлялъ красноватый слегка углистый песокъ, обыкновенно залегающій на линіи, отдѣляющей темный культурный слой отъ красноватаго слоя песка. Вокругъ обоихъ костровъ найдены обломки грубой глиняной посуды и осколки кремня. Аналогичные остатки костра я наблюдалъ въ 1891 году на дюнѣ Облачинской пустыни, подъ

¹⁾ Находятся въ Музеѣ Рязанской Уч. Арх. Коммисіи. Авт.

²⁾ Находятся въ Музеѣ Ряз. Уч. Арх. Коммисіи. Авт.

с. Исадами. И тамъ рядомъ съ углями найдены обломки глиняной посуды съ орнаментомъ изъ крупныхъ довольно типичныхъ для каменнаго вѣка вдавленій.

Такимъ образомъ, первобытный человѣкъ дюны Борокъ, подобно и другимъ своимъ современникамъ, устраивалъ очаги двумя способами: или вырывалъ яму и разводилъ въ ней огонь, или просто складывалъ и зажигалъ дрова на поверхности современной ему почвы.

Разсматривая всѣ эти памятники въ культурномъ отношеніи, мы не можемъ заключить въ пользу сколько нибудь развитаго и устойчиваго домашняго быта у оставившаго ихъ владѣльца. Находились-ли разсмотрѣнные нами очаги и костры въ жилищахъ или внѣ ихъ, хотя послѣднее, судя по отсутствію ихъ въ открытомъ нами шалашѣ, представляется болѣе вѣроятнымъ, — въ обоихъ случаяхъ они могутъ только указывать на очень низкую, первобытную культуру, исключаящую всякую мысль объ осѣлости на мѣстѣ ихъ нахожденія.

Очагъ, какъ и жилища, есть продуктъ человѣческой культуры и степень его совершенства тѣсно связывается съ степенью развитія послѣдней.

Низшія племена Австраліи довольствуются *кострами*, которые иногда замѣняютъ для нихъ даже все, что мы называемъ домомъ ¹⁾. Болѣе развитые островитяне Фиджи, Гавайцы и Тонга-Тау ²⁾, а также американскія племена Докотовъ и Ассинибоиновъ имѣютъ очаги въ видѣ ямъ. А еще болѣе развитыя охотничьи и кочующія племена полярныхъ странъ с. Америки и Сибири, какъ напр. Эскимосы, Малиніуты, Камчадалы, Юкагиры, Якуты, Остяки и Самоѣды пользуются уже очагами, выстроенными въ видѣ особыхъ специальныхъ возвышеній, сложенныхъ изъ глины, булыжника и др.

Окскій первобытный человѣкъ, по степени совершенства своего очага, стоитъ выше Австралійцевъ и ниже сѣверныхъ арктическихъ племенъ. А такъ какъ всѣ эти племена, при открытіи ихъ европейцами находились въ дикомъ состояніи, имѣли въ основѣ своей жизни кочевой, охотничій и бродячій бытъ, то мы должны подобный же бытъ приписать и обитателю окскихъ дюнь. Но принимая, такимъ образомъ, наши очаги и костры за *памятники подвижной, неосѣдой жизни*, мы не можемъ избѣгать вопроса, въ какое время года они могли быть оставлены на дюнахъ—зимою или лѣтомъ?

На этотъ любопытный вопросъ, по моему мнѣнію, хорошо отвѣчаютъ размѣры костровъ и очаговъ, а также и количество культурныхъ остатковъ, найденныхъ въ нихъ. Изъ приведенныхъ свѣдѣній мы могли видѣть, что какъ очажныя ямы, такъ и открытые костры не отличались ни своими размѣрами, ни богатствомъ найденныхъ въ нихъ вещей, а это прямо указываетъ на то, что человѣкъ пользовался ими въ теплую пору года, а не въ холодную, когда онъ по необходимости долженъ былъ бы ближе и дольше держаться своихъ очаговъ и окружить ихъ гораздо большимъ количествомъ всевозможныхъ отбросовъ своей кухни и случайно потерянныхъ предметовъ домашней утвари, чѣмъ мы находимъ здѣсь.

Такимъ образомъ, всѣ изслѣдованные наши памятники дюны Борокъ, относящіяся къ характеристикѣ образа жизни первобытнаго человѣка, одинаково указываютъ, что послѣдній еще *чуждался осѣлости и проживалъ на дюнь только теплое время года*. Принимая же во вниманіе полное сходство большинства находокъ, сдѣланныхъ на этой дюнѣ, съ находками прочихъ, обитаемыхъ въ каменный періодъ, Окскихъ дюнь, мы можемъ прийти къ заключенію, что, вѣроятно, всѣ онѣ одинаково служили только лѣтними стоянками первобытнаго человѣка, который на зиму уходилъ въ другія какія-то мѣстности. Что это за мѣстности и гдѣ онѣ могли находиться, намъ отвѣтять — правда, косвенно — изслѣдованія плотинной постройки, воздвигнутой первобытнымъ человѣкомъ почти у подошвы дюны Борокъ, на площади Черепковъ.

¹⁾ Фр. Гельвальдъ. Ест. Ист. племенъ и народовъ, т. 1, стр. 33.

²⁾ Дюмонъ-Дюрвиль.

Первыя научныя экскурсіи на Черепки мною сдѣланы въ 1889 году. Тогда же было составлено краткое описаніе этой мѣстности съ указаніемъ находокъ, сдѣланныхъ здѣсь въ разное время мѣстными жителями но болѣе серьезныя изысканія были произведены только въ 1890 и отчасти въ послѣдующихъ годахъ.

Площадь Черепковъ примыкаетъ къ юго-западному отрогу дюны Борокъ и представляетъ изъ себя довольно правильный четырехугольникъ, замкнутый съ сѣвера озеромъ Долгимъ, съ востока и запада—двумя небольшими озерками, называемыми лугами, съ юга—также двумя оз. Большимъ и Малыми спудками.

При болѣе внимательномъ осмотрѣ береговъ всей этой системы озеръ можно легко замѣтить, что между каждымъ изъ нихъ существуютъ болѣе или менѣе рѣзко выраженные тальвеги, на протяженіи которыхъ встрѣчаются правильныя круглыя или продолговатыя котловины, служившія, повидимому, совсѣмъ недавно ложами такихъ же озеръ, какими представляются существующіе спудки и музги. Такія явленія довольно опредѣленно указываютъ на то, что въ минувшее время, когда высохшія котловины были съ водою, а тальвеги не имѣли настоящей ихъ высоты, всѣ озера, расположенныя вокругъ площади Черепковъ, соединялись между собою, изолируя послѣднія въ видѣ острова. Къ этому же заключенію приводитъ насъ и изученіе геологическаго строенія мѣстности.

Произведенною здѣсь нивелировкой между прочимъ, выяснено, что поверхности озеръ находятся не на одномъ уровнѣ, а идутъ постоянными уступами отъ Западной музги къ Восточной и оз. Долгому. Западная музга имѣетъ превышеніе надъ оз. Долгимъ, уровень котораго принять за базу, въ 4 арш. и 9½ вершк., Большой спудокъ—въ 4 арш. и 9 вершк., Малый спудокъ—въ 4 арш. 6½ вершк. и Восточная музга—въ 1 арш. 10¾ верш. Такая разность въ высотахъ поверхностей озеръ, по моему мнѣнію, произошла вслѣдствіе неодинаковыхъ скоростей зарастанія тальвеговъ, при чемъ первый разрывъ произошелъ на мѣстѣ наивысшаго перешейка, т. е. между Запад. музгой и Долгимъ. Послѣ этого разрыва вода изъ рукава, охватывающаго Черепки съ юга, имѣла только одно сообщеніе съ водами оз. Долгаго черезъ Восточную музгу.

Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени произошелъ второй разрывъ на перешейкѣ между Мал. спудкомъ и Вост. музгой. Благодаря этому разрыва, сравнительно большая масса воды, связывающая оба спудка и Зап. музгу, совершенно изолировалась отъ Долгаго и имѣла видъ одного озера. Тогда не теряла связи съ Долгимъ только одна Вост. музга, получившая видъ залива. Въ такомъ отношеніи другъ къ другу озера оставались весьма продолжительное время, пока прилегающіе къ нимъ скаты площади Черепковъ покрылись мощнымъ слоемъ новыхъ образований и уровень воды изолировавшагося озера поднялся до 4 аршинъ надъ уровнемъ оз. Долгаго. Затѣмъ, послѣдовало новое дробленіе отрѣзаннаго озера, при чемъ оно распалось не менѣе какъ на шесть отдѣльныхъ бассейновъ, изъ которыхъ въ настоящее время три совершенно обмелѣли и высохли а три извѣстныя намъ продолжаютъ еще существовать. Судя по отношенію уровней существующихъ бассейновъ должно полагать, что изолированіе ихъ произошло такимъ образомъ, что сначала отдѣлилась Зап. музга, а потомъ Малый спудокъ.

Нарастаніе почвы, благодаря котораго произошли разности высотъ уровней разсматриваемыхъ водъ, повидимому, зависѣло отъ двухъ причинъ: отъ осадка ила весеннихъ Окскихъ разливовъ и отъ разгрузки льдинъ, несущихъ во время тѣхъ же разливовъ торфянистыя глыбы и кочки, поднятыя ими со дна мелководныхъ озеръ и болотъ.

Дѣйствіе первой причины выражается здѣсь въ постоянномъ повышеніи прѣемной почвы, при чемъ процессъ наслоенія идетъ всегда значительно быстрѣе въ низинахъ, особенно ложбинахъ и котловинахъ, нежели на возвышенныхъ или открытыхъ мѣстахъ. Въ общемъ, дѣй-

ствія этой причины настолько правильны и постоянны, что ими, при надлежащемъ изученіи можно было бы руководиться, какъ хронологическими указателями.

Дѣйствія второй причины, хотя и не отличаются особою правильностію, тѣмъ не менѣе подчинены также опредѣленному закону.

Во время весеннихъ разливовъ вода идетъ, въ разсматриваемой мѣстности, съ сѣвера на югъ. Достигнувъ Черепковъ, часть общаго потока отдѣляется и стремится въ промежутокъ между западнымъ отрогомъ дюны Борокъ и возвышенностію самихъ Черепковъ. Этому явленію, между прочимъ, обязана своимъ происхожденіемъ разъ уже упомянутая Кремневая музга на днѣ которой найдены сотни кремневыхъ орудій. Другая часть потока идетъ западнѣе возвышенности Черепковъ.

Сообразно съ общимъ теченіемъ воды несутся и льдины. Часть ихъ наталкивается на берега возвышенности Черепковъ, бороздитъ его, ломается на мелкіе куски и уносится вмѣстѣ съ другою большею частию льдинъ въ быстрины, въ правую или лѣвую сторону отъ Черепковъ. Здѣсь льдины получаютъ новое сотрясеніе отъ перемѣны скоростей движенія и такъ же часто ломаются, какъ и въ первомъ случаѣ. А такъ какъ многія изъ льдинъ несутъ вмерзшія въ нихъ за зиму торфянистыя кочки, то эти послѣднія отпадаютъ отъ нихъ и ложатся на пути ихъ слѣдованія. Наблюдая за расположеніемъ оставленныхъ льдинами кочекъ, можно замѣтить, что ихъ болѣе всего группируется на перешейкахъ между Вост. музгою и Мал. спудкомъ и между оз. Долгимъ и Зап. музгою, а также и по сѣверному береговому хребту Черепковъ, обыкновенно покрытому глубокими бороздами, сдѣланными налетавшими на берегъ льдинами.

Количество выгруженнаго такимъ образомъ льдинами матеріала, хотя и не отличается особенною массою, тѣмъ не менѣе направленное на одни и тѣ же пункты, оно съ теченіемъ времени могло оказать большое вліяніе на рельефъ мѣстности, и я полагаю, что изолированіе или запруживаніе рукава, обтекавшаго Черепки съ юга, зависѣло въ большой степени именно отъ этого явленія. Чтобы судить о его значеніи, считаю необходимымъ указать на слѣдующій фактъ. Для осушенія Зап. музги была прорыта канава. Въ 1888 году черезъ эту канаву протекала вода, но въ 1894 году устье ее оказалось заваленнымъ кочками почти въ уровень съ краями, а вода проникала въ канаву не болѣе какъ на 10—15 шаговъ.

Окруженная разсмотрѣнною системою озеръ, площадь Черепковъ имѣетъ видъ четырехугольника, простирающагося въ длину на 400, а въ ширину на 300 аршинъ. Современная поверхность площади довольно рельефна. Начиная отъ водъ оз. Долгаго, мѣстность дѣлаетъ значительный береговой подъемъ и шагахъ въ 75 достигаетъ наибольшей высоты, за которой слѣдуетъ общее пониженіе къ спудкамъ.

Судя по естественнымъ обнаженіямъ и искусственнымъ разрѣзамъ, внутреннее строеніе площади имѣетъ слѣдующій видъ: сверху лежитъ пластъ иловатой глины; ниже этого пласта залегаютъ пески съ частыми прослоями суглинка. Происхожденіе верхняго слоя намъ извѣстно: оно зависило отъ годовичныхъ осадковъ ила и отъ выгрузки торфянистыхъ глыбъ льдинами весеннихъ разливовъ. Мощностъ илистаго слоя на вершинѣ площади достигаетъ полутора аршинъ, но на скатахъ и низкихъ мѣстахъ мощностъ его быстро увеличивается, такъ что слой ила не только составляетъ берега озеръ, но и служитъ имъ ложемъ.

Пески, насколько я могъ судить по имѣвшимся искусственнымъ разрѣзамъ почвы, составляютъ основное ядро, на поверхности и у подошвы котораго отложился весь верхній пластъ. Правильная слоистостъ песковъ, образованная на счетъ глинистыхъ элементовъ, указываетъ, что происхожденіе ихъ было водное, намывное. Я полагаю, что весь песчаный пластъ представляетъ изъ себя ничто иное какъ погребенный намывной островъ. Явленіе такихъ острововъ въ русскихъ большихъ, мелѣющихъ рѣкахъ весьма обычно, но оно можетъ показаться стран-

нымъ и совсѣмъ необычнымъ для такой малой рѣки, какою является въ настоящее время такъ называемое озеро Долгое. Однако эта кажущаяся неестественность легко объясняется и устраняется. Достаточно одного опытнаго взгляда на карту оз. Долгаго, чтобы совершенно правильно увидѣть въ немъ древнюю старицу Оки. Такимъ образомъ островъ могъ получить свое начало или тогда, когда на мѣстѣ Долгаго протекала Ока, или тогда, когда образовавшееся на мѣстѣ

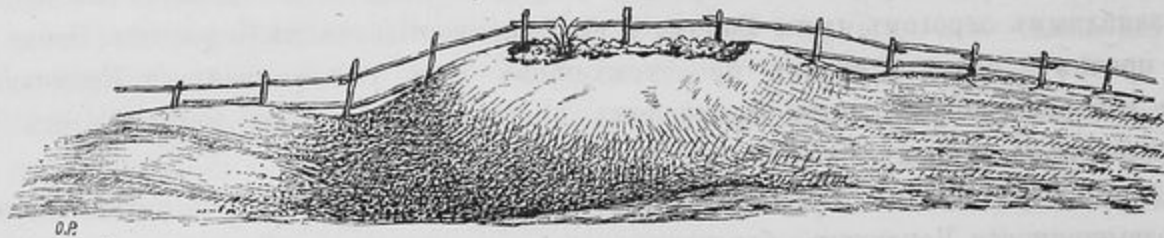

Рис. 72.

Оки—Долгое имѣло такія же обильныя и широкія воды, какія въ настоящее время имѣютъ сосѣднія съ нимъ, но болѣе молодая старица, называемая оз. Веліемъ. Ока и Веліе имѣютъ въ среднемъ одинаковую ширину, около 300—400 шаговъ. На такую приблизительно ширину указываютъ и противоположные берега оз. Долгаго и Больш. спудка, разстояніе которыхъ можно принять за максимумъ ширины древнаго русла водъ, намывшихъ песчаный островъ.

Площадь погребеннаго острова значительно менѣе современной площади Черепковъ и поверхность его была не похожа на современную. Только вершина его совпала съ вершиною

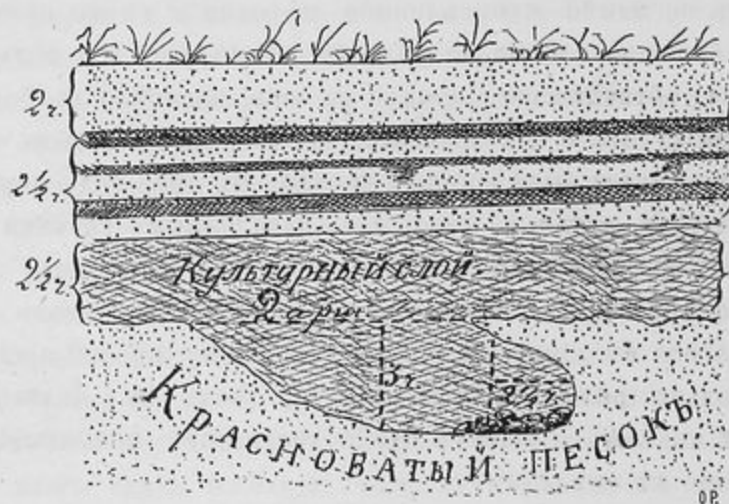

Рис. 73.

современной поверхности. Эта вершина находится въ сѣверовосточномъ углу площади и представляетъ изъ себя довольно обширный, съ плоскою поверхностію холмъ, состоящій изъ рыхлаго песка и извѣстковаго щебня. Высота холма, несмотря на то, что часть его разобрана, достигаетъ надъ уровнемъ Долгаго—9 арш. 5¹/₂ верш. Благодаря такой высоте холмъ не всегда заливается даже современными окскими разливами.

Наружность холма имѣетъ слѣдующее очертаніе: къ сѣверу и сѣверо-западу, къ озерамъ Долгому и Зап. музгъ, холмъ имѣетъ сравнительно незначительное паденіе и скоро сливается съ прилегающею мѣстностію; но начиная отсюда, паденіе холма обрисовывается рѣзче и достигаетъ наибольшей крутизны въ юго-восточномъ направленіи. Съ этой, а равно и съ южной стороны общая высота холма усиливается длиною, узкою ложбиною, проходящею какъ разъ у подошвы холма. Ложбина по своему очертанію напоминаетъ какъ бы затянутый отъ времени

ровъ. Впечатлѣніе искусственно повышенной и укрѣпленной мѣстности производитъ и весь холмъ, особенно, если на него, смотрѣть съ такихъ пунктовъ съ которыхъ, можно сразу видѣть скатъ и ложбину, проходящую у подошвы послѣдняго (рис. 72 и 73).

Поверхность холма вообще горизонтальна и плоска; въ планѣ—представляется овальною, имѣющею около 60 арш. длины (O—W) и 50 арш. ширины (N—S). Средина площади въ настоящее время сильно изрыта крестьянами съ цѣлью добыванія изъ внутренности холма известковаго щебня. Въ уцѣлѣвшихъ же мѣстахъ поверхность покрыта травой. Съ этимъ холмомъ главнымъ образомъ и связывается названіе Черепковъ, данное ему, очевидно, благодаря массы разсыпаннаго здѣсь мелкаго известковаго щебня и нерѣдко встрѣчающихся обломковъ глиняной посуды.

Въ 1889 году, наводя справки о холмѣ Черепковъ, между прочимъ, мнѣ удалось записать одно не лишнее интереса преданіе, существующее объ этой мѣстности у крестьянъ с. Дубровичъ. По этому преданію на Черепкахъ въ старину жилъ богатырь, который обладалъ такою большою силою, что могъ бросать свой топоръ на разстояніи трехъ верстъ и попадать имъ въ другого богатыря, обитавшаго въ д. Новоселкахъ, на другомъ берегу Оки.

Въ этомъ преданіи, несомнѣнно, идущемъ изъ глубокой древности, для археолога важно то, что мѣстные жители еще въ старые годы, когда холмъ Черепковъ долженъ быть менѣе изрытъ и изуродованъ, смотрѣли на него какъ на мѣсто боевое, укрѣпленное.

Существованіе такого взгляда на мѣстность въ древности отчасти подтверждается названіями двухъ прилегающихъ къ Черепкамъ озеръ—спудками. Такія названія не явились случайно. Они могли быть вызваны только какими-либо особенностями или самихъ озеръ или прилегающей мѣстности. Озеръ—спудки, по своему наружному виду и свойствамъ, ничего не представляютъ особеннаго. Множество совершенно такихъ же озеръ въ сосѣднихъ поемныхъ лугахъ не носятъ никакихъ названій, кромѣ нарицательныхъ—музга ¹⁾, озеро, болото, такъ что, очевидно названія здѣсь даны въ характеристику не озеръ, а мѣстности и именно Черепковъ, рѣзко бросающихся въ глаза по своей замкнутости. Слово спудъ есть слово древнее и въ современномъ языкѣ является уже вполнѣ вымершимъ. Съ его значеніемъ мы только отчасти знакомимся изъ одной старой поговорки „хоронить подъ спудомъ“, гдѣ съ понятіемъ этого слова связывается понятіе о скрытомъ, неприступномъ, крѣпкомъ мѣстѣ. Если такое понятіе связывалось съ этимъ словомъ въ то время, когда оно впервые давалось въ видѣ названія озерамъ, то, при выше высказанныхъ соображеніяхъ, должно заключить, что такого рода названія были вызваны уже установившимся взглядомъ на мѣстность Черепковъ, какъ на скрытую, неприступную, крѣпкую.

Весьма любопытнымъ здѣсь является то, что древніе русскіе поселенцы этой страны, прямыми потомками которыхъ, повидимому, служатъ жители с. Дубровичъ, не назвали Черепки ни курганомъ, ни городищемъ, какъ въ Рязанской губерніи обыкновенно называются древнія укрѣпленія, а характеризовали мѣстность названіемъ и преданіемъ косвенно, уклончиво. Такое явленіе невольно наводитъ на мысль, что первые русскіе насельники этой мѣстности, хотя и замѣчали въ Черепкахъ нѣчто напоминающее искусственныя укрѣпленія, но въ то же время и ясно видѣли большую разницу, которая не позволяла подвести Черепки подъ общій извѣстный имъ типъ фортификаціонныхъ сооружений и окрестить ихъ однимъ общимъ названіемъ съ послѣдними.

Таковы главные справки, которыя даютъ окрестные жители и мѣстные географическія на-

¹⁾ Крестьяне с. Дубровичъ музгами называютъ небольшие озера въ поемныхъ лугахъ. Въ сосѣднихъ селахъ: Боркахъ, Шумашахъ, Алкановѣ и Муроминѣ—это названіе совсѣмъ неизвѣстно; но оно находится въ такомъ же широкомъ употребленіи и съ тѣмъ же значеніемъ у крестьянъ с. Солотчи, отстоящей отъ с. Дубровичъ на 20 верстъ. Гр. А. С. Уваровъ относитъ это названіе къ мерянскимъ.

званія о холмѣ Черепковъ. Какъ ни кратки, онѣ имѣютъ ту несомнѣнную цѣну, что связаны съ прошлымъ холма и хотя немного проливаютъ свѣта на отношеніе къ нему старыхъ окрестныхъ насельниковъ, видѣвшихъ его въ болѣе сохранномъ состояніи.

Помимо выше разобранной легенды, отъ тѣхъ же Добровическихкихъ жителей мнѣ удалось узнать, что ранѣе, чѣмъ начали раскапывать холмъ Черепковъ, съ цѣлью эксплуатаціи известковаго щебня, онъ покрывался почти весь травою и рѣдкимъ мелко-рослымъ кустарникомъ; только въ срединѣ его виднѣлись двѣ круглыя ямы, съ боками, какъ бы выложенными нарочно крупнымъ известковымъ камнемъ. По краямъ обѣихъ ямъ холмика мелкій бѣлый щебень известняка. Въ то время въ мусорѣ ямъ всегда находили хорошія громовыя стрѣлы (мѣстное названіе кремневыхъ орудій), такъ что нѣкоторые догадывались, что и самыя ямы произошли отъ удара грома.

Первый починъ разбора холма былъ произведенъ крестьянами с. Шумашъ, которымъ понадобился известковый щебень при постройкѣ, по однимъ показаніямъ—церкви, а по другимъ каменнаго фундамента волостнаго управленія. На этотъ разъ, по свидѣтельству очевидцевъ, изъ холма Черепковъ была извлечена такая масса кремневыхъ осколковъ и кремней похожихъ на громовыя стрѣлы, что ихъ имѣли возможность отдѣлять отъ известковаго щебня и сыпали лопатами на возъ, какъ лучшей матеріаль.

Затѣмъ, вторичный и продолжительный разборъ известняка произведенъ крестьянами с. Дубровичъ. Этотъ разборъ начался приблизительно съ 1875 года и продолжался до тѣхъ поръ, пока крестьяне, владѣльцы Черепковъ, не установили плату за щебень, составляющій въ этой мѣстности цѣнный и нигдѣ не встрѣчаемый матеріаль. Послѣ этого разборъ значительно сократился, но и Черепки представляли изъ себя картину глубокаго разрушенія.

Въ такомъ видѣ эта мѣстность представлялась въ 1889 году, когда я въ первый разъ производилъ его осмотръ съ научною цѣлью; разрушеніе это долго удерживала меня отъ изслѣдованія Черепковъ, пока не были замѣчены мощные остатки культурнаго слоя, случайно открытаго изъ подъ разсыпаннаго мусора. Только послѣ этого были произведены раскопки, при чемъ я ограничился на первое время изслѣдованіемъ культурнаго слоя, отложившагося на известковой кладкѣ холма, раскопкою одного очага и поисками для опредѣленія какъ самаго явленія, такъ равно и назначенія известковаго щебня на холмѣ.

Очагъ находился почти въ срединѣ плоской поверхности холма. Сверху онъ покрывался кускомъ, очевидно, случайно уцѣлѣвшаго здѣсь культурнаго пласта. При срѣзаніи этого куска въ уровень съ известковою кладкою въ немъ найдена небольшая, хорошо отбитая кремневая стрѣлочка, нѣсколько обломковъ глиняной густо орнаментованной посуды, угольки и верешки костей животныхъ, птицъ и рыбъ, но все это было въ небольшомъ количествѣ.

По удаленіи пласта, подъ нимъ обнаруживалось довольно правильной, круглой формы пятно, нѣсколько попорченное въ сѣверной части раскопкою крестьянъ. Діаметръ пятна достигалъ 4 аршинъ. Въ южномъ секторѣ пятно теряло свою округлость и какъ бы слегка вытягивалось къ югу.

Убѣдившись, что пятно указываетъ на существованіе подъ нимъ ямы, я повелъ раскопку въ два приѣма такъ, что сначала была открыта сѣверная половина, а южная оставалась не тронутою и назначалась какъ для разъясненія тѣхъ недоразумѣній, которыя могли встрѣтиться при разборѣ первой половины, такъ и для составленія профили. Вся раскопка велась послыно.

Въ первую четверть разрѣза сѣверной половины ямы сначала входила та же самая золистая почва, которая наблюдалась и въ верхнемъ пластѣ. Въ этой почвѣ найдены обломки костей крупныхъ и мелкихъ животныхъ, птицъ, рыбъ и грызуновъ; въ перемежку съ ними лежали обломки густо орнаментованной посуды и изрѣдка попадались осколки кремня съ рако-

вистымъ изломомъ, но орудій не оказалось. Внизу разрѣза открылась первая прослойка, толщиною не болѣе $1\frac{1}{2}$ дюйма (Рис. 74). Начинаясь отъ западнаго края ямы, эта прослойка въ профили шла по нѣскольکو вогнутой линіи и прерывалась, не достигая противоположнаго края ямы. По ея поверхности повсюду были видны разсыпанные угольки и зола.

Во второй четверти открыты еще двѣ подобныхъ прослойки, но менѣ развитыхъ: толщина каждой изъ нихъ не превышала 1 дюйма. Обѣ онѣ проходили какъ разъ подъ первую и подобно ей не достигали въ профили восточнаго края ямы. На поверхности каждой изъ нихъ были угольки и зола, а надъ самой нижней, кромѣ того, залежали обломки глиняной посуды; хотя

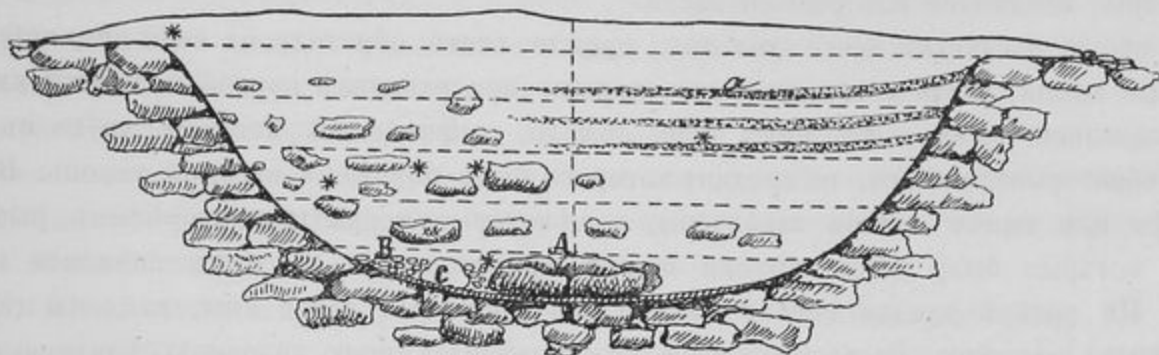

Рис. 74.

вообще культурныхъ остатковъ между прослойками было мало. Напротивъ, въ восточной части, гдѣ прослойка не было, такими остатками переполнялась почва, здѣсь впервые были встрѣчены болѣе крупныя известковыя камни, лежавшіе безъ видимаго порядка. Многіе изъ нихъ были закопчены, а на поверхности нѣкоторыхъ замѣчались присохшая чешуя рыбъ. Рядомъ съ этими камнями повсюду залежали обломки глиняной посуды, осколки кремня и кости, при чемъ среди послѣднихъ подавляющее большинство имѣли *кости рыбъ и мелкихъ грызуновъ*. Вообще мелкихъ костей здѣсь, казалось, было болѣе, чѣмъ зола и земли. Многія изъ костей были обуглены. Орудій не найдено.

При отрывкѣ третьей четверти не найдено прослойки; все время шла какъ бы сплошная зола, переполненная мелкими, колючими костями рыбъ, множествомъ костей птицъ и грызуновъ. Известковыя камни лежали другъ около другъ и особенно сгущались въ восточномъ углу ямы. Рядомъ съ ними залежали куски битой посуды, среди которыхъ найденъ одинъ экземпляръ, сдѣланный съ примѣсью раковинъ. Осколки кремня встрѣчались часто; найдено два сломанныхъ скребковидныхъ орудій и челюсть бобра.

На четвертой четверти разрѣза известковыя камни были разбросаны по всей обнаженной площади безъ видимаго порядка; изъ нихъ многіе были закопчены и съ присохшею чешуею мелкихъ рыбъ. Обломки глиняной посуды, осколки кремня, кости рыбъ, птицъ и грызуновъ попадались такъ же часто, какъ и въ третьей четверти. Найденъ обломокъ кости животнаго съ слѣдами опиловки ея наконечникъ небольшой стрѣлы, скребокъ, и нѣскольکو обломковъ отъ раковинъ унію. Яма становилась все уже и уже. Прослойка не оказалось. Шла какъ бы сплошная зола.

На пятой четверти постепенно обнаружилось дно ямы; оно рѣзко обозначалось на сплошной кладкѣ известняка, составлявшей и бока ямы. На самомъ днѣ, около центра, открыты три большихъ, вершковъ 8-ми длиною и вершковъ 5-ти шириною, плоскихъ известковыхъ камня, положенныхъ какъ бы по окружности. Отчистка ихъ была оставлена до отрывки второй половины ямы. Около дна ямы стали встрѣчаться раковины унію чаще; но глиняныхъ обломковъ посуды было мало; осколковъ кремня и кремневыхъ орудій не найдено совсѣмъ.

При отрывкѣ второй, южной половины ямы, характеръ наслоенія и находокъ въ общемъ былъ тотъ же, какъ и въ первой разобранной половинѣ. Приблизительно на глубинѣ 2—3 четвертей найдены черепа крупныхъ рыбъ, челюсти зайцевъ, коренной зубъ бобра и два обломка костяныхъ полированныхъ подѣлокъ Цѣльныхъ орудій найдено четыре; изъ нихъ замѣчательнѣе по обработкѣ наконечникъ копья. Кромѣ того, собрано нѣсколько обломковъ кремневыхъ орудій и болѣе 50 осколковъ кремня. Съ южной стороны открытъ довольно пологій спускъ ко дну ямы; онъ весь покрывался чернымъ слойкомъ, толщиной около одного дюйма, который, сходя внизъ, покрывалъ и все дно ямы. На спускѣ въ этомъ грязноватомъ слойкѣ найдено небольшое костяное остріе, сдѣланное изъ рыбьей кости.

При общей расчисткѣ всего дна ямы, прежде всего обратили на себя вниманіе крупные известковые камни, часть которыхъ была открыта при раскопкѣ первой половины ямы. Всего камней оказалось восемь; изъ нихъ семь лежало, соприкасаясь концами другъ съ другомъ, такъ что образовывали кругъ, въ средину котораго былъ положенъ восьмой камень. Всѣ камни были болѣе или менѣе сильно закопчены, а нѣкоторые покрыты пригорѣлыми рыбьими чешуйками, которыя были очень хрупки и при прикосновеніи къ нимъ ломались на мелкія частички. На уровнѣ кладки восьми камней, въ восточной части ямы, найдены цѣлый слой измельченныхъ раковинъ. Въ разрѣзѣ слой ярко выдѣлялся своею молочною бѣлизною. Толщина его не превышала 1 вершка. Рядомъ съ раковинами лежалъ довольно большой кусокъ бурой иловатой глины, оказавшейся настолько свѣжею и влажною, что ее можно было свободно мять въ рукахъ и дѣлать на куски. Въ этой глинѣ не замѣчалось никакой примѣси. Здѣсь же, по сторонамъ сложенныхъ камней, находились обломки глиняной посуды и мелкіе осколочки кремня, но въ небольшомъ количествѣ. Въ срединѣ круга камней, въ золь найдены кости рыбъ, птицъ, мелкихъ грызуновъ, обломковъ челюсти бобра, а также нѣсколько осколковъ кремня. Подъ камнями залегалъ уже разъ упомянутый черный, можно сказать, жирный, компактный слой, толщиной около одного—двухъ дюймовъ. Въ этомъ слойкѣ какъ бы въ заключеніе всего найдены два крупныхъ обломка густо орнаментированной глиняной посуды.

Когда такимъ путемъ была открыта и отчищена вся яма, она представляла видъ котла. На днѣ ее могли свободно помѣститься въ сидячемъ положеніи четыре человѣка, при чемъ средина оставалась достаточно свободною не только для костра, но и для склада рабочаго матеріала, примѣрно, въ такомъ количествѣ, въ какомъ были найденные здѣсь запасы раковинъ и глины.

Стѣны и дно ямы были сложены изъ известковыхъ камней небольшихъ размѣровъ. За сплошною известковою кладкою стѣнъ и дна шелъ желтоватый песокъ, смѣшанный съ мелкимъ известковымъ щебнемъ.

При обзорѣ всего содержимаго ямы и ея профили (см. рис. 74), предъ нами какъ бы сама собою возстаетъ цѣлая исторія ея. Устройство ямы было совершенно съ нѣкоторымъ искусствомъ и большимъ усердіемъ. Повидимому, съ такимъ же усердіемъ первые владѣльцы ея отнеслись и къ устройству въ ней своего очага, для котораго яма и назначалась. Сложенный изъ восьми крупныхъ камней, первый очагъ сдѣлался центромъ домашней жизни владѣльцевъ: здѣсь или заготовлялась глина, толклись раковины, оббивались кремни и обтачивались кости; на огнѣ очага готовилась пища, при чемъ мелкая рыба, очевидно, поджаривалась на раскаленныхъ плоскихъ камняхъ, къ которымъ пристала ихъ пригорѣлая чешуя. Но жизнь около очага не отличалась опрятностію; яма засорилась кухонными отбросами; очажные камни заросли въ мусорѣ и золь, такъ что по необходимости пришлось устраивать очаги изъ другихъ новыхъ камней. Когда же яма наполнилась всевозможными отбросами приблизительно на три четверти, то западную ея часть перестали пользоваться, вслѣдствіе чего эта часть заросла, и на ней

отложился первый песчанистый слой. После этого слой покрылся соромъ, выброшеннымъ въ-роятно всею изъ ямы же, съ цѣлью расчистки ея восточной части. Съ теченіемъ времени и эти отбросы вновь заросли и покрылись вторымъ песчанымъ слоемъ, а затѣмъ и третьимъ. Наконецъ, яма теряетъ значеніе очага, и ею перестаютъ пользоваться.

Сравнивая этотъ очагъ съ ранѣ описанными, можно замѣтить существенную разницу между ними, заключающуюся въ томъ, что насколько тѣ были незначительны въ своихъ размѣрахъ и бѣдны сопровождавшими ихъ культурными памятниками, настолько этотъ оказался обширнымъ и богатымъ всевозможными остатками кухни и быта его владѣльца. Имѣя стѣнки аккуратно выложенными известнякомъ и особая приспособленія для изготвленія пищи, въ видѣ плоскихъ камней, очагъ Черепковъ, очевидно, предназначался не для кратковременнаго, а продолжительнаго употребленія. И если мы вправѣ были отнести на основаніи малыхъ размѣровъ ямъ и малочисленности сопровождавшихъ ихъ находокъ дюнные очаги къ атрибутамъ временныхъ лѣтнихъ стоянокъ, то на томъ же основаніи мы обязаны отнести очагъ Черепковъ къ атрибутамъ другой болѣе устойчивой, болѣе постоянной жизни. Въ истинности такого заключенія насъ вполне убѣждаютъ дальнѣйшія изслѣдованія холма.

Открытіемъ описаннаго очага, прежде всего, неопровержимо доказывалось, что известковый щебень холма Черепковъ, на которомъ очагъ и былъ выстроенъ, долженъ быть старше послѣдняго. Такое заключеніе на первое время изслѣдованій являлось особенно важнымъ, такъ какъ не разъ, даже люди, довольно свѣдущіе и интеллигентные, какъ при видѣ развалинъ на холмѣ Черепковъ, такъ и выслушивая объ нихъ рассказы, выражали мнѣніе о недавнемъ и во всякомъ случаѣ историческомъ ихъ происхожденіи, относя ихъ къ остаткамъ какого-либо дома или церкви XVI—XVII вѣка, а одинъ изъ случайныхъ изслѣдователей дюны Борокъ увѣрялъ даже, что ему удалось найти въ мусорѣ известняка Черепковъ кусокъ древняго изразца.

Глубочайшая древность известковой кладки на холмѣ Черепковъ еще полнѣе и убѣдительнѣе была подтверждена дальнѣйшими изслѣдованіями культурнаго слоя. Обходя линію обрѣза гдѣ кончались рытвины, сдѣланныя крестьянами, повсюду можно было наблюдать, что мощный слой содержащій культурные остатки каменнаго вѣка, сплошь покрывали известнякъ холма.

Для изученія культурнаго слоя и его отношенія къ известняку была произведена въ нѣсколькихъ пунктахъ расчистка береговъ старыхъ рытвинъ. Этой же цѣли служили и нѣкоторые изъ шурфовъ, вырытыхъ въ нетронутыхъ еще мѣстахъ. Благодаря всему этому, было выяснено, что средняя мощность культурнаго слоя, покрывавшаго еще недавно всю поверхность холма, не превышаетъ 14 верш.; что отъ этой нормы существуютъ колебанія, которыя, по показанію измѣреній, заключаются между 8 и 32-мя вершками. Цвѣтъ слоя повсюду темный; мѣстами въ немъ обнаруживаются широкія, золистыя пятна, мѣстами видны прослойки какъ бы разсыпаннаго мелкаго щебня и желтоватаго песка. Относительно распредѣленія въ слой культурныхъ остатковъ замѣчено, что ихъ всегда было болѣе въ золистыхъ пятнахъ, нежели въ темной землѣ. Только въ этихъ пятнахъ попадались болѣе сохранныя кости животныхъ, тогда какъ внѣ ихъ кости или совсѣмъ отсутствовали, или оказывались такими рыхлыми, что самыя крупныя изъ нихъ легко мялись и перетирались между пальцами.

Линія соприкосновенія культурнаго слоя съ известнякомъ выражалась рѣзко только на скатахъ холма, тогда какъ въ срединѣ всегда замѣчалась постепенность перехода одного слоя въ другой, при чемъ часто изъ смѣси двухъ слоевъ получался третій промежуточный слой, достигавшій 4, а иногда и 8 вершковъ мощности. Въ нижней части этого промежуточнаго слоя постоянно преобладали куски известняка, а въ верхней—землистая масса. Куски известняка промежуточнаго слоя были мелки и залегали не сплошными массами, а изолированно, отдѣляясь другъ отъ друга землистою, а чаще известковатою желтоватою массой, получившеюся

какъ бы отъ продолжительнаго вліянія атмосферныхъ осадковъ на открытую поверхность известняка.

Самый лучший и характерный разрѣзъ мнѣ удалось наблюдать въ старой вырытой крестьянами ямѣ. Въ этомъ карьерѣ рабочимъ, прежде чѣмъ достигнуть известняка, пришлось прорѣзать сначала культурный слой, мощностью около одного аршина, а потомъ промежуточный слой около четырехъ или пяти вершковъ; послѣ чего, разобравъ открытый известнякъ на глубину полутора аршина, рабочіе повели раскопку легкимъ подкопомъ подъ берегъ, что придало послѣднему видъ печи (см. рис. 75). Послѣднее обстоятельство оказало большую услугу при изученіи промежуточнаго слоя.

Земля, налегавшая на известнякъ карьера, была разбросана по сторонамъ. На поверхности ея лежали кремневые осколки, обломки глиняной посуды, изрѣдка проглядывали ве-

Рис. 75.

решки перегнившихъ костей рыбъ, птицъ и животныхъ. Въ этихъ отбросахъ былъ найденъ кремневый скребокъ и болѣе десятка крупныхъ, плоскихъ осколковъ кремня.

При очисткѣ культурнаго слоя въ стѣнахъ ямы, мнѣ постоянно попадались тѣ же самые остатки, какіе находились и на поверхности выброшенной земли, т. е. осколки кремня, обломки иногда орнаментованной, иногда совсѣмъ неорнаментованной глиняной посуды и кости животныхъ, но послѣднія въ небольшомъ количествѣ и плохой сохранности. Наиболѣе цѣнныя вещи представляли изъ себя найденные здѣсь кремневые наконечники стрѣлъ. Въ залеганіи культурныхъ остатковъ въ слою замѣчалось то интересное явленіе, что ихъ было больше въ нижней части слоя, нежели въ верхней. Но еще болѣе ихъ оказалось въ промежуточномъ сильно известковатомъ слоѣ, гдѣ найдены въ изобиліи и обломочки посуды, и осколки кремня, и даже обломки раковинныхъ створокъ изъ рода *Unio* и *Anadonta*, которыя совершенно отсутствовали въ верхнемъ слоѣ. Пользуясь подкопомъ, было весьма удобно изучать известковый слой, отбивая куски его снизу. Этотъ слой представлялъ изъ себя довольно компактную массу, состоящую, главнымъ образомъ, изъ известковой желтаго цвѣта пыли, смѣшанной съ пескомъ и землею, принявшей ту же желтоватую окраску. Среди этой массы постоянно залежали округленные, величиною въ простой или грецкій орѣхъ, известковые камни. Въ отбитыхъ кускахъ всей этой смѣси, иногда въ перемежку съ обломками глиняной посуды или осколками кремня и попадались болѣе или менѣе значительные обломки створокъ раковинъ. Обломковъ этихъ было здѣсь настолько много, что о случайномъ нахожденіи ихъ здѣсь не могло

быть и рѣчи: всѣ они, несомнѣнно, обязаны своимъ присутствіемъ въ известковатомъ слою тому же человѣку, который оставилъ на ряду съ ними обломки горшковъ и осколки кремней.

Ниже промежуточнаго слоя шель сплошной известнякъ, въ которомъ никакихъ культурныхъ остатковъ не найдено.

Очень похожую на описанную картину наслоенія далъ разрѣзь, сдѣланный въ сѣверо-западномъ углу. Въ этомъ разрѣзѣ встрѣчено почти аналогичное строеніе всѣхъ слоевъ съ выше разсмотрѣнными, и открыты въ общемъ тѣ же остатки культуры, за исключеніемъ орудій, которыя здѣсь совсѣмъ не были найдены, вѣроятно же всего лишь по незначительности размѣровъ ямы. Но въ западной части Черепковъ характеръ наслоенія оказался нѣсколько другимъ. Большую разницу представлялъ промежуточный слой, который здѣсь достигалъ восьми вершковъ толщины и въ основѣ имѣлъ свѣтлый, слегка глинистый песокъ; известковые же камни встрѣчались въ немъ очень рѣдко и только книзу сгущались и переходили въ сплошную массу. Въ этомъ слоѣ не было найдено никакихъ остатковъ; хотя въ выше лежащемъ темномъ слоѣ были встрѣчены и казались обыкновенными и осколки кремня, и обломки глиняной посуды, среди которыхъ встрѣчены даже рѣдкіе обломки съ примѣсю раковинъ.

Таковы главныя черты темнаго культурнаго слоя и такова связь его съ известковою кладкою, идущею вокругъ всего холма Черепковъ. Нельзя сомнѣваться, что этотъ слой ранѣе, чѣмъ началась разборка известняка крестьянами, покрывалъ всю поверхность Черепковъ. Это подтверждается и тѣмъ, что уцѣлѣвшая полоса его охватываетъ кругомъ открытую средину холма, и тѣмъ еще, что уцѣлѣвшіе куски этого слоя встрѣчаются и на самой срединѣ, какъ это мы видѣли при разборкѣ поверхности очага. Въ настоящее время осталась нетронутою только значительно меньшая и, повидимому, бѣднѣйшая часть культурнаго слоя, такъ какъ эта часть приходится по окраинамъ поверхности холма и, конечно, не можетъ изобиловать остатками такъ же, какъ середина, гдѣ сосредоточивалась главная жизнь человѣка. Впрочемъ, несмотря на это, можно считать несомнѣннымъ, что для будущихъ болѣе обширныхъ и детальныхъ изслѣдованій, въ уцѣлѣвшемъ слоѣ скрыто еще достаточное количество вещей, чтобы вознаградить любознательность и труды изслѣдователя.

И такъ, изученіе культурнаго слоя приводитъ насъ къ тому же главному выводу, къ какому привело изслѣдованіе очага, т. е. что известнякъ холма Черепковъ служилъ почвой или фундаментомъ жилья доисторическаго человѣка каменнаго вѣка. Въ виду же этого естественно возникаютъ любопытные и весьма важные вопросы, какой причинѣ обязанъ известнякъ своимъ появленіемъ на холмѣ Черепковъ? Явилась ли его масса, благодаря большимъ, почти невѣроятнымъ усиліямъ человѣка, или она отложилась въ силу какихъ-либо естественныхъ геологическихъ причинъ, а человѣкъ только воспользовался уже готовымъ мѣстнымъ матеріаломъ?

Для изслѣдованія и рѣшенія этихъ вопросовъ мнѣ послужили частію готовыя рывины и ямы, сдѣланныя крестьянами, частію же вновь вырытыя шурфы, специально для этой цѣли заложеныя въ нетронутыхъ пунктахъ холма и около его подошвы.

Старыя рывины и ямы оказали особенно большую помощь при изученіи внутренняго строенія холма. Выше было упомянуто, что еще въ 1889 году средняя поверхность холма представляла картину полнаго разрушенія. Къ 1894 году состояніе этой поверхности ухудшилось. Въ первое время поверхность еще покрывалась сплошнымъ слоемъ мелкаго щебня, въ которомъ то тамъ, то сямъ попадались обломки глиняной посуды, осколки кремня и даже цѣльныя орудія но въ послѣднее время во многихъ мѣстахъ слой щебня совершенно отсутствуетъ и поверхность составляютъ желтые, сыпучіе пески. Судя по обнаженіямъ и случайнымъ рывинамъ, пески должны занимать всю средину холма, на протяженіи 40 аршинъ въ длину и аршинъ 15—20 въ ширину. Въ двухъ ямахъ, находившихся въ восточной части холма, слой песка шель въ

глубину на $2\frac{1}{4}$ аршина. Цвѣтъ его былъ повсюду желтый. Въ песокѣ часто встрѣчались известковые мелкіе камни. Камни залегали по одиночкѣ и небольшими гнѣздами; иногда въ ихъ залеганіи замѣчался нѣкоторый порядокъ, заключавшійся въ томъ, что ряды гнѣздъ и отдѣльныхъ камней располагались въ одной какой-либо горизонтальной плоскости тогда какъ ниже и выше ее отсутствовали совершенно, а черезъ одну четверть или полторы четверти аршина снова появлялись и залегали, какъ и въ первомъ случаѣ. Подъ слоемъ песка въ обѣихъ ямахъ былъ встрѣченъ сплошной известнякъ, который удалось пробить только на глубину трехъ четвертей арш. Начинаясь съ этой глубины, известнякъ отъ обѣихъ ямъ, вырытыхъ шагахъ въ десяти другъ отъ друга, шелъ по крайне неправильной кривой линіи кверху и ограничивая, такимъ образомъ, слой песка, соединялся съ общою массою известковаго щебня, составляющаго восточный и отчасти юго-восточный берегъ холма. Совершенно подобное явленіе можно было прослѣдить и по отношенію другихъ береговъ, такъ что весь слой песка, составляющій средину холма, оказывался окруженнымъ сплошною стѣною известняка.

Эта известковая стѣна съ внутренней стороны очерчена повсюду одинаково неправильно и производитъ впечатлѣніе небрежно или неумѣло наброшеннаго щебня. Такое впечатлѣніе еще болѣе увеличивается, благодаря частымъ ямамъ, которыя здѣсь главнымъ образомъ роютъ крестьяне. Желая прорѣзать слой известняка насквозь, я воспользовался одной изъ такихъ ямъ и заложилъ со дна ея небольшой шурфъ. Шурфъ шелъ все время черезъ сплошные куски известняка. Только на глубинѣ, приблизительно $3\frac{1}{4}$ аршинъ, встрѣтился черный землистый слоекъ, толщиною не болѣе одного вершка, въ которомъ было найдено два небольшихъ обломка глиняной посуды и угольки. Ниже этого слойка снова пошелъ известковый щебень.

Гораздо тщательнѣе, насколько я могъ выяснитъ, сдѣлана известковая стѣна снаружи. Начиная сверху, она идетъ внизъ пологими скатами. Поверхность скатовъ, по крайней мѣрѣ восточныхъ, тщательно выложена камнемъ болѣею частию небольшихъ размѣровъ. Промежутки камней заполнены грязью темнаго цвѣта. Подошвою стѣны служитъ песчаный слой съ буроватыми глинистыми прослоями, котораго она достигаетъ на глубинѣ $4-4\frac{1}{2}$ аршинъ.

Изучая известнякъ стѣны можно было замѣтитъ, что всѣ куски его имѣютъ естественныя, шероховатыя поверхности, безъ всякаго намека на искусственную обработку ихъ рукою чело-вѣка. Величина кусковъ разнообразна, но въ среднемъ она не превышаетъ одной четверти аршина въ длину и ширину. Форма ихъ плитчатая; цвѣтъ мѣстами является бѣлымъ, мѣстами желтовато-сѣрымъ. Иногда, впрочемъ, довольно рѣдко, въ известнякахъ встрѣчаются куски охры и остатки ископаемыхъ. Присутствіе между ископаемыми раковины *Spirifer Mosquensis* опредѣляетъ точно возрастъ известковой породы холма Черепковъ, какъ члена верхняго московскаго горнаго известняка. Въ расположеніи отдѣльныхъ кусковъ замѣчается лишь тотъ постоянный порядокъ, что всѣ они, въ мѣстахъ цѣльныхъ, лежатъ на плоскихъ сторонахъ и, такимъ образомъ, довольно плотно прилегаютъ другъ къ другу. Промежутки между отдѣльными, болѣе крупными экземплярами обыкновенно заполняются мелкими кусками известняка и известковою пылью, иногда похожею по наружности на известъ. Происхожденіе такой пыли, а равно мелкихъ, почти всегда слегка округленныхъ обломочковъ, выолнившихъ пустоты всей известковой кладки, по моему мнѣнію, зависѣло, во-первыхъ, отъ осаживанія известковаго щебня подъ увеличивающеюся тяжестью постепенно нарастающихъ верхнихъ слоевъ и, во вторыхъ, отъ дѣйствія циркулирующихъ въ щебнѣ почвенныхъ и просачивающихся съ поверхности атмосферныхъ водъ.

Въ общемъ вся масса известняка, расположеннаго кольцомъ въ бокахъ холма, имѣетъ видъ кладки, веденной съ опредѣленною и обдуманною цѣлью и весь холмъ производитъ полное впечатлѣніе искусственнаго сооруженія. Залеганіе же известковой кладки на новѣйшихъ аллювіальныхъ образованіяхъ прямо указываетъ на то, что и самый известнякъ находится здѣсь не на

коренномъ мѣстѣ образованія и появленіемъ своимъ обязанъ какой-либо посторонней силѣ. Принимая же во вниманіе полное отсутствіе въ окрестностяхъ коренныхъ залежей известняка и точно такое же отсутствіе мѣстныхъ физическихъ агентовъ, которые бы могли въ разсматриваемую эпоху перенести издали и сложить въ порядкѣ весьма значительное количество однороднаго матеріала, мы можемъ положительно сказать, что такую силою передвиженія былъ *первобытный человекъ*, который впоследствии покрылъ всю поверхность известняка обильными памятниками своей культуры.

Выше разсмотрѣнныя нами топографическія и геологическія особенности площади Черепковъ легко объясняютъ причину, въ силу которой этотъ человекъ не только рѣшился предпринять, но и выполнилъ большой трудъ по перемѣщенію сюда известняка, первоначальная масса котораго, по всей вѣроятности, превышала *сотню кубическихъ сажени*.

Посѣщая прилегающую къ Черепкамъ дюну Борокъ и имѣя, какъ свидѣлствуютъ, многочисленныя находки, излюбленнымъ мѣстомъ своихъ остановокъ, ближайшей ея отрогъ, размытый въ послѣднее время весенними разливами Оки, первобытный человекъ естественно долженъ былъ замѣтить острово-образную площадь, какою являются Черепки даже въ настоящее время, когда существуетъ во всей странѣ общее обмелѣніе и истощеніе водныхъ источниковъ, въ то же отдаленное время, когда возникало сооруженіе изъ песка и известковаго камня, основаніе котораго заросло въ почвѣ не меньше, какъ на *четыре аршина*, имѣвшаго, несомнѣнно, вполне островную форму.

При обзорѣ геологическаго строенія площади Черепковъ мы высказали предположеніе, что песчаный пластъ, на которомъ покоится основаніе искусственнаго сооруженія, вѣроятнѣе всего, представляетъ изъ себя погребенный намывной островъ, отложенный въ болѣе широкихъ водахъ или протекавшей здѣсь р. Оки, или неуспѣвшей еще обмелѣть ея старицы—оз. Долгаго. Судя же по тому, что наружные скаты известковой стѣны холма Черепковъ, покрыты почти аршиннымъ слоемъ песка, можно заключить, что сооруженіе было возведено не только въ то время, когда песчаный пластъ былъ островомъ, но когда поверхность этого острова еще не получила окончательнаго развитія, т. е. когда островъ былъ совсѣмъ юный и, слѣдовательно, обмывался наиболѣе обильными водами.

Наконецъ, островную форму площади Черепковъ доказываетъ и мощность почвы, отложившейся со времени появленія на ней разсматриваемаго сооруженія. Мы видѣли, что подошва этого сооруженія зарасла въ почвѣ не менѣе, какъ на четыре аршина и видѣли также, что наибольшая разница въ уровняхъ озеръ, окружающихъ Черепки, равна 4 аршинамъ и 9½ вершкамъ. Такимъ образомъ, если даже допустить, что на высотѣ и въ лощинахъ площади Черепковъ шло наслоеніе съ одинаковой быстротой, то и тогда, удаливъ, для восстановленія прежняго рельефа, со всей площади Черепковъ слой въ 4 аршина, мы получили бы на мѣстѣ зап. Музги, Бол. и Мал. спудковъ одно непрерывное озеро, отдѣленное отъ Долгаго и его залива вост. Музги перешейками приблизительно такой же высоты, какою имѣетъ современный перешеекъ между вост. Музгою и Долгимъ; и если этотъ послѣдній перешеекъ, служа въ настоящее время ложемъ болотистаго ручейка, не можетъ помѣшать постоянному сообщенію упомянутыхъ двухъ озеръ, то и тѣ перешейки не могли воспрепятствовать круговому сообщенію всѣхъ озеръ, что уже должно было сообщить площади Черепковъ форму острова. Правда, очень слабо изолированнаго отъ прилегающей материковой почвы. Но такъ какъ наслоеніе всегда происходитъ значительно быстрѣе въ лощинахъ и котловинахъ, нежели на возвышенныхъ мѣстностяхъ, то для восстановленія прежняго рельефа, при пониженіи почвы у подошвы холма на 4 аршина, необходимо тольвеги и долины озеръ понизить значительно болѣе, что уже даетъ возможность всѣмъ озерамъ слиться и охватить своими водами всю площадь Черепковъ въ видѣ настоящаго и вполне

изолированного острова. А если это было действительно такъ (въ чемъ, повторю, невозможно сомнѣваться), то Черепки являлись малодоступною, естественною крѣпостію, обведенною со всѣхъ сторонъ непрерывнымъ водянымъ рвомъ. Подходящіе размѣры острова, близость его къ излюбленной стоянкѣ, неприступность съ суши, все это, очевидно, представляло такія выгоды, которыя не только побудили человѣка перенести сюда свои постоянныя жилища, памятниками которыхъ служатъ культурные остатки, покрывшіе почти аршиннымъ слоемъ поверхность холма, но и предпринять такой трудъ, какой требовался для перевозки известковаго щебня, необходимаго, чтобы устранить имѣвшіеся природные недостатки избранной мѣстности и окончательно удержать ее въ своихъ рукахъ.

Наиболѣе крупнымъ природнымъ недостаткомъ площади Черепковъ являлось то, что она ежегодно заливалась весенними водами разливовъ. Для уничтоженія этого недостатка, отъ человѣка требовалось сдѣлать повышеніе мѣстности и защитить ее отъ напора волнъ, что онъ и сдѣлалъ посредствомъ известковой кладки и насыпки песка.

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго вытекаетъ, что явленіе известняка на Черепкахъ представляетъ изъ себя результатъ человѣческихъ усилій, съ цѣлью создать крѣпкую плотину, которая бы предохраняла жилища отъ напора весеннихъ, не всегда тихихъ и спокойныхъ водъ. Но здѣсь возникаютъ весьма любопытные вопросы: изъ какой мѣстности, какимъ путемъ былъ доставленъ известнякъ на Черепки и почему палъ выборъ именно на этотъ матеріалъ, а не на другой, хотя бы, напр.—валунный?

Для отвѣта на первый вопросъ мы имѣемъ пока одно положительное данное—это геологическій возрастъ известняка плотины. Присутствіе въ известнякѣ *Spirifer Mosquensis*, какъ мы говорили выше, указываетъ на принадлежность его къ верхнему московскому горному известняку. Это прежде всего даетъ намъ право заключить, что сборъ или ломки известняка плотины совершались или въ мѣстахъ геологическихъ выходовъ его породы, или по берегамъ рѣкъ, проложившихъ свой путь черезъ эту породу и отложившихъ обломки ея болѣе или менѣе далеко отъ первыхъ. Кромѣ того, логическая необходимость требуетъ допустить, что бы разстояніе до сбора или ломки камня было или математически кратчайшее или совпадало съ наимудобнѣйшимъ путемъ передвиженія тяжестей, т. е. являлось бы практически кратчайшимъ. Оба приведенныхъ соображенія значительно облегчаютъ рѣшеніе задачи, которое, такимъ путемъ, сводится къ опредѣленію мѣста ближайшихъ въ томъ или другомъ отношеніяхъ выходовъ верхняго московскаго горнаго известняка.

Осмотрѣвъ лично всѣ берега р. Оки, устье ея притоковъ и наиболѣе глубокихъ овраговъ, по правую сторону, на протяженіи 55 верстъ, отъ Богословскаго монастыря до с. Польнаго, по лѣвую сторону на протяженіи 100 верстъ, отъ Солотчинскаго монастыря до с. Дегтянаго, я нигдѣ не встрѣтилъ естественныхъ выходовъ искомой породы. На всемъ указанномъ пространствѣ берега Оки и устье ея притоковъ слагаются исключительно изъ рыхлыхъ породъ, при чемъ древнѣйшими изъ нихъ являются юрскія образованія. Но и эти образованія далеко не повсюду имѣютъ выходы на дневную поверхность; напротивъ они очень часто уходятъ подъ уровень постоянныхъ окскихъ водъ и такимъ образомъ становятся недоступными для естественныхъ обнаженій въ странѣ.

Вообще же личные мои изысканія привели меня къ заключенію, что на площади круга радіуса не менѣе 15 верстъ отъ Черепковъ не только нѣтъ въ настоящее время естественныхъ выходовъ горнаго известняка, но ихъ и не могло быть во всю послѣднюю или неолитическую эпоху. Такое положеніе прямо указываетъ, что известнякъ Черепковъ добывался гдѣ-то далѣе пятнадцати верстнаго разстоянія. Наводя справки, мнѣ удалось узнать, что самыя близкіе выходы известняка находятся въ береговыхъ обнаженіяхъ р. Плетенки, праваго при-

тока р. Оки. По этимъ берегамъ, въ настоящее время, производятся ломки камня, изъ которыхъ болѣе известныя находятся въ с. Высокомъ. Съ образцами высококовского известняка я познакомился въ г. Рязани, куда его доставляютъ для устройства мостовыхъ. Известнякъ этотъ имѣетъ цвѣтъ или сѣрый, или желтоватый, часто кремнистъ и содержитъ ископаемыхъ, среди которыхъ встрѣчается *Spirifer Mosquensis*, указывающая на принадлежность породы къ верхнему московскому горному известняку. Въ породѣ встрѣчаются также прослой охры, которая составляетъ даже предметъ торговли высококовскихъ крестьянъ, какъ грунтовая краска.

Сравнивая высококовскій известнякъ съ известнякомъ Черепковъ можно найти если не тождество, то большое сходство. При чемъ особеннаго вниманія заслуживаетъ явленіе въ томъ и другомъ охры. Охристыми образованиями богаты далеко не всѣ известняки, напротивъ въ нихъ очень часто эти образования вполне отсутствуютъ; въ виду чего явленіе охры въ кустахъ известняка плотины Черепковъ должно указывать очень сильно на сродство его съ высококовскимъ известнякомъ, и, по моему убѣжденію, не можетъ быть ничего неестественнаго, если допустить, что известнякъ плотины доставленъ изъ окрестностей Высокаго, хотя разстояніе между обоими пунктами и равно 34 верстамъ.

Но допуская послѣднее разстояніе, мы не можемъ избѣжать вопросовъ: какимъ путемъ и при помощи какихъ перевозочныхъ средствъ произведена доставка известняка на мѣсто постройки плотины и что за причина понудила первобытнаго человѣка избрать для своего сооруженія именно известнякъ, а не другіе строительные матеріалы?

Рѣшеніе перваго вопроса не представляетъ особеннаго затрудненія, такъ какъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что весь матеріалъ только и могъ быть доставленъ воднымъ путемъ. Выше было сказано, что геологическихъ выходовъ известняка на разстояніи 15 верстъ въ какую угодно сторону отъ Черепковъ нѣтъ, а это при обилии здѣсь озеръ и рѣкъ убѣдительно говоритъ, что онъ не могъ быть доставленъ исключительно сухопутнымъ, а покрайней мѣрѣ, долженъ быть нѣсколько разъ переправленъ черезъ воду. Если же прибавить къ этому, что выходы известняка возможны, во взятомъ нами наименьшемъ районѣ, только по правую т. е. противоположную сторону Оки, то необходимо будетъ допустить переправу всего матеріала черезъ широкія и глубокія воды послѣдней, что потребуетъ со стороны первобытнаго строителя плотины уже довольно обстоятельнаго знакомства съ рѣчнымъ судоходствомъ; но если онъ имѣлъ такое знакомство, то трудно сомнѣваться въ его пониманіи превосходства воднаго пути надъ сухопутнымъ, гдѣ ему, за неимѣніемъ домашнихъ вьючныхъ или упряжныхъ животныхъ, признаковъ существованія которыхъ еще не найдено, по необходимости пришлось бы переносить камни на себѣ, а для переправы черезъ ручьи, рѣки и болота устраивать особыя приспособленія въ видѣ гатей, мостовъ, паромовъ и т. п., чего даже невозможно и допустить для изслѣдуемой нами культуры. Понимая же превосходство воднаго пути, само собою разумѣется, человѣкъ не преминетъ воспользоваться имъ въ особенности въ такой крупной работѣ, какую представляется перевозка всего известняка плотины Черепковъ.

Что касается самаго факта существованія судоходства у Окскаго первобытнаго человѣка неолетической эпохи, то онъ настолько представляется возможнымъ и естественнымъ, что допускался всѣми русскими изслѣдователями быта этого человѣка и довольно успѣшно доказывался гр. А. С. Уваровымъ ¹⁾. Основываясь на неоднократныхъ археологическихъ находкахъ челноковъ, сдѣланныхъ въ настоящее время во многихъ государствахъ Европы и на сравненіи съ водными перевозочными средствами современныхъ дикарей, мы въ правѣ представить таковыя и у нашего первобытнаго строителя плотины или въ видѣ челновъ, или въ видѣ плотовъ.

¹⁾ Гр. А. С. Уваровъ. Археологія Россіи. Каменный періодъ, т. I, стр. 332 и 333.

Допуская доставку известкового матеріала съ береговъ р. Плетеной, т. е. все время внизъ по теченію, мы можемъ допустить перевозку при помощи какъ плотовъ, такъ и челновъ. Въ послѣднемъ случаѣ, живою иллюстраціею можетъ служить чолнъ Біеннскаго озера, затонувшій, какъ полагають, подъ тяжестію камней, предназначенныхъ также для устройства фундамента доисторическихъ озерныхъ жилищъ.

Опредѣляя водный путь, какъ наиболѣе возможный для доставки известняка на плотину Черепковъ изъ отдаленныхъ мѣстъ, мы, такимъ образомъ, необходимо склоняемся къ заключенію, что добыча этого матеріала производилась на берегахъ какой-либо рѣки, или судоходнаго ручья и тѣмъ самымъ какъ бы еще болѣе убѣждаемся, что такою рѣкою могла быть Плетенка, известковые берега которой, насколько это извѣстно, находятся и ближе другихъ выходовъ известковыхъ породъ и совпадаютъ съ наиудобнѣйшимъ путемъ доставки матеріала, внизъ по теченію рѣкъ Плетенки, Оки и оз. Долгаго.

Предпочестъ береговымъ выходамъ известняка рѣки Плетенки какіе-либо другіе выходы можно было бы только въ томъ случаѣ, если послѣдніе, находясь въ одинаковыхъ условіяхъ сообщенія съ первыми, оказались бы еще ближе къ Черепкамъ. Но въ настоящее время, крайней мѣрѣ мнѣ, такіе выходы неизвѣстны.

Покончивъ здѣсь съ вопросами о путяхъ и средствахъ доставки известняка на холмъ Черепковъ, намъ остается изслѣдовать и рѣшить послѣдній гораздо болѣе сложный и важный вопросъ о причинахъ, побудившихъ первобытнаго человѣка избрать для своей работы именно известнякъ, а не другіе строительные матеріалы, какъ напр. кристаллическія породы валуновъ столь обыкновенныхъ въ оврагахъ праваго берега Оки, камневидныя болотныя желѣзныя руды, весьма распространенныя по лѣвому берегу оз. Долгаго, залегающія въ настоящее время или подъ тонкимъ слоемъ дерна, или прямо на поверхности почвы, всего въ разстояніи полуверсты отъ Черепковъ, между дюною Борокъ и с. Дубровичами, или, наконецъ, почему строитель плотины не остановился, на деревянныхъ одеждахъ, употреблявшихся почти въ такихъ же сооруженіяхъ, возводившихся даже не съ поверхности суши, а со дна воды неолитическимъ человѣкомъ Ирландскихъ кранножей?

Какъ бы ни стоялъ низко въ своемъ развитіи нашъ первобытный человѣкъ, мы все таки не въ правѣ полагать, чтобы онъ, предпринимая столь значительную по своему объему работу, какую представляется плотина Черепковъ, не дѣлалъ нѣкоторыхъ выкладокъ и смѣтъ, касающихся потребнаго матеріала, труда и времени, а это уже заставляетъ насъ заключить, что сдѣланный имъ выборъ матеріала, не отличающагося, съ нашей точки зрѣнія, ни лучшими качествами, ни легкостію или близостію доставки, обусловливался вполне достаточными причинами. Раскрыть и выяснить эти причины, по моему мнѣнію, можетъ только изученіе того быта, въ которомъ находился человѣкъ, когда задумалъ основать свои жилища на искусственной плотинѣ. При обзорѣ памятниковъ сосѣдней дюны Борокъ, мы могли прійти къ заключенію, что человѣкъ въ неолитическую эпоху, къ которой должно относиться сооруженіе плотины Черепковъ, имѣлъ обыкновеніе проживать лѣтнее время среди окрестныхъ дюнныхъ холмовъ. Обиліе подобныхъ же памятниковъ и на другихъ болѣе или менѣе удаленныхъ Окскихъ дюнахъ указываетъ на то, что обычай проводить среди такой обстановки ту половину года, когда только и является возможнымъ болѣе близкое знакомство съ разными минералами и почвами, былъ у Окскаго первобытнаго человѣка излюбленнымъ и общераспространеннымъ, и поэтому тотъ фактъ, что онъ не остановился на какихъ либо другихъ породахъ камня для задуманнаго сооруженія, легко объяснить просто незнаніемъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничѣмъ ранѣе не побуждаемый къ большимъ каменнымъ сооруженіямъ, онъ вполне естественно могъ остаться въ полномъ невѣденіи какъ относительно мѣстонахожденія, такъ относительно коли-

чества и качества болотной желѣзной руды, невзрачныя глыбы которой могли не обратить на себя ровно никакого вниманія; хотя необходимо еще замѣтить, что во времена строителя плотины эти руды могли находиться въ водѣ и не успѣть даже принять своего настоящаго вида крѣпкаго, пористаго камня. Покрайней мѣрѣ на это указываетъ и то, что образованіе подобныхъ рудъ совершается еще въ настоящее время въ ближайшихъ болотахъ, ручьяхъ, и то, что часть указанной рудоносной площади еще совсѣмъ недавно покрывалась водою болотъ.

Точно также первобытный человѣкъ могъ не знать о болѣе богатыхъ валуннымъ матеріаломъ мѣстностяхъ, которыя, въ Ризанской губерніи и не часто встрѣчаются; а обыкновенныя залежи этого матеріала, вѣдряющагося, большею частію, разрозненно въ моренныя глины, могли явиться въ его представленіи слишкомъ недостаточнымъ для столь большого сооруженія, какимъ являлась проектированная имъ плотина Черепковъ,

Труднѣе объяснить причину, почему строитель плотины не остановился на деревянномъ матеріалѣ и не одѣлъ плотину деревянными срубами, въ видѣ, на примѣръ, тѣхъ, какіе были встрѣчены въ ирландскихъ кранножахъ; или почему онъ не предпочелъ плотинѣ деревянные свои жилища, на которыхъ могли бы быть такъ же недосыгаемыми для весеннихъ разливовъ, какъ и жилища, расположенныя на плотинѣ?

Менѣе всего такое явленіе можно объяснять недостаткомъ лѣса, потому что сплошныя, почти дѣвственные дубовыя лѣса, покрывавшіе окрестности Черепковъ, сведены только въ началѣ XIX вѣка. Древнѣйшее же существованіе ихъ здѣсь подтверждается массою погребенныхъ въ озерахъ, болотахъ и рѣкахъ почернѣвшихъ отъ времени дубовыхъ стволовъ.

Позволительнѣе объяснить фактъ отсутствія на Черепкахъ деревянныхъ одеждъ или тѣмъ, что строитель плотины былъ опытомъ убѣжденъ въ непрочности и неустойчивости противъ напора весеннихъ водъ такихъ сооружений, — что однако потребуетъ допуски ни чѣмъ еще недоказаннаго существованія у него такихъ сооружений ранѣе, — или тѣмъ, что онъ не умѣлъ пользоваться деревяннымъ матеріаломъ для болѣе серьезныхъ и основательныхъ построекъ, какою является плотина, долженствующая противостоятъ сильному напору весеннихъ разливовъ. Послѣднее намъ представляется болѣе близкимъ къ истинѣ и до нѣкоторой степени подтверждается примитивностію открытаго нами деревяннаго жилища, устроеннаго въ видѣ простаго шалаша.

Итакъ, съ одной стороны неумѣніе пользоваться строительнымъ матеріаломъ, съ другой — незнакомство съ болѣе обильными залежами лучшихъ изъ нихъ, были виною того, что человѣкъ избралъ для задуманной постройки известнякъ, который ему былъ, очевидно, болѣе знакомъ. Но здѣсь весьма важнымъ является, почему же строитель плотины былъ болѣе знакомъ съ этою далекою породою камня, когда онъ могъ не знать залежей лучшихъ породъ, расположенныхъ въ ближайшихъ окрестностяхъ?

Наиболѣе извѣстная намъ лѣтняя жизнь Окскаго первобытнаго человѣка, если и не совсѣмъ исключаетъ всякую возможность какого либо знакомства его съ удаленными выходами известняка, то отнюдь и не дѣлаетъ его необходимымъ: человѣкъ, переходя съ дюны на дюну, могъ совершать взадъ и впередъ десятки и даже сотни верстъ, не имѣя возможности не только видѣть выходы известняка, но и познакомиться съ самою его породою. По этому, если въ фактѣ знакомства этого человѣка съ известнякомъ не допускать ничего необъясняющей случайности, то необходимо признать его, какъ результатъ положительныхъ и неизбѣжныхъ требованій менѣе извѣстной намъ зимней его жизни.

Исслѣдуя временную стоянку на дюнѣ Борокъ, мы пришли къ заключенію, что жизнь Окскаго первобытнаго человѣка была, въ смыслѣ осѣдлости, неустойчива, что лѣто онъ проводилъ на дюнахъ, а на зиму уходилъ въ какія то другія мѣста. Отсюда естественно возникаютъ

вопросы, — не уходилъ-ли человѣкъ на зиму, передъ тѣмъ, какъ переселиться на плотину, въ мѣста выходовъ известковыхъ породъ, не искалъ-ли онъ эти выходы для устройства своихъ зимнихъ жилищъ, не были-ли этими жилищами пещеры и не это-ли было причиною, очевидно, короткаго знакомства его съ известнякомъ?

Таковы конечные вопросы изслѣдованія причинъ появленія известняка на плотинѣ Черепковъ. Послѣдуютъ-ли на эти вопросы положительные или отрицательные отвѣты—это рѣшить будущее. Въ настоящее же время при имѣющихся данныхъ доисторической археологіи, намъ позволительно только сказать, что положительные отвѣты на заданные вопросы являются болѣе удовлетворительными, нежели отрицательные. Возможность существованія естественныхъ пещеръ въ известнякахъ хотя бы указанной нами р. Плетенки, едва-ли кто будетъ оспаривать. Возможность существованія у Окскаго человѣка пещерной жизни, какъ мы видѣли выше, не могла быть опровергнута. Такимъ образомъ, для подтвержденія нашего мнѣнія остается только установить необходимость существованія въ данную пору и въ данномъ районѣ пещерной жизни.

Выше мы видѣли, что до настоящаго времени [русскіе изслѣдователи, въ отношеніи послѣдняго положенія, не пришли къ одинаковымъ выводамъ, напротивъ одни изъ нихъ утверждали, что Окскій человѣкъ одинаково въ неолитическую и палеолитическую эпохи необходимо долженъ былъ жить въ пещерахъ, другіе наоборотъ говорили, что этотъ человѣкъ совсѣмъ не имѣлъ нужды въ пещерахъ и могъ свободно жить въ продолженіи поименованныхъ эпохъ, подобно сибирскимъ инородцамъ, открыто въ своихъ чумахъ, юртахъ или шалашахъ.

Выразителемъ перваго мнѣнія является гр. А. С. Уваровъ, а выразителемъ второго проф. В. В. Докучаевъ. При этомъ первый рѣшаетъ вопросъ принципиально, полагая, что вообще первобытный человѣкъ былъ троглодитомъ, второй рѣшаетъ вопросъ условно, говоря, что первобытный человѣкъ территоріи Россіи могъ быть и не быть троглодитомъ.

Основаніемъ своего мнѣнія по отношенію, по крайней мѣрѣ, русскаго первобытнаго человѣка, гр. Уваровъ ставитъ необходимость искать убѣжище отъ непогоды ¹⁾.

Проф. Докучаевъ замѣчаетъ несостоятельность такой мотивировки касательно необходимости пещерной жизни и указываетъ на жизнь Сибирскихъ инородцевъ какъ на примѣръ великой способности человѣка примѣняться ко всевозможнымъ климатическимъ условіямъ, не прибѣгая къ защитѣ пещеръ ²⁾.

Но противъ мнѣнія Проф. Докучаева можно выставить литературные документы, свидѣтельствующіе, по остроумному выясненію професс. Д. Н. Анучина, о существованіи у Сибирскихъ инородцевъ пещерной жизни не долѣе какъ 500 лѣтъ тому назадъ ³⁾.

Очень вѣроятно что поиски крѣпкихъ убѣжищъ начались съ перваго дня существованія человѣка, съ первой потребности отдыха. А такъ какъ крѣпчайшими естественными убѣжищами, какія можно найти на сушѣ, являются пещеры, то человѣкъ очень рано долженъ былъ остановиться на нихъ, а остановившись уже не имѣлъ надобности покидать ихъ, пока не успѣлъ развиться на столько, что могъ жить открыто, не боясь борьбы съ какими угодно противниками.

Появленіе человѣка въ Россіи относится къ довольно раннему времени. Слѣды его пребыванія въ долинѣ Оки (Карачарово), Дона (Костенки), Удая (Гонцы) и Рудава (Мамонтова пещера) восходятъ къ эпохѣ мамонта (*Elephans primigenius*) и носорога (*Rhinoceros tichorhinus*). Такое раннее появленіе, въ виду высказаннаго положенія, само по себѣ является какъ бы условіемъ необходимости пещерной жизни первыхъ обитателей въ Россіи, и, дѣйствительно, спра-

¹⁾ Гр. А. С. Уваровъ. Археологія Россіи. Каменный періодъ, т. I, стр. 164.

²⁾ В. В. Докучаевъ. Археологія Россіи, стр. 9. Труды СІИ. Общ. Ест. т. XIII, вып. I.

³⁾ Д. Н. Анучинъ. Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древне-русское сказаніе „о человѣцѣхъ называемыхъ въ восточной странѣ“. Древности. Тр. Имп. Моск. Археолог. Общ. т. XIV, 1890 года.

ведливость такого заключенія уже нашла подтвержденіе въ открытіи г. Завишею мамонтовой пещеры на берегахъ р. Рудава. Сравнительное же изобиліе въ Россіи пещеръ, обитаемыхъ въ неолитическую эпоху, показываетъ, что необходимость пещерной жизни еще не миновала для человѣка и этого времени. Чтобы понять силу этой необходимости, должно взвѣсить и оцѣнить тотъ трудъ, который требовался отъ неолитическаго человѣка для отрывки въ плотномъ лесѣ-искусственныхъ днѣпровскихъ пещеръ. О степени этой необходимости косвенно можно даже судить по выбору нашимъ человѣкомъ площади Черепковъ для своихъ постоянныхъ открытыхъ жилищъ, гдѣ для того, чтобы воспользоваться естественными оборонительными свойствами мѣстности ему пришлось совершить почти невѣроятныя усилія и труды; и будь на холмѣ Черепковъ или гдѣ-либо вблизи удобныя естественныя пещеры, человѣкъ, навѣрно, предпочелъ бы поселиться въ нихъ, нежели остаться на открытой, незащищенной мѣстности и вѣроятно всего предпочелъ бы эти пещеры сооруженію плотины, требовавшей столько усилій съ его стороны.

Итакъ, взвѣсивая значеніе и необходимости для Окскаго первобытнаго человѣка пещерной жизни, мы приходимъ къ заключенію, что этотъ человѣкъ, имѣя возможность вести такую жизнь, имѣлъ и вполнѣ достаточную къ тому необходимость. Такое заключеніе обязываетъ насъ придать особенное значеніе появленію въ плотинѣ Черепковъ именно известковаго матеріала, и видѣть въ этомъ первое фактическое указаніе на жизнь Окскаго неолитическаго человѣка въ известковыхъ пещерахъ.

Сдѣлавъ же допускъ, что строитель плотины Черепковъ вышелъ изъ пещеръ, находившихся гдѣ-либо въ ближайшихъ известковыхъ выходахъ и, вѣроятно всего, въ берегахъ р. Плетеной, мы уже легко можемъ возстановить всю исторію возникновенія новыхъ жилищъ. Пещерный человѣкъ, привлекаемый природными богатствами Оки ежегодно съ наступленіемъ весны стремился къ ея берегамъ. Не считая себя достаточно обеспеченнымъ отъ постоянныхъ тревогъ на открытыхъ материковыхъ берегахъ, онъ пробирался и искалъ покоя на дюнахъ, между которыми, судя по количеству памятниковъ, ему болѣе другихъ нравилась защищенная со всѣхъ сторонъ рѣками и болотами дюна Борокъ. Здѣсь онъ познакомился съ еще болѣе неприступною мѣстностію Черепковъ и рѣшилъ, во избѣжаніе ежегодныхъ дальнихъ передвиженій, перенести на нее свои постоянныя жилища. Недостатокъ избранной мѣстности, заключающійся, какъ мы выше видѣли, въ томъ, что она заливалась весенними Окскими разливами, побудилъ человѣка предпринять и выполнить весь трудъ по возведенію плотины. При этомъ сравнительная легкость и удобство доставки внизъ по теченію рѣкъ, больше знакомство и весьма возможное желаніе имѣть на новомъ мѣстѣ постоянныхъ жилищъ обстановку, какъ можно ближе напоминающую старую пещерную, побудили человѣка матеріаломъ для плотины избрать известнякъ, съ которымъ онъ успѣлъ сродниться за долгій періодъ пещерной жизни.

Таковы заключенія, къ которымъ насъ приводятъ изслѣдованія причинъ появленія въ плотинѣ Черепковъ известняка. Намъ только остается искренно пожелать скорѣйшаго изслѣдованія ближайшихъ геологическихъ выходовъ этой породы, обѣщающихъ много интереснаго и важнаго для доисторической археологіи Россіи.

Положеніемъ, что строитель плотины Черепковъ былъ ранѣе пещернымъ обитателемъ, я позволю себѣ отчасти руководствоваться при рѣшеніи вопроса о формахъ жилищъ на плотинѣ. Мнѣ не удалось добыть фактовъ, съ помощію которыхъ рѣшался бы взятый вопросъ. Весьма возможно, что въ этомъ случаѣ могли имѣть рѣшающее значеніе тѣ круглыя погребовидныя ямы, которыя, по увѣренію нѣкоторыхъ Дубровическихъ старожиловъ, существовали на плотинѣ еще ранѣе, чѣмъ началась эксплуатація известняка. Сравнительно значительныя размѣры, какіе указывались для этихъ ямъ, нахожденіе на днѣ ихъ культурныхъ остатковъ какъ бы

указываютъ на то, что эти-то ямы и были жильемъ нашего человѣка. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени ни одна яма не сохранилась, и намъ остается возможнымъ рѣшить вопросъ о жильѣ только при помощи однихъ предположеній.

Придерживаясь теоріи общаго прогресса, выражающейся постоянно въ зависимости и свойствѣ сложныхъ формъ человѣческаго искусства съ простыми и болѣе совершенныхъ съ примитивными, мы прежде всего вправѣ полагать, что плотинныя жилища или были одинаковы съ тѣми, которыя существовали ранѣе ихъ у строителя плотины, или были усовершенствованіемъ послѣднихъ. Поэтому, допуская болѣе раннія постоянныя жилища въ видѣ известняковыхъ пещеръ и зная лѣтнія жилища въ видѣ шалашей, мы естественно подходимъ къ заключенію, что форма плотинныхъ жилищъ должна быть похожею или на шалаша, или на пещеры. Въ виду же тожества назначенія плотинныхъ жилищъ съ пещерами, болѣе удобнымъ представляется проектировать ихъ въ заимствованной формѣ отъ послѣднихъ и изображать въ видѣ ямъ, выложенныхъ и покрытыхъ камнемъ. На возможность существованія здѣсь именно такого рода жилья какъ бы и указываютъ выше-упомянутыя ямы, бывшія въ плетинѣ Черепковъ. Стѣны и полъ такихъ ямъ мы можемъ представить въ видѣ стѣнъ и пола изслѣдованнаго нами очага. Что же касается крыши, то допуская, что она была сдѣлана изъ камня, можно проектировать ее или сводчатою, на подобіе крышъ зимнихъ каменныхъ хожинъ „Iglu“ сѣверо-американскихъ эскимосовъ ¹⁾, или сложенною изъ груды простыхъ камней, на подобіе крышъ подземныхъ жилищъ дикарей острова Вайгу, изъ группы Таити ²⁾ Выборъ между этими двумя видами крышъ не представляетъ большого затрудненія. Сводчатая крыша требуетъ существованія у обитателя плотины Черепковъ болѣе высокаго строительнаго искусства, чѣмъ мы можемъ допустить, основываясь на имѣющихся памятникахъ его искусства и по этому сводчатая крыша не можетъ быть такъ же свободно принята, какъ крыша, сложенная изъ простой груды камней, которая вполне могла быть доступною даже такому первобытному мастеру, какимъ является строитель плотины, при чемъ все искусство его сведется къ тому, чтобы приготовленную яму накрыть сначала древесными стволами, а затѣмъ выложить послѣднія нѣсколькими рядами камней. Такія жилища могли представлять изъ себя тотъ интересъ, что, происходя и сохраняя нѣкоторое сходство съ пещерами, они сами являлись родоначальными формами разнообразныхъ видовъ землянокъ, получившихъ, повидимому, весьма широкое распространеніе въ послѣдующія эпохи.

Покончивъ съ этимъ вопросомъ, намъ остается еще бросить взглядъ на плотину и оцѣнить ее съ точки зрѣнія строительнаго искусства.

Выше мы видѣли, что вся постройка плотины велась самымъ первобытнымъ способомъ: камень употреблялся въ дѣло небольшихъ рязмѣровъ, безъ всякихъ подправокъ, въ натуральномъ своемъ видѣ; цементъ отсутствовалъ, такъ что все строительное искусство человѣка здѣсь выразилось въ складываніи матеріала въ кольцевидную массу и приданіи ей болѣе или менѣе правильной формы только съ наружной стороны. Средину плотины, во избѣжаніе непроизводительной траты камня, насыпали пескомъ, въ который попадалъ случайно и щебень (рис. 75). Наибольшее искусство казалось бы должно было проявиться въ устройствѣ жилыхъ помѣщеній и очаговъ, но и здѣсь оно, по всѣмъ имѣющимся признакамъ, не пошло далѣе устройства круглыхъ котлообразныхъ ямъ со стѣнами, выложенными изъ такихъ же простыхъ и ничѣмъ не связанныхъ между собою кусковъ камня, изъ которыхъ возведена и вся плотина, по крайней мѣрѣ, на это указываетъ сдѣланный именно такимъ способомъ изслѣдованный нами очагъ.

Была или не была обведена плотина Черепковъ снаружи рвомъ, и проходящая вдоль южной

¹⁾ Фр. Гельвальдъ. Естественная исторія племенъ и народовъ, т. 1, стр. 298—299.

²⁾ Дюмонъ-Дюрвиль. Всеобщее путешествіе вокругъ свѣта, часть VI, стр. 56.

подошвы ея ложбина представляет или не представляет изъ себя остатки рва, я не успѣлъ выяснить. Но если даже допустить, что эта ложбина представляет изъ себя дѣйствительно остатки рва, то и тогда плотина въ строительномъ отношеніи оказалась бы стоящею гораздо ниже всѣхъ такъ называемыхъ мегалитическихъ сооружений и не могла быть поставленною на одинъ уровень съ такими неолитическими постройками, какими являются ирландскіе кранножи и вообще всѣ искусственные острова Зап. Европы, которые благодаря тому, что возводились со дна воды, требовали отъ человѣка гораздо большаго искусства и сноровки, нежели наша плотина, возведенная съ сухой поверхности. Здѣсь необходимо еще коснуться вопроса, заливалась ли плотина во времена первобытнаго человѣка весенними разливами Оки, какъ она заливается въ наше время, или, выражаясь другими словами, достигъ ли первобытный строитель своей главной цѣли, — сдѣлать жилища недоступными разливамъ, или не достигъ? На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить положительно, тамъ какъ въ противномъ случаѣ невозможно было бы объяснить какъ образованія культурнаго слоя, такъ и въ особенности присутствія въ этомъ слоѣ такихъ легкихъ остатковъ, какими являются, напр., чешуйки рыбъ, легкія кости животныхъ и птицъ. Если бы плотина также часто заливалась водою, какъ въ настоящее время, то всѣ эти легкіе отбросы, изъ которыхъ, повидимому, и образовался весь культурный слой, были бы смыты водою, и поэтому тотъ фактъ, что такого явленія не случилось, слѣдуетъ считать прямымъ доказательствомъ того, что мѣстность, пока на ней обиталъ человѣкъ, не заливалась весенними разливами.

Что же касается факта заливанія этими разливами плотины Черепковъ въ настоящее время то это можетъ быть объяснено, во-первыхъ, увеличеніемъ современныхъ разливовъ, сравнительно съ прежними, что, какъ достаточно выяснено, зависитъ отъ обезлѣсенія страны; и во вторыхъ, осажденіемъ известковой кледи, которое должно было произойти и вслѣдствіе постоянного давленія верхнихъ слоевъ на нижележащія, и вслѣдствіе разрушительнаго дѣйствія на известковый щебень циркулирующихъ въ немъ почвенныхъ и атмосферныхъ водъ. Я не стану останавливаться на разборѣ значенія этихъ причинъ, скажу только, что ихъ [вполнѣ достаточно, чтобы объяснить, почему во времена отдаленныя незаливаемая мѣстность въ настоящее время стала заливаться, хотя, еще повторю, и не каждый годъ.

Покончивши съ описаніемъ плотины Черепковъ и съ изложеніемъ тѣхъ вопросовъ и предположеній, которые вполнѣ естественно возникаютъ при каждомъ сколько-нибудь значительномъ открытіи, намъ остается въ заключеніе опредѣлить мѣсто этому сооруженію среди соотвѣтствующихъ ему памятниковъ. Съ этою цѣлью, мы еще разъ обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что первобытный человѣкъ ищетъ здѣсь главной своей защиты подъ прикрытіемъ водяныхъ оградъ. Такое обстоятельство, несомнѣнно, сближаетъ плотинную постройку Черепковъ съ кранножами и свайными постройками Зап. Европы. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что одна основная идея искать убѣжище за водою — руководила строителями всѣхъ этихъ типовъ сооружений и только различныя мѣстныя условія помѣшали имъ воплотить общую идею въ одну форму на всемъ материкѣ Европы; благодаря чего чистыя, съ дномъ, удобнымъ для вбиванія свай, озера Швейцаріи, Италіи и др. послужили развитію фундаментовъ жилищъ въ видѣ платформъ, утвержденныхъ на сваяхъ; топкія, торфянистыя болота и озера Ирландіи развили кранножи; надолго замерзающія рѣки Россіи, само собою разумѣется, должны были повліять на развитіе особой системы, что, дѣйствительно, и подтвердилось системою изслѣдуемой нами платины Черепковъ.

Система плотины Черепковъ настолько разнится отъ обѣихъ системъ озерныхъ жилищъ Зап. Европы, насколько эти послѣднія разнятся между собою; и если англичанинъ Чайли былъ правъ замѣтить, что „система построекъ ирландскихъ кранножъ не представляетъ никакой па-

раллели съ таковыми же постройками швейцарскихъ водъ¹⁾, то мы съ своей стороны можемъ то же самое сказать и про плотину Черепковъ въ отношеніи ея къ обоимъ названнымъ типамъ озерныхъ жилищъ Зап. Европы. Впрочемъ, въ основѣ системы послѣднихъ можно еще указать хотя на то несомнѣнное сходство, незамѣченное Чайли, что основанія ихъ всегда покоятся на днѣ водъ, тогда какъ плотинная постройка Черепковъ и этого признака не имѣетъ: основанная на сухомъ, наиболѣе высокомъ мѣстѣ, она должна бы сблизиться съ сухопутными постройками, если бы этому не препятствовало очевидное стремленіе строенія сообщить постройкѣ, главнымъ образомъ, характеръ надводнаго сооруженія и если бы это стремленіе не увѣнчалось въ болѣе мѣрѣ успѣхомъ, благодаря которому въ весенніе разливы плотина не только окружается водою, но и имѣетъ, подобно чистымъ типамъ озерныхъ построекъ, основаніе въ водѣ, т. е. получаетъ самый характерный признакъ послѣднихъ.

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго мы видимъ, что по идеѣ плотина Черепковъ должна занять мѣсто на ряду кранножей и свайныхъ построекъ, а по своей системѣ имѣть особое мѣсто, которое ей позволяетъ служить слѣдующимъ звеномъ между озерными и сухопутными, укрѣпленными, доисторическими жилищами. Въ виду такихъ-то исключительныхъ и оригинальныхъ чертъ плотины Черепковъ, между прочимъ я и былъ вынужденъ дать постройкѣ новое имя „плотинной постройки“, полагая, что это имя соотвѣтствуетъ характеру вновь открытаго памятника и способно болѣе другихъ исчерпать внутреннее содержаніе его.

Намъ остается еще сказать о древности плотинной постройки. Данными для этой цѣли могутъ служить во-первыхъ, — образцы издѣлій обитателя плотины, и во-вторыхъ, — остатки фауны, найденные погребенными среди кухонныхъ отбросовъ. Но такъ какъ послѣдній матеріалъ до настоящаго времени еще не получилъ никакого научнаго освѣщенія, то я не буду касаться его и для рѣшенія взятаго вопроса воспользуюсь одними образцами издѣлій. Эти образцы состоятъ изъ кремневыхъ и костяныхъ подѣлокъ и обломковъ глиняной посуды. Число всѣхъ ихъ не велико, но оно достаточно, чтобы судить о степени развитія культуры и ея относительной древности.

Въ число кремневыхъ подѣлокъ входятъ осколки, обломки орудій и цѣльные орудія (табл. 1). Первые несутъ всѣ признаки щебня, получаемого при обработкѣ орудій: они въ большинствѣ случаевъ тонки, раковисто-выпуклы или раковисто-вогнуты и съ болѣе или менѣе ясною точкою удара. Орудія какъ цѣльные, такъ и сломанные оказались сдѣланными при помощи оббивки, иногда весьма тщательной. Шлифованныхъ орудій пока не найдено, хотя въ ихъ существованіи здѣсь уже потому нельзя сомнѣваться, что они были найдены на мѣстѣ болѣе древней стоянки, размытой водами Кремневой музги; кромѣ того, о находкѣ такихъ орудій въ мусорѣ плотины говорятъ и крестьяне, раскапывавшіе здѣсь щебень.

Костяныя подѣлки выразились однимъ остриемъ, сдѣланнымъ изъ рыбьей кости, четырьмя обломками отъ полированныхъ подѣлокъ и однимъ обломкомъ кости съ слѣдами опилки ея.

Болѣе обильными являются образцы глиняныхъ подѣлокъ (табл. XXIII—XXVI); онѣ представляютъ изъ себя обломки посуды обыкновенно весьма слабо обожженной и густо орнаментированной. Судя по имѣющимся обломкамъ, можно заключить, что посуда была разныхъ размѣровъ, съ круглыми и плоскими днищами и съ краями, обрѣзанными то гладко, то волнообразно. Глина употреблялась для всѣхъ этихъ издѣлій или чистая, или съ примѣсью толченыхъ раковинъ. Среди многочисленныхъ образцовъ орнамента особеннаго вниманія заслуживаетъ — веревочный (табл. XXIII, №№ 26, 27, 32, 36 и 39, табл. XXIV, №№ 40 и 41) и состоящій изъ червеобразныхъ, расположенныхъ рядами вдавленій (табл. XXIII, № 32). Первый, изслѣдуемый посредствомъ восковыхъ оттисковъ, не только

¹⁾ Чарльзъ Ляйэль. Геологическія доказательства древности челоуѣка, стр. 28.

способствует изучению самой техники первобытного витя веревковъ или бичевковъ, но и служить неопровержимымъ доказательствомъ умѣнія обрабатывать такія волокнистыя растенія, которыя, подобно конопль, льну и крапивѣ могли давать очень нѣжныя пряди. Второй орнаментъ представляетъ особенный интересъ по распространенности въ пространствѣ и времени. Проф. Иностранцевъ нашелъ такой орнаментъ у человѣка Ладожскаго побережья ¹⁾, В. С. Передольскій—у насельниковъ Ильмено-Волховскаго побережья ²⁾, гр. Уваровъ—на стоянкахъ Волосовой и Плеханова бора ³⁾, А. П. Ивановъ — въ торфяникахъ, содержащихъ остатки каменнаго вѣка, въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ ⁴⁾, А. Штукенбергъ и Н. Высоцкій—въ поселеніяхъ каменнаго вѣка близъ Свіяжска ⁵⁾, мнѣ удалось образцы его найти на стоянкахъ близъ с. Борки, подъ Рязанью, близъ с. Шумать и особенно много на сосѣдней къ Черепкамъ дюнѣ Борокъ (табл. XXIII, № 23). Такимъ образомъ, еще въ каменный вѣкъ этотъ образчикъ орнамента распространился на площади, почти равной половинѣ всей территоріи Евр. Россіи. Чтобы судить о долговѣчности его существованія, стоитъ прибавить къ сказанному, что цѣльный горшокъ съ подобнымъ орнаментомъ былъ найденъ въ курганномъ погребеніи Борковскаго могильника, подъ г. Рязанью, вмѣстѣ съ бронзовой арбалетной фибулой, обыкновенно находимой въ Прибалтійскихъ губерніяхъ съ римскими монетами I и II-го вѣка Христіанской эры. Тщательное изученіе этого орнамента приводитъ къ заключенію, что онъ наносился на мягкія стѣнки еще необожженныхъ сосудовъ особымъ инструментомъ.

Въ общемъ все издѣлія изъ кремня, кости и глины, найденныя на плотинной постройкѣ Черепковъ, имѣютъ вполнѣ характерныя черты принадлежности ихъ къ неолитической эпохѣ и ближе всего стоятъ къ издѣліямъ Волосовской стоянки. Ко времени этой послѣдней, вѣроятно же всего, относится и возникновеніе плотинной постройки на Черепкахъ. Что же касается отношенія послѣдней къ доисторическимъ озернымъ и сухопутнымъ искусственно или естественно укрѣпленнымъ жилищамъ Западной Европы, то, принимая во вниманіе полную примитивность строительнаго искусства, мы въ правѣ отнести плотинную постройку Черепковъ ко времени древнѣйшихъ изъ нихъ.

Покончивъ на этомъ описаніе сдѣланныхъ открытій въ окрестностяхъ с. Дубровичъ, намъ остается высказать на основаніи ихъ общее заключеніе къ предмету жилищъ Окскаго доисторическаго человѣка.

Выше мы говорили, что гипотеза о пещерной жизни первобытнаго Окскаго человѣка, высказанная гр. Уваровымъ до настоящаго времени не только не потеряла значенія, но и получила долю фактическаго подтвержденія въ плотинной постройкѣ Черепковъ, поэтому мы будемъ держаться мнѣнія гр. Уварова, что первобытный Окскій человѣкъ, съ древнѣйшихъ временъ Карачаровской стоянки до временъ стоянокъ типа Волосовой проживалъ зиму въ пещерахъ, а лѣто проводилъ на рѣчныхъ дюнахъ, устраивая на послѣднихъ свои временныя жилища въ видѣ простыхъ шалашей и свои временныя очаги — въ видѣ простыхъ и печкообразныхъ ямъ безъ всякихъ особыхъ приспособленій въ нихъ.

¹⁾ А. А. Иностранцевъ. Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. Табл. XII, рис. 1, 4, 7, 9 и 15.

²⁾ В. С. Передольскій. Бытовые остатки насельниковъ Ильмено-Волховскаго побережья и земель В. Новгородскаго державства каменнаго вѣка.

³⁾ Гр. А. С. Уваровъ. Археологія Россіи. Каменный періодъ, т. II, табл. 20, №№ 4082, 4080 и табл. 24. №№ 4248, 4249.

⁴⁾ А. П. Ивановъ. Матер. къ Антропологии Пермскаго края. Тр. Общ. Ест. при ИМП. Казанск. университетѣ. Т. X, в. I.

⁵⁾ А. Штукенбергъ и Н. Высоцкій. Матер. для изученія каменнаго вѣка въ Казанской губ., табл. XII, р. 7; Табл. XVI, р. 3.

Въ періодъ же развитія стоянокъ типа Волосовой, благодаря тому несомнѣнному культурному прогрессу, который совершился со временъ Карачаровской стоянки, Окскій человѣкъ, вѣроятнѣе всего, впервые рѣшился перенести свое зимнее жильѣ изъ пещеръ на открытыя мѣста. Плотинная постройка Черепковъ представляетъ изъ себя одинъ изъ памятниковъ этой эпохи. Изученіе его свойствъ приводитъ насъ къ заключенію, что Окскій человѣкъ того времени еще не вышелъ изъ подъ гнета постоянной борьбы за существованіе, требовавшей отъ него главныхъ почти невѣроятныхъ усилій для того, чтобы сдѣлать свои жилища какъ можно болѣе недоступными. Основываясь на такомъ стремленіи окскаго человѣка разсматриваемой эпохи, мы если и не можемъ, при настоящемъ нашемъ знаніи составить точнаго понятія о всѣхъ видахъ его жилищъ, то съ большею вѣроятностію заключаемъ, что всѣ они несли характеръ естественныхъ и отчасти искусственныхъ укрѣпленій.

Плотинная постройка Черепковъ насъ убѣдила, что окскому первобытному человѣку были доступны идеи какъ сухопутныхъ, такъ и водныхъ или озерныхъ жилищъ. Дѣло будущаго рѣшить, въ какихъ формахъ доисторической архитектуры выразилась каждая изъ этихъ идей Мы только отмѣтимъ, что въ Зап. Европѣ идея укрѣпленныхъ сухопутныхъ жилищъ выразилась въ доисторическія времена каменнаго вѣка, въ формахъ близкихъ къ древнимъ русскимъ городищамъ, весьма распространеннымъ, между прочимъ, и на берегахъ Оки ¹⁾. Идея же озерныхъ жилищъ, какъ было выше говорено, воплотилась тамъ въ формы свайныхъ построекъ и кранножей. Возможно, что въ такимъ же формахъ выразились обѣ разсматриваемыя идеи и у окскаго человѣка, возможно также допустить и болѣе или менѣе значительныя уклоненія. Мы не будемъ распространяться о сухопутныхъ естественно-укрѣпленныхъ жилищахъ, которыя на окскихъ берегахъ представляются на столько возможными, что самое открытіе ихъ можно считать только вопросомъ времени, но остановимся на озерныхъ жилищахъ

Насколько было возможно, мы старались показать, что развитіе той или другой формы озерныхъ жилищъ, главнымъ образомъ, зависело отъ климатическихъ условій страны и физическихъ свойствъ водныхъ бассейновъ, избираемыхъ мѣстомъ жительства. Если принять за основанія эти положенія, то прежде всего легко доказать полную невозможность существованія во всѣхъ водныхъ бассейнахъ поемной долины рѣки Оки жилищъ системы свайныхъ построекъ и кранножей. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно указать, что средній подъемъ весеннихъ разливовъ этихъ водъ достигаетъ 20 футъ высоты надъ обыкновеннымъ уровнемъ ²⁾ и принять въ соображеніе значительную скорость теченія и разрушительное дѣйствіе несущихся въ то время льдинъ, чтобы оцѣнить всю невозможность явленія здѣсь жилищъ названныхъ системъ, которыя при ихъ необычайной высотѣ, легко были бы опрокинуты и разнесены на мелкія части первымъ же разливомъ водъ. Обѣ названныя системы могли быть только внѣ поемной долины, въ тихихъ, неподверженныхъ значительнымъ наводненіямъ озерахъ. Но и въ этихъ случаяхъ развитію ихъ могли воспрепятствовать климатическія условія страны, благодаря которыхъ мѣстныя рѣки и озера покрываются льдомъ и почти на треть года теряютъ всякое значеніе оборонительныхъ

¹⁾ Gabriel de Mortillet. Le préhistorique antiquité de l'homme; p. 487 — 488. Открытія Е. и Г. Морганъ на площади du Campigny, a Blangy—sur-Bresle (Seine-Interieure) и Эрнеста Перрольта на площади de Chassey (Sone et-Loire).

²⁾ Карта участка р. Оки отъ г. Каширы до г. Рязани. Изд. минист. пут. сообщенія. Составл. по изслѣд. Окской описной партія, произведенномъ въ 1879 г., подъ руководствомъ Богуславскаго I. Листъ 2-й. Сокращенная профиль участка р. Оки отъ Каширы до Рязани.

Превышеніе уровня высокихъ водъ надъ условнымъ уровнемъ за 1879 годъ выразился въ Канирѣ въ 3,85 саж., въ Бачмановѣ въ 5,4 саж., въ Дѣдновѣ въ 4,4 саж., въ Вахиномѣ въ 3,55 саж., въ Коростовомѣ въ 2,90 саж., въ Рязани въ 3,09 саж., въ Полосскомѣ въ 3,30 саж.; въ среднемъ въ 3,79 саж., или 26,52 фут.

оградъ. Все это указываетъ, если не на полную невозможность, то на малую вѣроятность существованія у Окскаго человѣка названныхъ видовъ жилищъ, и мы пока въ правѣ считать систему плотинныхъ жилищъ типа Черепковъ самою подходящею для осуществленія имѣвшей у первобытнаго окскаго человѣка идеи жилищъ, защищенныхъ водою.

Что касается вліянія новыхъ внѣпещерныхъ жилищъ на образъ жизни человѣка, то это вліяніе, на сколько можно судить по нѣкоторымъ даннымъ русской доисторической Археологіи, въ началѣ не отличалось особою силою. Человѣкъ, перемѣнивъ зимнія жилища, имѣлъ причины сдѣлать нѣкоторыя нововведенія только въ обычаяхъ зимней жизни, но его ничто не побуждало къ какимъ-либо перемѣнамъ въ обычаяхъ лѣтней жизни и онъ могъ также свободно или не-свободно экскурсировать по знакомымъ ему дюннымъ стоянкамъ изъ своихъ новыхъ жилищъ, какъ это раѣе дѣлалъ изъ пещеръ. Изслѣдованія Н. Высоцкаго доисторическихъ поселеній близъ дюны Малыя Отары и стоянокъ близъ оз. Вороній Кустъ и слободы Дальней Поповки, въ окрестностяхъ г. Казани, на берегахъ Волги, ясно указываютъ намъ, что такой образъ жизни существовалъ въ Россіи весьма продолжительное время и оставался въ полной силѣ даже тогда, когда человѣкъ успѣлъ обзавестись почти всѣми видами домашнихъ животныхъ ¹⁾ Вся разница, повидимому, заключалась лишь въ томъ, что въ болѣе позднее время, съ успѣхами развитія культуры, человѣкъ не имѣлъ уже нужды искать неприступныхъ или мало доступныхъ убѣжищъ для своихъ зимнихъ жилищъ, а располагалъ ихъ, какъ это можно судить по упомянутымъ Отарскимъ доисторическимъ селеніямъ, на всякой мѣстности, лишь бы она удовлетворяла главнымъ его экономическимъ требованіямъ.

¹⁾ А. Штукенбергъ и Н. Высоцкій. Матеріалы для изученія каменнаго вѣка въ Казанской губерніи, стр. 57.

О Славяно-Русскомъ до христіанскомъ счисленіи времени.

Д. ПРОЗОРОВСКАГО.

О Русскомъ языческомъ времясчисленіи доселѣ не появлялось крупныхъ изслѣдованій ¹⁾, а между тѣмъ, предметъ этотъ весьма любопытенъ. Конечно, объ этомъ счисленіи нѣтъ прямыхъ и точныхъ до-христіанскихъ свидѣтельствъ, но недостатокъ такихъ данныхъ могутъ въ нѣкоторой степени пополнить свѣдѣнія, разсѣянные по письменнымъ памятникамъ Кирилло-Меодіевскихъ изводовъ, а также содержащіяся въ лѣтописяхъ, въ которыхъ находятся довольно замѣтные слѣды до-христіанскаго времясчисленія, и изъ которыхъ видно, что такое времясчисленіе состояло изъ вѣковъ, годовъ, временъ, мѣсяцевъ, недѣль, дней и, вѣроятно, часовъ. Съ принятіемъ Русью христіанства, языческое счисленіе времени могло измѣниться только въ тѣхъ его частяхъ, которыя, по усвоеннымъ имъ обычаямъ, не соответствовали духу быта христіанскаго, по этому измѣненія должны были произойти собственно въ народной практикѣ, удержавшей многіе языческіе термины и приноровившей ихъ къ періодамъ христіанскаго времясчисленія. Что Русско-Славянское времясчисленіе существовало самостоятельно, видно это изъ того, что въ древнихъ нашихъ рукописяхъ сохранились славянскія названія мѣсяцевъ, отчасти доселѣ употребляемая южными и западными Славянами; равнымъ образомъ и названія дней, у насъ на столько своеобразны, что нѣтъ никакого повода признавать ихъ за заимствованныя въ какое-бы то ни было время. Кромѣ того, отъ языческаго времени дошли до насъ термины, противные христіанству, но сильно укоренившіеся въ бытѣ народномъ, таковы: святки, масляница, радуница, семикъ, купало, бабье лѣто, корочунъ, овсень. Конечно, мы не знаемъ, какъ назывались по-язычески святки, масляница и семикъ, приурочиваемые нынѣ къ предѣламъ христіанскаго распредѣленія времени, но тѣмъ не менѣе соблюдаемые народомъ въ эти термины обычаи суть чисто остатки язычества, перемѣнившіе свой древній религіозный характеръ на характеръ увеселительный. Изъ русскаго быта исчезли только русалы, существовавшіе у насъ еще въ XII вѣкѣ.

ВѢКЪ. „Слово о полку Игоревѣ“, сильно пропитанное языческими повѣрьями, упоминаетъ

¹⁾ Правда, многіе обращали вниманіе на разныя частности этого предмета, но едва ли кто успѣлъ выяснитъ его метрологическое значеніе. Покойный Д. И. Языковъ, въ своей статьѣ: „О Словено-русскихъ и вообще о Словенскихъ названіяхъ года и проч.“, прямо сказалъ: „какое времясчисленіе имѣли Словено-Руссы до принятія христіанства, это совершенно неизвѣстно“ и затѣмъ онъ изложилъ времясчисленіе христіанское. Да и настоящая статья представляетъ только опытъ возможно полнаго изложенія предмета, а отъ опыта до рѣшительныхъ выводовъ еще далеко.

вѣка Трояновъ: „были вѣчи Трояни“ говоритъ Слово въ началѣ разсказа о княжескихъ крамолахъ, а потомъ замѣчаетъ, что Всеславъ Полоцкій завладѣлъ Кіевомъ *на седьмомъ вѣкѣ Трояни*. Лѣтопись относитъ это событіе къ 6575 году отъ С. М., т. е. къ половинѣ седьмой тысячи лѣтъ отъ начала міра, откуда слѣдуетъ, что вѣкъ Трояновъ числился въ 1000 лѣтъ. Діаконъ Кирикъ, сочинившій въ 1136 г. „Ученіе имже вѣдати челоувѣку числа всѣхъ лѣтъ“, говоритъ: „О вѣцехъ міра: отъ Адама до сего времени минуло есть вѣковъ 6, а седмого вѣка минуло лѣтъ 644, тысящъ бо лѣтъ вѣкъ есть единъ“, что повидимому совпадаетъ съ указаннымъ сейчасъ вѣкомъ Трояновымъ. Но дѣйствительно ли было такое совпаденіе? Кажется, нельзя не признать, что уже подъ вліяніемъ христіанства Трояновъ миѳическій вѣкъ уравнился вѣку христіанскому, самъ-же по себѣ онъ, по всей вѣроятности, былъ отличенъ отъ послѣдняго и представлялъ ясный знакъ какого-то самостоятельнаго языческаго лѣтосчисленія, относившагося, какъ можно думать, къ эрѣ образованія собственно славянскаго міра, въ частности же міра Русскаго. Въ объяснительномъ изложеніи „Слова о полку Игоревѣ“¹⁾ и выразилъ убѣжденіе, что въ поэтической идеѣ Трояна представлялось въ древности миѳическое сотвореніе Славянскаго или Русскаго міра, точнѣе-же происхожденіе послѣдняго изъ-за Дуная, что по этой причинѣ южная Русь называлась вообще Дунаемъ, и что какъ Троянъ считался въ повѣрьяхъ творцомъ Русской земли, такъ Дажь-богъ былъ ея населителемъ, почему Русскій народъ и назывался миѳически Дажь-божьимъ внукомъ. Отсюда будетъ понятна причина, по которой Трояново лѣтосчисленіе отъ начала міра Славяно-Русскаго позднѣйшіе поэты смѣшали съ христіанскимъ лѣтосчисленіемъ отъ С. М. О Дажь-богѣ, какъ силѣ производительной, оживляющей, сказано будетъ дальше. Разумѣется, едва-ли возможно съ точностью опредѣлить размѣръ Троянова вѣка; но если бы и мнѣ, по примѣру многихъ изыскателей, было позволено позабавиться созвучіями словъ и Трояна счесть за одного изъ Троянскихъ героев, то выйдетъ вотъ что: Троя разрушена за 1184 г. до Р. Х., Всеславо-же хищничество случилось въ 1067 году по Р. Х., значить отъ остреленія Трои до этого событія прошло полныхъ 2250 лѣтъ, и если въ это время дѣйствительно былъ седьмой языческой Трояновъ вѣкъ, то подобный вѣкъ могъ равняться 346 годамъ христіанскаго, или точнѣе юліанскаго, счисленія, а потому равнялся-бы $10^{2/7}$ вѣкамъ челоувѣческимъ, или почти $3\frac{1}{2}$ вѣкамъ столѣтнимъ, упоминаемымъ въ египетской исторіи Геродота. Впрочемъ, за вѣрность такихъ неудободоказательныхъ предположеній ручаться нельзя, тѣмъ болѣе, что славянское до-христіанское времячисленіе вовсе неизвѣстно. Далѣе я предположу другую догадку на этотъ счетъ, которая, можетъ быть, покажется болѣе удобною для выясненія вопроса.

ГОДЪ. ЛѢТО. Въ Русскомъ языкѣ есть не мало словъ, происшедшихъ отъ слова „годъ“; таковы: година, годно, угодно, погода, угодые, ягода, когда, всегда, тогда, иногда; сюда надобно присоединить церковно-славянскія: внигда, егда, овогда. Нарѣчіе „годѣ“ въ иныхъ случаяхъ значить: сколько можно (Евр. 12, 10), а въ иныхъ—угодно, пріятно. (Дѣян. 12, 3). Самое слово „годъ“ въ древности означало: случай, время дѣйствія, срокъ, точку времени; такъ говорилось: въ годъ вечера, молитву дѣя въ годъ ѳиміама, прииде годъ ея (т. е. время родить), мразъ поби обиліе въ *жатвенный годъ*. Въ Библии выраженіемъ: „отъ года до года“ переведено: *ἐνιαυτὸν ἐξ ἐνιαυτοῦ* (Лев. 25:53; Второзак. 14:22, 15:18). То, что мы теперь называемъ „годомъ“, обозначалось въ древности словомъ „лѣто“ и въ рукописи 1263 года оба слова протолкованы такъ: „ино-бо лѣто (*χρόνος*) ино же годъ (*καιρός*)“²⁾, и словомъ „лѣта“ переводили греческое слово *ἔτη*, какъ то видно изъ Остромирова Евангелія.

¹⁾ III т. Зап. От. Русско-Слав. археологіи Импер. Археол. Общества.

²⁾ Опис. Слав. Рукоп. Моск. Синод. Библ., № 54, стр. 23.

Труды 8-го археол. съезда въ Москвѣ 1890 г. т. III.

Итакъ, въ древнемъ рускомъ языкѣ хронологическимъ терминомъ было слово „лѣто“, сохранившее за собою то же значеніе въ христіанствѣ. Слово это, вѣроятно, имѣло родовую связь съ словомъ „лѣтъ“ = *ἐξέσι* = можно, позволено („вся ми лѣтъ суть, но не вся на пользу“). Можетъ быть въ отдаленной древности „лѣтомъ“ назывался періодъ времени, въ который нѣчто дозволялось и съ котораго начинали считать времена года и теченіе мѣсяцевъ.

ВРЕМЕНА года въ христіанскій періодъ были: весна, лѣто, осень, зима, но какіе были предѣлы этихъ временъ въ языческой періодъ — точно неизвѣстно. Въ памятникахъ христіанской письменности времена эти опредѣляются такъ: а) въ рукописи XVI вѣка: „зима отъ Рождества Христова по Благовѣщеніевъ день, а въ ней 90 и четверть дни; весна отъ Благовѣщеньева дни до Рожества Ивана Предтечи, а въ ней 90 і день и четверть дни; а осень отъ зачатія Предтечева до Рождества Христова, а дней 90 и день и четверть дни: сіи времена одинаки суть“¹⁾; здѣсь пропущено лѣто, но по предѣламъ весны и осени видно, что оно числилось отъ Рождества Предтечи до зачатія Предтечи; б) въ рукописи XVII вѣка: „имать же година стихія: весна, лѣто, осень, зиму. Весна убо начинается отъ 24 марта луны до 24 іюня, и оттолѣ начинается лѣто до 24 сентября, и оттолѣ начинается осень до 24 декабря, и оттолѣ начинается зима до 24 марта луны, а всего по мѣрѣ по 91 дни“²⁾; в) въ рукописи 1637 года: „глаголетъ Божественное писаніе: четырьмы времена кругъ лѣту вѣнчалъ еси сіи рѣчь зима отъ Рождества Христова до Благовѣщенія, а дней 90¹/₄ дни; весна же отъ Благовѣщенія до Рождества Крестителя Іоанна дней 90¹/₂ дни; отъ Рождества же Іоанна лѣто до Зачатія Іоанна Предтечи, отъ Зачатія Іоанна осень до Христова Рождества, а се по девяносты дней и по четвертой части дне“³⁾. Посмотримъ, въ какой степени согласны лѣтописи съ этими росписаніями, очевидно, происшедшими въ древнія, но уже въ христіанскія времена: 1) *Весна*. Хотя еще въ XV вѣкѣ говорили: „весна отъ Благовѣщенія до Купальниці“⁴⁾, т. е. до 23 іюня, однако-же по лѣтописямъ предѣлы весны опредѣляются иначе; такъ въ первой Новгородской лѣтописи, подъ 1123 годомъ, записано: „на весну... въ великое говѣніе“; въ этомъ году Великій постъ начался 26 февраля и окончился 14 апрѣля, почему къ веснѣ отнесенъ лѣтописью весь мартъ, начавшійся съ среды 1 недѣли поста и окончившійся въ Пасхальную субботу; другая замѣтка той же Лѣтописи, подъ 1438 годомъ, прямо говоритъ: „въ веснѣ, марта въ 3“; да и Четвертая Новгородская Лѣтопись, подъ 1475 и 1494 годами, показываетъ мартъ мѣсяць весеннимъ: „тое же весны марта 26“, „тое же весны марта 9“. Лѣтописи причисляютъ къ веснѣ мѣсяцы апрѣль и май:... „той же весны априля въ 21“, „того-же лѣта, веснѣ, на святой недѣлѣ, апрѣля въ 1“, „того же лѣта, въ веснѣ, апрѣля въ 30“, „тое же весны апрѣля 2“, „тое же весны, въ великое говѣніе, на вербной недѣли во вторникъ, апрѣля въ 9 день“, „той же веснѣ, мѣсяца маія въ 31“, „той же веснѣ маія 19“, „того же лѣта, на весну, маія 9“, „той же весны маія 17“ (см. Полн. Собр. Лѣтоп., т. III, стр. 12, 35, 70, т. IV, стр. 164, 205; VI, стр. 15, 36). Такимъ образомъ, по лѣтописямъ, весну составляли три полныхъ мѣсяца; мартъ, апрѣль, май, 2) *Лѣто*. Іюнь былъ мѣсяцемъ лѣтнимъ, но иногда онъ причислялся и къ веснѣ, равно какъ и часть мѣсяца іюля). Новгородская лѣтопись, подъ 1395 годомъ, говоритъ: „приде въ Новъгородъ митрополитъ Кипріанъ... и онъ пробылъ весну всю въ Новгородѣ и до Петрова говѣнья“, а Петровъ постъ въ томъ году начался 7 іюня; „той же весны іюня въ 11“; — „на память святаго Космы и Даміана, веснѣ“; — „той же весны іюля въ 5 день“, (см. Пол. Собр. Лѣтоп. т. III, стр. 83, 97; — т. VI, стр. 35, 37). Можно отсюда заключить, что въ понятіи лѣтописцевъ лѣто было продолженіемъ весны; которая въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ и совпадала съ осенью, а такое понятіе,

1) Опис. Сборниковъ Императ. Публ. Библ., I, стр. 256.

2) Опис. Рукоп. Ундольскаго, стр. 329.

3) Опис. Соловецъ рукоп., т. I, стр. 390 и 391.

4) Опис. Слав. рук. Моск. Синод. Библ., № 316, стр. 587.

согласное съ вышеприведенными росписаніями время года, свидѣтельствуесть, что источники этихъ росписаній были весьма древни и, вѣроятно, основывались на практикѣ народнаго быта, заимствованія тутъ предполагать, кажется нельзя. 3) Предѣлы *осени* тоже не были опредѣлены въ лѣтописяхъ съ точностію, Новгородская лѣтопись, подъ 1436 годомъ, время жатвы называетъ „осеннимъ“. Въ актѣ 1631 года, о смѣнахъ ратныхъ людей, сказано: „другой половинѣ велѣть быть іюля съ 1 числа на осень“¹⁾; тутъ осень прямо зачисляется съ 1 іюля. Въ актѣ 1674 года, о Бѣлозерскихъ рыболовахъ, постановлено: „рыбу ловити мережными снастями осенью съ Ильина дни да по заморозъ“²⁾. И такъ, Ильинъ день правительство признавало уже осеннимъ; нынѣ же въ народѣ этотъ день считается концомъ лѣта и началомъ осени и характеризуется такими поговорками: „Илья жниво зажинаеть, лѣто кончаеть“, „на Ильинъ день до обѣда лѣто, а послѣ обѣда осень“, „до Ильи подъ кустомъ сохнетъ, а съ Ильи и на кустѣ не сушитъ“, крестьяне же Тамбовской губерніи весь іюль называютъ „макушкою лѣта, т. е. крайнимъ предѣломъ, за которымъ наступаетъ осень и начинается рядъ осеннихъ праздниковъ: первый Спасъ (1 августа), второй Спасъ (6 августа), третій Спасъ (16 августа). Дѣйствительно, и въ 1115 году осень считалась съ 1 августа: „на осень преставися Ольгъ, сынъ Святославль, августа въ 1“, и затѣмъ слѣдующее время числилось уже полною осениною: въ 1143 году „стояше вся осенина дѣждева, отъ Господина дни до Корочюна“, въ 1348 г. „той же осени сташа Новгородцы подъ Орѣховымъ, въ Оспожино говѣніе“ (Пол. Собр. Лѣт., т. III, стр. 4, 9, 84). По этому само собою разумѣется, что сентябрь былъ мѣсяць осенній: „той же осени сентября“, „той же осени сентября 9“, „священа въ осенинахъ, мѣсяца сентября въ 23 день“ (тамъ же, т. VI, стр. 41, 129, 289). Въ народномъ бытѣ осенины доселѣ начинаются со втораго Спаса, но встрѣчи осенинѣ бывають: первая—1 го и вторая—8 чисель сентября. Равнымъ образомъ къ осенинамъ принадлежалъ и октябрь: въ 1069 году „въ то же лѣто, осень, мѣсяца октября въ 23“, въ 1388 году „той же осени мѣсяца октября въ 26“, въ 1502 году „той же осени октября“, въ 1506 году „той же осени октября 27“ (тамъ-же, т. III, стр. 2, 94; т. VI, стр. 47, 50). Но октяbremъ осень еще не ограничивалась; къ ней же причислялся и ноябрь: въ 1154 году „на тужь осень ноября въ 13 день“ (П. С. Л. т. I, стр. 146); въ 1157 году „на тужь осень зѣло страшно бысть, громъ и мѣлнія, градъ-же яко яблокъ болѣ, мѣсяца ноября въ 7“, въ 1196 г. „на Гюрьгевъ день, осень (т. III, стр. 12, 23); въ 1400 г. „той же осени въ 25 ноября“, въ 1471 году „той же осени ноября 27 (IV, стр. 129, 195); въ 1504 году „той же осени ноября 9“ (т. VI, стр. 49). Такимъ образомъ осенина содержала въ себѣ четыре мѣсяца: августъ, сентябрь, октябрь и ноябрь, такъ что предѣлъ, называвшійся *Корочюномъ* былъ не ранѣе ноября; по словамъ покойнаго Сахарова, наши простолюдины Корочюномъ называютъ Рождественскій постъ³⁾, который начинается 15 ноября. Едва ли можно подвергать сомнѣнію языческое происхожденіе Корочюна, представлявшаго, можетъ статья, какое нибудь божество, которому могло быть посвящено время начинающихся морозовъ и которое впоследствии получило значеніе простаго термина. Итакъ, осень въ народномъ быту не совпадала съ вышеприведенными росписаніями время года. 4) *Зима*. Переходъ отъ осени къ зимѣ тушевался подобно переходу отъ лѣта къ осени. Хотя по приведенному выше извѣстію 1143 года „вся осенина“ обнимала время отъ Успенскаго поста до поста Рождественскаго, т. е. отъ 15 августа до 15 ноября, что составляетъ ровно три мѣсяца или четверть года, но по другимъ извѣстіямъ первыя числа декабря и даже, кажется, вся первая половина этого мѣсяца, относились то къ осени, то къ зимѣ, такъ: въ 1135 году „той же зимы прогремѣ декабря въ 10“,—въ 1368 г. „той же осени мѣсяца декабря 21“,—въ 1388 г. „той же осени мѣсяца декабря въ 8“,—въ 1471 г. „той же зимы де-

1) Синбирск. Сборн., акты Кикиныхъ, стр. 24. 2) Юрид. Акты, стр. 257. 3) Сказ. Русск. Нар., кн. 7, стр. 69

кабря 15“,—въ 1472 г. „тоя же осени декабра въ 15“, въ 1490 г. „тоя же осени декабра“, а затѣмъ январь и февраль во всѣхъ извѣстїяхъ (подъ 1229, 1471, 1480, 1502, 1505 годами) именуются зимними (Пол. Собр. Лѣтоп., т. I, стр. 132, 231; т. III, стр. 45, 94; т. IV, стр. 129, 152; т. VI, стр. 15, 37, 47, 56). Изъ времени съ 6 января, т. е. со дня Богоявленїя до мясопуста народъ произвелъ особый періодъ сватебный; такъ въ первой Псковской лѣтописи, подъ 1459 годомъ, говорится: того же лѣта въ зимнее время, о сватбахъ“ (тамъ-же т. IV, стр. 218), а такимъ образомъ народный обычай раздѣлилъ зиму на три, слѣдующіе одинъ за другимъ, веселые періода: святки, сватьбы и масляницу, въ которыхъ примѣтны остатки обычаевъ языческихъ. Изъ нѣкоторыхъ, немногихъ, впрочемъ, извѣстій можно усмотрѣть, что и переходъ отъ зимы къ веснѣ лѣтописцы показывали столь же неопредѣленно, какъ и переходы отъ осени къ зимѣ или отъ весны къ лѣту и осени, такъ что числа первой половины марта иногда причислялись къ зимѣ, а именно: въ 1471 году „той же зимы марта 15“,—въ 1490 г. „той же зимы марта въ 7“ (тамъ-же, т. VI, стр. 35, 37), что согласуется съ вышеприведенными расписанїями временъ года, которыя предѣломъ зимы назначаютъ 24 марта; впрочемъ, указанные сейчасъ извѣстія лѣтописей могли быть и простою неточностью, подобно тому, какъ и выраженїе: „а на весну тоя зимы мая въ 6“ (тамъ-же, т. IV, стр. 199), гдѣ слово „зима“, очевидно, употреблено не въ точномъ смыслѣ.

Такое распредѣленїе временъ года въ христіанскій періодъ могло имѣть начало съ одной стороны во времясчисленїи языческомъ, а съ другой въ счисленїи часовъ, которые измѣнялись періодически отъ равноденствїй до солнцестоянїй: самый длинный 17 часовой день, по церковнымъ книгамъ, бываетъ при лѣтнемъ, а самый короткій 7 часовой день при зимнемъ солнцестоянїи. По часовому распредѣленїю выйдетъ слѣдующее: а) весна съ 12 часового (5 марта) до 17 часового (24 мая) дня; б) лѣто отъ 17 часового (24 мая) до 14 часового (6 августа) дня; с) осень отъ 13 часового (22 августа) до 7 часового (26 ноября) дня; д) зима съ 7 часового (26 ноября) дня до 12 часового (5 марта) дня. Здѣсь каждый періодъ опредѣляется въ три мѣсяца или съ небольшимъ, или безъ малаго. Итакъ, часовое распредѣленїе временъ года не вполне соотвѣтствуетъ прочимъ приведеннымъ выше распредѣленїямъ, изъ которыхъ лѣтописное можно назвать народнымъ, унаслѣдованнымъ въ значительной степени отъ временъ язычества, когда еще не были опредѣлены точно предѣлы каждаго періода, а имѣлись въ виду только солнцестоянїя (повороты) и, можетъ быть, равноденствїя. Еще есть промысловое распредѣленїе года на четыре періода, соотвѣтствующіе четыремъ временамъ. Въ вышеприведенномъ актѣ 1674 года о Бѣлозерскомъ рыболовствѣ установлены: первая полевая ставка февраля по 2 число, слѣдовательно, со времени покрытїя озера льдомъ=зима; потомъ съ 2 февраля по весенній промыселъ, т. е. до вскрытїя озера, какъ бы весна, затѣмъ съ весны по 20 іюля, т. е. промыселъ лѣтній; наконецъ меженина, т. е. лѣто съ частью осени, совпадавшею съ первымъ полевнымъ промысломъ. Распредѣленїе это можно дѣлить и такъ: два полевныхъ промысла до вскрытїя озера=зима; промыселъ по 20 іюля=весна; меженина=лѣто, и слитый съ нею промыселъ до замороза=осень. Такое распредѣленїе нельзя не признать чисто народнымъ, а отсюда можно бы сдѣлать посылку къ періоду язычества, когда при отсутствїи хронологическихъ руководствъ времена могли опредѣляться условїями хозяйственно-промысловаго быта, зависѣвшими отъ климатическихъ перемѣнъ. Сводъ изложенныхъ свѣдѣнїй и выводовъ представляю для наглядности въ слѣдующей сравнительной таблицѣ:

	По рукописямъ XVI и XVII вѣковъ.	По лѣтописямъ.	По часовому распредѣленію.	По росписанію рыболовнаго промысла.
Зима.	Отъ Рождества Христова по Благовѣщенію, или отъ 24 декабря до 24 марта.	декабрь, январь, февраль.	отъ 26 ноября до 5 марта.	первая поледная ставка по 2 февраля.
Весна.	Отъ Благовѣщенія до Рождества Предтечи, или отъ 24 марта до 24 іюня, или отъ Благовѣщенія до Купальницы.	мартъ, апрѣль, май.	отъ 5 марта до 24 мая.	съ 2 февраля по весенній промыселъ.
Лѣто.	Отъ 24 іюня до 24 сентября, или отъ Рождества Предтечи до Зачатія Предтечи.	іюнь и часть іюля; это время совпаденія весны съ осенью.	отъ 24 мая до 6 августа.	промыселъ съ весны по 20 іюля.
Осень.	Отъ Зачатія Предтечи до Рождества Христова, или отъ 24 сентября до 24 декабря.	съ конца іюля до конца ноября.	отъ 22 августа до 26 ноября	меженина до перваго поледнаго промысла.

Въ виду этихъ данныхъ удобно будетъ опредѣлить какъ границы языческаго года, такъ и его составъ.

МѢСЯЦЫ. Раздѣленіе языческаго года на мѣсяцы неизвѣстно, хотя въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ сохранились славянскія названія мѣсяцевъ, доказывающія, что русскіе язычники имѣли свой календарь. Замѣчательно, что въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ, равно какъ въ Саввиной книгѣ и въ Изборникѣ Святославлѣ нѣтъ намека на славянскіе мѣсяцы, несмотря на то, что въ Саввиной книгѣ счетъ недѣль ведется по русаліямъ; только въ одной Несторовой лѣтописи упомянуто мимоходомъ названіе одного мѣсяца, да въ Остромировомъ Евангеліи, 1056 г., упомянуты два мѣсяца, между тѣмъ какъ цѣлые списки славянскихъ названій находятся въ другихъ современныхъ древнѣйшимъ лѣтописямъ памятникахъ церковной письменности. Но едва-ли есть возможность опредѣлить: изъ народной-ли практики взяты эти списки, или изъ какого-либо особаго источника? Безъ сомнѣнія, преподобному Нестору были извѣстны какъ народная практика, такъ и означенный особый источникъ, каковымъ могла быть практика прочихъ славянскихъ племенъ, но онъ предпочелъ римскія названія мѣсяцевъ, которыя въ его время, вѣроятно, были хорошо знакомы народу; при этомъ же предѣлы славянскихъ мѣсяцевъ могли и не совпадать съ предѣлами римскихъ мѣсяцевъ, почему и приходилось первые оставить въ пользу вторыхъ, тѣмъ болѣе, что на послѣднихъ была основана Пасхалія, совершенно отмѣнившая языческое распредѣленіе времени, изъ котораго только нѣкоторые термины приурочивались, и то неудачно, къ счисленію христіанскому. Упомянутый списокъ мѣсяцевъ находится въ такъ называемомъ Галицкомъ Четвероевангеліи, писанномъ въ 1144 году, гдѣ сентябрь называется *рюенъ*, октябрь *листопадъ* ¹⁾, ноябрь *гроуденъ* ²⁾, декабрь *стоуденъ* ³⁾, январь *проннець* (упом. и въ Остромир. Евангеліи), февраль *сѣуенъ*, мартъ *соухъин*, апрѣль *керезозолъ* ⁴⁾, май *тракнъ* ⁵⁾, іюнь *изокъ*, іюль *уеркенъ*, августъ *зарѣфъ* ⁶⁾. Сличая этотъ списокъ съ спискомъ,

1) Въ Ватиканскомъ глаголич. Евангеліи названъ *листопономъ* (Срезневск., Свѣдѣн. и Замѣтки о малоизвѣст. и неизвѣст. памят.

2) Упом. въ Несторовой лѣтописи.

3) Первые четыре мѣсяца такъ названы и въ Зографскомъ Евангеліи.

4) Въ Евангеліи XII—XIII вѣка: *бъзокъ* (Ламанскаго: о Славян. рукоп. въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, стр. 18).

5) Въ Великолуцк. уѣздѣ называется *Муръ* (Архивъ Истор. и Практ. свѣд., т. V, стр. 46), вѣроятно, отъ мурavy=травы.

6) Въ упомянутомъ Евангеліи XII—XIII в. (у Ламанскаго, стр. 19), мѣсяць этотъ названъ *рунь*. Это, можетъ быть, искаженное названіе Сентября „рюинъ“, отнесенное къ августу.

находящимся въ Полоцкомъ пергаменномъ Евангеліи, гдѣ показаны девять славянскихъ названій, за исключеніемъ октября, ноября и декабря, нельзя не указать на нѣкоторую разность въ названіяхъ. Такъ „червень“ названъ *черень*, „рюень“—*рюинъ*, „просинець“—*проснець*, „сѣчень“—*снѣжнъ*. Первые три названія, очевидно, либо ошибочны, либо взяты съ просторѣчья; что же касается послѣдняго названія, совершенно самостоятельнаго, отличнаго отъ слова „сѣчень“, то оно не даетъ ли повода къ предположенію, что у языческихъ Славянъ были два разные мѣсяца: сѣчень и снѣжнъ, слѣдовавшіе за просинцомъ и слившіеся по введеніи христіанскаго календаря? И въ такомъ случаѣ не дѣлился ли славянскій годъ на 13 мѣсяцевъ, по крайней мѣрѣ иногда, по временамъ? Большая часть древнихъ названій мѣсяцевъ сохраняется доселѣ у южныхъ и западныхъ Славянъ, но названія такъ перемѣшаны, что это прямо ведетъ къ заключенію объ измѣненіи древняго порядка въ счетѣ мѣсяцевъ. Вотъ сравненіе древняго порядка мѣсяцевъ съ существующимъ нынѣ на югѣ и западѣ славянства:

	Древній порядокъ.			Великорусское.	Малорусское.	Болгарское.	Сербское.
	По Евангелію 1056 года.	По Евангелію 1144 года.	По Полоц. харат. Ев.				
Январь . . .	Просинець.	Просинець.	Проснець.	—	Січень.	{ Студени Го- слеми Студени	—
Февраль . . .	—	Сѣчень.	Снѣжнъ.	Бокотрѣй.	Лютый.	—	—
Мартъ . . .	—	Сухый.	Сухый.	—	{ Березозоль. Березень.	Лажу.	—
Апрѣль . . .	—	Березозоль.	Безъ р	—	Квитень.	—	—
Май	—	Травный.	Травень.	Муръ.	Травень.	Лѣтень.	Свибанъ
Юнь	—	Изокъ.	Изоб	—	Червень.	—	—
Юль	—	Червень.	Черень.	{ Снѣзорникъ Страдникъ.	Лилецъ.	Горешникъ.	—
Августъ . . .	Заревъ.	Зареєъ.	Заѣвъ	{ Зарникъ. Зарничникъ.	Серпень.	—	—
Сентябрь . .	—	Рюень.	Рюинъ.	Заревникъ.	Вересень.	—	—
Октябрь . . .	—	Листопадъ.	—	Грязникъ.	{ Паздерникъ Жовтень.	—	—
Ноябрь . . .	—	Грудень.	—	—	Листопадъ.	—	—
Декабрь . . .	—	Студеный.	—	—	{ Грудень. Студень. Просинець.	Коложегъ.	—

	Чешское.		Хорватское.	Польское.	Словакское.	Хорутанское.	
	Древнее.	Нынѣшнее.					
Январь . . .	—	Леденъ.	Сѣчанъ.	Стычень.	—	—	{ Зимецъ Прозимецъ } Вендск.
Февраль.	—	Уноръ.	Вѣляга.	Лютый.	Березень.	Сѣчанъ.	—
Мартъ . . .	—	Вржезепъ.	Ожуйнъ.	Вржезень.	—	—	{ Позимскій (Сораб.). Сушець (Карніол.).
Апрѣль . . .	—	Дубень.	Травень.	Цвѣтень.	Цвѣтень.	Малый Тра- вень.	{ Налѣтній. } (Сораб.). Ячманъ
Май	—	Квѣтень.	Сазбанъ.	—	—	Великій Тра- вень.	Желтопушникъ (Вен.).
Юнь	—	Червень.	Липанъ.	Червецъ.	Червень.	Кресникъ.	{ Смазникъ (Сораб.). Клионъ (Краинск.).
Юль	—	Червенець.	Серпацъ.	Лилецъ.	Жаръ.	Малый Сер- панъ.	—
Августъ . . .	—	Серпень.	Коловозъ.	Серпень.	Серпень.	Великій Сер- панъ.	Женць, Працникъ. (Сораб.).
Сентябрь . .	Заруй.	Заржи.	Руянъ.	Вржесень.	Вресень.	—	{ Назимскій. (Сораб.). Лѣсенникъ (Вендск.).
Октябрь . . .	Руень	Рженъ.	{ Листопадъ. Паздерникъ.	Паздерникъ.	—	—	Винскій.
Ноябрь . . .	—	{ Литошный. Листопадъ. Падолистъ.	Студень.	Листопадъ.	Листопадъ.	Листопадъ.	—
Декабрь . . .	—	Просинець.	Просинець.	Грудень.	—	Грудень.	—

Изъ этого сопоставленія видно, что декабрь (студеный), называемый въ нынѣшней практикѣ „грудень“ и „просинець“, смѣшивается съ древнимъ Груднемъ (ноябрь) и Просинцомъ (январь), называемымъ у нынѣшнихъ Болгаръ „студени“; что названіе „березозоль“ перешло съ апрѣля на мартъ, названіе „травень“ съ мая на апрѣль, названіе „червень“ съ іюля на іюнь, названіе „заревъ“ съ августа на сентябрь въ испорченной формѣ „заруй“, которая однако же подходит и къ слову „руянь“, представляющему измѣненіе древняго „рюень“; наконецъ названіе „листопадъ“ перенесено съ октября на ноябрь. Такимъ образомъ, названія мѣсяцевъ у нынѣшнихъ Славянъ хотя и носятъ на себѣ отпечатокъ древности, однако жъ древность утратила въ нихъ значительную долю своей истины. Такъ, Хорутане изъ древняго травня (май) сдѣлали два: малый травень=апрѣль, и великій травень=май, что произошло, вѣроятно, отъ того, что Хорваты названіе Травень перенесли съ мая на апрѣль, Хорутане же, усвоивъ это перенесеніе, оставили и за маемъ древнее его названіе. Сбивчивость произошла, конечно, по причинѣ несоотвѣтствія языческихъ мѣсяцевъ римскимъ, а также впоследствии отъ введенія въ практику Григоріанскаго календаря, совершенно уничтожившаго смутныя преданія объ отношеніи календаря языческаго къ календарю христіанскому.

Всматриваясь въ древнія славянскія названія мѣсяцевъ, нельзя не придти къ убѣжденію, что этими названіями охарактеризованы черты времени года, идущія послѣдовательно одна за другою. Но тутъ является вопросъ: въ какое же время могъ бы начинаться языческой годъ? Выше я выразилъ догадку, что годъ этотъ могъ начинаться лѣтомъ въ періодъ развитія природы послѣ зимняго оцѣпенѣнія и даже въ періодъ полного его процвѣтанія, но лѣтнее время начиналось во второй половинѣ мая, а между тѣмъ и предшествующее весеннее время состояло въ тѣсной связи съ лѣтомъ. Надобно полагать, что начало языческаго года зависѣло отъ солнца, которое русскіе язычники боготворили подъ именемъ Дажьбога и о которомъ въ Ипатьевской лѣтописи находится слѣдующая легенда: „и бысть по потопѣ и по раздѣленіи языкъ нача царствовати первое Местромъ, отъ рода Хамова, по немъ Еремія (т. е. Гермесъ), по немъ Феоста, иже и Сварога нарекоша Египтяне; царствующю сему Феостѣ въ Египтѣ, въ времена царства его спадоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье, преже бо того палицами и каменіемъ бяхуся. Тѣи же Феоста законъ устави женамъ за единъ мужъ посягати... сего ради прозваша и богъ Сварогъ... Феостъ же... встави единому мужю едину жену имѣти... Сего ради прозваша и Сварогомъ и блажиша и Египтяне. И по семъ царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ, бѣ бо мужъ силенъ... и не хотя отца своего закона разсыпати Сварожа, поемъ съ собою“, и проч. (Пол. Собр. Лѣт., т. II, стр. 5).—Здѣсь Феоста есть никто иной какъ Ифестонъ, Вулканъ, о которомъ Діодоръ Сицилійскій пишетъ, что огонь по толкованію называется Ифестономъ и его за великаго бога почитать должно, такъ какъ онъ много способствуетъ къ произведенію всего и къ совершенному возвращенію, что нѣкоторые изъ египетскихъ жрецовъ почитаютъ за перваго царя Ифеста, нашедшаго огонь и за то получившаго царство; что послѣ Ифеста царствовали Кронъ, потомъ Озирисъ, а затѣмъ Оръ, котораго считаютъ за Аполлона, и что отъ Крона произошли пять египетскихъ боговъ: Озирисъ, Изида, Тифонъ, Аполлонъ и Афродита, изъ которыхъ каждый родился въ одинъ изъ високосныхъ, т. е. добавочныхъ дней, а такихъ дней было именно пять, что и до нынѣ хранятъ Копты. Эти боги назывались Кабирами и по Геродоту происходили отъ Ифеста. Итакъ, славянскій Сварогъ былъ богъ огня или прямо само солнце, а его сынъ Дажьбогъ былъ богъ Солнца или само солнце. Въ Несторовой лѣтописи исчисляется, кромѣ Дажьбога, также пять боговъ: Перунъ, Хърсъ, Стрибогъ, Смарыгль и Мокошь (П. С. Л., I, 31); то же

пять боговъ показывается и въ Паисіевомъ Сборникѣ, XIV в., гдѣ, впрочемъ Стрибогъ, упомянутый въ словѣ о полку Игоревѣ, пропущенъ, а въ замѣнъ его изъ Симарьгла сдѣлано два: Симъ и Рьгль, при чемъ указывается на Виль: „вѣрують въ Перуна и въ Хорса и въ Мокошь и въ Сима и въ Рьгла и въ Вилы, ихже числомъ Г. Θ (т. е. тридевять=27) сестриниць глаголють невѣгласи и мнять богинями; и та покладывахуть имъ требы и куры имъ рѣжутъ и огневѣ молятся, зовуще его Сварожичемъ и Чесновитомъ, богомъ же его творять“ (Христом. Буслаева, стр. 519, 520). А какъ сыномъ Сварога=огня былъ Дажьбогъ=солнце, праздника которому отправлялись вслѣдъ за празднествомъ Сварогу, то, очевидно, Вилы принадлежали къ культу Сварога и Дажьбога: Сварогу молились, принося жертвы Видамъ. Не знаю, вѣрнѣе ли Паисіева Сборника показаніе Златой Цѣпи, въ которой, по списку XIV в., значится Л=30 виль? Впрочемъ, въ своемъ мѣстѣ это будетъ принято въ соображеніе. Изъ собранныхъ покойнымъ Сахаровымъ обычаевъ народныхъ видно, что въ ночь на Ивановъ день, т. е. на 24 іюня, совершается обрядъ скаканія черезъ огонь ¹⁾, а 29 числа смотрятъ на солнце и примѣчаютъ его игру ²⁾; объ этомъ же послѣднемъ днѣ существуютъ такія поговорки: „съ Петрова дня красное лѣто, зеленой покось“, „женское лѣто на Петровъ день“ ³⁾. Эти данныя позволяютъ заключить: 1) что Дажьбогъ, какъ солнце, представлялъ славянскій годъ, который начинался въ срединѣ лѣта, когда солнце находилось въ зенитѣ; остающіеся отъ язычества обряды скаканія черезъ огонь и смотрѣнія на солнце суть не что иное, какъ древній обычай новолѣтняго праздника, при которомъ приносились жертвы огню=Сварогу и солнцу=Дажьбогу, оживителямъ природы; особенно важенъ былъ Дажьбогъ, внукомъ котораго почитался русскій народъ и котораго чтили какъ силу, обезпечивающую пропитаніе и вообще благосостояніе этого народа. Если пять русскихъ боговъ счесть подобными египетскимъ кабирамъ, то понадобится допустить и прибавочные дни къ славянскому году, начало котораго совпадаетъ съ началомъ года Олимпіадъ и съ началомъ Метонова луннаго цикла, рассчитаннаго съ 27 іюня 432 года до Р. Х. 2) Что упомянутые въ Ипатьевской лѣтописи 7470 дней будто бы составляли 20 лунныхъ лѣтъ; но въ древности русскимъ писателямъ было извѣстно, хотя бы, напримѣръ, изъ Георгія Амартола, что лунный годъ считался въ 354 дня, почему означенное число дней соответствуетъ 21 лунному году; а какъ этотъ годъ дѣлился на 13 мѣсяцевъ, то въ каждомъ мѣсяцѣ содержалось 27 дней ⁴⁾. 3) Что 27 виль могутъ знаменоватъ этотъ 27 дневный составъ мѣсяца откуда славянскій 13 мѣсячный годъ получится ровно въ 351 день, а съ 15 прибавочными днями въ 356 дней, т. е. близкій къ году Нумы (354 д.) и особенно къ году вавилонскому (355 д.). Если все это такъ, то можно полагать, что Русскіе имѣли мѣсяцъ драконическій; а какъ 13 такихъ мѣсяцевъ не достигаютъ до Юліанскаго года на 14 дней, то язычники Славяне, имѣвшіе связи съ Греками, сблизжали какимъ-либо особымъ способомъ свой годъ съ Юліанскимъ, распредѣляя, напримѣръ, 12 дней по мѣсяцамъ, въ видѣ добавокъ, а 2 дня посвящая Сварогу и Дажьбогу разъ въ году. Можетъ быть, именно для уравненія языческаго года съ христіанскимъ произведено 30 виль, но въ такомъ случаѣ число это будетъ относиться не къ языческому, а къ христіанскому году, т. е. къ году въ 12 мѣсяцевъ, такъ что свои праздники язычники могли отправлять по языческому календарю, съ христіанами же сноситься по календарю Юліанскому. Итакъ, принимая за начало славян-

¹⁾ Густынская лѣтопись, описывая этотъ обрядъ, говоритъ, что праздникъ Кушалы продолжается отъ вечера 23 іюня до жатвы и далѣе (Пол. Собр. Лѣт., т. II, стр. 257).

²⁾ Сказ. Русск. Нар., кн. 7, стр. 37—42.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ По словамъ Максимовича, „на Украинѣ извѣстенъ мѣсяцъ Чернецъ, который народился бы и изшелъ бы въ великій постъ“ (т. II, стр. 463). Очевидно, мѣсяцъ этотъ былъ бы менѣе 30 дней и, по всей вѣроятности, составилъ бы 13 мѣсяцевъ. По народному повѣрью, годъ съ мѣсяцемъ Чернецомъ—роковой: „якъ буде мѣсяцъ Чернецъ, то будей свѣту конецъ“.

скаго года приблизительно средину между лѣтнимъ солнцестояніемъ и Петровымъ днемъ, т. е. 21 іюня, увидимъ, что первымъ мѣсяцемъ года былъ мѣсяць *Изокъ*, въ которомъ совершалось празднованіе огню, солнцу и купалѣ. Надобно замѣтить, что въ годъ самой поздней Пасхи начинается съ 20 іюня седмица Всѣхъ Святыхъ, на которой народъ доселѣ совершаетъ проводы весны, а это, безъ сомнѣнія, остатокъ обычая глубокой древности; въ иныхъ же мѣстахъ весну провожаютъ 30 іюня¹⁾, почему и не удивительно, что въ лѣтописяхъ первыя числа іюля иногда причисляются къ веснѣ. Объ этомъ мѣсяцѣ Калайдовичъ писалъ Карамзину слѣдующее: „сіе имя дано ему, какъ вѣроятно, отъ пѣвчей птицы, которая, можетъ быть, появляется въ іюнѣ; доказательство отыскано мною въ Шестодневѣ Василия Великаго, книгѣ, переведенной, думаю, Іоанномъ, Экзархомъ Болгарскимъ въ концѣ IX или въ началѣ X вѣка; она поднесена князю Болгарскому Симеону и списана въ Сербскомъ монастырѣ Преображенія на Аѳонской горѣ въ 1263 году при Сербскомъ королѣ Стефанѣ Урошѣ. Сочинитель предисловія, описывая красоты весны и лѣта, говоритъ о соловьяхъ, сояхъ, иволгахъ, желняхъ, щурахъ, ласточкахъ, скворцахъ, изюлькахъ... Слышимъ пѣснивые птицы, различными гласы поюще пѣсни красныя, славянскія же поюще, косы же и сое, влѣны и жлѣны, щоры же и изоки, ластовицы же и сковранѣце и ины птице“²⁾. Затѣмъ Калайдовичъ посвятилъ изюку особое примѣчаніе въ своемъ изслѣдованіи объ Іоаннѣ экзархѣ Болгарскомъ (1824 г., на стр. 115 и 116), гдѣ привелъ данныя, по которымъ выходитъ, что изюкъ есть *τέττιξ*, cicada, т. е. кузнечикъ, значить не птица, а насѣкомое. Но что изюкомъ называлась птица, а не насѣкомое, доказываетъ то одною рукописью XIII вѣка, въ которой св. Іоаннъ Златоустъ именуется „краснопѣвнымъ изюкомъ“³⁾, приравнивать же достоинства такого святителя къ насѣкомому по меньшей мѣрѣ странно; при томъ же между насѣкомыми нѣтъ такихъ видовъ, которыхъ бы можно было назвать „краснопѣвными“ и поставить рядомъ съ соловьемъ. Пускай памятники и кузнечика называютъ изюкомъ, но „краснопѣвный изюкъ“ все-таки птица, а не насѣкомое. Какая же птица называлась изюкомъ, положительно это неизвѣстно; скорѣе всего то былъ жаворонокъ, пѣвецъ весенній, который поетъ, взлетая къ небу, къ солнцу, и перестаетъ пѣть около конца іюня, когда совершались празднества огню и солнцу; отсюда можно бы заключить, что жаворонокъ принадлежалъ къ культу Дажьбога.—Слѣдующій мѣсяць *Червень* долженъ былъ начинаться около 17 іюля, а затѣмъ *Заревъ* около 15 августа. Если названіе „Червень“ сопоставлять съ словомъ „червонный“ или „червчатый“, то оно будетъ значить „красный“; съ этимъ, пожалуй, сходится и народное повѣрье о томъ, что на 8 іюля является сама собою камаха, краска, червецъ⁴⁾; но принимая въ соображеніе народную же поговорку: „въ іюлѣ на дворѣ пусто, да на полѣ густо“, можно бы названіе „червень“ производить отъ слова „черево“, чрево, и въ такомъ случаѣ оно значило бы „чреватый“, тучный. Что касается названія „Заревъ“, то оно, очевидно, происходитъ отъ зарницы, начинающей мелькать съ половины іюля, который тульскіе жители называютъ „сѣнозорникомъ“⁵⁾; въ другихъ же мѣстахъ „зарникомъ“ называютъ августъ, что очень совпадаетъ съ приблизительнымъ опредѣленіемъ времени зари. Съ окончаніемъ зарницъ наступало бабье лѣто—проводы лѣта; нынѣ въ народѣ терминъ этотъ дѣлится на двое: съ 15 по 29 августа молодое бабье лѣто, а съ 1 по 8 сентября просто бабье лѣто, иначе бабій праздникъ, бабьи работы. Это какъ разъ сходится съ опредѣляемымъ теперь началомъ мѣсяца Рюень, Рюинъ, падающимъ на десятое сентября. Значитъ то, что мы называемъ нынѣ бабьимъ лѣтомъ, было нѣкогда концомъ мѣсяца Зарева, послѣдняго лѣтняго мѣсяца. Названіе „рюень“ толковали различно, сводя его съ словами „рю-

¹⁾ Сказ. Русск. Нар., кн. 7, стр. 42 и 93.

²⁾ Ист. Госуд. Рос., т. I, прим. 159, по изд. Сленина.

³⁾ Опис. Слав. Рукоп. Моск. Синод. Библ. № 163, стр. 424.

Труды 8-го археол. съѣзда въ Москвѣ 1890 г. т. III.

⁴⁾ Сл. Рус. Нар., кн. 7, стр. 43.

⁵⁾ Тамъ же.

мить“, „ревѣть“. Лучшимъ объясненіемъ Карамзинъ признавалъ слѣдующее: „Сербы называютъ *руемъ* или *рюемъ* желтое деревцо (желтникъ, *Rhus cotinus*, *Rueneu Baum*; *Gell Holz*, по волошки—дацикъ), употребляемое въ краску. Они и все желтое—напримѣръ, вино—называютъ *руино*, *рувино* (см. Сербскій словарь Вука Стефановича). Славяне дали сентябрю имя желтаго (рюена) отъ желтѣющихъ тогда древесныхъ листьевъ (октябрь называли у нихъ *листопадомъ*)¹⁾. Все это очень вѣроятно, однако же въ виду такого объясненія не слѣдуетъ пренебрегать и прежнюю замѣтку Карамзина, указывавшаго на старый переводъ одной византійской лѣтописи, въ которой, при описаніи царствованія Михаила Дуки, говорится: „по сихъ же просѣдоша нашествія варварская, и паки дохнувше вихрь отсюду и шумы воспушаху и *руянїя творяху*: не баше бо корабника, на сихъ помогающаго“²⁾. Если существовало слово „руянїе“ употребленное въ смыслѣ волненія, то, конечно, былъ и глаголь „руять“; дѣйствительно, въ древнемъ переводѣ хроники Манассїи пишется: „яки потоцы тяжко рующея яко же смръчь градъ хотѣху поглытити“³⁾. Въ словахъ: руянїе, руять очень виденъ корень *руй*, отъ котораго, безъ сомнѣнїя, происходитъ и слово струя⁴⁾; а какъ отсюда слово „руянїе“ получаетъ смыслъ быстрого теченія, сильнаго напора воды, то названїе „рюень“, или по Хорватски „руянь“⁵⁾ означаетъ время, слѣдующее за меженью, когда рѣки, наполняясь, текутъ быстрѣе⁶⁾. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы отдать предпочтенїе древнему значенію слова „роянїе“, „рюянїе“, такъ какъ существующія въ новосербскомъ языкѣ похожія слова могли имѣть въ древности отличный отъ нынѣшняго смыслъ, или же могли образоваться особиль путемъ, подобно слову „сбруа“⁷⁾, не имѣющему родовой связи съ словами „руянїе“ и „струа“.—Начало слѣдующаго мѣсяца *листопада* приурочивается ко времени около 7 октября, къ которому относится народная поговорка: „позднїй листопадъ на тяжелый годъ“; этою поговоркою характеризуется время отъ середины октября, когда въ самомъ дѣлѣ бываетъ иногда позднїй листопадъ. За этимъ мѣсяцемъ слѣдовалъ мѣсяць *Груденъ*, котораго начало падаетъ на время около 3 ноября. Этотъ-то именно мѣсяць и упомянутъ въ Несторовой лѣтописи подъ 1097 годомъ: „онѣмъ же обѣдавшимъ поидоша съ нимъ вскорѣ на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣсяць груденъ, рекше ноябрь, и придоша съ нимъ Володимерю въ 6 день“ (Пол. Собр. Лѣтоп., т. I, стр.). Что значить „грудный путь“, объясняетъ это первая Псковская лѣтопись, гдѣ подъ 1558 годомъ повѣствуется: „зима тогда была гола безъ снѣгу съ Рождества Христова, и ходъ былъ конемъ нужно грудовато“ (тамъ же, т. IV, стр. 310). Въ спискѣ Библии 1499 года сказано: „напоити и съ грудїемъ отъ пряжи сада его“⁸⁾; здѣсь „грудїе“ значитъ глыба (*Βόλος*). Итакъ, „груденъ путь“ есть бездорожица, мерзлая кочковатая земля, покрытая грудами⁹⁾. А какъ путь ко Вла-

1) Ист. Гос. Рос., т. VIII, прибавл., стр. 129. 2) Тамъ же, т. I, прим. 159. 3) Русск. Историч. Собрн., т. VI, стр. 22.

4) Будиловичъ: „струа также выражала воду проточную, какъ нѣм. *Strom*, греч. *ρῆμα*, лат. *rivus*, отъ *ru fluere*, или стремительную, какъ рус. стрижень быстрина рѣки“. (Изв. Нѣж. Инст. кн. Безбородко, т. III, прил., стр. 282).

5) Формы: „рюень“ и „руянь“ произведены, конечно, разностью нарѣчїй и между собою столько же сродственны, сколько и формы „стриюецъ“ и „струецъ“, „южикъ“=„ужикъ“, „юный“=„уный“. Изъ того же корня „руй“=„руй“ выработались рѣченїя: рвать, рвенїе, рѣять.

6) Примѣръ: „стояше вся осенина дѣждева отъ Госпожина дни до Корочюна, тепло, дѣждъ и бы вода велика вельми въ Волховѣ и всюдѣ, сѣно и дрѣва разнесе“ (Пол. Собр. Лѣтоп., т. III, стр. 9).

7) Въ писцовой книгѣ XVI в. упомянута въ Вяземскомъ уѣздѣ мѣстность Бруево (Писц. Кн., изд. 1872 года, отд. II, стр. 580).

8) Опис. Слав. Рукоп. Моск. Синод. Библ., № 1—3, стр. 106.

9) Издатели II тома Пол. Собр. Лѣтоп. сводятъ съ этимъ словомъ—слово *руны*, толкуя это послѣднее „гололедицею“, такъ какъ оно поставлено въ извѣстїи о зимнемъ событїи (стр. 193, вар. 6). Но въ лѣтописяхъ слово „груны“ встрѣчается еще не одинъ разъ. Выпишу всѣ случаи: а) „стрѣльцемъ стрѣляющимся межї полкома, поидоша къ собѣ на грунахъ обои, и покрыша поле Юрьевское, и Богъ поможе Всеволоду Юрьевичю мѣсяца іюня въ 27 день“. (П. С. Л. I, подъ 1177 г.); б) „Василкови же князю инѣмъ полкомъ рекшу, да поидуть тихо на грунахъ, и своему

диміру былъ оконченъ въ мѣсяцѣ Грудномъ 6 ноября, то наше опредѣленіе начала этого мѣсяца оказывается близкимъ къ истинѣ. Къ тому же мѣсяцу необходимо приурочить упомянутый выше терминъ „Корочюнь“, какъ послѣдній предѣлъ осенины, съ котораго земля окончательно покрывается корою, т. е. слоемъ льда, и затѣмъ наступаетъ мѣсяцъ *Студеный*, время морозовъ, долженствовавшей начинаться около 30 ноября; совпаденіе этого мѣсяца съ ноябремъ и декабремъ весьма легко могло быть поводомъ къ лѣтописному и народному зачету начало декабря за осень.— Около 27 декабря начинался мѣсяцъ *Просинецъ*, слѣдовавшій за зимнимъ солнцестояніемъ. Названіе это объясняется тѣмъ, что съ поворота солнца начинаетъ мало-по-малу прибывать день, воздухъ постепенно проясняется, осенняя мгла рѣдѣетъ и на небѣ проявляется просинь, болѣе и болѣе увеличивающаяся. Нынѣ на 1 января совершается нѣкоторый обрядъ, сопровождаемый припѣвомъ „овсень“. Слово это очень напоминаетъ слово „овесь“ и совпадаетъ съ словомъ „осень“, можетъ быть, представляющимъ сокращеніе слова „овсень“, которое могло означать предѣлъ времени овса. Нельзя ли отсюда заключить, что „овсень“ былъ нѣкогда праздникомъ проводовъ осени и не былъ ли онъ когда нибудь въ концѣ грудня или въ началѣ студенаго? Празднество это могло перейти на святки и приурочиться къ Васильеву вечеру по той причинѣ, что въ христіанскій періодъ оно приходилось въ постное время. Впрочемъ, изъ указа царя Алексѣя Михайловича, 1649 года, видно, что *Усень* (конечно, оvsень) кликали вмѣстѣ съ колядою, въ навечеріи Рождества Христова ¹⁾; значитъ, къ настоящему времени оvsень или усень передвинулся впередъ на восемь дней; почему же не могло быть такого передвиженія и прежде XVII вѣка?—Къ 23 января примыкаетъ начало мѣсяца, называвшагося *Снѣжень*, а за нимъ съ 19 февраля надобно полагать *Снѣжень* ²⁾. Названія эти очень вѣрно характеризуютъ погоды съ конца января до половины марта, когда не рѣдко бываютъ сильные сѣкущіе вѣтры съ морозомъ и большіе снѣга. Народъ говоритъ на 20 января: „помело метлой на масляну, придетъ государыня мятельная“, а на 1 марта: „на Евдокью снѣгъ къ урожаю“, а это уже послѣдніе снѣга, къ которымъ, вѣроятно, приурочивались проводы зимы, сдѣлавшіеся принадлежностью масляницы, хотя она и бываетъ при ранней Пасхѣ въ мѣсяцѣ сѣченѣ, т. е. въ концѣ января. Первый мѣсяцъ весенній, *Сухый* начинался около 18 марта, когда снѣга уже пропадаютъ и земля мало-по-малу освобождается отъ ледяной коры и высыхаетъ. Безъ сомнѣнія, къ этому времени относится поговорка: „февраль бокогрѣй воду подпуститъ, а мартъ подберетъ“, очевидно, произшедшая въ языческое время и при перенесеніи ея въ христіанскій періодъ получившая не вполне удачное примѣненіе къ времени. Память о мѣсяцѣ сухомъ сохранилась въ другой поговоркѣ: „коли мартъ сухъ да мокоръ май, такъ будетъ каша и коровай“. Еще замѣчаніе о проводяхъ зимы, совершаемыхъ въ среду на пятой недѣлѣ Великаго поста: при самой ранней Пасхѣ это бываетъ 11 марта ³⁾ т. е. падаетъ на мѣсяцъ Снѣжень, а при самой поздней Пасхѣ—7 апрѣля, т. е. въ мѣсяцѣ сухомъ; средній выводъ опредѣляетъ проводы зимы 24 марта, какъ разъ на то число, съ котораго памятники назначаютъ начало весны (см. выше). Около 14 апрѣля долженъ былъ начинаться мѣсяцъ *Березозоль* ⁴⁾, т. е. время, въ которое деревья принимаютъ свою силу, а это время или

полку тако же... Ятвяземъ же видившимъ скорое пришествіе, и не стерпѣша и увратишася на бѣгъ... многимъ же летѣвшимъ другъ на друга, бѣ бо ледъ ползокъ“ (т. II, подъ 1256 годомъ); в) „Татарове персѣявша на сю сторону, и удариша въ кони своя и скочиша вборзѣ, и нукнуша гласы своими, и повдоша на грунахъ и токнуща напихъ 11 августа“ (т. IV, подъ 1379 годомъ). Итакъ слово груны вовсе не значить гололедица и не имѣетъ связи съ груднымъ путемъ; это скорѣе особый приемъ наступленія войска на войско. ¹⁾ Сказ. Рус. Нар., кн. 7., стр. 99.

²⁾ Не этотъ ли Снѣжень слыветъ на Украинѣ подъ именемъ *Чернеца*?

³⁾ Чехи провожаютъ зиму и встрѣчаютъ весну 1 марта (Ист. Гос. Рос., т. I, прим. 232), а 1 число юманскаго марта соотвѣтствовало 11 числу григоріанскаго марта.

⁴⁾ Въ одной рукописи XVI вѣка замѣчено: „второй мѣць ѣ Травень. первый бо ѣ березозоль. березозоль бо въ

этот мѣсяць чехи именно и называютъ „Дубень“. Не думаю, чтобы было справедливо мнѣніе Карамзина, полагавшаго, „что Славяне жгли березовую золу для щелока въ апрѣлѣ“¹⁾. Такъ какъ въ языческой древности не существовало поташныхъ заводовъ, а золу всякая семья могла получать прямо изъ своей печки, какъ это въ деревняхъ дѣлается и нынѣ, то апрѣль, въ качествѣ „березозола“, и не могъ зависѣть отъ щелока. Языческое названіе его скорѣе могло произойти отъ того, что въ началѣ весны поселяне жгли подсыку, т. е. выжигали мѣсто для посѣвовъ, при чемъ все выжженое превращалось въ золу, а зола составляла удобреніе земли. Начало весны характеризуется такою поговоркою: „ни въ мартѣ воды, ни въ апрѣлѣ травы“; древность этой поговорки можетъ быть признана по тому, что она легко перелagается такъ: „ни въ сухомъ воды, ни въ березовомъ травы“. Затѣмъ слѣдующій мѣсяць и былъ *Травень*, начало котораго совпадало съ временемъ около 11 мая и къ которому чрезвычайно вѣрно примѣняется поговорка: „Егорій съ водою, а Никола съ травой“. Егорьевъ же день (23 апрѣля) падаетъ на Березозоль, а Николинъ день (9 мая) почти совпадаетъ съ началомъ Травня. На одинъ изъ этихъ трехъ мѣсяцевъ приходилась Радунца, а на Травень Русалы. Затѣмъ славяно-русскій годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Июль.	Червень.	Заревъ.	Рюевъ.	Листопадъ.	Грудень.	Студеный.	Просионецъ.	Сѣчень.	Снѣжанъ.	Сухой.	Березозоль.	Травень.	Лишніе дни отъ юліанскаго года.
1	21 июл.	18 июл.	14 авг.	10 сен.	7 окт.	3 июлб.	30 нояб.	27 дек.	23 янв.	19 фев.	18 мар.	14 апр.	11 мая.	7 июл.
2	22	19	15	11	8	4	1 дек.	28	24	20	19	15	12	8
3	23	20	16	12	9	5	2	29	25	21	20	16	13	9
4	24	21	17	13	10	6	3	30	26	22	21	17	14	10
5	25	22	18	14	11	7	4	31	27	23	22	18	15	11
6	26	23	19	15	12	8	5	1 янв	28	24	23	19	16	12
7	27	24	20	16	13	9	6	2	29	25	24	20	17	13
8	28	25	21	17	14	10	7	3	30	26	25	21	18	14
9	29	26	22	18	15	11	8	4	31	27	26	22	19	15
10	30	27	23	19	16	12	9	5	1 фев.	28	27	23	20	16
11	1 июл.	28	24	20	17	13	10	6	2	1 мар.	28	24	21	17
12	2	29	25	21	18	14	11	7	3	2	29	25	22	18
13	3	30	26	22	19	15	12	8	4	3	30	26	23	19
14	4	31	27	23	20	16	13	9	5	4	31	27	24	20
15	5	1 авг.	28	24	21	17	14	10	6	5	1 апр.	28	25	
16	6	2	29	25	22	18	15	11	7	6	2	29	26	
17	7	3	30	26	23	19	16	12	8	7	3	30	27	
18	8	4	31	27	24	20	17	13	9	8	4	1 мая.	28	
19	9	5	1 сен.	28	25	21	18	14	10	9	5	2	29	
20	10	6	2	29	26	22	19	15	11	10	6	3	30	
21	11	7	3	30	27	23	20	16	12	11	7	4	31	
22	12	8	4	1 окт.	28	24	21	17	13	12	8	5	1 июл.	
23	13	9	5	2	29	25	22	18	14	13	9	6	2	
24	14	10	6	3	30	26	23	19	15	14	10	7	3	
25	15	11	7	4	31	27	24	20	16	15	11	8	4	
26	16	12	8	5	1 нояб.	28	25	21	17	16	12	9	5	
27	17	13	9	6	2	29	26	22	18	17	13	10	6	
	Лѣто.			Осень.			Зима.			Весна.				

20 ты единъ день настаетъ весна... повелѣ творити Пасху въ првыи мѣцѣ. еже і мартѣ рекомъи сухой“ (Опис. Слав. Рукоп. Моск. Синод. Библ., № 110, стр. 31). Здѣсь, очевидно, смѣшаны березозоль и сухой, а отнесеніе начала весны къ 21 марта есть знакъ христіанства, потому что число это составляетъ предѣль, отъ котораго начинается обращеніе 35 пасхальныхъ ключей.—Максимовичъ (т. II, стр. 463) говоритъ, „что Березнемъ называется въ народѣ собственно тотъ небесный мѣсяць, который нарождается въ великій постъ и котораго исходъ бываетъ обыкновенно въ апрѣлѣ“, а по церковному луннику при 8 кругѣ луны ущербъ полагается 12 апрѣля, именно около опредѣленнаго теперь термина.

¹⁾ Ист. Гос. Рос., т. I, прим. 159.

Итакъ языческій годъ могъ быть короче юліанскаго: простого на 14, а високоснаго на 15 дней. Изъ примѣненія такого года къ вѣку Трояна (забудемъ выше приведенную выкладку, основанную на игрѣ словъ) получаютъ слѣдующіе выводы: считая вѣкъ этотъ въ тысячу лѣтъ и переводя языческіе годы (по 351 дню) въ годы юліанскіе (по 365 дней), увидимъ, что вѣкъ Трояновъ могъ совпадать почти съ 962 юліанск. годами, исключивъ это число изъ 1067 лѣтъ по Р. Х. (=6575 л. отъ с. м.), получимъ 105 годъ по Р. Х., въ которомъ Римскій императоръ Траянъ окончательно покорилъ Даковъ, т. е. придунайскихъ Славянъ. Отсюда можно вывести заключеніе, что Славяне, удалившіеся въ Задунайскія страны, унесли съ собою имя Траяна, которое впоследствии превратили въ Трояна и сдѣлали изъ него мифъ творца Русской земли. Однако-же, произведенный такимъ образомъ расчетъ указываетъ лишь на начало Славяно-Русскаго міра, но не опредѣляетъ дѣйствительнаго Троянова вѣка, такъ какъ онъ выведенъ тысячелѣтнему вѣку, а такой вѣкъ существовалъ у христіанъ, языческіе же вѣка неизвѣстны, почему Трояновы вѣка и надобно начать съ возникновеніи Славяно-Русскаго міра, приблизительно съ 105 года по Р. Х. и отсюда уже считать 6 — 7 вѣковъ до 1067 года; такимъ способомъ Трояновъ вѣкъ опредѣлится не болѣе, какъ въ 148 юліанскихъ лѣтъ ¹⁾. Впрочемъ, несмотря на все это, я остаюсь при прежнемъ убѣжденіи, въ томъ, что Троянъ былъ славянскій герой, неизвѣстно когда жившій и неизвѣстно съ котораго времени попавшій въ число славянскихъ мифовъ, и что имя его славянское, а не выдѣланное изъ латинскаго „Траянъ“, Trajanus. Вышеприведенныя расчисленія представляю отнюдь не въ видѣ положительныхъ истинъ, а только указываю или на возможность выслѣдить славянскую языческую хронологію по другимъ болѣе выпуклымъ даннымъ, на которыя, по всей вѣроятности, нападутъ будущіе изслѣдователи.

Теперь надобно сказать нѣчто о Радуницѣ и о Русальяхъ, составлявшихъ термины въ языческомъ времечисленіи.

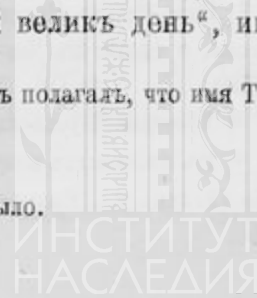
РАДУНИЦА. Отъ корня *radъ* произошли многія слова и между прочимъ слово „рада“ = собраніе, сборище, сходна, а отъ этого слова выродилось слово „Радуница“, которую называли „навій день“. Въ одной рукописи XII—XIII в. слова *ἐκ νεκρῶν ἀνέστη* переведены словами „изъ навии въскресе“ ²⁾; поэтому „навье“ значитъ мертвецъ, тѣнь, призракъ. (Слово это см. въ I т. Пол. Собр. Лѣтоп., стр. 89 и 92.) Въ Псковской лѣтописи упомянуть, подъ 1496 годомъ „самъ-навской великъ день“, бывшій тогда 12 апрѣля, а это число падало на вторникъ Фоминой недѣли, т. е. на тотъ же день, къ которому лѣтописи относятъ радуницу ³⁾ и въ который она отправляется доселѣ. Итакъ радуница была посвящена тѣнямъ предковъ, въ честь которыхъ отправлялась на могильникахъ тризна, т. е. поминальный пиръ, съ приношеніемъ жертвъ праотцамъ. Въ христіанскій періодъ радуница хотя и приурочена къ вторнику Фоминой недѣли, т. е. къ 10 дню послѣ Пасхи, однако-жъ сохранила въ себѣ языческій характеръ: въ тризну ввели служеніе панихидъ, самый же пиръ остался почти по прежнему; замѣнены только языческія жертвы приношеніемъ покойникамъ красныхъ яицъ (не жертва-ли?), а возліянія въ честь ихъ бывають обильны, нисколько не меньше древнихъ возліяній, и столько-же веселы, какъ и послѣднія. Радуница упоминается въ лѣтописяхъ, какъ терминъ (напримѣръ: въ Троицкой лѣтоп. подъ 1372, въ Кіевской подъ 1493 годами). Стоглавъ въ вопросѣ 25 о ней отзывается такъ: „А о велицѣ дни окличи и на радуницы вѣюнецъ и всякое въ нихъ бѣсованіе“ ⁴⁾. Здѣсь надобно замѣтить, что въ южной Галиціи существуетъ „Рахманскій великъ день“, иначе:

¹⁾ Г. Головинъ опредѣлялъ такой вѣкъ въ 160 лѣтъ, а покойный М. А. Максимовичъ полагалъ, что имя Троянъ идетъ къ славному имени императора Римскаго, т. е. Траяна.

²⁾ Опис. Слав. рукоп. Моск. Синод. Библ., № 114, стр. 53.

³⁾ Она коренилась, кажется, во внутреннихъ областяхъ Россіи, на сѣверѣ ея не было.

⁴⁾ По Христом. Буслаева, стр. 814.

„навскій великъ день“, значить, подобный радуницѣ, но отправляемый не вмѣстѣ съ нею, а послѣ ея черезъ десять дней, т. е. въ 20 день послѣ Пасхи ¹⁾. Происхожденіе слова: „рахманнѣй“ не выяснено; видно только, что въ Славяно-русской мѣологіи были какіе-то, „рахманы“, можетъ быть, тѣ самые, которые послужили поводомъ къ составленію отреченной книги: „О Рахманехъ, что Изосимово хожденіе“ ²⁾. Можно-бы думать, что это тѣ рахмане, о которыхъ упоминается въ посланіи Новгородскаго архіепископа Василя къ владыкѣ Тверскому Θεодору и которые будто-бы жили на высокихъ горахъ въ верховьяхъ Нила; указанные въ посланіи Новгородцы пробовали узнать тѣхъ людей, но посланные ими развѣдчики радостно присоединялись къ тѣмъ людямъ; послѣднему развѣдчику привязали къ ногѣ веревку и когда онъ бросился было къ тѣмъ людямъ, то Новгородцы стащили его съ горы, но онъ оказался мертвъ ³⁾. По этому разсказу означенные люди сильно смахиваютъ на „навье“, а ихъ жилье на страну мертвыхъ. Во всякомъ случаѣ сопоставленія показываютъ, что рахманы были тоже, что навье=тѣни мертвецовъ, и что рахманскій великъ день имѣлъ значеніе радуницы. Можетъ быть, корень слова „рах-ман“ скрывается въ словахъ: „прахъ“, „ст-рахъ“ ⁴⁾. Отнесеніе радуницы ко вторнику Θεоміной недѣли доказываетъ-ли, что она и въ языческія времена была переходнымъ терминомъ? Едва-ли. Такъ какъ въ Θεоміно воскресеніе празднуется Сошествіе Христово во адъ для изведенія оттуда душъ праведныхъ людей, посему день этотъ и называется Антипасхою, то христосованіе христіанъ съ покойными родителями непремѣнно въ началѣ Θεоміной недѣли означаетъ поздравленіе послѣднихъ съ освобожденіемъ отъ ада, въ чемъ видится измѣненіе языческаго обычая въ радуницу, представлявшаго именно поздравленіе родителей съ воскресеніемъ природы, съ которою, по мѣологіи, вообще мертвые продолжали состоять въ связи. Сохранивъ языческую тризну на могилахъ праотцевъ, христіане только дали ей пасхальный характеръ, даже безъ устраненія суевѣрныхъ понятій о замогильномъ состояніи мертвецовъ. Въ виду указаннаго значенія языческой радуницы, надобно думать, что она отправлялась въ определенное время года и скорѣе всего въ началѣ весенней растительности, предѣлъ которой показанъ въ выше приведенной народной поговоркѣ: „Егорей съ водой, а Никола съ травой“. Это заставляетъ разсчитывать радуницу, (конечно, для большей приблизительности) по самой поздней Пасхѣ, бывающей 25 апрѣля. Въ такомъ случаѣ постоянный предѣлъ радуницы опредѣлится 4 мая, т. е. передъ самымъ Николинымъ днемъ. Не мѣшаетъ обратить здѣсь вниманіе и на Рахманскій великъ день, падающій по этому разсчету на 14 мая, значить рахманамъ посвящено было время полного развитія растительности. Слова Льва діакона Калойскаго: „Русскіе, слѣдую языческимъ обрядамъ Грековъ, совершали жертвы и возліанія въ честь усопшихъ“, относятся, кажется, къ радуницѣ, почему и можно бы предположить, что она заимствована была отъ Грековъ.

РУСАЛБИ. Изъ Ипатьевской лѣтописи видно, что въ народномъ быту русальнѣй терминъ существовалъ въ концѣ XII вѣка; такъ въ этой лѣтописи, подъ 1174 годомъ сказано: „Володимеру (Мстиславичу) бысть болѣзнь крѣпка, ею-же скончался, мѣсяца маія въ 30 преставися русалноѣ недѣлѣ въ недѣлѣ“; другіе списки говорятъ: „мая въ 10 преставися, русалное недѣли въ понедѣльникъ“, „мая 30 дня прест. русалное недѣли въ понедѣлокъ“. По Пасхалии 30 мая въ 1174 году было въ четвергъ, а 10 мая въ пятницу. Вѣрнѣе показываетъ Новгородская

¹⁾ Изв. Импер. Русск. Археол. Общ. т. IX, стр. 105. Покойный М. А. Максимовичъ показывалъ, что на Воляни и Подоли, а также въ Червонной Руси *Рахманскимъ Великоднемъ* называютъ среду Преполовенія (его сочин. т. II, стр. 500). ²⁾ Оп. Сл. Рук. Моск. Синод. Библ., № 319, стр. 600, памятник. XVI в.

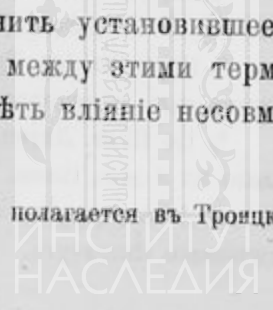
³⁾ Христом. Буслаева, стр. 964 и 965.

⁴⁾ Въ писцовыхъ книгахъ XVI в. упомянуты селенія и урочища: Рахманцово, Рахманово (Москов. уѣзда), Рахмелево (Углиц. у.), Рахманово (Тверск. у.). См. Писцовыя книги, изд. 1872 г., т. I, отд. I, стр. 72, 286. Отд. II, стр. 28, 190.

первая летопись, которая смерть Владимира относитъ къ 1171 году, а въ этомъ году 10 мая было именно въ понедѣльникъ передъ Троицынымъ днемъ, т. е. на другой день послѣ недѣли Св. Отецъ, изъ чего можно вывести, что эта-то недѣля и называется русальнойю. Счетъ по русаліямъ нѣкогда не чуждъ былъ и церкви, какъ это показываетъ Савина книга, гдѣ имѣются слѣдующія помѣты: а) Евангеліе на память евангелиста Матѳея 16 ноября писано въ 5 субботу по русаліяхъ; б) Евангеліе на память апостола Андрея 30 ноября писано во 2 недѣлю по русаліяхъ; в) Евангеліе на память Св. Праотецъ писано въ 11 недѣлю по русаліяхъ; г) Евангеліе узамъ Петровымъ 16 января писано въ субботу русалну. По сличеніи этихъ указаній съ Остромировымъ Евангеліемъ оказывается, что русальнойю называлась суббота наканунѣ Пятидесятницы, т. е. родительская; 2-я недѣля по русаліяхъ была 2-я недѣля по Пятидесятницѣ; 5-я недѣля по русаліяхъ—5-я недѣля по Пятидесятницѣ; 11-я недѣля по русаліяхъ=11-я недѣля по Пятидесятницѣ. Итакъ, русаліи были предъ Пятидесятницею, почему къ русаліямъ принадлежалъ и семикъ, въ которомъ сохранились (можетъ быть, отчасти) русальные обряды. Считая опять по поздней Пасхѣ, найдемъ, что русальная недѣля была въ 34 день по радуницѣ, русальная же суббота въ 40 день, что какъ будто намекаетъ на христіанскій сорокоустъ. Въ Спасскѣ Рязанской губ. до сихъ поръ недѣлю Всѣхъ Святыхъ называютъ русальнымъ заговѣнемъ ¹⁾. А какъ въ древнемъ распредѣленіи частей церковнаго года идетъ особый счетъ недѣль отъ Пятидесятницы до новаго лѣта, составляющей всего 17 недѣль, и затѣмъ отъ перваго воскресенья послѣ 1 сентября — другой счетъ „по новомъ лѣтѣ“, то становится яснымъ, что періодъ счета, „по русаліяхъ“ ограничивался временемъ между Пятидесятницею и новымъ лѣтомъ, едва ли достигая послѣдняго воскресенья передъ 1 сентября. Что такое называлось русаліями, объясняется это житіемъ Св. Нифонта, епископа Кипрскаго, жившаго при Константинѣ Великомъ и его преемникахъ. Въ этомъ житіи упоминается видѣніе св. Нифонта, открывшее ему: какъ бѣсы увлекаютъ христіанъ къ участию въ веселыхъ зрѣлищахъ, содержаніемъ которыхъ были сопели, пляска, срамословіе, неистовый смѣхъ, срамныя пѣсни. Въ нашихъ старинныхъ Сборникахъ это сказаніе помѣщалось особою статьею подъ заглавіемъ: „Слово св. Нифонта о русаліяхъ“. Преподобный Несторъ, обличая языческія суевѣрія, говоритъ: „сими дьяволъ лститъ, и другими нравы, всячьскими лестми превабля ны отъ Бога, трубами и скоморохы гусльми и русалми“, а въ Паисіевомъ Сборникѣ, XIV в., дается Боголюбцу совѣтъ оставаться дома „егда играютъ русалми, или скомороси, или пьяницы кличють, или бещинье творять или какія сборища идолскихъ игръ“. Итакъ, собственно русалми были безчинныя развратныя увеселенія, весьма древняго происхожденія, повидимому, заимствованныя отъ грековъ, какъ и радуница, въ связи съ которою принадлежали къ культу мертвыхъ и заключали періодъ возрожденія природы ²⁾. Будучи посвящены какимъ-нибудь божествамъ, онѣ, по всей вѣроятности, отправлялись въ определенное время года, получившее отъ того названіе „русалій“. Это время въ точности неизвѣстно; однако жъ, если въ христіанскій періодъ онѣ приурочились къ недѣлѣ предъ Пятидесятницею, то, конечно, это-то время и было временемъ отправленія русалій, но не ранѣе какъ при самой поздней Пасхѣ.—Переходнымъ это время не могло быть у язычниковъ, а таковымъ оно сдѣлалось уже по христіанской пасхали, чѣмъ устранилось совпаденіе русалій съ временемъ поста; кромѣ того, причиною передвиженія русалій могло быть и желаніе христіанъ, привыкшихъ къ языческимъ увеселеніямъ, сохранить установившееся издавна отношеніе радуницы къ русаліямъ, такъ, чтобы періодъ времени между этими терминами оставался прежній. Не менѣе того на передвиженіе русалій могла имѣть вліяніе несомнѣ-

¹⁾ Сказ. Рус. нар., кн. 7, стр. 90.

²⁾ Къ русаліямъ примкнуло повѣрье о русалкахъ: въ Украинѣ русалкинъ великдень полагается въ Троицкій четвергъ (Максимовичъ, т. II, стр. 509).

стимость языческаго года съ юліанскимъ, который длиннѣе перваго на 14 дней, что удаляло русальи на 8 дней отъ празднествъ Купалѣ и Солнцу. Какъ радуницѣ, по ея значенію, надлежало быть въ началѣ весенней растительности, такъ и русальи должны были приходиться въ періодъ полнаго процвѣтанія растительности, а это бываетъ только при самыхъ позднихъ пасхальныхъ терминахъ; а какъ по самому позднему изъ этихъ послѣднихъ терминовъ радуница приходится 4 мая, то русальи должны падать на 6 іюня, т. е. на послѣдній день мѣсяца Травня. Замѣчательно, что въ Саввиной книгѣ счетъ „по русаліямъ“ ограниченъ 11-ою недѣлею по Пятидесятницѣ, дальше которой счетъ этотъ не идетъ, а недѣля эта при самой поздней Пасхѣ приходится на 29 августа, такъ что русальи могли бы продолжаться до половины мѣсяца Зарева и заключали бы въ себѣ празднества Купалѣ и Солнцу, которыми оканчивался періодъ весенняго возрожденія и процвѣтанія природы, начинавшійся радуницею, послѣ чего мѣсяць Червень и часть Зарева приурочивались къ русаліямъ лишь какъ начало второй половины лѣта, но собственно русальями это время не было. Можно бы, кажется, заключить, что Исокъ до 30 іюня былъ посвященъ собственно русаліямъ, празднество которыхъ продолжалось 10 дней ¹⁾. Такимъ образомъ, является поводъ къ заключенію, что русальи отправлялись въ срединѣ лѣта отъ 27 числа мѣсяца Травня до 6 числа мѣсяца Изока ²⁾ и примыкали своимъ концомъ къ празднествамъ Купалы и Солнца ³⁾.

ДНИ. Русскія названія дней, безъ сомнѣнія, весьма древни и произошли во времена язычества. Названія эти очень своеобразны, опредѣляя послѣдовательность дней особымъ приемомъ, отличнымъ отъ приемовъ еврейскаго, греческаго и римскаго, да, вѣроятно, отъ дневниковъ и другихъ народовъ: недѣля, понедѣльникъ, вторникъ, среда, четвертокъ, пяткъ; названіе послѣдняго дня, заимствованное и вошедшее въ употребленіе и не ранѣе христіанскаго періода, подлинное же названіе этого дня утрачено. Особенно бросается въ глаза „среда“, названіе, опредѣляющее средину какого-то періода. Если она занимаетъ четвертое мѣсто послѣ недѣли, то и передъ недѣлею она должна занимать то же мѣсто, откуда слѣдуетъ, что въ языческомъ славянствѣ могъ существовать семидневный періодъ, „седмица“, по числу семи главныхъ боговъ (Сварогъ, Дажьбогъ, Перунъ, Хърсъ, Стрибогъ, Симарьглъ, Мокошь). Слово „недѣля“ опредѣляетъ день, освобождающій отъ дѣланія, отъ работы, день праздничный, каковымъ могъ быть день, посвященный Дажьбогу, т. е. Солнцу, что совпадало бы съ солнечнымъ днемъ Римлянъ. Но могла-ли языческа я недѣля совпасть съ христіанскимъ воскресеніемъ? Нельзя-ли предположить, что въ христіанскій періодъ произошло передвиженіе дней? Въ Апокалипсисѣ выраженіемъ: „день недѣльный“ переведено греческое *τῆ κυριακῆ ἡμέρα* = Господень день = воскресеніе, а по глубокой древности перевода священныхъ книгъ на славянскій языкъ ⁴⁾ надобно заключать, что въ періодъ этого перевода языческа я недѣля дѣйствительно совпадала съ христіанскимъ воскресеніемъ. Слово „понедѣльникъ“ прямо опредѣляетъ день, бывающій послѣ недѣли, а какъ понедѣльникъ есть первый день послѣ недѣли, то второму дню и присвоено именованіе „вторникъ“. Названіе „четвертокъ“, конечно, означаетъ четвертый день послѣ понедѣльника, представляющій переходъ ко второй половинѣ седмицы; покойный Максимовичъ замѣчалъ, „что

¹⁾ Украинское повѣрье говоритъ, что русалки, любящія плясать и кружиться, выходятъ для того изъ воды въ теченіе всей Петровки (Максимовичъ, т. II, стр. 514).

²⁾ Переходъ отъ Травня къ Исоку заключаетъ тѣ 14 дней, которые въ юліанскомъ году составляли излишекъ противъ года языческаго.

³⁾ По Ипат. Лѣтоп. „самая купалья“ была наканунѣ Иванова дня (Пол. Собр. Лѣт., т. II, стр. 200). Это число падало на 3 день Изока.

⁴⁾ Доказательства тому см. въ моей статьѣ: О Славяно-Русской Палеографіи, помѣщ. въ 8 кн. Вѣстника Археологическаго Института.

четвергъ въ языческой славянщинѣ считался и назывался *перуновымъ днемъ* (его сочин., т. II, стр. 503), какъ бы въ соотвѣтствіе римскому названію днемъ Юпитера. Затѣмъ названіе „пятокъ“ можно толковать двояко: во-первыхъ, признавать это слово за числительное, указывающее дню пятое мѣсто въ седмицѣ, и во-вторыхъ, сопоставлять указанное слово съ словомъ „пята“ = низъ, подошва, основаніе, что дало бы пятку значеніе послѣдняго дня въ седмицѣ, или собственно въ ряду послѣ-недѣльныхъ, дней и въ такомъ случаѣ пятокъ опирался бы на послѣдній седмичный день. Неизвѣстно, какъ назывался въ язычествѣ этотъ день, получившій въ христіанствѣ названіе „субботы“. Миѣ думается, что къ вопросу объ этомъ днѣ можно бы примѣнить греко-римскую мифологію, и именно вотъ въ какомъ видѣ: по однимъ изъ памятниковъ античнаго искусства видно, что сентябрь посвящался Церерѣ и имѣлъ своимъ знакомъ си факель, а другіе показываютъ, что мѣсяцъ этотъ посвящался Вулкану и имѣлъ знакомъ своимъ его шапку ¹⁾, а Вулканъ, Ифестъ, былъ славяно-русскій Сварогъ, отецъ Дажьбога; а какъ сентябрь по-римски былъ седьмой мѣсяцъ въ году, то не будетъ ли позволительно отнести тотъ же символъ и къ одному изъ дней седмицы, слѣдующему за пяткомъ? Если позволительно, то этотъ день будетъ днемъ Сварога, примыкавшимъ къ дню его сына Дажьбога. Въ такомъ случаѣ надлежитъ предположить, что языческая седмица начиналась днемъ Сварога и оканчивалась пяткомъ и что уже въ христіанскій періодъ день Сварога превратился въ субботу, а день Дажьбога въ воскресенье и послѣдній сдѣлался начальнымъ днемъ седмицы.

О томъ, какъ язычники считали часы, ничего неизвѣстно. Въ настоящее время жители захолустныхъ деревень дѣлятъ ночь на 3 части по пѣтухамъ, т. е. по крику этихъ птицъ: первыми пѣтухами опредѣляется вечеръ, вторыми полночь, третьими начало утра, что, безъ сомнѣнія происходитъ изъ глубокой древности; въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1152 годомъ, упоминается вечерній терминъ „куры“, а въ Тверской Лѣтописи подъ 1400 годомъ значится: „куроглашеніе“, соотвѣтствовавшее глубокой ночи; здѣсь куры, повидимому первые пѣтухи, слѣдовавшіе за „лягомо“, т. е. послѣ времени, въ которое люди ложились спать, а куроглашеніе—вторые пѣтухи, опредѣлявшіе терминъ „долгоночи“, т. е. глубокую ночь. По лѣтописямъ видно, что день дѣлился на четыре части: утро, полуденъ, уденъ, вечеръ. Астрономическія и другія данныя удостоверяютъ, что утромъ считалось время отъ открытія дневной дѣятельности до обѣда; затѣмъ наступалъ полуденъ, за которымъ слѣдовало уденъ (т. е. начиналась вторая половина дни); наконецъ наступалъ вечеръ (т. е. конецъ дня). Что касается часового счисленія во времена язычества, то оно несомнѣнно было, судя по существованію въ славянскомъ языкѣ слова „часъ“ = година, время, получившаго когда-то значеніе опредѣленной точки времени, счисленіе котораго часами могло быть заимствовано язычниками Славянами отъ Грековъ и Римлянъ. Въ изслѣдованіи моемъ „О старинномъ русскомъ счисленіи часовъ“ ²⁾ означенные суточные термины опредѣлены часами, но по христіанскому счисленію послѣднихъ, при чемъ однако же можно довольно точно опредѣлить нынѣшними часами предѣлы указанныхъ частей сутокъ.

¹⁾ См. Мифологич. Галерея, соч. Миллена.

²⁾ Труды Второго Археол. Съезда въ Петербургѣ, т. II. Труды 8-го археол. съезда въ москвѣ. 1890 г. т. III.

О Коптскомъ искусствѣ.

КОПТСКІЯ УЗОРЧАТЫЯ ТКАНИ.

посвящается памяти Александра Алексѣевича Васильчикова.

В. Г. БОКА.

Исторія христіанскаго востока представляетъ еще до сихъ поръ много пробѣловъ, затрудняющихъ составленіе полной и ясной картины его развитія.

Обширность области восточнаго, христіанскаго искусства, многовѣковой ходъ его жизни, его разнообразіе, а съ другой стороны недостаточное количество извѣстныхъ памятниковъ, являются причиной того, почему остается еще много сторонъ, вовсе неизслѣдованныхъ и не изученныхъ въ его исторіи.

Но благодаря открытію и изученію новыхъ памятниковъ, можно надѣяться, что наука совладаетъ и съ неосвѣщенными еще пока вопросами восточной христіанской эпохи.

Къ числу открытій послѣдняго времени, проливающихъ нѣкоторый свѣтъ на эту область, слѣдуетъ отнести цѣлый рядъ памятниковъ, находимыхъ въ многочисленныхъ древне-христіанскихъ некрополяхъ Египта. Памятники эти въ видѣ остатковъ одѣяній, тканей и предметовъ церковнаго и домашняго обихода до нѣкоторой степени поясняютъ бытъ и искусство древнихъ египетскихъ христіанъ, историческія свѣдѣнія о которыхъ еще крайне скудны. Все, что до сихъ поръ о нихъ извѣстно, мы почерпаемъ изъ твореній Святыхъ Отцевъ Церкви, изъ произведеній современныхъ имъ историковъ и изъ цѣлаго ряда литературно-религіозныхъ памятниковъ, принадлежащихъ самимъ египетскимъ христіанамъ и написаннымъ на ихъ родномъ языкѣ коптскомъ ¹⁾).

Сверхъ того, — источниками намъ служатъ также арабскіе писатели, которые въ своихъ произведеніяхъ, кромѣ изложенія исторіи арабовъ и Ислама, сообщаютъ намъ также исторію покоренныхъ ими народовъ и племенъ. Къ сожалѣнію, большинство сохранившихся арабскихъ источниковъ принадлежитъ къ болѣе позднему времени, такъ что свѣдѣнія, сообщаемыя ими напр. о покореніи Египта и о коптахъ, требуютъ всесторонняго историческаго анализа и провѣрки.

Всѣ вышеупомянутые источники, давая богатый матеріалъ для уясненія различныхъ сто-

¹⁾ Наименованіе это — искаженіе слова *Aiυπτos*, откуда получилось *υβπτος*, *υβπτος*, *коптос*, — утвердилось за египетскими христіанами со времени покоренія Египта арабами, которые отличали этимъ именемъ египтянъ, оставшихся вѣрными христіанству, отъ египтянъ, принявшихъ исламъ; послѣдніе слившись окончательно съ арабами, заимствовали отъ нихъ обычаи, одежду, языкъ и не отличались ничѣмъ отъ своихъ покорителей.

ронъ политической и религіозной жизни страны, не даютъ намъ никакихъ свѣдѣній о развитіи египетскаго искусства въ первые вѣка христіанства.

Съ другой стороны область архитектуры не представляетъ намъ того богатаго матеріала, которымъ располагаетъ наука для изученія древне-египетскаго искусства; тѣ же памятники, которые сохранились, еще не изслѣдованы. Александрія вмѣщала въ себѣ цѣлый рядъ драгоценныхъ памятниковъ искусства въ періодъ времени отъ послѣднихъ египетскихъ династій до VII стол. по Р. Х. Она могла бы такимъ образомъ представить много интересныхъ данныхъ для опредѣленія постепеннаго развитія египетскаго искусства вплоть до покоренія Египта арабами. Но послѣдовательныя ея разрушенія лишили науку этого богатаго источника. Даже немногія христіанскія катакомбы и часовенки, которыя къ сожалѣнію не были своевременно изслѣдованы и описаны, въ настоящее время разрушены. Если произведенія греко-римскаго искусства можно найти въ развалинахъ храмовъ, городовъ, во всѣхъ почти покоренныхъ Римомъ странахъ; если по этимъ остаткамъ наука въ состояніи почти съ точностью прослѣдить постепенныя превращенія языческаго искусства подъ возрастающимъ вліяніемъ христіанства, въ тѣ формы, которыя вылились въ строго опредѣленный стиль на западѣ и на востокѣ вообще, то она не могла до сихъ поръ этого сдѣлать по отношенію къ Египту. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что Египетъ игралъ такую выдающуюся роль въ исторіи всего христіанства. Небольшое количество остатковъ христіанскихъ памятниковъ не привлекало вниманія ученыхъ, всецѣло поглощенныхъ изученіемъ древняго Египта.

Но въ началѣ восьмидесятихъ годовъ, наконецъ, приступлено было къ изученію христіанскихъ памятниковъ Египта. Бывшій директоръ Булакскаго музея въ Каирѣ, проф. Г. Масперо (членъ Французскаго Института), открылъ въ 1881 г. древнехристіанскіе некрополи въ Таудѣ и Ризагатѣ; съ этого времени и до своего отъѣзда изъ Египта онъ находилъ и изслѣдовалъ цѣлый рядъ некрополей и собралъ массу матеріала: надгробныя плиты, предметы церковнаго и домашняго обихода, ткани и проч. Всѣ свои находки Масперо расположилъ въ двухъ залахъ Булакскаго Музея (переведеннаго теперь въ дворецъ Гизе). Слѣдовательно Масперо былъ первымъ ученымъ, выдѣлившимъ христіанскіе памятники Египта въ особый отдѣлъ науки и установившимъ такъ сказать существованіе коптскаго искусства.

Вслѣдъ за этимъ стали появляться другія изслѣдованія въ области христіанской археологіи Египта. Бутлеръ издалъ свою работу о коптскихъ церквахъ. Амелино—цѣлый рядъ переводовъ коптскихъ рукописей и комментарий къ нимъ. Проф. Карабачекъ далъ краткое описаніе коптскихъ тканей изъ Саккары, привезенныхъ въ Вѣну торговцемъ Граффомъ и купленныхъ Вѣнскимъ Городскимъ Музеемъ. Проф. Ригль издалъ подробный каталогъ этого собранія. Толчекъ, данный открытіемъ Масперо, возбудилъ интересъ къ коптской старинѣ и вопросъ о коптскомъ искусствѣ былъ поставленъ на прочное основаніе.

Общественныя и частныя собранія стали пріобрѣтать коптскія ткани, вмѣстѣ съ которыми попадали тоже произведенія художественной промышленности изъ металла, дерева, глины, надгробныя плиты, нѣкоторые остатки архитектурныхъ памятниковъ и др. Матеріала собрано уже довольно много, на столько что уже теперь коптская старина сама собою выдѣляется въ отдѣльную отрасль христіанской археологіи, и что уже теперь при бѣгломъ знакомствѣ съ сохранившимися и собранными памятниками, можно отмѣтить нѣкоторыя черты и признаки, говорящіе въ пользу извѣстной самостоятельности въ развитіи коптскаго искусства ¹⁾.

Но весь собранный матеріалъ еще не изслѣдованъ и не изученъ; при неимѣніи въ налич-

¹⁾ Для краткости и удобства я буду въ дальнѣйшемъ изложеніи называть «коптскій» все, относящееся къ христіанскому Египту.

ности датированныхъ памятниковъ (число которыхъ крайне ограничено), трудно еще пока приступить къ строгому хронологическому опредѣленію. При томъ нужно прибавить, что раскопки не производятся систематически: спросъ на коптскую старину возбудилъ ревностную добычу жителями Египта, которые производятъ раскопки самымъ хищническимъ способомъ. Систематическія раскопки возможны въ Египтѣ только съ оффиціального разрѣшенія, которое дается крайне рѣдко и только при извѣстныхъ условіяхъ. Вотъ почему вся старина раскапывается тайкомъ, хищнически; находчики сбываютъ добычу въ другія мѣстности, опасаясь наказанія, такъ что рѣдко получается возможность узнать истинное происхожденіе даннаго памятника; при исключительныхъ условіяхъ удастся приобрести предметъ на мѣстѣ находки изъ первыхъ рукъ. Точно также обставлена добыча христіанской старины. Не было почти сдѣлано систематическаго изслѣдованія некрополей и гробницъ съ ихъ погребальнымъ уборомъ.

Кромѣ того не изслѣдованъ и не описанъ цѣлый рядъ памятниковъ архитектуры долины Нила отъ Александріи до Ассуана и выше въ Нубіи, засимъ въ Фаюмѣ и нѣкоторыхъ оазисахъ Ливійской пустыни (Бутлеръ въ своемъ сочиненіи не основывается на изученіи древнѣйшихъ церквей). Вопросъ о коптской живописи фресковой, иконописной и миниатюрной совсѣмъ не тронутъ. Масса надгробныхъ плитъ, надписей въ храмахъ, гробницахъ, на скалахъ, острака ждуть своей очереди. Единственнымъ доступнымъ пока матеріаломъ являются коптскія ткани, представляющіяся для изслѣдованія крайне поучительными разнообразіемъ декоративнаго элемента и постепеннымъ развитіемъ въ нихъ христіанской идеи ¹⁾.

Представляя на разсмотрѣніе съѣзда нѣкоторые образцы коптскихъ тканей, я желалъ бы обратить вниманіе гг. членовъ съѣзда на эту возникающую отрасль христіанской археологіи. Въ своемъ докладѣ я не буду касаться коптскаго искусства въ цѣломъ, но ограничусь только бѣглымъ очеркомъ памятниковъ ткацкаго искусства, насколько я могъ познакомиться съ ними по открытіямъ, сдѣланнымъ въ христіанскихъ некрополяхъ, расположенныхъ въ долинѣ Нила.

Въ то время какъ о тканяхъ классическаго міра мы имѣемъ болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія на основаніи указаній и описаній греческихъ и римскихъ писателей; ²⁾ знаемъ, до какого совершенства достигало ихъ исполненіе, въ какихъ центрахъ и когда процвѣтала та или другая отрасль ткацкаго искусства, о тканяхъ египетскихъ христіанскаго періода, мы достовѣрныхъ и подробныхъ свѣдѣній не имѣемъ.

Весною 1889 г. Императорскій Эрмитажъ приобрѣлъ коллекцію коптскихъ тканей, состоящую болѣе, чѣмъ изъ 2000 экземпляровъ; эта коллекція была составлена мною для Императорскаго Эрмитажа во время командировки моей въ Египетъ зимой 1888—1889 годовъ.

Ткани частью собраны во время произведенныхъ мною раскопокъ въ Ахмимѣ, Накадѣ, Самайнѣ и Фаюмѣ, частью приобрѣтены изъ первыхъ рукъ отъ жителей тѣхъ мѣстностей, гдѣ находятся древне-христіанскія кладбища, и только отчасти куплены отъ торговцевъ Александріи и Каира. Изученіе коптскихъ тканей, въ зависимости отъ времени ихъ открытія, началось весьма недавно, и литература по этому вопросу крайне бѣдна; краткія описанія собраній тканей сдѣланы Карабачекомъ, каноникомъ Фр. Бокомъ, Ригломъ, Форреромъ; названные ученые сдѣлали при этомъ опытъ классификаціи и датировки тканей. Единственное описаніе раскопокъ нѣкоторыхъ коптскихъ могильниковъ сдѣланы, какъ мы уже сказали выше, Масперо. Отдѣль-

¹⁾ Всѣ изслѣдованія Вонгскихъ памятниковъ появившіяся съ 1890 г. до начала 1896 г. помѣщены въ библиографическомъ указателѣ (см. ниже).

²⁾ Съ памятниками ткацкаго искусства у грековъ мы знакомимся на примѣръ по богатѣйшимъ находкамъ въ могилахъ Крымскаго полуострова около керчи, относящихся къ IV—III вѣку до Р. X. См. отчетъ Императорской Археологической Коммисіи за 1878 и 1879 г.г. таблицы III и IV.

ныя описанія тканей встрѣчаемъ въ монографіяхъ Форда, Эссенвейна (шелковыя ткани): альбомы съ изображеніями тканей—Герспахъ, Форреръ¹⁾.

Но все, что сдѣлано до сихъ поръ, не представляетъ ясной картины того, какъ переходило искусство съ почвы классической на новый путь, и не даетъ ясныхъ указаній на то вліяніе, которое имѣло древне-египетское и классическое искусство на развитіе искусства христіанскаго. Точно также не изслѣдовано вліяніе востока на него и не выяснены тѣ измѣненія, кот. произошли въ коптскомъ искусствѣ при окончательномъ установленіи арабскаго владычества.

Коптскія ткани, представляя громадный матеріалъ въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ, восполняютъ большой пробѣлъ въ исторіи искусства среднихъ вѣковъ въ періодъ времени отъ II до VIII ст. и потому имѣютъ большое значеніе для уясненія нѣкоторыхъ вопросовъ христіанской археологіи.

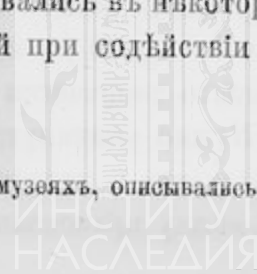
Этотъ періодъ представляется не особенно разработаннымъ: не достаетъ звеньевъ, соединяющихъ памятники первыхъ вѣковъ нашей эры съ позднѣйшими.

Коптскіе могильники доставляютъ намъ тѣ данныя, съ помощью которыхъ можно будетъ возстановить полную связь и переходъ отъ искусства греко римскаго въ восточно-христіанскому. При изученіи коптской старины, опредѣлить въ точности то время, къ которому можно отнести тотъ или другой памятникъ, очень трудно. Дошедшіе до насъ памятники коптской письменности не даютъ намъ почти никакихъ указаній на этотъ счетъ; зато они полны подробностями о бытѣ и жизни первыхъ христіанъ, о ихъ отношеніи къ язычеству, о ихъ міровоззрѣніи и вообще о ходѣ развитія христіанства въ Египтѣ. Эти данныя освѣщая путь развитія христіанства въ Египтѣ, въ связи съ нѣкоторыми историческими соображеніями, могутъ служить подспорьемъ для опредѣленія и приблизительной датировки памятниковъ коптской старины. Нужно замѣтить, что переходное время, которое пришлось пережить искусству при замѣнѣ языческой культуры, христіанской еще далеко не изучено достаточно по отношенію къ восточнымъ частямъ Римской Имперіи и что о зарожденіи христіанскаго искусства въ различныхъ центрахъ востока мы очень мало знаемъ. Одна изъ богатѣйшихъ и культурнѣйшихъ провинцій имперіи—Египеть, сохранила намъ массу памятниковъ древняго искусства; матеріалы же для изученія христіанскаго искусства не многочисленны и не полны. Только коптскіе могильники дали намъ полную серію памятниковъ всякаго рода, между которыми ткани играютъ первенствующую роль.

Христіанское ученіе, принесенное въ Нижній Египеть, по преданію апостоломъ Маркомъ, было проповѣдано прежде всего въ Александріи и затѣмъ постепенно роспространялось вверхъ по теченію Нила. Встрѣтивъ могучую древнюю культуру, прожившую нѣсколько тысячелѣтій, христіанство не могло достигнуть на первыхъ порахъ большихъ успѣховъ, хотя вѣротерпимость, которой отличалось владычество Римлянъ, не препятствовало до нѣкоторой степени распространенію христіанскаго ученія въ городахъ.

Уже во второмъ вѣкѣ мы находимъ въ Александріи существованіе христіанскихъ кладбищъ и небольшого числа часовенъ, вырытыхъ въ скалахъ за городомъ, въ которыхъ христіане собирались для отправленія своихъ религіозныхъ обрядовъ и требъ и въ которыхъ также они укрывались во время гоненій. Во II и III стол. христіанское ученіе изъ Александріи роспространялось весьма медленно вверхъ по долинѣ Нила. Христіане группировались въ нѣкоторыхъ большихъ центрахъ, куда ученіе проникало, такъ сказать, инфильтраціей при содѣйствіи греческихъ купцовъ и римскихъ религіонеровъ, принявшихъ христіанство.

¹⁾ До настоящаго времени обрывки коптскихъ тканей, хранящіеся въ нѣкоторыхъ музеяхъ, описывались какъ древне-египетскія

Отдѣльные случаи гоненій, описываемые въ житіяхъ коптскихъ мучениковъ, указываютъ намъ 1) на тѣ мѣста, гдѣ находились христіане и 2) на то, что число послѣднихъ было незначительно. Языческая вѣра процвѣтала, какъ официальная религія, и мы не можемъ указать ни одного пункта во всей долинѣ Нила, гдѣ бы христіанское ученіе прочно установилось до воцаренія Діоклетіана. Египтяне не могли свыкнуться съ своимъ положеніемъ быть подвластными Риму; цѣлый рядъ возмущеній свидѣтельствуетъ объ этомъ. Послѣднее возмущеніе и самое сильное и продолжительное началось подъ руководствомъ намѣстника Египта Ахиллеса.

Діоклетіанъ при воцареніи своемъ долженъ былъ прежде всего подавить это возстаніе, при чемъ расправился въ высшей степени сурово и тѣмъ усилилъ еще болѣе ненависть египтянъ къ иноземному игу. Тогда же началось гоненіе на христіанъ (тоже принимавшихъ участіе въ возстаніи), и многіе язычники приняли христіанство, какъ бы желая этимъ выразить свой протестъ противъ римской власти; многіе же переходили въ христіанство, воодушевленные видомъ мученической смерти своихъ соплеменниковъ. Результатомъ оказалось то, что по окончаніи этого гоненія христіанство въ достаточной уже степени распространилось и укоренилось въ долинѣ Нила.

Въ это же время (начало IV вѣка) появляются въ пустынѣ аравійской (у Краснаго моря) знаменитые аскеты, преподобные Антоній и Павелъ, къ которымъ массами стекались новообращенные христіане и язычники, услышавъ о строгой и чудодѣйственной жизни этихъ отшельниковъ. Но дѣло утвержденія христіанства еще не могло считаться совершенно оконченнымъ. Христіанство утвердилось въ Египтѣ только съ воцареніемъ Константина и въ особенности послѣ декрета Θεодосія (381 г.). Тогда всюду начали строить христіанскія церкви, а древніе языческіе храмы стали разрушать или приспособлять къ новымъ религіознымъ потребностямъ, напр., Цезареумъ въ Александріи, храмы Абидоса, Мединетъ Абу, Филе, Луксора и др. Тогда же появилось начало киновитической жизни стараніями великихъ сподвижниковъ святыхъ: Пахомія, Макарія, Шнуди и др. Съ основаніемъ въ половинѣ IV в. монастырей въ Уади Натрунъ, въ Оивайдѣ, около Сохага и во многихъ другихъ мѣстахъ Египта, христіанское ученіе стало твердою ногой въ Египтѣ. Египетскіе монастыри являются разсадниками христіанства, центрами духовной дѣятельности; вокругъ нихъ группируются и тѣ люди которые оставаясь въ міру, заботятся о спасеніи души. Всякій вѣрующій дорожить мѣстомъ погребенія вблизи монастыря, церкви или другой святыни. Поэтому въ разсматриваемое время устраиваются около монастырей кладбища, которыя и по сіе время остаются свидѣтелями благочестивыхъ дѣяній прошлаго и являются богатыми хранителями остатковъ коптской старины.

Дальнѣйшія судьбы христіанства въ Египтѣ характеризуются постепеннымъ возрастаніемъ значенія Оиваиды, которая дѣлается центромъ христіанской жизни и источникомъ распространенія христіанства къ сѣверу и югу и постепеннаго уничтоженія вліянія язычества, сохранявшагося еще почти до V—VI вѣка въ большихъ центрахъ верхняго Египта, напр., въ городѣ Ахмимѣ и на отровѣ Филѣ.

Въ зависимости отъ времени когда окончательно окрѣпло христіанство въ Египтѣ, опредѣляется приблизительно и время появленія коптскаго искусства вообще, т. е. именно не ранѣе половины IV вѣка, когда вели свою проповѣдническую дѣятельность великіе египетскіе учителя и основатели киновитической жизни св. Пахомій, Макарій и Шнуди. Только тогда, когда христіанство вошло въ народное самосознаніе, оно могло проявиться въ самостоятельныхъ формахъ народнаго творчества въ области искусства и литературы.

Нужно упомянуть объ одномъ обстоятельстве, которое играло важную роль въ развитіи христіанства и искусства въ Египтѣ. Именно на халкидонскомъ соборѣ (451) произошелъ расколъ между православной греческой церковью и египетской. Египетскій патріархъ Діоскоръ

не согласился съ рѣшеніями собора и провозгласилъ монофизитское ученіе Евтихія ортодоксальнымъ. Египтяне не отстали отъ любимаго своего пастыря и съ того года отдѣлились окончательно отъ греческой церкви. Всегдашняя ихъ ненависть ко всему греческому нашла себѣ еще большую поддержку въ этой идеѣ церковнаго сепаратизма, и копты окончательно обособились и стали жить своею собственною духовною жизнью, при чемъ къ ненависти политической и племенной присоединилась въ данномъ случаѣ еще и религіозная ненависть. Если принять во вниманіе прежнюю замкнутость жизни Египта римскаго періода, ихъ обособленность отъ всего остальнаго міра (Александрія составляла исключеніе), причиною которой являлась та же ненависть къ иноземному игу, будетъ понятно, отчего уже при первомъ ознакомленіи съ коптскими произведеніями можно отличить нѣкоторые характерные признаки, говорящіе въ пользу извѣстной самостоятельности въ развитіи коптскаго искусства.

При покореніи Египта арабами, исламъ сначала отнесся съ терпимостью къ христіанской религіи; но уже съ VIII в. начались преслѣдованія христіанъ, насильственное ихъ обращеніе и добровольный переходъ въ магометанство, разрушеніе церквей и монастырей, а иногда поголовное и полное истребленіе христіанскихъ общинъ. Въ это время (VII — VIII) повсемѣстнаго распространенія ислама, арабское искусство начало обособляться въ особую отрасль, заимствуя элементы своего искусства отъ покоренныхъ народовъ. И въ Египтѣ арабы воспользовались извѣстными элементами коптскаго искусства, которые перешли въ арабскіе памятники, построенные большею частью коптами. Только съ X в. арабскій геній началъ воплощаться въ тѣ чудныя и оригинальныя формы, которыя мы замѣчаемъ, напр., въ старинныхъ каирскихъ мечетяхъ и гробницахъ и другихъ мусульманскихъ памятникахъ. Такимъ образомъ, X вѣкъ началъ собою новый періодъ въ исторіи искусства древняго Египта, смѣнившій періодъ коптскій. Отсюда понятно, что въ установленіи предѣльнаго времени существованія коптскаго искусства и въ частности выдѣлки узорчатыхъ тканей нѣтъ особенныхъ основаній заходить далѣе IX или, можетъ быть, X ст., т. е. времени, когда самостоятельность коптовъ была, какъ мы видѣли, сломлена окончательно, а арабское искусство начало жить своею собственною жизнью.

Изъ этого краткаго обзора исторіи христіанства въ Египтѣ можно предположить, что самыя древнія изъ интересующихъ насъ тканей могутъ быть отнесены къ началу IV стол., а самыя позднія къ IX ст.

Всѣ коптскія ткани найдены въ древнихъ христіанскихъ кладбищахъ Египта, расположенныхъ на границѣ земель, орошаемыхъ разлитіемъ Нила, и пустыни (иногда у самаго подножія горъ). Если въ кладбищахъ долины Нила и находятъ теперь сохранившіеся остатки тканей, обуви и головныхъ уборовъ и др., то только благодаря свойствамъ почвы, климату и отчасти тому обстоятельству, что покойниковъ, принадлежащихъ къ высшему классу, бальзамировали или обкладывали солью (селитрою).

Кладбища, до сихъ поръ открытыя, находятся въ среднемъ Египтѣ въ группѣ пирамидъ Саккара, въ нѣсколькихъ мѣстахъ Фаюма (одно около самаго Мединеть-эль-Керуна). Затѣмъ они встрѣчаются въ верхнемъ Египтѣ въ Ахмимѣ, Накада, Эрментѣ, Гау, въ Ассуанѣ и др.

Изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ кладбищъ изслѣдованы и описаны были только нѣкоторыя: ахмимское и ассуанское г.г. Масперо и Буріаномъ и Хауарское (въ Фаюмѣ) Флиндерсъ Петри. Во время командировки моей, зимой 1888 — 89 г., мною подробно обследовано ахмимское кладбище, осмотрѣны ассуанское, мединеть-эль-фаюмское и хауарское и впервые открыты и осмотрѣны кладбища въ Накадѣ, Самайна и второе въ Ахмимѣ (у монастыря Деиръ-Эль-Хадидъ). По недостатку времени мнѣ не удалось осмотрѣть Саккару, Эрментъ, Саламізъ, Гау и западную часть фаюмскаго оазиса. Нужно предполагать, что подобныя же кладбища существуютъ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Египта, особенно близъ Бѣлаго и Краснаго монасты-

рей, около Суага, напротив Ахмима, основанныхъ въ 400 г. св. Шнуди и въ группѣ монастырей Уади-Натрунъ, основанныхъ св. Макаріемъ.

Могилы на коптскихъ кладбищахъ были одиночныя или семейныя; иногда встрѣчаются и общія. Часто въ общей могилѣ находится отъ 5 до 15 тѣлъ. Могилы вырыты въ гравіи въ видѣ вертикальныхъ колодцевъ, съ боковымъ расширеніемъ внизу; иногда на склонѣ холма дѣлался горизонтальный ходъ оканчивающійся склепомъ. Случается могила имѣть форму квадратной ямы, обдѣланной кирпичемъ или безъ облицовки ¹⁾).

Трупы умершихъ тщательно завернуты въ нѣсколько савановъ, перевязанныхъ веревками. На тѣлѣ надѣта туника, разукрашенная разноцвѣтными тканями, и кромѣ того двѣ, три сорочки; на затылкѣ, плечахъ и груди помѣщались полотенца; на головахъ нѣкоторыхъ тѣлъ надѣты одинъ на другой колпаки въ видѣ сѣтокъ, въ числѣ отъ двухъ до четырехъ. На ногахъ вязаные чулки съ отдѣленнымъ большимъ пальцемъ, а иногда и кожаные башмаки. Съ покойникомъ опускали въ могилу крестики, кольца, браслеты, ожерелье, стклянки съ красками и съ металлическимъ штифтикомъ для обведенія краскою глазъ (Накада), кожаные кушаки, игрушки въ видѣ куколъ и т. д. Тѣла приставлялись къ доскѣ, или къ парѣ жердей, крѣпко къ нимъ привязывались и въ такомъ видѣ опускались въ могилу. Дѣтей иногда погребали въ маленькихъ гробикахъ изъ обожженной глины съ плоской крышкой.

Ткани, находимыя въ коптскихъ могилахъ, представляютъ собою типы коврового тканья (гобелень), которымъ издревле славились Египетъ, Греція и нѣкоторыя мѣстности Передней и Малой Азіи. Ткани или нашивались на туники и саваны, или были вотканы въ холстъ, въ кускѣ котораго ткачъ мѣстами оставлялъ основу свободной, для того чтобы можно было заполнить ее ковровымъ тканьемъ. Почти всѣ саваны и туники приготовлены изъ льна и затканы шерстью и льномъ. Украшенія на туникахъ находятся у ворота, на плечахъ, на груди и спинѣ, на рукавахъ и на нижнемъ краѣ туники. Такое схематическое украшеніе туники встрѣчается на всѣхъ, безъ исключенія, видѣнныхъ мною экземплярахъ съ той разницей, что одни борта и украшенія богатые, другіе болѣе скромные. Туники дѣлись преимущественно изъ полотна, но попадаются иногда и шерстяныя, въ особенности въ Фаюмѣ, Накадѣ и Саламіѣ и во второмъ кладбищѣ у Ахмима; шерстяныя туники часто бываютъ окрашены въ красный, синій, желтый или зеленый цвѣта (одноцвѣтныя или полосатыя). Туники бываютъ разныхъ родовъ: безъ рукавовъ и съ рукавами, съ воротомъ или продольнымъ прорѣзомъ на мѣстѣ шеи. Саваны дѣлались различной величины изъ холста или шерети съ вотканными бортами и съ квадратами или кругами по угламъ. Иногда саваны сдѣланы изъ мохнатой ткани, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ которой оставлены пространства, заполненныя шерстянымъ тканьемъ.

Большое значеніе для исторіи шелковыхъ тканей имѣютъ шелковыя издѣлія, находимыя изрѣдка въ этихъ некрополяхъ, какъ украшенія пришитыя къ холщевымъ туникамъ, въ видѣ шелковыхъ гобеленовъ или тканей прошивокъ и вышивокъ. Встрѣчаются и шелковые колпаки. Новѣйшія изслѣдованія по исторіи шелка выяснили достаточно ясно проникновеніе его изъ предѣловъ Китая въ Персію и Европу; извѣстно когда и какими путями шла торговля шелкомъ, когда и гдѣ началось приготовленіе шелковыхъ тканей изъ китайскаго сырца и когда появилась внѣ Китая культура шелковичнаго червя въ Персіи и въ Византіи.

Эти изслѣдованія не даютъ намъ никакихъ указаній на культуру шелковичнаго червя въ Египтѣ; они указываютъ на то только, что Египетъ служилъ транзитнымъ путемъ для торговли шелкомъ между Китаемъ, Индіей и Европой и что онъ самъ пользовался готовыми шелковыми

¹⁾ Для опредѣленія времени коптскихъ могилъ, кладбища не даютъ намъ никакихъ точныхъ указаній. Только у ограды асуанскаго монастыря Масперо и Буріанъ нашли нѣсколько надгробныхъ плитъ съ обозначеніемъ датъ, относящихся къ VIII вѣку.

тканями и сырцомъ въ одинаковой степени съ остальными частями Римской Имперіи. Есть основаніе предполагать, что Египтяне, искуснѣйшіе ткачи въ мірѣ, приготовляли на своихъ станкахъ изъ китайскаго сырца ткани, подобно тому, какъ въ III ст. по Р. Х. шелковыя ткани, изготовлялись въ городахъ Тирѣ и Бейрутѣ, но нигдѣ нѣтъ указаній на то, что до покоренія Египта арабами, шелковыя ткани, приготовленные въ Египтѣ, служили предметомъ вывоза, подобно коврамъ и полотнамъ.

Незначительное количество остатковъ средневѣковыхъ шелковыхъ тканей, сохранившихся по сію пору въ церквахъ и музеяхъ Европы, относятся къ эпохѣ сравнительно поздней. По большей части это куски, обрывки шелковыхъ тканей, въ которые были завернуты мощи, привозившіяся съ Востока въ эпоху крестовыхъ походовъ, или подарки посылавшіяся Калифами или изъ Византіи, монополизировавшей въ Европѣ съ VI вѣка всю выдѣлку и торговлю шелкомъ. Цѣна шелка была очень высока; въ IV и III ст. шелкъ стоилъ въ 40 разъ дороже, чѣмъ теперь; шелкъ былъ предметомъ роскоши, доступнымъ только богатымъ и не могъ распространяться въ массѣ населенія, а потому неудивительно, что такъ мало сохранилось остатковъ шелковыхъ тканей.

Сохранившіеся въ ризницахъ и музеяхъ лоскуты шелка не имѣютъ вполнѣ опредѣленныхъ датъ; за исключеніемъ немногихъ. Остатки шелковыхъ тканей, находимыхъ въ коптскихъ некрополяхъ, относятся, какъ и вообще всѣ коптскія ткани, ко времени отъ IV до VIII стол. слѣдовательно, представляютъ первостепенное значеніе по своей древности и могутъ служить основаніемъ для болѣе точнаго опредѣленія остальныхъ сохранившихся шелковыхъ тканей.

При болѣе тщательномъ и систематическомъ изслѣдованіи коптскихъ некрополей и при дальнѣйшемъ и болѣе глубокомъ знакомствѣ съ исторіей древне-христіанскаго египетскаго искусства, можно будетъ достигнуть и болѣе точныхъ опредѣленій найденныхъ кусковъ шелка. Пока можно сказать, что всѣ шелковыя ткани, найденныя въ этихъ некрополяхъ, носятъ восточный, азіатскій характеръ, за исключеніемъ только кусковъ шелковыхъ коврового тканья (гобеленовъ) образцы котораго и по стилю и по рисунку приближаются къ коптскимъ тканямъ и потому говорятъ въ пользу мѣстнаго происхожденія. Это можетъ быть объяснено тѣмъ что сырецъ уже и раньше привозился въ Египетъ и употреблялся мѣстными ткачами ¹⁾.

Всѣ найденные до сихъ поръ въ коптскихъ кладбищахъ шелковые куски служили украшениями, пришитыми къ льнянымъ туникамъ, или же весьма рѣдко вотканными въ нихъ. Изъ шелка, какъ матеріала весьма цѣннаго, не дѣлали цѣльныхъ одѣяній. Прибавлю еще, что эти шелковые остатки найдены большею частью въ Ахмимѣ, что объясняется богатствомъ этого большаго торговаго центра.

Величайшей рѣдкостью является шерстяное или шелковое тканье съ примѣсью золотой или серебряной нитки. Нѣкоторыя ткани разукрашены набойкой (печатаніемъ и травленіемъ). Колпаки для головы плетеные, какъ кружева, изъ льна, шерсти, или шелку. Это древнѣйшіе образцы кружевнаго искусства.

Что касается до способа приготовленія коптскихъ тканей, то онъ не представляетъ никакихъ особенностей, сравнительно съ тѣмъ, какъ въ древности, въ Египтѣ выдѣлывались ткани. Еще въ языческую пору Египетъ славился своими александрійскими коврами и, кромѣ того всю свою многовѣковую исторію отличался выдѣлкою и торговлею льняными тканями.

Всѣ находимыя узорчатыя ткани, безъ исключенія вытканы на вертикальномъ гобеленовомъ станкѣ, вѣроятно, того вида, какъ онъ изображенъ на стѣнахъ бенигассанскихъ склеповъ

¹⁾ Въ житіяхъ коптскихъ мучениковъ, писанныхъ въ IV и V стол. и въ Синаксарѣ упоминается въ нѣсколькихъ мѣстахъ о шелковыхъ саванахъ, въ которые завертывались тѣла мучениковъ. Кромѣ того тамъ-же упоминается объ одномъ мученикѣ Нижняго Египта, который занимался выдѣлкою шелковыхъ кистей.

и на другихъ памятникахъ Египетскаго искусства, а также на греческихъ вазахъ. Основа, цѣпь, для этихъ тканей состоитъ изъ льняныхъ нитей, числомъ обыкновенно отъ 6—18 на сантиметръ. Данный орнаментъ вытканъ изъ шерстяныхъ, шелковыхъ, или льняныхъ нитокъ ¹⁾.

Если обратиться къ разсмотрѣнію самой орнаментаціи тканей, то нельзя не удивляться разнообразію и изяществу орнаментовъ, и не придти въ тому заключенію, что копты были величайшими декоратарами; трудно подыскать подобные примѣры такой широкой и свободной композиціи. Копты владѣли въ совершенствѣ способностью разрабатывать и располагать въ данномъ пространствѣ извѣстную декоративную тему, присоединяя къ этому удивительную колоритность. Самыя темы безпредѣльно разнообразны, простѣйшія изъ нихъ—плетеніе, меандръ, свастика, ромбъ, квадратъ, кругъ, крестъ, вообще геометрической орнаментъ, городчатые узоры, (въ зависимости отъ гобеленовой работы), закругленный крючекъ (laufender Hund) засимъ растительный орнаментъ: извивающаяся вѣтка, листь, (въ особенности виноградъ), растенія въ различныхъ комбинаціяхъ, то реально трактованы, то стилизованы, или схематизированы. Копты пользуются тоже животнымъ царствомъ, представителями котораго для тканей служатъ левъ, барсъ, собака, лошадь, козель, заяцъ, рыба, птицы разныхъ породъ. Обыкновенно они соединяютъ представителей растительнаго или животнаго царства съ геометрическимъ или инымъ орнаментомъ. Наконецъ, выдающуюся роль играютъ большія сложныя композиціи, въ которыхъ представляются сцены изъ классическаго міра или изъ священной исторіи; сцены эти всегда обрамлены орнаментомъ; такъ что такая ткань представляетъ нѣчто цѣльное, оконченное, въ родѣ картины. Такое же разнообразіе копты проявляютъ въ трактованіи орнаментовъ и темъ, въ зависимости отъ времени и мѣста; инныя темы трактованы съ тѣмъ удивительнымъ и изящнымъ реализмомъ, который они унаслѣдовали отъ предковъ; инныя прекрасно стилизованы или схематизированы.

При болѣе подробномъ анализѣ орнаментаціи тканей, нельзя не усмотрѣть древне-египетскіе мотивы и восточные; но копты нисколько не стѣсняются рамками даннаго стиля, въ большинствѣ случаевъ они смѣшиваютъ въ разнообразныхъ комбинаціяхъ стили и способы трактованія, что даетъ удивительный просторъ ихъ неизсякаемой творческой способности. Что копты примѣняли символику, это не подлежитъ сомнѣнію, они недаромъ прямые потомки древнихъ египтянъ; но вопросъ этотъ требуетъ еще обстоятельнаго изученія: необходимо опредѣлить, какіе древне-египетскіе символы перешли въ христіанскую эпоху и съ какимъ значеніемъ. (Рыба, ваза, глазъ, виноградъ, знакъ анхъ (сгux ansata), солнечный дискъ, урей и пр.). Точно также необходимо опредѣлить какіе древне-египетскіе орнаменты и декоративныя темы сохранились изъ богатой сокровищницы прошлаго, изъ прежнихъ росписей и орнаментаціи храмовъ, гипогеевъ, и другихъ памятниковъ.

Гармонія и сила красокъ замѣчательны, при чемъ порпуръ всѣхъ оттѣнковъ, фіолетовый, синій, коричневый, играетъ первенствующую роль, особенно въ памятникахъ, на которыхъ сказалось классическое вліяніе.

Кромѣ общей группировки орнаментаціи тканей, одной—подъ вліяніемъ классической культуры, другой—подъ вліяніемъ христіанскихъ вѣрованій, нельзя не выдѣлить при попыткѣ ихъ классификаціи, тѣхъ особенностей и различій, которые являются чисто мѣстными, заставляя предполагать до нѣкоторой степени, кустарный характеръ ткацкаго дѣла въ Египтѣ. Ткани, напр., Ахмимскаго кладбища, отличающіяся классическимъ характеромъ и мотивами, заимствованными изъ языческаго искусства, представляютъ нѣкоторыя особенности въ сравненіи напр., съ туниками Фаюма или Накаде и по матеріалу и по краскамъ и по орнаменту. Эти мѣстныя

¹⁾ Вообще ткани эти отличаются тѣми техническими особенностями, которыя присущи такъ называемымъ гобеленамъ.

различія объясняются условіями жизни и развитія той или другой мѣстности, наконецъ, зависятъ отъ времени основанія того или другаго кладбища.

Преобладающимъ населеніемъ древняго Ахмима въ разсматриваемое время были греческіе торговцы. Ихъ богатство и высокій уровень культуры, вліяя на вкусъ остальнаго городского населенія, естественно должны были отразиться и на искусствѣ, процвѣтавшемъ въ этомъ богатомъ городѣ. Языческая вѣра и греческая культура преобладали здѣсь еще въ теченіе V вѣка. Съ другой стороны, Ахмимъ былъ центромъ Оиванды, въ которой св. Пахомій основалъ первые монастыри, а потому и ткани, находимыя въ Ахмимскомъ кладбищѣ, могутъ считаться наидревнѣйшими. Весьма понятно отсюда, почему Ахмимскія ткани въ ряду прочихъ коптскихъ тканей достигли значительной степени совершенства, отличаются тонкостью и красотой и особенно изобилуютъ классическимъ элементомъ въ орнаментации. Кроме того, и сами христіане, приспособляя для своего культа языческіе храмы, передѣлывая языческія вѣрованія на христіанскій ладъ и перенося цѣликомъ древніе обычаи въ свою новую жизнь, способствовали нѣкоторому удержанію классической культуры.

Фаюмскій оазисъ, совсѣмъ отдѣленный отъ долины Нила, живущій своей самостоятельной жизнью, разумѣется, не могъ не создать въ своихъ тканяхъ чисто мѣстныхъ особенностей.

Нѣкоторую особенность типа мы можемъ усмотрѣть и на тканяхъ Саккарскаго некрополя, находящагося недалеко отъ начала Дельты. Совершенно уже самостоятельный типъ, стоящій какъ-бы особнякомъ, представляютъ ткани и орнаменты, найденные мною въ Верхнемъ Египтѣ не подалеку отъ Луксора, въ мѣстечкѣ Накада, на открытомъ мною кладбищѣ, а также и ткани Асуанскаго и Саламійскаго некрополя; въ нихъ классическій элементъ если и является, то уже въ очень испорченной, непонятой формѣ, а примѣненіе религиозныхъ сюжетовъ принимаютъ скорѣе варварскій характеръ.

Арабское искусство, смѣнившее въ IX—X вѣкѣ коптское, не оставило на коптскихъ тканяхъ никакихъ слѣдовъ; по крайней мѣрѣ мнѣ не удалось розыскать до сихъ поръ ни одного штриха, или мотива, которые могли бы засвидѣтельствовать объ арабскомъ вліяніи. Одинъ только образецъ ткани изъ Ахмима, № 40, представляетъ арабскую надпись, вышитую шелкомъ на полотнѣ; надпись, повторяющаяся въ видѣ орнамента, разобрана А. К. Марковымъ и гласитъ слѣд. „Смерть—успокоеніе въ Богѣ“. Здѣсь видно не вліяніе арабскаго искусства, а усиленіе владычества Арабовъ и слѣдовательно эту ткань можно считать за одну изъ наипозднѣйшихъ по времени происхожденія; ее можно отнести, вѣроятно, къ VIII вѣку, когда арабскій языкъ сдѣлался языкомъ всеобщимъ, а коптскій потерялъ уже право гражданства.

Древне-египетское искусство отразилось на тканяхъ довольно замѣтно, а именно: можно усмотрѣть на многихъ тканяхъ реализмъ, унаслѣдованный отъ предковъ въ изображеніи животныхъ и растений. Нѣкоторыя древне-египетскія украшенія и изображенія божествъ встрѣчаются на тканяхъ и другихъ памятникахъ, примѣняясь однако къ новымъ требованіямъ христіанства. Такъ, напр., на тканяхъ встрѣчаются древне-египетскій, символическій знакъ жизни „анхъ“, (№ 47, 52) конечно уже въ значеніи креста, какъ видимъ его съ этимъ же значеніемъ и на другихъ памятникахъ коптскаго искусства. На одной ткани изъ эрмитажнаго собранія (№ 21) встрѣчаемъ знакъ „змѣя урея“ и солнечный дискъ. Трудно опредѣлить еще теперь, за недостаткомъ подробнаго изученія имѣющихся налицо коптскихъ тканей и другихъ памятниковъ христіанскаго искусства Египта, въ какой степени выразилось на нихъ прямое заимствованіе, или откликъ древне-египетской культуры и искусства. Но можно предположить, что это вліяніе играло извѣстную роль, такъ какъ вообще духъ народа, его темпераментъ, созданный всѣми условіями, присутствующими его жизни, и его свойствами не можетъ не отражаться на произведеніяхъ его творчества. Уже теперь можно отмѣтить, что копты, не чуждаясь вліянія Грековъ и Востока, не только не

подавались вполне чужим идеалам и стремлениям, но живя отдельной и замкнутой жизнью (особенно после отделения от православной церкви в 451 г. на Халкидонском соборе), приспособляли свою древнюю культуру и религию к требованиям и духу своей новой веры. (Догматы о монотеизме, о Троице, о загробной жизни, о судилище, об аде, об рае и др.).

На всех имеющихся на лицо тканях можно отличить преобладание двух главных направлений; одно из них относится к области классической культуры, другое носит на себе черты характера христианского. Ткани, выделанные под влиянием греко-римской культуры, самые древние и в большинстве случаев самые тонкие по рисунку и по технике. На них изображаются лица и сюжеты, заимствованные из классической жизни: охотники, воины, танцовщицы, Геракл, Вакх и др., и сложные композиции напр. Триумф Вакха (№ 10 bis), Подвиги Геракла (№ 3), Орфей (№ 8) и т. п.

На тканях этой же категории встречаются изображения элементов древне-египетского искусства и изображены представители фауны и флоры, трактованные с реализмом (№ 9, 10), присущим многовековой египетской культуре. Влияние классической культуры мы встречаем на тканях происходящих из всех известных доселе могильников, с той разницей, что одни могильники доставляют ткани с хорошим рисунком, в котором видна рука опытного рисовальщика и понимание рисунка ткачем, переносящим его на основу ткани; другие могильники доставляют ткани иногда с подобными же сюжетами, но рисунок их грубый и как бы непонятый. Неизвестно, происходит ли такая разница оттого, что лучшие ткани выполнены греческими мастерами, а худшие суть копии, исполненные туземными; трудно даже решить вопрос, одновременны ли ткани с аналогичными сюжетами. Только подробное исследование тканей и памятников каждого отдельного могильника даст возможность разрешить эти вопросы.

На тканях с религиозными сюжетами черты изящества, отличающие предыдущую группу, постепенно теряются; является новый источник вдохновения для египетских художников и мастеров—это священная история. На тканях изображаются святые и композиции религиозного характера, простые и сложные. Но рисунок постепенно грубеет, пропорция тела игнорируется, является схематичность в изображении сюжетов; орнамент сложный, не всегда ясный и вообще реализм, отмеченный на тканях классической группы, замещается полной стилизацией всех элементов, составляющих данную композицию. При всем этом, ткани не теряют в красках, но гармония и приятное сочетание их замещаются сопоставлением сильных тонов. Египтяне, освободившись от греческого влияния, возвращаются к прежнему своему пониманию красок, отличающемуся резким сопоставлением контрастных и сильных тонов. Особенно интересным представляется в этом последнем отделе изучение иконографических тем; интересно сравнение их с византийским трактованием и с западным. Это важно еще и потому, что после Халкидонского собора, копты отделились совершенно от православной церкви и следовательно не участвовали больше в решениях остальных соборов. Можно сказать, что монофизитизм не изменялся больше с V стол., следовательно, начиная с того времени, в христианских памятниках коптов мы можем увидеть первоначальные концепции многих иконографических тем. Важное значение коптских тканей, как памятников христианского искусства, не может ускользнуть от каждого видевшего их. Но этими тканями далеко не исчерпывается материал для изучения древне-христианского искусства Египта. Долина Нила представляет еще массу неизследованных могильников и памятников зодчества, ваяния и живописи. Тут открывается широкое поле деятельности для каждого интересующегося христианской археологией и желающего обогатить историю искусства новыми вкладками.

В заключение позволю себе предложить несколько основных задач, решение которых представляется необходимым для определения характерных черт коптского искусства и его развития.

Опредѣлить:

- 1) насколько отразилось въ немъ древне-египетское искусство.
- 2) Какую роль играло греко-римское искусство, насколько оно отразилось и въ какихъ памятникахъ.
- 3) Анализировать вліяніе персидскаго и передне-азіатскаго искусства.
- 4) Изучить и издать архитектурные памятники.
- 5) Изучить и описать фресковую живопись и издать всѣ остатки ея.
- 6) Изслѣдовать миниатюры.
- 7) Собрать corpus inscriptionum coptarum (плиты, храмы, пещеры, скалы, острака etc.)
- 8) Систематически изслѣдовать многочисленные некрополи, найти характерныя черты находящихся въ нихъ тканей и предметовъ.
- 9) Подробно описывать предметы церковнаго и домашняго обихода.
- 10) Описывать и анализировать ткани и собирать всѣ элементы орнаментаціи ихъ.
- 11) Определить, насколько древне-египетскіе символы перешли въ христіанское искусство и вообще изучить символику коптовъ.
- 12) Изучить иконографическія темы встрѣчающіяся на коптскихъ памятникахъ.
- 13) Отмѣтить тѣ черты, коими отличаются вообще памятники коптскаго искусства отъ византійскаго и западно-христіанскаго.
- 14) Определить, насколько и какъ выразилось вліяніе Византіи на развитіе коптскаго искусства.
- 15) Какія характерныя черты коптскаго искусства.
- 16) Изученіе коптскаго искусства въ арабскій періодъ; при чемъ необходимо прослѣдить заимствованія арабами элементовъ коптскаго искусства на свое зарождающееся; и засимъ въ болѣе позднія эпохи вліянія вполне установившаго арабскаго искусства на коптское.

Для разъясненія сдѣланной нами общей характеристики коптскихъ тканей, приводимъ нѣсколько наиболѣе интересныхъ и типичныхъ примѣровъ для каждой изъ приблизительно намѣченныхъ группъ.

№ тканей расположены по порядку на 6 таблицахъ.

№ въ скобкахъ означаютъ инвентарные номера Эрмитажнаго собранія.

Всѣ таблицы сняты съ приложеніемъ масштаба въ 0 м., 10.

Описаніе таблицъ.

Таблица I. (XVI) № 1 (№ 75)

Эта ткань представляетъ кругъ (діам. около 0 м. 25) съ изображеніемъ женской фигуры въ медальонѣ, окаймленномъ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ и листьевъ; вѣнокъ отдѣляется отъ медальона желтымъ кольцомъ, наружный край котораго зазубренъ; фонъ вѣнка и медальона фіолетово-пурпуровый. Изображенная поясная фигура представляетъ женщину съ полнымъ красивымъ лицомъ и съ щеками блестящими румянцемъ. Контуръ правой стороны фигуры оттъненъ синей и голубой краскою, лѣвой стороны одною синею. Черные волосы раздѣленные проборомъ спадаютъ въ видѣ локоновъ на спину и красиво ложатся по обоимъ плечамъ; ближе ко лбу волосы оттънены болѣе свѣтлыми тѣнями. Голова украшена золотой повязкой съ цвѣткомъ, по сторонамъ. Поверхъ повязки возвышается золотой солнечный дискъ съ изображеніемъ на немъ змѣя-урей: у основанія диска надъ повязкой изображены два колоса. Въ ушахъ золотыя серьги, подобныя тѣмъ, которыя встрѣчаются въ римскую эпоху въ Египтѣ и Сиріи. Поверхъ розовато-лиловаго хитона переброшенъ черезъ правое плечо темно-желтый гиматій, скрѣпленный на груди узломъ въ видѣ банта. Руки не изображены, но очевидно лѣвой рукой женщина поддер-

живаешь серебряную чашу, (или изъ голубаго стекла) верхняя часть которой высовывается изъ подъ гиматія. Подъ хитономъ видна розовая рубашка. Фигура, исполненная яркими, отлично сохранившимися красками выдѣляется на темномъ фіолетовомъ фонѣ, оттѣнена синею и голубою краскою. Съ правой стороны выткана бѣлыми нитками греческая надпись ΓΗ-земля. Это изображеніе земли, украшавшее одно плечо туники, въ которую былъ одѣтъ покойникъ, можно сопоставить съ подобнымъ великолѣпнымъ изображеніемъ, украшавшимъ по всей вѣроятности другое плечо той же туники. Въ медальонѣ подобномъ нашему (находится въ собраніи Вл. С. Голеницева и былъ купленъ одновременно съ описываемымъ экземпляромъ) представленъ бюстъ старца, держащаго въ рукахъ рогъ изобилія; по обѣимъ сторонамъ головы надпись ΝΕΙΛος¹⁾. Въ образѣ этихъ двухъ лицъ матери земли, кормилицы человѣка и Нилѣ, рѣки, оплодотворяющей Египетскую землю, мы видимъ выраженіе одного изъ важнѣйшихъ религіозныхъ вѣрованій древнихъ Египтянъ сохраненнаго и потомками ихъ христіанами. Послѣдніе представляли эти изображенія на своихъ одеждахъ и на другихъ предметахъ домашняго обихода, какъ наиболѣе укоренившіеся дорогіе и святые символы, съ которыми связаны жизнь и смерть каждаго египтянина. Эти единственные въ своемъ родѣ по рисунку и по тонкости исполненія образцы ткацкаго искусства найдены въ Ахмимскомъ некрополѣ осенью 1888 г. На Ом, 01 ткани приходится 14—15 нитокъ основы²⁾.

Таблица I. № 2. (№ 122).

Полоса; выткана темнолиловымъ пурпуромъ на льняномъ фонѣ. Прекрасная мужская фигура стоитъ со сложенными на крестъ ногами и опирается лѣвой рукой на длинное копьё; черезъ лѣвое плечо спадаетъ гиматій, оставляя всю фигуру нагою; въ полѣ ткани вьется виноградная лоза; надъ головой въ овальномъ медальонѣ, расположенномъ вдоль длины полосы, изображена дикая коза (антилопа?).

Таблица I. № 3. (№ 36).

Квадратъ, служившій плечевымъ украшеніемъ туники съ изображеніемъ въ медальонѣ, заключенномъ въ квадратѣ, Вакха (?), ѣдущаго на колесницѣ, запряженной 3 барсами; впереди колесницы сидитъ возница; вправо отъ колесницы двѣ человѣческія фигуры. Вокругъ квадрата изображены двѣнадцать подвиговъ Геракла. Всѣ изображенія вытканы на льняномъ фонѣ пурпуромъ; очертанія волосъ, глазъ, частей тѣла, одежды и тѣней вытканы льняными нитками.

Таблица I. № 4. (№ 89³⁾).

Парящій амуръ, голова котораго окружена желтымъ нимбомъ и покрыта курчавыми коричневыми волосами; тѣло его прикрито только на спинѣ развѣвающимся желтымъ гиматіемъ, оттѣненнымъ коричневымъ; обѣими руками онъ держитъ чашу; крылья голубого цвѣта. Изображеніе на темномъ пурпуровомъ квадратномъ фонѣ обрамлено рядомъ ободковъ: желтаго, темно-зеленаго съ коричневыми кружками, желтаго и краснаго цвѣтовъ. Тѣло и вся фигура тонко оттѣнены полутонами.

Таблица I. № 5. (№ 125),

Часть полосы. На льняномъ фонѣ выткана пурпуромъ прекрасная фигура юнаго пастуха, одѣтаго въ экзомисъ и держащаго за спиной обѣими руками постушій посохъ. Въ полѣ виноградная лоза съ листьями. Надъ фигурой овальный (продольный) медальонъ съ изображеніемъ барса.

¹⁾ См. записки Вост. отд. Имп. Русск. Арх. Общ. Т. V.

²⁾ См. раскрашенную таблицу № XXII.

Таблица эта воспроизведена въ экспедиціи заготовленія Государственныхъ Бумагъ, въ видѣ овыта, фототипіей тремя красками. Считаю долгомъ своимъ благодарить Г-на Вейсенберга за эту добросовѣстную работу дающую такое вѣрное представленіе о ткани.

Цвѣта оригинала свѣтлѣе и нѣжнѣе и сливаются въ болѣе гармоническое сопоставленіе тоновъ; особенно пурпуръ, синій цвѣтъ и желтый.

³⁾ Принесенъ въ даръ граф. Алексѣемъ Алексѣевичемъ Бобринскимъ.

Таблица I. № 6. (№ 77).

Круглый медальонъ; на розовомъ фонѣ изображены льняными нитками обращенные спинами два барса, оборачивающіе головы къ стоящему между ними дереву (древо жизни) съ 5 стеблями; на среднемъ флеронѣ; на первой парѣ стеблей два острыхъ листа, нижняя пара стеблей закругляется крючкомъ. Койма закругленными крючками (*laufender Hund*). Рисунокъ стилизованный, весьма энергичный и красивый.

Таблица I. № 7. (№ 71).

Овальный медальонъ; на розовомъ фонѣ изображеніе двухъ обращенныхъ другъ къ другу барсовъ, головы которыхъ обращены назадъ; посреди ихъ дерево, которое развѣтвляется надъ барсами; схематическое трактованіе предъидущаго №.

Таблица I. № 8. (№ 76) ¹⁾.

Образцомъ той группы тканей, на которой сказалось вліяніе христіанства, можетъ служить ткань съ изображеніемъ Орфея, играющаго на лирѣ среди укрощенныхъ имъ звѣрей. Изображеніе Орфея, укрощающаго своею игрою звѣрей, было весьма распространено въ языческомъ искусствѣ въ римскій періодъ. Образъ его также служилъ для первыхъ христіанъ символомъ Христа; сравненіе его съ Христомъ дѣлалось многими отцами церкви первыхъ вѣковъ. Какъ символъ Христа среди другихъ христіанскихъ изображеній, Орфей встрѣчается въ памятникахъ древнехристіанскихъ, начиная съ III вѣка. Наше изображеніе заключено въ круглый медальонъ и представляетъ сидящаго въ центрѣ Орфея съ лирой въ рукахъ; по сторонамъ его человѣческія фигуры; надъ головой его на деревьяхъ птицы, а далѣе вокругъ—фигуры укрощенныхъ звѣрей слушающихъ его игру. Койма закругленными крючками. Изображенія вытканы на бѣломъ льняномъ фонѣ красными и льняными нитками.

Таблица I. № 9 (№ 204).

Съ замѣчательнымъ реализмомъ исполненные на льняномъ фонѣ два попугая по сторонамъ цвѣтка. Птицы темно-зеленаго цвѣта, крылья зеленовато-желтоватыя, клювъ и лапки красные, вокругъ шеи красная ленточка, концы которой извиваются надъ тѣломъ; цвѣтокъ похожій на тюльпанъ, лепестки зеленые и красные съ желтымъ. Койма красная. Часть борта туники или *clavus*.

Таблица I. № 10. (№ 217).

На льняномъ фонѣ лиловымъ пурпуромъ изображена птица изъ породы воробьевъ; на брюшкѣ свѣтлыя полосы, лапки коричневатые.

Таблица II. (XVII) № 10. bis. (№ 120).

Большой квадратъ со вписаннымъ кругомъ. Рисунокъ вытканъ темнымъ пурпуромъ на льняномъ фонѣ. Отъ изображенія сохранилась лишь нижняя половина круга; въ немъ представленъ триумфъ Вакха. Вакхъ стоитъ на колесницѣ, въ которую запряжены два поднявшіеся на дыбы барса; его окружаютъ по сторонамъ двѣ мужскія и двѣ женскія пляшущія фигуры, головы ихъ откинута назадъ. Поле украшено виноградною лозою; по 4 угламъ описываемаго квадрата дельфины. Изображенія вытканы на льняномъ фонѣ шерстью коричнево-пурпуроваго цвѣта и отгнѣнены бѣлою ниткою. По нижнему ободку волнообразная линія съ листьями.

Таблица II. № 11. (№ 117).

Грудное украшеніе ворота туники, пурпуровое тканье на льняномъ фонѣ. Изображены 3 арки на колоннахъ съ капителями и базою. Средняя арка: архивольтъ украшенъ плетениемъ, въ пространствѣ между колоннами изображеніе двухъ воиновъ, держащихъ лѣвой рукой щитъ; одинъ изъ воиновъ держитъ правою рукою мечъ. Одѣты они въ экзомисъ, съ лѣваго плеча спускается гиматій; на головахъ коническія шапки; головы въ нимбахъ. Въ правой аркѣ мужская и женская пляшущія фигуры; лѣвыя руки у нихъ приподняты; правой опущенной рукою женщина

¹⁾ Принесенъ въ даръ гр. А. А. Бобринскимъ

держитъ шаръ; одѣта она въ тунику; длинный плащъ спадаетъ съ лѣваго плеча; у мужской фигуры спускается гиматій съ лѣваго плеча. Въ лѣвой аркѣ повтореніе предыдущаго сюжета. Фонъ крайнихъ арокъ бѣлый; фонъ средней арки оттѣненъ пурпуромъ. Въ пространствѣ между арками изображеніе зайца; верхній бортъ украшенъ фестонами, нижній ступеньчатыми орнаментами, на бѣлый фонъ, между которыми, спускаются на шнурѣ пурпуровые шары.

Таблица II. № 12. (№ 133).

Украшеніе рукава туники; въ полотнѣ вытканы пурпуромъ двѣ полосы съ одинаковымъ почти содержаніемъ; два воина стоятъ въ доспѣхахъ, вооруженные щитами; въ ногахъ у одного изъ нихъ барсъ, у другого левъ; между ними круглый медальонъ. Во второй полосѣ одинъ изъ воиновъ вооруженъ мечемъ и въ ногахъ у него заяцъ. Койма закругленными крючками.

Таблица II. № 13. (№ 115).

4 куска тканей съ изображеніями 4 изящныхъ фигуръ, вытканыхъ фіолетовымъ пурпуромъ на льняномъ фонѣ; одна изъ нихъ вѣроятно представляетъ Сатира, съ козлиными ногами, держащаго панфлейту и оборачивающаго голову, другая—юношу, принадлежащаго очевидно къ свитѣ Вакха, съ чашей въ рукѣ. Двѣ остальные фигуры представляютъ танцующихъ женщинъ. По сторонамъ каждой фигуры вѣтвя виноградная лоза. Каждый кусокъ составляетъ половину полосы; двѣ такія полосы, поставленныя рядомъ, составляютъ украшеніе рукава (см. № 12). Фигуры отдѣлялись кругомъ украшеннымъ плетеніемъ.

Таблица II. № 14. (№ 148).

Кругъ, служившій украшеніемъ передней или плечевой части туники. На ярко-красномъ фонѣ бѣлый рисунокъ, оттѣненный краснымъ и желтымъ. Изъ изящной вазы выходитъ растеніе, между вѣтвями котораго изображены четыре генія, въ разныхъ позахъ, съ разными предметами въ рукахъ; между ними слѣва изображенъ заяцъ, справа газель. Койма закругленными крючками. Весьма тонкая и изящная работа.

Таблица III. (XVIII) № 15. (№ 149).

Угловое украшеніе савана, на льняномъ фонѣ разноцвѣтное тканье. Большой квадратъ, въ центрѣ котораго представлена скачущая на конѣ фигура воина, обрамленная пурпуровой каймой. Въ поднятой лѣвой рукѣ онъ держитъ голубой шаръ. Лошадь и воинъ пурпуроваго цвѣта; гиматій краснаго; сѣдло и сбруя желтаго; подъ лошадью лежитъ пурпуровый щитъ съ желтой полосой; по угламъ квадрата въ медальонахъ изображеніе воиновъ на колѣнахъ. Щитъ у праваго нижняго воина пурпуровый съ желтой полосой; у праваго верхняго на половину пурпуровый и желтый; у лѣваго верхняго пурпуровый и зеленый; на двухъ воинахъ (лѣвый верхній и правый нижній) красные оттѣненные розовымъ гиматіи; на другихъ двухъ (правый верхній и лѣвый нижній) зеленые, оттѣненные темно-зеленымъ. Оба воина на правой сторонѣ квадрата держатъ щитъ въ правой рукѣ; лѣвый верхній воинъ держитъ щитъ въ лѣвой рукѣ; лѣвый нижній держитъ обѣими руками гуся, у котораго тѣло голубое, крылья желтыя, клювъ и лапы красныя. Угловые медальоны соединены пурпуровыми арками, которыя въ мѣстахъ соединенія съ уловыми медальонами кончаются вѣточкой съ пурпуровыми и красными листьями; подъ арками желтыя полосатыя корзины съ красными цвѣтами.

Таблица III. № 16. (№ 31)

Небольшой квадратъ; часть украшенія передней части туники; рисунокъ пурпуровый на льняномъ фонѣ, въ центрѣ круглый медальонъ, въ которомъ изображенъ воинъ, скачущій на конѣ; правая рука приподнята, изображаетъ моментъ метанія; подъ ногами лошади щитъ. По угламъ изображены 4 воина, вооруженные щитами и одѣтые въ гиматіи; они наступаютъ другъ на друга, между ними изображены львы и барсы; въ полѣ квадрата и внутренняго круга разбросаны вѣтки съ листьями.

Таблица III. № 17. (№ 292)

Обрывокъ квадрата. На пурпуровомъ квадратномъ фонѣ окаймленнымъ желтымъ ободкомъ лицо юноши въ желтомъ ореолѣ. Коричневые волосы въ завиткахъ, оттъенныхъ розовой ниткой, сдерживаются бѣлой повязкой; большіе миндалевидные глаза съ полуопущенными вѣками; темныя брови, энергично обрисованныя; губы алыя. Квадратъ окруженъ фризомъ, состоящимъ изъ листообразнаго орнамента, въ которомъ на красномъ фонѣ выдѣляются синіе, розовые, желтые и зеленые листья и цвѣты. Весьма тонкая и изящная работа; краски на лицѣ и волосахъ наложены полутонами. Прекрасный примѣръ классическаго вліянія.

Таблица III. № 18. (№ 118).

Обрывокъ верхняго нагруднаго борта туники; на льняномъ фонѣ пурпуровое тканье. Въ аркадахъ упирающихся на колонны съ капителью и базисомъ, изображены пляшущія фигуры; въ правой аркѣ женская и мужская фигуры; женщина въ длинной туникѣ, съ правой руки спускается гиматій; мужская фигура подпоясана платомъ; въ лѣвой аркѣ одна мужская фигура, пожилаго мужчины; черезъ правое плечо перекинута однорукавная сорочка; правая его рука приподнята; лѣвой онъ держитъ мѣшокъ (?); очень тонкая работа; контуры оттъены льняною ниткою.

Таблица III. № 19. (№ 128).

Квадратъ съ изображеніемъ охотника, пронзающаго рогатиной льва, поднявшагося на дыбы; льняной фонъ; изображеніе вышито темно-синимъ пурпуровымъ цвѣтомъ; рогатина и языкъ льва красные; охотникъ совершенно нагъ; фонъ, на которомъ нѣсколько вѣтокъ съ листьями, окаймленъ лиловой пурпуровой рамкой, украшенной орнаментомъ, изображающимъ плетеніе, которое выткано желтоватыми нитками.

Таблица III. № 20. (№ 32).

Квадратъ окаймленный зеленовато пурпуровой каймою; въ немъ вписанъ таковой же кругъ изъ котораго по угламъ выходитъ по листу. Въ кругу растеніе того же цвѣта съ тремя красноватыми цвѣтками; фонъ льняной. Тонкая работа.

Таблица III. № 21. (№ 211).

Маленькій темнофіолетовый пурпуровый квадратъ, съ бѣлой городчатой каймой; въ центрѣ бѣлое кольцо, въ которомъ выдѣляется бѣлое плетеніе; по угламъ кружки изображающіе листья. Орнаментъ плетенія весьма часто встрѣчается на другихъ памятникахъ, въ болѣе или менѣе осложненномъ видѣ. Плетеніе встрѣчается на древне-египетскихъ памятникахъ, начиная съ XII династін.

Таблица III. № 22. (№ 97).

Пурпуровый квадратъ, украшенный оранжевымъ тканьемъ; широкій бордюръ плетеніемъ окаймляетъ небольшой квадратъ, въ которомъ вписанъ пурпуровый кругъ; въ немъ на оранжевомъ фонѣ красивый орнаментальный листъ; по угламъ листья въ видѣ флероновъ.

Таблица III. № 23 (№ 263).

Украшеніе плечъ туники. Большой овалъ, черно-пурпуровый съ изображеніемъ коптскаго креста (съ расширяющимися концами); пространство между концами креста заполнено желтымъ фономъ съ красными и зелеными пятнами, изображающими золотой листокъ съ вставленными изумрудами и рубинами. Перекрестье круглое окаймленное бѣлымъ кольцомъ; въ немъ изображена 8-лучевая бѣлая звѣзда, между лучами которой 8 желтыхъ утокъ съ краснымъ кловомъ; въ концахъ лучей вытканы зеленые треугольники съ краснымъ пятномъ. Въ центрѣ звѣзды на черномъ фонѣ погрудное изображеніе женщины въ бѣлой туникѣ съ разноцвѣтными клавами; въ ея ушахъ большія подвѣски. На концахъ рукавовъ креста изображены бѣлые барсы, оттъенные пурпуромъ; языки красные.

Таблица IV. (XIX). № 24 (№ 298).

Полоса (clavus); нижній кругъ оторванъ. На льняномъ фонѣ вытканъ пурпуромъ рядъ стилизованныхъ листьевъ на стебелькѣ, въ медальонахъ. Въ срединѣ полосы на темномъ фонѣ изображена рыба; весь орнаментъ обрамленъ пурпуровой каймой, на вѣшной сторонѣ которой изображенъ рядъ привѣсокъ въ видѣ бахромы. Это родъ схемы украшеній, встрѣчающихся часто на росписи древнихъ египетскихъ гробницъ.

Таблица IV. № 25 (№ 190).

Полоса туники или савана. Двойной рядъ красныхъ сердцевидныхъ листьевъ, входящихъ одинъ въ другой; между каждыми 4 листьями изображенъ зеленый флеронъ; кайма тоже зеленая. Этотъ видъ орнамента въ болѣе сложной и орнаментальной формѣ встрѣчается на росписяхъ древнихъ египетскихъ гробницъ, а также характеренъ для произведений персидскаго искусства времени сасанидовъ; его часто встрѣчаемъ на шелковыхъ тканяхъ. Наконецъ онъ является въ схематизированномъ видѣ на коптскихъ же тканяхъ.

Таблица IV. № 26 (№ 160).

Кругъ темнофіолетоваго пурпуроваго цвѣта, на которомъ бѣлыми нитками выведенъ сложный плетеный орнаментъ. Кайма состоитъ изъ закругленныхъ крючковъ. Этого рода круги и квадраты составляли украшеніе плечъ на туникахъ или угловъ савановъ и весьма распространены; на нихъ встрѣчаются самыя разнообразныя плетенія и орнаменты, источникомъ которыхъ служить простое плетение (см. № 21).

Таблица IV. № 27 (№ 297).

Часть полосы или клава; на красномъ фонѣ бѣлыя козы и львы; рисунокъ стилизованный, полный силы. Между животными—растение о трехъ цвѣткахъ на длинныхъ стебляхъ; рисунокъ исполненъ льняною бѣлою ниткою. Кайма изъ листьевъ бѣлыхъ, зеленыхъ и желтыхъ, схематизація орнамента № 25.

Таблица IV. № 28 (№ 189).

Узенькая полоса: клавъ туники; на розовомъ фонѣ льняной рисунокъ; волнообразная вѣтвь съ трехлепестковыми листьями, выходящая изъ вазы. Въ верхней части полосы ваза, изъ которой вырастаетъ цвѣтокъ съ прямымъ стеблемъ и верхушечнымъ и боковыми листьями. Кайма закругленными крючками.

Таблица IV. № 29 (№ 299).

Пурпуровая полоса; бортъ савана. На желтоватомъ льняномъ фонѣ волнообразная лоза съ листьями и виноградомъ.

Таблица IV. № 30 (№ 2).

Полоса туники. Пурпуровая волнообразная вѣтвь съ побѣгами; въ изгибахъ поочередно заяцъ и листья красные и зеленые на таковыхъ же стебелькахъ.

Таблица IV. № 31 (№ 287).

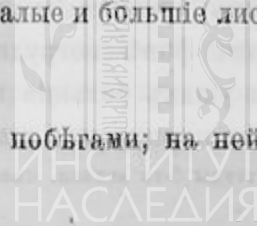
Полоса, украшающая рукавъ туники у кисти. На льняномъ фонѣ фіолетовая волнообразная вѣтвь съ побѣгами. Въ каждомъ изгибѣ сидитъ на стебелькѣ стилизованный листъ, напоминающій листья № 24.

Таблица IV. № 32 (№ 15 bis).

Полоса туники; на желтовато-коричневомъ фонѣ, рисунокъ вытканъ лиловымъ пурпуромъ. Двѣ перекрещивающіяся волнообразныя вѣтви образуютъ центральные медальоны, въ которыхъ сидитъ на прямомъ стебелькѣ листъ; съ боковъ медальоновъ выходятъ малые и большіе листья. Кайма лиловая.

Таблица IV. № 33 (№ 13).

Полоса туники. На зеленомъ фонѣ желтая волнообразная вѣтвь съ побѣгами; на ней по-

сажены розовые цвѣтки съ бѣлыми пятнышками; кайма снаружи красная переходитъ въ оранжевый цвѣтъ.

Таблица IV № 34 (№ 7).

Красный листъ; въ центрѣ зеленый одинаковой съ листомъ формы листокъ, окаймленный желтымъ бордюромъ съ флеронами желтаго и сѣраго цвѣта; на зеленомъ щиткѣ изображена схематически птица.

Таблица IV № 35 (№ 138).

Часть полосы; по льняному фону желтовато-зеленоватая волнообразная вѣтвь, на каждомъ изгибѣ которой посаженъ листъ красный или темно-зеленый. Кайма зеленая.

Таблица IV. № 36 (№ 295).

Полоса; на льняномъ фонѣ рядъ красныхъ листьевъ, обращенныхъ концомъ въ одну сторону; это такъ сказать реалистическое изображеніе орнамента № 25. У соединенія листьевъ по 2 черныхъ точки; кайма черная.

Таблица IV. № 37 (№ 26).

Полоса; на льняномъ фонѣ рисунокъ вытканъ пурпуромъ. Толстая волнообразная вѣтвь съ побѣгами и маленькими листьями. Въ изгибахъ скачущія животныя; козель съ большими загнутыми къ спинѣ рогами, собака (?) и лошадь, или осель. Кайма арками.

Таблица IV. № 38 (№ 1).

Широкая фіолето-пурпуровая полоса, рисунокъ вытканъ льномъ и оттѣненъ фіолетовымъ; рядъ ромбовъ, образованныхъ перекрещивающимися прямолинейными гирляндами изъ листьевъ; въ перекрестьяхъ круглые медальоны съ коптскимъ крестомъ по срединѣ; въ 3 ромбахъ изображены: коптскій крестъ, птица (куропатка ?) и крестообразный орнаментъ флероновъ; въ полуромбахъ у борта, половинки медальоновъ съ крестами и крестообразнаго орнамента. Бордюръ крючковатый, подобный № 26 и 28.

Таблица IV. № 39 (№ 25).

Кайма отъ нагруднаго украшенія. Пурпуровый кантъ, съ котораго спускаются на бѣлый фонъ, помѣщенные въ аркахъ пурпуровыя привѣски, оканчивающіяся шаромъ. Этого рода орнаментъ встрѣчается въ древне-египетскихъ гробницахъ.

Таблица IV. № 40. (№ 200).

Вышивка краснымъ шелкомъ на полотнѣ представляетъ повторяющуюся арабскую надпись Куфическими буквами, въ видѣ орнамента. Надпись разобрана Л. К. Марковымъ и значить: „Смерть успокоеніе въ Богѣ“.

Таблица IV. № 41. (№ 14).

Часть полосы, состоящая изъ 2 отдѣленій. Въ одномъ на пурпуровомъ фонѣ льняными нитками вытканы двѣ птицы, обращенныя головами къ вазѣ, стоящей между ними; въ другомъ — на льняномъ фонѣ пурпуровыми нитками вытканъ скачущій барсъ; бѣлая кайма состоитъ изъ спускающихся привѣсокъ, родъ бахромы въ родѣ № 24 и 39.

Таблица IV. № 42. (№ 6).

Тончайшей работы листъ, окаймленный розовымъ бортомъ съ желтыми кружечками; короткий, расширяющійся къ основанію стебель, розовый, оттѣненный желтымъ и зеленымъ. Въ листѣ на бѣломъ фонѣ, окаймленномъ желтымъ кантомъ, изъ розовой и желтой вазы подымается растеніе съ разноцвѣтными листьями и плодами. Средній стебелекъ оканчивается плодомъ. Часть листьевъ и плодовъ окаймлены темно-синимъ; листики розовые, зеленые. Стволъ и стебельки желтые, окаймлены темно-синимъ.

Таблица IV. № 43. (№ 81).

Нижняя часть широкаго краснаго клава, съ изображеніемъ человѣческихъ фигуръ и жи-

вотныхъ; верхняя часть отрѣзана. На отрѣзанной части видны ноги фигуры и нижняя часть коричневой, расшитой бѣлымъ, туники. Ниже изображенъ всадникъ на бѣломъ скачущемъ конѣ; лицо бѣлое, обрамленное краснымъ, черты изображены коричневымъ. Волосы каштановые; туника свѣтлозеленая; гиматій, спускающійся съ правой стороны, желтокоричневый; ноги одѣты въ голубое платье; правая рука приподнята, лѣвой—онъ правитъ лошадей. Лошадь бѣлая скачетъ; копыта у нея темнозеленыя и желтокоричневые. Грива большая, обозначена желтыми и коричневыми прядями; на лбу желтая чолка; на груди темнозеленое украшеніе въ видѣ сердце-видной привѣски—фалара. Чепракъ голубой.

Ниже крылатый левъ съ приподнятой правой лапой готовится подняться. Морда и уши желтыя, тѣло желтое, спина желто-коричневая, грива темнокоричневая, лѣвая передняя лапа желто-коричневая; крылья (изображено одно крыло) темнозеленыя и коричневыя. Мускулатура обозначена разноцвѣтными пятнами и грубо подражаетъ лвамъ на фаянсовомъ фризѣ Даріева дворца. Кончикъ загнутаго хвоста голубой. Въ этой сценѣ ткачъ очевидно не понялъ намѣренія художника и не выткалъ копья, которымъ всадникъ поражаетъ звѣря. Эта тема очень извѣстна въ языческомъ міровоззрѣніи египтянъ и изображала Горуса, поражающаго дракона Тифона, убійцу отца его. Египтяне, принявши христіанство, примѣнили его къ излюбленному ими Архангелу Михаилу, поражающему дьявола.

Еще ниже въ кругѣ, оканчивающемъ клавъ, погрудное изображеніе человѣка въ свѣтло-зеленомъ нимбѣ и одѣтаго въ розовую длиннорукавую тунику; съ правой стороны желтый гиматій. Лицо бѣлое, окаймленное краснымъ; черты изображены коричневымъ, волосы каштановые. Клавъ окаймленъ широкимъ бордюромъ акантовыхъ схематизированныхъ темнозеленыхъ листьевъ на красномъ фонѣ, часть которыхъ украшена коричневатой вставкою. Крайняя кайма изъ разноцвѣтныхъ схематически изображенныхъ листьевъ. Несмотря на яркость тоновъ, гармонія красокъ превосходно соблюдена, и въ этомъ отношеніи копты являются прямыми наследниками древнихъ египтянъ, такъ мастерски умѣвшихъ распоряжаться яркими тонами. Весь клавъ вытканъ шерстью: бѣлыя части вытканы льномъ.

Таблица V. (XX). № 44. (№ 222).

Часть клада, состоявшаго изъ зеленыхъ и пунсовыхъ тябелъ; сохранилось одно тябло; на зеленомъ фонѣ изображенъ сидячій орантъ; на головѣ прорѣзной вѣнецъ, черезъ который видны желтыя и оранжевыя волосы; голова окружена желтымъ, съ выемкой на вершинѣ, нимбомъ; борода зеленая, тѣло нагое красно-коричневаго цвѣта; вокругъ стана обвита разноцвѣтная ткань (коричневая, голубая, пунсовая и желтая). Контуръ тѣла и мускулатуры груди обведенъ бѣгимъ; черты лица, пальцы и контуръ ткани обозначены синимъ. По сторонамъ фигуры по 2 желтыхъ стебля съ краснымъ листомъ или цвѣткомъ. Бордюръ пунсовый со свѣтло-коричневыми разводами; кайма изъ двухъ рядовъ разноцвѣтныхъ схематически изображенныхъ листьевъ (какъ на № 27). Бордюръ выше лежащаго пунсоваго тябла—желтый, съ красными, зелеными разводами. Ткань весьма колоритная.

Таблица V. № 45. (№ 146).

Часть клада; на красномъ фонѣ изображена большая фигура святаго, голова его окружена желтымъ нимбомъ, длинные черныя волосы ниспадаютъ до плечъ. Черты лица обозначены чернымъ; губы красныя. Полосатая туника снизу и у ворота обрамлена разноцвѣтной полосой. Вертикальныя полосы желтыя, отѣненные краснымъ; посреди красная полоса, украшенная бураватыми полосками. Сверхъ туники синій гиматій, спускающійся съ плечъ и обвивающій станъ. Лѣвой рукой святой держитъ длинный желтый крестъ. Часть правой стороны фигуры не существуетъ; видны концы пальмовыхъ вѣтвей, которыя находились въ правой рукѣ. Выше и ниже фигуры, расположены въ изгибающихся вѣтвяхъ, изображенія конныя и пѣшія. По бокамъ фигуры

рядъ вертикально распложенныхъ буквъ: *H, Z, O, П*. Надъ фигурой святого, въ первомъ завиткѣ растительнаго фриза нагая фигура, въ положеніи ходьбы: лѣвая рука приподнята, правую она держитъ непонятный предметъ желтаго цвѣта. Въ слѣдующемъ завиткѣ-кентавръ; тѣло лошади свѣтлозеленаго цвѣта, тѣло человѣка буроватаго; правая рука приподнята, въ лѣвой желтая палица. Подъ фигурой въ первомъ завиткѣ скачущая лошадь, свѣтлозеленаго цвѣта. Въ послѣднемъ завиткѣ изображенъ кентавръ; тѣло лошади желтаго цвѣта, тѣло человѣка бурога. Правая рука приподнята, въ лѣвой рукѣ крестъ. Бортъ состоитъ изъ ряда флероновъ желтоватыхъ и зеленоватыхъ, обрамленныхъ чернымъ, на желто-коричневомъ фонѣ; бортъ окаймленъ снаружи и внутри черною полосою.

Таблица V. № 46. (№ 304).

Часть клава. На свѣтложелтомъ фонѣ изображенъ Орантъ ангель; вѣроятно, Архангелъ Михаилъ, игравшій такую выдающуюся роль въ религіозныхъ воззрѣніяхъ коптовъ. Нимбъ голубой, лицо бѣлое; овалъ лица очерченъ розовымъ; волосы и контуръ частей лица черные. Туника бѣлая, складки очерчены чернымъ. Высокіе котурны синіе; гиматій зеленый съ желтыми полосами, переброшенъ черезъ лѣвое плечо и спускается по бокамъ почти до земли у лѣвой ноги. Крылья красныя, отгнѣенныя бѣлымъ; вокругъ груди желтый поясъ; ниже красный. Двойной бортъ синій и красный съ разноцвѣтными пятнами.

Таблица V. № 47. (№ 15).

Плечевое украшеніе въ видѣ круга; на льняномъ фонѣ пурпуровое тканье. Въ центрѣ небольшой круглый медальонъ съ изображеніемъ голубя (?), держащаго въ клювѣ крестъ съ колечкомъ (*сгук ansata*), крылья раскрыты, (это измѣненіе знака *анхъ*, безразлично употреблявшагося коптами вмѣсто креста). Вокругъ медальона 4 круга съ изображеніемъ человѣческихъ головъ; между ними 4 ромба съ растительными завитками и съ флерономъ внутри; внѣшній бордюръ окаймленъ округленными крючками.

Таблица V. № 48. (№ 34).

Плечевое украшеніе туники въ видѣ полукруга; сохранилась только часть его. На красномъ фонѣ изображены два скачущихъ обращенныхъ спинами всадника, на бѣлыхъ коняхъ. У лѣвой фигуры нимбъ желтый; лицо бѣлое; туника коричневая, гиматій зеленый, ноги одѣты въ синее. Грива у лошади желтоватая. Копыта лошади зеленыя. У правой фигуры: туника зеленая, штаны коричневые, копыта темнозеленыя. Лошади очерчены чернымъ, видны нахвостникъ, нагрудникъ и шейное украшеніе. Между всадниками дерево съ бѣлымъ стволомъ и темною зеленою листвою. Между ногами лошадей изображенъ какой-то городчатый предметъ. Ободокъ въ два ряда разноцвѣтныхъ схематически изображенныхъ листьевъ. Вся эта композиція взята цѣликомъ съ сассанидскихъ тканей, изображающихъ сцену охоты; обыкновенно въ ногахъ лошадей находится вепрь или барсъ, поражаемый копьемъ или стрѣлою; коптскій ткачъ изобразилъ ее по своему не понявши деталей рисунка.

Таблица V. № 49. (№ 301).

Часть клава. На красномъ фонѣ сѣро-желтоватый льняной рисунокъ. Рядъ вертикально расположенныхъ скачущихъ всадниковъ. Изображенія схематичныя, повидимому головы всадниковъ окружены нимбомъ. Борты представляютъ на желтомъ фонѣ растительный стилизованный орнаментъ.

Таблица V. № 50. (№ 226).

Небольшой кругъ темнокоричневаго цвѣта окаймленный краснымъ. Въ центрѣ желтый коптскій крестъ (золотой) украшенный драгоценными камнями (*сгук gemmata*); концы креста раздвоены. Между оконечностями изображены четыре бѣлыя птицы; медальонъ окаймленъ бѣлымъ плетениемъ.

Таблица V. № 51. (№ 261).

Большой коптскій крестъ темнофіолетоваго цвѣта, украшенъ разноцвѣтными камнями (сгих gemmata); въ перекресткѣ большой красный камень съ свѣтло коричневымъ центромъ, освѣщенный бѣлымъ и желтымъ. Крестъ вотканъ въ грубое полотно.

Таблица V. № 52. (№ 213).

Знакъ жизни—анхъ, служившій у древнихъ Египтянъ символомъ бытія. Знакъ темносиняго цвѣта, въ серединѣ на мѣсто отверстія (ручки) три концентрическихъ круга: темно-оранжевый, темно-синій и бѣлый. Ручка и перекладины отгѣнены бѣлою вышивкою. Египтяне, принявшіе христіанство, пользовались этимъ знакомъ вмѣсто креста, или, по крайней мѣрѣ, сначала не отличали его отъ креста (См. Unger). Впослѣдствіи вмѣсто кольца осталась только половинка его, и въ такомъ видѣ коптскій крестъ встрѣчается на нѣкоторыхъ памятникахъ христіанской эпохи Египта (Бѣлый Монастырь).

Таблица V. № 53. (№ 208).

Квадратикъ розоваго цвѣта; внутри квадрата на бѣломъ фонѣ медальонъ, центромъ котораго служитъ шестиконечная звѣзда, вокругъ нея 8 круглыхъ, 8 лепестковыхъ розетокъ; медальонъ окаймленъ 8 соединенными дугами. Кайма квадрата состоитъ изъ фриза закругленныхъ крючковъ.

Таблица V. № 54. (№ 203).

Изображеніе листа. На темносинемъ фонѣ выдѣляется растеніе; средній стебелекъ оканчивается большимъ, розоватымъ флерономъ, отгѣненнымъ свѣтлыми тонами и украшенный зеленоватыми листиками. Подъ большимъ флерономъ два розоватыхъ листика: у самаго корня выростають два большихъ, сложныхъ листа; работа очень тонкая.

Таблица VI. (XXI). № 55. (№ 70).

Кусокъ грубаго холста, съ вотканной пурпуровой шерстью коптской надписью *ψαχο πβαυρε*, въ концѣ которой изображенъ коптскій крестъ съ расширяющимися концами и украшенный драгоценными камнями; въ перекресткѣ большой красный камень въ желтой золотой оправѣ. Такія надписи встрѣчаются довольно рѣдко. По объясненію г-на О. Лемма надпись обозначаетъ: Писецъ Пшауре (*Mélanges Asiatiques tirés du Bull. de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg t. x. livr. 1.*

Таблица VI. № 56. (№ 144).

Кругъ; на красно-буромъ фонѣ изображенъ всадникъ въ нимбѣ, на конѣ скачущемъ, между ногами котораго лежитъ раненый левъ; по сторонамъ головы всадника 2 птицы; надъ задними ногами лошади изображено какое-то животное (левъ или барсъ); надъ передними ногами изображено животное съ рогами (олень, газель), подъ передними ногами лошади — человѣческая голова. Исполненіе рисунка въ высшей степени грубое и примитивное; рисунокъ совсѣмъ не понятъ ткачемъ; части тѣла всадника и коня совершенно не соответствуютъ природѣ; части костюма перепутаны; одно только ткачъ съумѣлъ сохранить и передать—это впечатлѣніе силы въ движеніяхъ всадника и коня. Голова всадника бураго цвѣта, окружена таковымъ же нимбомъ. Правая рука вытянута впередъ. Лѣвой рукой всадникъ держитъ крестъ. Коричневый гиматій развѣвается въ прямую линію. Туника желтоватая съ длинными рукавами. Надъ плечами всадника изображены зеленыя оконечности крыльевъ. Ноги одѣты въ зеленые окаймленные желтымъ штаны. Лошадь желтовато-бурыхъ оттѣнковъ, очерчена чернымъ и отгѣнена зеленымъ. Конскій уборъ украшенъ фаларами (грудь и крупъ), грива желтая и черная. Голова лошади несоразмѣрно мала. У лѣвой птицы тѣло желтое, крылья зеленыя. У правой наоборотъ. Левъ желтый, грива бурая, съ зелеными клокьями. Кайма состоитъ изъ бурыхъ и черныхъ ромбовъ. Всадникъ изображаетъ Архангела Михаила.

Таблица VI. № 57. (№ 303).

Нижняя часть клада красно-пунсового цвѣта. На отрѣзанной полосѣ клада видна нижняя часть человѣческой фигуры. Туника буроватая съ каймою черного цвѣта, ноги черныя. Въ кругу клада изображеніе бюста: лицо бѣлое, волосы ораяжевые, отѣненные чернымъ, нимбъ желтый. По каймѣ извивается растительный орнаментъ бѣлаго цвѣта. Исполненіе очень грубое.

Таблица VI. № 58. (№ 288).

Отрывокъ полосы, украшающей верхнюю часть туники. На красномъ фонѣ изображеніе сидящей на тронѣ человѣческой фигуры; правая рука въ положеніи благословенія, лѣвая покоится на колѣнахъ; голова окружена нимбомъ, нѣкоторые контуры обозначены ниткою (плечи, правая рука, верхушка головы, нижняя часть туники). Туника разукрашена плечевыми кругами, драгоценными камнями. Можетъ быть, это изображеніе Христа Вседержителя.

Таблица VI. № 59. (№ 4).

Маленькій квадратъ черного цвѣта. Орнаментъ вытканъ льномъ. На немъ 9 квадратовъ съ закругленными углами, въ которыхъ изображены кресты съ расширенными концами, украшенными черною точкою. Въ среднемъ квадратѣ неясный орнаментъ.

Таблица VI. № 60. (№ 193).

Клавъ: по темно-красному фону вытканы черной ниткой рядъ ромбовъ съ крестикомъ посрединѣ; въ боковыхъ полуромбахъ изображены три конца крестика. Въ кругѣ клада тоже крестикъ.

Таблица VI. № 61 (№ 337).

Часть клада; на темно-пурпуровомъ фонѣ бѣлые медальоны, въ срединѣ которыхъ бѣлое плетеніе. Между медальонами. 1) красный овалъ, въ срединѣ котораго изображенъ темно-пурпуровый орнаментъ, 2) изображеніе глаза. Въ жизни древнихъ Египтянъ глазъ игралъ важную роль; масса выдѣланныхъ изъ глины и камней глазъ свидѣтельствуетъ о томъ. Вѣроятно, вѣрованіе въ роль глаза перешло съ прочими языческими вѣрованіями и суевѣріями въ христіанскій бытъ.

Таблица VI. № 62. (273).

Большой кругъ. На розовомъ фонѣ изображены два всадника, оборачивающіе спины другъ къ другу. Ткань очень пострадала отъ тли, раздѣдающей шерсть въ могилахъ, особенно красную; льняныя нити основы, а также льняное тканье сохранилось въ лѣвой части; по этимъ остаткамъ легко усмотрѣть лошадь и лежащаго между ногами животного. Хотя рисунокъ довольно грубъ, но онъ очень ясенъ и многія детали хорошо выражены. Голова всадника покрыта густыми завивающимися желтыми волосами. Обернувшись назадъ, всадникъ стрѣляетъ изъ лука; правою рукою держитъ лукъ, лѣвою натягиваетъ тетиву. Одѣяніе его состоитъ изъ плотно облегающей талію куртки, опоясанной желтымъ кушакомъ, спереди родъ желтаго нагрудника со свѣтло-зеленою среднею частью. Штаны зеленые, узкіе, доходятъ до колѣнъ; длинные чулки красные, полуботики черныя. Всѣ контуры и черты лица обрамлены чернымъ, губы алыя. Лошадь бѣлая, грива желтая съ чернымъ. Копыта желтыя съ зеленымъ. Конскій уборъ разукрашенъ разноцвѣтными фаларами. Подъ ногами правой лошади виденъ скачущій голубой барсъ. Ниже еще, два животныхъ, заполняющихъ нижнюю четверть медальона. Они вытканы льняными бѣлыми нитками; контуры, глазъ, пасть и пятна на тѣлѣ, вытканые разноцвѣтною шерстью, сѣдены тлею. Бортъ тройной; внутренняя кайма узенькая; на темно-синемъ фонѣ рядъ сердцевидныхъ разноцвѣтныхъ листиковъ; средняя кайма широкая; пестрый растительный орнаментъ; внѣшняя кайма узкая состоитъ изъ ряда пестрыхъ угловатыхъ городчатыхъ полосокъ. Тканей въ такомъ видѣ встрѣчается масса; настоящій кругъ представляетъ довольно хорошо исполненное подражаніе сассанидскимъ шелковымъ медальонамъ которые изрѣдка попадаются въ коптскихъ могилахъ (сравни. № 48).

Таблица VI. № 63. (№ 276).

Часть полосы, украшенной вертикально расположенными медальонами. Въ верхнемъ медальонѣ схематическое изображеніе обернутыхъ спиною двухъ львовъ, раздѣленныхъ древомъ жизни (ср. № 6, 7). Въ нижнемъ медальонѣ изображеніе человѣка, держащаго въ закинутой правой рукѣ изогнутую палку или пращу; медальоны окаймлены, схематизированнымъ разноцвѣтнымъ растительнымъ орнаментомъ; между медальонами украшеніе въ видѣ треугольника съ округленными углами. Фонъ красно-бурый, тканье фигуръ льняное.

Таблица VI. № 64. (№ 302).

Большое нагрудное украшеніе туники. Сердцевидный листъ на стеблѣ. Красный фонъ, на которомъ изображено выходящее изъ вазы растеніе съ двумя парами большихъ листьевъ. Нижнія листья горизонтально расположены, верхніе немного завиты кверху. Въ концѣ стебля распускается почка; внизу еще одинъ листъ съ отростками. Подъ нижнею парюю листьевъ стоятъ двѣ птицы (куропатки?), обращенныя къ стеблю. На листьяхъ двѣ подобныя птицы сидятъ, обращенныя спинами, ихъ покрываютъ листья верхней пары. Листья желтые и зеленые разцвѣчены бѣлымъ, и отдѣлены разноцвѣтно. Кайма темно-зеленая, съ акантовымъ желтымъ фризомъ. Это растеніе трактовано какъ № 54 на таблицѣ V и напоминаетъ орнаментъ росписей древне-египетскихъ могилъ.

Таблица VI. № 65. (№ 32).

Шелковая розо-фіолетовая ткань. Рядъ діагональныхъ перекрещивающихся фризовъ образуютъ ромбы, въ центрѣ которыхъ медальоны съ изображеніемъ на бѣломъ фонѣ двухъ птичекъ стоящихъ по сторонамъ древа жизни и обращенныхъ къ нему головами или спинами. Фризь состоитъ изъ изгибающейся вѣтви съ листьями и флеронами разныхъ формъ. Съ перекрестья фризовъ, кружокъ съ крестообразнымъ флерономъ¹⁾.

Таблица VI. № 66. (№ 221).

Обрывокъ шелковой ткани; рядъ круговъ, между каждыми 4 кругами звѣздообразная розетка. Каждый кругъ состоитъ изъ 2 концентрическихъ ободковъ, въ срединѣ которыхъ кругъ съ розеткой. Самая ткань красного цвѣта, центральный кружокъ и внѣшняя кайма зеленого цвѣта; по внѣшней каймѣ красная изгибающаяся вѣтвь съ побѣгами, на концѣ которыхъ бѣлый лепестокъ. Внутренняя кайма красная съ 2 желтыми ободками, отъ ея внѣшняго ободка спускаются на желтыхъ стебелькахъ зеленые, окруженные желтымъ, четырехъ лепестковые цвѣты. Орнаменты желтого, бѣлаго цвѣтовъ перемѣшиваются съ краснымъ и зеленымъ.

Вліяніе греко-римской культуры очень характерно выражается на тканяхъ подъ № 1, 2, 3, 4, 5, 8, 10-bis 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 и 19. Изъ нихъ можно выдѣлить двѣ группы.

Въ первой группѣ, которая по совершенству рисунка и техники относится къ періоду господства классической культуры, принадлежатъ №№ 1, 2, 4, 5, 10-bis, 12, 13, 14, 17. Къ этой же группѣ можно отнести № 9 и 10 полные изящества и реализма, присущаго духу древне-египетскаго искусства.

Замѣтимъ кстати, что птицы на № 9 разцвѣчены полутонами, а не плоскими рядомъ поставленными тонами, какъ всѣ коптскія ткани вообще. Къ числу такихъ исключеній принадлежатъ №№ 1, 3, 9, 17 и 20.

Вторая группа тканей относится къ переходному времени, т. е. къ тому времени, когда классическая традиція понемногу забывалась. Ткани эти отличаются нѣкоторою огрубѣlostью рисунка, хотя тема и концепція ихъ основаны еще на классической почвѣ; такъ напр., № 3, 8,

¹⁾ Подобныя изображенія священнаго древа встрѣчаются довольно часто на тканяхъ, см. *Mélanges d'Archéologie et d'Histoire: Cahier et Martin* tome pl. XII, tome 3, pl. XIII et XX. *Fischbach. Ornamente d. gewebe* pl. 4, pl. 5.

11, 12, 15, 16, 18 и 19. При имѣющихса до сихъ поръ данныхъ трудно рѣшить вопросъ, когда возникъ этотъ переходный періодъ и сколько онъ продолжался. Можно предположить, что эта группа тканей одновременна съ предъидущею группою и ояснить различіе манеры и трактованія, различіемъ художественнаго уровня и техники художниковъ и ткачей. Если же принять наилучшіе ооразцы какъ относящіеся къ началу IV вѣка и считать, что огрубѣлость рисунка замѣчаемая на тканяхъ второй группы, доказываетъ удаленіе и постепенное забвеніе классической традиціи, то образцы переходнаго періода можно отнести къ V и VI ст. № 8, представляя мифологическій сюжетъ (Орфей укрощающій звѣрей), относится по темѣ къ классическому міру, по исполненію же къ переходному времени. Кромѣ того, онъ изображаетъ христіанскій символъ. Но нужно еще изслѣдовать вопросъ, въ какой мѣрѣ копты пользовались христіанской символичкой.

Откликъ древне-египетскаго искусства можно отмѣтить на № 1, 3, 10, 11, 12, 13, 19, 21, 22, 24, 25, 26, 39, 41, 42, 47, 50, 52, 54, 61 и 64.

№ 1 особенно интересенъ присутствіемъ въ атрибутахъ фигуры Урея и солнечнаго диска, которые, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, не встрѣчались на коптскихъ памятникахъ.

На № 11, 24, 39, 41, орнаментъ коймы заимствованъ съ древне-египетскихъ росписей храмовъ и могилъ, а также орнаментированные листья № 42, 54, 64.

Плетеніе встрѣчается на №№ 3, 13, 19, 21, 22, 26, 50 и 61.

На № 24 и 10-bis изображена рыба которая постоянно встрѣчается въ древне-египетской орнаментации всѣхъ родовъ. Кромѣ солнечнаго диска, Урея, рыбы мы встрѣчаемъ изображеніе глаза (№ 61) и знакъ анхъ, но уже въ смыслѣ креста. (№ 47 въ клювѣ птицы и № 52).

Восточные мотивы и темы мы встрѣчаемъ на №№ 6, 7, 41, 48, 62, 63, 64, 65, 66; персидская тема охотниковъ копирована, вѣроятно, съ шелковыхъ кусковъ, привозимыхъ изъ Персіи и Сиріи; симметрическое расположеніе фигуръ видно на № 6, 7, 41, 48, 62, 63, 64 и 65.

Орнаментъ нѣкоторыхъ коймъ въ видѣ двухъ рядовъ листьевъ, встрѣчающійся на древне-египетскихъ росписяхъ а также и въ Персіи мы видимъ на №№ 25, 27, 43, 44, 48, 56, 58, 62 и 63.

Ткани съ христіанскими темами и сюжетами слѣд.: № 8, 23, 24, 30, 38, 41, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 55, 56, 57, 58, 59 и 60.

На ткани № 23 изображенъ коптскій крестъ, на золотомъ фонѣ украшенномъ разноцвѣтными камнями.

Если принимать за христіанскіе символы: рыбу, зайца, сосудъ съ птицами (№ 41) и др., то тканей съ такими христіанскими сюжетами очень много.

Примѣры огрубѣлости рисунка, отсутствіе пропорціи, непониманіе сюжета ткачемъ, представляютъ №№ 43, 44, 45, 46, 48, 49, 56, 57 и 58. Эта категорія отличается большею яркостью красокъ; но тѣмъ не менѣ сопоставленіе тоновъ не лишаетъ тканей общей гармоніи. Изъ этой группы составляютъ исключеніе № 56 и 58 отличающіяся подборомъ тусклыхъ тоновъ.

Позволяю себѣ приложить списокъ доступныхъ мнѣ сочиненій, способствующихъ уясненію нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ области коптскаго искусства и культуры. Въ списокъ включены и тѣ работы которыя появились послѣ окончанія VIII Археологическаго Съѣзда (январь 1890 г.), по 1896 г.

Fischbach. Die Geschichte der Textilkunst. Text. Atlas. 1883 Hanau.

Dupont—Auberville. L'ornement des Tissus 1887. Paris.

Muntz, E. La tapisserie. Bibl. de l'enseign. des B. Arts. Paris.

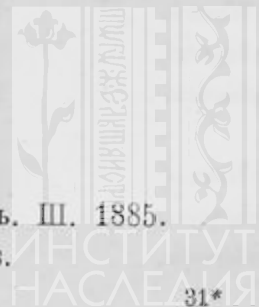
Castel, E. Les tapisseries. 1879 Paris.

Bruno Bucher. Geschichte der technischen Künste. 1875—1886 Stuttgart.

Jubinal. Recherches sur l'usage et l'origine des tapisseries à personnages etc. 1840 Paris.

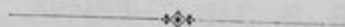
- Kuhn.* Ueber Kunstweberei der Alten. 1881 Leipzig.
- Cahier et Martin.* Mélanges d'archéologie 1-e série 1847—1856. Paris.
- Gaussen.* Portefeuille archéologique de la Champagne. 1861 Bar—sur—Aube.
- Ronchaud.* La tapisserie dans l'antiquité. 1884. Paris.
- Stephani.* Отчетъ Имп. Архелог. Комиссиі за 1878 и 1877 г. Петербургъ.
- Bock, Fr.* Kleinodien des Heil. Rom. Reiches der deutschen Nation. 1864 Wien.
- Bock, Fr.* Lithurgische Gewänder. 3 Bände. 1859—1871 Bonn.
- Linas, Ch. de.* Anciens vêtements sacerdotaux. 1860 Paris.
- Darcel* Exposition rétrospective de Lyon. Gar. des B. Arts. 1877 II p. 273.
- Semper.* Der Stil. 2 vol. 1878 München.
- Karabacek.* Die persische Nadelmalerei Susanschird 1881 Leipzig.
- Riegl. A.* Altorientalische Teppiche. 1891 Leipzig.
- Karabacek.* Ueber einige Benennungen mittelalterlicher Gewebe. Mitth. des. K. K. Oesterr. Museum. 1879 Wien.
- Michel, Fr.* Recherches sur la fabrication etc. des étoffes de soie etc. 2 vol. 1852 Paris.
- Pardessus.* Mémoire sur le commerce de la soie chez les anciens etc. Mém. de l'Institut roya. de France. Académie des Inscript. et belles lettres XV vol. 1842.
- Pariset.* Histoire de la soie. 2 vol. 1862 Paris.
- Pariset.* Les industries de la soie. 1890 Lyon.
- Permezel.* L'industrie Lyonnaise de la soie. 1883 Lyon.
- Giraud.* Les origines de la soie. 1883 Lyon.
- Kalesse E.* Geschichte der Seidengewebe. 1883 Leipzig.
- Essenwein.* Spätclassische Seidengewebe. Anzeiger der Germ. Nation Museum. 1888.
- Schultze P.* Ueber Gewebemuster früherer Jahrhunderte. 1893 Leipzig.
- Ialowicz.* Bibliotheca Aegyptiaca Repertorium 1858 Supplem. 1861 Leipzig.
- Ibrahim Hilmy.* The litterature of Egypt and the Soudan. 1888 London.
- Hommel.* Die aethiopische Uebersetzung des physiologus. 1872. Leipzig.
- Horapollinis Niloi Hyroglyphen. 1835. Amsterdam.
- Sharpe.* Geschichte Aegyptens. 2 Bände (см. II томъ) 1862. Leipzig.
- Maspéro.* Histoire ancienne des peuples de l'Orient (IV éd.) 1886. Paris.
- Maspéro.* Histoire ancienne des peuples de l'Orient. Nouv. édit. I—II vol. 1895—1896. Paris.
- Riegl. A.* Stilfragen. 1893. Berlin.
- Flinders Petri.* Egyptian Decorative art. 1895. London.
- Prisse d'Avennes.* Lart Arabe d'après les monuments du Caire atlas 2 vol.
- Gayet.* Lart Arabe. Bibl. de l'enseign. des B. Arts. 1891. Paris.
- Néroutsos Bey.* L'ancienne Alexandrie. 1888. Paris.
- Schreiber.* Die Wiener Brunnen Reliefs Palazzo Grimani. 1888. Leipzig.
- Schreiber.* Die Alexandrinische Toreutik. 1894. Leipzig.
- Sal. Reinach.* L'origine et les caractères de l'art gallo-romain. Gaz. des. B. Arts. 1893 nov. 1894 janv.
- Lafaye.* Etude des Cultes des divinités d'Alexandrie. 1884 Paris.
- Makrizi.* Geschichte der Kopten. 1845. Göttingen.
- Quatremère.* Mémoire géographique et historique sur l'Egypte. 1888. Paris.
- Revilloud.* Mémoire sur les Blemnyes (Mém. présentés par divers savants à l'acad. des Inscript et belles lettres de l'Inst. de France. Série VIII). 1874.
- Letronne.* Matériaux pour l'histoire du Christianisme en Egypte, Nubie etc. (Oeuvres choisies, Fagnan. 1881). 1852. Paris.
- Розовъ.* Христіанская Нубія. 1890. Кіевъ.
- Успенскій.* (Архимандритъ Порфирій) въроученіе, богослуженіе и проч. египетскихъ христіанъ. 1856. Петербургъ.

- Успенскій. Путешествіе по Египту и въ монастырь Св. Антонія въ 1850 г. 1856. Петербургъ.
 Успенскій. Первое путешествіе въ Синайскій монастырь. 1856. Петербургъ.
 Успенскій. Второе путешествіе въ Синайскій монастырь. 1856. Петербургъ.
 Казанскій. Исторія православнаго монашества на Востокъ. 1854. Москва.
 Болотовъ. Изъ церковной исторіи Египта. 1884. Петербургъ.
 Болотовъ. Нѣсколько страницъ изъ церковной исторіи Эіюші. 1888. Петербургъ.
 Maspéro. Fouilles exécutées en Egypte de 1881—1885. Bull. de l'Inst. Egyptien. 1885. № 6.
 Maspéro. Fouilles exécutées en Egypte de 1885—1886. Bull. de l'Inst. Egyptien. 1886. № 7.
 Karabacek. Katalog der Th. Graf'schen Funde in Aegypten 1883.
 Karabacek. Die Graf'schen Funde in Aegypten. 1883. Wien.
 Bock, Can. Fr. Vielfarbige Gobelin Wirkereien. 1886. Hannover.
 Riegl, A. Die Aegyptischen Textilfunde in K. K. Oesterr. Museum. 1889. Wien.
 Alan, S. Cole. A descriptive Catalogue of the collections of tapestry etc. in the S. Kensington Museum. 1888. London.
 Gerspach. Tapisseries Coptes du Musée des Gobelins. Gaz. des B. Arts. 1887. II, page 125.
 Gerspach. Les tapisseries Coptes. 1890. Paris.
 Portofolio. Of Egyptian Art, fasc. I—V. London.
 Forbes. The Egyptian textiles at S. Kensington. The Magazin of Art, 1889 febr.
 Rohaut de Fleury. Etoffes égyptiennes. Revue Archéol. t. XXI.
 Illustrierte Zeitung. 1889, 7 dec.
 Forrer. Die Zeugdrucke der Byzantinischen-roman. etc. Gewebe.
 Forrer. Die Gräber und Textilfunde von Achmim. 1891. Strassburg.
 Forrer. Römische und Byzantinische Seiden-Textilen. 1891. Strassburg.
 Forrer. Die Frühchristlichen Alterthümer von Achmim. 1893. Strassburg.
 Swoboda. Ein altchristlicher Kirchenvorgang aus Aegypten. Röm. Quartalschrift. 1892.
 Riegl, A. Zur Frage des Nachlebens der aegyptischen Kunst und der späten Antike. Eranos Vindobonensis. 1893. Wien.
 Riegl, A. Koptische Kunst. Byzant. Zeitschr. 1893.
 Gosse, H. Recherches sur quelques représentations du vase Eucharistique. 1894. Genève.
 Gosse, H. La Cathédrale de St. Pierre à Genève. 1893. Genève.
 Стасовъ, В. Рисунки коптскихъ тканей и новѣйшія сочиненія о нихъ. Вѣстникъ изящ. искусствъ VIII. 1890. Петербургъ.
 Rock. Account of a collection of Coptics objets. Archeol. Journ. 1868, XXV.
 Greville Chester. Notes of ancient Christ. Churches of old Cairo etc. Archeol. Journ. 1872. XXIX.
 Strzygowski. Drei miscellen. Röm. Quartalschr. 1893.
 Steindorff. Zwei altchristliche Mumienetiketten. Zeitschr. für Aegypt. Sprache. 1890.
 C. Schmidt. Eine altchristl. Mumienetikette. Zeitschr. für Aegypt. Sprache. 1894.
 E. Michon. La collection d'ampoules à eulogies du Musée du Louvre. Mélanges G. B. de Rossi. Ecole française de Rome. XII.
 Ermann. Christl. Lampe aus dem Fajum. Zeitschr. für. aegypt. Sprache. 1890.
 Clermont-Ganneau. Horus.—St.-Georges. Revue archéol. XXXII, 1878.
 Gayet. Monuments Coptes au Musée de Boulaq. 1889. Paris.
 Gayet. La sculpture Copte. Gaz. des B. Arts (mai, juil.) 1892.
 Gayet. Le Deir d'Assuan. Journ. de l'Architecture. 1892. № 14, 17, 18.
 Ebers. Die Koptische Kunst. Sinnbildliches. 1892. Leipzig.
 C. Schmidt. Göttingische gelehrte Anzeigen. 1893, 1 oct., № 20.
 Butler. The ancient Coptic Churches of Egypt. 2 oct. 1884. Oxford.
 Стасовъ, В. Коптская и эіюпская архитектура. Вѣстн. изящн. искусствъ. III. 1885.
 Catalogue des monuments et inscriptions de l'Egypte antique 1-e série. 1893. Paris.

- Flinders Petri.* Hawara. 1889. London.
- Стасовъ. В.* Восточный и славянскій орнаментъ. 1887. Петербургъ.
- Keller, F.* Bilder und Schriftzüge in den irischen Manuscripten der schweizerischen Bibliotheken. Mitth. des antiquar. Gesellschaft in Zürich. VII, 1851.
- Naville.* Ahnas et Medinet.
- Ehrhard, A.* Neue Funde zur christl. Archeologie aus Aegypten. Theol. Prakt. Monatschr. 4 B. 7. Heft. 1894. Passau.
- Sickenberger.* Die Gräberfunde von Achmim Panopolis und ihre Bedeutung für d. christl. Leben der alten Kirche. Histor. Polit. Blätter, t. 115. 4. Heft. 1895. München.
- Müller, Gust. A. D-r.* Zur Geschichte des Palliums. Beilage zur Augsburger Postzeitung, № 27—28. 1893.
- Riffert, Jul. D-r.* Die Architectur in den Koptischen Heiligtümern. Wissenschaftl. Beilage der Leipziger Zeitung, № 145. 1894.
- Müller, G. A. D-r.* Ueber die frühchristl. Thier - Symbole von Achmim in Ober - Aegypten etc. Beilage Augsburger Postzeitung. 1894. № 18—23.
- Macaire, G.* L'église Copte. La foi d'aujourd'hui comparée etc. Le Caire.
- Macaire, G.* Histoire de l'église d'Alexandrie depuis St. Marc jusqu'à nos jours. 1895. Le Caire.
- Zogheb, Al. Max de.* L'église d'Alexandrie, Bull. Inst. Eg. III série, 5, fasc. 1.
- Frauenberger.* Antike Fussbekleidung aus Achmim Panopolis. 1895. Düsseldorf.
- Deramey.* Introduction et restauration du Christianisme en Abyssinie. Rev. hist. relig. XXXI.
- C. Schmidt.* Ueber eine angebliche altkoptische Madonnendarstellung Zeitschr. für Aegypt. Sprache etc. XXXIII. Heft 1. S. 58.
- A. Erman.* Heidnisches bei den Kopten. Zeitschr. für Aegypt. Sprache etc. XXXIII. Heft 1. S. 47.
- G. Ebers.* Altkoptisch oder Heidnisch. Zeitschr. für Aegypt. Sprache etc. XXXIII. Heft 2. S. 135.
- L. Schimmerer.* Antique Handarbeiten Wien. 1895.
- Lemm, D-r. O. v.* Sahidische Bibelfragmente. Mélanges Asiatiques tirés du Bull. de l'Académie Impériale des sciences de S.-Petersbourg. t. x. livr. 1.
- Amélineau.* Le Christianisme chez les Coptes. Annales du Musée Guimet, t. XIV et XV. 1886—1887.
- Amélineau.* Un document Copte du XIII s. Journ. Asiatique, t. IX, № 2. 1887.
- Amélineau.* Sur deux documents Coptes. Bull. de l'Inst. égypt. 1885. № 6. 1886. Le Caire.
- Amélineau.* Etude historique sur St. Pachôme, Bull. de l'Inst. égypt. 1886. № 6. 1887. Le Caire.
- Amélineau.* Histoire de St. Pachôme. Annales du Musée Guimet, t. XVIII, 1889.
- Amélineau.* Monuments pour servir à l'histoire de l'Egypte Chrétienne au IV et V s. Vie de Schnoudi (Mém. publ. par les membres de la mission Archéol. au Caire. IV vol. 1888. Paris.
- Amélineau.* Contes et romans de l'Egypte Chrétienne 2 vol. 1888. Paris.
- Amélineau.* Les moines égyptiens. Vie de Schnoudi. 1889. Paris.
- Amélineau.* Voyage d'un moine égyptien au désert. Recueil de trav. relatifs à la philos. et à l'Archéol. égypt. et assyr. VI année.
- Amélineau.* Un évêque de Keft au VII s. Mém. de l'Inst. égypt. 1889. Le Caire.
- Amélineau.* Les actes des Martyrs de l'église Copte. 1890. Paris.
- Amélineau.* Histoire du patriarche Copte Isaac. Publication de l'école des lettres d'Alger. 1890.
- Amélineau.* La morale égyptienne. 1892. Paris.
- Amélineau.* La géographie de l'Egypte à l'époque Copte. 1893. Paris.
- Amélineau.* Les idées sur Dieu dans l'ancienne Egypte (Ligue contre l'athéisme Confer 6). 1893. Paris.
- Amélineau.* Histoires des Monastères de la Basse Egypte. Ann. du Musée Guimet. XXV. 1894.
- Amélineau.* Resumé de l'histoire de l'Egypte. 1894. Paris.
- Amélineau.* Samuel de Qalamoun. Ann. du Musée Guimet. 1894.

- Amelineau.* Essai sur l'évolution histor. et philosoph. des idées morales de l'Égypte ancienne. 1895. Paris.
- Amelineau.* Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte chrétienne au IV, V, VI et VII s. Mémoires de la Mission archéol. française au Caire. 1895. Paris.
- Hyvernat.* Les actes des Martyrs de l'Égypte. 1886. Paris.
- Bouriant.* Fragments Coptes relatifs au Concile d'Ephèse. Mém. publiés par les membres de la mission archéol. française au Caire. VIII, 1892.
- Evetts.* The Churches and Monasteries of Egypt. etc. Anecdota Oxoniensia. 1895. Oxford.

О крестѣ, которымъ, по словамъ находящейся на немъ надписи, преп. Сергій благословилъ князя Дмитрія на борьбу съ Мамаемъ.

В. З. ЗАВИТНЕВИЧА.

24 ноября 1888 года, въ Церковно-Археологическій Музей при Киевской Духовной Академіи, отъ имени Елены Петровны Демидовой княгини Санъ-Дonato, поступила богатая коллекція церковно-археологическихъ предметовъ, между которыми особенное вниманіе обращаетъ на себя деревянный въ серебряномъ вызолоченомъ окладѣ крестъ, на лицевой сторонѣ котораго находится слѣдующая надпись: „Симъ крестомъ благословилъ преподобный игумень Сергій князя Дмитрія на погана царя Мамаю и рекъ: симъ побѣждай врага. В лето 1380 августа 27 дня“ ¹⁾. Вѣсть объ этомъ открытіи, появившись на страницахъ печати, быстро облетѣла всю Россію; въ нѣкоторыхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ появились даже фотографическіе снимки съ креста, а въ Киевѣ изданы двѣ специально посвященные кресту брошюры, изъ которыхъ одна принадлежитъ мнѣ ²⁾, другая г. Н. Леопардову ³⁾. Въ обѣихъ брошюрахъ, какъ и слѣдовало ожидать, разсматривается вопросъ о подлинности креста, и оба автора приходятъ къ тому выводу, что настоящій крестъ есть именно тотъ самый, которымъ преп. иг. Сергій благословилъ вел. кн. Дмитрія Ивановича Донскаго на борьбу съ Мамаемъ. Представленные въ брошюрахъ доводы однако жъ не всѣхъ убѣдили: нашлись скептики, которые частію устно, частію въ письмахъ поспѣшили высказать недовѣріе къ подлинности креста. Одно изъ такихъ скептическихъ мнѣній появилось и въ печати. Имѣю въ виду помѣщенную въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ библиографическую замѣтку на мою брошюру. Авторъ замѣтки, признавая, что надпись на крестѣ „сдѣлана въ сравнительно позднее время“, приходитъ къ слѣдующему предположенію: „надпись на крестѣ, говоритъ онъ, можетъ быть подлогъ, сдѣланный въ позднѣйшее время ради увеличенія цѣнности вещи; или она, можетъ быть, сдѣлана однимъ изъ позднѣйшихъ владѣльцевъ креста на основаніи семейнаго преданія о принадлежности его Сергію“ ⁴⁾. Замѣтка эта заслуживаетъ вниманія потому, что въ ней содержится то основное положеніе,

¹⁾ Годъ и число мѣсяца изображены славянскими буквами.

²⁾ „Крестъ, которымъ преп. иг. Сергій благословилъ вел. кн. Дм. Ив. Донскаго на борьбу съ Мамаемъ“ Киевъ. 1889 г. Первоначально напечатано въ Тр. Киевск. Дух. Ак. 1889 г. № 1.

³⁾ „О крестѣ, поступившемъ въ Музей при Киевской Духовной Академіи“... Киевъ. 1889 г.

⁴⁾ 1889 г., № 2, стр. 286.

на которомъ скептики строятъ всю свою аргументацію. Такъ какъ принадлежность настоящаго креста преподобному Сергію прежде основывалась главнымъ образомъ на находящейся на немъ надписи, то они и стараются, такъ сказать, оторвать надпись отъ креста, пытаясь доказать, что надпись на крестѣ могла появиться совершенно случайно и что, слѣдовательно, исторія происхожденія надписи можетъ не имѣть ничего общаго съ исторіей происхожденія самаго креста.

И такъ, вопросъ о подлинности нашего креста, несмотря на свое недавнее возникновеніе, уже имѣетъ свою маленькую исторію, изъ которой видно, что рѣшить его не такъ легко, какъ это казалось съ перваго раза. Причина же такого положенія дѣла заключается однако жъ не столько въ его сущности, сколько въ томъ, что первоначальныя сужденія по данному вопросу высказывались, такъ сказать, по первому впечатлѣнію, безъ достаточнаго ознакомленія съ самымъ предметомъ. При рѣшеніи вопроса о подлинности креста существенное значеніе, какъ увидимъ, имѣетъ исторія его оклада; а между тѣмъ ветхость оклада съ одной стороны, благоговѣйное отношеніе ко кресту—съ другой, долго не позволяли приступить къ подробному и всестороннему его анализу. Достаточно взглянуть на этотъ крестъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ пережилъ не малую исторію, оставившую на немъ тѣ или другіе свои слѣды, которые изслѣдователь долженъ отмѣтить, осмыслить и дать въ нихъ отчетъ. При выполненіи столь отвѣтственной задачи поневолѣ приходилось, такъ сказать, дрожать надъ каждымъ гвоздикомъ, надъ каждой царапкой, надъ каждой пылинкой, словомъ, надъ каждой мелочью, съ уничтоженіемъ который могъ исчезнуть фактъ, значеніе котораго для воспроизведенія исторіи оклада сразу опредѣлить было мудрено. Въ настоящее время изученіе оклада значительно подвинулось впередъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ получились и новыя данныя, въ виду которыхъ вопросъ о подлинности креста получаетъ нѣсколько иную постановку, не измѣняющую впрочемъ, сущности, прежняго вывода. При обзорѣ и анализѣ относящихся къ данному вопросу научныхъ данныхъ я буду придерживаться прежней своей системы, которая вытекаетъ изъ самаго существа вопроса. Въ находящейся на крестѣ надписи прежде всего выступаютъ двѣ мысли: здѣсь, во-первыхъ, констатируется историческій фактъ, что преп. иг. Сергій благословилъ вел. кн. московскаго Дмитрія Ивановича Донскаго на борьбу съ Мамаемъ *крестомъ*, и, во-вторыхъ, здѣсь утверждается, что настоящій крестъ и есть именно *тотъ самый*, которымъ совершенъ былъ названный актъ благословенія. Сообразно съ этимъ изслѣдователь вопроса о подлинности креста долженъ разрѣшить двоякаго рода задачу: онъ, во-первыхъ, долженъ прослѣдить, согласно ли содержаніе разсматриваемой надписи съ показаніями другихъ источниковъ, или, что то же—соотвѣтствуетъ ли констатируемый въ надписи фактъ дѣйствительнымъ историческимъ обстоятельствамъ, и, во-вторыхъ, отличается ли настоящій крестъ, разсматриваемый самъ по себѣ, независимо отъ надписи, такими признаками, которые позволили бы признать въ немъ-то, за что выдаетъ его надпись. Само собою разумѣется, что если на оба эти вопроса окажется возможнымъ дать положительные отвѣты, то содержаніе надписи естественно должно будетъ вступить въ свои законныя права, поводъ къ недовѣрію устранился, и всякое сомнѣніе въ подлинности креста сдѣлается логически несостоятельнымъ, а потому и неумѣстнымъ. Обращаюсь къ первому вопросу.

Посѣщеніе великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Троицко-Сергіевой лавры съ цѣлію получить у преп. Сергія благословеніе на борьбу съ Мамаемъ — фактъ общеизвѣстный. Никоновская лѣтопись, не противорѣча показанію другихъ источниковъ, рассказываетъ объ этомъ событіи слѣдующими словами. „Восхотѣ же Князь великій ити въ монастырь къ живоначальной Троицѣ и Преподобному Игумену Сергію; и шедъ благословися у отца своего Кипріяна, Митрополита всея Руси, и приде въ монастырь мѣсяца августа въ 18 день, на память святыхъ

мученикъ Флора и Лавра; и восхотѣ паки возвратитися скоро, понеже мнози начаша ускоряти вѣстницы повѣдающе Мамаево нашествіе. Преподобный же Игумень Сергій умоли его ясти у него хлѣба въ трапезѣ: да дастъ ти, рече, Господь Богъ и пречистая Богородица помощь, и не у еще сіе побѣды вѣнецъ съ вѣчнымъ сномъ носити тебѣ есть; прочимъ же мноземъ безъ числа готовятся вѣнцы съ вѣчной памятію. И повелѣ священную воду уготовити, и *по возстаніи отъ трапезы благослови крестомъ*, и окропи священною водою великаго Князя, и рече ему: почти дары и честію нечестиваго Мамаея, да видѣвъ Господь Богъ смиреніе твое, вознесетъ тя, а его неукротимую ярость и гордость низложитъ. Онъ же рече: вся сія сотворихъ ему, отче, онъ же наипаче съ велию гордостію возносится. Преподобный же рече: аще убо тако есть, то убо ждетъ его конечное погубленіе и запустѣніе; тебѣ же отъ Господа Бога и пречистыя Богородицы и святыхъ Его помощь и милость и слава. И нача Князь великій просити у него Пересвѣта и Ослябя мужества ихъ ради, и полки умѣюща рядити, глаголя аще: отче, даждь ми два воина отъ своего полку чернеческаго, дву братовъ Пересвѣта да Ослябя, сіи убо суть вѣдоми всѣмъ ратницы велицыи и богатыри крѣпцыи и смысленіи зѣло къ воинскому дѣлу и наряду. Преподобный же Сергій повелѣ имъ скоро уготовитися на дѣло ратное; они же отъ всея души послушаніе сотвориша ко преподобному Сергію, ни како же отвергошася повелѣнія его. Онъ же даде имъ оружіе въ тлѣнныхъ мѣсто нетлѣнное, крестъ Христовъ нашитъ на схимахъ; и сіе повелѣ имъ въ мѣсто шеломовъ возлагати на главы своя, и крѣпцѣ поборати по Христу на враги его. И даде ихъ въ руцѣ великому князю Дмитрію Ивановичу, рече ему еще: се тебѣ, княже мой оружныцы, твои же извольницы, ихъ же изволилъ еси съ тобою быти во прилучившихся напастѣхъ въ бѣдное сіе и нужное время. И рече имъ: миръ вамъ, братія моя возлюбленная о Христе Пересвѣте и Ослябя; постражите яко добрыи воины Христовы, понеже время вашей купли приде. И *благослови крестомъ* и окропи священною водою великаго князя, и тѣхъ своихъ дву иноковъ Пересвѣта и Ослябя, и всѣхъ князей и бояръ и воеводъ⁵⁾. Изъ приведеннаго лѣтописнаго сказанія видно, что преподобный Сергій *благословилъ крестомъ* великаго князя два раза: первый разъ, непосредственно послѣ трапезы, онъ благословилъ только одного Дмитрія Ивановича, причемъ велъ съ нимъ бесѣду о предстоящей борьбѣ съ Мамаемъ, второй разъ, на прощанье, онъ благословилъ великаго князя, двухъ отпускаемыхъ съ нимъ иноковъ и прибывшихъ въ монастырь другихъ князей, бояръ и воеводъ. Этого показанія лѣтописца вполне достаточно для рѣшенія поставленнаго вопроса: и въ лѣтописи и въ надписи на крестѣ, не только высказана одна и та же мысль, но и выражена она одними и тѣми же словами; и тамъ и здѣсь употреблено одно и то же выраженіе: „благословилъ крестомъ“. Какъ бы кто ни толковалъ эти слова, сдѣланный изъ нихъ выводъ въ одинаковой степени долженъ быть относимъ какъ къ показанію лѣтописца, такъ и къ показанію нашей надписи. Иное отношеніе къ вопросу противорѣчило бы самымъ элементарнымъ требованіямъ строго научной критики.

Для уясненія первоначальной исторіи нашего креста необходимо однако жъ нѣсколько внимательнѣе отнестись къ разсматриваемому показанію лѣтописца. Для этой цѣли необходимо разсмотрѣть слѣдующій вопросъ: употребляя глаголь „благословилъ“, хотѣлъ ли лѣтописецъ выразить ту мысль, что преп. Сергій только *остынилъ* великаго князя крестомъ, или онъ имѣлъ въ виду сказать, что святой старецъ не только остынилъ крестомъ, но и передалъ его великому князю какъ бы въ залогъ обѣщанной ему милости Божіей? Глаголь „благословлять“ въ древнерусскомъ языкѣ, равно какъ и въ новомъ, употреблялся и употребляется въ томъ и другомъ смыслѣ, слѣдовательно, взятымъ самъ по себѣ онъ не даетъ основанія для рѣшенія поставленнаго вопроса. Сущность дѣла, значить, въ томъ, въ какомъ смыслѣ употребилъ его лѣтописецъ

⁵⁾ Древній лѣтописецъ. Сиб. 1775 г. Часть II, стр. 24—26.

въ разсматриваемомъ мѣстѣ? Для рѣшенія этого вопроса не лишне будетъ обратить вниманіе на слѣдующій фактъ. Говоря о благословеніи великаго князя митрополитомъ Кипріаномъ, лѣтописецъ замѣчаетъ: „митрополитъ же прости его и благослови, и знамена его честнымъ крестомъ, и окропи его священою водою“ ⁶⁾. Итакъ, митрополитъ Кипріанъ, по словамъ лѣтописца, только „знамена“ великаго князя крестомъ; а преподобный Сергій „благословилъ“ его крестомъ. Если не допускать предположенія, что такое различіе въ выраженіи есть дѣло простаго случая; если, напротивъ, предположить, что это различіе допущено было лѣтописцемъ сознательно и намѣренно, то съ нѣкоторою вѣроятностью можно будетъ признать, что лѣтописецъ, выражаясь о преподобномъ Сергѣѣ, что онъ *благословилъ* великаго князя, имѣлъ въ виду не просто осѣненіе крестомъ, а и передачу его великому князю. Тутъ можно было бы высказать нѣсколько соображеній по поводу *двукратнаго* благословенія, но существенная сторона вопроса отъ этого нисколько не подвинется впередъ.

Противъ высказанной мысли сдѣлано слѣдующее возраженіе. „Какъ издревле, такъ и теперь, было въ обычаѣ благословлять, въ ознаменованіе милости Божіей, — или на извѣстный подвигъ, не *крестомъ*, но *образами* Спасителя, Богоматери, или особо чествуемыхъ святыхъ, часто съ частицами ихъ мощей, или древа креста Господня. Крестъ же такого вида (т. е. *воздвизальный*), всегда принадлежалъ церкви, и послѣ осѣненія или благословенія имъ, возлагаемъ былъ на свое мѣсто въ церкви, или въ келіи подвижника инока, передъ которымъ онъ подвизался въ молитвѣ“ ⁷⁾. Первая половина этой мысли не вѣрна: какъ въ старину, такъ и теперь для благословенія въ разсматриваемомъ смыслѣ употреблялись не только иконы, но и кресты; это фактъ общеизвѣстный. Но несомнѣнно то, что при благословеніи въ подобныхъ случаяхъ употребляются не *воздвизальные* кресты, а такъ называемые *тѣльники*. Не слѣдуетъ однако жъ забывать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ случаемъ экстрорординарнымъ, съ фактомъ громадной важности, подводитъ который подъ норму мелкихъ, обычныхъ явленій жизни, было бы несовсѣмъ логично. Что бы понять, какъ смотрѣли современники на благословеніе преподобнымъ Сергіемъ великаго князя на борьбу съ Мамаемъ, достаточно вспомнимъ слѣдующій фактъ. Рязанскій князь Олегъ, не ожидавшій со стороны великаго князя серьезнаго сопротивленія Мамаю, не мало смущенъ былъ извѣстіемъ о переправѣ русскихъ силъ чрезъ Оку и сталъ скорбѣть предъ своими боярами: „како о семъ дамъ вѣсть другу своему великому князю Ягайлу Ольгердовичу Литовскому? Не дадутъ бо намъ ссылатися; заняша пути всѣ“. Бояре на это замѣтили Олегу: „мы убо, господине, слышахомъ о семъ за 15 дній и *устыдехомся* тебѣ повѣдати; глаголють бо въ отчинѣ его (Димитрія Ивановича) мниха нѣкоего именемъ Сергія, иже *пророчество отъ Бога имѣя*, и той мнихъ *вооружи его повель ему пойти противу Мамаю*“. Олегъ же князь Рязанскій, услышавъ сія, *устрашися и вострепета зѣло*, глаголя: „почто ми сего не повѣдасте о семъ? И азъ бы шедъ умолилъ нечестиваго царя Мамаю, да ничто же бы зла сотворилося никому же“ ⁸⁾. Самъ преп. Сергій сознавалъ силу значенія для современниковъ ниспосылаемаго чрезъ него Божія благословенія и выразилъ это между прочимъ въ отпращиваніи уже на самое поле битвы письменнаго благословенія и „хлѣбца пречистыя Богородицы“ ⁹⁾. Въ виду сказаннаго представляется невѣроятнымъ, чтобы этотъ святой старецъ могъ отпустить изъ своей обители пріѣхавшаго къ нему за благословеніемъ великаго князя безъ какого нибудь внѣшняго знака благословенія. Само собою разумѣется, что этотъ знакъ долженъ былъ соотвѣтствовать самой идеѣ благословенія. Въ сознаніи преп. Сергія Мамаю является не столько политическимъ врагомъ, сколько врагомъ христіанства. Эту мысль онъ прямо высказалъ въ напутственныхъ словахъ своимъ инокамъ, убѣждая „крѣпцѣ поборяти по Христѣ на враги Его“. Мало того: борьба съ Мамаемъ вызывала въ со-

⁶⁾ Тамъ-же, стр. 27.

⁷⁾ Н. Леонардовъ, стр. 9, пунктъ 7.

труды 8-го археол. съезда въ москвѣ 1890 г. т. III.

⁸⁾ Древн. Лѣт. Тамъ же, стр. 31—32.

⁹⁾ Тамъ же, стр. 41.

знаніи современниковъ воспоминаніе о борьбѣ Константина Великаго съ Максентіемъ. Это видно изъ того, что нѣкоторые памятники, подобно нашей надписи, влагають въ уста преп. Сергія тѣ самыя слова, которыми сопровождалось чудесное видѣніе креста Константину Великому предъ битвой съ Максентіемъ. Въ обращенной къ І. Христу молитвѣ, непосредственно предшествовавшей открытію Куликовской битвы, самъ Димитрій Ивановичъ прямо сравниваетъ свое положеніе съ положеніемъ Константина Великаго: „на Тебе все упованіе мое возлагаю, Христе Боже, Ты ми силою креста Твоего даждь побѣду на враги моя, якоже древле Константину“¹⁰⁾. Въ виду этого представляется весьма вѣроятнымъ, что преп. Сергій, „вооружая“, какъ выразились рязанскіе бояре, великаго князя на борьбу съ врагомъ креста, благословилъ его не иконою, а именно крестомъ, присовокупивъ при этомъ: „симъ побѣждай врага“.—Что же касается преданія, по которому препод. Сергій вручилъ будто бы великому князю икону Господа Вседержителя, которая нынѣ хранится въ московскомъ Симоновомъ монастырѣ, то я замѣчу, что такъ какъ это преданіе не засвидѣтельствовано никакимъ письменнымъ памятникомъ, то, съ строго научной точки зрѣнія, оно не можетъ служить аргументомъ противъ доказываемаго положенія.

Съ разсмотрѣннымъ уже показаніемъ лѣтописца не лишне будетъ сопоставить слѣдующее его извѣстіе, относящееся къ факту, непосредственно предшествовавшему Куликовскому бою. Обѣхавъ полки и укрѣпивъ все свое воинство въ мужествѣ, великій князь „приде подъ свое знамя черное, и сѣде съ коня своего, и совлече съ себя приволоку свою царскую, и призвавъ любимаго своего, его же любляше паче всѣхъ, Михаила Андреевича Бренка, и тому повелѣ всѣсти на конь его, и приволоку свою царскую возложи на него, и всею утварію царскою украси его, и то великое знамя черное повелѣ рындѣ своему надъ Михаиломъ Андреевичемъ Бренкомъ возити; и *взъмъ святыи крестъ, на немъ же бѣша вооружены страсти Христовы, въ немъ же живо-творящее древо Христово*, и восплакавъ рече: на Тебѣ все упованіе мое возлагаю, Христе Боже, Ты ми силою креста Твоего даждь побѣду на враги моя, яко же древле Константину“¹¹⁾. Въ другомъ же спискѣ той же лѣтописи приведенное мѣсто читается въ слѣдующей редакціи: „великій же князь, *воздѣвъ руцѣ на небо и вложи въ ндра своя, выимъ крестъ живоносный*, на немъ же воображеніе страсти Господни въ немъ же бѣ древо животное“¹²⁾ и пр. При чтеніи этого мѣста естественно возникнетъ вопросъ: не слѣдуетъ-ли въ упомянутомъ здѣсь крестѣ видѣть тотъ самый крестъ, которымъ преп. Сергій благословилъ великаго князя? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный. Лѣтописецъ прямо говоритъ, что великій князь приложился къ кресту, который онъ досталъ изъ *ндръ* своихъ, т. е. изъ-запазухи. Очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ о натѣльномъ крестѣ, каковой былъ у cadaго христіанина, участвовавшего въ Куликовской битвѣ (энколпіонѣ).

Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ фактъ, имѣвшій мѣсто болѣе чѣмъ сто семьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Куликовской битвы. Имѣю въ виду обстоятельства, которыми сопровождался казанскій походъ Ивана Васильевича Грознаго (1552—53 гг.). Отправляясь въ казанскій походъ, Иванъ Васильевичъ беретъ съ собою образъ чудотворца Сергія. По прибытіи на мѣсто, онъ приказываетъ поставить три полотняныхъ церкви, одну изъ которыхъ—въ честь „преподобнаго отца Сергія чудотворца, къ нему же и по вся дни Государь хождаетъ“¹³⁾.... ту бо бѣ приходъ его царскоі“¹⁴⁾. Въ своихъ молитвахъ онъ по преимуществу обращается къ этому святому, возлагая всѣ свои надежды на его заступничество¹⁵⁾. Вообще, какъ предъ сознаниемъ вступающаго въ бой Димитрія Ивановича предносилась битва Константина В. съ Максентіемъ, такъ, повидимому, предъ сознаниемъ Ивана Васильевича предносилась битва Куликовская; какъ первый возлагалъ свои надежды на силу креста, даровавшую побѣду

¹⁰⁾ Тамъ же, стр. 41.

¹¹⁾ Тамъ же, стр.

¹²⁾ Карамзинъ. Истор., т. V, гл. I, примѣч. 75.

¹³⁾ Ник. Л. 1791 г. Часть 7, стр. 154.

¹⁴⁾ Тамъ же, стр. 175.

¹⁵⁾ Тамъ же, стр. 177.

Константину В. надъ Максентіемъ, такъ послѣдній возлагалъ свои надежды на заступничество Сергія, предсказавшаго побѣду Димитрія надъ Мамаемъ. При такихъ обстоятельствахъ совершенно естественно было вспомнить и о крестѣ, бывшемъ какъ бы носителемъ той благодатной силы, которую святой старецъ передалъ князи Димитрію въ своемъ благословеніи. И вотъ, какъ бы въ отвѣтъ на это естественное предположеніе, лѣтописецъ сообщаетъ слѣдующее извѣстіе. „И какъ Государь вышелъ на лугъ противъ города (Казани) и велѣлъ Государь Херугви христианские розвертети, сиречь Знамена, на ихъ образъ Господа нашего Ісуса Христа Нерукотворенный и на верхъ водруженъ животворящи крестъ, иже бѣ у прародителя его Государя нашего достохвальнаго великаго князя Димитрія на Дону“¹⁶⁾. Надѣюсь, что, послѣ раньше сказаннаго, ученая критика не упрекнетъ меня въ натяжкѣ, если я сдѣлаю скромное предположеніе, что крестъ, о которомъ здѣсь говорится, могъ быть тотъ самый, которымъ преп. Сергій благословилъ князя Димитрія на борьбу съ Мамаемъ. Но если даже оставить въ сторонѣ это предположеніе, то все же останется тотъ несомнѣнный фактъ, что въ половинѣ XVI в. въ Москвѣ существовалъ крестъ, который находился съ княземъ Димитріемъ на Дону и которому приписывалась чудодѣйственная сила. Понятно, что послѣ успѣшнаго Казанскаго похода ореоль святости этого креста долженъ былъ еще болѣе увеличиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вниманіе къ нему должно было возрасти. Гдѣ же теперь этотъ крестъ? Извѣстенъ ли онъ благочестивой Москвѣ, всегда благоговѣнно чтившей свои святыни? На этотъ вопросъ, поставленный мною въ печати, почтенные московскіе археологи не дали отвѣта. Мы, Кіевляне, это молчаніе приняли за знакъ, что отвѣчать было нечего, что подобнаго креста современная Москва не знаетъ. И это естественно. Есть основаніе думать, что онъ исчезъ изъ Москвы очень рано и всего вѣроятнѣе—въ Смутное время. Предметъ, пользующійся почитаніемъ, не можетъ исчезнуть изъ вниманія почитателей при обыкновенныхъ условіяхъ; такіе предметы исчезаютъ обыкновенно при экстрординарныхъ обстоятельствахъ, каковы, напр., насильственные перевороты, пожары и имъ подобныя катастрофы. Такой катастрофѣ Москва, какъ извѣстно, подверглась въ Смутное время: ея враги въ своемъ варварскомъ хищничествѣ не пощадили не только вѣками скопленныхъ государственныхъ богатствъ, но и предметовъ народнаго почитанія. Весьма вѣроятно, что и крестъ, бывшій на Дону и подъ Казанью, унесенъ былъ изъ Москвы въ это именно время и что, слѣдовательно, слѣдъ его могъ оказаться или въ Польшѣ или на югѣ Россіи, среди потомковъ древнихъ козаковъ, соперничавшихъ, какъ извѣстно, въ Смутное время съ Поляками въ хищническомъ разореніи московскаго государства и въ частности—его столицы. А нашъ крестъ и найденъ именно на югѣ Россіи. Предпослѣдній его владѣлецъ, покойный Демидовъ, приобрѣлъ его у инженера Транжера, который принималъ участіе въ сооруженіи Курско-Кіевской желѣзной дороги, долго жилъ на югѣ Россіи и здѣсь, какъ есть основаніе думать, составилъ свою археологическую коллекцію. Вотъ тотъ естественный путь, которымъ историческое прошлое нашего креста можетъ быть связано съ настоящимъ. Говорю—„можетъ быть“, потому что для болѣе рѣшительнаго сужденія по данному вопросу нужны болѣе твердыя фактическія данныя, которыми я въ настоящее время не располагаю.—Обращаюсь къ самому кресту.

Нашъ крестъ имѣетъ восьмиконечную форму¹⁷⁾. Вышина его (т. е. длина вертикальной полосы) $7\frac{1}{2}$ вершковъ, ширина $\frac{3}{4}$ в., толщина $\frac{3}{8}$ в.; длина центальной перекладины $1\frac{1}{8}$ в., длина нижней— $1\frac{5}{8}$ в. Крестъ сдѣланъ изъ липоваго дерева „въ связъ“ и кромѣ того сколоченъ желѣзными гвоздями. (Табл. XXVII).

¹⁶⁾ Тамъ же, стр. 151.

¹⁷⁾ О древности этой формы креста см. мою первую брошюру, стр. 10.

Основная часть оклада сдѣлана изъ тонкой серебряной вызолоченой пластинки, орнаментированной растительнымъ узоромъ. Окладъ приготовленъ былъ специально къ этому именно кресту; это видно изъ правильно расположенной по краямъ бисерной каёмки, сдѣланной, повидимому, въ подражаніе жемчугу, который встрѣчается на окладахъ болѣе богато изукрашенныхъ крестовъ этого типа. Окладъ прибитъ былъ къ древку креста мѣдными гвоздиками съ вызолоченными шляпками. Эта древнѣйшая часть оклада, представляющая—если можно такъ выразиться—простую рубашку, сильно пострадала отъ времени. На обратной сторонѣ креста

Рис. 76.

отъ этой рубашки сохранилось лишь нѣсколько отдѣльныхъ лоскутковъ покрытыхъ также растительнымъ орнаментомъ (рис. 76). Гораздо лучше сохранилась она съ лицевой стороны, благодаря наложеннымъ на нее четыремъ серебрянымъ вызолоченнымъ пластинкамъ. Пластинки эти представляютъ слѣдующія штампованныя изображенія; въ срединѣ—Распятіе съ надписью: надъ головою — **ІИЦІ** (штамповано), по бокамъ — **ІС**, **ХС** (выдавлено сверху). На боковыхъ пластинкахъ изображены: съ

одной стороны—Богородица и Марія Магдалина съ надписями: **МРОѢ** и **МАРНѢ**; съ другой стороны—Іоаннъ Богословъ и сотникъ Логгинъ съ надписями: **ЮАНЪ** и **ЛОГЪВНН**. На верхней пластинкѣ представлены два ангела съ одеждою въ рукахъ—съ надписью: **АНЪЕЛЫ**. Всѣ эти надписи выдавлены съ верху точками при помощи какого-то остраго орудія. Анализъ оклада обнаружилъ, что названныя пластинки несомнѣнно начальной части оклада; при снятіи пластинокъ, на начальномъ окладѣ, несмотря на его сравнительно хорошую сохранность, обнаружались слѣды практическаго употребленія; такъ напр., вышеуказанная бисерная каемка помѣстамъ оказалась помятою, что не могло бы случиться, если бы эти пластинки наложены были на новый окладъ; послѣдній подъ пластинками сохранился бы неповрежденнымъ. Подтверженіемъ этой мысли служить и то обстоятельство, что пластинки прикрѣплены къ кресту гвоздиками другого формата: гвоздики, которыми прикрѣпленъ начальный окладъ, имѣютъ болѣе широкія шляпки. Чистота и хорошая сохранность позолоты на той части оклада, которая прикрыта была плотно прилежавшими пластинками (особенно верхнею и боковыми), показываютъ, что въ промежутокъ времени между изготовленіемъ начальнаго оклада и прикрѣпленіемъ пластинокъ крестъ находился въ хорошихъ рукахъ. Но въ слѣдующее затѣмъ время съ нимъ случилась какая-то катастрофа: весь начальный окладъ былъ оборванъ и сохранилась лишь та часть его, которая прикрыта была пластинками. Такое печальное состояніе оклада вызвало ремонтъ, который состоялъ въ томъ, что обнаженные части креста покрыты были левкасомъ, и потянуты позолотой. Ремонтировавшій, очевидно, хотѣлъ придать кресту такой же видъ, какой онъ имѣлъ первоначально. Что окраска креста принадлежитъ позднѣйшему времени, это видно изъ того, что подъ сохранившимися частями начальнаго оклада дерево не окрашено; напротивъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ окраска соприкасается съ начальнымъ окладомъ, первая заходитъ на послѣдній. Произведенный такимъ образомъ ремонтъ оказался непрочнымъ: позолота стала исчезать, а краска почернѣла, вслѣдствіе чего потребовалось новое обновленіе оклада. На этотъ разъ оно коснулось лишь лицевой стороны креста и состояло въ слѣдующемъ: на нижнюю часть креста (ниже распятія), раньше покрытую левкасомъ, теперь наложена была серебряная позолоченная пластинка, оставшаяся часть которой, въ качествѣ заплаты, прикрѣплена къ самой верхней части креста; обнажившіяся боковыя части креста покрыты были то же серебряными пластинками, составляющими часть какого-то вѣнчика. Для насъ особеннаго вни-

манія заслуживаетъ, конечно, нижняя продольная пластина, такъ какъ на ней сдѣлана драгоценная для насъ надпись. Пластина эта взята, повидимому, съ другого креста, и поэтому естественно возникаетъ вопросъ: не принадлежитъ ли надпись тому кресту, съ котораго эта пластинка перенесена? Къ счастью есть данныя, въ виду которыхъ отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ только отрицательный. Дѣло въ томъ, что пластинка эта имѣетъ свой орнаментъ, на который прикрѣплявшее ее лицо не обратило вниманія и прикрѣпило ее къ кресту не симметрично; между тѣмъ надпись въ отношеніи къ кресту сдѣлана въ полнѣ симметрично. Изъ этого для всякаго непосредственно очевидно, что надпись принадлежит не пластинкѣ, а настоящему кресту.

Итакъ, въ исторіи оклада нашего креста можно отмѣтить четыре отдѣльных момента: 1) приготовленіе начального оклада, 2) прикрѣпленіе Распятія и другихъ изображеній, 3) окраска и 4) прикрѣпленіе пластинки съ надписью. Мы видѣли, что каждый послѣдующій изъ этихъ моментовъ отдѣляется отъ своего предыдущаго значительнымъ промежуткомъ времени. Уже одинъ этотъ фактъ показываетъ, что нашъ крестъ носитъ на себѣ слѣды почтенной древности. Но для рѣшенія разсматриваемаго вопроса этого не достаточно. Для рѣшенія вопроса о подлинности креста желательно было бы болѣе или менѣе точно установить хронологическія даты cadaго изъ четырехъ намѣченныхъ моментовъ. Особенно желательно было бы точно опредѣлить время приготовленія первоначальнаго оклада и время положенія на крестѣ надписи. Для рѣшенія перваго вопроса я пытался было обращаться къ московскимъ специалистамъ въ области церковной археологіи, теоретикамъ и практикамъ; но изъ ихъ сужденій, оказавшихся крайне противорѣчивыми, вывелъ то заключеніе, что наша церковная археологія, въ вопросахъ, подобныхъ настоящему, находится еще на совершенно первобытной ступени развитія. Всѣ они высказывали свое мнѣніе категорически, въ тонѣ, недопускавшемъ возраженій; но не одинъ изъ нихъ не указалъ мнѣ твердыхъ данныхъ, которыя можно было бы провѣрить и на которыя можно было бы положиться. Такъ, одинъ специалистъ-практикъ даже не сталъ интересоваться окладомъ, а съ перваго же взгляда отвергъ подлинность креста на томъ основаніи, что „древо не то“, при чемъ сталъ разъяснять мнѣ взаимное расположеніе составныхъ частей въ древнемъ

Рис. 77.

восьмиконечномъ крестѣ, и не отказался отъ своего мнѣнія даже тогда, когда я показалъ ему изображеніе извѣстнаго, несомнѣнно древняго, креста изъ Спасо-Преображенской Нередицкой Церкви (1198 г.), близъ Новгорода, форма котораго тождественна съ формою нашего креста. (рис. 77). Другой специалистъ-практикъ, безъ всякихъ доказательствъ, заявилъ, что окладъ нашего креста относится „къ эпохѣ ренессанса“. Напротивъ, третій специалистъ практикъ, объяснивъ мнѣ способы приготовленія въ старину подобныхъ окладовъ, доказывалъ, что древнѣйшая часть оклада нашего креста, какъ по способу приготовленія, такъ и по характеру узора, можетъ быть отнесена не только къ XIV, но и къ XII вѣку, и что вообще при сужденіи о подобныхъ вопросахъ нужно быть крайне осторожнымъ, такъ какъ онъ, на основаніи большой практики, убѣдился, что одна и та же форма, разъ появившись, потомъ долго воспроизводилась съ большою точностью.

Другое впечатлѣніе производятъ прикрѣпленное поверхъ оклада Распятіе и другія изображенія. Изученіе древнѣйшихъ изображеній Распятія, имѣющихъ точную хронологическую дату и сравненіе съ ними Распятія на нашемъ крестѣ, приводитъ къ тому заключенію, что послѣднее не можетъ быть относимо къ концу XIV в., а относится несомнѣнно къ болѣе позднему времени.

Относительно времени окраски креста трудно сказать что нибудь опредѣленное. Несомнѣнно только то, что крестъ окрашенъ былъ послѣ прикрѣпленія къ нему Распятія и раньше прикрѣпленія пластинки съ надписью.

Въ связи съ вопросомъ о времени окраски креста отмѣчу еще двѣ слѣдующихъ примѣты. По концамъ креста, сверху и снизу, въ деревѣ сдѣлано нѣсколько не глубокихъ дырочекъ; внизу ихъ четыре, вверху—одна; нѣкоторыя изъ нихъ оказались замазанными левкасомъ, что показываетъ, что происхожденіе ихъ должно быть отнесено ко времени до окраски креста, т. е. къ первой половинѣ его исторіи; по формѣ онѣ существенно отличаются отъ тѣхъ, которыя образовались лишь отъ гвоздиковъ; онѣ сдѣланы остриемъ какого то орудія, имѣвшаго грани, въ родѣ шила или наконечника стрѣлы. Происхожденіе этихъ дырочекъ всего естественнѣе объяснить прикрѣпленіемъ креста къ какому нибудь предмету: соединено было, повидимому, четыре стрѣлы остриями вмѣстѣ, на которыя и поставленъ былъ крестъ, причемъ послѣдній такъ сильно надавленъ былъ на свое основаніе, что острія стрѣлъ, пройдя черезъ тонкій окладъ, впились въ самое древко креста; это необходимо было для прочности устоя; а чтобы крестъ не шатался на такомъ импровизированномъ основаніи, онъ такимъ же способомъ сверху прикрѣпленъ былъ еще одною стрѣлою и кромѣ того могъ быть для прочности еще привязанъ къ древку знамени шнуркомъ или лентой. Такимъ образомъ указанные дырочки естественно сближаютъ нашъ крестъ съ тѣмъ, который, по словамъ лѣтописи, прикрѣпленъ былъ къ великокняжескому знамени подъ Казанью и который раньше присутствовалъ на Дону съ Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ.

Вторая примѣта состоитъ въ небольшомъ обжогѣ, сдѣланномъ снизу на лѣвомъ плечѣ центральной перекладки. Обжогъ этотъ сдѣланъ послѣ окраски креста левкасомъ, слѣдовательно относится ко второй половинѣ исторіи нашего креста. Въ связи съ этимъ обжогомъ, мнѣ кажется, необходимо разсматривать еще слѣдующій фактъ. При анализѣ оклада, подъ прикрѣпленными съ лицевой стороны серебряными пластинками, обнаружены зерна ржи и частички воску, накапавшаго туда, повидимому, отъ зажженной свѣчи. Все это наводитъ на мысль, что нашъ крестъ въ позднѣйшее время находился среди принадлежностей домашняго кивота какого-то южно-русса, гдѣ, наряду съ такими священными предметами, какъ иконы, кресты, восковыя свѣчи, часто помѣщается и вѣнокъ, сплетенный изъ колосьевъ ржи. Тутъ, по всей вѣроятности, нашъ крестъ получилъ указанный обжогъ отъ зажженной свѣчи, тутъ же за пластинки его оклада попали зерна ржи и частицы воска.

Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ вопросъ о времени прикрѣпленія къ кресту пла-

стинки съ надписью, или вѣрнѣе—о времени происхожденія надписи, такъ какъ пластинка, взятая сама по себѣ, не отличается какими нибудь особенностями, на основаніи которыхъ можно было бы устанавливать хронологическую дату. Разъ уже констатировано, что пластинка съ надписью прикрѣплена къ кресту послѣ окраски послѣдняго, то о болѣе или менѣе раннемъ происхожденіи надписи не можетъ быть и рѣчи. Для болѣе точнаго рѣшенія этого вопроса слѣдовало бы обратиться къ даннымъ палеографическимъ; но палеографическія соображенія вообще представляютъ ненадежную опору при установкѣ точныхъ хронологическихъ датъ, тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать о данномъ случаѣ. Внимательное изученіе надписи показало, что она сдѣлана неопытною рукою, которая съ трудомъ справлялась съ затрудненіями, происходившими отъ твердости металла, вслѣдствіе чего буквы не могли получить тѣхъ характерныхъ особенностей, которыя старался придать имъ рѣзчикъ. Вотъ почему при сужденіи о палеографическихъ особенностяхъ нашей надписи приходится обращать вниманіе лишь на общій характеръ начертанія буквъ; а при такихъ условіяхъ одну и ту же букву легко можно отнести къ азбукѣ и XIV и XVII вѣка, что въ особенности слѣдуетъ сказать о канцелярской скорописи, съ которою мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ. Есть впрочемъ въ нашей надписи одна палеографическая особенность, о которой можно произнести болѣе опредѣленное сужденіе; это буква „а“, изображенная въ формѣ цифры 9. Встрѣчаясь въ скорописи на пространствѣ времени, начиная съ XIV вѣка, она со второй половины XVII в. становится рѣдкою, а въ XVIII вѣкѣ почти совершенно исчезаетъ. Въ виду этого можно со значительною вѣроятностью утверждать, что наша надпись сдѣлана не позже XVII вѣка.

Въ языкѣ надписи заслуживаетъ вниманія названіе *Мамаея поганымъ царемъ*. Въ лѣтописяхъ сѣверо-восточнаго происхожденія Мамаея называется нечестивымъ, безбожнымъ, окаяннымъ, проклятымъ, сыроядцемъ и проч.; эпитетъ же поганый въ этого рода источникахъ, насколько мнѣ извѣстно, или совершенно не встрѣчается, или встрѣчается только въ лѣтописяхъ Новгородскихъ. Напротивъ, въ лѣтописяхъ и хроникахъ юго-западныхъ, каковы: Супрасльская лѣтопись, хроника Феодосія Сафановича, Синописи Гизеля, Мамаея сплошь и рядомъ называется поганымъ. Вотъ почему представляется весьма вѣроятнымъ, что наша надпись обязана своимъ происхожденіемъ юго-западной Руси. Выходя изъ этого предположенія, мы поймемъ, почему годъ на нашемъ крестѣ выставленъ не отъ сотворенія міра, а отъ Р. Христова. Извѣстно, что въ то время какъ въ Московской Руси до Петра В. практиковалась система датированія отъ сотворенія міра, въ юго-западной Руси очень рано стала практиковаться, наряду съ первой и другая система датированія—отъ Р. Христова. Съ этой точки зрѣнія нетрудно понять и слѣдующій фактъ, кажущійся на первый взглядъ загадочнымъ. Наша надпись, какъ мы видѣли, датирована 27 августа. Между тѣмъ по показанію большей части источниковъ не только сѣверно-русскихъ, но и южнорусскихъ, фактъ посѣщенія великимъ княземъ обители преп. Сергія совершился 18 августа. Есть, правда, и отступленія отъ этой нормы, но они не выходятъ изъ предѣловъ 17—23 августа. Откуда же, спрашивается, появилась цифра 27? Объясненіе этого недоумѣнія можетъ быть двоякое. Возможно, что выставленная на крестѣ дата означаетъ не время посѣщенія великимъ княземъ обители преп. Сергія, а время приготовленія оклада. Но такъ какъ извѣстіе о такомъ мелкомъ фактѣ, какъ приготовленіе оклада, нельзя было вычитать ни изъ какого сочиненія, то, допуская это предположеніе, необходимо было бы вмѣстѣ съ тѣмъ допустить, что настоящая дата представляетъ лишь простое повтореніе прежней даты, сохранившейся на клочкахъ стараго оклада. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невозможнаго. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что рассматриваемое недоумѣніе гораздо естественнѣе можетъ быть разрѣшено слѣдующимъ образомъ. Въ Синописи Иннокентія Гизеля, въ трактатѣ „О войнѣ вел. князя Димитрія з' поганымъ царемъ татарскимъ Мамаемъ“, двадцать седьмымъ августа да

тированъ фактъ отправленія Дмитрія Ивановича изъ Москвы въ Коломну. Трактатъ этотъ начинается такъ: „мѣсяца августа въ двадесять седмый день, на память преподобнаго отца нашего Пимена великаго, князь великій Димитрій, хотя ити на безбожнаго Мамай“ и т. д. Весьма вѣроятно, что авторъ нашей надписи наводилъ справку въ Синописисѣ и заимствовалъ отсюда и эпитетъ „поганый царь Мамай“ и число мѣсяца. Можно догадаться даже, почему отъ его вниманія ускользнула истинная дата, означающая время посѣщенія великимъ княземъ обители преп. Сергія. Последняя дата выставлена въ Синописисѣ цифрами на полѣ и къ тому же мелкимъ шрифтомъ; между тѣмъ какъ приведенная дата внесена въ текстъ и, какъ стоящая въ началѣ трактата, рѣзко бросается въ глаза. Если бы это соображеніе было принято, тогда можно было бы признать, что надпись на нашемъ крестѣ появилась послѣ выхода въ свѣтъ Синописиса Гизеля, изданія 1780 года.

Теперь постараемся подвести итогъ сказанному и прежде всего разграничимъ въ добытыхъ результатахъ вполне достовѣрное отъ вѣроятнаго только и правдоподобнаго.

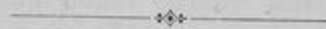
Вполнѣ достовѣрно прежде всего то, что преп. Сергій дѣйствительно благословилъ вел. кн. Дмитрія на борьбу съ Мамаемъ крестомъ. Что же касается того, остался ли этотъ крестъ въ обители Сергія, или онъ увезенъ былъ отсюда великимъ княземъ; оставилъ ли послѣдній его въ Москвѣ, или взялъ его съ собою въ походъ, находился ли онъ въ походѣ въ числѣ другихъ принадлежностей походной церкви, или великій князь держалъ его при себѣ?—все это такіе вопросы, для категорическаго рѣшенія которыхъ нѣтъ данныхъ, а поэтому судить о нихъ приходится лишь гадательно. Достовѣрно, далѣе, то, что въ казанскомъ походѣ Ивана Васильевича Грознаго къ великокняжескому знамени прикрѣпленъ былъ крестъ, находившійся съ Дм. Ив. Донскимъ на Дону; но тотъ ли это крестъ, которымъ благословилъ преп. Сергій вел. князя, объ этомъ можетъ быть высказано лишь болѣе или менѣе правдоподобное мнѣніе. Съ этимъ фактомъ необходимо сопоставить фактъ присутствія на нашемъ крестѣ слѣдовъ прикрѣпленія; но какое именно это прикрѣпленіе—объ этомъ судить трудно. Достовѣрно, замѣтимъ, то, что современная Москва не знаетъ ни креста преп. Сергія, ни креста, бывшаго на Дону и подъ Казанью; въ Музеѣ же при Кіевской Духовной Академіи есть крестъ, находящаяся на которомъ надпись выдаетъ его за тотъ именно крестъ, котораго недостаетъ современной Москвѣ.

Итакъ, у насъ есть рядъ твердо стоящихъ положеній, сближеніе которыхъ путемъ правдоподобныхъ, естественно напрашивающихся, предположеній, дозволяетъ, казалось бы, вопросъ о подлинности нашего креста рѣшить въ положительномъ смыслѣ.

Но изслѣдователь не исполнилъ бы своей задачи, если бы онъ не остановился на отрицательныхъ инстанціяхъ, которыя въ данномъ случаѣ могутъ быть выдвинуты отрицательной критикой въ качествѣ возраженій противъ такого рѣшенія вопроса. Изъ возраженій, которыя можно предвидѣть, самымъ существеннымъ представляется слѣдующее: фактъ благословенія крестомъ имѣлъ мѣсто въ концѣ XIV в.; фактъ появленія на крестѣ надписи относится къ концу XVII в.; спрашивается: можно ли вѣрить надписи, которая констатируетъ событіе, имѣвшее мѣсто за 300 лѣтъ до ея появленія? Въ отвѣтъ на это возраженіе можно представить аналогичное явленіе, съ подобными которому постоянно приходится встрѣчаться историку. О событіяхъ, напр., IX вѣка въ нашей исторіи мы знаемъ изъ лѣтописи, первый сводъ которой появился въ началѣ XII в., а древнѣйшая редакція этого свода сохранилась въ спискѣ конца XIV вѣка. Итакъ, такой, напр., фактъ, какъ вступленіе на кіевскій столъ вел. кн. Олега, отстоитъ отъ времени появленія перваго лѣтописнаго свода на 200 лѣтъ, а отъ времени появленія Лаврентіевскаго списка—почти ровно на 500 лѣтъ. Сомнѣвался ли однакожь когда нибудь какой-нибудь серьезный историкъ на этомъ только основаніи въ существованіи этого князя? Конечно нѣтъ. Не нужно также забывать и того, что пространство, которымъ эпоха Куликовской битвы

отдѣляется отъ времени появленія нашей надписи, въ данномъ случаѣ не остается совершенно пустыннымъ; напротивъ, оно наполняется исторіей оклада, которая является своего рода звеномъ, связывающимъ его конечные пункты. Мы видѣли, что нашъ окладъ, восходя своимъ началомъ къ эпохѣ преп. Сергія, пережилъ рядъ отдѣльныхъ моментовъ, которые видны въ его реставраціи. Реставрація эта показываетъ, что нашъ крестъ не принадлежалъ къ разряду тѣхъ церковныхъ предметовъ, которые, обветшавъ отъ времени, попадаютъ въ церковныя ризницы. Напротивъ, нашъ крестъ въ продолженіи всей своей исторіи, несмотря на происходившія съ нимъ перемѣны, пользовался особымъ вниманіемъ владѣльцевъ, вслѣдствіе того, очевидно, что съ нимъ соединялось какое то особенное преданіе. Въ чемъ состояло это преданіе—это засвидѣтельствовалъ послѣдній его хранитель, рѣшившій передать его письменно. А что надпись эта сдѣлана была безъ всякой корыстной цѣли, это видно изъ того, что содержаніе ея, при переходѣ въ позднѣйшее время креста изъ рукъ въ руки, не объявлялось: послѣдніе владѣльцы нашего креста не знали содержанія надписи, а приобрѣтали его какъ всякую другую церковную древность неизвѣстнаго происхожденія.

Вотъ и все, что я могу сказать для разясненія поставленнаго вопроса. Спѣшу замѣтить, что съ вопросомъ этимъ я выступилъ не для того, чтобы навязать кому-нибудь свое рѣшеніе его. Цѣль реферата состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать настоящей предметомъ обсужденія специалистовъ ¹⁸⁾.

¹⁸⁾ Редакція считаетъ своею обязанностью прибавить къ статьѣ В. З. Завитневича изображеніе креста, сохраняемаго въ церкви села Покровскаго, Звенигородскаго у. Моск. губ., въ имѣніи Д. Д. Голохвастова и извѣстнаго какъ вкладъ въ церковь царя Іоанна Грознаго, часто охотившагося въ этой мѣстности (табл. XXVIII). Сличеніе этого креста съ крестомъ Димитрія Донскаго можетъ послужить къ болѣе обстоятельному обсужденію спорнаго вопроса.

Труды 8-го археол. съезда въ Москвѣ 1890 г. т. III.

Къ вопросу о коллегіальности Приказовъ.

Н. Н. АРДАШЕВА.

Вопросъ о коллегіальности въ устройствѣ приказовъ поднять уже давно. Исслѣдователи центрального московскаго управленія по необходимости касались и его, иногда затрогивая вскользь, иногда же останавливаясь на немъ болѣе пристально. По этому предмету было высказано много не только частныхъ мыслей, но и общихъ положеній. Вопросъ о коллегіальномъ устройствѣ учреждений мы находимъ въ качествѣ особыхъ положеній въ трехъ диссертацияхъ. Такъ, въ диссертациі г. Кавелина „Основныя начала Русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства отъ уложенія до Учрежденія о Губерніяхъ“, появившейся въ 1844 г., выставлены такія два положенія: „*Устройство Приказовъ основано на началѣ личнаго управленія*“ (1-ое полож.); „*А коллегіальное устройство судовъ введено у насъ впервые Петромъ Великимъ*“ (17-ое полож.). Дмитріевъ въ своей „Исторіи Судебныхъ Инстанцій отъ Судебника до Учрежденія о Губерніяхъ“, изданномъ въ 1859 г., въ заключеніе очень многихъ глубокихъ мыслей объ этомъ вопросѣ нашелъ возможнымъ внести въ тезисы только такое положеніе: „*Въ древней Россіи не было яснаго понятія ни о бюрократическомъ, ни о коллегіальномъ началѣ*“ (тезисъ 12-й); а въ самой диссертациі говорить, что „нельзя признавать рѣшительно ни коллегіальнаго, ни бюрократическаго начала въ Приказахъ“. (135 стр.). Наконецъ, въ диссертациі г. Лихачева „Разрядные дѣякіи XVI вѣка“ сдѣлана новая попытка рѣшить вопросъ о коллегіальности Приказовъ, причемъ авторомъ, послѣ разбора ряда данныхъ и мнѣній, сдѣланъ такой выводъ: „*Во внутреннемъ устройствѣ Приказовъ преобладало, какъ и вообще въ Московской Руси, товарищеское начало, которое надо или приравнять къ началу коллегіальному, или признать самостоятельнымъ*“ (2-е полож.). Сущность cadaго изъ этихъ трехъ взглядовъ на предметъ сводится къ тому, что первое стоитъ рѣшительно на сторонѣ личнаго начала (несмотря на частныя сомнѣнія), а послѣднее ясно склоняется на сторону коллегіальнаго начала, тогда какъ второе, перенося вопросъ съ почвы наличныхъ историческихъ фактовъ, которые недостаточно говорятъ какъ въ пользу того, такъ и другого устройства Приказовъ, на почву представленій и понятій объ этомъ предметѣ въ ихъ историческомъ развитіи, если не устраняетъ постановки вопроса, то какъ бы уклоняется отъ прямого рѣшенія его.

Что касается частныхъ мыслей по этому вопросу, то исслѣдователи, какъ вышепоименованные такъ и другіе въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій, когда имъ приходится говорить объ устройствѣ Приказовъ XVI и XVII ст., уклоняются отъ такой прямой, рѣзкой постановки вопроса и ста-

раются избѣгать самыхъ терминовъ „личное или бюрократическое начало“, „коллегіальное начало“. Такъ. говорятъ если не о коллегіальномъ, то о „совѣщательномъ началѣ“, при чемъ одни, какъ г. Троцына, въ своей „Исторіи Судебныхъ Учрежденій въ Россіи“ 1851 г. отрицаетъ это совѣщательное начало по отношенію къ Приказамъ ¹⁾; а другіе, какъ г. Кавелинъ въ своей рецензій на эту книгу, готовъ, повидимому, искать въ этомъ выходъ изъ затрудненія ²⁾; иногда же эти два понятія сливаются въ одно, и на сцену является уже „совѣщательно-коллегіальное начало“ ³⁾. Желая быть въ терминологіи ближе къ изучаемой эпохѣ, говорятъ о „товариществѣ московскихъ чиновниковъ“ о „товарищескомъ началѣ“ въ Приказахъ, какъ это уже было упомянуто, не безъ колебанія; приравнять ли его къ началу коллегіальному, признавши за нимъ „коллегіальный оттънокъ“, или же признать чѣмъ-то совершенно „самостоятельнымъ“ ⁴⁾. Большою же частію, не будучи въ состояніи отдѣлаться отъ понятія коллегіальности, въ противоположность единоличности, или бюрократіи, допускаютъ какъ-будто механическое смѣшеніе разныхъ началъ въ Приказахъ ⁵⁾. Становясь на точку зрѣнія коллегіальности для того ли, чтобы признать ее или отвергнуть, стараются расчленивъ понятіе коллегіальности и смотреть на положеніе дѣла въ Приказахъ съ двухъ сторонъ: съ одной стороны, видя многочисленный составъ присутствія въ Приказахъ, признаютъ за ними только „внѣшнюю коллегіальность“, а во внутреннемъ устройствѣ и управленіи Приказовъ отрицаютъ эту коллегіальность ⁶⁾. Подходя къ прошлой эпохѣ Приказовъ съ современнымъ понятіемъ коллегіальности, считаютъ иногда нужнымъ упростить это понятіе и тогда имѣютъ въ виду не внѣшнюю обстановку коллегіальности, какъ-то: „рѣшеніе большинствомъ голосовъ, баллотировки шарами, протоколы засѣданій съ пришитыми къ нимъ отдѣльными мнѣніями и разные другіе внѣшніе атрибуты современной коллегіальности“, а „сущность дѣла“ ⁷⁾.

Видя нѣкоторую двойственность относительно даннаго вопроса, чтобы выйти изъ затрудненія, придаютъ рѣшительное значеніе, при рѣшеніи его, моменту возникновенія Приказовъ и

¹⁾ „Существовавшіе до его (Петра Великаго) времени Приказы, какъ мы уже выше замѣтили не имѣли устройства совѣщательнаго: состоя изъ нѣсколькихъ членовъ, они или слишкомъ много предоставляли власти предѣдателью, или же часто состояли только изъ одного члена, который собственною властью рѣшалъ зависящія отъ него дѣла“. Троцына. „Ист. Суд. Учр. въ Рос.“ 1851 г. 121 стр.

²⁾ „Троцына.... впадаетъ въ явную ошибку, смѣшивая коллегіальное устройство съ совѣщательнымъ и отрицая у Приказовъ послѣднее, тогда какъ слѣдовало бы отрицать въ нихъ устройство коллегіальное, а отнюдь не совѣщательное“. Сочинен. Кавелина, ч. 3-ья, 279 стр.

³⁾ „Смыслъ и значеніе совѣщательно-коллегіальнаго начала (въ Московскомъ государствѣ) знали не изъ системы государственнаго права, а изъ всѣмъ извѣстной распространенной сентенціи: умъ хорошо, а два лучше“. Лихачевъ. „Разрядные Дьяки XVI ст.“, 13 стр.

⁴⁾ „Эта фраза (Пр. Леонтовича), отрицающая коллегіальность Приказовъ, не доказана документальными ссылками, а между тѣмъ отвергать товарищество московскихъ чиновниковъ трудно“. (Лихачевъ, 5 стр.). „Принципъ бюрократическаго единоначалія (въ старой Руси) смѣняется на глазахъ историка принципомъ товарищества съ коллегіальнымъ оттънкомъ“. Лихачевъ, 12 стр.; также 2-ое полож.

⁵⁾ „.... Дѣлали дѣло, какъ повелось, не заботясь, что принципъ единоначалія управленія смѣшивается съ принципомъ коллегіальности“. Лихачевъ, 13 стр.

⁶⁾ „Случалось также, что приказныя дѣла раздѣлялись между судьями и даже дьяками и, такимъ образомъ, при наружной коллегіальности устройства управленіе превращалось въ совершенно личное“. Дмитріевъ. „Ист. Судебн. Инстанц.“, 338 стр.

„Для большей возможности отправленія дѣлъ къ прежнимъ судьямъ и правителямъ присоединялись другія лица; образовавшіеся влѣдствіе сего Приказы, состоя изъ нѣсколькихъ лицъ, не имѣли однако жъ внутренняго значенія коллегіальныхъ учреждений“. Троцына. 4 стр.

⁷⁾ „Напрасно было бы въ старой Руси искать рѣшенія большинствомъ голосовъ, баллотировокъ шарами, протоколовъ засѣданій съ пришитыми къ нимъ отдѣльными мнѣніями и разныхъ другихъ внѣшнихъ атрибутовъ современной коллегіальности: эти признаки не измѣняютъ сущности дѣла“. Лихачевъ, 12 стр.

первоначальному ихъ устройству; но и на этомъ основаніи изслѣдователи приходятъ въ противуположнымъ выводамъ. Г. Дмитріевъ думаетъ, что первоначальное устройство Приказовъ было бюрократическое ⁸⁾, а Г. Лихачевъ совершенно наоборотъ ⁹⁾. Еще, смотря на предметъ съ юридической точки зрѣнія, или признаютъ *существованіе* такого юридическаго начала коллегіальности въ то время, оговариваясь только относительно *систематическаго проведенія* его практикѣ ¹⁰⁾; или же, не находя прямыхъ юридическихъ постановленій объ отношеніи къ Боярину въ Приказѣ его товарищей (какъ и товарищей къ воеводѣ) не признаютъ чтобы это начало дѣйствовало тутъ на самомъ дѣлѣ ¹¹⁾. Разсматриваютъ предметъ, чтобы выяснитъ его, и съ иныхъ сторонъ, именно, опредѣляютъ *степень выраженія или развитія коллегіальности въ Приказахъ* и тутъ находятъ, что судоустройство отъ Ивана III до Петра Великаго, развивая свои формы, идетъ къ коллегіальности, однако не достаетъ полнаго выраженія коллегіальныхъ началъ ¹²⁾; а также находятъ, что, если коллегіальнаго управленія въ риказахъ Пеще не было то въ назначеніи нѣсколькихъ лицъ, для завѣдыванія Приказомъ уже скрывался „зародышъ будущаго коллегіальнаго устройства“, какое введено было только Петромъ Великимъ. Это было то самое обстоятельство, которымъ было подготовлено появленіе новаго „въ настоящемъ смыслѣ слова коллегіальнаго судоустройства“; только оно не могло развиваться потому что было подавлено „вліяніемъ прежнихъ началъ управленія“ ¹³⁾, и новая зарождающаяся юридическая жизнь не могла еще отрѣшиться вполне отъ старыхъ, отживающихъ началъ ¹⁴⁾. Наконецъ самую коллегіальность сдѣлана попытка сблизить посредствомъ обязательнаго единогласія въ рѣшеніяхъ съ порядкомъ единоличнаго рѣшенія бюрократическаго суда ¹⁵⁾.

Какое разнообразіе и какая утонченность во взглядахъ! Понятіе коллегіальности въ его

8) „Устройство Приказовъ было большею частію коллегіальное, но встрѣчаются однако и исключенія. Вопросъ состоитъ въ томъ, было ли коллегіальное начало принято вообще за правило, или, напротивъ многочисленный составъ Приказовъ былъ вынужденъ обстоятельствами, а *первоначальное ихъ устройство было бюрократическое?* Мы склоняемся въ пользу послѣдняго мнѣнія“. Дмитріевъ, 134 стр.

9) См. далѣ примѣч. 16 ое.

10) „Практика и обычай играли въ Московскомъ Государствѣ большую роль. Никто не думалъ о *систематическомъ проведеніи юридическаго начала*; дѣлали дѣло, какъ повелось“. Лихачевъ, 13 стр.

11) „Товарищи Боярина, вѣдавшаго Приказъ, или Городоваго Воеводу были его помощники, Совѣтники а не Самостоятельные Члены, имѣющіе къ нему *опредѣленное юридическое отношеніе*. Этимъ объясняется, далѣе, почему нѣтъ никакихъ постановленій объ отношеніяхъ Воеводы къ товарищамъ его; еслибъ эти отношенія были юридическія, то они необходимо опредѣлялись бы закономъ, ибо обычай здѣсь не могъ имѣть дѣйствія“. Кавелинъ, I т., 51 стр.

12) „Періодъ времени отъ В. Кн. Ивана III, въ особенности же отъ царя Іоанна IV до Петра Великаго представляетъ по преимуществу такія учрежденія, въ коихъ судоустройство, продолжая свои формы, *доводитъ ихъ до большаго развитія, не достигая однако же полнаго выраженія коллегіальныхъ началъ*; къ нимъ принадлежатъ Царская Дума съ Расправною Палатою и Приказы“. Троицина, 56 стр.

13) „Правда въ назначеніи нѣсколькихъ лицъ для завѣдыванія Приказомъ или уѣздомъ уже скрывался *зародышъ будущаго Коллегіальнаго устройства*“. Кавелинъ. I т., 51 стр.—Завѣдываніе Приказовъ и областей не однимъ, а многими лицами должно было *de facto* ослабить власть главнаго начальника: этимъ *приготовлено появленіе новаго, въ полномъ смыслѣ словъ коллегіальнаго судоустройства*“. Кавелинъ. I т., 61 стр.—„... уже скрывался *зародышъ будущаго коллегіальнаго устройства*, но до Петра Великаго онъ находился подъ *вліяніемъ прежнихъ началъ управленія* и по этому не могъ развиваться“. Кавелинъ, I т., 51 стр.

14) „Сильнымъ доказательствомъ (единогласнаго рѣшенія дѣлъ въ Приказахъ) служить значеніе уложенія въ нашей юридической исторіи: оно законодательство переходное, въ немъ отживаютъ *старыя начала*, въ немъ же начинается и наша *новая жизнь*, въ немъ дѣйствуютъ противуположныя элементы, въ немъ ясно *начало коллегіальнаго судоустройства, но оно еще не совсѣмъ отрѣшилось отъ личнаго бюрократическаго начала*...“ Есиневичъ. „Литературная разработка и общая характеристика уложенія 1649 года“, стр. 14-я, въ „Журн. Мин. Юстиц.“, 1859 г., т. I.

15) „... и потому *коллегіальный судъ* долженъ рѣшать дѣло, какъ *судья бюрократическій*, однимъ словомъ, *единогласно*. Тамъ же.

примѣненіи къ Приказамъ разсмотрѣно со всѣхъ возможныхъ и, я бы сказалъ, невозможныхъ сторонъ, исчерпано до конца, такъ что въ этомъ отношеніи трудно было бы сказать что-либо еще новое. Между тѣмъ этотъ вопросъ нельзя считать рѣшеннымъ окончательно. Говоря словами новѣйшаго изслѣдователя по данному предмету Г. Лихачева, „Важный вопросъ о коллегиальномъ началѣ въ до-Петровской Руси ждетъ спеціального и подробнаго изслѣдованія“ (21 стр.).

И это не отъ недостатка усилій ума: напротивъ, здѣсь на каждомъ шагу видно необычайное напряженіе мысли. Значитъ, чего-то не достаетъ тутъ, значитъ, вопросъ не можетъ быть рѣшенъ на этой почвѣ (анализа понятія коллегиальности). „Окончательно, по словамъ Неволіна, можетъ быть проясненъ разсматриваемый предметъ только посредствомъ обстоятельнаго разбора и обзорнѣя уцѣлѣвшихъ досель дѣлъ нашихъ старинныхъ приказовъ“. Пужны при рѣшеніи вопроса новыя данныя, которыхъ до сихъ поръ не доставало. Прежде, чѣмъ перейти къ сообщенію нѣкоторыхъ данныхъ, такого рода я останавлиюсь на происхожденіи самой мысли о коллегиальности въ Приказахъ.

Подозрѣніе въ коллегиальномъ устройствѣ Приказовъ возникло вслѣдствіе появленія въ Приказахъ нѣсколькихъ судей, вслѣдствіе назначенія къ одному Главному Судѣ, „товарищей“¹⁶⁾ этому факту придается иногда такъ много значенія, что съ нимъ непосредственно связывается самое возникновеніе Приказовъ, какъ Учрежденій, изъ временныхъ личныхъ порученій Московскаго Великаго Князя, и признакъ коллегиальности становится характеристическимъ для приказовъ учрежденій¹⁷⁾. (Разбирать, такъ-ли это на самомъ дѣлѣ, не входитъ въ мою задачу). Между тѣмъ, другими изслѣдователями этому факту не придается такого значенія. Назначеніе нѣсколькихъ лицъ въ Приказъ, по ихъ мнѣнію, еще не отнимаетъ у судей бюрократическаго характера, не уничтожаетъ личнаго начала во внутреннемъ устройствѣ Приказовъ¹⁸⁾: *назначеніе Боярина съ товарищами не означало инструкціи разсматривать всякое дѣло совокупно и проносить о немъ рѣшеніе на основаніи отбиранія голосовъ*¹⁹⁾. И даже главный сторонникъ коллегиальности Приказовъ, Г. Лихачевъ нашелъ впоследствии возможнымъ признать, что если, строго отдѣлять наружную коллегиальность отъ коллегиальныхъ юридическихъ отношеній, то одинъ фактъ назначенія нѣсколькихъ лицъ еще не говоритъ безусловно за коллегиальность²⁰⁾. Итакъ, одного *голаго факта назначенія въ Приказъ нѣсколькихъ судей* еще не достаточно для убѣжденія въ коллегиальности Приказовъ. Надо разсмотрѣть *взаимныя отношенія судей въ ихъ дѣятельности* и разобрать, какъ дѣйствовалъ въ приказѣ съ своими товарищами, какъ они судили и распоряжались.

При разсмотрѣніи этого вопроса о внутреннемъ устройствѣ и дѣятельности Приказовъ

¹⁶⁾ „Въ наше время возникла мысль, будто бы коллегиальное начало существовало уже до Петра Великаго... въ царствованіе Алексѣя Михайловича Московскими Приказами, областями и уздами уже завѣдывалъ не одинъ, а многіе (воевода съ товарищи); вотъ что подало поводъ думать, будто судопроизводство въ это время было коллегиальное“. Кавелинъ, I т., 50 стр.

¹⁷⁾ „Между тѣмъ и другимъ видомъ государственныхъ учрежденій (личный Приказъ великокняжескій и Приказъ учрежденія) лежитъ черта рѣзкаго различія“. Лихачевъ, 4 стр.

„Приказы, по высказанному уже мною мнѣнію, характеризуются своею коллегиальностью... Приказы выросли изъ личныхъ порученій, но всякій Приказъ только тогда и сдѣлался Учрежденіемъ, когда сталъ Коллегиальнымъ“. Лихачевъ, 26 стр.

¹⁸⁾ „Различіе между Приказами и Коллегіями преимущественно заключается въ томъ, что приказы, хотя и состояли нерѣдко изъ нѣсколькихъ лицъ, однако были, по преимуществу постановленія бюрократическія, носившія на себѣ личный характеръ“. Кавелинъ, I т., 269 стр.

¹⁹⁾ Андреевскій „Русское Государственное Право“, I т., 259 стр.

²⁰⁾ „Они (Г. Кавелинъ и Г. Дмитріевъ) справедливо думаютъ, что назначеніе нѣсколькихъ лицъ еще не есть коллегиальность, и строго отдѣляютъ наружную коллегиальность отъ коллегиальныхъ юридическихъ отношеній“. Лихачевъ. „Отвѣтъ суровому критику“. 1890 г., стр. 67.

надо различать двѣ стороны: *юридическую*—какія были о томъ постановленія?—и *фактическую*—какъ велось дѣло на практикѣ?—Я имѣлъ въ виду остановиться, главнымъ образомъ, на фактической сторонѣ, но не будетъ лишнимъ, во избѣжаніе недоразумѣній, коснуться и юридической стороны вопроса, хотя, взятая одна, она представляется мнѣ въ довольно слабомъ видѣ, что и вообще признается.

Постановленій о взаимныхъ отношеніяхъ главнаго судьи и его товарищей и всѣхъ вообще судей въ Приказѣ также о правахъ и обязанностяхъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности не оказывается прямыхъ. Объ этомъ такъ выражается Г. Лихачевъ: *„Практика и обычай играли въ Московскомъ Государствѣ большую роль... Вотъ почему не сохранилась никакихъ постановленій, напримѣръ, объ отношеніи воеводы къ его товарищамъ (говорится, собственно, объ отношеніи главнаго судьи Приказа къ его товарищамъ). Эти отношенія были понятны и общеизвѣстны, излишне было формулировать ихъ на бумагѣ, и ключъ къ нимъ унесенъ, какъ и ключъ къ мѣстническому распорядку фамиліи родословной знати въ отношеніи ихъ къ чужому роду, или основанія порядка назначенія Бояръ въ Думу“* ²¹⁾.

Въ Уложеніи Алексѣя Михайловича есть одно столь извѣстное мѣсто о вершеніи дѣлъ въ Приказахъ „судьямъ всѣмъ вопче“ ²²⁾. Только взгляды на это мѣсто не установлены, и въ литературѣ существуетъ несогласіе относительно его. Такъ, г. Неволинъ говоритъ: *„Хотя по закону въ тѣхъ Приказахъ, гдѣ было нѣсколько судей, дѣла надлежало рѣшать всѣмъ вмѣстѣ, но на самомъ дѣлѣ первенствующій судья имѣлъ такую силу, что дѣлалъ, что хотѣлъ“* ²³⁾. Кавелинъ признаетъ, что это мѣсто подтверждаетъ ту мысль (оспариваемую имъ), поводъ къ которой поданъ былъ фактомъ товарищества; но самъ онъ не находитъ возможнымъ признать того и, несмотря на данное мѣсто, отрицаетъ коллегіальное управленіе въ Приказахъ ²⁴⁾. Впрочемъ, надо сказать, что имъ данъ только окончательный выводъ, но разбора и объясненія къ нему нѣтъ. Г. Троцына обращаетъ вниманіе на то, что это мѣсто могло имѣть приложеніе не ко всѣмъ Приказамъ, если принять во вниманіе число судей ²⁵⁾. Г. Дмитриевъ разбираетъ это мѣсто подробнѣе и серьезнѣе всѣхъ. Въ очень скомканномъ текстѣ онъ старается отличить разныя вещи: „судъ съ сыскомъ“ и „вершены по суду“, „главнаго судью“ и „судей товарищей“. Онъ усматриваетъ тутъ не опредѣленіе общаго порядка рѣшенія дѣлъ, а только постановленіе на случай отступленій отъ обычнаго порядка: мѣсто это имѣетъ цѣлью опредѣлить, главнымъ образомъ, какъ должны были поступать товарищи безъ главнаго судьи ²⁶⁾. Иначе смотритъ на это мѣсто г. Есиповичъ, когда полемизируетъ съ г. Кавелинымъ: *„Въ немъ (Улож. Алексѣя Михайловича) есть статья, до того ясно опровергающая мнѣніе Кавелина (о коллегіальности—отрицательное), что трудно желать лучшаго доказательства“* говоритъ онъ. Ему кажется, что *„яснѣ этой статьи въ пользу коллегіальности Приказовъ, въ которыхъ были товарищи, и придумать ничего нельзя“*; что *„всякое положеніе этой статьи, (а не одно „вершити дѣло всѣмъ вопче“) ведетъ къ такому заключенію“* ²⁷⁾. Но все это или высказывается какъ только „мнѣніе“ и не подкрѣпляется разборомъ ни одного положенія. А такой сторонникъ коллегіальности При-

²¹⁾ Лихачевъ. „Разр. Дьяки XVI в.“.

²²⁾ Улож. гл. X, ст. 23.

²³⁾ Полн. Собр. соч. Неволина. VI т., 141 стр.

²⁴⁾ Сочинен. Кавелина. I т., 50 стр.

²⁵⁾ „Ист. Судебн. Учр.“ 67—68 стр.

²⁶⁾ „Хотя и сказано, что когда судьи больны или въ отпускѣ, то безъ нихъ допускается одно *судоговореніе*, а рѣшеніе должно быть постановлено вмѣстѣ; но цѣль была здѣсь другая: Уложеніе не довѣряетъ однимъ *судейскимъ товарищамъ*, а позволяетъ имъ рѣшать дѣло только въ крайнихъ случаяхъ въ видѣ исключенія“. Дмитр., 337—338 стр.

²⁷⁾ Есиповичъ. Журн. Мин. Юст. 1859 г., кн. I, 11—12 стр.

казовъ какъ г. Лихачевъ, приводя, въ заключеніе своего разсужденія этотъ пунктъ изъ Уложенія цѣликомъ въ своей книгѣ, совершенно спокойно замѣчаетъ объ ней только слѣдующее: „*Это свидѣтельство все таки говоритъ болѣе въ пользу коллегіальнаго начала, чѣмъ противъ него*“²⁸⁾. И только. Наконецъ, я позволю прибавить съ своей стороны, что если бъ это мѣсто послѣ тщательнаго разбора оказалось утверждающимъ чисто коллегіальный порядокъ рѣшенія дѣлъ въ Приказахъ, то и тогда значеніе его должно еще зависѣть отъ нѣкоторыхъ условій происхожденія его и появленія на страницахъ Уложенія. Необходимо указать источникъ его. Откуда оно вошло въ Уложеніе? Заимствовано ли и перенесено въ Уложеніе изъ прежеизданныхъ и дѣйствовавшихъ узаконеній и распоряженій, или напротивъ, оно внесло собою реформу стараго порядка и было выраженіемъ новаго нараждающагося начала? А могло случиться и то, что составителями сюда занесены были нѣкоторыя черты изъ современныхъ порядковъ, при томъ не изъ характеристическихъ, а наиболѣе почему-либо нуждающихся въ установленіи, можетъ быть даже частности, имѣвшія мѣсто при несовсѣмъ обычныхъ обстоятельствахъ, частности, которыя обобщены и обобщеніемъ усилены до исключительныхъ размѣровъ? Напримѣръ, тутъ говорится о трехъ—четырехъ судьяхъ, тогда какъ эта цифра не представляла нормы для приказовъ ни въ то время, ни послѣ, ни тѣмъ болѣе прежде. Такъ вѣдь можетъ, пожалуй, статься, что мы имѣемъ передъ собою положеніе такое, которое не было основано на фактахъ прошлаго, мало соответствовало современному состоянію приказовъ, а впоследствии не имѣло вовсе приложенія. Я не хочу сказать, чтобъ это такъ было дѣйствительно, но неизвѣстность вызываетъ сомнѣнія и предположенія.

Въ общемъ выводѣ это мѣсто Уложенія, взятое само по себѣ, не имѣетъ рѣшительнаго значенія въ вопросѣ о коллегіальности Приказовъ и не для всѣхъ изслѣдователей равно убѣдительно. Такимъ образомъ, при разсмотрѣніи вопроса со стороны только юридическихъ постановленій приходится признать, что „ключъ къ нему утраченъ“.

Если юридическая сторона вопроса не можетъ считаться твердо установленной, то все-таки про нее нельзя сказать, что она была оставлена безъ вниманія. Другая же сторона вопроса, какъ же въ дѣйствительности отиравались дѣла въ приказахъ, осталась не тронутой. Еще въ 1859 году г. Дмитріевъ замѣтилъ, что „о способѣ рѣшенія дѣлъ судьями, когда ихъ было нѣсколько, ничего вѣрнаго неизвѣстно“²⁹⁾. Отъ этого и представленія о предметѣ, столь важномъ, только гадательны. „Вѣроятно рѣшеніе дѣла въ Приказахъ было единогласное, потому что рѣшеніе, основанное на большинствѣ голосовъ не въ характеръ нашего стариннаго процесса“. „Въ тѣхъ случаяхъ, когда приказные судьи разногласили они, вѣроятно, обращались къ боярской думѣ“³⁰⁾.

Вотъ на этотъ-то пунктъ теперь и слѣдуетъ направить вниманіе, помня слова Неволіна, что „окончательно можетъ быть проясненъ разсматриваемый предметъ только посредствомъ обстоятельнаго разбора и обзоренія уцѣлѣвшихъ досель дѣлъ нашихъ старинныхъ приказовъ“.

Я остановлюсь сейчасъ на одномъ только изъ многихъ Приказовъ, именно помѣстномъ, который въ отношеніи настоящаго вопроса представляетъ наиболѣе интереса, потому что онъ выдается многочисленностью судейскаго состава.

Данныя, представляющіяся относительно этого Приказа, относятся далеко не къ ранней эпохѣ его существованія, касаясь XVII ст. и даже къ концу его. Но за то они рисуютъ приказные порядки въ ихъ законченномъ уже, выработанномъ видѣ. Къ тому же несомнѣнно, что многое относительно древнѣйшаго времени приказовъ можетъ быть выяснено только при помощи изученія сравнительно поздняго времени.

²⁸⁾ Лихачевъ. „Разрядн. Дьяки“, 22 стр.

²⁹⁾ и ³⁰⁾ Дмитріевъ. 135 стр.

Для названнаго мною Помѣстнаго Приказа за послѣдній періодъ его существованія имѣются данныя двоякаго рода. Во-первыхъ, свидѣтельство о порядкѣ судопроизводства и дѣлопроизводства въ „прежде бывшемъ Помѣстномъ Приказѣ“ идущее отъ начала XVIII вѣка. Это— „проектъ устройства Вотчинной Коллегіи“, составленный въ 1731—1732 годахъ, т. е. спустя 12 лѣтъ, послѣ Помѣстнаго Приказа по требованію правительства секретарями Вотчинной Коллегіи, этими преемниками дьяковъ помѣстнаго приказа, изъ которыхъ нѣкоторые ветераны еще жили и дѣйствовали тогда, а съ ними жило и преданіе о старыхъ приказныхъ порядкахъ, и даже вліяло. Въ проектѣ, поданномъ ими, встрѣчаются не только отдѣльныя указанія на эти порядки, но находятся и цѣлыя картины его сравнительно съ новыми порядками. Во-вторыхъ—современныя учрежденію разнаго рода „приказныя дѣла“ и „записныя книги“, особенно „записныя челобитнымъ“, въ которыхъ разбросаны частныя указанія, иногда очень мелкія и отрывочныя, но очень цѣнныя, а какъ главный матеріалъ, подлинныя „записныя протоколамъ“ помѣстнаго приказа. Я пользуюсь тѣми и другими данными, провѣряя первыя вторыми и, обратно, вторыя дополняя первыми.

Течение дѣлъ въ Помѣстномъ Приказѣ, cadaго дѣла въ отдѣльности, съ момента подачи челобитной до выдачи по ней грамоты или посылки въ города указовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Челобитныя подавались челобитчиками обыкновенно не главному судѣ Приказа непосредственно „на судейскій столъ“ въ „судейской казенкѣ“, даже не дьякамъ, его товарищамъ, а просто подьячимъ. Такъ это можно заключить изъ одного указа боярина Помѣстнаго Приказа князя Петра Васильевича Шереметева отъ 196 (1688 года), которымъ запрещалось принимать подьячимъ самимъ нѣкоторые только виды челобитныхъ, именно объ утаенныхъ, выморочныхъ, прописныхъ и отписныхъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, которыя они должны были, не принимая, присылать въ приказный столъ (помѣстнаго приказа) ³¹⁾.

Поступившія въ Приказъ челобитныя подавались дьякахъ - товарищамъ къ помѣтѣ и тѣ помѣчали ихъ на оборотѣ, всѣ дьяки „въ разныя руки“, по тогдашнему выраженію. Помѣты эти были въ такомъ родѣ: „взять къ дѣлу“, „выписать“, „взять къ дѣлу и выписать“, „записать въ книгу“ и т. п. ³²⁾. Это дѣлалось дьяками „безъ доклада главныхъ судей“, развѣ только „явится, что сумнительное и важное“, на примѣръ, челобитчики бьютъ челомъ на „неправое рѣшеніе прежнихъ судей“, а такія челобитныя слѣдовало уже докладывать главнымъ судьямъ; но принимались они все же за одними только дьячьими помѣтами ³³⁾. Послѣ помѣты челобитныя записывались въ книгу иногда „кратко“, иногда „подлинно“ ³⁴⁾. Затѣмъ они поступали къ подьячимъ на „выправку“ изъ дачъ, указовъ и прочаго, идущаго къ дѣлу. До сихъ поръ течение челобитныхъ всѣхъ, за нѣкоторыми развѣ исключеніями (сумнительныя челобитныя), совершалось одинаково. Подготовка дѣлъ къ „слушанью“ по разнымъ челобитнымъ, смотря по важности и сложности ихъ, производилась, конечно, не одинаково: по однимъ достаточно было „справки“ на мѣстѣ въ архивѣ Помѣстнаго Приказа и краткихъ „выправокъ“, тогда какъ по другимъ надо было сноситься памятями съ другими Приказами, посылать грамоты къ воеводамъ, поручать имъ произвести допросы, обыски, межеванья и т. п., и въ самомъ Приказѣ производить допросы къ выписками изъ разныхъ старыхъ дѣлъ. Наконецъ, составлялась подьячимъ выписка изъ всего дѣла „къ слушанью“,

³¹⁾ „Записн. челобитнымъ“ кн. 28, кн. № 3157/26, л. 1-ый. То же самое можно видѣть и на заглавіи записныхъ книгъ. „Роспись челобитнымъ съ 176 (1668) году, которые люди били челомъ изъ порозніихъ земель у подьячего М. Яковлева“. Прик. Дѣл., кн. 31, кн. № 5035/31.

³²⁾ Прик. Дѣл., кн. 30, кн. № 3054/31; также „записныя челобитн. подлинно“ съ кн. 1-й, кн. № 3174/1 и далѣе.

³³⁾ „Проектъ вотч. колл. секретарей“, гл. 4, п. 2 въ „прик. дѣл.“ вотч. кол., кн. 356, кн. № 5442/356.

³⁴⁾ „Зап. челобитнымъ“ съ 1 кн., кн. № 3174/1 и далѣе.

Теперь слѣдуетъ *чтеніе дѣла по выпискѣ* изъ него передъ судьей, „слушанье“ и составленіе по нему „приговора“—самый важный и интересный для насъ моментъ.

Извѣстно, что въ Помѣстномъ Приказѣ всѣ дѣла раздѣлялись на два главные вида: „дѣла спорныя“ и „дѣла неспорныя“. Спорныя дѣла это такія, въ которыхъ являлись тяжущіяся стороны, оспаривавшія одна другую въ чемъ нибудь относительно владѣнія землей или крестьянами. Неспорныя дѣла касались разныхъ сдѣлокъ противъ челобитья какъ-то: мѣны, продажи, поступки, sprawy прожиточнаго, sprawy по духовной и тому подобныя сдѣлки, когда никто не оспаривалъ ихъ, и не было для нихъ никакого препятствія, напимѣръ, не лежало на землѣ „запрещенія“³⁵⁾. Эти два рода дѣлъ имѣли въ Помѣстномъ Приказѣ разное теченіе.

Вторыя изъ нихъ, *неспорныя*, цѣликомъ поступали къ дьякамъ, независимо отъ того, числились они товарищами главнаго судьи или нѣтъ, и дьяки слушали эти дѣла, клали на нихъ свою помѣту и по той помѣтѣ или давали грамоту челобитчикамъ или посылали, куда слѣдуетъ, память, указъ и т. п. за своею приписью. „А въ прежде бывшемъ Помѣстномъ Приказѣ... каждой подьячей по такимъ неспорнымъ дѣламъ докладывали имъ, дьякамъ, безъ реестровъ, и какъ такія неспорныя дѣла имъ, дьякомъ, отъ нихъ, подьячихъ, принесены бывали, то оныя неспорныя дѣла они, дьяки, по вышеозначенному прежнему обыкновенію, того времени и помѣчали безъ доклада главныхъ судей. И какъ которое дѣло помѣчено будетъ, то того жъ числа тѣ ихъ дьячьи помѣты записывали по дневаньямъ подьячіе въ записную книгу, которая имѣлась на столѣ, за которымъ они, дьяки тогда сидѣли, особо ихъ дьячьимъ помѣтамъ. И, по справкѣ съ тѣми записными книгами, тѣхъ неспорныхъ дѣлъ они, дьяки, помѣчали въ каждый день одинъ дьякъ дѣлъ по двадцати и больше. И отъ той записной книги отдавали тѣ дѣла подьячимъ, у которыхъ тѣ дѣла имѣлись, съ того стола того жъ числа. И за тѣми неспорными дѣлами челобитчикомъ такихъ волокитъ и продолженія, какъ по нынѣшнему обыкновенію чинится, не было“³⁶⁾. И такъ по всѣмъ неспорнымъ дѣламъ докладъ производили подьячіе, каждый свое дѣло, которое чли передъ дьяками, не передъ всѣми, а передъ однимъ изъ нихъ и каждый дьякъ слушалъ свое особое дѣло и клалъ свою помѣту или окончательную „къ вершенью“, или „къ розыску“. Такимъ образомъ, дьякъ являлся, по тогдашнему понятію, судьей (съ административнымъ характеромъ собственно), а подьячій, докладывавшій дѣло дьяку, былъ къ нему въ отношеніи секретаря.

Помѣты дьяковъ были, конечно, очень разнообразны, судя по челобитью и по выписи, но, напимѣръ, въ такомъ родѣ. Дѣло боярина Морозова о запискѣ за нимъ по купчей вотчины, а на дѣлѣ помѣта дьяка Мартемьяна Бредихина: „160 году декабря въ 1 день по Государеву указу записать та вотчина по купчей въ записныя книги за бояриномъ Морозовымъ“³⁷⁾. При помѣтѣ всякаго такого неспорнаго дѣла могла всегда явиться какое-либо препятствіе извѣстной сдѣлкѣ, о которой билъ челобитчикъ, могли вскрыться противоположные интересы. Поэтому, главная забота судьи по такимъ неспорнымъ дѣламъ состояла въ томъ, чтобы не пропустить какого „спору“, чтобы не оставить незамѣченнымъ какого „сумнительства“ и не помѣтить дѣла такого, которое слѣдовало прежде разобрать. Таково было главное требованіе при наложеніи дьячихъ помѣтъ³⁸⁾. Это видно также изъ самыхъ неспорныхъ дѣлъ и помѣтъ по нимъ. Такъ, въ дѣлѣ, напимѣръ, Селунскаго о запискѣ вотчины за челобитчикомъ по данной послѣ челобитья его

³⁵⁾ „Опис. док. Арх. Мин. Юст.“ кн. 5, „Ист. Вотч. Архив.“ Н. Ардашевъ 178—181 стр.

³⁶⁾ Проектъ Вотч. Колл., 2 гл. 3 п.—А также и другое мѣсто: „а такія неспорныя дѣла, по Уложенію и по воуказнымъ статьямъ, отъ начала помѣстнаго приказу помѣчали и крѣпили въ разныя руки одни тѣ дьяки“. Тамъ же.

³⁷⁾ „Прик. Дѣл.“, кн. 19, кн. № 6061/19.

³⁸⁾ „... А неспорныя дѣла, а именно записка по купчимъ и по закладнымъ, о справкѣ за дѣтми послѣ отцовъ и матерей и родственниковъ и по полюбовнымъ раздѣламъ, а спору и сумнительства никакого по онымъ не имется

труды 8-го археол. съезда въ москвѣ 1890 г. т. III.

и выписей къ нему значится по описи: „Буде спору нѣтъ, принять пошлины“. А спору нѣтъ. А на дѣлѣ помѣта дьяка Мартемьяна Бредихина: „Сентября въ 24 день (160 году), будетъ нѣтъ спору, записать та вотчина въ записныя вотчинныя книги за Иваномъ Селунскимъ и за женой его по данной тещи его“³⁹⁾. Еще помѣта дьяка на выпискѣ по дѣлу о мѣнѣ помѣстій: „послать Государева грамота: отказать въ помѣстьеце, а будетъ споръ учинится, и того помѣстьеца отказывать невелѣно; отписать“⁴⁰⁾. Забота объ этомъ сказывается въ особомъ указѣ боярина П. В. Шереметева, главнаго судьи Помѣстнаго Приказа, отъ 201 году. „И которой подьячей къ дьяку къ помѣтѣ поднесетъ, а спору съ томъ дѣлѣ необъявитъ или въ выпискѣ очистить, что спору нѣтъ, не справясь подлинно и не снесши съ тѣмъ споромъ; и за то тѣмъ подьячимъ учинено будетъ наказаніе кнутомъ и отъ Приказу будутъ отставлены“⁴¹⁾.

Что касается *спорныхъ* дѣлъ, то челобитная, послѣ помѣты дьяка на оборотѣ ея и записки въ книгу, поступала къ подьячимъ, у кого какое дѣло было на рукахъ, для производства „справокъ“ и составленія „выписокъ“ изъ дачъ, крѣпостей, указовъ и т. п.; и послѣ цѣлаго ряда подготовительныхъ актовъ „выписку къ докладу“ къ „слушанью“ составлялъ изъ дѣла тотъ же подьячій. По мѣрѣ изготвленія дѣлъ, выписки поступали отъ разныхъ подьячихъ къ слушанью, „засправленія“ только дьячею „справой“, потому что дьякамъ для свидѣтельства они не представлялись⁴²⁾. Въ судейскомъ столѣ дѣло „члось“ по выпискѣ не дьякомъ, какъ можно было бы думать, приравнивая дьяковъ къ секретарямъ, а подьячимъ, тѣмъ самымъ, у котораго было на рукахъ дѣло и который составлялъ къ нему выписку, или же дѣла „чли“ особые выбранные изъ подьячихъ жъ „четцы“, смѣняясь „по дневаньямъ“⁴³⁾. Такимъ образомъ, подьячіе и тутъ сохраняли свою роль секретарей. Дѣло слушалось по выпискѣ, и если не оказывалось никакихъ сомнѣній и не было нужды ни въ какихъ дополненіяхъ, то дѣло тутъ окончательно и вершилось, и составлялся приговоръ по нему, болѣе или менѣе объемистый и обстоятельный (смотря по дѣлу),—въ которомъ излагалось рѣшеніе спора, кому дать что и кому въ чемъ отказать и почему, по какимъ соображеніямъ и по какимъ статьямъ⁴⁴⁾. Приговоръ помѣчался и закрѣплялся однимъ изъ дьяковъ, а слушанье дѣла записывалось въ записную книгу. Вотъ подробный ходъ спорныхъ и неспорныхъ дѣлъ въ помѣстномъ приказѣ.

Перехожу теперь къ тѣмъ книгамъ помѣстнаго приказа, которыя въ Архивѣ Министерства Юстиціи значатся подъ слѣдующею надписью (комитета 1835 г.) „записныя приговорамъ“⁴⁵⁾. Это названіе взято изъ позднѣйшаго времени уже Вотчинной Коллегіи. Что касается ихъ названія, современнаго Помѣстному Приказу, то онѣ носятъ разныя названія, но все распадается

помѣчать секретарямъ... безъ докладовъ главныхъ судей по прежнему обыкновению, какъ было чинено въ прежде бывшемъ помѣстномъ и въ другихъ приказахъ“.

³⁹⁾ См. прим. 37.

⁴⁰⁾ „Записн. Приговор.“, кн. 1, кн. № 2937/1, № дѣла 14.

⁴¹⁾ „Записн. Приговор.“, кн. 42, кн. № 2980/42, л. 2. Жаль, что отъ цѣлаго указа боярина Шереметева о внутреннихъ распорядкахъ остался только отрывокъ, такъ какъ 1-го листа нѣтъ въ книгѣ.

⁴²⁾ „Выписки по спорнымъ дѣламъ канцеляристомъ и подканцеляристомъ сочинять изъ тѣхъ дѣлъ и изъ тѣхъ дачъ противъ челобитчиковъ обстоятельно“. Проектъ, гл. 3-ья.

„И какъ нынѣ чинится, прежде сего дьяки выписокъ съ подлинными дѣлами и дачами не свидѣтельствовали, а утверждалось то все отъ Уложенія на однихъ *справахъ подьяческихъ*“. Тамъ же, 4 гл., 14 п.

⁴³⁾ „По спорнымъ дѣламъ особливо, противъ прежняго обыкновенія, надлежитъ докладывать *самимъ подьячимъ* тѣмъ, у которыхъ тѣ дѣла имѣются или *выбраннымъ четцамъ*“. Тамъ же, 4 гл. 7 п.

⁴⁴⁾ Можно указать, напримѣръ, приговоръ, изложенный на 7 листахъ, или 14 страницахъ. „Записн. Пригов.“, кн. 32, № дѣла 294, 186—192 л.

⁴⁵⁾ Онѣ идутъ, начиная съ 178 года, т. е. съ 1669/70 г., до самаго конца Помѣстнаго Приказа, числомъ 84 книги. „Записн. Пригов.“, кн. 1, № 2937/1—84 кн., № 3022/84.

какъ по заглавію, такъ и по содержанию на два главные отдѣла, по которымъ ихъ и слѣдуетъ разсмотрѣть. Однѣ изъ нихъ — «дьячьи книги, другія «боярскіе», или «окольничьи», или «думныхъ дьяковъ».

Первыя носятъ, напримѣръ, такія названія: «Книга дѣламъ 191 году дьячья слушанья Марта съ 1 Юля по 26 число 191 году» (кн. 13); «191 году Декабря съ 10 числа книги записныя дѣламъ слушанья дьяковъ» (кн. 12, 424 л); «Книга Великаго Государя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца нынѣшняго (195) года Мая съ 1 числа записывать помѣчені дѣла дьячья слушанія». (12 кн.); «Книга Записная дѣламъ дьячимъ помѣтъ нынѣшняго 207 году»... (51 кн.); «Книга Записная дьячимъ помѣтамъ 192 году Марта съ 1 числа». Иногда въ заглавіи книги выписываются имена тѣхъ дьяковъ, помѣты которыхъ вы встрѣтите въ книгѣ. «Книга Записная дѣламъ слушанья дьяковъ: Анисима Невѣжина, Андреяна Ратманова, Семена Жукова, Федосѣя Манукова нынѣшняго 1701 году» (55 кн.). Помѣты дьяковъ въ этихъ книгахъ записаны по числамъ, и въ каждое число встрѣчаются помѣты разныхъ, даже всѣхъ дьяковъ. Только въ одной книгѣ помѣты оказываются записанными не по числамъ, а по дьякамъ — помѣты каждаго дьяка отдѣльно: «выпись помѣтамъ дьяка Анисима Невѣжина» и выписи помѣтамъ иныхъ дьяковъ одного къ другимъ (13 кн., л. 83, 107 и др.). Тутъ особенно наглядно и очевидно выступаетъ то обстоятельство, что слушанье и помѣта дьяками неспорныхъ дѣлъ производились дѣйствительно «въ разныхъ руки». Всѣ перечисленные для примѣра книги, несмотря на нѣкоторыя отличія въ заглавіяхъ, одинаковы въ томъ, что всѣ онѣ строго отдѣляютъ неспорныя дѣла «дьячья слушанья» отъ всякихъ другихъ дѣлъ не дьячья слушанья.

Книги второго порядка раздѣляются на книги «боярскія», «окольничьи» и «думныхъ дьяковъ». Первыя носятъ такія заглавія: «Книга записная вершенымъ дѣламъ слушанья Боярина кн. Ивана Борисовича Троекурова съ товарищи 191 году»... (14 кн.). «Книга Записная вершенымъ дѣламъ Боярина кн. И. Б. Троекурова съ товарищи Сентября съ 1 нынѣшняго 196 году» (27 кн.) — «Книга записная дѣламъ слушанья Боярина И. Б. Троекурова 197 году»... (30 кн.) — «Книга Записная слушанья дѣлъ Боярина Петра Васильевича Шереметева 198 году» (32 кн.) — «Книга слушанья дѣлъ» того же Боярина 201 году (41 кн.). Книги окольничихъ носятъ подобныя же заглавія: «Въ сей книгѣ 190 году помѣтамъ (т. е. запись) слушанья окольничего князь Ивана Михайловича Коркодинова съ товарищи» (11 кн.) — «Книга Записная дѣламъ слушанья Окольничаго Богдана Федоровича Полибина со 193 году»... (19 кн.) — «Книга Записная вершенымъ дѣламъ слушанья».. того же Окольничаго 193 году (21 кн.) — «Книга Записная вершенымъ дѣламъ».. его же, 195 году (26 кн.) — «Книга Записная слушанья дѣлъ»... его же (35 кн.). Наконецъ, книги думныхъ дьяковъ: «189 году Сентября 1 числа Великаго Государя Царя и Великаго Князя Федора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца по указу книга записная въ помѣстномъ Приказѣ Помѣстнымъ и вотчиннымъ дѣламъ къ вершенью и къ розыску слушанья думнаго дьяка Ивана Горохова съ товарищи. А записывать въ тое книгу дѣла котораго числа слушаны и что по нихъ указъ учиненъ, и по чьему челобитью, исколько четвертей пашни, и котораго дьяка на дѣлѣ помѣта, и у котораго подьячего дѣло, и кто дѣло чоль. А записывать тѣ дѣла въ книгу, котораго числа помѣчены, и подѣ тою запискою подписывать подьячимъ своими руками, и кто въ которомъ числѣ у книги стоялъ и кто дѣла записывалъ въ книгу, то все описать подлинно» (кн. 6). Что подѣ всѣми названіями послѣднихъ книгъ съ ихъ подраздѣленіями кроются дѣла отличныя отъ выше приведенныхъ «неспорныхъ дѣлъ», именно «спорныя дѣла», это можно видѣть изъ рассмотрѣнія приговоровъ, въ нихъ записанныхъ; но на этотъ счетъ можно привести прямое указаніе даже въ оглавленіяхъ книгъ послѣдняго вида. Такъ, въ одной книгѣ эти дѣла называются «спорными» «192 году Сентября съ 3 числа книга

Записная помѣстнымъ и вотчиннымъ спорнымъ дѣламъ слушанья Боярина кн. И. Б. Троекурова съ товарищи“ (16 кн.).

Теперь, послѣ этого обзора записныхъ книгъ слушанья и вершенья дѣлъ въ Помѣстномъ Приказѣ, становится уже несомнѣннымъ существованіе тамъ распределенія всѣхъ дѣлъ на двѣ половины: между боярами, окольными, думными дьяками съ одной стороны и простыми дьяками съ другой стороны, на основаніи дѣленія всѣхъ дѣлъ помѣстныхъ и вотчинныхъ на 1) спорныя дѣла и 2) неспорныя дѣла.

Для достиженія же большей отчетливости я остановлюсь на нѣкоторыхъ годахъ, чтобы подробнѣе разсмотрѣть, какъ шло слушанье разныхъ дѣлъ разными лицами въ одно и то же время. Сначала 191 годъ, т. е. 1673 годъ. Вотъ записныя книги дѣламъ „дьячья слушанья“, въ которыхъ мы встрѣчаемъ дьяковъ: Анисима Невѣжина, Дмитрія Ѳедорова, Льва Ермолаева, Автамона Иванова, Василя Семенова, Бориса Протопопова и другихъ (12 кн. съ 424 л. и 13 кн.)—всѣ по неспорнымъ дѣламъ. Вотъ „книга записная вершенымъ дѣламъ слушанья боярина кн. Ив. Бор. Троекурова съ товарищи“ (14 кн.). Кто же у него товарищи? Не дьяки товарищи такому лицу на мѣстѣ главнаго судьи, какъ бояринъ Троекуровъ, товарищъ у него окольный Богданъ Полибинъ ⁴⁵⁾. Что касается книги „боярскаго слушанья“, то Троекуровъ стоитъ тамъ „съ товарищи“. Вы готовы думать: это значитъ, что бояринъ Троекуровъ, главный судья помѣстнаго приказа, слушаетъ и приговоры постановляетъ, однимъ словомъ, вершитъ дѣла каждое вмѣстѣ и одновременно съ своимъ товарищемъ окольнымъ Полибинымъ? Нѣтъ! Эта приписка „съ товарищи“ объясняется иначе. Окольный Полибинъ, единственный товарищъ въ то время Троекурову, тоже слушаетъ дѣла и постановляетъ по нимъ приговоры, однимъ словомъ „вершитъ дѣла“, только не вмѣстѣ съ бояриномъ Троекуровымъ, вдвоемъ съ нимъ, а одинъ слушаетъ особо другія спорныя дѣла, доставшіяся на его долю, и вершитъ ихъ своимъ судомъ, и его слушанью и вершенью ведется особая записка по числамъ: „Марта во 2 день слушанья Окольного Б. Ѳ. Полибина... такія-то дѣла съ такими-то приговорами за помѣтами такихъ то дьяковъ.... Юля въ 1-ый день 191 году слушанья окольного Б. Ѳ. Полибина такія-то дѣла и т. д.“ ⁴⁷⁾. Еще—198 годъ. На мѣстѣ главнаго судьи въ помѣстномъ приказѣ сидѣлъ уже другой бояринъ—Петръ Васильевичъ Шереметевъ, а въ товарищахъ у него былъ прежній окольный Богданъ Полибинъ. Вотъ три записныя книги боярскаго слушанья по третямъ года: одна съ октября по декабрь, другая съ января по апрѣль и третья съ мая по августъ, т. е. за весь годовой кругъ (32 кн., 34 кн. и 33). На двухъ послѣднихъ книгахъ даже нѣтъ приписки къ боярину: „съ товарищи“, она есть только на одной первой. Вотъ и отдѣльная записная книга слушанья окольного Полибина отъ начала до конца года (35 кн.). Вотъ, наконецъ, годовая книга дьячья слушанья всѣхъ дьяковъ помѣстнаго приказа—самая объемистая книга (31 кн.). Всѣ эти книги, боярскія, окольныя и дьячьи, слѣдуетъ разсматривать какъ отдѣльныя только части одной цѣлой годовой книги для записки вершенныхъ и помѣченныхъ дѣлъ въ помѣстномъ приказѣ. Во главѣ ихъ стоитъ записная книга слушанья боярина Шереметева, и потому въ заглавіи ея, какъ въ общемъ оглавленіи для всей цѣлой книги, стоитъ приписка „съ товарищи“ и стоитъ только въ началѣ книги, а далѣе опускается.

Здѣсь, при разсмотрѣніи записныхъ книгъ по годамъ, выступаетъ новая ступень въ распределеніи дѣлъ между судьями, именно раздѣленіе внутри второй группы спорныхъ дѣлъ: одни изъ нихъ вершатся главнымъ судьей приказа, другія его товарищемъ, окольнымъ (какъ они дѣлили между собою спорныя дѣла, на основаніи ли важности дѣлъ, или тутъ было только

⁴⁵⁾ Въ указѣ Троекурова въ товарищахъ значится только одинъ, окольный Б. Ѳ. Полибинъ. „Записн. Приговор.“, кн. 28, л. 382.

⁴⁷⁾ 14 кн., 143 л. и др.

количественное распределение работы, это — может быть предметом особого разбора и хотя интересно, но для настоящей цели — составления общей схемы распределения дѣлъ между судьями — несущественно).

При обзорѣ книгъ погодно стоитъ посмотрѣть еще на число слушанныхъ и вершенныхъ дѣлъ, чтобы понять цель, а въ то же время, можетъ быть, и побужденіе, служившее причиной такого раздѣленія дѣлъ: 1) съ передачей всѣхъ спорныхъ дѣлъ главнымъ судьямъ, а всѣхъ неспорныхъ дѣлъ судьямъ — дьякамъ; 2) и съ раздѣленіемъ неспорныхъ дѣлъ между всѣми дьяками, а также и спорныхъ между главнымъ судьей и его товарищемъ ⁴⁸⁾. Вѣдь по всѣмъ записнымъ книгамъ 198 года значится: „слушанья боярина“ 1064 №№ спорныхъ дѣлъ, „слушанья окольного“ тоже спорныхъ дѣлъ 489 №№, да „дьячья слушанья“ 6605 №№ неспорныхъ дѣлъ, итого 8158 №№, рѣшенныхъ въ теченіе одного года. На 196 годъ падаетъ 9790 №№. Для того, чтобы двинуть такую массу дѣлъ, нужно было именно такое распределение ихъ, при которомъ дѣла шли, велись разомъ „во многія руки“.

До сихъ поръ оказывается, нѣтъ ни слѣда того, къ чему бы можно было не только приложить, но даже и приравнять понятіе коллегіальности: *въ обычномъ порядкѣ* теченія дѣлъ въ Помѣстномъ Приказѣ конца XVII ст. коллегіальности не отведено мѣста. Но, вотъ, *особенный исключительный случай*, взятый, впрочемъ, не изъ XVII ст., а изъ самаго начала XVIII ст., когда Помѣстный Приказъ продолжалъ существовать въ прежнемъ видѣ. Въ 1709 году умираетъ главный судья Помѣстнаго Приказа Думный дьякъ Автамопъ Ивановичъ Ивановъ; а на его мѣсто долго, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, никто не назначается. Какъ же идутъ дѣла въ Помѣстномъ Приказѣ при однихъ судьяхъ-дьякахъ? Дьяковъ тогда въ Приказѣ было 7 человекъ: Осипъ Татаринъ, Петръ Вяземскій, Андреянъ Ратмановъ, Ѳедосей Мануковъ, Никифоръ Румянцевъ, Андрей Кирѣевъ и Иванъ Лосевъ. Они всѣ занимаются рѣшеніемъ неспорныхъ дѣлъ совершенно такъ, какъ это бывало при главныхъ судьяхъ въ Приказѣ. (Отсутствіе всякаго измѣненія въ этомъ дѣлѣ при такомъ исключительномъ положеніи опять показываетъ, что оно шло въ обыкновенное время совершенно независимо отъ Главнаго судьи Приказа). Вмѣстѣ съ тѣмъ и спорныя дѣла не остановились вслѣдствіе отсутствія во главѣ Приказа Судьи. Вмѣсто бывшаго Главнаго Судьи, Думнаго Дьяка, его дѣла, спорныя дѣла, рѣшаютъ теперь его бывшіе товарищи, оставшіеся въ Приказѣ, судьи-дьяки; но рѣшаютъ уже не такъ, какъ свои неспорныя дѣла, поодиночкѣ, а собираясь въ группы по нѣскольку человекъ для рѣшенія одного спорнаго дѣла и вмѣстѣ закрѣпляя свой коллективный приговоръ. Такъ, въ записной книгѣ вершенымъ дѣламъ 1709 года подъ № 670 значится спорное дѣло и по нему приговоръ о томъ, чтобы „спорное челобитье истца отставить“, который закрѣпили своими руками четыре дьяка изъ числа семи: Вяземскій, Ратмановъ, Мануковъ и Румянцевъ. Подъ дѣломъ № 692 приговоръ закрѣпленъ только тремя дьяками: Кирѣевымъ, Татариннымъ и Ратмановымъ (66 кн.). А подъ № 844 дѣло закрѣплено пятью дьяками, кромѣ Вяземскаго и Лосева всѣми остальными изъ семи. Можно видѣть и другія распределения и группировки дьяковъ для рѣшенія спорныхъ дѣлъ, (68 кн.), показывающія отсутствіе единообразія, какъ по числу, такъ и по личному составу группъ. Какія соображенія при этомъ имѣли мѣсто, намъ не видно теперь. — Остается задать вопросъ, приложима ли здѣсь коллегіальность? Отрицать навѣрное коллегіальность нельзя тутъ, потому что неизвѣстно, какимъ путемъ вырабатывалось рѣшеніе. Но потому же самому нельзя и утверждать, что это была коллегіальность. Надо, наконецъ, установить, что коллегіальность есть коллегіальность, т. е., порядокъ рѣшенія дѣлъ нѣсколькими лицами, въ основаніи котораго

⁴⁸⁾ А товарищей у него могло быть и не одинъ, а больше, какъ, напримѣръ, въ 184 году, когда у боярина князя Ивана Борисовича Рѣпина въ помѣстномъ приказѣ въ товарищахъ были думные дворяне Иванъ Ѳедоровичъ Бутурлинъ и Иванъ Аванасевичъ Желябужскій. „Записн. Челобитн.“ кн. 184 году.

лежать не внѣшніе атрибуты, а опредѣленный внутренній критерій, именно понятіе большинства голосовъ въ противоположность обязательному единогласію. Въ виду этого я бы назвалъ порядокъ рѣшенія, представляющійся намъ здѣсь, не коллегіальнымъ, потому что коллегіальность еще не доказана, а коллективнымъ, потому что коллективность рѣшенія на лицо.

И такъ, рѣшеніе спорныхъ и рѣшеніе неспорныхъ дѣлъ въ Помѣстномъ Приказѣ, при обычномъ порядкѣ, шло каждое самостоятельно, безъ взаимной помѣхи съ которой либо стороны. Но для болѣе яснаго представленія о предметѣ полезно будетъ рассмотретьъ, *насколько окончательно была помѣта неспорныхъ дѣлъ, помимо Главныхъ Судей Приказа, судьями-дьяками* ⁴⁹⁾. На этотъ счетъ есть прямые данныя. Такъ, по одному дѣлу Главнымъ Судьею Помѣстнаго Приказа Думнымъ дьякомъ Автамономъ Ивановымъ былъ постановленъ такой приговоръ: „а стольнику князю А. Одоевскому отказать и челобитье его и помѣту дьяка Петра Вяземскаго отставить потому жъ“.. ⁵⁰⁾. Этотъ дьякъ былъ въ приказѣ въ одно время съ Автамономъ Ивановымъ и на ряду съ другими дьяками былъ у него въ товарищахъ. Значитъ, неспорное дѣло, на которое дьякъ положилъ свою помѣту, всегда могло, на примѣръ, по жалобѣ, перейти на разсмотрѣніе Главнаго Судьи, и рѣшеніе могло быть измѣнено, отмѣнено имъ.

Выяснивши по отношенію къ вопросу о коллегіальности фактическое положеніе дѣла въ Помѣстномъ Приказѣ къ концу XVII ст., я возвращаюсь къ Уложенію, чтобы взглянуть на спорное мѣсто съ точки зрѣнія добытыхъ фактовъ. Вотъ это мѣсто. „А въ которомъ Приказѣ, по Государеву указу, будетъ Бояринъ или Окольникій или думный человекъ съ товарищи, три или четыре человека, и въ которое время изъ нихъ одинъ или два въ Приказъ не придутъ за своею бользною, или за инымъ за своимъ какимъ нужнымъ домашнимъ недосупомъ, или изъ нихъ кто будетъ въ отпуску съ Москвы, а истцы на отвѣтчиковъ въ то время учнутъ бить челомъ о судѣ; и въ то время истцовъ съ отвѣтчики судити въ Москву товарищемъ ихъ, которые будутъ на Москву въ Приказъхъ; а вершити то дѣло по суду и по сыску судьямъ всѣмъ вопче, а будетъ и у вершенія того суднаго дѣла кто изъ нихъ за бользною или за инымъ какимъ нужнымъ недосупомъ въ Приказъ не будетъ, и то дѣло вершити товарищемъ, которые будутъ въ Москву въ Приказъ, и въ приговорѣ писати свои имена, а кого у вершенія того дѣла не будетъ и того въ приговорѣ не писати, а для чего его у вершенія того дѣла не будетъ, и то въ приговорѣ описати илмно“. Мѣсто это необходимо требуетъ разбора и конструкціи, потому что тутъ какъ-то сбиты и перемѣшаны, съ одной стороны судъ и сыскъ по дѣлу съ окончательнымъ вершеніемъ его, съ другой стороны, Главный Судья, Бояринъ или Окольникій или думный человекъ, и его товарищи, простые дьяки. То и другое слѣдуетъ строго различать. Судоговореніе, судъ въ приказномъ дѣлопроизводствѣ ясно отличается отъ вершенія, или составленія приговора и наложенія помѣты и по характеру и по времени, при чемъ первое происходило въ присутствіи тяжущихся сторонъ, а къ послѣднему они не допускались. Положеніе же главнаго судьи Приказа, Боярина или Окольничего, было таково, что его, начальника Приказа, никакъ нельзя смѣшивать наравнѣ съ простыми дьяками подъ однимъ названіемъ „товарищей“, и потому, когда, на примѣръ, отсутствовалъ только одинъ изъ дьяковъ, нельзя говорить про остальныхъ судей, въ томъ числѣ и Главнаго Судью, какъ про „товарищей“ отсутствующаго: если дьякъ былъ въ товарищахъ у Боярина, то, наоборотъ, Боярина трудно представить себѣ въ подобномъ же положеніи съ именемъ „товарища“ къ любому дьяку или даже ко всѣмъ вмѣстѣ. Опираясь на авторитетъ Пр. Дмитріева, я представилъ бы слѣдующій опытъ, въ направленіи, данномъ его толкованіемъ ⁵¹⁾. „А въ которомъ Приказѣ по Государеву указу будетъ Бояринъ или

⁴⁹⁾ Дьяковъ въ Пом. Прик. я не называю „товарищами“, а называю Судьями, потому что они товарищами Главному Судьѣ (Боярину) не всегда писались, но Судьями, съ приказной точки зрѣнія они всегда оставались.

⁵⁰⁾ Кн. 51, № 1.

⁵¹⁾ См. выше, прим. 26.

Окольничій или Думный человекъ съ товарищи, *дьяками*, три или четыре человекъ, и въ которое время изъ нихъ ⁵²⁾ *Главный судья* (=одинъ) или *Главный судья съ товарищемъ дьякомъ* (=двое) въ Приказъ не прїѣдутъ за своею болѣзною или за инымъ какимъ нужнымъ домашнимъ недосугомъ, или Главный Судья (=изъ нихъ кто...) будетъ въ отпуску съ Москвы, а истцы на отвѣтчиковъ въ то время учнутъ бить челомъ о судѣ—и въ то время истцовъ съ отвѣтчики судити въ Москвѣ товарищемъ ихъ, *дьякамъ*, которые будутъ на Москвѣ въ Приказѣхъ, а вершити то ⁵³⁾ дѣло *имъ* судьямъ, *дьякамъ*, всѣмъ вопче ⁵⁴⁾, а будетъ и у вершеня того суднаго дѣла кто изъ нихъ, *дьяковъ*, за болѣзною или за инымъ какимъ нужнымъ недосугомъ въ Приказѣ не будетъ, и то дѣло вершити *тѣмъ* товарищемъ, *дьякамъ*, которые будутъ въ Приказѣ, и въ приговорѣ писати свои имена, а кого у вершеня того дѣла не будетъ, и то въ приговорѣ описати имянно“.

Сравнивая показанія этой статьи Уложенія съ приказной дѣйствительностью, какъ современной ему, такъ и предшествовавшей, не говоря уже о позднѣйшемъ времени, мы легко открываемъ неполноту ея—и въ очень существенныхъ частяхъ. Такъ, въ статьѣ говорится, и говорится совершенно отчетливо, только объ одномъ главномъ Судѣ Приказа изъ бояръ или окольничихъ или думныхъ людей съ товарищами, очевидно простыми дьяками, и такимъ образомъ, опускается случай далеко не исключительный, а для Помѣстнаго, на примѣръ, Приказа въ XVII столѣтїи даже отличительный, когда въ въ Приказѣ могли быть и бывали не бояринъ или окольничій, и бояринъ и окольничій вмѣстѣ, не окольничій или думный человекъ, а окольничій и думный человекъ (думный дьякъ) ⁵⁴⁾, не говоря уже о случаяхъ, когда главнымъ судьей въ приказѣ бывало и по трое. Какъ тогда должны были рѣшаться дѣла? Отвѣта нѣтъ.

Есть и другого рода упущеніе. При указанїи на дѣла, которыя должны были рѣшаться въ Приказахъ, говорится о „судѣ“, „сыскѣ“ и „вершенїи“, объ „истцѣ“ и „отвѣтчикахъ“—всѣ признаки спорныхъ дѣлъ и только однихъ спорныхъ дѣлъ, съ исключенїемъ отсюда всякаго рода неспорныхъ дѣлъ, по терминологїи Помѣстнаго Приказа. Ясно, что вся статья относится только къ спорнымъ дѣламъ и не имѣетъ никакого отношенія къ другому разряду дѣлъ, къ неспорнымъ дѣламъ, о которыхъ опять неизвѣстно: какъ же и кѣмъ, при какомъ составѣ судей должно было происходить разсмотрѣніе и рѣшеніе ихъ.

Остановливаясь на численномъ составѣ приказныхъ судей, мы находимъ: а) для всего наличнаго состава — 4 или 5 человекъ (1+3 или 1+4), б) для разбирательства спорнаго дѣла товарищами—дьяками 2 или 3 человекъ (3—1 или 4—1), в) для вершенія тѣми же товарищами—дьяками—3 или 4 человекъ, а въ крайнемъ случаѣ столько же, сколько и для разбирательства. Здѣсь ясно только одно,—то, что въ принципѣ для вершенія спорныхъ дѣлъ помимо главнаго судьи его товарищами считается необходимымъ условїемъ коллективность рѣшенія. Особенно въ послѣднихъ словахъ статьи — о томъ, чтобы „описати имянно“, кто былъ у вершенія изъ нихъ и кто нѣтъ и почему — видна эта забота о томъ, чтобы въ исключительныхъ случаяхъ рѣшенія спорныхъ дѣлъ помимо главнаго судьи его товарищами, по возможности, строго проводилось правило рѣшенія дѣлъ „вопче“, всѣми товарищами вмѣстѣ, и чтобы всякое отступленіе отъ него должно было отмѣчаться въ самомъ приговорѣ,—очевидно на случай отвѣтственности, которая естественно должна быть тоже коллективна при коллективности рѣшенія. И, замѣтимъ, въ этомъ требованїи коллективности суда и приговоровъ по спорнымъ дѣламъ для товарищеско-дьяковъ сказывается не то-чтобъ „недовѣріе“ уложенія къ „судейскимъ товарищамъ“, о кото-

⁵²⁾ Изъ нихъ, т. е. не изъ „товарищеско“, а изъ числа всѣхъ, „въ которомъ Приказѣ по Государеву указу кто будетъ“.

⁵³⁾ То., т. е. то дѣло, къ разбирательству котораго, за отсутствїемъ Главнаго Судьи и одного изъ товарищеско, дьяковъ, допущены были въ интересахъ члсбѣтчиковъ, остальные товарищи, дьяки.

⁵⁴⁾ А не единолично, какъ главный судья Приказа.

⁵⁴⁾ Вивлюенка, кн. XX.

ромъ говорится у Дмитріева, а простая неправопособность судей — товарищей, или дьяковъ, единолично помѣчавшихъ всѣ неспорныя дѣла, для такого же рѣшенія и спорныхъ дѣлъ, право на что они могли получить лишь собравшись вмѣстѣ.—Но что касается цифръ, то здѣсь опять есть неясность. Какое значеніе придавать приводимымъ цифрамъ? т. е. имѣли ли эти цифры, для разбирательства и вершенія спорныхъ дѣлъ товарищами — дьяками абсолютное значеніе, сами по себѣ, показывая, что число товарищей не должно быть меньше 2 или 3 человекъ, а лучше всего 3 или 4; или—только относительное значеніе, смотря по наличному числу судейскихъ товарищей въ приказѣ, изъ котораго допускалось при разбирательствѣ и вершеніи дѣла отсутствіе только 1-го изъ нихъ, хотя бы всѣхъ ихъ было больше 3 и даже 4 человекъ? Этого не видно.

Итакъ, разсмотрѣнное мѣсто уложенія оказывается, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, узкимъ, при сравненіи съ современной дѣйствительностью, важныя стороны которой имъ не охвачены. Въ нашемъ представленіи оно еще болѣе суживается подъ вліяніемъ того общаго, производимаго имъ, впечатлѣнія, что смыслъ всего мѣста какъ будто не въ изложеніи обычнаго порядка рѣшенія судныхъ дѣлъ въ Приказахъ, а въ опредѣленіи тѣхъ отступленій, которыя были вызваны чисто внѣшнимъ побужденіемъ и допускали въ исключительныхъ случаяхъ, чтобы тяжущимся и при отсутствіи главнаго судьи Приказа, въ случаѣ ихъ особаго челобитья, не было остановки и задержки въ ихъ дѣлѣ. — Осуществленіе этого правила въ Помѣстномъ Приказѣ мы можемъ наблюдать по записнымъ книгамъ приговоровъ. Въ 1706 году главный судья Приказа, думный дьякъ Автономъ Ивановичъ Ивановъ, уѣхалъ въ отпускъ въ Кіевъ на время съ 13 іюля по 20 сентября—и за это время мы встрѣчаемъ въ дьячьей книгѣ спорныя дѣла съ помѣтами нѣсколькихъ дьяковъ на каждомъ дѣлѣ, вмѣсто одного (кн. 60 и 61).

Я хочу напомнить еще одно, современное Приказамъ, свидѣтельство о порядкахъ рѣшенія дѣлъ въ Приказахъ, именно Котошихина, показанія котораго такъ важны въ этой сферѣ. Котошихинъ говоритъ объ этомъ такъ: „*А судити указано въ Приказѣхъ Бояромъ и Окольничимъ, Стольникомъ, Дворяномъ, Дьякомъ, кому въ которомъ Приказѣ выдать приказано: всѣмъ вмѣстѣ, и безъ единого, и единому безъ всѣхъ*“⁵³⁾.

„...Всѣмъ вмѣстѣ и безъ единого и единому безъ всѣхъ“ — лаконизмъ выраженія, напоминающій загадку. А прямое противорѣчіе положеній, взятыхъ отдѣльно, одного другому, показывающее на остроумную игру словъ, заставляетъ попытаться для уясненія настоящаго смысла формулы подыскать для каждаго изъ положеній свое особое основаніе, на которомъ оно построено. Ключъ для такой попытки можно найти въ приведенныхъ выше наблюденіяхъ надъ порядками Помѣстнаго Приказа. При этомъ окажется, что каждое положеніе этой формулы удивительно какъ совпадаетъ съ тѣмъ, что мы находимъ въ Помѣстномъ Приказѣ къ концу XVII ст. Для объясненія этого мѣста возьмемъ послѣднее положеніе, какъ наименѣе запутанное, и будемъ идти отъ него обратнымъ путемъ. „*Единому безъ всѣхъ*“ (т. е. судити). Здѣсь кто-то одинъ изъ судей противопоставляется всѣмъ остальнымъ. Ясно, что это можетъ быть только главный судья Приказа, бояринъ, выдѣляемый изъ числа своихъ товарищей, дьяковъ. Въ Помѣстномъ Приказѣ такъ и было: спорныя дѣла рѣшались главнымъ судьей Приказа; даже когда главныхъ судей было нѣсколько, они рѣшали дѣла не вмѣстѣ, а порознь. — „*И безъ единого*“, т. е. всѣмъ безъ единого. То же самое противоположеніе, которое можно объяснить такимъ же сопоставленіемъ главнаго судьи съ товарищами— дьяками; только здѣсь отсутствуетъ тотъ „*одинъ*“, т. е. главный судья, а говорится о дѣятельности всѣхъ, кромѣ одного, т. е. „*товарищей*“— положеніе какъ разъ обратное первому, гдѣ опредѣлялись права одного, помимо всѣхъ. Это положеніе не представляетъ затрудненія, потому что, какъ мы видѣли, суще-

⁵³⁾ Котошихинъ, VII гл., 38 п.

ствовало общее правило, чтобы, въ случаѣ нужды, спорныя дѣла и за отлучкою главнаго судьи Приказа не задерживались, а вершились его товарищами — дьяками, всѣми вмѣстѣ или не меньше какъ двумя-тремя человѣками; а практика Помѣстнаго Приказа представляетъ намъ случаи примѣненія этого правила.

„Всѣмъ вмѣстѣ“... Здѣсь нѣтъ уже того противоположенія, которое наблюдалось въ двухъ предыдущихъ положеніяхъ, нѣтъ никакого противоположенія. Очевидно, тутъ не разумѣется и того „одного“, кого можно было противопоставлять остальнымъ „всѣмъ“. Говорится о „всѣхъ“, но не въ томъ обширномъ смыслѣ, въ какомъ можно бы было принять на первый взглядъ, не познакомившись съ остальными двумя положеніями, ясно ограничивающими содержаніе этого слова: эти „всѣ“ — тѣ же самые всѣ, о которыхъ говорится въ двухъ другихъ случаяхъ, равные всѣ, никому не противопоставляемые, т. е., говоря прямо, одни товарищи — дьяки безъ главнаго судьи, боярина. Это опять не только вполне возможный, но и часто наблюдаемый случай, когда въ Приказѣ не было такого главнаго судьи вовсе, а вѣдали Приказомъ одни дьяки, товарищи между собой. Такъ, въ Помѣстномъ Приказѣ съ ноября 1709 года по 20 сентября 1713 г., когда не было главнаго судьи, со смерти думнаго дьяка Автонома Ивановича Иванова до назначенія „царедворца“ Кирилы Лаврентьевича Чичерина, не то чтобъ временно отсутствовалъ онъ, а совсѣмъ не назначенъ былъ никто на это мѣсто, приказъ вѣдали одни судьи — дьяки, которые и рѣшали спорныя дѣла „вопче“, а не по одиночкѣ, если и не полнымъ собраніемъ присутствія, тогда значительно превышавшимъ цифры Уложенія (7 дьяковъ), то группируясь по нѣскольку человѣкъ, болѣе или менѣе, смотря по важности и затруднительности дѣла (66, 67, 68 и 69 кн.).

Итакъ, въ основѣ наблюдаемаго нами приказнаго устройства и дѣятельности обнаруживается господство приѣма раздѣленія труда, раздѣленія дѣлъ между судьями. Распредѣленіе дѣлъ оказывается довольно сложнымъ — сообразно съ характеромъ дѣлъ и положеніемъ судей на разныхъ ступеняхъ приказной іерархіи, а также ихъ числомъ. Выше была представлена мною попытка относительно Помѣстнаго Приказа къ концу XVII ст.: вывести прежде всего изъ фактовъ приказнаго порядка общую схему распредѣленія дѣлъ между судьями; затѣмъ, по возможности, согласовать ее съ юридическими постановленіями о томъ (Уложеніе) и, наконецъ, указать на совпаденіе ее съ свидѣтельствомъ почти что современника (Котошихинъ). — Если нужно непременно опредѣлить и то начало, на которомъ была основана эта схема распредѣленія, то я могъ бы опредѣлить ее, оставаясь въ предѣлахъ наличнаго количества фактовъ и отмѣченной хронологіи, какъ личное начало, дѣйствовавшее въ обычномъ порядкѣ и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ дававшее мѣсто началу коллективному.

Съ такой точки зрѣнія самый Помѣстный Приказъ, если наряду съ разсмотрѣннымъ сейчасъ устройствомъ присутствія примемъ во вниманіе и устройство канцеляріи, едва ли менѣе простое (старые подьячіе, средней статьи подьячіе, молодые подьячіе, четцы), долженъ намъ представиться учрежденіемъ съ очень сложной организаціей, гдѣ, несмотря на разные оттѣнки въ званіи, положеніи и правахъ отдѣльныхъ лицъ, каждый изъ нихъ, при обычныхъ порядкахъ, дѣлалъ свое дѣло самостоятельно, оставаясь въ той сферѣ, какая была ему отведена (не лицами, а порядками), не вторгаясь безъ особыхъ причинъ въ чужую сферу. И глядя на Помѣстный Приказъ въ его дѣйствіи, видишь, какое это было могучее орудіе суда и администраціи по вотчиннымъ и помѣстнымъ дѣламъ Московскаго государства.

О печальномъ положеніи нашихъ архивовъ, преимущественно губернскихъ и о необходимости упорядоченія всего архивнаго дѣла въ Россіи.

А. ЛЬВОВА.

Вопросъ объ упорядоченіи нашихъ архивовъ уже возникалъ на предшествовавшихъ Археологическихъ Съѣздахъ, покойный сенаторъ Н. В. Калачевъ на 1 и 2 Съѣздахъ подробно ознакомилъ членовъ съ положеніемъ и задачами архивнаго дѣла въ Россіи. Онъ въ яркихъ чертахъ указалъ съ одной стороны на то громадное значеніе, которое имѣютъ хранящіеся въ Архивахъ письменные памятники и для науки, и для практической русской жизни, а съ другой — на то безпощадное уничтоженіе, которому подвергаются эти памятники, благодаря несовершенству и неполнотѣ нашего русскаго законодательства объ Архивахъ и проистекающей отсюда внѣшней и внутренней неустроенности ихъ и отсутствію лицъ сколько-нибудь подготовленныхъ къ архивнымъ занятіямъ. Онъ доказалъ, что какъ наше общее законодательство объ Архивахъ, кодифицированное при учрежденіи, министерствъ и губернскихъ учрежденія такъ въ особенности и всѣ послѣдующія сепаратныя „правила“, „положенія“ и „инструкціи“, выработанныя разными отдѣльными министерствами и учрежденіями и введенныя ими какъ обязательныя для себя, имѣютъ главною своею цѣлью — не разработку Архивовъ, а освобожденіе въ послѣднихъ мѣста посредствомъ уничтоженія дѣлъ, названныхъ „ненужными“. Но опытъ показалъ, что разныя министерства имѣютъ слишкомъ различный взглядъ на „ненужныя“ дѣла, подлежащія уничтоженію и что, благодаря принятому направленію, гибнетъ масса цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ частію отъ неудобствъ архивныхъ помѣщеній, частію отъ слабости надзора за архивными дѣлами, особенно стараго времени, помѣщенными иногда безъ всякаго призора въ полуразрушившихся сараяхъ и кладовыхъ, а частію, наконецъ, и вслѣдствіе дѣятельности разныхъ комиссій, учреждаемыхъ въ разныхъ вѣдомствахъ для сортировки архивныхъ дѣлъ на „нужныя“ и „ненужныя“. Эти заявленія Калачева не прошли безслѣдно. На 2-мъ Археологическомъ Съѣздѣ возбуждено ходатайство предъ Правительствомъ о томъ, чтобы приняты были мѣры къ объединенію въ Россіи архивной дѣятельности и къ приведенію оной въ соотвѣтствующее положеніе съ тѣми запросами, какіе предъявляетъ Архивамъ наука и жизнь. Съ этою цѣлью въ 1873 г. Высочайше образована была при Мин. Нар. Просв. подъ предсѣдательствомъ сенатора Калачева и изъ представителей всѣхъ вѣдомствъ особая комиссія, имѣвшая свою

задачею разрѣшеніе всѣхъ возникшихъ тогда архивныхъ вопросовъ. Собрать возможно точныя свѣдѣнія со всей Россіи о положеніи нашихъ Архивовъ, комиссія пришла къ слѣдующимъ двумъ главнымъ выводамъ: а) сосредоточить, по примѣру западноевропейскихъ государствъ, завѣдываніе и наблюденіе надъ всѣми Архивами Россіи въ одномъ министерствѣ, для чего учредить при ономъ главную Архивную Коммиссію, какъ центральное правительственное учрежденіе, которое, выработавъ общіе законы объ Архивахъ, приводило бы ихъ въ дѣйствіе чрезъ свои филиальныя отдѣленія или особыхъ инспекторовъ наблюдало бы за исполненіемъ таковыхъ, а равно и за всѣмъ ходомъ архивной практики; б) для подготовки же молодыхъ людей—архивистовъ, способныхъ вести архивное дѣло вообще и въ частности разрабатывать въ архивахъ историческіе матеріалы, открыть, по примѣру французской „Ecole des Chartes“, особый Археологическій Институтъ. Но предположенія комиссії по разнымъ причинамъ не удостоились правительственной санкціи, вслѣдствіе чего покойный Калачевъ, всецѣло отданный архивному дѣлу, нашелъ нужнымъ учредить въ концѣ 70 годовъ въ С.-Петербургѣ, какъ частное учрежденіе, Археологическій Институтъ, имѣющій своею задачею специальное и всестороннее подготовленіе къ архивной дѣятельности молодыхъ людей, получившихъ высшее образованіе, а для сохраненія и разработки провинціальныхъ архивовъ Калачеву удалось въ началѣ 80 годовъ провести положеніе о Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссіяхъ. Но и самъ покойный Калачевъ хорошо понималъ, что предпринятія имъ начинанія имѣютъ характеръ частный, временный, подготовительный, для правильной же постановки всего архивнаго дѣла въ Россіи нужны иныя мѣры, болѣе общія, опредѣленныя и обязательныя. Опытъ вполне доказалъ справедливость этого. Если Археологическій Институтъ и подготавливаетъ молодыхъ людей къ архивной дѣятельности, то на этихъ ученыхъ архивистовъ почти нѣтъ никакого спроса, потому, что у насъ относительно архиваріусовъ продолжаетъ еще существовать требованіе закона 1766 г. по которому полагается „избирать въ архиваріусы людей трезваго житія, не подозрительныхъ въ порокахъ и иныхъ пристрастіяхъ не примѣченныхъ“ (П. С. З. № 13127), а относительно образовательнаго ценза людей, которымъ ввѣряются Архивы и ихъ разработка, ничего не говорится, почему на практикѣ болѣею частію эти должности и замѣщаются или какъ въ награду за долготѣнную службу людьми, потерявшими всѣ свои силы на канцелярской службѣ и не выслужившими достаточной пенсіи, или лицами совершенно случайными, никогда не подготовившимися и недумавшими объ архивной дѣятельности и потому относящимися къ ней какъ къ совершенно чуждому для нихъ дѣлу. Что же касается до Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій, то во-первыхъ онѣ дѣйствуютъ не болѣе какъ въ 10 городахъ, а главное, онѣ не имѣютъ, по весьма многимъ причинамъ, возможности ни сохранять Архивы отъ гибели, ни разрабатывать ихъ. Поэтому положеніе нашихъ Архивовъ, особенно провинціальныхъ, въ общемъ продолжаетъ оставаться по прежнему болѣе чѣмъ неудовлетворительнымъ. Архивы горятъ, архивы расхищаются, гніютъ, исчезаютъ безслѣдно, наконецъ уничтожаются на законномъ основаніи разными специальными комиссіями подъ видомъ дѣлъ „ненужныхъ“. Чтобы не быть голословнымъ, позволю указать на положеніе нѣкоторыхъ консисторскихъ архивовъ, какъ болѣе мнѣ знакомыхъ. Неудобно ли членамъ Съѣзда заглянуть прежде всего здѣсь, въ Москвѣ, на Мясницкую, въ тотъ историческій домъ, въ которомъ помѣщается духовная консисторія и ея богатѣйшій Архивъ, содержащій въ себѣ письменные памятники о жизни церкви и ея представителей и служителей, начиная съ XVII в. Архивъ этотъ расположенъ частію въ сыромъ, тѣсномъ и темномъ подвалѣ, находящемся подъ зданіемъ консисторіи, частію же въ надворномъ каретномъ сараѣ, не имѣющемъ ни оконъ, ни выходныхъ дверей ¹⁾.

¹⁾ По положенію о Губернскихъ Учрежденіяхъ ст. 825, „помѣщеніе архива должно быть просторное, сухое, со сводами, съ каменными или кирпичными полами, съ отдушниками въ противоположномъ направленіи для очистки воз-

При входѣ въ этотъ сарай поражаетъ прежде всего груда дѣлъ, лежащихъ въ полномъ беспорядкѣ около воротъ. Эта груда образовалась вслѣдствіе необходимости приносить къ дверямъ, единственному источнику свѣта, нужныя для справокъ связки. Въ этомъ же сараѣ есть чердакъ, наполненный дѣлами исключительно за прошлое столѣтіе, которыя для текущаго дѣлопроизводства совершенно не нужны. Дѣла эти сохраняются въ большей или меньшей цѣлости, благодаря съ одной стороны отсутствію безопаснаго хода на чердакъ, а съ другой—толстому слою земляной и иной коры, которою отъ времени покрылись эти дѣла. Въ одномъ изъ темныхъ угловъ чердака мнѣ удалось открыть два большихъ деревянныхъ ящика, наполненныхъ сотнями столбцовъ XVII в. касающихся главнымъ образомъ управленія, хозяйства и доходовъ въ монастырскихъ имѣніяхъ и епархіальнаго управленія преимущественно сарско-подонской епархіи. Одинъ изъ этихъ ящиковъ, находясь подъ дырявой крышей совершенно сгнилъ со всѣмъ содержимымъ. Столбцы же другаго ящика я завернулъ каждый отдѣльно въ бумагу и просилъ положить ихъ въ болѣе безопасное отъ порчи мѣсто.

Другой богатѣйшей консисторскій архивъ—Новгородскаго епархіальнаго управленія—является прежде всего разрозненнымъ, такъ какъ древнѣйшая часть его—за XVII ст. попала въ Археографическую Коммиссію, другая—за начало прошлаго столѣтія—въ Архивъ Св. Синода и наконецъ главная масса дѣлъ за все прошлое столѣтіе находится частію въ одномъ изъ старыхъ тайниковъ Новгородскаго Софійскаго Собора, частію же въ кладовой архіерейскаго дома. Всякій, конечно, пойметъ, что нельзя винить консисторіи или вообще какое-либо присутственное мѣсто, что оно стремится освободиться отъ старыхъ не нужныхъ для текущаго дѣлопроизводства бумагъ, находящихся еще къ тому же въ беспорядочномъ состояніи. Дѣйствительно, эти бумаги для нашихъ консисторій составляютъ совершенно непосильное бремя. Кто бывалъ въ нашихъ провинціальныхъ и даже столичныхъ Архивахъ, тотъ знаетъ, какъ они тѣсны и малопомѣстительны. Но при этомъ не нужно еще забывать и того, что каждый годъ всякій архивъ принимаетъ все новыя и новыя дѣла, которыя очень часто требуются на справки и потому они должны быть размѣщены сравнительно въ большемъ порядкѣ. Между тѣмъ этому послѣднему мѣшаютъ дѣла старыя, важное историческое значеніе которыхъ или не сознается или ступшевывается предъ текущими канцелярскими запросами. И вотъ, всѣ старыя дѣла свозятся въ башни, колокольни, сараи, кладовыя и т. п., и оставаясь тамъ безъ всякаго призора, надзора и отвѣтственности за ихъ цѣлость и сохранность, или подвергаются гніенію, или просто неизвѣстно когда и куда исчезаютъ безслѣдно.

Но кромѣ этого есть еще и другія неблагоприятныя условія для нашихъ провинціальныхъ Архивовъ. При построеніи ихъ не обращается ни малѣйшаго вниманія хотя бы на самыя примитивныя требованія свѣта, воздуха и противопожарныхъ условій. И это, должно сказать, не относительно только тѣхъ Архивовъ, которые помѣщаются въ случайномъ, жиломъ домѣ, гдѣ иногда и невозможно сдѣлать никакихъ приспособленій, но говорю объ отдѣльныхъ зданіяхъ, предназначающихся исключительно для Архивовъ. Вина въ этомъ падаетъ частію и на нашихъ архитекторовъ, которые мало того, что не выработали еще типъ архивнаго зданія, отвѣчающаго всѣмъ архивнымъ требованіямъ, но не даютъ даже себѣ труда помнить вышеприведенную относительно помѣщенія архивовъ 825 ст. Изъ письма издателя „Рус. Стар.“ М. И. Семевскаго, видно, что сгорѣвшій архивъ Костромской дух. консисторіи былъ именно устроенъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ, чтобы при первомъ же ближайшемъ пожарѣ онъ могъ сгорѣть весь, безъ остатка.

духа, а притомъ теплое, съ духовыми или иного устройства печами, которыя топились бы изъ подваловъ, корридоровъ или вообще внѣ самаго помѣщенія. Дѣла должны храниться, смотря по средствамъ въ шкафахъ или на полкахъ, устроенныхъ рядами такъ, чтобы между ними былъ свободный проходъ“.

Не буду говорить о других неблагоприятных условиях, отрицательно влияющих на жизнь наших Архивов, как, напр., о массовом исчезновении из некоторых провинциальных Архивов дѣлъ по известному вопросу или о пропажѣ конкретных дѣлъ, содержащих иногда юридическія доказательства на права рождения и имущества разных лиц. Полагаю, что эти печальные факты болѣе или менѣе известны каждому, да и сами по себѣ они не имѣют рѣшающаго значенія. Для насъ, занимающихся или интересующихся архивовѣдѣніемъ важнѣе всего выяснить общія причины, неблагоприятно влияющія на положеніе и ходъ архивнаго дѣла въ Россіи и выработать такія условія, которыя бы поставили это важное дѣло на болѣе правильную и твердую почву. Но такая задача, требуетъ продолжительнаго и серьезнаго труда, и должна по самому уже характеру своему начаться по почину Правительства. По этому, если Съѣздъ раздѣляетъ высказанныя воззрѣнія на теперешнее печальное положеніе нашихъ Архивовъ, то не признаетъ ли онъ возможнымъ возбудить предъ Правительствомъ новое ходатайство о пересмотрѣ всего нашего законодательства объ Архивахъ и о оприведеніи его въ болѣе соответствующее положеніе тому значенію, которое имѣютъ наши Архивы и тѣмъ научно-практическимъ запросамъ, которые нынѣ имъ предъявляются. Комmissія, Высочайше образованная въ 1873 г. при Министерствѣ Нар. Пр. по ходатайству 2-го Археологическаго Съѣзда, юридически не прекратила своего существованія, а дѣятельность ея только приостановилась за смертью сенатора Калачева. Но эта комmissія собрала богатый матеріалъ о положеніи Архивовъ въ Россіи, выяснила и намѣтила весьма много цѣнныхъ положеній для правильной постановки этого дѣла. Слѣдуетъ только начатое ею довести до конца ¹⁾.

¹⁾ Означенное сообщеніе по рассмотрѣніи Совѣтомъ Съѣзда было предложено на обсужденіе общаго собранія членовъ, на которомъ и было постановлено: просить Археологическій Институтъ въ С.-Петербургѣ войти отъ имени Съѣзда съ ходатайствомъ предъ Правительствомъ по сему предмету. Ходатайство предъ Мин. Нар. Просв. было возбуждено покойнымъ директоромъ Андреевскимъ, но дѣло лежитъ до сей поры въ Министерствѣ безъ всякаго движенія.

Время и мѣсто дѣйствія записки греческаго топарха.

П. Н. МИЛЮКОВЪ.

Такъ называемый *Анопуmus Tauricus*,—отрывки, напечатанные *Газе* еще въ 1818 году, породили у насъ цѣлую литературу. Но содержаніе ихъ по прежнему остается загадочнымъ, и вопросъ о времени и мѣстѣ дѣйствія ихъ остается открытымъ. По времени ихъ относили и къ Владиміру Святому, и къ Святославу, и къ Игорю, и къ Олегу—т. е. колебались въ предѣлахъ всего X вѣка; по мѣсту ихъ относили и къ Дунаю, и къ Крыму, и къ Дону, т. е. колебались въ предѣлахъ всего черноморскаго побережья. Если послѣ такихъ изслѣдователей, какъ *Куникъ*, *Васильевскій*, въ послѣднее время пр. *Θ. И. Успенскій*, я рѣшаюсь сказать свое слово по этому вопросу, то только потому, что почва подготовлена уже ихъ соединенными усиліями, и направленіе, въ которомъ можно искать рѣшенія вопроса, указано ихъ положительными выводами и даже ихъ ошибками.

Издатель отрывковъ, *Газе*, напечатавшій ихъ въ комментаріяхъ къ изданію Льва Дьякона, приурочилъ ихъ къ упоминанію у Льва Дьякона о взятіи Херсонеса „Тавроскиѳами“¹⁾. Этимъ дана была первая точка зрѣнія на значеніе отрывковъ. Самъ *Газе* не развивалъ ее далѣе, но далъ для нея два доказательства. 1) Такъ какъ эти отрывки, по всей вѣроятности, есть *автографъ*, то время ихъ происхожденія опредѣляется временемъ рукописи: *Газе* отнесъ сборникъ, въ которомъ они вписаны, къ концу X в., а почеркъ самыхъ отрывковъ характеризовалъ, какъ нѣсколько позднѣйшій. Теперь, когда самая рукопись неизвѣстно куда исчезла, этого доказательства *Газе* мы провѣрить не можемъ. 2) Затѣмъ *Газе* замѣтилъ, что упоминаніе „Климаговъ“ относитъ событія къ Херсонесу Таврическому. *Куникъ*, заинтересовавшись отрывками преимущественно по отношенію къ вопросу о крымскихъ готахъ, развилъ намекъ *Газе* о Климатахъ, приурочивъ ихъ, какъ и слѣдовало, не къ Херсонесу, а къ юго-восточнымъ поселеніямъ Крыма,—*τα κλίματα Γοτθίας*. Но вмѣстѣ съ этимъ,—разъ стало невозможнымъ относить ихъ ко взятію Корсуни,—потерянъ былъ и интересъ приуроченія ихъ къ Владиміру Святому. „Съ чисто исторической точки зрѣнія“ *Куникъ* склоненъ былъ относить событія отрывковъ къ 940 г. и готовъ былъ возстать противъ палеографическаго опредѣленія *Газе*²⁾.

1) Боннское изд. 496: *Haec est illa Chersonis a Wladimiro Magno occupatio etc.*

2) „Будучи покамѣсть связанъ опредѣленіемъ *Газе* относит. почерка... etc.“ (стр. 89, ст. 91).

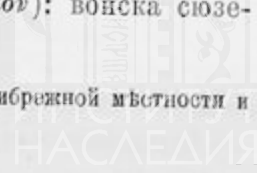
Тогда проф. В. Г. Васильевскій, желая сохранить это хронологическое опредѣленіе, по его мнѣнію обязательное, сталъ искать и нашелъ другое мѣсто дѣйствія для отрывковъ. Еще Куникъ замѣтилъ несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ выраженій отрывковъ съ приуроченіемъ ихъ къ Крыму; пр. Васильевскій доказалъ, что упоминаніе о мѣстности „на сѣверъ отъ Дуная“ и города Маурокастро́на—соотвѣтствующаго Аккерману на устьѣ Днѣстра—доказываютъ, что дѣло идетъ о мѣстности придунайской. Климаты могутъ относиться не только къ „готскимъ климатамъ“ Крыма, но употребляются для обозначенія весьма разнообразныхъ мѣстностей³⁾. Далѣе, правда, пр. Васильевскій принялъ „климаты“ нашихъ отрывковъ, вопреки указанному имъ же словоупотребленію, за городъ и старался найти ихъ въ *Κλέμαδες*, одной изъ юстиніановыхъ крѣпостей на Дунаѣ, упоминаемыхъ Прокопіемъ. Затѣмъ, оставаясь относительно времени по возможности при опредѣленіи Газе, Васильевскій старался поставить событія отрывковъ въ связь съ походомъ Святослава на Болгарію. То и другое составляетъ, несомнѣнно, слабую сторону его объясненія и ведетъ къ натяжкамъ при объясненіи отрывковъ. Такимъ образомъ, вопросъ остался открытымъ, и профес. О. И. Успенскій перерѣшилъ его вновь. Интересующіеся дѣломъ слѣдили за полемикой, возникшей между нимъ и профес. Васильевскимъ по поводу новаго объясненія; я долженъ признаться, что въ существѣ дѣла совершенно согласенъ съ профес. Васильевскимъ; но прибавлю, что въ работѣ профес. Успенскаго, съ моей точки зрѣнія, нельзя отрицать двухъ достоинствъ, какъ мнѣ кажется, двигающихъ впередъ разборъ нашихъ отрывковъ и вызвавшихъ отчасти предлагаемое мною теперь объясненіе: 1) онъ освободился окончательно отъ хронологическаго приуроченія Газе, 2) онъ пересталъ искать объясненія въ сферѣ исключительно *русско-византійскихъ* отношеній; то и другое, въ сущности, были предвзятыми идеями, мѣшавшими свободной критикѣ нашихъ отрывковъ.

Изъ этой краткой исторіи вопроса видно, что, несмотря на кажущуюся случайность рѣшеній, ученая литература постоянно подвигалась впередъ въ объясненіи отрывковъ. Мое объясненіе будетъ примыкать къ тому, что я считаю лучшими приобрѣтеніями предъидущихъ. Если у проф. Васильевскаго вѣрно намѣчено мѣсто, а у пр. Успенскаго расширена сфера объясненія по отношенію ко времени и исторической обстановкѣ событій нашихъ отрывковъ, то нельзя ли соединить выгоды обѣихъ точекъ зрѣнія и не наведетъ ли такое соединеніе на объясненіе, еще болѣе близкое къ объясняемому?

Если собрать всѣ реальныя черты, разсѣянныя въ разсказѣ греческаго топарха, то получится, мнѣ кажется, событіе весьма индивидуально обрисованное.

Дѣло идетъ о полунезависимой области (*αὐτονομίαν ἔργων ἀντιποιοῦμενοι*) въ низовьяхъ Дуная (*τὰ γείτονα καὶ πληρώχορα ἡμῶν*). По сосѣдству съ этой областью находится городъ, занятый довольно значительнымъ греческимъ гарнизономъ—болѣе 400 человекъ; я полагаю, что это тотъ самый Маурокастро́нь, о которомъ идетъ рѣчь въ первомъ отрывкѣ. Съ другой стороны, эта мѣстность граничитъ съ „царствующимъ надъ областями на сѣверъ отъ Дуная (*ὄμοροι ὄντες πρὸς τὸν κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου βασιλεύοντα*)“; этотъ *βασιλεύων* характеризуется, какъ „сильный многочисленнымъ войскомъ и возгордившійся силой въ битвѣ“; его народъ—единоплемененъ съ населеніемъ нашей мѣстности (*ἦθεσι τε τοῖς ἐκεῖ τὰ παρὰ σφῶν ἀντῶν οὐκ ἀποδιαφέροντες*). Жители этой мѣстности добровольно признали его верховенство и были уже его подданными (*ἐπλήχοι*); отношенія между ними устроились на началахъ справедливости и законности. Но вдругъ эти прежнія отношенія переменялись (*ἀνατέτραπτο τὸ πρὶν αὐτοῖς ἴσον καὶ δίκαιον*); войска сюзе-

³⁾ Для нашей цѣли отмѣтимъ употребленіе климатовъ въ приложеніи къ низменной прибрежной мѣстности и упоминаніе о *τὰ Πόντια κλίματα*.

рена ⁴⁾ вторгнулись въ страну, разрушили болѣе десяти городовъ и 500 деревень, не давали единоплеменникамъ никакой пощады.

Но что же было причиной такого „звѣрскаго“ нападенія (*ὡσπερ τινά θηρία*)? Ихъ старые повелители обвинили ихъ въ нарушеніи какой-то клятвы (*προβληθέντες ἐπ' ὁμοσίᾳ*). Но, какъ видно изъ разсказа топарха, въ этомъ нарушеніи они нисколько не были виноваты (*ἡδίκηχότες μηδέν*) и даже „ясно доказывали“ это своимъ неожиданнымъ непріятелямъ (*ὡς οὐκ ἀδικοῦεν βεβαίως δεικνύοντες*). Кажется, даже можно видѣть, *чѣмъ* они доказывали свою невинность, хотя этотъ намекъ ускользнулъ отъ предъидущихъ изслѣдователей. Они „жаловались на своихъ *властителей* и ясно доказывали, что они ни въ чемъ неповинны (*σχετλιάζοντες κατὰ τῶν ἡγεμόνων καὶ ὡς...*)“⁵⁾. Разумѣется, они жаловались тѣмъ, которымъ доказывали свою невинность, не на нихъ самихъ; ясно, что подъ *ἡγεμόνες* разумѣются какіе то другіе властители, которые вызвали съ ихъ стороны какія-то дѣйствія, сочтенныя ихъ старыми господами за нарушеніе клятвы. Подъ этими *ἡγεμόνες*, какъ справедливо замѣтилъ Васильевскій (390), слѣдуетъ разумѣть цѣлый властвующій народъ, а не отдѣльныхъ предводителей. И такъ, они сваливали вину съ себя на какой-то властвовавшій надъ ними народъ, вынудившій ихъ къ нарушенію клятвы; однако же, этихъ другихъ господъ въ моментъ разсказа на лицо уже не было, и дѣльнѣйшихъ упоминаній о нихъ нѣтъ. Что „нарушеніе клятвы“ сопровождалось временнымъ уничтоженіемъ подданическихъ отношеній къ старымъ господамъ, видно и изъ того, что византійскій военачальникъ старается воспользоваться этимъ моментомъ, чтобы привести эту область въ зависимость отъ императора.

Положеніе этого греческаго военачальника представляется весьма затруднительнымъ: царствующій надъ областями на сѣверъ отъ Дуная оказывается непріателемъ не только соплеменнаго населенія сосѣдней области, но и византійскаго владѣнія. Правда, топархъ сперва не знаетъ, будетъ ли варваръ воевать также и съ греческой областью; хотя онъ принимаетъ мѣры предосторожности, но въ то же время поддерживаетъ сношенія съ ними и посылаетъ „тысячи разъ“ съ мирными предложеніями. Однако, варвары прерываютъ дипломатическія сношенія и начинаютъ войну „безъ предварительнаго объявленія“ (*ἀκηρυκῆ*). Сильный количествомъ войска и гордый побѣдами царь высылаетъ противъ топарха такой отрядъ, который „подвергается посрамленію“ отъ 400 человекъ гарнизона и болѣе не возвращается. Но когда, пользуясь этимъ роздыхомъ, топархъ предлагаетъ своимъ сосѣдямъ прибѣгнуть къ византійскому покровительству, они, „не вкусивши никогда императорскаго благорасположенія“, предпочитаютъ вернуться подъ власть старыхъ соплеменныхъ господъ и приглашаютъ самого топарха послѣдовать своему примѣру. И въ довершеніе всѣхъ этихъ странностей, топархъ, получивъ такой отвѣтъ, самъ отправляется къ „царствующему надъ мѣстами на сѣверъ отъ Дуная“ и принимаетъ отъ него санкцію своей власти надъ климатами. Царь даже прибавляетъ ему цѣлую сатрапію и доходы „въ своей землѣ“. Проф. Успенскій попытался разрѣшить эту странность предположеніемъ, что топархъ ѣздилъ именно къ своему императору, который, конечно, одинъ могъ дать своему чиновнику такія права.

Всѣ эти недоумѣнія разрѣшаются сами собой, если сопоставимъ разсказъ топарха съ однимъ событіемъ, происшедшимъ въ нашей мѣстности между Дунаемъ и Днѣстромъ въ самомъ концѣ IX в. Въ 889 г. въ эту мѣстность, теперешнюю Бессарабію, явились венгры и въ томъ же году были втянуты въ только что начавшуюся борьбу между болгарами и Византіей ⁶⁾. Поводъ къ этой войнѣ дала Византія, перенеся торговую контору болгарскихъ купцовъ изъ Кон-

⁴⁾ Уже Васильевскій видѣлъ, что „варвары“, напавшіе на область сосѣднюю съ топархомъ, „были именно подданные или же подчиненные союзники того государя, къ которому рѣшено обратиться“ въ 3-мъ отрывкѣ, (стр. 412); что эти непріатели — тѣ же *единоплеменники*, видно изъ термина *ὀκειότατοι* (*οὐδὲ τῶν ὀκειοτάτων φοιδῶ τις εἰσὶν αὐτοῖς*).

⁵⁾ Опредѣленіе года см. Pié, Zur rumänisch—ungarischen Streitfrage, p. 393. Krug, Byz. Chronol. 25—6.

стантинополя въ Солунь. Симеонъ Болгарскій, въ отвѣтъ на это, вторгнулся въ Македонію и нѣсколько разъ разбилъ посланное противъ него войско. Тогда импер. Левъ VI Мудрый послалъ къ венграмъ, которые, вѣроятно въ слѣдующемъ 890 г. напали на Болгарію, разбили Симеона и заставили его просить мира у императора. Но это торжество Византіи и достигнутый ею миръ были непродолжительны. Въ 892 г. венгры ушли въ походъ противъ *Moravia*; Симеонъ воспользовался ихъ отсутствіемъ, прервалъ переговоры съ Византіей, вторгнулся въ занятую венграми страну, страшно опустошилъ ее и перебилъ оставшееся тамъ населеніе; когда венгры вернулись и увидали опустошенную страну, они не захотѣли въ ней оставаться и ушли окончательно на средній Дунай. Симеонъ же, раздѣлавшись съ союзниками Византіи, началъ войну съ самой Византіей, одержалъ побѣду при Болгарофюгонѣ и заставилъ Византію платить болгарамъ ежегодную дань. (ср. Дриновъ въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Др. Р. 1875, 3).

Событія, описанныя топархомъ, сами собой укладываются въ рамки изложенныхъ происшествій, объясняемыхъ ими и служа имъ для объясненія. Не можетъ быть сомнѣній, что, мѣсто короткой остановки венгровъ въ Ателькузу—есть теперешняя Бессарабія. Точно также несомнѣнно, что она не была пуста во время прихода венгровъ, а занята единоплеменнымъ болгарамъ славянскимъ населеніемъ Уличей и Тиверцевъ (про покореніе первыхъ венграми говоритъ Константинъ). Что Уличи и Тиверцы въ это время еще не были покорены кievской династіей, свидѣтельствуетъ наша лѣтопись, (по которой въ 885 г. Олегъ съ ними „имѣше рать“). Изъ записки топарха мы узнаемъ (при моемъ толкованіи), что до прихода венгровъ они были полузависимы отъ болгаръ. Местъ Симеона, во время ухода венгровъ, конечно могла обратиться только на это подчиненное населеніе; оно, конечно, не было виновато въ помощи, поданной венграми византійскому правительству противъ Симеона, и, естественно, сваливало вину на „*ἡγεμόνες*“. Итакъ, вотъ кто были эти господа, и вотъ почему они такъ скоро и безслѣдно исчезли въ запискѣ топарха. Самый фактъ опустошенія областей Уличей и Тиверцевъ, разрушенія болѣе 10 городовъ и 500 деревень, конечно, не могъ пройти безслѣдно. Константинъ упоминаетъ о покинутыхъ городахъ на Днѣстрѣ; можетъ быть, и наша лѣтопись говоритъ о тѣхъ же остаткахъ разрушенныхъ городовъ Уличей и Тиверцевъ („суть грады ихъ и до сего дни“). И другія частности разсказа топарха становятся понятными при этомъ объясненіи. Симеонъ, какъ мы видѣли, сперва опустошилъ Ателькузу, потомъ напалъ на Византію. Первое произошло лѣтомъ 892 года. Съ Византіей Симеонъ въ то же время велъ переговоры о мирѣ, и для этой цѣли императоръ послалъ даже къ нему нѣкоего Льва Херосфакта (*Le Beau*, VII, 252). Такимъ образомъ, долженъ былъ быть моментъ, когда греческій военачальникъ, въ положеніи топарха Маврокастропа, не зналъ, въ войнѣ или въ мирѣ его правительство съ „варварами“, опустошившими сосѣдную область (и, кажется, разрушившими его собственный городъ). Только произведя это опустошеніе, Симеонъ открыто разорвалъ съ Византіей. Противъ топарха, конечно, дѣйствовалъ какой-нибудь ничтожный отрядъ, потому что главный театръ войны былъ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ слѣдующемъ 893 г. былъ уже заключенъ миръ, по которому Византія оказалась въ данническихъ отношеніяхъ къ Болгаріи; естественно, что въ этомъ положеніи сосѣди топарха не только не захотѣли подчиниться Византіи, но и принудили топарха искать подтвержденія своей власти у государя, побѣдившаго Византію. Естественно также, что въ этомъ затруднительномъ положеніи, получивъ инвеституру болгарскаго правительства на свое византійское владѣніе, онъ пересталъ даже различать, въ чьей землѣ онъ находится, въ *ихъ* (болгарской) или *нашей* (византійской). Самая поѣздка къ „царствующему на сѣверѣ отъ Дуная“ описывается такимъ образомъ, что, по справедливому замѣчанію Васильевскаго „по ходу и тону разсказа нельзя предполагать труднаго и длиннаго пути“ (414). Этоображеніе заставило и Иловайскаго говорить о поѣздкѣ въ сосѣдній непріятельскій станъ.

При моемъ толкованіи, нѣтъ болѣе надобности предполагать поѣздку въ Кіевъ; до резиденціи Симеона, Великой Прѣславы, отъ Маврокастропа было очень близко. Замѣтимъ терминъ, которымъ названъ этотъ царь: *βασιλεύων*; про „князя“ византиецъ выразился бы, конечно, „*ἀρχων*“, но Симеонъ претендовалъ на титулъ и роль *βασιλεύς*, и, дѣйствительно, именуется такъ въ нѣкоторыхъ источникахъ (жизнеописание Климента: *Συμεὼν βασιλεὺς πρῶτος Βουλγαρῶν*, ср. указаніе Скилицы, то и другое у Šafarik. *Starož* изд. 1863, II, 200). Такимъ образомъ, терминъ *βασιλεύων* можетъ означать, кромѣ императора, только одного Симеона. Но почему онъ названъ „царствующимъ надъ областями на сѣверъ отъ Дуная?“ (Замѣтимъ осторожность выраженія, которымъ какъ бы подчеркивается, что онъ только *царствуетъ*, но не живетъ на сѣверъ отъ Дуная). Но это—несомнѣнный фактъ: нельзя сомнѣваться въ существованіи *Βουλγαρία ἐκεῖθεν τοῦ Ἰστρου ποταμοῦ* (Гротъ, Моравія и Мадьяры, 86—97)—до венгерскаго завоеванія. Почему топархъ именно этимъ признакомъ, этой частью владѣнія характеризовалъ Симеона? Потому что онъ имѣлъ съ нимъ дѣло именно въ этомъ его качествѣ—государя непосредственно сосѣдствующихъ съ нимъ мѣстъ, государя *твоего* берега Дуная, на которомъ онъ самъ находился. Замѣтимъ, наконецъ, еще одну мелкую подробность: „неприятели сдѣлали изъ ихъ (нашей) земли—какъ говорится добычу Мисянъ“. Конечно, это пословица; но почему именно *она* подвернулась подъ перо топарха? Потому что въ ней былъ, съ нашей точки зрѣнія, реальный смыслъ и реальный намекъ: неприятели были, дѣйствительно, мисянами, т. е. болгарами (это ихъ классическое названіе).

Единственнымъ серьезнымъ возраженіемъ противъ предложеннаго толкованія остается хронологическое опредѣленіе Газе. Два лучшихъ нашихъ византиниста, пр. Васильевскій и пр. Успенскій, держатся противоположныхъ взглядовъ на значеніе этого опредѣленія: одинъ признаетъ его обязательнымъ, а другой не придаетъ ему никакого значенія. Въ виду такого противорѣчія мнѣ пришлось забраться въ совершенно чуждую для меня область греческой палеографіи, чтобъ попытаться составить какое-нибудь собственное представленіе объ этомъ вопросѣ. Результаты этой невольной экскурсіи передаю на судъ лучше знающихъ дѣло. Письмо IX—XI в. отличается въ греческой палеографіи довольно рѣзко, какъ отъ предыдущаго (унціальнаго), такъ и отъ послѣдующаго (съ сокращеніями). Но внутри этого періода провести дальнѣйшія подраздѣленія далеко не такъ легко. Это время господства *минускулы*; X-й вѣкъ, по терминологіи Гардтгаузена, характеризуется *средней* минускулой; естественно, что въ предѣлахъ средней минускулы, къ которой относится нашъ документъ, дальнѣйшія хронологическія различія производятъ еще труднѣе. Палеографы указываютъ признаки и для такого различія; но относительно этихъ признаковъ существуютъ довольно крупныя разногласія. По мнѣнію Монфокона, котораго держится еще и Ваттенбахъ, переходъ отъ унціального письма къ минускулѣ—постепенный, такъ что болѣе древняя минускула характеризуется присутствіемъ среди курсивныхъ начертаній унціальныхъ (ср. Montfaucon, *Palaeogr. Graeca*, p. 269). По мнѣнію Гардтгаузена это совершенно справедливо относительно латинской минускулы; но въ греческой—какъ разъ наоборотъ: минускула является сперва въ чистомъ видѣ, а затѣмъ въ нее начинаютъ все болѣе проникать унціальныя начертанія (напр. *B, N, O, A, H, T, K*, etc.). По этимъ указаніямъ Гардтгаузена послѣ нѣкотораго упражненія я убѣдился, что начало и конецъ X в. различить можно; но руководился ли Газе этимъ соображеніемъ, или держался противоположнаго? И не обозначилъ ли онъ въ такомъ случаѣ рукопись начала X в.—концомъ X в.? Конечно, указанный признакъ не единственный;—но онъ самый яркій. Впрочемъ, въ сущности, у самого Газе его хронологическое приуроченіе не имѣетъ той точности и рѣшительности, съ какою является въ ссылкахъ на него позднѣйшихъ изслѣдователей. Правда, въ началѣ отрывковъ онъ категорически заявляетъ, что кодексъ *saeculi decimi exeuntis*, а отрывки

писаны litteris., non multo quam cod. ipse recentioribus; но вѣдь все-таки, по его же мнѣнію, эта позднѣйшая рука писала около 988 г.? Передъ вторымъ отрывкомъ письмо рукописи характеризуется уже такъ: *scriptura est ligata, quam vocant saeculi decimi et undecimi*. Другими словами, Газе оперируетъ съ терминами Монфокона и говоритъ о „такъ называемомъ“ письмѣ X и XI в.; если изъ двухъ вѣковъ онъ остановился именно на серединѣ, на это, повидимому, склонилъ его не столько условный монфоконовскій терминъ, сколько желаніе отнести отрывки къ упомянутому факту въ исторіи Херсонеса.

Наши отрывки написаны послѣ событій, въ нихъ описанныхъ; это видно изъ всего тона повѣствованія, который совсѣмъ не соотвѣтствуетъ тону немедленнаго письменнаго донесенія императору (*δήλοσις ἐγγραφος* письма Николая Мистика). Во всякомъ случаѣ 893-й г. составляетъ *terminus a quo* для опредѣленія ихъ написанія. Но мы можемъ опредѣлить и *terminus ad quem*. Въ 913 г., черезъ 20 лѣтъ, началась новая, болѣе серьезная война Симеона съ Болгаріей; по отсутствію всякихъ упоминаній объ этомъ въ запискѣ топарха, необходимо заключить, что она была написана до этого времени.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Записки готскаго топарха *).

Pag. 175. lin. 10. τῆς Χερσῶνος ἄλωσιν]

... δυσχερῶς

κατήγετο, καίτοι μὴ πλείους τριῶν ἀνδρῶν ἐκάστου σφῶν δεχομένου οὕτω πάνυ φανλότατα ἦν. Ἀλλ' οὐδὲ ταῦτα ὁμως χῶραν εἶχε παρὰ τῷ θεύματι· πολλὰ γὰρ αὐτῶν ἐπὶ μεγίστοις πάγοις δυοὶ συνηράσσετο καὶ ξυνέπιπτε· καὶ ὄσαυτ' οὗτο ξυμβαίη, ἐκληθῶντες ¹⁾ τοῦ πλοίου οἱ ἐν αὐτῷ ²⁾ τῷ πάγῳ

Стр. 497.

καθῆντο, καὶ ὡς ἐφ' ὀλκάδος ἐφέροντο. Ἐνια δὲ αὐτῶν καὶ κατέρραξεν ὑποβρύχια. οὕτως ἄρα χαλεπαίνων ὁ Δάναρις ἐτύχχαγεν. Ἡμεῖς δὲ αὐτοῦ χαλεπώτερον καὶ ἐπὶ πλείστον προσεδεχόμεθα, καὶ ἡμεν ὡσπερ ὀργιζόμενοι κατ' αὐτοῦ, τῷ μὴ πελήχθαι. καὶ οὐ πολλὰς πω ὑστερον ἡμέρας τὸ ὕδωρ ἀπανταχῇ πέπηκτο, καὶ ἐπὶ μέγα ἦν ἰσχυρόν· ὡς καὶ πεζῇ καὶ ἵπλοις ἀφόβως ἵεναι κατὰ τοῦ θεύματος, καὶ ἀγῶνας ὡς ἐπὶ πεδίων ἀνδρικῶς ἀγωνίζεσθαι. Καὶ καθάπερ τις θανατοποιῶν ὁ Δάναρις ἐδέδεικτο, βαρὺς μὲν καὶ χαλεπὸς τὸ πρὶν αἰωρούμενος ³⁾, καὶ μονορουχὶ τοὺς εἰς αὐτὸν ὀρῶντας πάντας φοβῶν· μετὰ δὲ μακρὸν ἀνεῖναι τε, καὶ τοσοῦτον μαλακιθῆναι, ὡς ὅφ' ἀπάντων καίζεσθαι

Первый отрывокъ.

1. Они съ трудомъ приставали, хотя каждое изъ нихъ не вмѣщало на себѣ болѣе трехъ чело- вѣкъ: такъ они были мизерны. Но даже и такія (небольшія суда) все-таки не находили себѣ свободнаго пространства на поверхности теченія; ибо многіи изъ нихъ попадали между двумя величайшими льдинами и начинали тонуть. Всякій разъ, какъ это случалось, люди, находившіеся на суднѣ, выскакивали изъ него, садились на льдину и вѣхали на ней какъ на плоту. А нѣкоторыя изъ нихъ (судовъ) разбились и были поглощены водою, такъ какъ Днѣпръ былъ въ сильномъ волненіи. Мы, съ своей стороны, оставались тутъ въ досадѣ и слишкомъ долгомъ ожиданіи и какъ будто сердились на него за то, что онъ не замерзъ. Однако, спустя немного дней, вода вездѣ стала и превратилась въ такую твердую поверхность, что и пѣшкомъ, и на коняхъ можно было безъ страха идти по рѣкѣ и состязаться здѣсь бодро въ бояхъ, какъ будто на равнинѣ. Такимъ образомъ Днѣпръ показалъ намъ себя какъ будто какимъ чудесникомъ; прежде онъ вздымался гнѣвный и бурный, чуть-ли не наводи страхъ даже на всякаго, кто только глядѣлъ на него,—а затѣмъ, спустя короткое время, при- смирѣлъ и до такой степени притихъ, что всякій могъ забавляться надъ нимъ и поиврать его но- гами; а онъ представлялся какъ будто запрятав- шимся подъ землю, засѣвшимъ гдѣ-то въ темномъ

*) Греческій текстъ заимствованъ изъ изданія Льва Дьякона, *Nase* (Corpus Scriptorum historiae byzantinae, томъ XI); русскій переводъ—изъ статьи В. Г. Васильево-скаго, Журн. Мин. Нар. Просв. 1876. VI.

¹⁾ ἐκληθόντες Cod.

²⁾ Videtur deesse aliquid vel hic, vel post οἱ.

³⁾ ἐωρούμενος Cod.

τε καὶ καταπεπατησθαι, ὑπόγειός τις ὡσπερὶ δεικνύμενος, ὑπὸ κατάδυσίν τινα ἑαυτὸν καθιδρύσας. Οὐ γὰρ ὕδασιν οὕτω ράουσιν ἐφίκει τὰ ρεύματα, ἀλλ' ὄρη σκληρά ¹⁾ τινα καὶ λιθῶδη μᾶλλον ἐδέδεικτο. τί γὰρ ἴσον ἢ εἰκόσ τὸ καταφερόμενον ἐκεῖνο καὶ ὕδατι; [B.] Ὅθεν ἡμῖν τὸ κατηφές εἰς χαρὰν μετεβέβλητο· καὶ χεῖρας ἀνακροτήσαντες ἱκανῶς προσίεμεν, κατὰ πέλαγος ἱπασσόμενοι. Ἀκωλύθως τε διαβάντες καὶ κατὰ τὴν κόμην γενόμενοι τὴν Βοριῶν, πρὸς εὐωχίαν ἐτραύπημεν καὶ ἱππων ἐπιμέλειαν, ἡπορημένων καὶ αὐτῶν καὶ καταπεποιημένων ὡς πλείστον. Κάκει ἡμέρας ὅσον ἀναλαβεῖν ἑαυτοὺς διατρέψαντες, ὡς πρὸς τὸ Μαυρόκαστρον χωρεῖν ἠπειρόμεθα. Ὡς δ' ἔτοιμα ἦν ἡμῖν τότε πάντα, καὶ ἐμποδῶν ὑπῆρχεν οὐδέν, περὶ μέσας νύκτας αὐτὰς [ὅτε καὶ προἰαίτερον ἡμᾶς ἐξορμησαὶ ἐχρήν], ἄρκτου τότε βαρύντατον πνεύσαντος, καὶ χειμῶνος παντὸς μᾶλλον χαλεπωτάτου καταρῥαγέντος, ὡς ἀβάτους μὲν τὰς διόδους οἶεσθαι, μηδένα δὲ ὑπαίθριον ζῆν, σχεδὸν δὲ ἀδύνατον εἶναι τὸν μὴ στέγη σωζόμενον περιεῖναι, δεισάντες ἀναπεπαύσθαι καὶ ἠρεμεῖν ἔγνωμεν αὐτοῦ· ἐμοῦ τοῦτο τοῖς συσσίτοις εἰπόντος, ὡς οὐ δεῖ τῆς οἰκίας ὀπωσοῦν ἐξιέναι, οὐδὲ ἀποκοίτους ἡμᾶς ἐνθένδε γενέσθαι τοῦ πρώτου τῶν ἄστρον ἐσπέριον φάσιν ἤδη ποῦντος, καὶ πρὸς αὐτὸν ἐκείνον μετατρεπομένου τοῦ περιέχοντος [Κρόνου δὴ καλουμένου] ²⁾. Καὶ γὰρ ἔτυχε περὶ τὰς ἀρχὰς αὐτὸς διῶν ὑδροχόον, ἡλίον κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος. Ὁ μὲν οὖν χειμῶν ἀρξάμενος ἀεὶ προὔβαινε χαλεπώτερος, καὶ ξυνέβη τὰ πρότερον ἡμῖν δόξαντα φοβερὰ παιδιαὶ καθάπαξ πρὸς τὰ μετὰ ταῦτα δοκεῖν· οὕτως ἄρα λαμπρῶς ὁ χειμῶν διέσχε πανταχῆ. Ἡμέρας δὲ διατρέψαντες ἱκανὰς, μόλις ὀφέ ποτε καὶ τῆς πρὸς τὰ οἰκεία μνήμη τις ἐπανόδου εἰσῆι, εὐδιεινοτέρου καὶ τοῦ

Стр. 498.

περιέχοντος δεδειγμένου. [Г.] Καὶ δὴ ἐξήμην, δορυφορούμενοι παρὰ τῶν ἐγχωρίων διαφανῶς, πάντων εἰς ἐμὲ τὰς χεῖρας ἀνακροτούντων, καὶ βλέπόντων ὡς πρὸς οἰκείον αὐτοῦ ἕκαστος ³⁾, καὶ τὰ μέγιστα εὐχομένων. Τότε μὲν οὖν οὐδὲ πάντας αὐτοὺς ἐβδομήκοντα σταδίους παρημεύσαμεν, καὶ ταῦτα

¹⁾ Haec sunt tam intricate scripta, ut nescias utrum σκληρὰ an σκιε ρὰ legendum sit.

²⁾ Ante verba τοῦ πρώτου legebatur καὶ ὡς ἐκ τῶν ἄστρον ἐμοὶ δέδεικται· post καὶ πρὸς illa, τὴν ἑαυτοῦ φύσιν· post περιέχοντος illa, φύσει ψυχρότατος καὶ χιωνώδης [sic] δοκῶν. Quae omnia ab ipso scriptore inducta sunt: verba Κρόνου δὴ καὶ. videntur loco mota.

³⁾ Sic Cod.

углу. Уже не въ видѣ просто текущихъ водъ являлась намъ его поверхность, но въ видѣ какихъ-то суровыхъ и окаменѣлыхъ горъ; а то, что двигалось внизу подъ ними, развѣ представляло какое сходство или подобіе съ водою?

2. Теперь наше уныніе превратилось въ радость; выразивъ ее достаточными рукоплесканіями, мы подошли ближе и конные вступили на рѣку. Совершивъ переправу безпрепятственно и прибывъ въ селеніе Боріонъ, мы занялись ѣдой и уходомъ за лошадьми, такъ какъ и онѣ терпѣли до сихъ поръ недостатокъ и были утомлены въ высшей степени. Проведя здѣсь такую часть дня, сколько требовалось для возстановленія своихъ силъ, мы стали собираться въ путь, чтобъ идти по направленію къ Маврокастроу. Когда у насъ все было готово и не представлялось никакого препятствія, то около самой полуночи, (тогда какъ намъ слѣдовало пуститься въ дорогу ранѣе того), подулъ самый тяжкій сѣверный вѣтеръ, и разразилась такая жесточайшая вьюга, что нельзя было думать, чтобы какіе-либо пути остались доступными, чтобы кто-либо былъ въ состояніи вынести пребываніе на открытомъ воздухѣ, и чтобы возможно было оставившему спасительный кровь сохранить свою жизнь; напуганные этимъ, мы рѣшили остановиться и не трогаться съ мѣста. Я (первый) сказалъ это своимъ сотрапезникамъ, что намъ нельзя (будетъ) выдти изъ дому и перебраться на ночлегъ въ другое мѣсто (и что мнѣ по звѣздамъ показалось), тогда какъ первая изъ звѣздъ была уже въ вечернемъ фазисѣ, и (сообразно съ ея природою) сообразно съ нею измѣнялось состояніе воздуха (по природѣ являясь холодною и снѣжною), — называемая Сатурномъ. Ибо она именно тогда проходила около началъ Водолея, между тѣмъ какъ солнце пробѣгало зимніе знаки. Итакъ, вьюга, начавшись, становилась все свирѣпѣе, и то, что прежде намъ казалось страшнымъ, теперь намъ представлялось шуткою въ сравненіи съ тѣмъ, что за симъ послѣдовало; такъ бурно распространилась во всѣ стороны вьюга. Прошло достаточное количество дней прежде, чѣмъ могла, наконецъ, прійти на умъ какая-нибудь мысль о возвращеніи во свояси, и прежде чѣмъ воздухъ оказался нѣсколько болѣе благопріятнымъ.

3. И вотъ, мы вышли, торжественно провожаемые туземцами, при чемъ всѣ они рукоплескали мнѣ одобрительно и смотрѣли на меня каждый какъ на близкаго себѣ и напутствовали наилучшими по-

πρὸ ἡμῶν ἄλλων διαβεβηκότων καὶ τὸ πολὺ τῆς
 χιῶνος ἐκκρουσαμένων. Τῇ δ' ὑστεραία ἀρξάμενοι
 χαλεπώτατα προήειμεν, ὥσπερ ἐπὶ πελάγους δια-
 παλαιότες κατὰ τῆς χιῶνος. Οὐ γὰρ δὴ γῆ τις ἐδό-
 κει εἶναι, οὐδὲ χιῶν συνήθης· ἀλλ' οἱ μὲν ἵπποι
 μέχρις τραχίλων οὐχ ἑωρῶντο· τὰ δ' ὑποζύγια, καί-
 περ τελευταῖα ἀκολουθοῦντα ἡμῖν, διεφθείρετο, καὶ
 αὐτοῦ πολλὰ κατελέλειπτο. Τετράπηγος γὰρ ἡ χιῶν
 ἐλέγετο, καὶ χαλεπῶς διαβατὴ ἦν. Πολλοὶ δὲ καὶ
 τῶν ἀκολούθων ἀφώρμησαν οἴκαδε, μεῖζον ἢ κατ'
 ἀνθρωπίνην δύναμιν τὸ ξύμβαν οἰθηέντες. Καὶ ἦν
 γὰρ τι τῶν οὐ ξυντρόφων τὸ χαλεπόν, πολλαχόθεν
 τῶν δυσχερῶν ἐπιόντων· χιῶνος μὲν βαθείας οὕτω
 καὶ πυκνῆς κάτωθεν, ἀέρων δὲ βαρυτάτων ἀνω-
 θεν ἐμπνεόντων. Ἀνακωχῆς δ' οὐδαμῶθεν προσδο-
 κωμένης, οὐδ' ὄθεν τις ἀμεινα σχοίη τεκμαιρομένης
 [τὰ γὰρ πάντα ἀνωφελῆ καὶ ἀνόνητά πως ἐν τοῖς
 τότε δεινοῖς ἐδέδεικτο], οὐκ ἦν πυρὰ καῦσαι, οὐδ'
 ἀναπαύσασθαι πρὸς ἀκαρῆ χῶρον ¹⁾ ἡμῖν ἢ χιῶν ἐνε-
 δίδου. [Δ.] Εἶναι δὲ τὴν νύκτα αἱ ἀσπίδες προσ-
 ἦσαν ²⁾. πάντα ἡμῖν ἐκείναι καὶ κλίνας καὶ ἐπι-
 κλίνας νομιζόμεναι τὰ λαμπρότατα. Ἐν γὰρ αὐταῖς
 τὰ σώματα ἀνεπαύομεν ἐπὶ πυρᾷ, κάκεινῃ οὐ λαμπρᾷ.
 Ὑπνον ³⁾ δὲ καὶ τὰ ἐξ ὀνείρων φαντάσματα, ὥσπερ
 φοβηθέντα κάκεινα, πάντα ἀπέστησαν. Ἀντιεῖχε δ'
 οὐδεὶς ἄλλου κάλλιον ⁴⁾. πάντες δ' ὡς ἐν κοινῇ συμ-
 φορᾷ ὁμοίως καὶ ψυχὰς καὶ σώματα διετίθεντο.
 Εμακάρισε τις τοὺς τεθνηκότας, ὡς τοῦ φροντίζειν
 ἕμα καὶ τοῦ πονεῖν ἀποστάντας· ἐσχετλίασεν ἄλλος
 κατὰ τῶν ἐσομένων, ποίοις ἄρα καὶ αὐτοὶ δεινοῖς
 τὸ ζῆν ἐκμετρήσουσιν. Οἱ δὲ πρόσκοποι ἐξέκαμον
 καὶ αὐτοὶ, ὑπὸ τοῦ πολλοῦ κακοῦ νικηθέντες, καὶ
 προϊέναι οὐκ ἴσχυον, ἀσαφῶς οὕτω πορευόμενοι
 κατὰ τῆς χιῶνος. Τὸ δὲ δὴ χαλεπώτατον, ὅτι
 καὶ διὰ πολεμίας ἐπορευόμεθα γῆς, καὶ οὐδ' ἐκ τού-
 του ἀδειᾷ ἡμῖν καθειστήκει τὰ πράγματα, ἀλλ' ἐν
 ὁμοίῳ τὸ τε τοῦ χειμῶνος καὶ τὸ τῶν πολεμίων
 ὕφωρᾶτο κακόν.

желаніями. И тогда (въ этотъ первый день) мы
 едва оставили позади себя семьдесятъ неполныхъ
 стадій (около 12 верстѣ), несмотря на то, что
 другіе прошли впереди насъ и разчистили, гдѣ было
 много снѣга. На слѣдующій день мы съ самага
 начала могли двигаться только съ величайшимъ
 трудомъ, какъ будто среди моря борясь противъ
 снѣга. Казалось, что это совсѣмъ не была земля,
 ни даже обыкновенный снѣгъ; лошади исчезали по
 самую шею, а вьючныя животныя, хотя они и слѣ-
 довали за нами позади, совсѣмъ падали (окопѣ-
 вали), такъ что ихъ много осталось тамъ на до-
 рогѣ. Говорили, что снѣгъ лежалъ на четыре
 локтя и представлялъ большія трудности для про-
 долженія пути. Многіе изъ проводниковъ воротил-
 лись домой, сочтя обстоятельства превышающими
 человѣческія силы. Дѣйствительно, тягость нашего
 положенія не была какою либо изъ обычныхъ,
 такъ какъ затрудненія наступали на насъ со всѣхъ
 сторонъ; снизу глубокой и густой снѣгъ, а сверху
 дули рѣзкіе вѣтры. И ни откуда не ожидалось
 какой либо перемѣны къ лучшему, ибо все въ
 этомъ бѣдственномъ положеніи оказывалось без-
 полезнымъ и непригоднымъ; нельзя было развести
 огня, и снѣгъ не давалъ намъ возможности от-
 дохнуть хотя на короткое время.

4. Постелями служили намъ ночью щиты; они
 блистательнѣйшимъ образомъ шли у насъ и вмѣ-
 сто кровати, и вмѣсто великихъ покрововъ. На
 нихъ мы отдыхали, грѣясь тѣломъ при огнѣ, хотя
 и не очень яркомъ. Сонъ и бывающія въ сновѣ
 дѣніяхъ мечтанія были далеки отъ насъ, какъ
 будто и они были испуганы. Ни о комъ нельзя
 было сказать, чтобъ онъ выдерживалъ лучше дру-
 гаго (напротивъ, тѣ, которые вчера казались
 крѣпче и ободряли другихъ, сегодня были вялыми
 и унылыми); при общемъ для всѣхъ бѣдствіи, тѣ-
 лесное и душевное настроеніе у всѣхъ было оди-
 наково. Иной говорилъ о завидной долгѣ умершихъ,
 которые ужъ освободились и отъ заботы, и отъ
 трудовъ; другой сожалѣлъ о будущемъ поколѣніи,
 съ какими-то еще бѣдствіями и ему придется про-
 ходить свою жизнь. Наши развѣдчики также уто-
 мились, побѣжденные множествомъ золь, и не
 имѣли силы идти впереди, наобумъ и даромъ блуж-
 дая по снѣгу. Но самое большое бѣдствіе заклю-
 чалось въ томъ, что мы шли по непріятельской
 землѣ, и уже вслѣдствіе этого наше положеніе не
 было безопасно; напротивъ, зло грозило намъ оди-
 наково какъ отъ зимы, такъ и отъ враговъ.

¹⁾ Supra scriptum est χῶρον, idemque postea inductum.

²⁾ Sic. Cod Num προσήσαν.

³⁾ Ὑπνος Cod.

⁴⁾ Hic scripta erant haec non absoluta: ἀλλ' οἱ χθὲς ἐρῶ-
 μενέστερον ἔχοντες καὶ θαρσύνειν διακελευόμενοι πρὸς ἀλλή-
 λους σήμερον ἀμβλείς καὶ καταπεπτωκότες· ea omnia po-
 stea inducta sunt.

Стр. 500.

Ἀρχὴν γὰρ δὴ τότε τοῖς βαρβάροις πολεμεῖν ἔγρομεν ¹⁾ ἢ, εἰ δεῖ τι τάλληθῆ φάναι, δείσαντες τὸ μὴ φθῆναι ὑπ' αὐτῶν ἀναιρεθέντες, ἀπέστημεν, καὶ αὐτοῖς τὸ δυνατόν ἀντιτετάχθαι διενοήθημεν, πάντας ὁμοίως λεηλατοῦντων καὶ διαφθειρομένων ἀπανθρωπότατα, ὥσπερ τιὰ θηρία κατὰ πάντων τὴν ὁρμὴν ἐνδεικνύντα. Οὐδὲ γὰρ τῶν οἰκειοτάτων φειδῶ τις εἰσῆει αὐτοῖς, οὐδὲ λογισμῶ τινι ἢ κρίσει δικαίου τὸν φο-

Стр. 501.

ρον εἰργάσθαι προῦθεντο. ἀλλὰ τὴν Μυσῶν ²⁾ λείαν καλουμένην θέσθαι τὴν αὐτῶν ³⁾ γῆν κακῶς καὶ ἀσυμφόρως μεμελετήκεσαν. Ἄνετέτραπτο γὰρ τὸ πρὶν αὐτοῖς ἴσον καὶ δίκαιον. ἂ δὴ περὶ πλείστου τιμῶντες τὸ πρότερον τρόπαιά τε τὰ μέγιστα κατορθώκεσαν, καὶ πόλεις καὶ ἔθνη ἀτεπαγγέλτως προσήεσαν αὐτοῖς. Νῦν δ' ὥσπερ ἐκ διαμέτρου ἀδικία τοῦτοις καὶ ἀμετρία κατὰ τῶν ὑπηκόων ξυνέστηκε. καὶ πόλεις ὑπήκουσ, ἀντὶ τοῦ θεραπεύειν καὶ συμφερόντως ἐννομεῖν, ἀνδραποδίζειν καὶ διαφθεῖρειν ξυνέθεντο. Σχετλιάζοντές τε κατὰ τῶν ἡγεμόνων, καὶ ὡς οὐκ ἀδικοῦσιν βεβαίως δεικνύντες οἱ ἄνθρωποι, οὐδὲν μᾶλλον ἴσχυον τοῦ μὴ τεθνάναι. Φορὰ γὰρ τις, ὡς εἰσικεν, οὕτω κακίας ξυμβέβηκεν, ὡς περικλύζεσθαι τὰ τῶν ἀνθρώπων καὶ φόβερῶτατα συγκεχώσθαι δοκεῖν, ὡς ἐκ συμπτώματος ἢ τινος χάσματος παραλογωτάτου καὶ χαλεποῦ. Πόλεις μὲν γὰρ πλείους ἢ δέκα ἀνθρώπων ἐξεκενώθησαν, κῶμαι δὲ οὐκ ἐλάττους πεντακοσίων παντελῶς ἐρημώθησαν· καὶ ἀπλῶς, τὰ γείτονα καὶ πλησιόχωρα ἡμῶν ὥσπερ ἐκ χειμῶνος ἐπικλυσθέντα ἐγένοντο, ἀνθρωποὶ τε, ἡδικοκότες μηδὲν, προβληθέντες ἐπ' ὁμοσίᾳ, χειρῶν ἔργον καὶ ξίφους ἐγένοντο. [B.] Τὸν δὴ τοιοῦτον ὄλεθρον καὶ κοινῇ πάντας κακῶς διαφθείραντα, καὶ περιελθόντα τοῖς ταλαιπώροις ἡμῶν ἀστυγείτοσι, καὶ πρὸς τὴν ἐμὴν ἀρχὴν τελευταίως ἢ πονηρὰ τύχη προσῆξεν, ὑφορώμενον μὲν ἐμοὶ καὶ πρότερον, καὶ πολλὴν ποιουμένην πρόνοιαν, μὴ ἂν ποτε ἐξαπινάως ἐμπέσοι, μηδ' ἐκ τοῦ παραχρημα λαθὼν τὰ καθ' ἡμᾶς λυμῆραιεν. Ὡς δ' ἀφῆκτο καταρῶς ὁ κίνδυνος, καὶ πᾶσιν ἀνωμολόγητο φανερώς, ὡς τὰ περὶ ψυχῆς νῦν ἡμῖν κινδυνεύεται, τὸν

1) Scriptum est hic, et posterius inductum: καὶ διὰ τοῦτο γὰρ καὶ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ.

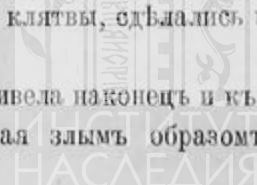
2) Μεισῶν Cod.

3) Sic: prius scripserat ἡμῶν, sed id induxit.

Второй отрывокъ.

1. (Именно ради этого и сѣверный берега Дуная). Только тогда мы рѣшились начать войну съ варварами, или если, уже слѣдуетъ сказать сущую правду, мы отступили (передъ ними) изъ опасенія, чтобъ они, предупредивъ, не истребили насъ (не покончили съ нами), и мы разсудили (за лучшее) противостоятъ имъ (здѣсь) сколько возможно, между тѣмъ какъ они самымъ безчеловѣчнымъ образомъ разоряли и губили всѣхъ, подобно нѣкоторымъ дикимъ звѣрямъ, вездѣ проявляющимъ свою ярость. Имъ не была доступна какая-либо пощада даже въ отношеніи къ самымъ близкимъ, и они не считали нужнымъ совершать убійство съ какимъ-либо разборомъ или вниманіемъ къ справедливости; напротивъ, злымъ и бесполезнымъ образомъ задумали они сдѣлать изъ (нашей) ихъ земли — какъ говорится — добычу Мислянъ. Рушилась прежняя ихъ справедливость и законность, — тогда какъ сперва они оказывали къ нимъ наибольшее уваженіе, и вслѣдствіе того, сами они достигли величайшихъ трофеевъ, а города и народы добровольно приступали къ нимъ (присоединялись къ нимъ). А теперь, какъ будто наоборотъ, имъ сопутствовала несправедливость и безправіе въ отношеніи къ подданнымъ. Въмѣсто того, чтобы заботиться о благѣ подвластныхъ городовъ и къ собственной выгодѣ управлять ими въ добромъ порядкѣ, они положили поработить и разорить ихъ. Жалуясь на своихъ властителей и ясно доказывая, что они ни въ чемъ неповинны, эти люди (то-есть, подданные) добивались только того, чтобы они были оставляемы въ живыхъ. Похоже было на то, какъ будто разразился какой сильный злой порывъ, такъ что для челоуѣчества казалось наступилъ потопъ, и грозило самое страшное разрушеніе, какъ бы вслѣдствіе землетрясенія или какой неожиданной и роковой (открывшейся) бездны. Болѣе десяти городовъ лишились своего населенія, не менѣе пяти сотъ селеній превратились въ пустыню: словомъ, вся сосѣдственная и близкая къ нимъ область какъ будто послѣ бури лежала въ развалинахъ; люди, ни въ чемъ не повинные, подъ предлогомъ (нарушенной) клятвы, сдѣлались добычею насилія и меча.

2. Жестокая судьба привела наконецъ и къ моей области ту заразу, которая злымъ образомъ гу-

μὲν τότε ὄλεθρον σοφώτατ' ὡς εἶχον ἀπεκρουσάμην,
 ἐμοῦ καίπερ τὰ ἔσχατα παρὰ μικρὸν κινδυνεύσαν-
 τος. Τὸ δὲ ἀπὸ τούτου, πόλεμος ἡμῶν ἀκηρυκτὶ καὶ
 βαρβάροις ἐγένετο, ἐν ᾧ οὔτε ἐπεμίγνυον ἔτι παρ'
 ἡμῶν [εἰ καὶ μυριάκις περὶ σπονδῶν ἐκηρύχθει],
 οὔτε ἀμαχητὶ πρὸς ἀλλήλους ἦμεν. Καὶ ὁ μὲν πό-
 λεμος εὐθὺς ἤρξατο, ὁ δὲ χειμῶν ἐγγὺς ἦν ἐμβα-
 λεῖν· ἔτι γὰρ οὐ πολὺ τῶν... ¹⁾ ὁ ἥλιος ἀπῆν.
 Ἄλλ' οἱ μὲν βάρβαροι, στρατῶ παρασκευασθέντες
 ἱκανῶ, ἐπέβαλον εἰς τὴν γῆν ἡμῶν, ἰπικῶ τε ἅμα
 καὶ πεζῶ, νομίσαντες ὡς ἅμα βοῆ παραλήψεσθαι
 ἡμᾶς, τῇ τε τοῦ τείχους ἀσθενείᾳ, τῇ τε ἡμῶν ὀρθώ-
 διᾳ. Καὶ οὐκ ἀπεικὸς ἦν αὐτοῖς ταῦτα οἶεσθαι,
 οὕτως ἐπὶ κατεσκαμμένη πόλει τὴν οἰκιστῶν ποιου-
 μένων ἡμῶν, καὶ ὡς ἀπὸ κόμης μᾶλλον ἢ πόλεως
 τὰς προσβολὰς ποιουμένων ²⁾. Ἡ γῆ γὰρ προκατέ-
 σκαπτο παρ' αὐτῶν τῶν βαρβάρων καὶ ἱκανῶς ἐξε-

Стр. 502.

ρήμωτο, ἐκ βάρθρων αὐτῶν καταβαλλόντων τὰ τεῖχη
 καὶ τότε ἀρχὴν ἐμοῦ πρῶτον πάλιν οἰκῆσαι ³⁾ τὰ
 Κλίματα διανοησαμένου. Τοιγάρτοι φρούριον μὲν
 το πρῶτον ἐκ τῶν ἐνότων ἐξοικοδομήσα παρ' αὐτὴν,
 ὡς ἐκ τούτου ῥαδίως καὶ τὴν ἄλλην ἔπλασαν πόλιν
 οἰκισθήσεσθαι...

¹⁾ Haec omnia inducta, reposita, iterum partim inducta.
 Ubi asteriscum notavi, in Cod. est χειρινῶν. Num χειμερι-
 νῶν, sc. τροπῶν.

²⁾ Hic subsequuntur illa, posterius inducta: Ἄλλ' ἐκεῖνοι
 μὲν πολλοὺς αὐτῶν ἀποβαλλόντες [sic] καὶ καταισχυθέν-
 τες ἀπήσαν πρὸς ἐσπέραν, φυλάξαντες [sic] τὸ περίορθρον.
 Πρὸς μὲν γὰρ τὸ πεζὸν τοξότας καὶ αὐτὸς ἀντεταξάμην,
 πρὸς δὲ τὸ ἰπικὸν ἰπικόν, διχῆ τὸν στρατὸν παρατά-
 ξαντες.

³⁾ F. scribere voluit οἰκίσαι, instaurare.

била всёхъ и ужь обошла (кругомъ) моихъ не-
 счастныхъ сосѣдей. Я заранѣе ожидалъ этого
 прежде, и уже принималъ всякія мѣры предосто-
 рожности, чтобъ она не захватила насъ въ рас-
 плохъ, или чтобы внезапнымъ тайнымъ появленіемъ
 не нанесла намъ гибели. Когда-жъ опасность на
 яву пришла къ намъ, и когда всё ясно сознали,
 что дѣло идетъ теперь о нашей жизни, то я
 тогдашнюю язву отвратилъ наиболѣе мудрымъ
 способомъ, какъ только умѣлъ, хотя при этомъ
 я самъ едва не подвергся послѣдней опасности
 (едва не рисковалъ своею жизнію). А что касается
 времени, затѣмъ послѣдовавшаго, то у насъ съ
 варварами безъ всякаго (предварительнаго) объ-
 явленія началась война, при чемъ они уже не
 вступали съ нами въ сношенія, хотя я тысячи
 разъ посылалъ къ нимъ предложенія о перемирія,
 и уже между нами дѣло не обходилось безъ ору-
 жія. И вотъ, война тотчасъ началась, и наступле-
 ніе зимы было близко, ибо солнце находилось не-
 далеко отъ зимняго поворота. Между тѣмъ вар-
 вары, собравшись большими силами, вторгнулись
 въ нашу землю съ коннымъ и пѣшимъ войскомъ,
 думая захватить насъ при первомъ нападеніи и
 разчитывая на слабость нашей страны и на нашу
 оробѣлость. Ихъ предположенія были довольно
 основательны, такъ какъ мы имѣли мѣстопробы-
 ваніе въ городѣ совершенно разрушенномъ и дѣ-
 лали вылазки скорѣе изъ (открытаго) селенія,
 чѣмъ изъ настоящаго города [Но потерявъ мно-
 гихъ изъ своихъ и подвергшись посярмленію, къ
 вечеру они ушли, побоявшись (поопасшись) утра.
 Ибо противъ пѣхоты и я самъ противопоставилъ
 стрѣлковъ изъ лука, а противъ конницы — кон-
 ницу, раздѣливъ войско на двѣ части]. Потому
 что эта земля ранѣе того была уже разорена са-
 мими варварами и превращена въ совершенную
 пустыню, при чемъ они разрушали до основанія
 и стѣны; и только тогда я первый пришелъ къ
 мысли снова поселиться въ Климатахъ. Итакъ,
 изъ находящихся на-лицо матеріаловъ я выстроилъ
 подлѣ него сперва одну крѣпостцу, имѣя въ виду,
 что отсюда легко будетъ населить (занять) и весь
 остальной городъ.

Третій отрывокъ.

Стр. 503.

...Καὶ τὸ μὲν ἀνοικοδόμητο τάχει πολλῶ, καὶ περιέφρακτο τάφρῳ· καὶ ἅμα τούτων ¹⁾ καὶ ὁ πόλεμος ἤρξατο. Μεμέριστο δὲ τὸ φρούριον κατὰ συγγενείας, καὶ κατέθεντο ἐν αὐτῷ τὰ σπουδαιότερα. ὅσα δὲ περιττὰ, ἔξω πον κατὰ τὸν ἄλλον τῆς πόλεως περίβολον ἔκειτο. Ὁικεῖτο γὰρ ἤδη καὶ ἡ πόλις ἅπασα· τὸ δὲ φρούριον ὡς ἐν μεγάλῳ κινδύνῳ σώσειν ἡμᾶς ἐξητοιμάστο ²⁾. Ἄλλ' οἱ μὲν βάρβαροι τότε πολλοὺς αὐτῶν ἀποβαλόντες ³⁾ καὶ κατασχυνθηθέντες ⁴⁾ ἀπήεσαν πρὸς νύκτα, φυλάξαντες τὸ περίορθρον· ἐγὼ δὲ ἅμα ἔφ τὸν στρατὸν ἀντεξῆγον πολεμησειῶν. Ἦσαν δὲ μοι τότε ἰσπεῖς μὲν ὀλίγῳ πλείους ἑκατὸν, σφενδοῦνται δὲ καὶ τοξόται ὑπὲρ τ'. Οὐδαμοῦ δὲ τῶν βαρβάρων ὄντων, τὰ τῷ καιρῷ μοι σύμφορα ἐξηρτύετο, τεῖχος μὲν τὸ παλαιὸν ἀνεγείρων ⁵⁾, καὶ διδάσκων τοὺς ἐμοὺς εὖ παρεσκευάσθαι πρὸς τὰ πολέμια. Πρὸς δὲ τοὺς ἡμῶν προσέχοντας δρόμῳ κήρυκας ἔπεμπον, καὶ μετεκαλούμην αὐτοὺς, σκεφόμενος περὶ τῶν ὄλων ⁶⁾. Ἀφιγμένων δὲ ἀπανταχόθεν, καὶ ἐκκλησίας ἐκ τῶν ἀρίστων γενομένης, ἃ μὲν εἶπον ἐγὼ τότε, καὶ ὡς οἶων δεσποτῶν μᾶλλον ἀντιποιεῖσθαι προσήκει, καὶ πρὸς οἶους ἐλθόντας τίνα ὠφέλειαν πειρᾶσθαι ἀπ' αὐτῶν εὐρίσκειν, καὶ τί ποιητέον ἐστὶ, καὶ τὰλλα πάντα, ὅσα τότε εἶπον ἐγὼ, ἃ καὶ παντὸς μᾶλλον τιμησαίμην, μακρὸν ἂν εἶη πάντα ἐφεξῆς λέγειν βούλεσθαι. Οἱ δὲ, εἴτε ὡς μηδέποτε βασιλικῆς εὐνοίας ἀπολελανκότες, μῆδ' Ἑλληνικωτέρων τρόπων ἐπιμελούμενοι, αὐτονόμων δὲ μάλιστα ἔργων ἀντιποιοῦμενοι, εἴτε ὁμοιοὶ ὄντες πρὸς τὸν κατὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ βασιλεύοντα, μετὰ τοῦ στρατῷ ἰσχύειν πολλῶ καὶ δυνάμει μάχης εἰπαίρεσθαι, ἤθεσί τε τοῖς ἐκεῖ τὰ παρὰ σφῶν αὐτῶν οὐκ ἀποδιαφέροντες, ἐκείνων καὶ σπεισασθαι καὶ παραδώσειν σφᾶς ξυνέθεντο,

Стр. 504.

καὶ μὲ τὰ τοιαῦτα πράξειν κοινῇ πάντες ἐπεψηφίσαντο. Καὶ ἀπήειν, ἵνα τὰ ἡμέτερα σωθῶσι, καὶ

1) Subest verbum adeo inductum, ut legi nequeat.

2) Sequitur hic ἐτηρεῖτο, quod oblitus est inducere scriptor

3) ἀποβαλόντες Cod.

4) Sic Cod. Vid. supra p. 501 [huius ed.] not.

5) Sic Cod.

6) Hic primo leguntur illa: Λείσας δὲ, μὴ ἐσαῖθις τελείωνι δυνάμει ἀφι sed haec inducta sunt. Deinceps illa item inducta, καὶ στρατῷ μεγάλῳ ἀφιζοῖντο. Γενομένης δὲ ἐκκλησίας, ἃ μὲν εἶπον ἐγὼ τότε. Inde haec non inducta Ἀφιγμένων δὲ κ. τ. λ. quae in textum recepi.

И она (крѣпость) была выстроена съ большою поспѣшностію и ограждена была рвомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ... началась война. Крѣпость была раздѣлена между отдѣльными семьями, и въ ней было положено на сохраненіе все наиболѣе цѣнное; а то, что затѣмъ оставалось, было помѣщено внѣ ея, въ другой оградѣ города. Ибо ужь и весь городъ сталъ населяться; а крѣпость приготовлена была для того, чтобы спасти насъ въ большой опасности [сохранялось]. Но варвары, потерявъ тогда многихъ и подвергшись посрамленію, къ ночи ушли, поопаснись утра; а я вмѣстѣ съ зарею вывелъ войска съ намѣреніемъ вступить въ бой. У меня было тогда немногимъ болѣе ста всадниковъ, а пращниковъ и лучниковъ не болѣе трехъ сотъ. Не видя нигдѣ варваровъ, я занялся тѣмъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было полезно, воздвигая старую стѣну и научая своихъ лучше приготовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я разослалъ гонцовъ къ тѣмъ, которые держались насъ, приглашая ихъ къ себѣ (и при этомъ) имѣя въ виду принять окончательное рѣшеніе [Но боясь, чтобы опять съ большею силою не при... И съ большимъ войскомъ не пришли, когда же составилось вѣче, о томъ, что я тогда сказалъ]... Когда они пришли со всѣхъ сторонъ, и составилось вѣче изъ лучшихъ людей, то я держалъ рѣчь, въ которой объяснялъ, какихъ господъ (властителей) болѣе нужно желать, и какихъ получивъ, какую пользу нужно стараться извлекать изъ нихъ и вообще что теперь слѣдуетъ дѣлать: о чемъ я говорилъ тогда и все то, что я сказалъ, было бы слишкомъ длинно излагать здѣсь по порядку, если бы даже я и цѣнилъ это (свою рѣчь) болѣе всего.

Но или потому, что они никогда будто бы не воспользовались благорасположеніемъ императорскимъ и не заботятся о болѣе еллинскихъ обычаяхъ, а прежде всего стремятся къ независимости, или потому что они сосѣдять съ тѣмъ, кто царствуетъ на сѣверѣ Дуная, и вмѣстѣ съ тѣмъ, могучъ большимъ войскомъ и надмевается силою въ бояхъ и, (потому наконецъ, что) не отличаются по обычаямъ отъ тамошнихъ (жителей) въ своемъ собственномъ быту (—такъ или иначе, но) они рѣшили заключить съ нимъ миръ и передаться ему, и сообща всѣ подали голосъ, что и я долженъ

ἐνέτυχον αὐτῷ ὡς εὔξαιτ' ἂν μάλιστα τις. Καί, ὡς
δυνατὸν ἐν βραχεῖ λόγῳ πᾶν συμπεράνας αὐτῷ, ἐκεῖ-
Β ρος μὲν παντὸς μᾶλλον ¹⁾ μείζον τὸ πρᾶγμα ἐλο-
γίσατο, ἐμοὶ δὲ τὴν τῶν κλημάτων ἀρχὴν αὐθις ἀσμέ-
τως πᾶσαν ἔδοτο, καὶ προσέθηκε καὶ σατραπείαν
ὄλην, ἐν τε γὰρ τῇ αὐτοῦ προσόδου ἐπετείου ἰκα-
τάς ἐδώρησατο.

¹⁾ Sic Cod.

сдѣлать то же самое. И такъ, дабы наши владѣнія
остались сохранными, я отправился къ нему и былъ
принять имъ наилучшимъ образомъ, какъ только
всякій могъ для себя пожелать. По возможности
въ краткой бесѣдѣ я порѣшилъ съ нимъ обо
всемъ; и онъ счелъ это дѣло болѣе всего важ-
нымъ, охотно далъ мнѣ опять всю власть надъ
Климатами и присоединилъ къ этому цѣлую сатра-
пію, а сверхъ того, подарилъ въ своей землѣ
достаточные ежегодные доходы

ПОДРОБНОСТИ СМЕРТИ
УЗБЕЦКАГО ХАНА МУХАММЕДА ШЕЙБАНИ.

Н. Веселовскаго.

Поразительный и грандіозный по послѣдствіямъ фактъ порабощенія осѣдлыхъ народовъ кочевниками всего лучше выясняется въ Азіи, гдѣ кочевая жизнь имѣла широкое распространеніе, и гдѣ столкновенія двухъ культуръ, осѣдлой и кочевой, были особенно часты. Поразительность явленія заключается въ томъ, что осѣдлые при значительномъ преимуществѣ передъ кочевниками въ численности—послѣдніе никогда не были очень многочисленны—и въ вооруженіи, при хорошихъ средствахъ къ оборонѣ въ видѣ укрѣпленныхъ городовъ, никогда не могли устоять передъ натискомъ кочевыхъ народовъ. Послѣдствія такого натиска для развитія осѣдлой культуры всегда были крайне печальны. Зло уменьшалось или увеличивалось, смотря по тому, какъ господствовали тѣ или другіе кочевники: издали, довольствуясь лишь данью съ побѣжденныхъ, или прямо въ самой порабощенной странѣ, взявъ управленіе ею въ свои руки и начавъ хозяйничать въ ней по своему. Въ первомъ случаѣ и избавиться отъ ига для осѣдлаго населенія было гораздо легче, чѣмъ во второмъ.

Такъ шло дѣло съ незапамятныхъ временъ и прекратилось сравнительно недавно. Повтореніе стараго явленія сдѣлалось теперь невозможнымъ, и не потому, что осѣдлые стали лучше, а кочевники въ какомъ либо отношеніи хуже, чѣмъ прежде, а въ силу значительныхъ успѣховъ культуры осѣдлыхъ и техническихъ усовершенствованій у нихъ въ военномъ дѣлѣ, тогда какъ кочевая жизнь почти вовсе не развивается, будучи ограничена такими условіями, измѣненіе которыхъ не находится во власти человѣка. Къ тому же многіе кочевники обратились къ осѣдлой жизни, вслѣдствіе чего лагерь ихъ значительно сократился.

Туркестанскій край постоянно представлялъ арену для столкновеній кочевниковъ съ осѣдлыми. Послѣдній натискъ тамъ произвели узбеки подъ предводительствомъ хана Мухаммеда Шейбани, который извѣстенъ еще подъ именами: Шахъ бахтъ, Шейбекъ, Шагибекъ¹⁾. Натискъ послѣдній, но за то самый губительный, такъ какъ узбеки поселились въ странѣ осѣдлой и остались въ ней навсегда. Дѣятельность хана Шейбани пресѣклась на 61-мъ году его жизни, по мусульманскому счету, по нашему же—на 59-мъ. Для среднеазиатскихъ завоевателей это возрастъ наибольшей предприимчивости и успѣха. Чингизъ ханъ предпринялъ походъ на западъ, давшій ему всемірную славу, въ такихъ же лѣтахъ. Тамерланъ наиболѣе громкіе подвиги совершилъ

¹⁾ О чтеніи этихъ именъ см. у Шармуа: Chèref-Nâmech, trad. du persan et commentés par François Bernard Charmoy. St. Pétersb., 1875. Т. II, seconde partie, p. 517—519.

въ концѣ своей жизни, Баязета же разбилъ въ исходѣ седьмага десятка. А умерли оба эти завоевателя на походѣ, объ отдыхѣ, стало быть, и не думали. Все это понятно. Обширныя имперіи кочевниковъ и полукочевниковъ создаются не вдругъ; у лицъ, приложившихъ свой геній и неутомимую энергію на дальнѣйшее расширеніе добытыхъ владѣній, съ годами растутъ и опытность въ военномъ дѣлѣ, и увѣренность въ своихъ силахъ, а равно увеличивается и смѣлость. Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянная практика закаляетъ и воинствъ, дѣлая ихъ непобѣдимыми.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончили Шейбани, если-бъ не оплошалъ подь Мервомъ. Шахъ Исмаиль Сефеві перехитрилъ своего врага и уничтожилъ его. Это обстоятельство остановило дальнѣйшее движеніе Узбековъ, которымъ пришлось удалиться за Аму-Дарью, а ничтожные преемники хана Шейбани не могли продолжать дѣло имъ начатое. Самъ же Шейбани, какъ увидимъ, имѣлъ очень честолюбивые замыслы: онъ хотѣлъ подчинить себѣ Персію, и конечно, въ случаѣ успѣха, на этомъ не остановился бы, какъ никто изъ его предшественниковъ—завоевателей не останавливался добровольно въ дѣлѣ захватовъ; напротивъ, успѣхъ только разжигалъ ихъ аппетиты.

Объ обстоятельствахъ смерти хана Мухаммеда Шейбани имѣются интересныя подробности, характерныя для Средней Азіи.

Поводомъ къ столкновенію послужило письмо, отправленное Шейбани ханомъ къ шаху Исмаилу. На письмо ссылаются Сейидъ Ракимъ и Шерефъ-эд-Динъ, авторъ Шерефъ-намэ²⁾, а въ *Тарихи мунтазили Насири* (т. II, стр. 91—92) приводится оно почти цѣликомъ, небольшія измѣненія сдѣланы лишь приличія ради³⁾. Авторъ названнаго сочиненія, Мухаммедъ Хасанъ, скончавшійся въ 1896 г.⁴⁾, по этому поводу замѣчаетъ: «Разница, которую имѣетъ это письмо отъ подлинника, заключается въ томъ, что опущены нѣкоторые титулы и глупыя слова». Полагать надо, что исключенію подверглась восточная ругань, обыкновенно не знающая удержу и неприличная даже для азіатца. Намъ не извѣстно, гдѣ находится подлинное письмо и откуда добытъ его авторъ *Тарихи мунтазили Насири*. Содержаніе письма таково:

«Исмаиль — кварталный, получившій почетъ отличія въ безграничныхъ милостяхъ султанскихъ, да вѣдаетъ: распоряженіе дѣлами царстводержанія, покореніе странъ, умноженіе щедротъ и исторженіе враговъ съ предвѣчныхъ временъ предвѣчный Благодатеподатель соизволилъ укрѣпить въ горсти могущества и въ пальцахъ произвола дѣда нашего великаго, блаженнаго, мученика — да сдѣлаетъ Господь прахъ его благоухающимъ и да поставитъ обителью ему рай! — и тронъ правосудія и милости въ высокомъ и благосклонномъ чертогѣ міроприбѣжища получить стойкость въ землѣ нашей расправы, и чеканъ львиной отваги на монетномъ дворѣ мужества и побѣдности опоясанъ (отмѣченъ) нашимъ августѣйшимъ титуломъ; и гласъ къ имамству и зовъ къ халифству отъ вѣстника Сокровеннаго до насъ дошелъ; и (все это) доказательно становится вѣдомымъ изъ рѣченія особы пророка — да благословитъ Богъ его и родъ его! — который изволилъ сказать «сынъ есть лучшая часть своего отца»; и установлено: что остается отъ отца, переходитъ къ сыну и составляетъ право и достояніе дѣтей. Затѣмъ, по умтвенной повѣркѣ выходитъ (слѣдующее): когда наступаетъ мрачная ночь и на небѣ появляются звѣзды, (всѣ онѣ), въ особенности же Каноусъ изъ того мѣста, изъ какого онъ восходитъ, поднимается надъ вершиною горы приблизительно на одно копые, и, цвѣтъ свой показавъ желтымъ, дрожитъ какой нибудь часъ: отъ страха предъ восходомъ солнца, когда начинается заря, заходитъ въ томъ мѣстѣ, откуда вышелъ: — такъ точно появленіе наше со стороны востока и выходъ твой съ предѣла запада можно сравнить съ восходомъ Каноуса и солнца. Далѣе: паломничество въ славную

²⁾ Chèref-Námeh, T. II, première partie, p. 522.

³⁾ За сообщеніе письма мы обязаны нашему коллегѣ, В. А. Жуковскому, который сдѣлалъ намъ и всѣ прилагаемыя здѣсь переводы съ персидскаго (за исключеніемъ лишь переводовъ изъ Шерефъ-намэ).

⁴⁾ См. о немъ Зап. Вост. Отд. Импер. Русск. Археол. Общ., т. X, стр. 187—191.

Мекку—да умножить Богъ честь ея и величіе!—есть столпъ изъ столповъ ислама и обязательное для всѣхъ мусульманъ постановленіе: надлежитъ, чтобы всѣ дороги, ведущія въ славную Каабу были сдѣланы и устроены, потому что побѣдоносныя войска выразили желаніе опочтиться паломничествомъ. Пусть внесетъ подорожные поборы и подарки «летуновъ» (коней) и «чеканъ» на монетномъ дворѣ пусть опояшетъ нашимъ августѣйшимъ титуломъ, и въ мечетяхъ каждую пятницу въ проповѣдяхъ пусть будутъ читаемы наши титулы мірозавоеванія, и самъ онъ пусть явится къ нашему превысокому трону. Если же онъ уклонится отъ нашего августѣйшаго повелѣнія и ему не покорится, сына знатнаго, счастливаго, владыки султанства и міродержавія, бойца побѣды могущества, Имадэддина Убейдуллахъ Бегадуръ хана—да сохранить его всевышній Богъ!—со сборищемъ эмировъ и солдатъ предѣловъ Бухары, Самарканда, Хезаръ, Никудери, Гура и Гарджистана на него я пошлю, дабы они побѣдили его силою и расправою. А если онъ побѣжденъ не будетъ, другаго сына достойнаго, охранителя градовъ безопасности и мира, исторжителя невѣрія и мятежа, Абульфавариса Тимуръ Бегадуръ хана—да продлить Богъ жизнь его!—со сборищемъ эмировъ и солдатъ предѣловъ Кундуза, Баклана, Хисара, Бадахшана и другихъ странъ Туркестана направимъ въ ту страну, чтобы они эту землю одолѣли. Если—сохрани Боже!—онъ вторично выкажетъ затрудненіе, мы изволимъ направить побѣдоносное и счастьеслѣдное знамя, т. е. льва лѣсовъ войны перваго сына Абу Насръ Кемалэддина Сунджукъ Бегадуръ хана—да продлить Богъ его жизнь!—съ обществомъ эмировъ и приближенныхъ и сына, жемчужину короны, храбреца своего времени, крокодила Джейхуна «мужества на ристалищѣ», Хамзе Бегадуръ хана на правомъ крылѣ и сына—поддержку царства во вселенной и Техемтена (Рустема) по заслугамъ Селимъ эд-Дина Мехди Бегадуръ хана на лѣвомъ крылѣ въ соединеніи съ эмирами и храбрецами и войсками вѣры и счастья изъ Андиджана, Ташкенда, Шехрисабза, Ургенджа, Харезма, Джейхуна, Сейхуна, Кашгара и предѣловъ Кипчака, Калмака и другихъ: определено будетъ, чтобы они оказали мастерство и каждый въ отдѣльности отчаянно бились⁵⁾, и вельможи государства, чтобы держали ногу важности на почвѣ пыла. Можетъ быть, что съ помощію Всевышняго Бога появится на встрѣчу побѣда изъ сокровищницы (рѣченія): «и надѣлать тебя Господь побѣдою велиею».

«Въ какомъ мѣстѣ будетъ стояніе и сопротивленіе? Прощай».

صورت نامه شیک خان اوزبک بشاه اسمعیل

اسمعیل داروغه بعنایت بلا نہایت سلطانی شرف اختصاص یافته بدانند کہ تدبیر امور مملکت داری و تسخیر بلاد و تکثیر فیض و قمع اعادی را از عهد ازل فتیاض لم یزل بقبضه اقتدار و انامل اختیار جد بزرگوار سعید شهید ما طاب اللہ ثراه و جعل الجتہ مٹواہ تقویت فرمود و سریر عدالت و مرحمت دربارکاه رفعت و عطوفت پناه جهان پناہی بخطہ سیاست ما قیام یافته و سکہ شیرمردی در ضرابخانہ دلیری و فیروزی بالقاب ہمایون ما موشح کشته و صدای امامت و ندای خلافت از ہاتف غیب بما رسید پس بدلیل معلوم میشود از قول حضرت رسول صلی اللہ علیہ وآلہ کہ فرمود الولد سر ابیہ مقر است کہ آنچه از پد رماند بپسر میرسد و مستحق و سزاوار اولاد است و دیگری از روی اصلاح عقلی آنکہ شب ظلمانی کہ پیدا شد و ستارگان در آسمان پدید آمدند بتخصیص سہیل از محلّی کہ طلوع نمود و دیکرہ تقریباً از سرکوه برآید و رنگ خود را زرد نمود ساعتی بلرزد از ہیبت طلوع نمودن آفتاب چون صبح صادق دمیدن کرد بہمان محلّ کہ برآمد فرورود ہمچنین ظہور ما از جانب مشرق و طلوع او از حدّ مغرب (یعنی طلوع شاه اسمعیل از مغرب) قیاس است بطلوع سہیل و آفتاب دیکر آنکہ زیارت کعبہ معظمہ زادہا اللہ شرفاً و تعظیماً رکنی از ارکان اسلام است و فرض بر ہمہ مسلمانان باید کہ تمامی راہهای متعلقہ بکعبہ معظمہ ساخته و پرداختہ آید کہ عسکر نصرت مائر داعیہ نمودہ اند کہ زیارت مشرف شوند سیورسات و پیشکش طیار نماید و سکہ بالقاب ہمایون ما در ضرابخانہ موشح سازد و در مساجد ہر جمعہ القاب جہانگیری ما در خطبہ خواند شود و خود متوجہ سریر اعلیٰ کردد و الا کفر از حکم ہمایون انحراف و تمرد نماید فرزند ارجمند سعادت مند دارای سلطنت و جہاننداری مبارز ظفر اقتداری عماد الدین عبید اللہ بہادر خان ابقاہ اللہ تعالیٰ را با جمعی امرا و لشکریان سرحدّ بخارا و سمرقند و ہزارہ و نکودری و غور و غرچستان بسر او خواہم فرستاد تا او را بقہر و سیاست مقہور سازند و چنانچہ مستخر نشود دیکر فرزند خلف حافظ بلاد امن و امان قانع کفر

⁵⁾ За точность перевода этой фразы нельзя поручиться.

وطغیان ابو الفوارس تیمور بهادر خان اطال الله عمره را با جمع از امر و لشکریان سرحد قندز و بقلان و حصار و بدخشان و سایر نواحی ترکستان متوجه آن ولایت سازیم تا بر آنساحت غلبه کند اگر نمود بالله دیگر بار متعذر شود رایت نصرت شعار فرصت آثار را متوجه خواهیم فرمود یعنی هژبر بیشه هیجا اول فرزند ابو النصر کمال الدین سونجک بهادر خان اطال الله تعالی عمره را با اجتماع امر و مقربان تعیین فرمایم و فرزند ذرة التاج شجاع الدوران تمساح جیحون الصلابة فی الميدان حمزه بهادر خان در برانغار و فرزند عمدة الملک فی الافاق و تمین بالاستحقاق سلیم الدین مهدی بهادر خان در جوانغار با اجتماع امر و دلاوران و عسکر دین و اقبال که از اندجان و تاشکند و شهرسبزو ارکنج و خوارزم و جیحون و سیحون و کاشغر و نواحی قیجاق و قلماق و غیرها مقرر میشود که استادکی کند و با مخالفان حربا حربا نمایند و اعیان دولت که در آن معرکه حاضر باشند پای و قار در زمین تهوّر نگاهدارند باشد که بتوفیق الله تعالی از خزانه و ینصرك الله نصراً عزیزاً نصرت استقبال نماید که در چه محلّ مقام و مقاومت خواهد بود و السلام (فرقی که این نامه با نسخه اصل دارد اینست که بعضی القاب و کلمات سخیفه از آن حذف شده).

И такъ, ханъ Шейбани требовалъ полного подчиненія ему Персіи и полной покорности со стороны шаха. Требованіе это, дерзкое и подкрѣвленное угрозами, выражено вполне определенно и точно: на монетахъ персидскихъ должно чеканиться имя хана Шейбани, и оно же, а не шаха Исмаила, должно произноситься по пятницамъ на эктенияхъ. На Востокъ это первыя условія и основныя прерогативы верховной власти. Конечно, такія честолюбивыя планы осуществляютъ не письмами, а инымъ способомъ: оружіемъ. Въ отвѣтъ на такое требованіе шахъ Исмаиль выступилъ съ войскомъ въ Хорасанъ. Шейбани съ узбеками двинулся на встрѣчу, и оба войска сошлись подъ Мервомъ осенью 916 года гижры, т. е. 1510-го по Р. X.

Приводимъ рассказъ о битвѣ подъ Мервомъ изъ *Раузэт-эс-сэфа* (Тегеранское литографированное изданіе, часть VIII, стр. 12):

«..... Шахи бекъ ханъ, который считалъ себя «царемъ во царяхъ» Ирана и Турана, отъ страшныхъ ранъ, не достигши желанія, отдалъ душу подъ тѣлами убитыхъ прислѣнниковъ. Голову его отрубили и принесли ревностному государю. Каждый членъ изъ членовъ его послали правителямъ областей, которые добивались отъ него покровительства и охраны. Съ черепа содрали кожу, набили соломой и отправили въ подарокъ султану Баязиду, сыну султана Мухаммедъ Гази, государю страны Румской. По словамъ же нѣкоторыхъ черепъ его обдѣлали въ золото и пускали въ круговую на пирушкахъ товарищей—любителей вина: онъ былъ чашею на собраніяхъ питуховъ собственныхъ государя міроприбѣжища⁶⁾. «Вразумитесь прильоль его, о люди разумные!» Ага Рустемъ Рузэфзунъ, бывшій правителемъ Рустемдара и Мазандерана, говорилъ постоянно съ заносчивостью и похвалбою слугамъ хакана мірозавоевателя: «моя рука на подолѣ покровительства Шахи бекъ хана». Поэтому по приказу государя, у котораго шатеръ похожъ на небо, руку его отрѣзали; одинъ изъ слугъ отнесъ (ее) въ Мазандеранъ, бросилъ въ подолъ Ага Рустема и сказалъ: «Таковъ приказъ государя міроприбѣжища шахъ Исмаиль Бегадуръ хана: такъ какъ твоя рука не достигла до подола Шахи бекъ хана, вотъ мы доставили его руку въ твой подолъ». Упомянутый Ага Рустемъ увидѣлъ и услышалъ эту угрозу, желчь его превратилась въ воду (разлилась), и черезъ нѣсколько дней отъ этой мысли и страха отдалъ душу⁷⁾.

⁶⁾ Продолжатель «Раузэт-эс-сэфа» Риза-Кули ханъ излагаетъ исторію пораженія Шейбани хана, какъ можно догадываться при сравненіи, на основаніи Исторіи Сефевидовъ соч. Мухаммеда Тахира Вахида (محمد طاهر وحید). (См. рукопись Азіатскаго Музея И. Академіи Наукъ, № 574*, листъ 10*). Въ послѣдней сообщается слѣдующая подробность: Въ числѣ взятыхъ въ плѣнъ узбековъ былъ везиръ Мухаммедъ Шейбани хана, Ходжа Кемалэддинъ Махмудъ-Сагирчи. Однажды шахъ Исмаиль, показывая ему кубокъ изъ черепа Шейбани, сказалъ: «Узнаешь эту голову? Это голова твоего государя!»—«Славенъ Богъ!»—отвѣтилъ Ходжа—«какой онъ былъ счастливецъ, что счастье до сихъ поръ въ немъ живетъ: ты, могущественный властелинъ, берешь его въ руки и изъ него постоянно вкушаешь вино!» Эти слова такъ понравились шаху Исмаилу, что онъ обладалъ плѣнника и вручалъ ему управленіе Хорасаномъ.

⁷⁾ Въ спеціальной исторіи шаха Исмаила Сефевидскаго تاریخ شاه اسمعیل صفوی (рукопись И. Публичной Библиотеки № 301 по каталогу Дорна, листъ 199*) никакихъ свѣдѣній о расчлененіи трупа Шейбани не имѣется.

....شاهی بیك خان که خود را شاهنشاه ایران و توران همی شمرد از زخمهای منکر در زیر جسد چکران مقتول ناکام جان سپرد و سر اورا ببریدند و بحضور پادشاه غیور آوردند هر عضوی از اعضای اورا بولات ولایتی که از او تمناي حمایتی و رعایتی داشتند ارسال کردند و کاسه سر اورا پوست کند و بکاه آکند بسطان بایزید بن سلطان محمد غازی پادشاه مرزبوم روم هدیه فرستادند و بقول بعضی کاسه سر اورا بسکه زر گرفته در بزم حریفان میکسار همی کردانیدند جام محفل باه خواران خاص پادشاه کیتی مناص بود فاعتبروا منه یا اولی الابصار آقا رستم روزافزون که حکم رستمدر و مازندران بودی و همیشه با ملازمان خاقان کیتی ستان از روی مکابرت و مفاخرت کفتی که دست من بر دامن تولای شاهی بیك خان است لهذا بحکم پادشاه فلک خرگاه يك دست اورا بریده یکی از چکران بمازندران برده در دامن آقا رستم در افکند و کفت فرمان پادشاه کیتی پناه شاه اسمعیل بهادر خان این است که چون دست تو بدامان شاهی بیك خان نرسید اینک دست اورا بدامان تو رسانیدیم آقا رستم مذکور از دیدن و شنیدن این تهدید زهره اش آب شد و پس از چند روز از این واهمه و بیم جان تسلیم کرد.....

Въ *Тарихи мухтазили Насири* (Тегеранское литографированное издание, т. II, стран. 92) подъ 916 годомъ разсказывается:

Шахъ Исмаиль «двадцатаго шаабана появился въ виду Мерва. Семь уже дней длилась ожесточенная битва между войсками шаха Исмаила и Шейбекъ хана; 28-го шаабана шахъ Исмаиль распорядился отступить отъ Мерва къ деревнѣ Махмуди, отстоящей въ трехъ фарсахъ⁸⁾ отъ города. Шейбекъ ханъ, исполнившись отваги, съ отрядами послѣдовалъ по стопамъ шаха Исмаила, и битва между ними возгорѣлась. Войско шаха Исмаила нанесло узбекамъ позорное поражение. Во время бѣгства Шейбекъ ханъ попалъ въ четверостѣніе, откуда выбраться не нашель выхода. Тамъ Шейбекъ задохся подъ «руками и ногами» бѣжавшихъ Узбековъ. Когда солдаты шахъ Исмаила нашли его, отрѣзали ему голову, содрали съ тѣла его кожу, набили соломой и послали къ султану Баязидъ хану, султану Османскому. Кость же головы его обдѣляли въ золото и сдѣляли чашу, — въ ней шаху Исмаилу подавали «пѣмое».

و در بیستم شعبان بظاهر مرو نزول نمود و هفت روز جنگ سخت میان عسکر شاه اسمعیل و لشکر شیبک خان در کار بود روز بیست و هشتم شعبان شاه اسمعیل تدبیر کرد از دور شهر مرو بقریه محمودی که در سه فرسخی شهر است آمد شیبک خان دلیر شد باقشون خود از عقب شاه اسمعیل آمد و جنگ فیما بین در گرفت عسکر شاه اسمعیل اوزبکان را شکستی فاحش دادند در اتنای کریز شیبک خان بچهار دیواری رسید که راه بیرون شدن نداشت و در آنجا در زیر دست و پای اوزبکان فراری خفه شد چون سپاهیان شاه اسمعیل اورا یافتند سرش را بریدند و پوست بدن اورا کند پر از کاه کردند و نزد سلطان بایزید خان سلطان عثمانی فرستادند و استخوان کله اش را طلا گرفته قدحی ساختند در آن بشاه اسمعیل مشروب میدادند

Шерефъ эд-Динъ передаетъ паденіе хана Шейбани съ слѣдующими подробностями: Послѣ безуспѣшнаго дѣла подъ Мервомъ, «въ среду 28-го шаабана⁹⁾, послѣ полудня, знамена шаха отступили отъ Мерва, переправились черезъ рѣку Махмуди, которая находится въ 3 фарсахъ отъ города, и расположились лагеремъ. Четвергъ и ночь на пятницу здѣсь и остались. Съ надежнымъ оруженосцемъ (шахъ) отправилъ къ Шейбекъ хану письмо, наполненное многочисленными ругательствами. На утро онъ (шахъ) направился къ Талхатану и оставилъ эмиръ хана Мусуллу у выхода того моста съ приказаніемъ: какъ только покажется черная точка непріятельскаго войска, не учиняя съ нимъ битвы, отступать по направленію къ лагерю. Шейбекъ ханъ этимъ обстоятельствомъ и былъ введенъ въ обманъ. Съ 15,000 всадниковъ онъ устремился изъ крѣпости, приписывая бѣгство эмиръ-хана малочисленности его войска, и переправился черезъ рѣку Махмуди. Тогда знамена шаха вернулись назадъ и произошла ожесточенная битва, длившаяся съ утра до заката солнца. Когда положеніе Шейбекъ хана сдѣлалось стѣненнымъ, онъ съ 500 всадниками убѣжалъ въ развалины, откуда не могъ выбраться. Султанъ Теккелю и другіе кизылбанскіе эмиры произвели на нихъ нападеніе извнѣ. Вслѣдствіе ужаса, овладѣваго храбрыми узбеками, они падали другъ на друга и затоптали Шейбекъ хана, такъ что дыханіе его

⁸⁾ Верстахъ въ 18-ти.

⁹⁾ Въ текстѣ стоитъ: *بیست و هشتم*, но должно быть *بیست و ششم* 26-го числа.

прекратилось. Голову его отрѣзали и представили шаху. Тогда же кость головы его обдѣляли въ золото и опредѣлили для питья вина ароматнаго»¹⁰).

Печальный исходъ столкновения Узбековъ съ Персіанами такъ же объясняется и среднеазиатскими источниками, т. е. обычною на Востокъ засадою, устроенною шахомъ Исмаиломъ. Шейбани попался на эту простую уловку и проигралъ дѣло. Авторъ Шейбани намѣ (изд. И. Н. Березина, Казань, 1849) говоритъ: «... въ пятницу ханъ самъ вышелъ на битву, и весьма много битвъ и побойщъ было и заставили враговъ отступить съ мѣста стоянія. Послѣ того шахъ Исмаиль, сдѣлавъ хитрость, далъ тылъ и обратился въ бѣгство. Бывшее у хана устроенное войско отправилось въ погоню за непріателемъ; когда занялось взятіемъ имѣнія (грабежемъ), шахъ Исмаиль съ опытными людьми спрятался (въ засаду). Видя, что при ханѣ осталось нѣсколько плохихъ людей, пользуясь этимъ случаемъ, онъ напалъ на хана и произошла сильная битва. Поразивъ хана, онъ сдѣлалъ его шахидомъ» (стр. LXXVI).

Самый важный трофей побѣды надъ Узбеками получилъ шахъ Исмаиль—голову хана Шейбани. Такіе трофеи попадаются не часто, ими дорожатъ и хранятъ ихъ изъ чувства тщеславія, иногда обращаютъ въ чашу для питья. Обычай этотъ очень распространенный на Востокъ у разныхъ народовъ, преимущественно у кочевниковъ¹¹). Существовалъ онъ у Хунновъ во II в. до Р. Х. Подобный случай извѣстенъ изъ исторіи Жужанъ (въ началѣ IV в. по Р. Х.). Убийца хана Футу, Мивоту, былъ привязанъ къ лошади пущенной затѣмъ въ поле и такъ казненъ, а черепъ Мивоту, покрытый лакомъ, служилъ сыну прежняго хана, Чоу-ну, сосудомъ для питья. Это мы знаемъ изъ китайскихъ лѣтописей¹²). Еще ранѣе упоминаетъ о такомъ обычаѣ у Скивовъ Геродотъ¹³). И въ нашей русской исторіи есть подобный же примѣръ. Не чужды были этому обычаю и Сефевиды въ Персіи.

Пріятно торжествовать надъ врагомъ побѣду, пріятно вспоминать о его гибели; но едвали можно съ особеннымъ удовольствіемъ прямо пить что-либо изъ человѣческаго черепа. Чувство брезгливости въ этомъ случаѣ смягчалось тѣмъ, что такую чашу обдѣлывали въ золото, покрывали лакомъ или обшивали въ кожу. Шахъ Аббасъ Великій, въ присутствіи русскихъ людей, говорилъ послу бухарскаго хана Абдуллы: «станетъ де меня Богъ миловати и доживу до лѣта, и язъ... поѣду недруга своего бухарскаго царя Абдуллы головы доходити со всею своею землею: выдастъ Богъ меня бухарскому царю — земля моя будетъ его, а выдастъ Богъ мнѣ бухарскаго царя, и вся Бухарская земля готово будетъ моя; а голову бухарскаго царя окую золотомъ да стану ею шаранъ пити»¹⁴).

Такой чести удостоился и черепъ Шейбани хана по свидѣтельству персидскихъ историковъ, въ чемъ нѣтъ никакого повода сомнѣваться.

Посмотримъ, какъ эти извѣстія согласуются съ другими данными.

Изуродованный и лишенный головы трупъ Шейбани всетаки былъ отбитъ узбеками и похороненъ въ Самаркандѣ, столицѣ Шейбанидовъ въ то время, въ особой *дахмѣ*, устроенной при мечети, которая, кажется и была воздвигнута этимъ ханомъ. Дахма — первоначально, у огнепоклонниковъ, имѣла видъ башни, въ которыхъ выставлялись тѣла усопшихъ на съѣденіе птицамъ; дѣлалась она такой высоты, чтобы хищные звѣри, собаки, волки и другіе, не могли за-

¹⁰) Chèref-Námeh ou Histoire des Kourdes, t. II, St. Pétersb. 1862, текстъ, стр. 147—148; французскій переводъ — стр. 522—523. См. также стр. 518.

¹¹) Въ Китайско-русскомъ словарѣ арх. Паладія и г. Попова (т. I, стр. 108) терминъ *дань-гу* переведенъ такъ: «клятва древнихъ варваровъ (Дунь-ху), при которой они пили вино изъ человѣческаго черепа».

¹²) О. Іакинъ, Собраніе свидѣній о народахъ Средней Азии, С.-Пб. 1851, ч. I, стр. 78.

¹³) Книга IV, гл. 65.

¹⁴) Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей (Труды Вост. Отд. И. Р. Археол. Общ. т. XX, стр. 441).

браться туда. Дахма удержалась въ Средней Азіи и въ мусульманскій періодъ, измѣнивъ свой видъ и назначеніе. Теперь это четырехъ-угольная, въ нѣсколько сажень, земляная терраса, отвѣсныя стѣнки которой облицованы мраморными плитами, высота ея аршина 2; покойники не выставляются на открытый воздухъ, а погребаются въ этой террасѣ по мусульманскому обычаю. На сколько мнѣ извѣстно, дахмы устроиваются обыкновенно для чтимыхъ мусульманами святыхъ: такъ погребенъ Ходжа Ахраръ близъ Самарканда, Махдуми Аазамъ въ Дагбидѣ; ханы же такъ не погребались,—и въ этомъ случаѣ Шейбаниды представляютъ исключеніе, не потому ли, что Шейбани палъ смертью мученика.

Въ началѣ 80-хъ годовъ, для облегченія движенія въ базарной части города Самарканда, предположено было расширить въ сѣверной части города улицу, ведущую со стороны ташкентскаго тракта на базаръ. Дахма захватывала часть улицы и портила все дѣло; необходимо было свести это сооруженіе или подвинуть въ сторону. Вопросъ крайне щекотливый, такъ какъ затрогивалъ религіозную сторону мусульманъ, а потому высшая администрація не рѣшалась употребить въ этомъ случаѣ свою власть. Но бывшій тогда уѣзднымъ начальникомъ Г. А. Арандаренко, пользовавшійся огромнымъ авторитетомъ у туземнаго населенія за справедливость и заботу о нуждахъ его, взялъ дѣло на свою отвѣтственность. Онъ пригласилъ на совѣщаніе вліятельныхъ туземцевъ и предложилъ имъ на обсужденіе вопросъ о перенесеніи дахмы для общественной пользы, и тѣ высказали полное сочувствіе предпріятію, которое въ такомъ видѣ явилось, какъ бы желаніемъ самихъ жителей мусульманъ.

Когда построили тутъ же новую дахму и стали въ нее переносить изъ прежней послѣдовательно всѣ скелеты вмѣстѣ съ надгробными памятниками, то скелетъ Шейбани хана оказался не полнымъ: не доставало черепа. Относительно руки сказать ничего не могу, такъ какъ самъ не былъ очевидцемъ перенесенія, а слышалъ только объ отсутствіи черепа хана въ Самаркандѣ отъ самого г. Арандаренко.

Такимъ образомъ, свидѣтельство персидскихъ историковъ подтвердилось археологическими данными, и фактъ отсѣченія головы у хана Шейбани является уже вполне несомнѣннымъ. Настоящій случай свидѣтельствуешь, какъ исторія нуждается въ содѣйствіи археологіи. Но не менѣе того нуждается и археологія въ помощи исторіи. Допустимъ, что никакихъ извѣстій о смерти хана Шейбани не сохранилось, въ какомъ бы затрудненіи очутился археологъ, если бы ему пришлось вскрыть могилу этого хана? Онъ сталъ бы высказывать свои догадки, быть можетъ даже близкія къ дѣйствительности; но цѣна имъ не превышала бы цѣны обычныхъ личныхъ предположеній. Теперь же дѣло совершенно ясно и объясняется очень просто.

Благодаря любезному содѣйствію г. начальника Самаркандской области графа Н. Я. Ростовцева намъ удалось получить снимокъ съ надгробнаго камня хана Шейбани. Надпись въ ногахъ снята механическимъ способомъ на бумагу, а въ головахъ воспроизведена приѣмомъ В. В. Радлова.

Надпись въ ногахъ заключаетъ 8 строчекъ, содержаніе ея слѣдующее:

¹⁵⁾ الشهادة العظمى و السعادة الكبرى التي صاحبها عند [سد] [ر] [ة] المنتهى	1.
يوم الجمعة في السابع والعشرين من شهر شعبان المعظم المنتظم في سنة ست عشر وتسعمائة	2.
من الهجرة النبوية المصطفوية و من مات في يوم الجمعة يرجى له فضل سيم إذا استشهد فيه ولعا آه	3.
لنا جاء من مرو شاهجان بمقام المحمود بالمقاتلة و استشهد فيه مع قومه و عسكره نادى	4.

¹⁵⁾ Начало надписи отбито. Въ концѣ этой строки предпоследнее слово также попорчено, ясно видна одна буква (سدرة).

5. الملائكة له ولهم بالمقاتلة جئت ٩١٦ ربك مقاما محموداً فصار هذه العبارة تاريخاً للشهادة ولما
6. شهدوا يوم الجمعة هو وقومه في الغزوة صار شهدوا ٩١٦ يوم الجمعة أيضاً تاريخ الشهادة وحروف
7. استشهد قوم تصير أيضاً تاريخاً لشهادته وشهادتهم ونقل تابوته الى سمرقند ودفن في هذا المشهد
8. اللهم تور بمصايح المغفرة تربته واعط في مدارج الجنة منزلته برحمتك يا ارحم الراحمين

Переводъ.

..... Высочайшая мученическая кончина и величайшее блаженство, — каковыя вкусившій (находится) у лотуса предѣла — (была) въ день пятницу двадцать седьмого (числа) мѣсяца шаабана славнаго, установленнаго въ годъ 916-й отъ бѣгства пророка избранника. И кто умеръ въ день пятницу, тотъ можетъ уповать на щедроту, въ особенности если онъ въ тотъ день былъ убитъ за вѣру въ страстной любви (къ Богу). Когда онъ пришелъ изъ Мерва Шахиджана въ Мекам-ал-Махмудъ¹⁶⁾ на бой и мученически погибъ въ немъ съ народомъ своимъ и войскомъ своимъ, зывали ангелы къ нему и къ нимъ: «въ боѣ встрѣтилъ ты Господа твоего достохвальнымъ образомъ»¹⁷⁾, и стало это выраженіе хронограммою кончины. И послѣ того, какъ онъ и народъ его увидѣли день пятницу въ походѣ, стало (выраженіе): «увидѣли они день пятницу»¹⁸⁾ также хронограммою кончины, и слова (выраженія): «народъ былъ убитъ за вѣру»¹⁹⁾ стали также хронограммой его кончины и ихъ кончины. И были перенесены останки его въ Самаркандъ и погребены въ этой могилѣ. О, Боже! озари гробницу его свѣточами прощенія и даруй²⁰⁾ ему мѣсто на лѣстницахъ райскихъ милостію твоею, о наимилостивый изъ милующихъ!

Надпись въ головахъ.

هذا مرقد من اعزه الله تعالى في الدنيا بعزة الخلافة والسعادة ومشهد من كرمه الله تعالى في العقبى بكرامة الغزو والشهادة قد اقل فيه بعد طلوع عن مشارق الاقبال بتقدير العزيز المتعال شمس السماء الخانية وثبت فيه نجم البروج الخاقانية وهو الخان المعظم والخاقان المكرم مولى ملوك الترك والعرب والعجم الذي يباهى بشرف خدمته اعاطم الامم ظل الله تعالى على عباة في الارض الموفق لاقامة النفل والفرس سالك سنن سنن سيد المرسلين سمى مخاطب وما ارسلناك الا رحمة للعالمين الغازى الشهيد بامر الملك الديان ابو الفتح محمد شيباني خان امام الزمان خليفة الرحمن روح الله تعالى روحه وجعل فراديس الجنان فتوحه

Переводъ.

Это усыпальница того, кого почтили всевышній Богъ въ этомъ мірѣ почетомъ халифскаго достоинства и счастья, и могила того, кого прославилъ всевышній Богъ въ той жизни славою священнаго похода и мученической кончины. Закатилось въ ней (усыпальницѣ) послѣ восхода съ востоковъ счастья, по предопредѣленію Всемогущаго Всевышняго, солнце неба ханскаго и остановилась въ ней (могилѣ) звѣзда созвѣздій хаканскихъ. Онъ ханъ прославленный и хаканъ возвеличенный, государь царей Турковъ, Арабовъ и Персовъ, честью служить которому гордились сановники народовъ; тѣнь Бога всевышняго надъ рабами его на землѣ; тотъ, кто споспѣшествовалъ выполненію богоугодныхъ дѣяній и заповѣдей, кто шелъ по пути постановленій главы пророковъ; тезка того, къ кому Богъ обратился со словами: «и послали мы тебя только какъ

¹⁶⁾ Выше было сказано, что сраженіе произошло не подъ стѣнами самаго Мерва, а въ 3-хъ фарсахъ отъ него въ мѣстечкѣ, которое въ *روضة الصفاى ناصرى* называется Махмудъ-абадъ—*محمود آباد*, а въ *تاريخ منتظم ناصرى* значится Карлен-Махмуди *قربان محمودى*, куда Шейбани ханъ попалъ, перейдя черезъ рѣку (آب).

¹⁷⁾ $(3+10+400) + (200+2+20) + (40+100+1+40+1) + (40+8+40+6+4+1) = 916$.

¹⁸⁾ $(300+5+4+6+1) + (10+6+40) + (1+30+3+40+70+400) = 916$.

¹⁹⁾ $(1+60+400+300+5+4) + (100+6+40) = 916$.

²⁰⁾ Баронъ В. Р. Розень сдвигаетъ *منزلته اعط*... *منزلته* нехорошимъ чтеніемъ (хотя на снимкѣ это вышло совершенно отчетливо) и полагаетъ, что здѣсь слѣдовало бы скорѣе всего ожидать *عطر* «исполни благоуханія».

милость мірамъ»; боець за вѣру, мученикъ за вѣру по приказу Царя Воздаятеля, Абуль Фатхъ Мухаммедъ Шейбани ханъ, имамъ своего времени, намѣстникъ Всемилосердаго. Да исполнить Господь всевышній благоуханія душу его и да содѣлаеть сады райскіе достояніемъ его.

Относительно послѣдняго титула мы имѣемъ такое указаніе: Мухаммедъ Шейбани ханъ, овладѣвъ въ 1507 г. Гератомъ, приказалъ именовать себя въ хутбахъ «имамомъ своего времени и намѣстникомъ Всемилосердаго» امام الزمان و خلیفة الرحمن (См. Раузэт-эс-сэфа, VII, стр. 62).

Шейбани ханъ былъ убитъ по свидѣтельству лѣтописей въ пятницу 28 (а не 27-го, какъ на камнѣ) шаабана²¹⁾ 916 года, т. е. 30 ноября 1510 года по новому стилю (см. таблицы Вюстенфельда). Относительно года согласны всѣ историки, безъ исключенія, и никакого вопроса по этому поводу не возбуждалось бы, еслибъ не существовало надгробной эпитафій, открытой въ 1868 г. М. А. Терентьевымъ въ самаркандской цитадели въ развалинахъ воротъ *Акъ-дерваза*²²⁾. Камень съ этою надписью находится теперь въ И. Эрмитажѣ, а текстъ его и переводъ напечатаны г. Терентьевымъ же въ его Хрестоматіи²³⁾ (стр. 31—32, 85, 92—3; таблица № 31). По чтенію г. Терентьева хронограмма даетъ годъ смерти хана Шейбани 977, т. е. 1569 по Р. Х., что совершенно противорѣчитъ всѣмъ нашимъ свѣдѣніямъ о событіяхъ не только о самомъ ханѣ Шейбани, но и за все время царствованія Шейбанидской династіи. Очевидно, что разборъ хронограммы не такъ легокъ, какъ кажется съ перваго раза. Восточные писатели часто любятъ щеголять замысловатостію составленія хронограммъ, по ихнему *тарихъ*. Мы обращались за разъясненіемъ къ профессору В. А. Жуковскому, который и сдѣлалъ единственно приближающуюся къ 916-му году выкладку. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы еще разъ помѣстить эту надгробную надпись въ переводѣ г. Жуковского и съ его замѣчаніями.

سپهر بخت شیبانی محمد خان شه عالم
 که در حسن و لطافت بود رشک ماه کذ...²⁴⁾
 قضا از ظلم و بیدادی که کرد افسوس می ورزد
 فلک از بیوفایها²⁵⁾ بسی دارد پشیمانی
 فغان از کج رویهای سپهر بیوفا ای دل
 کزو معموره آفاق دارد رو بویزانی
 خرد تاریخ سال فوت او پرسد کر²⁶⁾ از تو
 بدو کو آه صد حیف از محمد شاه شیبانی

Переводъ.

Здѣсь покоится небо счастья Шейбанійскаго Мухаммедъ ханъ государь міра, который по красотѣ и нѣжности былъ завистью для Ханаанскаго мѣсяца (Юсифа Прекраснаго). Судьба со-

²¹⁾ По Казвини: въ пятницу 26 шаабана. См. В. В. Вельяминова-Зернова, Монеты Бухарскія и Хивинскія (IV ч. Труд. Вост. Отд. Археол. Общ., стр. 338 и 341). Въ такомъ случаѣ это будетъ соответствовать 28 ноябрю. Шерефъ эд-Динъ 28-е число относить на среду.

²²⁾ Мы не понимаемъ, какимъ образомъ камень съ этою надписью, стоявшій первоначально на надгробіи хана Шейбани, очутился у воротъ Акъ-дерваза. У туркестанцевъ существуетъ обычай сносить изъ разныхъ мѣстъ небольшіе надгробные камни на могилу особенно чтимаго лица или святаго; иногда такіе камни переносятъ съ одной могилы на другую. Съ какою цѣлю это дѣлается, мы не довелось узнать, но вѣроятно побудительною тому причиною является мусульманское благочестіе. Не съ этою ли цѣлю былъ снятъ и настоящій камень? Онъ стоялъ вертикально, вѣроятно, въ головахъ, представляетъ прозрачный мраморо-видный известнякъ.

²³⁾ Хрестоматіи турецкая, персидская, киргизская и узбекская. Составилъ Михаилъ Терентьевъ. С.-Пб. 1876.

²⁴⁾ Здѣсь уголъ камня отбитъ вмѣстѣ съ послѣдними буквами. Г. Терентьевъ читаетъ: ماه کیوانی и переводитъ: «небесный мѣсяць». Это невозможно. Г. Жуковскій возстановляетъ правильное чтеніе: ماه کنعانی — «Мѣсяць ханаанскій», — весьма известная метафора: Юсифъ Прекрасный.

²⁵⁾ Правильно должно быть: بیوفائیا

²⁶⁾ Должно быть: اکر

жалѣть о совершенной ея жестокости и несправедливости, небо много раскаевается въ невѣрности. Горе, о сердце, отъ «криваго хода» невѣрнаго неба, потому что имъ населенная часть міра направлена къ разрушенію. Если умъ спросить у тебя хронограмму года его смерти, скажи ему: «ахъ, сто сожалѣній о Мухаммедъ шахъ Шейбанійскомъ».

Предполагаемое чтеніе хронограммы. Два гу ($2 \times 26 = 52$), ахъ ($1+5 = 6$) отъ ста ($100 - 6 = 94$) сожалѣють о Мухаммедъ ($40+8+40+4 = 92$), шахъ ($5+1+300 = 306$) Шейбанійскомъ ($10+50+1+2+10+300 = 373$). Т. е. $52+94$ и $92+306+373$, или: $146+771 = 917$.

При такой выкладкѣ всетаки выходитъ разница на одинъ годъ. Это единственное препятствіе къ безусловному ея принятію. Не слѣдуетъ ли въ словѣ آ элифъ считать двойнымъ въ виду выставленной *ледды*, или не предполагалось ли слово شاه написать безъ элифа, какъ сдѣлано это раньше? Въ томъ и другомъ случаѣ получилось бы 916, т. е. нужный намъ годъ.

Въ ряду хронограммъ на смерть хана Шейбани слѣдуетъ указать на хронограмму Сейидъ Ракима, обозначившаго годъ смерти хана словами *کلاه سرخ* — «красная шапка» ($20+30+1+5+60+200+600 = 916$).

تاریخ فوت خان سعادت نشان کلاه سرخ شد

.....

تاریخ فوت او ز قضا شد کلاه سرخ

Баронъ Демезонъ въ переводѣ исторіи Абуль Гази²⁷⁾ приводитъ еще хронограмму Хаджи Яхъи Мерварида на смерть Шейбани хана: $400+10+200+300+1+5 = 916$.

БИБЛИОТ
Музейной ра

²⁷⁾ Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi Behadour khan, publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons. T. II, St. Pétersb. 1874; стр. 208, въ примѣчаніи.

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

РАСКОПКИ Н. Г. БРАНДЕНБУРГА 1889 Г.

Труды VIII Археологического Съезда. Т. III.

ТАБЛ. I.

ИЗЪ КУРГАННЫХЪ МОГИЛЬ МАРИУПОЛЬСКАГО УЪЗДА.

Библиотека
Историко-Классической
Музыкальной Работы

РАСКОПКИ Н. Г. БРАНДЕНБУРГА 1889 Г.

Труды VIII Археологического Съезда. Т. III.

ТАБЛ. II.

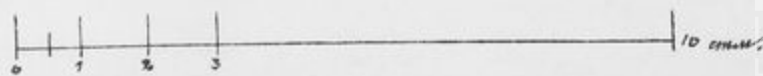
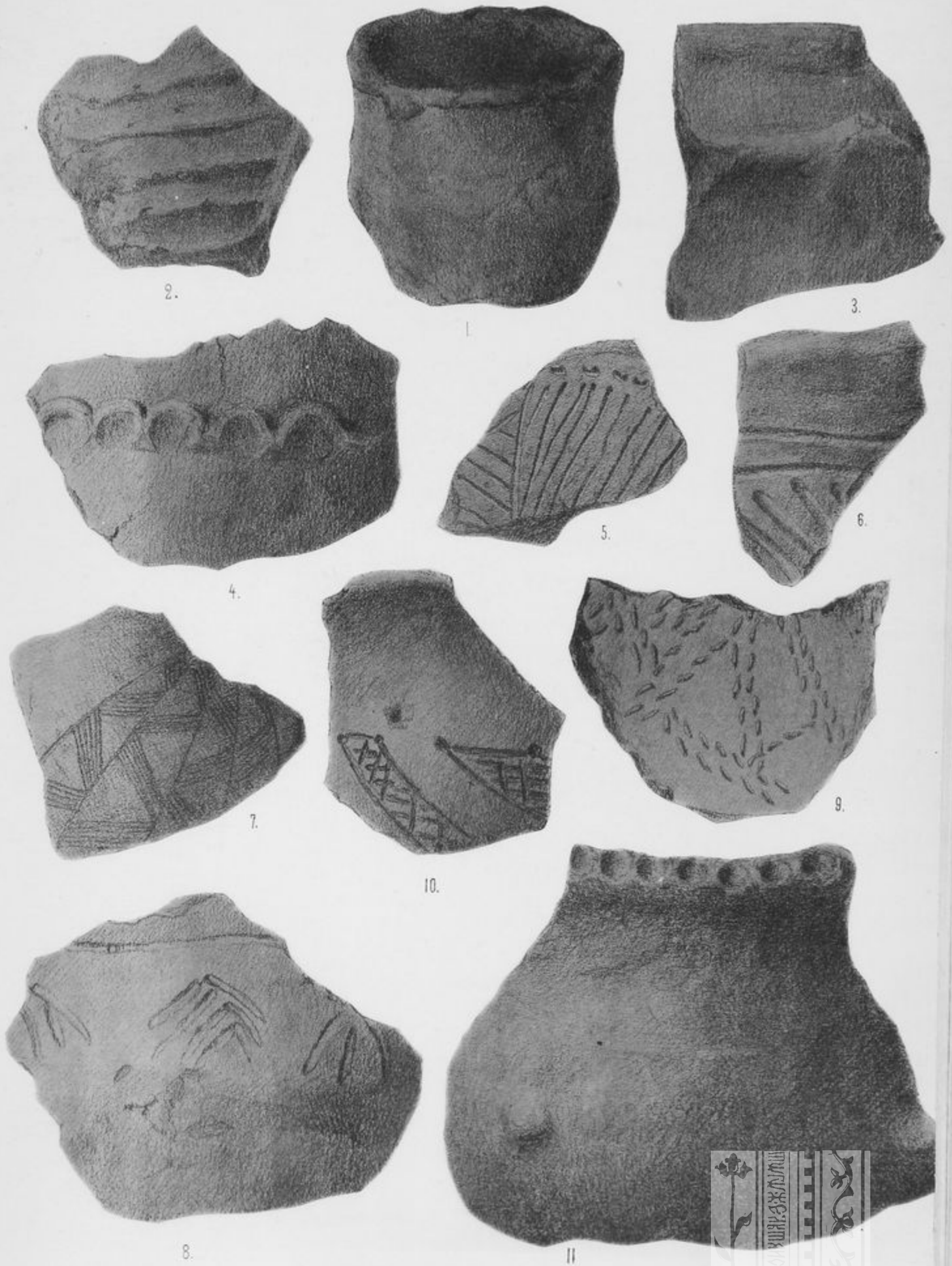

ФОТОТИПЪ Р. ТИЛЕ, МОСКВА.

ИЗЪ КУРГАННЫХЪ МОГИЛЬ МАРИУПОЛЬСКАГО УЪЗДА.

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ист. Краеведческой
Музейной работы

Стоянка у м. Триполья.

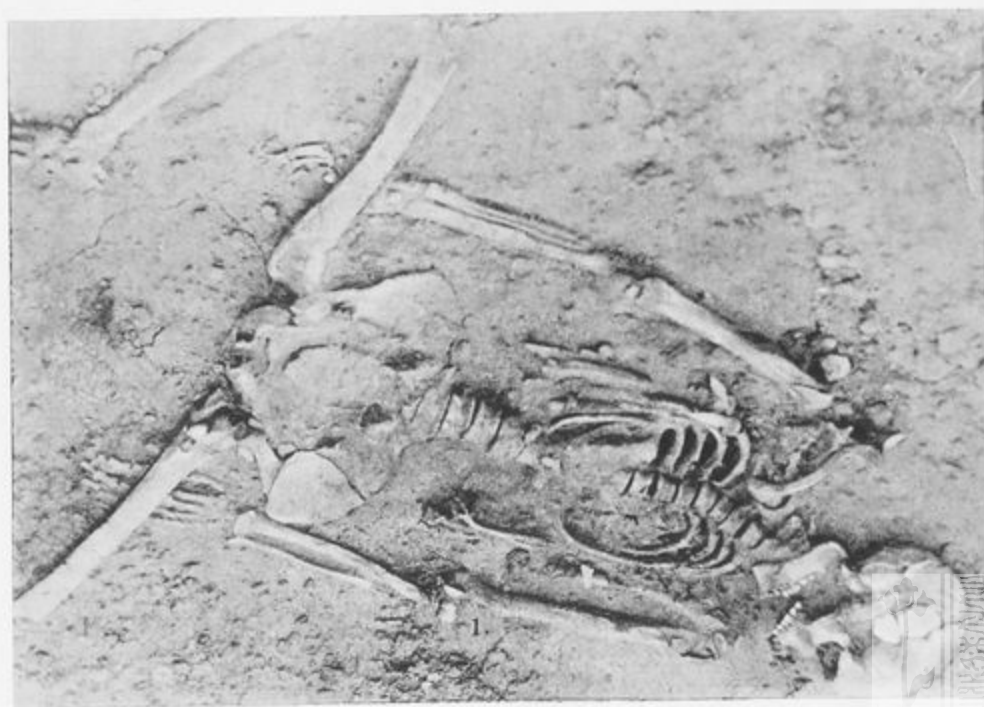
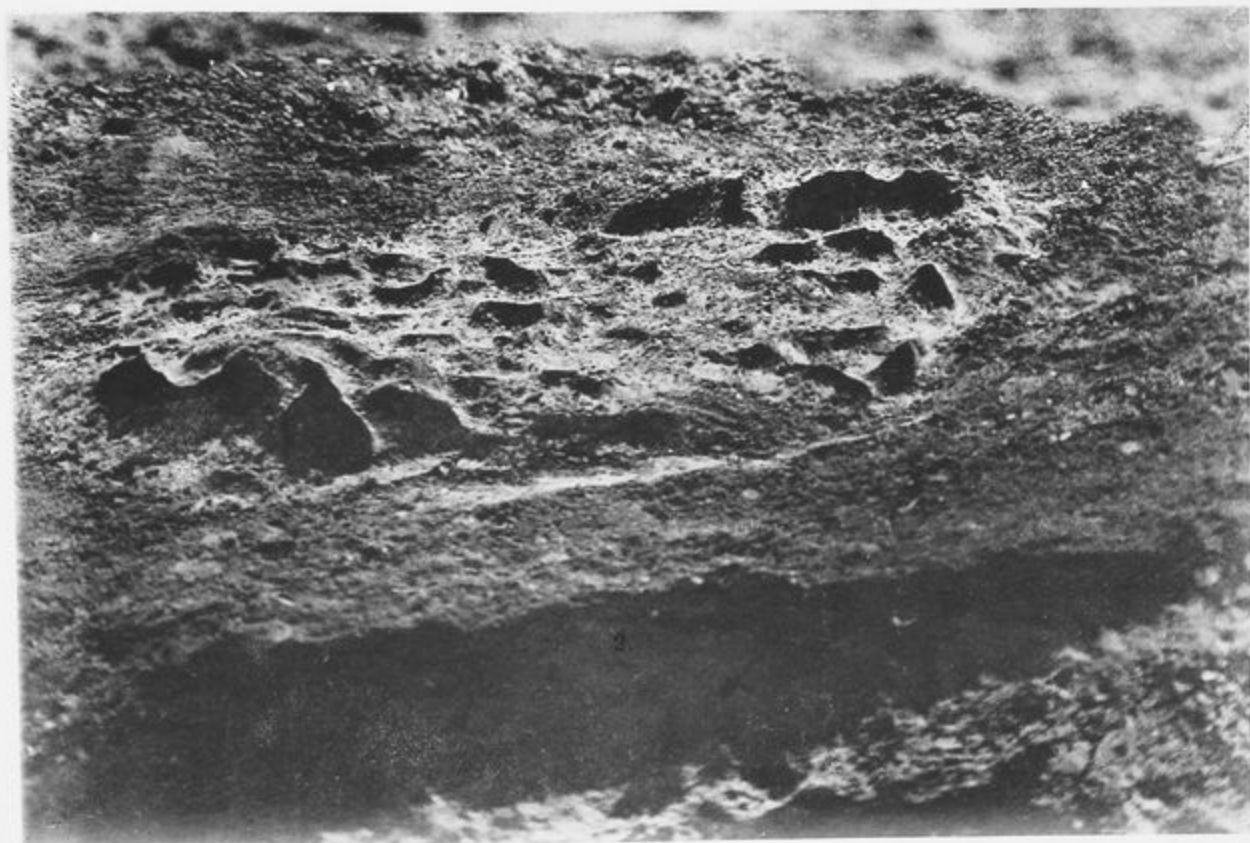
Кіевск. г. и уѣзда.

Фотолітня діяльність виконана в Київському Інституті історії та етнології НАН України

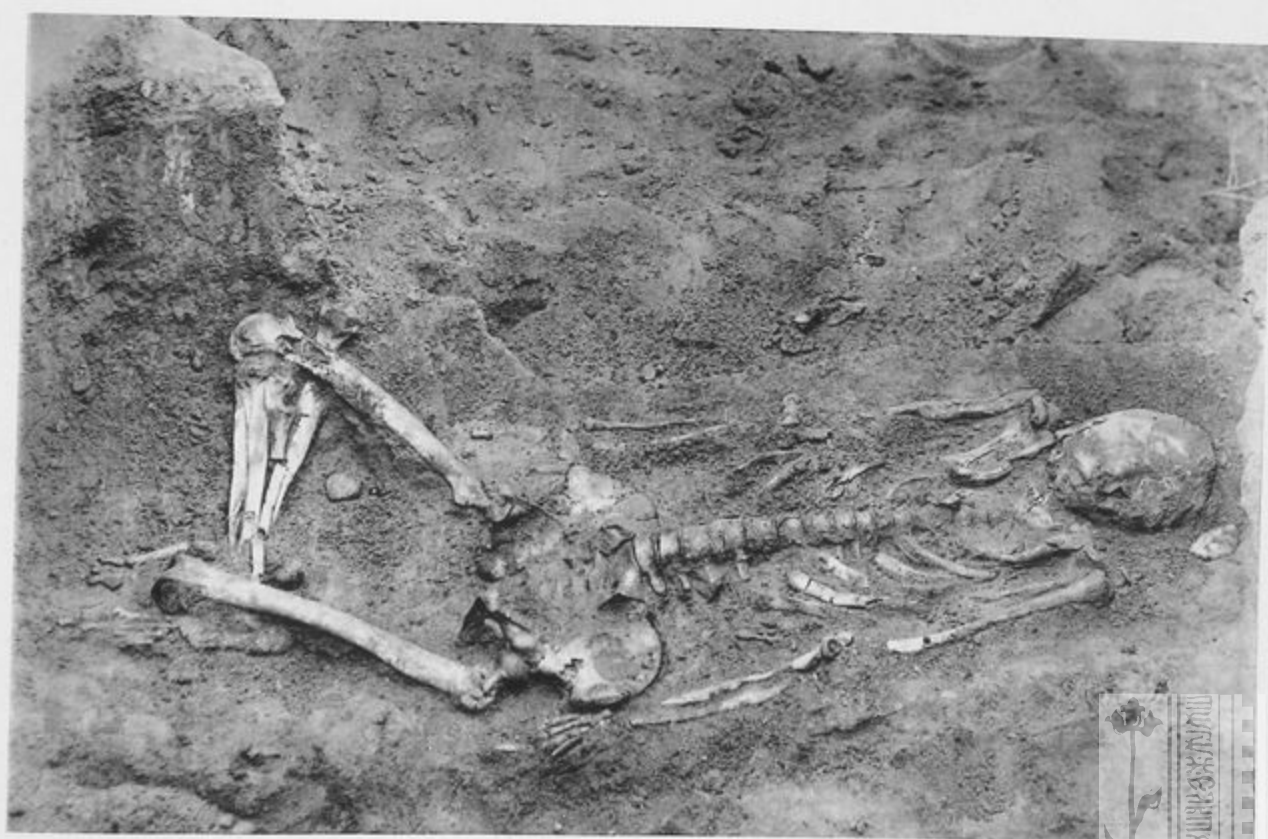
БИБЛИОТЕКА
И.И. Кривошеина
г. Челябинск

2.

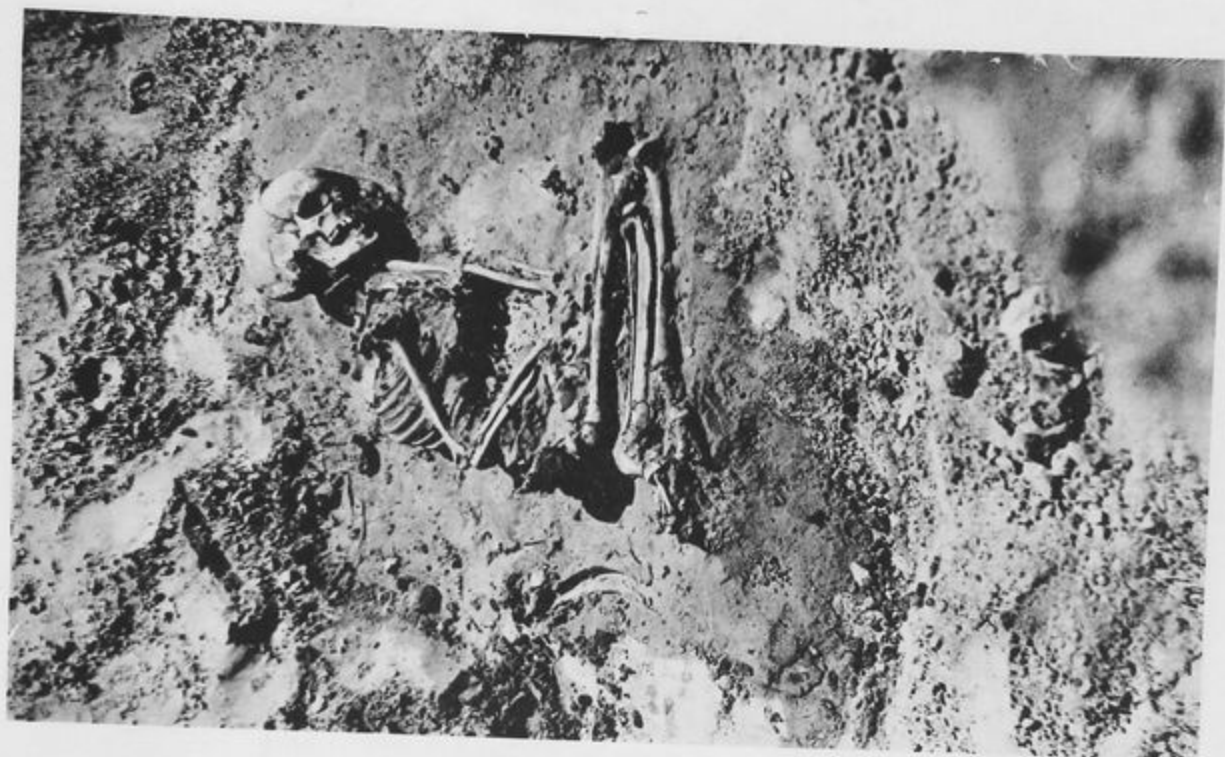

1.

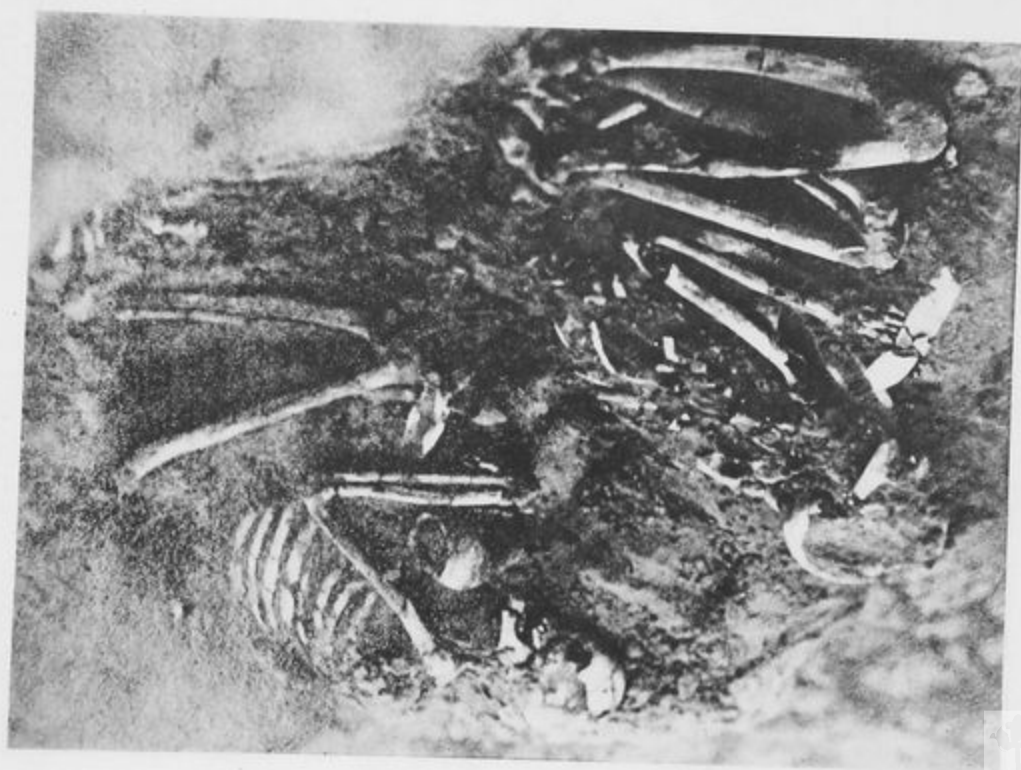

БИБЛИОТЕКА
НИИ [illegible]
[illegible]

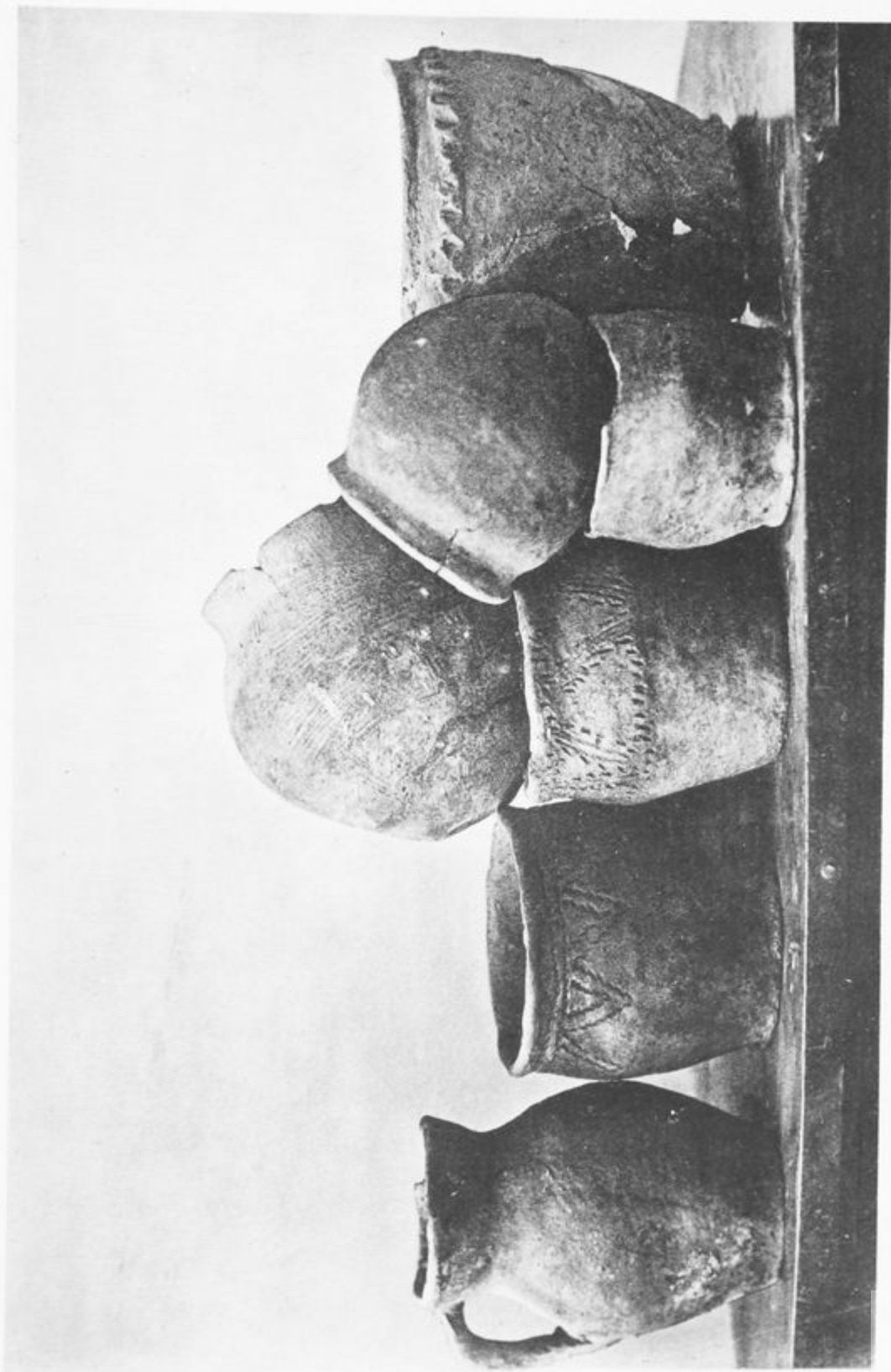
1.

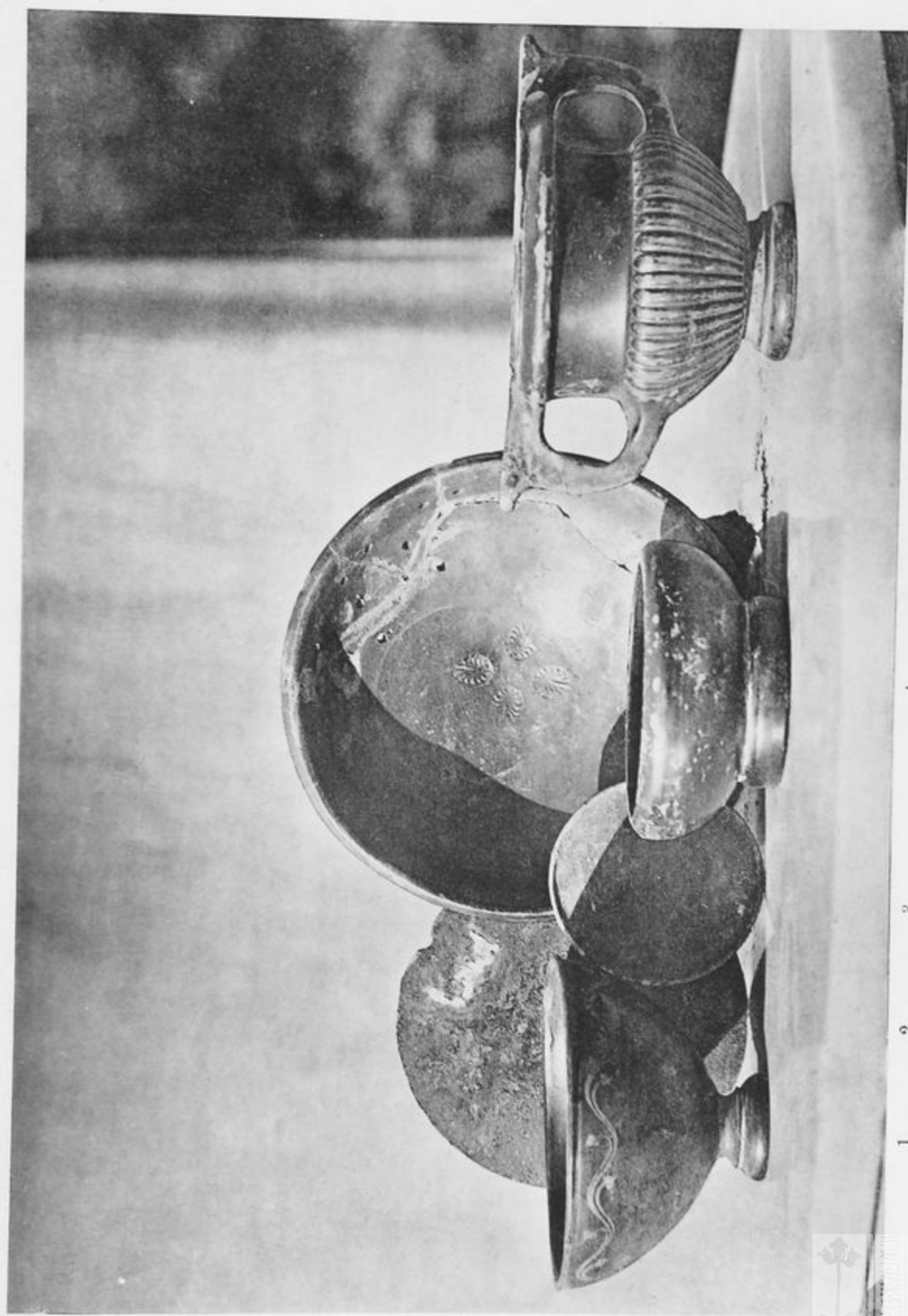

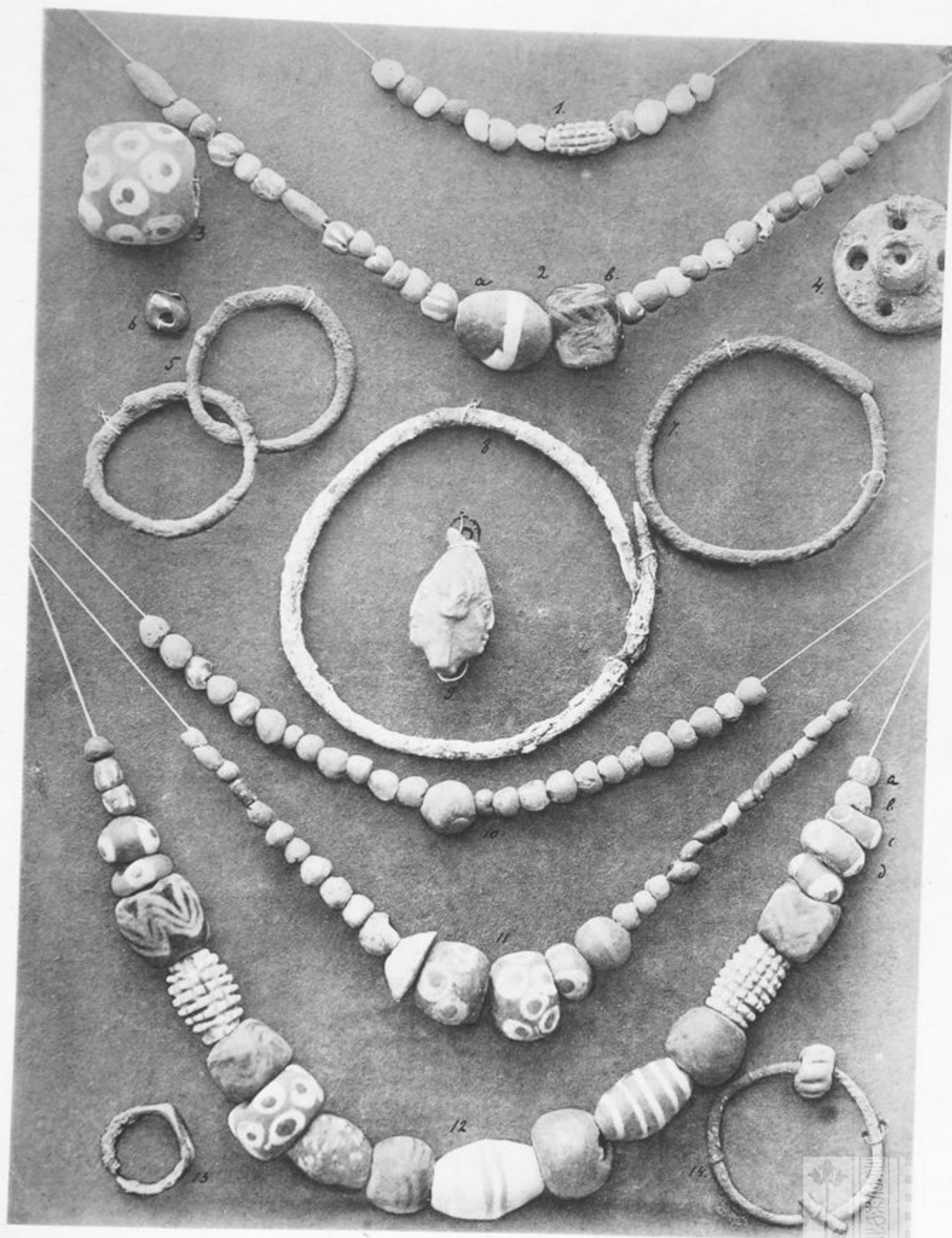
2.

НИИ БИБЛИОТЕКА
И. П. Кривошеина
г. Челябинск

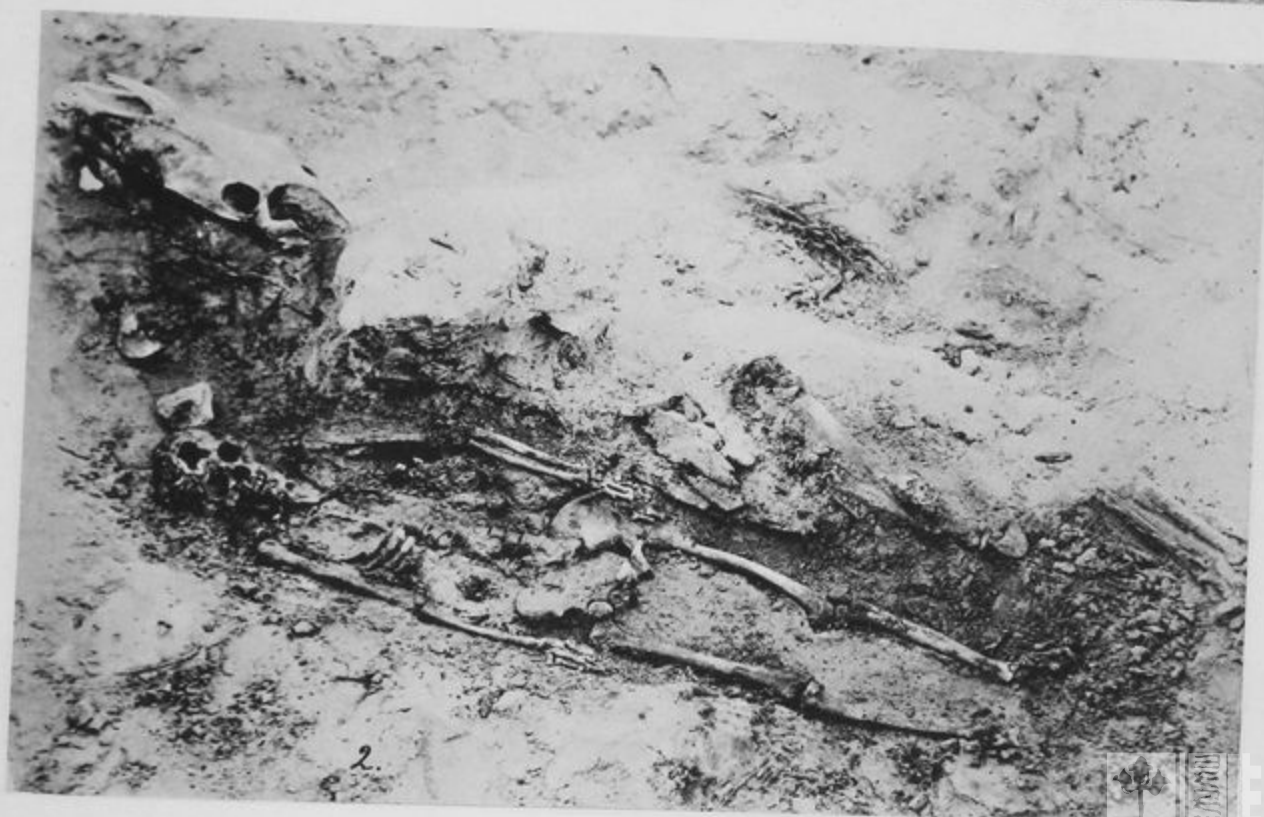

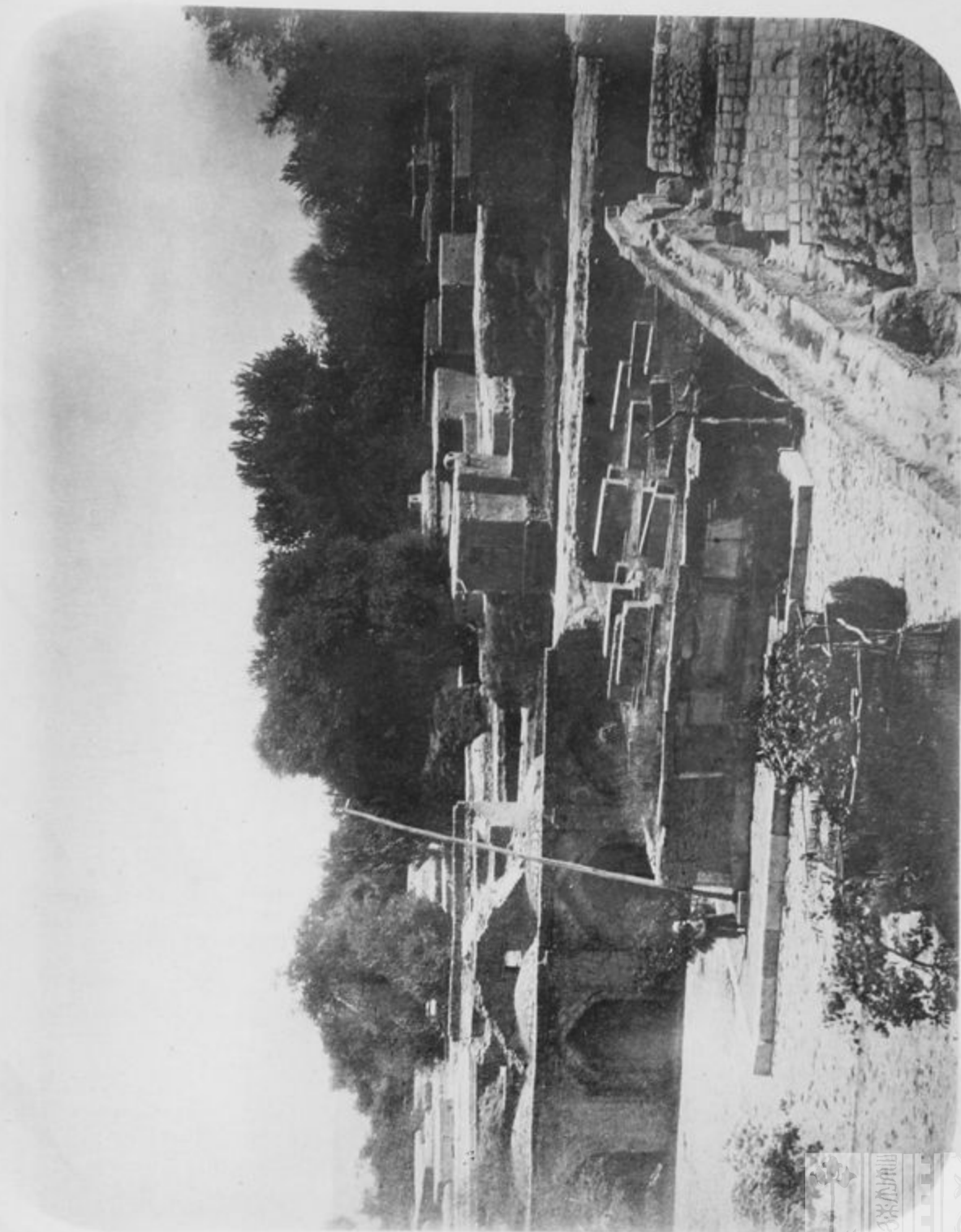
БИБЛИОТЕКА
Имени Крамской
в Мемориальном музее

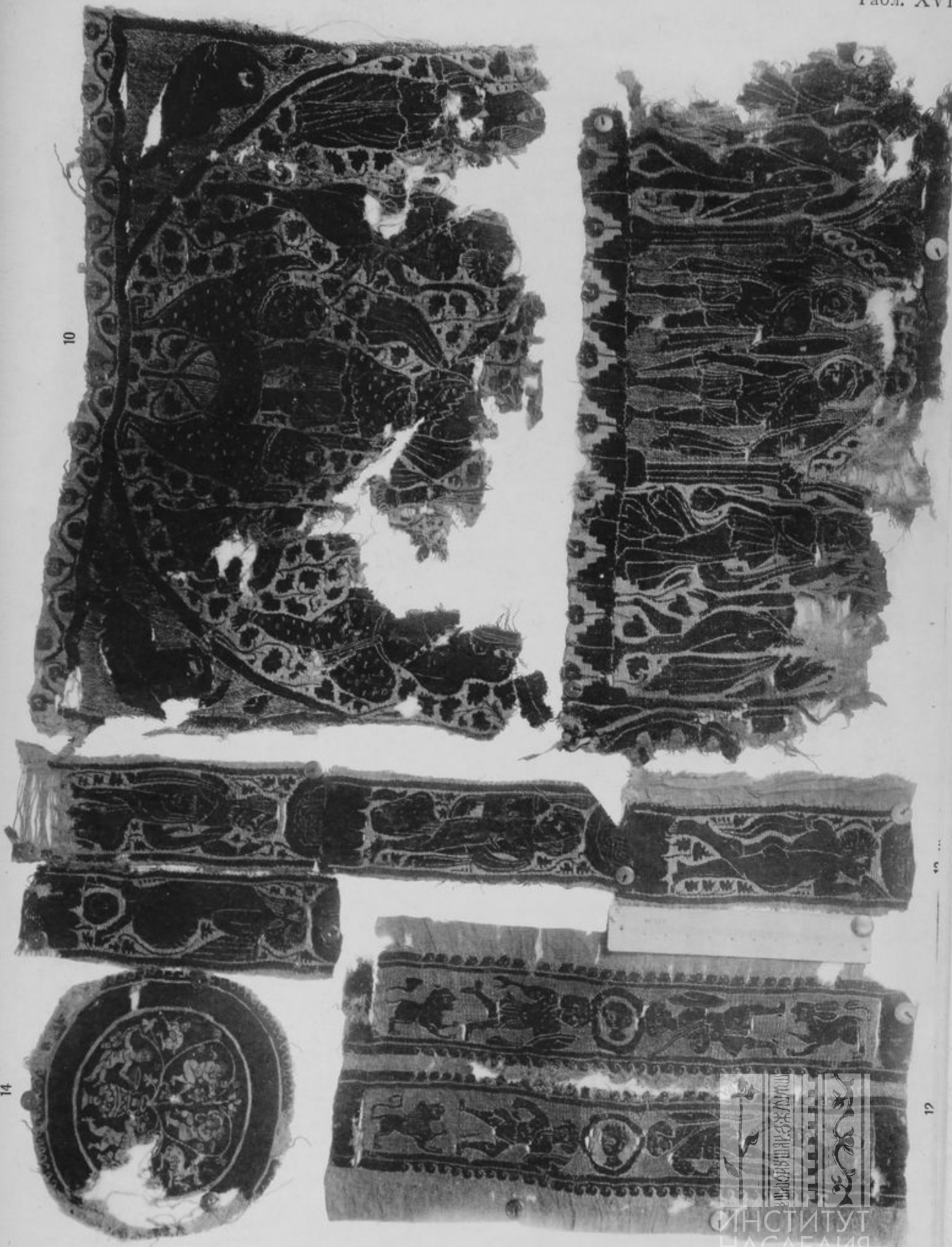

Библиотека
И.И. в Архивной
и Музейной работе

Фотография Отто Ренаръ.

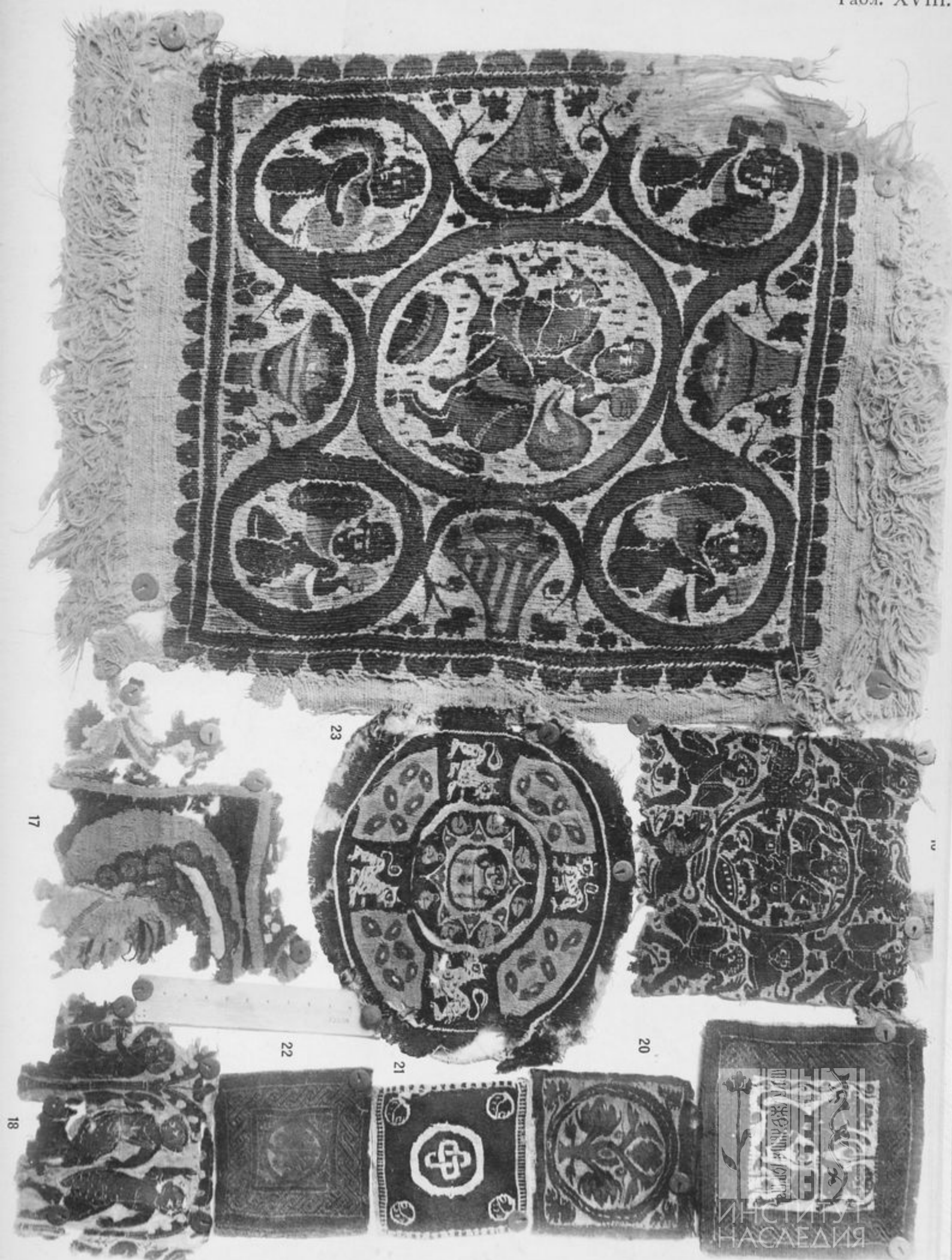

10

14

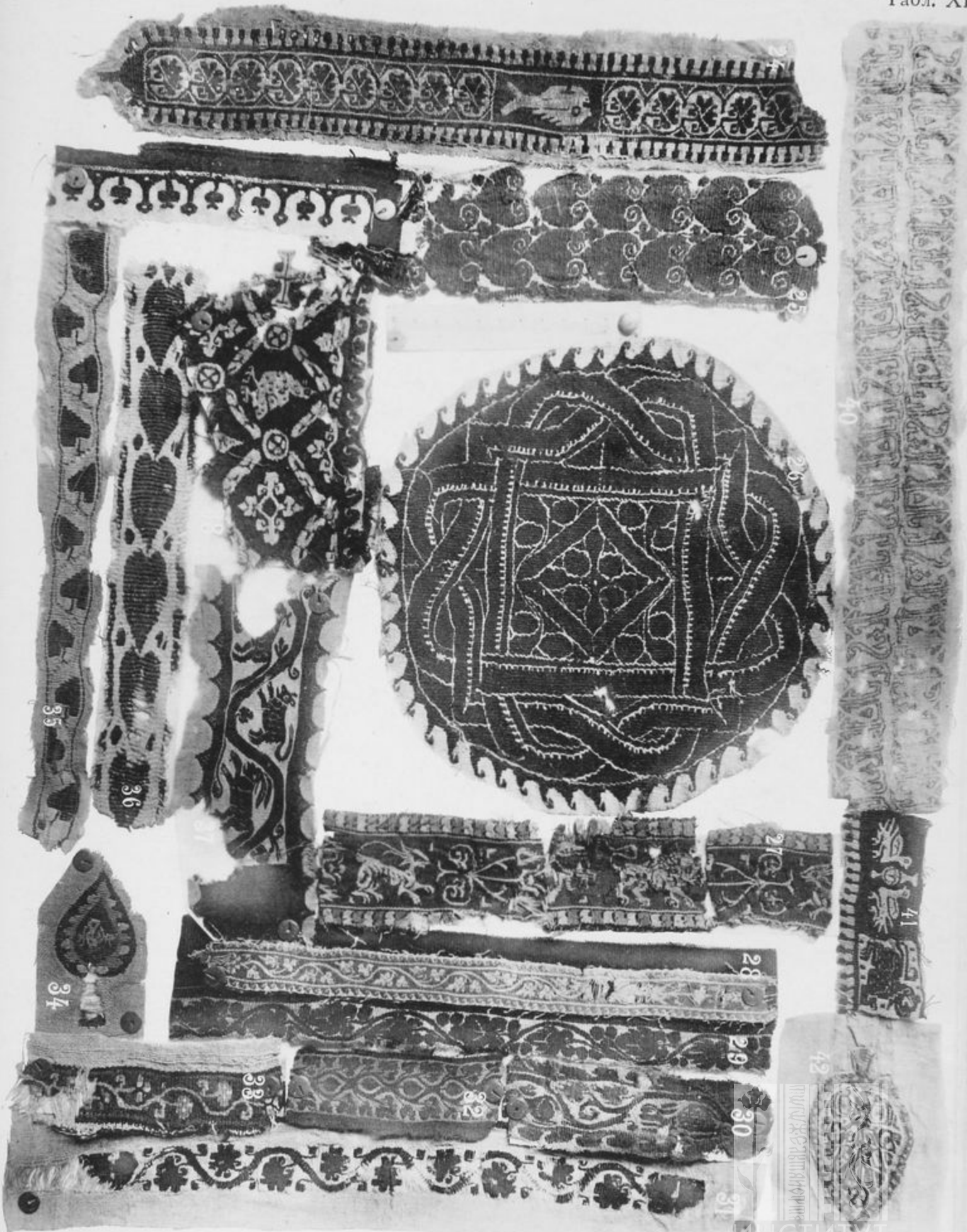
12

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
Имени Кривошеиной
в Музее Р.Б.Ты

ИСТИНУ
НАСЛЕДИЯ

008

БИБЛИОТЕКА
НИИ культуры
и наследия Руб. Тм

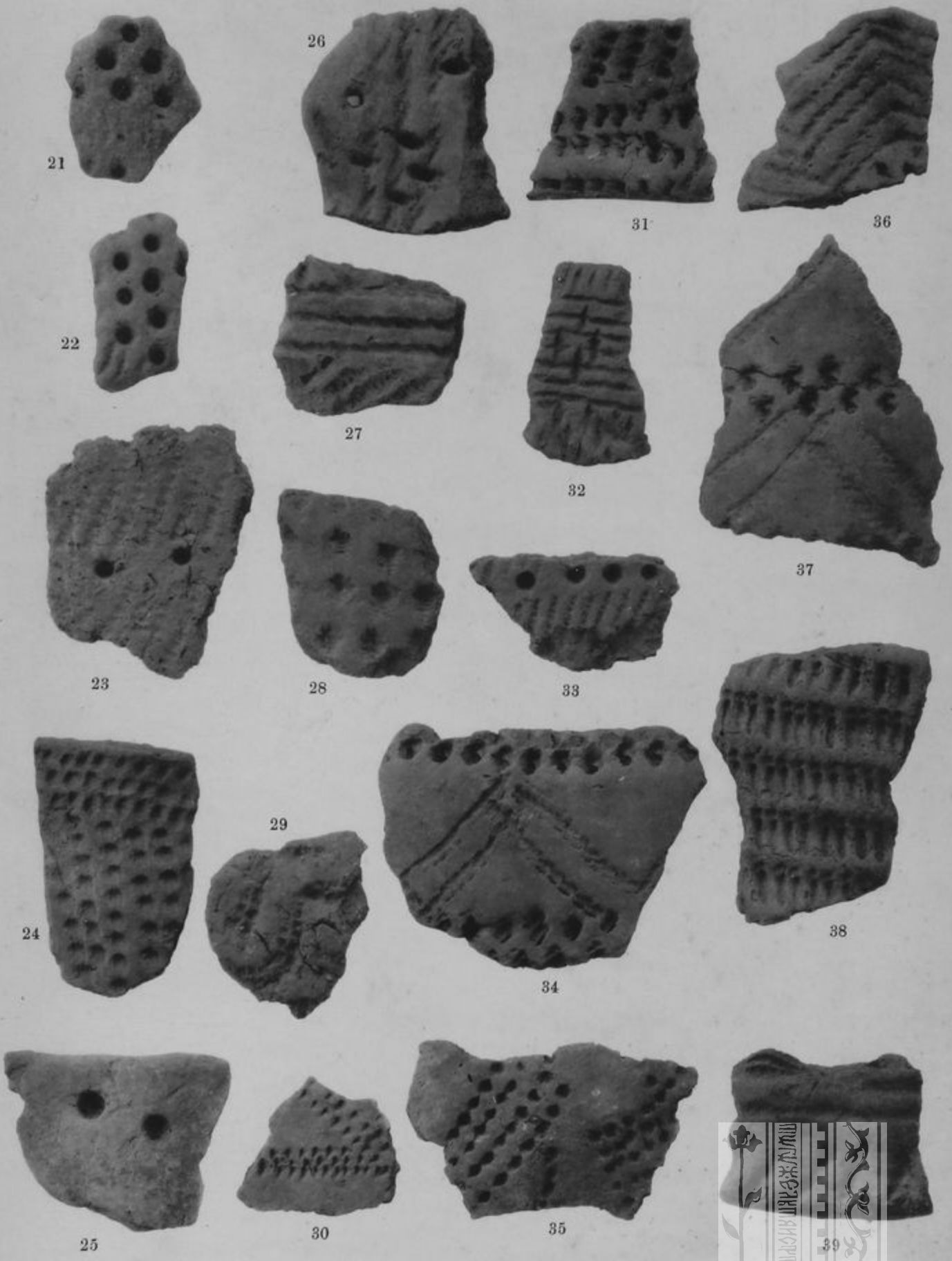

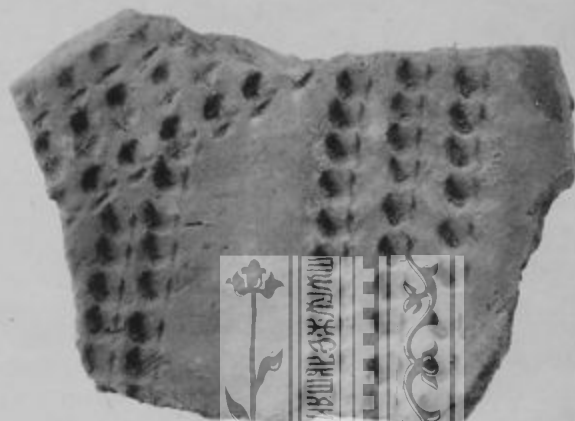
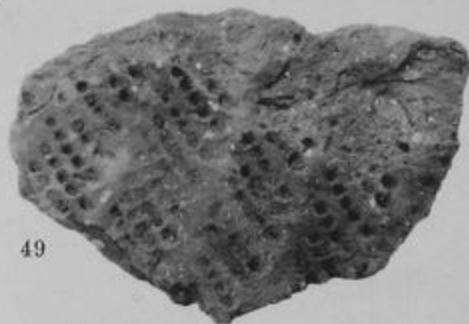
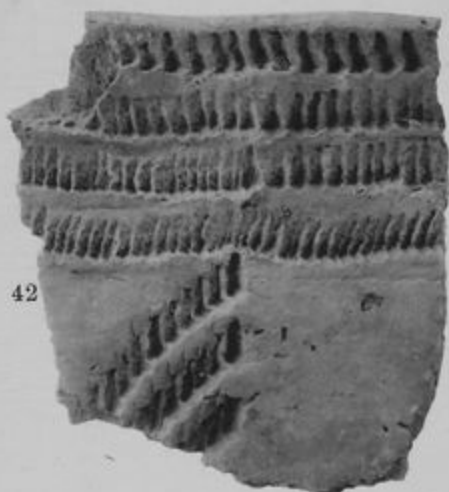
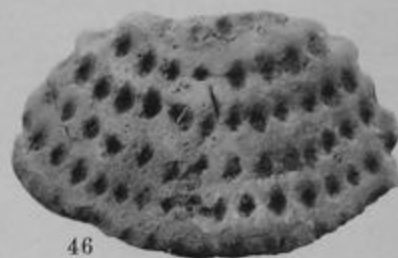
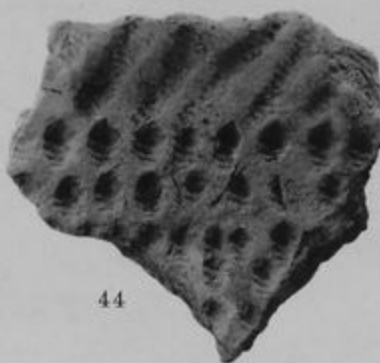

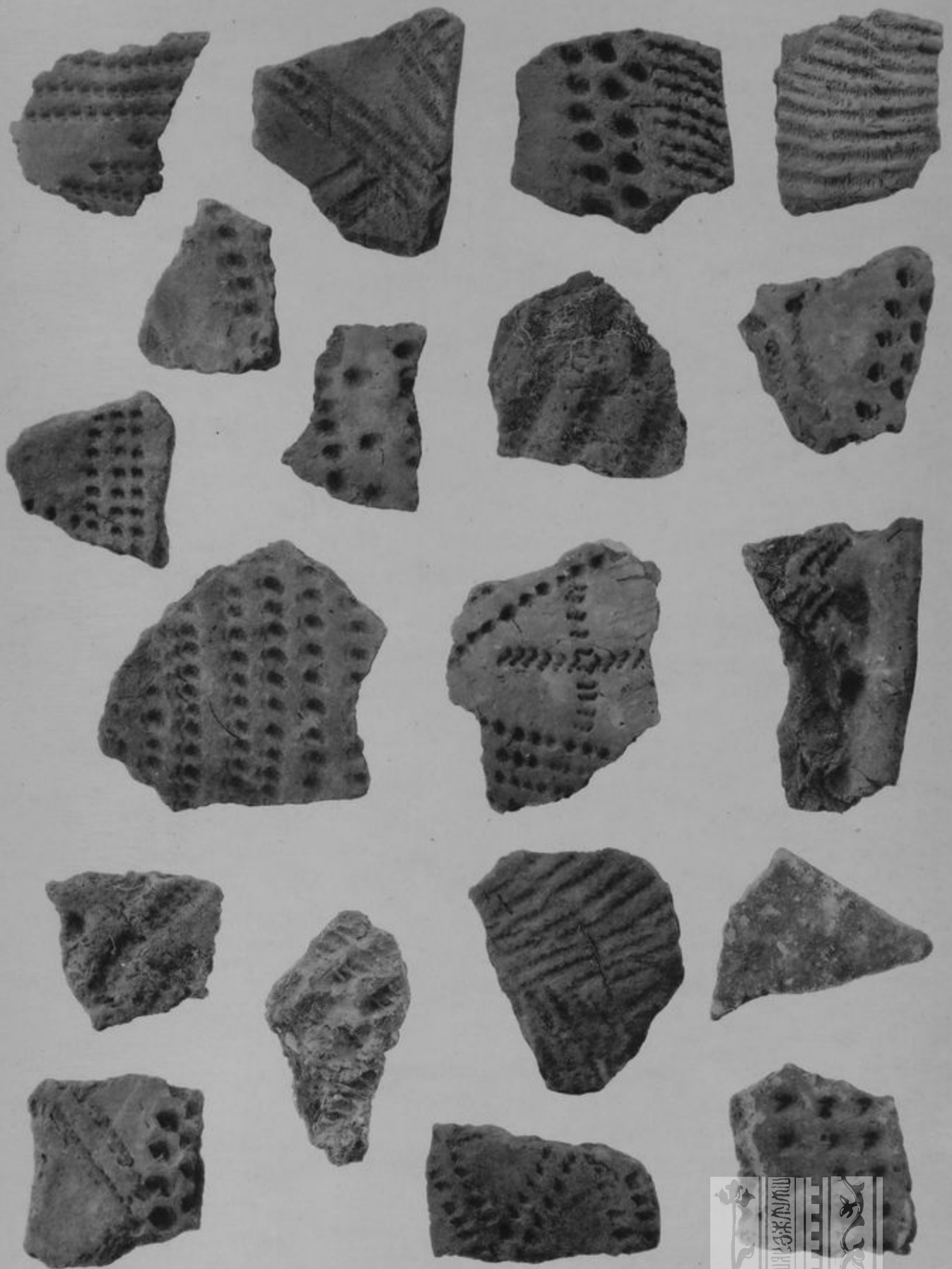

БИБЛИОТЕКА
г.г. И. И. Кривого
Музей р.б.г.

А. П. О. П. А.
Институт наследия
г. А. в р. б. 79

БЕЛГО-СА
ИИИ в Кривической
з. а. - а. р. б. т. т.

БИБЛИОТЕКА
ИИИ Академии наук СССР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ МАТЕРІАЛЪ

СОСТАВЛЯЮЩІЙ ОТВѢТЫ НА ЗАПРОСЫ СЪѢЗДА.

Объ открытіи русскаго археологическаго института въ Римѣ съ отдѣленіемъ въ Аѳинахъ.

В. МОДЕСТОВА.

Мысль, которая привела меня на эту кафедру, есть мысль о настоящей потребности и несомнѣнной важности открытія Русскаго Археологическаго Института въ Римѣ съ отдѣленіемъ этого Института въ Аѳинахъ.

Вамъ извѣстно, какую скромную роль на нашихъ Археологическихъ Съѣздахъ играетъ классическая археологія. Если исключить Одесскій Съѣздъ, на которомъ, благодаря мѣстнымъ условіемъ, классическая древность служила предметомъ довольно многочисленныхъ рефератовъ, обыкновенно классическая археологія играла среди другихъ областей, которымъ были посвящаемы занятія Съѣздовъ, роль какого-то придатка, который обыкновенно состоялъ изъ рефератовъ случайныхъ, или мало имѣвшихъ связи съ научнымъ движеніемъ въ этой области. А между тѣмъ классическая археологія есть та самая археологія, которая въ другихъ странахъ даетъ тонъ археологическимъ занятіемъ и которая, издавна служа предметомъ многосторонняго, внимательнаго и методическаго изученія, дала толчекъ вообще археологическимъ студіямъ въ Европѣ, да и теперь еще даетъ главную пищу археологическимъ занятіемъ. Археологическіе памятники древняго міра постоянно открываются въ огромномъ количествѣ, и классическая почва Италіи и Греціи въ этомъ отношеніи представляется неисчерпаемою. Въ той и другой странѣ раскопки дѣлаются во всѣхъ направленіяхъ и даютъ обильную добычу памятниковъ всякаго рода. Сколько открыто на нашихъ глазахъ, въ какія-нибудь 15—20 лѣтъ, драгоценнѣйшихъ памятниковъ, и сказать невозможно. Открывались во множествѣ не только отдѣльные предметы и статуи, вазы, надгробныя и посвячительныя надписи, всевозможные предметы домашняго и общественнаго быта,—открывались цѣлые храмы, дворцы, развалины древнѣйшихъ городовъ; открывались не только произведенія классическихъ искусствъ, но и открывались произведенія временъ, далеко предшествовавшихъ классическому періоду быта Грековъ и Римлянъ, или произведенія, раскрывавшія намъ въ подробностяхъ бытъ мелкихъ народностей, о которыхъ мы еще недавно имѣли лишь самое смутное представленіе.

И всѣ эти открытія, обращавшія на себя вниманіе всего образованнаго міра, проходили какъ бы мимо насъ, не возбуждая среди насъ никакого движенія и—скажу болѣе—не оставляя почти никакого слѣда въ нашей научной археологіи. Какой это ущербъ для развитія русской науки вообще, какъ много пострадало отъ этого научное движеніе въ области нашей археологіи (и классической филологіи), и сказать страшно.

Отчего же всё эти открытія проходили мимо насъ? Отчего мы не принимали сколько-нибудь дѣятельнаго участія въ научномъ движеніи, порожденномъ въ ученое міръ этими открытіями?

Отчего? Да мы просто не имѣли возможности слѣдить за ними, не имѣли возможности получать непосредственныхъ впечатлѣній отъ этихъ грандіозныхъ открытій. Мы не имѣли людей, на которыхъ бы лежала обязанность слѣдить за тѣмъ, что совершается въ области археологическихъ открытій на самой почвѣ Италіи и Греціи (съ Малой Азіей), и сообщать русскимъ ученымъ прямо и своевременно то, что тамъ дѣлается. Всѣ свѣдѣнія, какія мы получали объ этихъ открытіяхъ, приходили къ намъ изъ Германіи и изъ Франціи, рѣдко изъ самой Италіи, такъ какъ ученые періодическія изданія этихъ послѣднихъ странъ малоизвѣстны даже русскимъ специалистамъ и рѣдко—гдѣ у насъ выписываются. Мы получали изъ вторыхъ или изъ третьихъ рукъ свѣдѣнія о важнѣйшихъ открытіяхъ и, не зная, что съ ними дѣлать, принимали ихъ лишь „къ свѣдѣнію“, какъ выражаются въ русскихъ канцеляріяхъ, а если тому или другому русскому ученому и доводилось лично съ ними знакомиться, по обыкновенію, уже въ то время, когда открытія эти были обсужены и обследованы другими. Какъ же поэтому могло у насъ происходить какое-либо дѣйствительное движеніе въ этой области? Откуда оно могло взяться? Да что говорить о движеніи! Какъ могутъ у насъ при этихъ условіяхъ вообще образовываться специалисты по классической археологіи?

Во Франціи и въ Германіи, въ странахъ, гдѣ археологическое знакомство съ древнимъ міромъ существуетъ съ давнихъ поръ, гдѣ археологическимъ студіямъ по классическому міру посвящено много трудовъ капитальныхъ, гдѣ сообщеніе съ Италіей непрерывно въ силу географической, религіозной и культурной близости, гдѣ существуютъ превосходныя періодическія изданія, посвященныя античной археологіи, всего этого считается недостаточнымъ для того, чтобы поддерживать въ ученой средѣ живой интересъ къ классической древности: та и другая страна имѣютъ въ Римѣ и въ Аѣинахъ Археологическіе Институты или Школы, специально назначенные для того, чтобы служить центрами, въ которыхъ сосредоточиваются текущія археологическія свѣдѣнія, и мѣстами археологическаго образованія. Эти Институты или Школы, во главѣ которыхъ стоятъ видные представители отечественной науки, имѣютъ свои помѣщенія и свои библіотеки, куда обращаются пріѣзжіе ученые Французы и Нѣмцы, какъ въ свои домашнія учрежденія, и гдѣ начинающіе ученые находятъ необходимое руководство и всѣ средства для того, чтобы имѣть возможность войти въ самое сердце археологической науки, чтобы научиться работать методически и самостоятельно и чтобы затѣмъ стать истинными двигателями науки въ своемъ отечествѣ. Средства эти обрѣтаются не только въ библіотекахъ этихъ учреждений, но и въ самихъ лицахъ, которыя приставлены къ этимъ учрежденіямъ, въ лицахъ, которыя всегда, когда нужно, даютъ совѣтъ, наставленіе, порученіе, рекомендацію, облегчаютъ ученымъ путешественникамъ трудности, слѣдятъ за ихъ дѣятельностью, оказываютъ необходимую въ чужой странѣ защиту и покровительство. Старинная Ecole d'Athènes и основанная, лѣтъ двадцать тому назадъ, Ecole de Rome—вотъ истинные питомники столь славной и столь многочисленной плеяды французскихъ археологовъ; Капитолійскій Институтъ въ Римѣ и подобное учрежденіе въ Аѣинскихъ—вотъ гдѣ проходятъ настоящую школу археологическаго образованія молодые нѣмецкіе ученые!

Есть ли у насъ, что-либо подобное тѣмъ широкимъ и могущественнымъ средствамъ археологическаго образованія, какія представляются начинающимъ ученымъ Франціи и Германіи? Оставляя въ сторонѣ домашнія средства, крайне ограниченныя, спросимъ: есть ли у русскаго молодого ученаго въ Римѣ и въ Аѣинахъ что-либо подобное тому, что есть у молодого французскаго и нѣмецкаго ученаго? Нѣтъ ничего! И въ Римѣ и въ Аѣинахъ пріѣзжающіе

туда немногіе Русскіе ученые обыкновенно пристають къ Нѣмцамъ и, пользуясь крохами съ ихъ роскошнаго стола, иногда успѣвають что-нибудь сдѣлать, чему-нибудь научиться. Но о постоянномъ и широкомъ пользованіи ихъ научными средствами и руководствомъ они и не мечтають. Въ большинствѣ же случаевъ они представлены самимъ себѣ и совершенствуются въ своей наукѣ по собственному усмотрѣнію. Послѣ этого и понятно, почему во Франціи и въ Германіи классическая археологія и связанная съ нею науки представляютъ нашему взору роскошную жизнь и сильное движеніе, а у насъ всѣ эти науки если и существуютъ, то едва замѣтно, о роскошной же жизни и сильномъ движеніи въ этомъ отношеніи мы и думать не смѣемъ, словно это къ намъ и не пристало... Глядя со стороны, можно подумать, что въ Россіи господствуетъ убѣжденіе, что ученые, какъ квинтилиановскіе поэты, *рождаются*. Нѣтъ, ученые не *рождаются*, а ученые приготавливаются, образуются, и образуются тѣмъ лучше, чѣмъ лучше средства къ ихъ образованію. И если это положеніе приложимо ко всякаго рода ученымъ, то тѣмъ болѣе оно приложимо къ археологамъ, образованіе которыхъ требуетъ опытнаго, нагляднаго обученія. Поэтому, если правда, что *poetae nascuntur*, то еще больше правда, что *archaeologi fiunt*.

Несомнѣнно, что положеніе наше въ этомъ отношеніи сразу измѣнилось бы, еслибъ мы, двадцать лѣтъ назадъ, вмѣсто лейпцигской семинаріи (къ счастью, теперь закрытой), открыли Археологическую Школу въ Римѣ. Мы открыли за-границей школу для приготовленія учителей въ русскія гимназіи, что само по себѣ странно и возбуждало большія недоумѣнія, и не открыли никакого пріюта для русскихъ ученыхъ въ тѣхъ центрахъ археологическаго и филологическаго образованія, гдѣ самые просвѣщенные народы Европы (и Америки) считаютъ нужнымъ, несмотря на все богатство домашнихъ средствъ къ высшему образованію, содержать особыя учрежденія для поддержанія отечественной науки. Не пора ли намъ, наконецъ, поправить ошибку и употребить несравненно болѣе производительнымъ образомъ средства, шедшія, по моему мнѣнію, почти совсѣмъ непроизводительно на лейпцигскую семинарію? Да и большія ли средства требуются для того, чтобы начать дѣло, столь важное для будущности русской науки? Требуется содержать директора съ однимъ или двумя помощниками, требуется помещеніе для нихъ и для библіотеки, которыя, образовываясь постепенно и будучи спеціальною, можетъ быть организована почти безъ всякихъ экстренныхъ затратъ. Требуется ежегодный расходъ въ 15—20 тысячъ для того, чтобы устроить Институтъ, въ который могъ бы являться каждый, прибывающій для научныхъ занятій въ Римъ, русскій ученый, для того, чтобы этотъ послѣдній, какъ и всякій русскій художникъ, могъ здѣсь встрѣтить необходимое указаніе, а начинающій ученый и руководство, для того, чтобы русскому ученому (и, пожалуй, художнику) былъ облегченъ доступъ всюду, куда влекутъ его на почвѣ Италіи и научныя занятія, чтобы онъ могъ получить авторитетную рекомендацію къ лицамъ и учрежденіямъ, находящимся не только въ центрахъ, но и отдаленныхъ мѣстностяхъ полуострова. Какъ только такое учрежденіе упрочится, оно обязано завести *на русскомъ языкѣ* періодическое изданіе, которое печаталось бы въ Россіи и въ которомъ бы сообщалось какъ о всѣхъ археологическихъ открытіяхъ въ принадлежащемъ Институту районѣ, такъ и о томъ, что дѣлается въ наукѣ въ дѣлѣ оцѣнки или объясненія открываемыхъ памятниковъ. Но такой Институтъ, основанный въ Римѣ, не вполне достигалъ бы цѣли, если бъ не имѣлъ своего отдѣленія въ Аѳинахъ, гдѣ археологическія студіи приняли въ наше время необыкновенно широкія размѣры. Половины издержекъ будетъ достаточно, чтобы содержать это отдѣленіе, которое со временемъ можетъ стать и самостоятельнымъ учрежденіемъ и играть очень важную роль въ движеніи русской науки.

Мм. гг., я не намѣренъ утруждать васъ дальнѣйшимъ развитіемъ мысли, которую предложилъ вашему обсужденію. Но я долженъ прибавить слѣдующее. Я говорилъ о важности рус-

скихъ учреждений въ Римѣ и Афинахъ для образованія спеціалистовъ по классической археологіи. Съ такимъ же точно правомъ я могъ бы говорить и о важности этихъ учреждений для всей области классической филологіи въ Россіи. Если бъ я говорилъ не на Археологическомъ Съѣздѣ, а на филологическомъ, какихъ, къ сожалѣнію, у насъ еще не образовалось, то я вездѣ, гдѣ теперь, употребилъ слово *археологія* подставилъ бы слово *филологія*, такъ какъ для самостоятельности и—позволю себѣ сказать—осмысленности русскаго филологическаго образованія эти Институты не менѣе важны, чѣмъ и для подъема спеціально классической археологіи въ Россіи. Спросите у любого филолога, путешествовавшаго по Италиі или Греціи, что значить для него посѣщеніе классической почвы Греціи и Рима, и онъ вамъ скажетъ, что только на этой почвѣ разверзлись вполнѣ его духовныя очи, и онъ сталъ понимать классическую древность такъ, какъ не могли его научить понимать ее никакіе германскіе университеты. Дотолѣ мертвая, эта древность становится для него съ минуты посѣщенія римскаго Капитолія и афинскаго Акрополя живого, и онъ начинаетъ ее, казавшуюся ему прежде столь далекою, осязать руками, привязываться къ ней душой и любить ее страстною любовью. Представьте себѣ теперь не единицы, случайно попавшія въ Грецію или Италию, а цѣлыя десятки молодыхъ ученыхъ, посѣщающіе Римъ и Афины съ цѣлю завершенія своего образованія. Эти десятки находятъ въ этихъ центрахъ древней жизни и образованности пріютъ и руководство, находятъ его не у чужихъ (чужой хлѣбъ горекъ, говоритъ пословица), а у своихъ, которымъ дорогъ всякій малѣйшій успѣхъ просвѣщенія въ отечествѣ и которые съ сердечною теплотою передаютъ свои знанія молодымъ соотечественникамъ и направляютъ ихъ въ ихъ занятіяхъ. Представьте себѣ эту молодую, постоянно подкрѣпляющуюся, армію филологовъ и археологовъ, образовавшихся по своей спеціальности у самаго корня своей науки, представьте ее себѣ дѣйствующую въ гимназіяхъ, въ университетахъ, въ академіяхъ, наконецъ, на вашихъ Археологическихъ Съѣздахъ. Какая этимъ была бы внесена жизнь въ нашу науку, какое это было бы для насъ, получившихъ свое образованіе при гораздо худшихъ условіяхъ, какое это было бы отрадное и умильное зрѣлище!

Поддержите же мою мысль вашимъ сочувствіемъ: вы окажете тѣмъ истинную и важную услугу отечеству.

Достопримѣчательные предметы въ Велико-Устюжскомъ Архангельскомъ монастырѣ.

(Выписка изъ описанія этого мон-ря, сост. П. Савванитовымъ).

Изъ предметовъ, находящихся въ Архангельскомъ монастырѣ, обращаютъ на себя вниманіе:

1. Въ Преполовенской церкви каменная гробница, съ положеннымъ на ней изображеніемъ (на холстѣ) преподобнаго Кипріяна (основателя мон-ря). Здѣсь подъ спудомъ почиваютъ мощи его.

2. Въ головахъ гробницы дикій камень, величиною съ большую человѣческую голову. Съ этимъ камнемъ обходилъ преподобный то мѣсто, на которомъ стоитъ нынѣ монастырь; этимъ камнемъ онъ возбуждалъ себя къ бодрствованію, держа его въ рукахъ, когда утомленная дневными трудами и молитвенными подвигами плоть его склонялась къ дремотѣ. Благочестивые богомольцы, оскабливая этотъ камень, употребляютъ песокъ его, какъ врачевство отъ недуговъ.

3. Небольшой напрестольный крестъ изъ дерева „Синагого“, съ серебрянымъ литымъ Распятіемъ, обложенный по концамъ также серебромъ. Преданіе говоритъ, что этотъ крестъ принадлежалъ преподобному Кипріяну и былъ въ его келии.

4. Крестъ, вытесанный изъ дикаго бѣлаго камня, длиною въ 3 четверти, а шириною въ полъ-аршина. На немъ вырѣзаны слѣдующія слова:

Распатіе
Гдѣ на-
шего Іис.
Хрста.
лѣта 7133 трость губа
коп.
при архимандритѣ Варлаамѣ
нид кад
мд рѣд
вытесаль Мисайль.

Этотъ крестъ былъ поставленъ въ часовнѣ, построенной на мѣстѣ кончины св. Прокопія, Устюжскаго чудотворца; а въ 1737 году перенесенъ въ Введенскую церковь и поставленъ въ трапезѣ на правой сторонѣ, вставленный въ большую доску, съ изображеніемъ страстей Христовыхъ.

5. Въ иконостасѣ надвратной церкви—образъ Владимірска Пресвятыя Богородицы. На

задней сторонѣ его находится слѣдующая надпись: „Написанъ сей образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія въ лѣто 7070 мѣсяца мая въ 5 день, въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, при державѣ Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича всея Россіи и при митрополитѣ Аѳанасіи того же Богоспасаемаго града Москвы. Чудеса ея, Пресвятыя Богородицы, начаты писать 187 года Ноября въ 20 день и совершены того же года Апрѣля въ 17 день; а писаны на Устюгѣ Великомъ. Писавый сіи чудеса устюжанинъ Аѳанасій Петровъ Соколовъ, по обѣщанію Устюжанина Ивана Анисифорова Мальцова. А поставленъ во 190 году октября въ 22 день, по обѣщанію того же боголюбца, на Устюгѣ Великомъ, въ дому Пресвятыя Богородицы чеснаго ея Введенія и собора Архистратига Божія Михаила и Гавріила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ и преподобнаго отца нашего Кипріяна, начальника монастыря сего, при архимандритѣ Іоасафѣ, въ первое лѣто паствы его, въ честь и славу Пречистой Богородицѣ и на поклоненіе многочастному собранію и всему православному христіанству, душевнаго ради спасенія и вѣчнаго поминовенія. Церкви святыхъ женъ Муроносицъ дьякъ Іван Анисифоровъ сынъ по реклу Мальцовъ.

6. Въ монастырской библиотекѣ, между нѣсколькими старопечатными книгами, рукописи:

а) Книга, глаголемая Путникъ Устюга Великаго пречестные обители Пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Введенія въ церковь; въ 4-ку. Начата писаться, при архимандритѣ Варлаамѣ, 7126 года.

б) Роздатоchnая книга 7120 года, въ л.

в) Книга разныхъ поученій — чистой скорописи.

г) Синодикъ, въ л., съ подписью: „168 году почаль прочитати.... Въ немъ, между прочимъ, имена „Епископовъ Пермскихъ: Стефана, Исакія, Герасима, Питирима, Іоны, Филовіа, Никона, Пимина“.

д) Синодикъ, въ л., безъ начала.

е) Синодикъ, въ 4-ку. Въ немъ записаны архимандриты монастыря: „Герасимъ, Іовъ 2-жды, Вассіанъ, Адріанъ, Герасимъ, Корнилій, Іосифъ, Тихонъ, Романъ, Вассіанъ, Θεогность, Гурій, Лаврентій, Пафнутій, Іосифъ схим., Арсеній схим., Игнатій, Антоній, Михайлъ, Іоасафъ, Іосифъ, Іларіонъ, Варсонофій, Боголѣпъ, Іаковъ, Мисаиль, Сергій“.

ж) Граматы: а) в. кн. Василя Ивановича, 8 сент. 1510 г.

б) ц. и в. кн. Бориса Ѳедоровича 18 окт. 1598 г.

в) ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича 3 апр. 1623 г.

г) ц. и в. кн. Алексѣя Михайловича декабрь 1663 г.

д) свят. патріарха Адріана 11 апрѣля 1697 г.

Древній походный храмъ калмыцкаго крещенаго таиши въ Оренбургѣ.

В. Н. ВИТЕВСКАГО.

Въ домовой церкви Неплюевского кадетскаго корпуса въ Оренбургѣ сохраняется замѣчательный церковный памятникъ, относящійся къ 1725 году, — походная церковь Воскресенія Христова, пожалованная Императоромъ Петромъ Великимъ своему крестнику, калмыцкому таишѣ (князю) Петру Петровичу, внуку извѣстнаго въ исторіи калмыковъ хана Аюки. Сколько намъ извѣстно, объ этой церкви впервые оповѣстилъ въ печати въ 1872 г. ¹⁾ покойный Р. Г. Игнатьевъ, отличный знатокъ архивовъ и древностей Оренбургскаго края. Затѣмъ въ № 16-мъ „Оренбургскихъ Епарх. Вѣдомостей“ за 1888 г. была напечатана статья Гр. Еф. Королева-Антошечкина, служащая какъ бы дополненіемъ краткой замѣтки Р. Г. Игнатьева. Но объ эти статьи отличаются нѣкоторой неточностью и неполнотой: Р. Г. Игнатьевъ мало сообщаетъ свѣдѣній о судьбѣ походнаго храма, а Гр. Еф. Корольевъ-Антошечкинъ, пополняя пробѣлъ статьи Игнатьева, поверхностно описываетъ самый храмъ и принадлежащія ему церковныя вещи, какъ-то: богослужебныя книги, священныя одежды, церковную утварь и т. п. Будучи въ Оренбургѣ я лично осмотрѣлъ этотъ памятникъ и убѣдился, что этотъ древній храмъ, напоминающій намъ о Великомъ Преобразователѣ Россіи и его достойномъ ученикѣ Н. Н. Неплюевѣ, вполне заслуживаетъ вниманія историковъ и археологовъ.

Иконостасъ описываемой церкви состоитъ изъ четырехъ частей: 1) треугольника, помещающагося сверху иконостаса; 2) Царскихъ дверей; 3) двухъ иконъ по правую сторону этихъ дверей и 4) двухъ иконъ по лѣвую ихъ сторону. Рама иконостаса деревянная, окрашенная бѣлой масляной краской, съ простыми рѣзными украшеніями, покрытыми позолотой. Всѣ иконы писаны масляными красками на бѣломъ атласѣ и въ техническомъ отношеніи выполнены прекрасно. Высота всего иконостаса съ находящимся на немъ треугольникомъ имѣетъ 4 аршина 10½ вершковъ, а ширина — 5 аршинъ 6¼ вершковъ. Высота мѣстныхъ иконъ, находящихся по обѣимъ сторонамъ Царскихъ вратъ, равняется 2 аршинамъ 7 вершкамъ; ширина Царскихъ вратъ одному аршину 4½ вершкамъ, а отъ боковыхъ краевъ иконостаса до Царскихъ дверей 2 аршина 7/8 вершка. Всѣхъ иконъ въ иконостасѣ 12, включая въ это число и небольшія изображенія Евангелистовъ, Божіей Матери и Архангела Гавріила, на-

¹⁾ См. газет. „Образованіе и Промышленность“ за 1872 г., № 10.

ходящіяся на Царскихъ вратахъ. На треугольникѣ помѣщены иконы св. Пророка Ильи, св. Предтечи и Крестителя Христова Иоанна, Тайная Вечеръ и Распятіе. По правую сторону Царскихъ вратъ находятся иконы Воскресенія Христова и св. Апостола Павла, а по лѣвую— Рождества Христова и св. апостола Петра. На всѣхъ иконахъ есть надписи ихъ названій, а надъ большими мѣстными иконами, по карнизу иконостаса, помѣщены особыя изрѣченія изъ св. Писанія, соотвѣтствующія содержанію иконы; такъ, надъ иконой Воскресенія Христова написано: „Христосъ возста изъ мертвыхъ, ктому уже не умретъ“; надъ иконой Рождества Христова: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе“; надъ иконой св. апостола Петра: „яже Богъ очистилъ есть ты не скверни“; надъ иконой св. апостола Павла: „сосудъ избранъ ми есть сей, пронести имя мое предъ языки“. Ниже мѣстныхъ иконъ имѣется слѣдующая надпись, сдѣланная славянскими буквами подъ титлами: „Повелѣніемъ благочестивѣйшаго императора и самодержца государя, Петра Великаго, всероссійскаго, благословеніемъ же Святѣйшаго Правительствующаго Синода сотворися храмъ сей походный Воскресенія Христова, и освятился въ 1725 году февраля 17 дня ¹⁾ и дадеся владѣльцу калмыцкому новопросвѣщенному Петру Петровичу таишѣ“. Кромѣ иконостаса, сохранились также антиминсъ походной церкви, напестольный крестъ, Евангеліе, большой серебряный вызолоченный потиръ, дискосъ, дарохранительница, звѣздца, блюдо, ковшъ, лжица, ризы изъ хорошей парчи и нѣкоторыя изъ богослужебныхъ книгъ, напечатанныя въ Москвѣ въ 1710—1712 годахъ.

Антиминсъ также сдѣланъ изъ бѣлаго атласа и хорошо сохранился, кромѣ одной пробившейся складки; онъ имѣетъ почти квадратную форму (12 вершк. дл. и 10 шир.) и находится на стѣнѣ надъ самымъ жертвенникомъ въ алтарѣ храма. О времени освященія его гласитъ слѣдующая на немъ надпись: „Сій антиминсъ, сіе есть трапеза священная на приношеніе безкровныя жертвы въ Божественной литургіи, освятится благодатію Пресвятаго и Животворящаго Духа, сего ради имѣетъ власть священнодѣйствовать въ храмѣ походномъ Воскресенія Христова, данномъ новопросвѣщенному калмыцкому державцу Петру Петровичу. Повелѣніемъ благовѣрнаго государя, Петра Великаго, отца отечества, императора самодержца всероссійскаго, благословеніемъ же Святѣйшаго Правительствующаго всероссійскаго Синода, священнодѣйствованъ преосвященнымъ Леонидомъ ²⁾, архіепископомъ Сарскимъ и Подонскимъ 1725 года (числа нѣтъ) мѣсяца января“.

Напестольный серебряный вызолоченный крестъ, съ частицами св. мощей, имѣетъ чеканную подпись такого содержанія: „Сей святыи крестъ сотворися 1703 лѣта Господня, который отданъ, по благословенію Св. Правительствующаго Синода, въ походную церковь Воскресенія Христова, новопросвѣщенному владѣльцу Калмыцкому Петру Петровичу таишѣ, 1725 года“.

Изъ книгъ заслуживаетъ особеннаго вниманія Библия, напечатанная съ „Острожской“ въ Москвѣ въ 1663 году, но вновь переплетенная въ 1844 году. Переплетчикъ, заботясь о красотѣ переплета, отдѣланнаго въ малиновый бархатъ, срѣзалъ во многихъ мѣстахъ старинную надпись, сдѣланную четкимъ и яснымъ почеркомъ по листамъ на нижней части ихъ. Судя по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ этой надписи, она заключалась въ слѣдующемъ: „Библия въ 1725 г. января 15 Правительствующимъ Синодомъ дарована новопросвѣщенному св. крещеніемъ Петру Петровичу; подписалъ Святѣйшаго Синода секретарь Петръ Тишинъ“. Переплетчикъ вставилъ

¹⁾ Въ ст. Игнатѣева означено 15 января.

²⁾ Леонидъ, архіепископъ Сарскій и Подонскій, хиротонизанъ 18 февраля 1722 г. изъ архимандритовъ Московскаго Петровскаго монастыря; съ этого времени до 4 марта 1736 г. онъ былъ „совѣтникомъ синодскимъ“; въ томъ же году опредѣленъ на епархію, а въ 1739 г. онъ основалъ въ Вяземскомъ Предтеченскомъ монастырѣ Крутицкую семинарію; тогда же были заведены имъ и школы, для обученія духовныхъ дѣтей чтенію, письму и потному пѣнію. Перваго числа сентября 1742 г. онъ удалился на покой въ Московскій Новоспасскій монастырь.

въ началѣ книги новый пергаментный листъ, и напечаталъ на немъ золотыми буквами слѣдующее: „Сія Святая Библия, т. е. книги Ветхаго и Новаго Завѣта, во изъявленіе Высочайшаго благословенія Государи Императора Петра Великаго и благословенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, дарована Калмыцкому владѣльцу Петру Петровичу Таишину, по просвѣщеніи его св. крещеніемъ, въ лѣто отъ Р. Х. 1725 января въ 15 день“. На верхней доскѣ переплета находится серебряный ромбондъ съ изображеніемъ креста и государственнаго герба и надпись: „Слово Божіе“. Напрестольное Евангеліе напечатано также въ Москвѣ 1711 года, прочія богослужебныя книги—тамъ же въ 1710, 1711 и 1712 годахъ. Походная церковь Воскресенія Христова имѣла особый, довольно большой бѣлый атласный шатеръ и колоколь, но отъ перваго остались только ветхіе лоскутья, а втораго вовсе нѣтъ.

Познакомившись съ походной церковью Воскресенія Христова въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о разновременной судьбѣ этой церкви. Внукъ калмыцкаго хана Аюки, второй сынъ Чакдоржана въ 1724 году пожелалъ принять св. крещеніе со всѣмъ своимъ семействомъ и съ подвластной ему ордой, кочевавшей между Волгой и Ураломъ, пониже города Саратова. Восприемникомъ его былъ самъ Петръ Великій; новопросвѣщенный калмыцкій таиша былъ названъ Петромъ, а крестный отецъ его тогда же приказалъ сдѣлать для него, какъ человѣка кочевого, походный храмъ во имя Воскресенія Христова. Когда храмъ былъ готовъ, его вручили крестнику Петра и, для совершенія въ немъ богослуженія, назначили особаго іеромонаха, который долженъ былъ крестить и пожелавшихъ изъ Калмыковъ принять православіе. Іеромонахъ Никодимъ Ланкѣвичъ, назначенный съ этою цѣлю въ орду, хорошо зналъ калмыцкій языкъ: въ помощь ему было дано нѣсколько учениковъ Заиконоспасской школы. Въ 1736 году новопросвѣщенный таиша Петръ Петровичъ просилъ Императрицу Анну Іоанновну, чтобы для крещенныхъ Калмыковъ было отведено особое мѣсто для поселенія. Вслѣдствіе этого, крещенные Калмыки были переселены въ Ставропольскій уѣздъ нынѣшней Самарской губерніи, гдѣ и была устроена для нихъ Ставропольская крѣпость, въ которой поселилась жена умершаго таиши. По смерти своего мужа, она также пожелала креститься; восприемницей ея была сама Императрица Анна Іоанновна, которая, въ воспоминаніе этого, пожелала, чтобы новопросвѣщенную ея крестницу называли при крещеніи Анной; крестившаяся вдова получила княжескій титулъ и была назначена главою всѣхъ крещенныхъ Калмыковъ. Со времени поселенія княгини Анны Таишиной въ Ставрополѣ, походная церковь, пожалованная ея мужу Петромъ Великимъ, оставалась безъ употребленія, потому что въ Ставрополѣ были устроены постоянные храмы. На нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгахъ походной церкви, хранящихся въ Неплюевскомъ корпусѣ, имѣется, надпись о принадлежности ихъ Ставропольской Троицкой церкви; поэтому мы думаемъ, что походный храмъ Воскресенія Христова и всѣ принадлежащія ему вещи хранились въ Ставропольской Троицкой церкви, со времени поселенія княгини Анны Таишиной въ Ставрополѣ, и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, богослужебныя книги и церковныя сосуды могли быть въ употребленіи. Въ 1744 г. Ставропольскіе крещенные Калмыки были подчинены Оренбургскому губернатору Ив. Ив. Неплюеву, который, обзрѣвая ввѣренный ему край, посѣтилъ и Ставрополь. Княгиня Анна Таишина приняла своего новаго начальника весьма радушно и, въ знакъ своего уваженія и памяти, подарила ему походную церковь Воскресенія Христова. И. И. Неплюевъ перевезъ эту церковь въ Оренбургъ и сдѣлалъ ее своею домовою церковью, а во время разъѣздовъ по незаселеннымъ мѣстамъ обширнаго Оренбургскаго края бралъ ее и особаго священника съ собой въ путешествіе, какъ искренно и глубоко религіозный человѣкъ. Въ предпраздничные дни разбивался въ стени шатеръ походной церкви, устанавливался въ немъ иконостасъ и сопровождавшій Неплюева священникъ совершалъ богослуженіе. Впослѣдствіи,

когда мѣстныя войска нуждались въ походной церкви для лагернаго времени, Неплюевъ обратилъ этотъ даръ Петра Великаго въ военно-походную церковь и построилъ для нея въ Оренбургѣ деревянное зданіе, въ видѣ большого и просторнаго дома съ крестомъ на его крышѣ. Въ этомъ домѣ, находившемся, по преданію, въ сѣверной части города, близъ Чернорѣченскихъ воротъ, былъ установленъ иконостасъ походной церкви Воскресенія Христова и богослуженіе совершалось военнымъ священникомъ круглый годъ, за исключеніемъ лѣтняго времени, когда церковь переносилась на мѣсто лагерей, для совершенія богослуженія тамъ. Въ 1786 г., во время сильнаго пожара, истребившаго до 400 домовъ въ Оренбургѣ, домъ, въ которомъ помѣщалась церковь, сгорѣлъ, иконостасъ же и церковная утварь были спасены и переданы на храненіе въ Оренбургскій окружный штабъ, гдѣ и находились до 1852 г., когда, вслѣдствіе ходатайства графа Вас. Ал. Перовскаго, были переданы, по Высочайшему повелѣнію, въ Неплюевскій кадетскій корпусъ. Нужно замѣтить, что Неплюевскій корпусъ помѣщался тогда въ зданіи нынѣшней женской гимназіи и не имѣлъ своей домовою церкви. Такъ-какъ въ самомъ зданіи корпуса не нашлось свободнаго и удобнаго помѣщенія для устройства церкви, то во дворѣ корпуса было выстроено деревянное зданіе съ куполомъ, въ которое и была помѣщена походная церковь Воскресенія Христова. Въ лѣтнее время она переносилась въ лагери кадетовъ, но въ 1855 году начальство Неплюевского корпуса, заботясь о сохраненіи этого церковнаго памятника старины, испросило разрѣшеніе на устройство другой походной церкви для лагернаго времени, которая существуетъ при корпусѣ и употребляется по назначенію донинѣ. Въ 1872 году для Неплюевского кадетскаго корпуса было отстроено на Караванъ-сарайской площади новое громадное зданіе съ домовою церковью, во имя Обновленія храма Воскресенія Христова въ Иерусалимѣ, освященнаго 17 сентября того же года преосвященнымъ Митрофаномъ, епископомъ Оренбургскимъ и Уральскимъ. Настоящая домовая церковь Неплюевского корпуса помѣщается въ верхнемъ этажѣ средняго выступа во дворъ корпуснаго зданія; алтарь церкви, по причинѣ неудобнаго въ этомъ отношеніи устройства дома, обращенъ на западъ. Помѣщеніе церкви свѣтлое, обширное; новый иконостасъ довольно изящной работы. При церкви имѣется библіотека, заключающая въ себѣ до 700 экземпляровъ книгъ религіознаго и нравоучительнаго содержанія.

Съ построеніемъ новаго зданія для Неплюевского корпуса и при немъ домовою церкви, прежнее помѣщеніе для походной церкви было сломано; иконостасъ же и уцѣлѣвшая утварь походной церкви Воскресенія Христова перенесена на храненіе въ ново-устроенную церковь.

Бесермяне Вятской губерніи.

И. СМІРНОВА.

Въ числѣ вопросовъ, на которые желательно было получить отвѣтъ на VIII Археологическомъ Сѣздѣ, въ программѣ этого стоитъ вопросъ: „Малозвѣстный до сихъ поръ народъ Бесермяне не составляютъ ли остатокъ Болгарскихъ колоній въ предѣлахъ Вятки“. Нельзя сказать, чтобы вопросъ былъ поставленъ удачно.

Что такое по своему внѣшнему виду, по складу жизни, вѣрованіямъ и обычаямъ Бесермяне—мы можемъ сказать на основаніи прямыхъ наблюденій. Что такое Болгары—это до сихъ поръ неразрѣшимая историко-этнографическая загадка. На счетъ внѣшняго быта имѣются скудныя и недостаточно ясныя свѣдѣнія у арабскихъ писателей; относительно языка существуютъ болѣе или менѣе правдоподобныя догадки; относительно языческихъ, до мусульманскихъ вѣрованій неизвѣстно совсѣмъ ничего. При такихъ условіяхъ устанавливать отношенія между двумя народностями намъ представляется совершенно невозможнымъ. Но вопросъ о Бесермянахъ самъ по себѣ заслуживаетъ вниманія. Многое говоритъ въ пользу того, что въ лицѣ ихъ мы имѣемъ остатокъ народности стоящей особо отъ Вотяковъ и Татаръ. Уже внѣшній видъ Бесермянъ заставляетъ предполагать, что мы имѣемъ въ лицѣ ихъ дѣло съ народомъ Тюркской расы. Въ то время, какъ сосѣдніе Вотяки имѣютъ низкій ростъ, бѣлокурые волосы, сѣрые глаза и красноватый цвѣтъ кожи, Бесермяне отличаются матово-желтымъ цвѣтомъ кожи, черными волосами и глазами и среднимъ ростомъ. Другой внѣшній признакъ народности—костюмъ также обособляетъ Бесермянъ отъ Вотяковъ и Татаръ. Бесермянскія женщины и дѣвушки носятъ совершенно своеобразныя головныя уборы, которые называются именами, звучащими совершенно по-Башкирски (женскій—кашпау-чув. хошпу), дѣвичій—такія (чув. тохъя). Рубашки и кафтаны Бесермянокъ, какъ вотскія, расшиты шелками или нитками, но характеръ шва и рисунка совершенно особые. То и другое ближе всего подходитъ къ крещено-татарскому. Внѣшній видъ Бесермянъ заставляетъ, такимъ образомъ, предполагать въ нихъ Тюркское племя. Противъ этого предположенія говоритъ, повидимому, языкъ. Бесермяне говорятъ по-вотски, и ихъ нарѣчіе ничѣмъ почти не отличается отъ вотскаго. Но всматриваясь въ лексическій составъ языка—насколько можно сдѣлать это на основаніи номенклатуры родства, общественныхъ отношеній и религіи—мы находимъ въ немъ особые отъ вотскихъ термины для обозначенія отца, матери, свекра, свекрови, старшаго брата и сестры, старшаго девера, старшей золовки, младшей 30-

труды 8-го археол. сѣзда въ москвѣ 1890 г. т. III.

ловки, жены старшаго брата, (атай, анай, біатамъ, біэмъ, дзадзай, татай, біагамъ, бикемъ, бикечей, енгеи), особый терминъ для обозначенія зари—акшанъ ¹⁾).

Кромѣ приведенныхъ положительныхъ признаковъ, народность Бесермянъ опредѣляется еще и отрицательнымъ путемъ. Что Бесермяне—не принявшіе мусульманство и окрещенные потомъ Вотяки, мы заключаемъ изъ нѣкоторыхъ обычаевъ, связанныхъ съ поминовеніемъ умершихъ. Въ Бесермянскихъ селеніяхъ имѣютъ, между прочимъ, мѣста такъ называемые Бигеръ-шай, т. е. Булгарскія или Татарскія кладбища. (Бигеръ имѣетъ въ вотскомъ языкѣ значеніе Татаринъ, ранѣе, вѣроятно, значило—Болгаринъ). Бесермяне считаютъ похороненныхъ тамъ людей своими предками, совершаютъ надъ ними поминовенія и молятся имъ, призывая ихъ на помощь въ различныхъ житейскихъ дѣлахъ. Татары-сосѣди, пугаютъ Бесермянъ гнѣвомъ этихъ усопшихъ Бигеровъ въ случаѣ, если они отступаютъ отъ своихъ мусульмано-языческихъ вѣрованій въ пользу христіанства.

Мы не можемъ считать Бесермянъ и овотячившимися Татарами. Татарство играетъ, правда, большую роль въ жизни Бесермянъ, но, главнымъ образомъ, какъ носитель ислама—бывшей религіи Бесермянъ. Бесермянинъ, несмотря на свою оффиціальную принадлежность къ христіанской церкви, остается до сихъ поръ полу-мусульманиномъ, полу-язычникомъ. Татарскій мулла или Татаринъ вообще призывается къ жертвоприношенію усопшему въ 7-й день. Онъ же совершаетъ закланіе жертвы въ вешнія поминки по усопшимъ и во время вешняго полевого моленія. Но всѣ эти факты говорятъ только о томъ, что Бесермяне остаются вѣрны старой религіи и, утративши знаніе ея ритуала, сами считаютъ нужнымъ обращаться къ Татарамъ. Главнымъ возраженіемъ противъ татарства Бесермянъ является языкъ въ соединеніи съ языческими вѣрованіями. Бесермяне говорятъ по вотяцки даже живя въ однихъ деревняхъ съ Татарами. Ясно, стало-быть, что они тогда уже говорили по-вотски, когда Татары только что появились въ ихъ селеніяхъ. По вѣрованіямъ они также рѣдко отличаются отъ Татаръ. Они усвоили много вотскаго въ области религіи—вмѣстѣ съ Вотяками признаютъ и чтутъ жертвами Нюлесъ-мурта, Вумурта, совершаютъ частныя и общественныя моленія Инмару—чего нѣтъ у сосѣдей Татаръ (наканунѣ Ильина дня, послѣ озимаго сѣва въ новоселье, осенью передъ тѣмъ, какъ переводить скотину съ подножнаго корма въ хлѣвы).

Совокупность всѣхъ перечисленныхъ обстоятельствъ даетъ намъ основаніе предположить, что Бесермяне не будучи ни Вотяками, ни Татарами, являются овотячившимися потомками какого-то Тюркскаго племени, ранѣе Татаръ жившаго въ бассейнѣ Чепцы ²⁾. Что было это за племя остается пока для насъ загадкой.

¹⁾ Нѣкоторые изъ этихъ терминовъ—біатамъ, біэмъ—намъ удалось констатировать въ терминологіи родства у Башкиръ Бирскаго уѣзда, Уфимской губерніи.

²⁾ Племя это жило, кажется, нѣкогда по всѣму теченію Чепцы и постепенно сливалось съ Вотяками. Въ Слободскомъ уѣздѣ есть вотскія деревни, въ которыхъ, по преданію ранѣе жили Бесермяне.

Воспоминанія объ эпохѣ каннибализма въ народной поэзіи Вотяковъ.

И. С МИР НОВА.

Я хочу возстановить предъ читателемъ стертую временемъ страницу изъ культурной исторіи Поволжья, тотъ періодъ ея, когда „человѣку человекъ былъ“ не „братъ“, а пища „прежде всего“. Матеріаль для этой реставраціи я беру изъ сказокъ вотскаго племени. Выборъ источника съ перваго раза можетъ показаться страннымъ. Сказка и исторія! Мы такъ привыкли считать эти вещи діаметрально противоположными, на освобожденіе исторіи отъ сказочнаго элемента мы потратили столько усилій, что новый поворотъ къ сказкѣ кажется невозможнымъ. Наши корабли, къ счастью, еще не сожжены и они намъ теперь пригодятся. Понятіе объ исторіи переживаетъ въ настоящее время критическій моментъ.

Старыя опредѣленія, старыя схемы находятся наканунѣ сдачи въ архивъ. Исторія культурная—исторія идей, вѣрованій, правовъ, права, учреждений—которая такъ недавно еще только механически пристегивалась къ политической исторіи, быстро выдвигается на первый планъ и вводитъ политическую исторію въ скромныя рамки одного изъ проявленій человѣческаго творчества. Для новыхъ задачъ, которыя ставитъ себѣ въ наше время исторія, являются и новые источники и между этими послѣдними не послѣднее мѣсто занимаютъ произведенія народнаго творчества вообще, сказки въ частности.

Какую цѣнность имѣютъ вотяцкія сказки, какъ культурно-историческій матеріаль, вы рѣшите сейчасъ сами. Позвольте мнѣ предварительно назвать вамъ тѣ изданія, въ которыхъ онѣ помѣщаются. Вотяцкія сказки собираются всего только десять лѣтъ. Издателемъ перваго сборника былъ вотякъ Гавриловъ, выпустившій въ 1880 г., на средства православнаго Миссіонерскаго Общества, книгу подъ заглавіемъ: „Произведенія Народной Словесности Вотяковъ—сказки и загадки“. За нимъ стали записывать вотяцкія сказки и другіе изслѣдователи изъ русскихъ Потанинъ, Верещагинъ, покойный, рано потерянный для археологіи и этнографіи Первухинъ, мадьяръ Мункачи и финляндець Аминовъ.

Я беру два отрывка — одинъ изъ сборника Мункачи, другой изъ книги Верещагина. Вотяцкій богатырь Бурсинъ-батырь послѣ долгой и успѣшной борьбы съ Черемисами попадаетъ наконецъ въ ихъ руки. Передъ смертью онъ завѣщаетъ своимъ врагамъ *съестъ его мясо* и опоясаться его кишками. Черемисы не рѣшились послѣдовать его совѣту, но для пробы обвили кишками умершаго богатыря столбъ; столбъ сорвался съ мѣста и поднялся подъ облака.

У г. Верещагина въ цитированной книгѣ мы беремъ финаль вотяцкаго сказанія объ Идн-батырѣ. Идна погибъ въ битвѣ съ Русскими. Русскіе убили его, вынули изъ него сердце и печень, *изжарим и съѣли ихъ*. Съ тѣхъ поръ у Вотяковъ не стало богатырей—прибавляютъ рассказчики.

Сопоставимъ съ этими двумя отрывками изъ вотяцкихъ сказокъ факты, сообщаемые Andree, Lippert'омъ и др., относительно современныхъ намъ дикарей. Даяки даютъ своимъ мальчикамъ ѣсть сердца убитыхъ враговъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе храбрыми (Lipp II, 283). Сердце врага съѣдаютъ и Фиджійцы для того, чтобы усвоить его мужество.

Сопоставленіе открываетъ намъ, что вотяцкія преданія говорятъ, какъ о прошломъ, о вещахъ, которыя имѣютъ мѣсто въ жизни первобытныхъ народовъ. Основы дѣйствія, его причины въ обоихъ случаяхъ тѣже: Вотякъ былого времени, какъ современный Даякъ и Фиджіецъ, по своему понималъ отношеніе между предметомъ и его свойствомъ, признакомъ—въ данномъ случаѣ между тѣломъ богатыря или его духомъ, имѣющимъ помѣщеніе въ сердцѣ и его свойствами—мужествомъ, силой. Онъ думалъ, что стоитъ съѣсть тѣло, обладающее извѣстными свойствами, чтобы вмѣстѣ съ нимъ овладѣть и этимъ свойствомъ. Вотяка и Фиджіяца, раздѣленныхъ пространствомъ, сближаетъ одинъ уровень развитія мысли, какъ одинъ уровень развитія техники сближаетъ между собою людей каменнаго или бронзоваго вѣка.

Вотяцкая сказка и Фиджійская дѣйствительность—разорванныя звенья одной цѣпи явленій. Сравнительныя изслѣдованія произведеній народнаго творчества и обычаевъ соединяетъ эти звенья и даетъ намъ возможность установить цѣнность сказки, какъ культурно-историческаго источника: бытовой остовъ сказки—дѣйствительность далекаго прошедшаго, ея подробности, краски—плодъ стремленія позднѣйшихъ поколѣній приладить образы прошедшаго къ условіямъ окружающей ихъ дѣйствительности.

Перейдемъ теперь къ вотяцкимъ сказкамъ и извлечемъ изъ нихъ факты, которые говорятъ о канибализмѣ. Наболѣе богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи представляютъ сказки о богахъ (понимая этотъ терминъ въ самомъ широкомъ его смыслѣ—смыслѣ всякаго сверхъестественнаго дѣятеля). Въ Бирскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи я слышалъ отъ старика—Вотяка характерную сказку о водяномъ, которая записана была по моей просьбѣ Вотякомъ—учителемъ и помѣщена въ приложеніи къ моей книгѣ „Вотяки“. Водяной требуетъ у одного человѣка въ жертву сына. Отецъ вмѣсто того, чтобы выполнить его желаніе, велѣлъ мальчику бѣжать. Водяной, узнавши объ обманѣ, пускается за своей жертвой въ погоню и настигаетъ ее въ деревнѣ, гдѣ жила одна изъ сестеръ мальчика. „Ву-пэри (водяной)—читаемъ мы въ текстѣ сказки—сталь совѣтоваться съ сестрой, какимъ образомъ *съѣсть* этого мальчика... Сестра говоритъ: „ты садись въ печку, превратись въ пламя; когда онъ (мальчикъ) придетъ со стужи, то прямо подойдетъ къ печкѣ погрѣться, а ты тогда схватишь пламенемъ и съѣшь его“ ¹⁾. Въ другой сказкѣ, записанной тамъ же, въ подземномъ мірѣ фигурируетъ старуха-людоедка. Она прямо заявляетъ солдату, который отпраплялся туда на поиски за похищенными Таль-пэри (вихремъ) дочерями царя, что *съѣла* бы его, если бы за нимъ не было энгелыка (непонятное рассказчику Тюркское по формѣ слово) ²⁾. Въ лѣсахъ, по рассказамъ Вотяковъ, живутъ особыя челоѣкообразныя существа—Кузъпинэ-мурты (длиннозубые люди), которыя питаются исключительно челоѣческимъ мясомъ. Съ выступающими въ сказкахъ представленіями о богахъ, какъ о людоедахъ, вполне гармонируетъ обычай челоѣческихъ жертвоприношеній, свѣдѣнія о которомъ приведены и истолкованы въ моей книгѣ „Вотяки“.

Людоедство боговъ имѣетъ существенное значеніе для рѣшенія занимающаго насъ вопроса.

¹⁾ Вот. Прил. 7—8.

²⁾ Ibid. 30.

Человѣкъ создаетъ боговъ по своему образу, надѣляетъ ихъ тѣми или другими потребностями сообразно съ условіями собственнаго быта. Человѣкообразныхъ боговъ - людоедовъ создалъ, конечно, человѣкъ—каннибалъ. Представленія и культъ, сложившіеся въ эпоху каннибализма, пережили этотъ послѣдній и дошли въ видѣ обломковъ старины до нашего времени. Тѣзисъ о связи между человѣческими жертвами и антропоморфными идеями эпохи каннибализма не оспаривается въ современной антропологической литературѣ.

Я сдѣлаю однако въ этомъ отношеніи уступку и соглашусь на время, что одного людоедства боговъ не достаточно для того, чтобы констатировать каннибализмъ у ихъ поклонниковъ. Если людоедство боговъ можетъ свидѣтельствовать о каннибализмѣ людей, то людоедство, практикуемое покойниками, во всякомъ случаѣ должно, кажется, свидѣтельствовать о людоедствѣ живыхъ. Вотьяки нашего времени представляютъ загробную жизнь, какъ точную копію съ земной—усопшіе пьютъ, ѣдятъ, растутъ, вступаютъ въ браки. Такъ, конечно, представляли жизнь усопшихъ и далекіе предки нынѣшнихъ Вотьяковъ. При такихъ воззрѣніяхъ является вполне понятнымъ, что люди—каннибалы представляли каннибалами и усопшихъ и стало быть каннибализмъ этихъ послѣднихъ можетъ служить свидѣтельствомъ въ пользу каннибализма живыхъ. Покойники—людоеды (Убиры, Кулэмъ-Убиры)—одинъ изъ любимыхъ мотивовъ вотяцкаго эпоса. Сказка о Кулэмъ-убирѣ, приводимая въ „Вотьякахъ Сосновскаго края“ Верещагина знакомитъ съ условіями, при которыхъ нынѣшній покойникъ можетъ сдѣлаться людоедомъ.

Солдатъ случайно уснулъ на кладбищѣ и въ полночь увидаль, какъ вышелъ изъ могилы мертвецъ, разостлалъ на могилѣ саванъ и улетѣлъ съ него. Солдатъ утащилъ оставленный саванъ и ждетъ, что будетъ. Вотъ прилетаетъ мертвецъ и хочетъ пройти въ могилу, а савана нѣтъ.—„Отдай мнѣ саванъ, говоритъ мертвецъ, иначе я съѣмъ тебя“.—Скажи, кто ты, куда леталь, что дѣлалъ? тогда я тебѣ отдамъ, отвѣчалъ солдатъ.—„Я—Убиръ, говоритъ мертвецъ: былъ въ (такой-то) деревнѣ. Тамъ у меня родня пируетъ свадьбу. Они меня не поминаютъ (т. е. не кормятъ) и я рѣшилъ имъ отомстить. Я вынулъ кровь у молодого и молодой“.

Изъ приведеннаго отрывка сказки мы видимъ, что Убиръ пьетъ кровь, побуждаемый нуждой и отчасти мстью; ему нѣтъ возможности достать другой пищи, такъ какъ его никто не поминаетъ. Кровь человѣка замѣняетъ для него кровь жертвенныхъ животныхъ, которою питаются другіе поминаемые родными покойники. Въ такомъ положеніи можетъ очутиться всякій покойникъ. Верещагинъ, дѣйствительно, прямо утверждаетъ, что по вотяцкимъ вѣрованіямъ съѣсть человѣка можетъ всякій мертвецъ. Въ сказкѣ, помѣщенной въ IV „Эскизѣ“ Первухина подъ № 39, мы видѣли покойницу, дѣвушку—людоедку, которая ночью поднимается изъ гроба, проситъ ѣсть и ищетъ для утоленія голода юношу, который взялся ее караулить въ церкви.

Въ обоихъ случаяхъ мы видимъ каннибализмъ, созданный нуждой, терзаніями неудовлетвореннаго голода. Что человѣчина для покойниковъ можетъ представляться лакомствомъ, наиболее удобной пищей, какъ богамъ, мы изъ сказокъ пока не знаемъ. Но есть основаніе думать, что мы найдемъ въ сказкахъ указанія и такого характера. У Вотьяковъ Казанской губерніи былъ когда-то, по свидѣтельству г-жи Фуксъ, обычай приносить въ жертву предкамъ отъ лица цѣлой деревни самаго дряхлаго старика ¹⁾. Эта жертва свидѣтельствуешь, что было время, когда человѣческая жертва представлялась самой удобной для покойниковъ, а такое представленіе могло сложиться только у каннибаловъ и перейти отъ нихъ въ видѣ традиции къ болѣе мягкимъ потомкамъ.

Можетъ случиться, что противъ моего толкованія будетъ выставлено другое: скажутъ, что на усопшихъ народъ перенесъ свойства своихъ боговъ и сообразно съ этимъ организовалъ

¹⁾ Вотьяки. 231.

культъ предковъ, и что, слѣдовательно, отъ способности усопшихъ питаться человѣчиной нельзя заключать къ каннибализму у живыхъ. Принимаю на время и это возраженіе. Пусть наклонности усопшихъ даже въ пору зарожденія первыхъ представленій о загробной жизни не могутъ свидѣтельствовать о наклонностяхъ людей во время ихъ земной жизни.

Мы имѣемъ въ вотяцкомъ эпосѣ сказанія, гдѣ людоедами являются *живые люди*. Припомнимъ легенды о погибшихъ богатыряхъ, сердца которыхъ были съѣдены врагами, — легенды, съ которыхъ я началъ свое сообщеніе. Здѣсь дѣйствуютъ живые люди, на основаніи определенныхъ мотивовъ. Мы видѣли уже, что на эти легенды нельзя смотрѣть, какъ на созданіе фантазіи. Картины, которыя въ нихъ рисуются, мотивы, вызывающіе данные поступки — все это какъ будто списано съ явленій далекой отъ насъ, но совершенной дѣйствительности. Какое вліяніе на возникновеніе исключительныхъ случаевъ каннибализма въ эпосѣ приписывается, а въ жизни былого приписывалось, своеобразному представленію объ отношеніяхъ между тѣломъ человѣка и его свойствами, показываемъ сказка, записанная мною въ томъ же Бирскомъ уѣздѣ и помѣщенная въ приложеніи къ „Вотьякамъ“ подь № 2.

Солдатъ принесъ изъ лѣса чудную птицу: человѣкъ, который съѣлъ бы ея голову, могъ сдѣлаться царемъ, — сердце, — высокимъ сановникомъ Провѣдалъ это знакомый солдату купецъ и условился съ солдаткой: съѣдимъ птицу; я буду царемъ, ты „санатомъ“. Уговоръ этотъ подслушалъ солдатовъ работникъ и скормилъ птицу двумъ сыновьямъ солдата. Приѣхалъ купецъ, узналъ, что случилось и говорить: нужно зарѣзать ребятъ; *когда мы ихъ съѣдимъ, мы все таки будемъ — я царемъ, ты „санатомъ“*.

Эпосъ, въ которомъ фигурируютъ живые люди, позволяетъ намъ констатировать специфическій видъ каннибализма, каннибализмъ, обусловленный стремленіемъ овладѣть свойствами пожираемаго человѣка.

Всматриваясь въ виды каннибализма, возстановленные на основаніи вотяцкаго эпоса, мы замѣтимъ, что ихъ можно расположить въ исторической перспективѣ: на первомъ планѣ, ближе къ намъ по времени стоитъ специфическій каннибализмъ, практикуемый въ исключительныхъ случаяхъ живыми; дальше за нимъ у покойниковъ мы видимъ каннибализмъ, вызванный нуждой, голодомъ, иногда мстью; еще дальше въ глубинѣ прошедшаго обрисовываются фигуры людей-каннибаловъ, для которыхъ человѣчина есть только видъ лакомой пищи, — людей, создавшихъ по своему образу боговъ-каннибаловъ. Передъ нами проходитъ исторія вотяцкаго каннибализма: на первыхъ порахъ человѣчина — обычная пища, потомъ пища, употребляемая въ случаѣ нужды, наконецъ, не пища уже, а средство овладѣть принадлежащими другому человѣку свойствами.

Такимъ образомъ слагается предъ нами культурно-историческая картина, которая изъ матеріаловъ, разбросанныхъ въ вотяцкомъ эпосѣ, а совпадаетъ вполне съ картинами изъ исторіи каннибализма, которыя возстановляются на основаніи изслѣдованія обычаевъ и обрядовъ современныхъ дикарей; здѣсь и тамъ одинъ и тотъ же ходъ развитія, однѣ и тѣ же стадіи, одна и та же картина постепеннаго вымиранія. Это совпаденіе даетъ мнѣ право утверждать, что Вотьяки пережили эпоху каннибализма.

Объ Онозѣ на Воронежи.

И. ДУБАСОВА.

Обращаю вниманіе историковъ и археологовъ на тѣ замѣчательные историко-археологическіе пункты, которыми богата наша Тамбовская губернія, долго бывшая внѣ всякаго научно-историческаго движенія... Въ нашихъ предѣлахъ находится извѣстная *Кузьмина Гать*—стоянка Мамаева передъ Куликовскомъ побоищемъ. У насъ же были *Урлановы Городища*, на развалинахъ которыхъ въ 1636 году построены были Тамбовъ и Козловъ; и еще доселѣ таинственное слово *Урланъ* понимается мѣстными жителями въ смыслѣ грубаго силача—обидчика... Въ Тамбовской же губерніи есть *Волотова могила*, многія городища (напримѣръ, Ширингушское и Виндривское), городки, курганы, могильники, пещеры и *черты*...

Особое же вниманіе, мнѣ хотѣлось обратить на ту историческую мѣстность, которая отмѣчена въ лѣтописяхъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

....Сей убо безбожный (Батый), молніина стрѣла... безвѣстно приде лѣсомъ и ста на рѣкѣ на Воронежи на Онозѣ и взя ея плѣномъ“...

Зимою 1237 года весь нашъ Тамбовскій край, скудно населенный мордовскими, мещерскими и бургасскими *селитьбами* и еще скуднѣе—русскими *починками*, среди которыхъ однако были и города, напримѣръ, Кадомъ и Липецкъ (старый), страшно взволнованы были небывалою неслыханною и неотразимою бѣдою. Съ юго-востока нахлынули къ намъ, въ нынѣшніе уѣзды: Усманскій, Лебедянский, Липецкій и Козловскій, несмѣтныя и *немилоостивыя* толпы Татаръ... Беззащитныя жители метнулись отъ нихъ, несмотря на лютые морозы, въ лѣса, но и тамъ, *по дымакъ*, пронырливые *загонщики* открывали ихъ... Бѣда была неисходная, непоправимая. Вся Тамбовская земля, кромѣ сѣверо-восточныхъ и самыхъ глухихъ окраинъ, покрылась кровью мирныхъ обывателей. Всенародное горе стало еще болѣе невыносимымъ, когда Батыевы полчища остановились у насъ надолго и зазимовали на *Онозѣ*.

Гдѣ же была эта, доселѣ неразъясненная, Оноза?

Русскіе историки; Погодинъ, Надеждинъ и Соловьевъ отвѣчали на этотъ вопросъ различно. Подъ Онозой (или Онузой) они разумѣли или р. Усмань или одинъ изъ притоковъ Суры. Но рѣки въ плѣнъ не берутся. Всего вѣроянѣе, Оноза была городомъ и, судя по названію, мещерскимъ и мордовскимъ. Несомнѣнно, она была построена, какъ и лѣтопись говоритъ, на р. Воронежѣ. Но гдѣ?

Это недоумѣніе довольно удовлетворительно, по моему мнѣнію, разрѣшается одною рукописью, случайно ко мнѣ попавшею. Рукопись относится къ концу пятидесятихъ годовъ и

составлена покойнымъ Тамбовскимъ протоіереемъ С. А. Березнеговскимъ, любителемъ и знаткомъ мѣстной старины.

По мнѣнію Березнеговскаго, съ основательностію котораго нельзя не согласиться, утомленные продолжительнымъ походомъ и непрерывными битвами Татары должны были остановиться у насъ на зимовку, конечно, на удобномъ для нихъ мѣстѣ. Близъ Усмани и Липецка такого мѣста не было. Тамъ были или степи съ ихъ выюгами и буранами, или же сплошные дремучіе лѣса, заваленные снѣжными сугробами. Удобнымъ мѣстомъ для продолжительной стоянки многолюдныхъ Батыевыхъ полчищъ была та обширная равнина, гдѣ Польной и Лѣсной Воронежи соединяются въ одну рѣку. Эта мѣстность находится въ 10 верстахъ отъ Козлова. Тутъ дикіе азіатскіе кочевники свободно и просторно могли раскинуть свомъ кибитки. Тутъ съ С.-В. и В. ихъ укрывали отъ зимнихъ леденящихъ вѣтровъ обширный дремучій лѣсъ, доставлявшій также и неистощимое топливо. Отсюда же близко было и до Рязани, ради которой Батый отдыхалъ у насъ и собирался съ силами... Здѣсь, вѣроятно, убитъ былъ князь Феодоръ Рязанскій, и изъ этой-то *Онозы* посланы были къ великому князю Рязанскому Георгію съ извѣстными предложеніями о десятихъ татарскіе *бездѣльные* послы: *жена чародѣйца и съ нею два мужа...*

Чтобы окончательно убѣдиться въ справедливости весьма вѣроятнаго предположенія покойнаго Березнеговскаго, *желавшаго, чтобы его мнѣніе было обнародовано и проверено*, необходимо, какъ мнѣ кажется, произвести предварительное изслѣдованіе указанной мѣстности и потомъ уже — правильныя археологическія раскопки. Если дѣйствительно *Оноза* была тамъ, какъ сказано выше, то, несомнѣнно, ея развалины обнаружатся при научныхъ изслѣдованіяхъ, по крайней мѣрѣ, многочисленными *могильниками и кострищами...*

Мнѣ кажется, что наша Архивная Коммиссія, поступила бы вполне цѣлесообразно, если бы приняла мѣры для предварительнаго обслѣдованія указанной мѣстности и разработки всѣхъ касающихся до нея свѣдѣній.

По поводу вопроса № 18.

Р. РОМАНОВА.

Рѣшенію VIII Археологическаго Съѣзда подлежитъ, между прочимъ, оставшійся нерѣшеннымъ въ предыдущіе Съѣзды вопросъ: отъ какого народа переняли обитатели береговъ западной Двины обычай ставить на срединѣ рѣки камни съ надписями и какое значеніе имѣли Двинскіе камни?

Будучи близко знакомъ съ вопросомъ о Двинскихъ камняхъ, позволяю себѣ высказать нѣсколько соображеній, въ надеждѣ, что они дадутъ возможность такъ или иначе покончить съ этимъ вопросомъ, переходящимъ отъ Съѣзда къ Съѣзду въ видѣ досадной недоимки.

Обращаясь прежде всего къ редакціи вопроса, я долженъ сказать, что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа удачною. Вопросъ говорить о *постановкѣ* камней въ рѣкѣ. Но всякому, мало-мальски знающему р. Двину, извѣстно, что она во многихъ мѣстахъ пересѣкается порогами и что русло ея сплошь усыяно болѣе или менѣе крупными валунами. Слѣдовательно, обитателямъ береговъ этой рѣки не приходилось *ставить* въ ней камни, такъ какъ въ этомъ не было ни малѣйшей надобности; а разъ это такъ, то и вопросъ о перениманіи обычая не можетъ имѣть мѣста.

Затѣмъ, выраженіе, будто памятники этого рода ставились исключительно *на срединѣ* рѣки,—неверно. Въ настоящее время, какъ извѣстно, найдено еще пять камней вдали отъ Двины, а именно: въ Могилевской губерніи, въ с. Высокомъ Городцѣ ¹⁾, въ д. Дятловкѣ ²⁾, въ м. Романовѣ ³⁾; въ Минской губерніи — въ д. Пастовичахъ ⁴⁾, въ с. Васильевичахъ ⁵⁾. Камни эти, по крайней мѣрѣ, осмотрѣнные мною, имѣютъ несомнѣнное сходство съ Двинскими. Отсюда ясно также, что говорить и о постановкѣ камней *обитателями* береговъ Двины едва ли возможно, тѣмъ болѣе, что, насколько можно судить по сохранившимся памятникамъ, на нихъ изсѣкались по большей части имена князей (Бориса, Рогволода, Александра).

Переходя къ разрѣшенію вопроса: какое значеніе имѣли Двинскіе и подобные имъ камни скажу что памятники этого ряда распадаются, какъ извѣстно, на три категоріи, рѣзко отличающіяся одна отъ другой: во-первыхъ, камни съ письменами древнѣйшаго характера и съ именами Бориса и Рогволода—Василія; во-вторыхъ, камни съ надписями очевидно новѣйшими, каковы ка-

¹⁾ Древн. XIII; ²⁾ Уч. Зап. Ак. Наук. III и Арх. Вѣстн. 1867 г. ³⁾ Древн. XI; ⁴⁾ По Мин. губер. Янчука, 16; ⁵⁾ Вѣлор. Сборн. в. IV.

Труды 8-го археол. съѣзда въ Москвѣ 1890 г. т. III.

мень въ м. Романовѣ и Двинской камень, находящійся въ Историческомъ Музеѣ; третьихъ, камни съ изображеніями креста, подковы, ступни и т. п. Очевидно, что приведенный вопросъ не можетъ быть примѣненъ ко всѣмъ этимъ памятникамъ вообще, такъ какъ цѣль изсѣченія ихъ не одинакова.

Первая категорія камней, по моему мнѣнію, относится къ XII в. и по всей вѣроятности обязана своимъ происхожденіемъ личному характеру князя Полоцкаго Бориса Всеславича, отличавшагося, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, особою набожностію. При этомъ для изсѣченія крестовъ имъ избирались въ Двинѣ камни, наиболѣе опасные для судоходства, которымъ во времена недавняго язычества могли воздаваться особая почести. На сушѣ же изображенія дѣлались на такихъ камняхъ, о которыхъ въ народѣ, неутвердившемся еще въ христіанствѣ, существовали легенды, имѣвшія связь съ его старой вѣрой ¹⁾. Князь Рогволодъ Борисовичъ, оставившій памятникъ 1171 г., могъ въ этомъ случаѣ быть подражателемъ своего отца.

Для объясненія происхожденія Двинскихъ камней второй категоріи существуютъ два предположенія. По первому, изображенія на нихъ изсѣкались судохозяевами, какъ бы въ благодарность за благополучное происхожденіе опасныхъ мѣстъ въ рѣкѣ. Предположеніе, едва ли основательное. По другому, изображенія изсѣкались на камняхъ, выдающихся изъ воды только въ необыкновенно мелководные годы, какъ бы въ память ихъ. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого мнѣнія служитъ то обстоятельство, что большинство этихъ камней и въ настоящее время, при всеобщемъ обмелѣніи рѣкѣ, видно изъ воды только въ мелководье. Подтверждаетъ его также и извѣстный мнѣ лично фактъ, имѣвшій мѣсто въ 1888 г. Въ іюлѣ этого года Двина въ своихъ верховьяхъ обмелѣла на столько, что показались изъ воды камни, которыхъ дотолѣ никогда не было видно. Замѣтивъ это, одинъ мѣщанинъ г. Суража переправился на камень, бывшій въ руслѣ рѣки, и высѣкъ на немъ изображеніе креста, цифру года и свои инициалы, и такимъ простымъ образомъ приготовилъ загадку для будущихъ археологовъ. Кто знаетъ, быть можетъ и большинство Двинскихъ камней обязано своимъ происхожденіемъ подобнымъ же случайнымъ любителямъ, подражавшимъ одной—двумъ надписямъ князя Бориса?..

Происхожденіе камней третьей категоріи объясняется, на основаніи моего личнаго наблюденія, также просто. Необходимо знать, что въ Бѣлоруссіи до настоящаго времени во всеобщемъ употребленіи ручные жернова. Въ краѣ ихъ такая масса, что трудно встрѣтить хату, въ которой не было бы своихъ „жоронцевъ“. Понятно, что это бытовое явленіе вызвало существованіе особыхъ ремесленниковъ—жерносѣковъ. Эти послѣдніе, по моему личному наблюденію, весьма часто оставляютъ на мѣстѣ своихъ работъ камни съ изсѣченіями, при чемъ грамотные изсѣкаютъ буквы, кресты, не грамотные—большею частью подкову,—символь счастья, удачи. Допустивъ, что обычай этотъ ведется изстари, по преемству отъ древнихъ жерносѣковъ—а въ этомъ едва ли можно сомнѣваться—легко объяснить и происхожденіе всѣхъ фигурныхъ камней: по моему мнѣнію, они обязаны своимъ происхожденіемъ именно жерносѣкамъ.

Въ настоящей замѣткѣ я не касаюсь вопроса о каменныхъ крестахъ, поражающихъ своею громадностію, количество которыхъ въ Бѣлоруссіи также довольно значительно.

Вообще же, я буду считать цѣль свою достигнутою, если мои замѣчанія дадутъ возможность снять, такъ сказать, со счетовъ Археологическихъ Сѣздовъ первую половину вопроса и облегчатъ окончательное рѣшеніе второй. Послѣднему, впрочемъ, много поможетъ имѣющее вскорѣ выйти въ Витебскѣ описаніе Двинскихъ камней съ точными снимками надписей.

¹⁾ Ср. напр. преданіе о Высокогородецкомъ камнѣ; также факты, описанные г. Янчукомъ (по Мнн губ. стр. 16).

Описание Ятвяжскихъ древностей, хранящихся въ Виленскомъ Музеѣ. (Къ вопр. 24 ст.).

Н. АВЕНАРИУСА.

По общепринятому мнѣнію Ятвяжская земля вѣзывалась узкимъ клиномъ между литовскими, русскими и польскими поселеніями и первоначальной столицей Ятвяговъ былъ г. Дрогичинъ на Западномъ Бугѣ.

Согласившись съ этимъ мнѣніемъ, можно было бы съ значительной долей вѣроятности отнести къ Ятвягамъ хранящуюся въ Виленскомъ Музеѣ такъ называемую „коллекцію, пожертвованную г. Шнейдеромъ“, которая состоитъ изъ предметовъ, найденныхъ въ доисторическихъ могилахъ Бѣльскаго уѣзда, Гродненской губерніи, близъ г. Дрогичина.

Но, занимаясь въ теченіи трехъ лѣтъ археологическими изысканіями въ этомъ уѣздѣ, я пришелъ къ заключенію, что Дрогичинъ никогда не принадлежалъ Ятвягамъ; что многочисленныя, открытыя мною доисторическія могилы Бѣльскаго и сосѣднихъ съ нимъ уѣздовъ принадлежать не Ятвягамъ, а Славянамъ и, наконецъ, что Ятвяговъ вообще нечего искать на лѣвомъ берегу Нарева. Другими словами: пресловутаго Ятвяжскаго клина никогда не было и „коллекція г. Шнейдера“ не можетъ быть отнесена къ Ятвягамъ.

Всѣ эти выводы подробно изложены въ моей статьѣ „Дрогичинъ Надбужскій и его древности“ но въ дополненіе къ ней я могу присовокупить, что, продолжая отыскивать слѣды Ятвяговъ въ Бѣлостокскомъ и Сокольскомъ уѣздахъ, я убѣдился, что ихъ нечего искать и на правомъ берегу Нарева вплоть до слиянія его съ Бобромъ.

Всѣ извѣстныя намъ по волинско-галицкой лѣтописи Ятвяжскія селенія лежали въ юго-восточной Пруссіи, близъ нынѣшней русской границы. По всей вѣроятности поселенія этого племени простирались и нѣсколько южнѣе, до праваго, нагорнаго берега р. Бобра. Но, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, были ли дѣлаемы Пруссими учеными археологическія изслѣдованія въ принадлежащемъ имъ ятвяжскомъ районѣ; равнымъ образомъ мы не имѣемъ свѣдѣній о какихъ-либо научныхъ раскопкахъ въ южной части Сувалкской губерніи; наконецъ, что касается Ломжинской губерніи, то пробныя раскопки, произведенныя на правомъ берегу Бобра членомъ настоящаго Съѣзда, графомъ де-Флери, не дали еще положительныхъ результатовъ.

Краткія извѣстія о Бѣльскомъ у. Гродненской губ.

Н. П. АВЕНАРИУСА.

Доисторическія могилы Бѣльскаго уѣзда я раздѣляю на два разряда: насыпныя и каменныя. Первые, т. е. курганы, извѣстны у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ *горокъ* или *шведскихъ могилъ*. Всѣ имѣютъ форму полу-сферическую высотой $1\frac{1}{2}$ —3 аршина, при 30—40 аршинъ окружности. Ни въ одномъ изъ этихъ кургановъ я не находилъ какихъ-либо предметовъ, кромѣ раздавленныхъ горшковъ съ сожженными остатками покойника, а иногда и съ остатками тризны. Доисторическіе курганы Бѣльскаго уѣзда встрѣчаются по большей части группами въ 3—10 штукъ, рѣдко болѣе. Впрочемъ о первоначальномъ числѣ ихъ судить трудно, такъ какъ оно съ каждымъ годомъ уменьшается отъ распашки. Кромѣ того въ Бѣльскомъ уѣздѣ кое-гдѣ встрѣчаются группы кургановъ позднѣйшаго происхожденія, которые гораздо вѣрнѣе можно назвать Шведскими могилами. Въ нихъ я находилъ по нѣскольку хорошо сохранившихся костяковъ и монеты второй половины XVII-го вѣка.

Второй разрядъ могилъ, который составляетъ характеристическую принадлежность древняго Подлѣсья и специально Бѣльскаго уѣзда, я назвалъ *каменными*, такъ какъ главный матеріалъ ихъ составляетъ дикій камень. Могилы эти, почти не возвышающіяся надъ уровнемъ земли, представляютъ форму прямоугольника или овала. Глубина ихъ рѣдко болѣе аршина. Стѣнки могилы плотно сложены изъ крупнаго камня безъ цемента; середина завалена мелкимъ булыжникомъ; подъ нимъ, въ тонкомъ слоѣ чернозема, лежатъ худо сохранившіеся останки покойника и все его приданое. Въ каждомъ кладбищѣ отъ 100 до 200 могилъ; въ могильникѣ при с. Чарнѣ Великой я насчиталъ ихъ до 500.

Вотъ списки извѣстныхъ мнѣ насыпныхъ и каменныхъ могилъ Бѣльскаго уѣзда.

I. *Курганы* находятся при слѣдующихъ селеніяхъ, расположеніе которыхъ я, по большей части, опредѣляю по разстоянію ихъ отъ Дрогичина, центра моихъ изысканій:

1. *Верхуца Надбужная*, 11 верстъ отъ Дрогичина. верстахъ, по дорогѣ въ Заечники и двѣ въ $1\frac{1}{2}$ версты по Бѣльскому тракту.
2. *Вулька* 4 версты отъ Дрогичина.
3. *Гродискъ* 25 верстъ отъ Дрогичина. Близъ него большое городище съ выходомъ на югъ.
4. *Дрогичинъ*. Четыре группы: двѣ въ двухъ
5. *Кмызовка* 4 версты отъ Дрогичина.
6. *Клюково* 12 верстъ отъ Дрогичина.
7. *Лисово*, урочище Гай Лисовскій, 12 верстъ отъ Дрогичина.
8. *Макорки*, 23 версты отъ Дрогичина.

9. <i>Мельникъ</i> 30 версть отъ Дрогичина,	13. <i>Рунцы</i> 2 версты отъ Дрогичина.
10. <i>Минчево</i> 5 версть отъ Дрогичина.	14. <i>Сады</i> 7 версть отъ Дрогичина.
11. <i>Острожаны</i> 21 верста отъ отъ Дрогичина.	15. <i>Цели</i> 10 версть отъ Дрогичина. ¹⁾
12. <i>Путковица</i> 9 версть отъ Дрогичина.	16. <i>Чораса</i> 30 версть отъ Дрогичина.

Каменные мошальники находятся близъ слѣдующихъ селеній:

1. <i>Андрианка</i> въ 3 верстахъ отъ Боцекъ.	11. <i>Крупница</i> 10 версть отъ Дрогичина.
2. <i>Баратынецъ Русскій</i> въ 18 верстахъ отъ Дрогичина.	12. <i>Малиново</i> 25 версть отъ Дрогичина.
3. <i>Баратынецъ Ляшскій</i> 18 вер. отъ Дрогич.	13. <i>Наройка</i> 10 версть отъ Дрогичина.
4. <i>Бацки Глужніе</i> 19 версть отъ Дрогичина.	14. <i>Мелковица</i> 9 версть отъ Дрогичина.
5. <i>Бацки средніе</i> 20 версть отъ Дрогичина.	15. <i>Скивы</i> 12 версть отъ Дрогичина.
6. <i>Бацки дальніе</i> 21 верста отъ Дрогичина.	16. <i>Слохи</i> 8 версть отъ Дрогичина.
7. <i>Гробнякъ (Щиты)</i> 8 версть отъ Бѣльска.	17. <i>Смолюки</i> 32 версты отъ Дрогичина
8. <i>Корневка</i> 8 версть отъ Дрогичина по Бѣльскому тракту.	18. <i>Твороги Бусскіе</i> 25 версть отъ Дрогичина.
9. <i>Кривая</i> 8 вер. отъ Бѣльска, близъ Щиповъ.	19. <i>Чорна Великая</i> 30 версть отъ Дрогичина.
10. <i>Клюково</i> 12 версть отъ Дрогичина.	20. <i>Чорна средняя</i> 31 версть отъ Дрогичина.
	21. <i>Чорна церковная</i> 33 версты отъ Дрогичина.
	22. <i>Чартаѳво</i> 15 версть отъ Дрогичина.

Изъ древностей Бѣльскаго уѣзда въ особенности замѣчательно открытое мною Дрогичинское городище, которое толстымъ сожженнымъ слоемъ тянется подъ нынѣшнимъ Дрогичиномъ. Размываемый весенними разливами Буга, этотъ слой оставляетъ на берегу рѣки множество предметовъ каменныхъ, глиняныхъ, костяныхъ и металлическихъ. Судя по этимъ предметамъ, сожженный слой образовался въ нѣсколько пріемовъ въ теченіи многихъ вѣковъ; кромѣ того, тутъ же на берегу, находится предметы, размытые очевидно изъ верхняго, наноснаго пласта. Мною собрано, частью на берегу Буга, частью въ оврагахъ, огородахъ и раскопанныхъ мною ямахъ въ разныхъ частяхъ города, въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ 1886—88 годовъ болѣе 1000 предметовъ. Самые древніе, на примѣръ каменные топоры, очевидно извлечены водою изъ нижней части сожженного пласта, а самые новые изъ наноснаго слоя. Интереснѣе прочихъ предметовъ тѣ, которые служатъ вещественными памятниками древне-русскаго періода исторіи Дрогичина, т. е. X—XIV столѣтія. Сюда относятся многочисленныя мѣдныя иконы и кресты и сотни свинцовыхъ оттисковъ съ церковно-славянскими буквами и другими знаками. Въ первый разъ такіе оттиски были найдены въ Дрогичинѣ въ 60-хъ годахъ и описаны гр. К. Тышкевичемъ въ I т. трудовъ Московскаго Арх. Общества, который къ сожалѣнію не обратилъ вниманія на црк.-славянскія буквы, которыя могутъ придать этимъ оттискамъ совершенно иное значеніе, чѣмъ то, которое давалось имъ до сего времени.

¹⁾ Нумера 12 и 15 принадлежать къ числу такъ называемыхъ шведскихъ, т. е. со всѣми признаками новаго происхожденія.

Отчетъ объ раскопкѣ кургана Франтыха.

Е. К. ВИТКОВСКАГО.

Курганъ на поляхъ фермы Станиславки именованъ въ мѣстномъ нарѣчьи „Франтыха“. Отстоитъ онъ въ 5 верстахъ отъ станціи Бѣлая церковь Фастовской жел. дор., по направленію въ Фастовъ. Вслѣдствіе постояннаго паханія, высота его понизилась и форма измѣнилась, и хотя бока его разсунулись и верхъ приплюснутъ, однако видѣнъ онъ на далекомъ разстояніи. Ежегодно, лѣтомъ въ темныя безлунныя ночи, подвергался онъ, со сто роны крестьянъ нападеніямъ, несмотря даже на произрастающіе на немъ посѣвы. Встрѣчаемыя ямы не превышали однако 1.50 м. глубины. Три года назадъ выброшенъ, такимъ образомъ, черепъ, который по своему неглубокому нахожденію, принадлежитъ вѣроятно новѣйшему времени. Въ окрестности находится значительное количество кургановъ, но только нѣкоторые изъ нихъ болѣе значительные подвергаются грабежамъ: къ этому числу принадлежатъ великій курганъ близъ м. Бѣлой церкви, курганъ на дорогѣ въ Дрозды и курганъ „Мазепа“ при с. Мазепинцы.

Курганъ Франтыха въ настоящее время имѣетъ діаметра 41 метровъ—верхушка, около 10 метр. діам.—вышина этой верхушки отъ уровня земли 4 метр.

Курганъ прорѣзанъ канавой по направленію магнитной стрѣлки черезъ середину. Линія эта NS послужила своею центральной точкой для всѣхъ измѣреній. Канавка имѣла вверху 4 м., внизу 2 м. Стѣнки канавы проведены наклонно для безопасности рабочихъ, а для облегченія послѣдующихъ въ случаѣ надобности работъ, земля отвезена на тачкахъ на нѣкоторое разстояніе отъ кургана.

Въ главной меридіановой канавѣ на 5,60 м. отъ центральной точки и на 2,00 м. отъ уровня найдены кости ребенка и два куска лошадиной челюсти съ 5 передними и 5 коренными зубами; эти истлѣвшіе кости сложены въ кучку, и вѣроятно попали въ курганъ въ позднѣйшее время.

1. На 2,40 м. отъ центр. точки, а на 1,00 м. выше уровня на самой линіи NS найденъ скелетъ № 1, головою на сѣверъ—грудь и колѣни къ востоку, ноги и бедра сжаты въ томъ же направленіи такъ что длина скелета составляетъ 1,10 м.

2. Ниже отъ предыдущаго на 1,40 м. отъ центр. точки а на 0,70 м. выше уровня, почти перпендикулярно къ меридіану скелетъ № 2. Голова на востокъ, грудь и колѣни къ сѣверу сжаты: колѣни почти прикасались къ колѣнямъ № 1.

3. На 2,10 м. отъ центр. т. на самомъ уровнѣ, наклонно къ меридіану, въ направленіи NWW найденъ скелетъ № 3. Голова на западъ, грудь и одна нога къ сѣверу, лицо къ верху

кости рукъ подъ головой, а другая нога сзади спины, колѣно выломлено—вслѣдствіе этого длина туловища 0,80 м. Направленіе его положенія проходитъ черезъ голову № 1.

4. Ниже уровня на 1,00 м. и на 0,60 м. отъ ц. т. Скелеть № 4 голова на западъ, лицомъ къ верху, грудь и ноги сжаты на югъ, направленіе прорѣзываетъ линію NS. На 0,15 м. отъ головы ровно надъ верхомъ оной, на припечкѣ изъ твердой земли лежала миска дномъ вверхъ. Сосудъ этотъ повидимому выдѣланъ на станкѣ: повлеченъ онъ снаружи какъ бы красной поволокой, внутри же находится черная масса. Если онъ былъ недостаточно выпаленъ, то середина имѣла бы цвѣтъ глины, какъ это видимъ на недогарахъ кирпича; наружная же поволока равномерной толщины на цѣломъ сосудѣ. Между дномъ и чистожелтымъ глинянымъ припечкомъ находилось пустопорожнее мѣсто.

Рытая дальше канава ниже уровня не помѣщала никакихъ предметовъ.

5. Впослѣдствіи вырыта канава, въ направленіи къ востоку, перпендикулярно къ меридіану, которой середина совпадаетъ съ центральной точкою.

На 1,00 м. отъ меридіана, въ направленіи SN, 1,30 м. надъ уровнемъ скелеть № 5. Голова къ сѣверу, кости очень испорчены, а потому трудно опредѣлить положеніе; длина скелета 0,80 м.

6. Отъ № 5 съ юга къ сѣверу на самомъ краю канавы слѣдъ скелета № 6 о 1,30 м. надъ уровнемъ, а 1,25 м. отъ линіи EW респектива 1,30 м. отъ централ. точки: положеніе головы неизвѣстное.

Постоянные осенніе дожди прекратили дальнѣйшія изысканія.

Изъ предыдущаго видно, что вырытая мною канава NS счастливо попала на середину кургана. Недостатокъ правильности и симетріи въ направленіи скелетовъ, отсутствіе всякихъ украшеній и оружія, а также этажное хороненіе приводитъ къ предположенію, что они не принадлежатъ къ высшимъ представителямъ тогдашняго общества, хоронены не одновременно и несмотря на вышину кургана, скрывалъ вѣроятно простолюдиновъ.

Курганы у рѣки Орели Екатеринославской губерніи.

Д. И. ЭВАРНИЦКАГО.

Курганы вдоль лѣваго берега рѣки Орели Екатеринославской губерніи, Новомосковского уѣзда могутъ служить типичнѣйшими образцами кургановъ *каменнаго вѣка, неолитической эпохи*. Особенно это относится къ курганамъ близъ мѣстечка Котовки, имѣнія Георгія Петровича Алексѣева. Произведенныя мной здѣсь раскопки привели къ заключенію, что одни изъ кургановъ относятся къ типу такъ называемыхъ одноэтажныхъ могилъ, въ которыхъ покойники погребены въ одинъ пріемъ, по одному въ каждомъ черномъ пятнѣ, ниже линіи горизонта; другіе представляютъ типъ двухъ-этажныхъ могилъ, гдѣ покойники погребены, такъ сказать, въ два пріема — въ культурномъ слоѣ посредствомъ трупосожженія и въ черномъ пятнѣ посредствомъ погребенія, по два человѣка въ рядъ; третьи относятся къ типу одно-этажнаго строенія, съ цѣльнымъ скелетомъ въ культурномъ слоѣ и съ частями скелета въ трехъ деревянныхъ срубахъ по линіи горизонта. Во всѣхъ трехъ видахъ кургановъ при скелетахъ были находимы каменные орудія и предметы домашняго употребленія: шлифованные молотки, кремневые копья, стрѣлки, ножи, скребки, песчаные пращи, каменные точильные оселки, ручные жернова, известковыя пряслица или кистени, костяные амулеты, глиняные, яйцевидные и совсѣмъ близкіе къ нашимъ формамъ горшки, куски ярко-красной или оранжевой глины для раскрашиванія ¹⁾).

Вотъ дневники раскопокъ кургановъ cadaго изъ названныхъ трехъ типовъ. *Первый типъ*. Курганы первый и второй, оба безъ названія, имѣютъ видъ полушара, стоятъ въ степи въ пяти верстахъ отъ усадьбы владѣльца, прямо по направленію къ югу. Въ первомъ курганѣ послѣ снятія четырехъ слоевъ земли найденъ былъ одинъ скелетъ, повидимому въ деревянномъ склепѣ; онъ лежалъ головой на западъ, ногами на востокъ, съ кремневымъ копьемъ у лѣваго плеча и песчаниковымъ пращемъ подъ спиной. Во второмъ курганѣ, послѣ снятія также пяти слоевъ земли, найденъ былъ скелетъ человѣка, положенный головой на юго-западъ, ногами на сѣверо-востокъ, правымъ бокомъ внизъ, лѣвымъ вверхъ, съ ногами согнутыми въ колѣняхъ, съ правой рукой вдоль праваго бока и лѣвой на нижней части живота.

Второй типъ. Курганы третій и четвертый, также безъ названія, оба имѣютъ видъ полушара, стоятъ въ одной верстѣ отъ усадьбы владѣльца, прямо къ югу, за такъ называемымъ старымъ садомъ. Въ третьемъ курганѣ, послѣ снятія шести слоевъ земли, найдены

¹⁾ Кажется къ тому же каменному вѣку нужно отнести и наши находки въ курганѣ Мухивой горы, Екатеринославской губерніи, Павлоградскаго уѣзда. См. труды московскаго археологическаго общества, т. XI, III, 90.

были три человѣческихъ скелета: одинъ положенъ головой на юго-западъ, ногами на сѣверо-востокъ, лицомъ вверхъ, съ руками, согнутыми дугообразно на нижней части живота и съ ногами, посаженными одна на другую — лѣвая на правую, близъ самыхъ колѣнъ, такъ что колѣнная чашечка правой ноги приходилась въ подколѣнную ямочку лѣвой; два другіе положены вмѣстѣ въ одномъ черномъ пятнѣ и въ томъ же направленіи, но въ другой позѣ—ноги одна возлѣ другой и руки вдоль боковъ, оба обмазаны сухой оранжевой краской—у одного лицо, у другого голова. Въ четвертомъ курганѣ, послѣ снятія десяти слоевъ земли, найдены были также три человѣческихъ скелета: одинъ головой на сѣверо-востокъ, ногами на юго-западъ, лицомъ вверхъ, съ руками по бокамъ, съ ногами, раздвинутыми и нѣсколько изогнутыми въ колѣняхъ, подобно тому, какъ раздвигаетъ и сгибаетъ ихъ всадникъ, сидящій верхомъ на лошади; два другіе скелета лежали вмѣстѣ въ одномъ черномъ пятнѣ, одинъ за спиной другого, головами на юго-западъ, ногами на сѣверо-востокъ, правыми боками внизъ, лѣвыми вверхъ, съ ногами, согнутыми въ колѣняхъ и положенными одна возлѣ другой,—притомъ правая дальше отъ скелета, лѣвая ближе къ нему, съ правыми руками вдоль правыхъ боковъ, съ лѣвыми—на нижнихъ частяхъ живота; у обоихъ скелетовъ грудь, лѣвыя руки и ступни ногъ окрашены сухой оранжеваго цвѣта краской; оба положены на берестовой корѣ; изъ нихъ большій имѣлъ два аршина и двѣнадцать вершковъ роста, три съ половиной вершка длины черепъ (долихокефалы); у cadaго изъ скелетовъ необыкновенно развиты надбровныя дуги, почти вертикально поднята носовая кость, особенно выпяченъ наружу подбородокъ и сильно, какъ у старой лошади, подточены зубы,—какъ будто эти люди не ѣли, а растирали.

Третій типъ. Курганъ пятый, съ названіемъ Красной могилы, въ 15 верстахъ отъ усадьбы, по направленію къ юго-востоку, имѣетъ видъ продолговатой могилы, 90 сажень кругомъ и 20 сажень черезъ вершину; разрытъ открытой траншеей, восемь сажень ширины, по направленію отъ востока къ западу; при разработкѣ кургана въ первомъ слоѣ его, въ самомъ центрѣ, найдены были: кремневый ножъ, деревянный столбъ и на полтора аршина отъ него къ западу кости лошади, во второмъ слоѣ, на пять аршинъ, отъ центра къ востоку, найдены: большой горшокъ безъ всякой орнаментики, кромѣ вѣнчика по краямъ, и около горшка желѣзные удила; на шесть аршинъ къ сѣверо-востоку бронзовая пряжка; въ центрѣ деревянный столбъ, продолженіе столба перваго слоя, у самага столба двѣ конскія головы, одна положенная по линіи глазами, другая воткнутая въ землю, зубами внизъ, лбомъ вверхъ, въ томъ же направленіи; на одинъ аршинъ отъ центра къ югу найденъ человѣческій черепъ, мало развитой, съ узкимъ лбомъ и приподнятой макушкой; въ третьемъ и четвертомъ слояхъ тотъ же деревянный столбъ; въ пятомъ слоѣ у южнаго конца траншеи открытъ неполный скелетъ человѣка, головой на югъ, ногами на западъ, лѣвымъ бокомъ внизъ, съ руками накрестъ надъ головой, съ горшкомъ въ головахъ и пепломъ въ горшкѣ и съ кускомъ дерева на обломкахъ черепа, имѣвшій въ бедренной кости 9 вершковъ, плечевой 8, лучевой и локтевой съ 2 дюймами по 8 вершковъ. около скелета кремневый скребокъ, каменный пращъ, известковое пряслице и точильный камень; въ послѣдующихъ слояхъ не оказалось ничего; наконецъ, по линіи горизонта найдены были два деревянные изъ громадной толщины дубовыхъ отрубковъ сруба, одинъ въ западномъ концѣ кургана, на 18 аршинъ отъ центра, другой къ восточному концу, на 1¹/₂ аршина отъ центра, первый 2 аршина длины и 1¹/₂ ширины; оба имѣли подобіе колодца съ дубовой настилкой наверху; въ первомъ найденъ горшокъ съ превосходной орнаментикой изъ третьеугольныхъ у вѣнцовъ и вертикальныхъ линій у дна, и нѣсколько пережатыхъ позвонковъ и реберъ человека; въ другомъ найденъ амулетъ изъ какой-то кости съ просверленной дыркой въ срединѣ и нѣсколько костей человѣка, зарытыхъ безъ огня въ землю.

Велико-Луцкіе Курганы.

Курганы находятся въ Велико-Луцкомъ у. Псковской губ. Они расположены по обѣимъ сторонамъ почтовой дороги изъ Великихъ-Лукъ въ Островъ, между станціями Горицкою и Прискукою на 8-й верстѣ отъ первой и, слѣдовательно, на 29-й верстѣ отъ гор. Великихъ-Лукъ. 7 изъ нихъ находятся по правую сторону дороги, если ѣхать изъ В. Лукъ, а 2—по лѣвую.

Курганы расположены группами. Первая изъ нихъ, состоящая изъ 3-хъ большихъ кургановъ и небольшого холмика, образовавшагося, очевидно, изъ распаханнаго кургана, находится у дер. Заболотье и образуетъ прямоугольный треугольникъ, гипотенуза котораго обращена на сѣверъ, къ ровному полю, а прямой уголъ—на югъ, къ небольшой лощинѣ, находящейся передъ нимъ. Курганы этой группы, за исключеніемъ распаханнаго, имѣютъ шаговъ по 70 въ окружности основанія и приблизительно отъ 1½ до 2 саж. вышины. Разстояніе между каждымъ изъ нихъ шаговъ 40 — 60. 2-я группа изъ 3-хъ кургановъ находится къ югу отъ первой на разстояніи шаговъ 300. Первую и вторую группу раздѣляетъ неглубокая лощина. Трое изъ этихъ кургановъ также образуютъ треугольникъ, обращенный вершиной къ востоку. По величинѣ и по разстоянію между ними, они похожи на курганы первой группы съ тою только разницею, что подвергались гораздо большому разрушенію, нежели первые. 3-я группа, шаговъ на 400 къ западу отъ второй, состоитъ изъ 2 кургановъ. Оба эти кургана не подвергаются распахкѣ и представляютъ правильную конусообразную форму. Оба они нѣсколько меньше остальныхъ и находятся другъ отъ друга на разстояніи 10 шаговъ, образуя линію, идущую отъ с. востока къ ю. зап. Шагахъ въ 150 къ юго-зап. отъ этихъ 2-хъ кургановъ находится довольно большой холмъ, покрытый сосновымъ лѣсомъ и мелкимъ кустарникомъ. Мѣстные жители, добывая изъ этого холма песокъ, находили черепа. На немъ можно видѣть каменный крестъ очень грубой работы около ¾ арш. въ вышину. Всѣмъ этимъ курганамъ, за исключеніемъ 2-хъ послѣднихъ, въ самомъ недалекомъ времени грозитъ совершенное уничтоженіе въ виду того, что крестьяне все болѣе и болѣе распахиваютъ ихъ.

Остатки архивовъ и древностей въ г. Илимскѣ Иркутской губери.

ВЛ. ПТИЦЫНА.

Въ г. Илимскѣ, одномъ изъ древнѣйшихъ городовъ Восточной Сибири (основанъ въ 1631 году), теперь заштатномъ, были прежде два Архива, городской и церковный. Послѣдній въ 1730 году, въ ожиданіи ревизіи послѣ присоединенія города Илимска къ Иркутской епархіи, былъ подожженъ и почти весь сгорѣлъ. Теперь въ этомъ Архивѣ находятся дѣла только съ 1800 года, но церковныя книги (богослужебныя), изданныя при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, уцѣлѣли отъ пожара и до сихъ поръ хранятся въ немъ.

По рассказамъ илимскихъ старожиловъ, лѣтъ 80 тому назадъ, много дѣлъ изъ илимскаго городского архива отправлено въ Киренскъ. Въ киренскомъ Архивѣ, дѣйствительно, до сихъ поръ хранятся дѣла илимскаго воеводства съ 1728 по 1762 годъ. Года два тому назадъ въ илимскомъ городскомъ архивѣ еще хранились старинныя свитки, скатанные въ трубку, но потомъ они исчезли неизвѣстно куда. До прошлаго 1888 года остатки илимскаго Городского Архива свалены были въ кучу въ темномъ и грязномъ чуланѣ безъ всякаго присмотра и запора, но въ этомъ году секретарь илимской городской думы г. Владиславъ Можевичъ по собственной инициативѣ перенесъ этотъ архивъ въ чистую и свѣтлую комнату въ зданіи старой сборной избы и разобралъ дѣла по годамъ, но описи дѣламъ не успѣлъ еще составить. Дѣла онъ нашелъ въ этомъ архивѣ только съ 1817 года.

Изъ церковныхъ древностей въ Илимскѣ замѣчательны двѣ деревянныя церкви. Одна двухпрестольная, во имя Введенія во храмъ и Николая Чудотворца, находится въ бывшемъ старомъ или верхнемъ острогѣ и теперешнемъ предмѣстьѣ города. Въ клировыхъ вѣдомостяхъ нѣтъ свѣдѣній о постройкѣ этой церкви. Мѣстные старожилы, утверждаютъ, что церковь построена при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, или при Алексѣѣ Михайловичѣ. Послѣднее мнѣніе основано на надписи года основанія церкви въ карнизѣ подъ куполомъ; но, чтобы провѣрить надпись, нужно взлѣсть на крышу, а этого невозможно сдѣлать, такъ какъ крыша отъ ветхости разваливается. Церковь эта прежде топилась по черному, потомъ въ ней устроена была русская крестьянская печь, но она теперь почти развалилась и начинаютъ разваливаться стѣны и крыша. Мѣръ къ сохраненію никакихъ не принимается. Внутри храма сохранились двѣ древнія надписи, одна на колоннѣ, желтой краской и славянскими буквами; она гласитъ: „Лѣта ЗРПА“ (7181—1674) „Февраля Й“ (8); другая надпись вырѣзана на большомъ четырехкопечномъ простомъ листовичномъ крестѣ крайне грубой работы, не крашенномъ, только обтесанномъ,

верхъ его доходить до потолка, а основаніе скрывается подъ поломъ. Надпись на этомъ крестѣ слѣдующаго содержания: „Лѣта ЗРЧГ (1685) Апрѣля (числа не замѣтно) поставилъ сей Святый Животворящій крестъ Господень Стольникъ (имени разобрать не возможно) Андреевъ Змѣевъ“.

Старожилы рассказываютъ, что подъ поломъ церкви стоятъ три гроба, но хода подъ полъ нѣтъ. Въ томъ же предмѣстьѣ, гдѣ находится эта церковь, указываютъ и мѣсто бывшего во-еводского дома.

Другая древняя церковь во имя Казанской Божіей Матери. По клировымъ вѣдомостямъ этой церкви считается 204 года. Иконы въ этой церкви писаны на холстѣ, натянутомъ на рамы; одинъ образъ вышитъ шолкомъ съ серебромъ и золотомъ и на шолковой же матеріи. Всѣ эти иконы, повидимому, составляли прежде принадлежность походной церкви.

Изъ бывшихъ въ Илимскѣ семи деревянныхъ башенъ, обнесенныхъ стѣною изъ палей, сохранилось только двѣ, Спасская и Никольская. Спасская башня трѣхъэтажная, съ большимъ (въ сажень высотой) двухглавымъ деревяннымъ гербовымъ орломъ на верхушкѣ. Внутри ея находится деревянный щитъ въ видѣ, приблизительно, туза червей; на щитѣ наклеенъ холстъ съ изображеніемъ какихъ-то святыхъ, но какихъ, разобрать невозможно, потому что холстъ во многихъ мѣстахъ изорванъ.

Никольская башня одноэтажная, стоитъ она посреди улицы; подъ башней въ видѣ арки проѣздъ по улицѣ. Въ послѣднее время башня эта осѣла, проѣздъ подъ ней сдѣлался неудобенъ и городское управленіе предполагаетъ перенести эту башню на другое мѣсто, рядомъ съ улицей. Внутри башни виситъ образъ св. Николая, но, повидимому, онъ повѣшенъ тамъ въ недавнее время.

Отъ стѣнъ не осталось никакихъ слѣдовъ.

Весной, при разливѣ р. Илима, по берегамъ его въ городѣ находятъ древнія мелкія серебряныя монеты и желѣзные наконечники стрѣлъ, а въ лѣсу не далеко отъ города былъ недавно найденъ желѣзный идолъ и брошень въ р. Илимъ.

Въ Илимскѣ существуетъ преданіе, что городъ этотъ основанъ въ 1616 году при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, что въ немъ были сподвижникъ Ермака Тимофеевича Кольцовъ и завоеватели Галкинъ и Хрипуновъ. Послѣдній, вѣроятно, никто другой, какъ Хабаровъ.

Всѣ эти свѣдѣнія объ Илимскихъ Архивахъ и древностяхъ добыты мной отъ упомянутаго выше секретаря Илимской Городской Думы.

Киренскій архивъ.

В. ПТИЦЫНА.

Киренскъ, захолустный уѣздный городокъ Иркутской губ., въ 1028 верстахъ отъ г. Иркутска къ сѣверу, расположенъ на берегу тихой Лены при впаденіи въ нее р. Киренги, по имени которой названъ городъ, переименованный изъ Никольскаго погоста, основаннаго знаменитымъ сибирскимъ героемъ, первымъ завоевателемъ Амура, Хабаровымъ, въ 1630 году. Киренскій „острогъ“, какъ назывались встарину вновь устраиваемые укрѣпленные отъ набѣговъ кочевниковъ города, долгое время, вплоть до 1783 года, находился подъ вѣдѣніемъ Илимскаго острога и его воеводской канцеляріи. Можетъ быть поэтому и не найдено въ Киренскомъ Архивѣ дѣлъ объ основаніи Никольскаго погоста и Киренскаго острога.

Киренскій Архивъ помѣщается въ общественномъ городскомъ холодномъ зданіи на набережной улицѣ, противъ лавокъ Лаврушиныхъ. Архивное зданіе раздѣлено на два этажа по шести отдѣленій для дѣлъ въ каждомъ. Отдѣленія раздѣлены на полки.

Дѣла, значительное количество которыхъ расхищено, разложены въ связкахъ и подобраны по годамъ; на нѣкоторыхъ связкахъ надписи: „разсмотрѣнныя комиссіей“, но какой комиссіей—неизвѣстно. Судя по почерку надписи, она относится къ 40-мъ годамъ XIX-го столѣтія. Изъ сохранившихся въ Архивѣ нѣсколькихъ переплетовъ и отдѣльныхъ листковъ видно, что здѣсь хранились дѣла второй половины XVII столѣтія, но въ настоящее время ни одного дѣла XVII вѣка не сохранилось въ архивѣ.

I. Нижній этажъ Архива.

Въ первомъ отдѣленіи нижняго этажа архива (съ лѣвой стороны) находится до 200 связокъ дѣлъ, большею частію разбитыхъ и разбросанныхъ по полу. На уцѣлѣвшихъ связкахъ есть надписи, къ какимъ годамъ онѣ относятся. Много дѣлъ не сшиты по листамъ, а только перевязаны веревкой. Здѣсь находятся дѣла Илимскаго воеводства, Киренскаго и Усть-Кутскаго остроговъ и Витимской и Пенедуйской (?) слободъ съ 1728 по 1762 годъ. Основной характеръ дѣлъ судебный и административный. Часто встрѣчаются переписки по взысканіямъ. Дѣла за 1728—29 гг. состоятъ изъ переписокъ и распоряженій о надѣлѣ крестьянъ землею, о рекрутскихъ наборахъ, дѣла соляныя, винныя, провіантскія и о подушныхъ сборахъ и ясахъ съ инородцевъ.

Въ дѣлахъ 1750 года попадаются приходныя и расходныя книги Яндинскаго острога. Въ дѣлахъ 1744 года встрѣчаются ревизскія сказки. Въ этомъ же отдѣленіи найденъ журналъ воеводы Казанова о назначеніи въ Усолъе приказнаго цѣловальника и другихъ служащихъ, вмѣсто Хабарова и Рымкова.

Во второмъ отдѣленіи нижняго этажа, съ лѣвой же стороны, полъ мѣстами провалился, нижнія полки осѣли и подпорки, поддерживавшія ихъ, сгнили. Потолокъ мѣстами опустился и придавилъ дѣла, лежація на верхнихъ полкахъ. Здѣсь всѣхъ связокъ также до 200. Дѣла, по времени, съ 1762 по 1799 годъ. Дѣла 1767 года состоятъ частию изъ входящихъ и исходящихъ регистровъ.

Въ дѣлахъ 1768 г. встрѣчаются переписки о возкѣ якутскихъ и иркутскихъ почтъ. Связки за 1765 г. состоятъ изъ дѣлъ Усть-Киренскаго воеводства. Въ связкѣ № 5 за 1776 г. имѣется постановленіе за № 376 о возложеніи на Литвинцева приѣма корреспонденціи въ Киренскѣ. Съ 1784 г. начинаются дѣла Нижней Расправы, открытой въ Киренскѣ 7 февраля 1784 года по предписанію генераль-губернатора Якоби, основанному на указѣ императрицы Екатерины II отъ 2-го марта 1788 года. Въ дѣлѣ № 8 за 1777 годъ хранится указъ объ отобраніи земель у собственниковъ ихъ, крестьянъ, мѣщанъ и священниковъ—и объ отдачѣ тѣхъ земель въ раздѣлъ служилымъ людямъ и крестьянамъ. Въ связкѣ 1783 года есть предписаніе за № 7228 о назначеніи генераль-губернатора Уфимской и Сибирской губ. Якоби (извѣстнаго грабителя) на такую же должность въ Иркутскую губернію и Колыванскую область. Въ этой же связкѣ хранятся: копія съ указа Екатерины II отъ 9 іюня № 2504 объ устройствѣ въ Иркутскѣ намѣстничества, преморій о разобраніи Архива и составленіи описи (№ 7440) и дѣло о переименованіи Колыванской области въ губернію, а также копіи съ указовъ Екатерины II объ учрежденіи въ Сибири воеводствъ, казенныхъ палатъ, казначействъ и земскихъ судовъ.

Третье отдѣленіе нижняго этажа исправнѣй другихъ отдѣленій: полъ, потолокъ и полки въ цѣлости. Дѣла разложены на полкахъ, и только нѣсколько дѣлъ валяются на полу. Въ этомъ отдѣленіи лежатъ дѣла съ 1800 по 1845 годъ. Съ 1800 до 1802 г. дѣла киренскаго земскаго суда, а далѣе—дѣла киренскаго окружнаго суда; изъ нихъ обращаетъ вниманіе секретное дѣло за 1838 годъ объ оскопившемся станціонномъ смотрителѣ Орлинской волости.

Четвертое отдѣленіе нижняго этажа архива отличается страшною сыростью. Здѣсь находятся дѣла киренскаго окружнаго стряпчаго и окружнаго суда за вторую половину настоящаго столѣтія.

Въ пятомъ и шестомъ отдѣленіяхъ съ новыми полками и сухихъ помѣщены: въ 5-мъ отдѣленіи законы императоровъ Александра I-го и Николая I го, затѣмъ дѣла киренской городской полицейской управы съ 1786 по 1865 годъ; въ шестомъ отдѣленіи только три связки дѣлъ киренской полицейской управы за 1865 г. При дѣлахъ полицейской управы есть опись, куда вписаны дѣла, начиная съ 1817 года.

II. Верхній этажъ Архива.

Всѣ отдѣленія верхняго этажа киренскаго Архива расположены съ правой стороны. Въ первомъ отдѣленіи верхняго этажа одинъ рядъ полокъ; полъ въ этомъ отдѣленіи въ исправности, но дѣла здѣсь въ страшномъ безпорядкѣ, разбиты, разбросаны по полу, и многія связки покрыты плесенью, такъ какъ двери въ это отдѣленіе долгое время стояли открытыми и въ отдѣленіе свободно проникали дождь и снѣгъ. Здѣсь находятся дѣла съ 1772 по 1820 годъ земскаго суда, нижней расправы и киренскаго комиссара. Въ дѣлахъ за № 1792 годъ есть распоряженіе отъ 31 декабря 1798 года за № 26419, воспреещающее вырубать лиственничныя и

сосновый лѣсъ, а избы приказано строить изъ еловаго, ольховаго и березоваго лѣса, а также распоряженіе о доставленіи вѣдомостей о среднесправочныхъ цѣнахъ на товары. Въ связкѣ за 1799 годъ помѣщенъ реестръ болѣе 200 лицамъ, не бывшимъ въ этомъ году у исповѣди и причастія, и объ оштрафованіи ихъ за это, стариковъ по 1 руб., молодыхъ по 5 руб. 10 коп. съ человѣка. Помѣщеніе втораго и третьяго отдѣленій не заняты архивными дѣлами.

Въ четвертомъ отдѣленіи дѣла съ 1802 по 1804 годъ киренскаго земскаго комиссара и съ 1804 по 1850 годъ киренскаго капитанъ-исправника. Дѣла размѣщены на полкахъ, описи нѣтъ.

Въ пятомъ отдѣленіи дѣла съ 1830 и 1850 годъ киренскаго земскаго суда; онѣ подъ номерами, подобраны по годамъ и сложены въ связки съ ярлыками, на которыхъ написано какія въ нихъ дѣла. Часть дѣлъ сложена на полу, описи нѣтъ. Помѣщеніе этого, какъ и четвертаго отдѣленія, исправное.

Въ шестомъ, вполне исправномъ, отдѣленіи дѣла раздѣлены по разрядамъ и въ порядкѣ разложены по полкамъ. Есть общія и поразрядныя описи, хранящіяся вмѣстѣ съ ключемъ отъ этого отдѣленія въ киренскомъ казначействѣ.

Дѣла здѣсь съ 1781 по 1848 годъ исключительно финансовыя. Подъ 1781 годомъ хранятся приходо-расходные документы Илимскаго воеводства и книги: подушныя—съ государственныхъ крестьянъ, настольная, питейная, о пятигривенныхъ деньгахъ, о печатныхъ пошлинахъ, о товарной казнѣ, о неокладныхъ сборахъ, о сборѣ съ мѣщанъ и цеховыхъ, о сборѣ съ купцовъ капитальныхъ, ясачная, доимочная и провіантская книги.

Подъ 1782 г.—дѣло о паспортахъ печатныхъ.

„ 1783 г.—вѣдомости кладовыя и счетныя.

„ 1784 г.—вѣдомости о числѣ душъ 4-й ревизіи.

„ 1785 г.—дѣла о сборѣ съ дворовыхъ людей.

„ 1786 г.—ревизскія сказки и вѣдомости о штрафахъ за небытіе у исповѣди.

„ 1788 г.—дѣла о взысканіи денегъ за неоставку въ срокъ рекрутъ.

„ 1789 г.—книга сорокаалтынная.

„ 1792 г.—алфавитъ названій селеній.

„ 1802 г.—вѣдомости о процентныхъ деньгахъ въ пользу города.

„ 1805 г.—вѣдомости оброчныя съ земель.

„ 1807 г.—вѣдомости о земскихъ повинностяхъ и вѣдомости „статнаго дохода“.

„ 1813 г.—дѣло о выдаваемыхъ за почтовый разгонъ деньгахъ.

„ 1816 г.—ревизскія сказки о крестьянахъ Макаровской и Подкаменной волостей.

„ 1818 г.—дѣла о выдачѣ крестьянамъ паспортовъ.

„ 1822 г.—контракты на обывательскую и почтовую гоньбу.

„ 1825 г.—дѣло о желѣзныхъ аршинахъ

„ — — дѣло объ отсылкѣ рухляди.

„ — — дѣло о продажѣ пороха.

„ — — дѣло объ устройствѣ гильдій.

„ 1831 г.—дѣло объ обращеніи тунгусовъ Нижнеилимской инородной управы въ православіе.

Названіе всѣхъ дѣлъ и книгъ выписано изъ списка книгамъ и дѣламъ киренскаго казначейства.

Даже при самомъ поверхностномъ осмотрѣ киренскаго архива не рѣдко попадаются любопытные историческіе документы. Въ бумагахъ за 1728 годъ попадаютъ распоряженія объ оказаніи помощи путешественнику Мессершмидту. Въ дѣлахъ за 1740 годъ есть бумаги и документы о Берингѣ. Въ дѣлахъ конца XVIII вѣка встрѣчаются предписанія и бумаги о Миллерѣ и Фишерѣ и о какой-то ученой экспедиціи въ Камчатку.

Настоящій очеркъ составленъ по свѣдѣнiямъ, доставленнымъ мнѣ Н. Д. Добронравовымъ.

Что останется отъ Киренскаго Архива, пока дождется онъ научной обработки? Кто опишетъ его подробно, приведетъ въ порядокъ, кто сохранитъ нынѣшнiе остатки его отъ расхищенiя, а также отъ дождя и снѣга? Ни начальство, ни Восточно-сибирскiй отдѣлъ Географическаго Общества въ Иркутскѣ, увлекшись статистическими и геологическими изслѣдованiями, не обращаютъ должнаго вниманiя на древнiе восточно-сибирскiе архивы. А между тѣмъ въ самомъ Киренскѣ нашлись бы люди, которымъ безъ всякаго раскаянiя можно вручить судьбу архива, не только описанiе и приведенiе въ порядокъ, но и храненiе ихъ. Это—административно ссыльные, большею частiю, бывшiе студенты; ихъ теперь проживаетъ въ Киренскѣ около десяти человѣкъ.

Въ этомъ отношенiи слѣдуетъ указать на примѣръ метеорологическихъ станцiй въ Восточной Сибири. Почти всѣ онѣ находятся въ завѣдыванiи интеллигентныхъ государственныхъ ссыльныхъ; безъ этихъ способныхъ и даровыхъ наблюдателей самое существованiе метеорологическихъ станцiй было бы совершенно невымыслимо въ Иркутской губ., Забайкальской области и особенно въ Якутской области.

По словамъ директора иркутской метеорологической обсерваторiи, г. Штеллинга, завѣдующiе метеорологическими станцiями государственные ссыльные относятся къ своему дѣлу въ высшей степени добросовѣстно и умѣло. Относительно же того, какъ политическiе ссыльные будутъ относиться къ Архивамъ, уже есть прецедентъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Забайкальскiй губернаторъ Барабашъ разрѣшилъ проживавшему тогда въ г. Селенгинскѣ политическому ссыльному г. Шамарину заняться замѣчательнымъ въ историческомъ отношенiи городскимъ Архивомъ гор. Селенгинска, находившимся до этого времени въ такомъ же положенiи, какъ теперь Киренскiй Архивъ. А часть Селенгинскаго Архива, и самая интересная, такъ какъ заключала въ себѣ самыя старыя дѣла, еще ранѣе, по чьему-то приказанiю была увезена изъ Селенгинска и сложена въ соляныхъ амбарахъ на устьѣ Селенги въ Чертовкинской пристани, гдѣ вскорѣ первое наводненiе смыло амбары и погребло въ волнахъ Байкала всѣ архивные документы.

Шамаринъ въ полгода, почти безъ всякихъ средствъ, разобралъ Селенгинскiй Архивъ, установилъ его по полкамъ по новѣйшей системѣ, въ отдѣльномъ, хотя и деревянномъ, помѣщенiи, и составилъ подробнѣйшiй и превосходный каталогъ Архиву.

Церковь Иоанна Богослова въ Ростовскомъ Кремлѣ.

А. А. Т И Т О В А.

Церковь Иоанна Богослова въ Ростовскомъ Кремлѣ одна изъ самыхъ замѣчательныхъ по архитектурѣ. Она была неоднократно срисована и рисунки ея были дважды напечатаны Рихтеромъ и Мартыновымъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится этотъ храмъ, былъ въ древности „Ивановскій монастырь“, въ церкви котораго, по лѣтописямъ съ 1204 по 1230 гг. (т. е. во время постройки Успенскаго Собора послѣ паденія сводовъ) стояли новооткрытыя мощи св. Леонтія Ростовскаго.

Какой въ старину былъ храмъ, ничего неизвѣстно, но изъ записей мы узнаемъ, что настоящій храмъ построенъ на старыхъ каменныхъ полатѣхъ митрополитомъ Ионою Сысоевичемъ въ 1683 г. Въ немъ вмѣсто иконостаса находится каменная стѣна, расписанная фресковой живописью, съ двумя углубленіями для мѣстныхъ иконъ. Современныя постройки храма иконы не сохранились, но одна изъ нихъ храмовая св. Иоанна Богослова очень древняя, въ серебряной ризѣ, во время запустѣнія храма взята въ Соборъ, гдѣ и сохраняется донинѣ.

Кромѣ сравнительно уцѣлѣвшей фресковой живописи XVII в. въ храмѣ замѣчательны рѣзные клиросы и голосники, находящіеся въ стѣнахъ.

Храмъ этотъ съ переводомъ каѳедры въ 1787 г. находился въ запустѣніи; Св. ворота, находящіеся подъ нимъ, были задѣланы кирпичными стѣнками и превращены въ винные и соляные подвалы, связи хищнически выпиливались, и раззореніе храма вообще дошло до того, что въ 1824 году дальнѣйшее существованіе его признавалось не надежнымъ.

Архивъ Городской Думы сохранилъ намъ любопытныя документы по поводу починокъ, которымъ подвергалась церковь въ разныя времена своего существованія ¹⁾.

Дѣло началось предложеніемъ губернатора, А. М. Безобразова, Городской Думѣ о поддержкѣ кремлевскихъ зданій, на что городское Общество согласилось и своимъ приговоромъ 2 января 1825 года постановило жертвовать въ теченіе 4-хъ лѣтъ по 5000 р. на поправку кремлевскихъ церквей. Первая церковь болѣе ветхая, требовавшая исправленія, оказалась Иоанно-Богословская. По смѣтѣ, составленной губернскимъ архитекторомъ Паньковымъ, на это исправленіе требовалось всего 5200 руб. асс. Въ представленной смѣтѣ значатся всѣ ветхости церкви и тѣ исправленія, которыя желательно предпринять. Запись эта гласитъ:

¹⁾ Дѣло Городской Думы 1824 г. № 19.

труды 8-го археол. съезда въ Москвѣ 1890 г. т. III.

1) „Цоколь: снизу от сырости кирпичи кругомъ снаружи вывалились во многихъ мѣстахъ; на башняхъ снизу четыре трещины и въ верху, вышиною въ пять арш.; на стѣнахъ галлерей трещины снизу и до верху; шесть столбовъ между окошками тоже съ трещинами; надъ оной галлереей своды нижніе и верхніе всѣ въ трещинахъ и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ провалились; входной лѣстницы кирпичи всѣ развалились, надъ оной сводъ кирпичный тожь от сырости размытъ и по всему трещины“.

„Цоколь, подбутъ камнемъ, подкласть кирпичемъ по извести контрфорсомъ; на башняхъ трещины пробрать и закласть вновь кирпичемъ по извести; галлерейныя стѣны и своды разобрать и сдѣлать вновь; — лѣстницу сдѣлать изъ новаго кирпича, а верхній сводъ разобрать и сдѣлать крышу“.

2) „Крыши на церкви, галлерей и алтарѣ, двухъ башняхъ деревянныя, совсѣмъ ветхія и погнили“.

„Старую крышу разобрать и остропилить деревомъ, покрыть крышу желѣзомъ, а на башняхъ деревомъ“.

3) „Главы деревянныя, ветхія и погнившія“.

„Главы старыя разобрать и сдѣлать новыя деревянныя кружала и по онымъ покрыть листовымъ желѣзомъ, а кресты выкрасить старыя“.

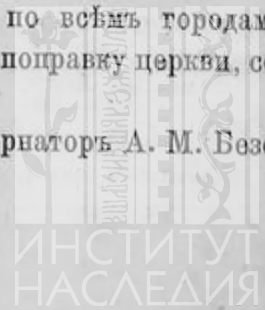
Затѣмъ, въ томъ-же 1825 году, 10 апрѣля, ростовскій полиціймейстеръ и городской голова имѣли разсужденіе, „что г. губернаторъ, — предписаніемъ отъ 16 января текущаго года за № 338, съ препровожденіемъ описи, плана и смѣты на починку, состоящихъ въ Кремлѣ города Ростова церкви Іоанна Богослова и при ней двухъ башенъ, изволилъ поручить имъ, учиня предварительно вызовъ желающихъ къ принятію показанной работы, приступить съ наступленіемъ лѣта къ поправленію на имѣющую отпустить изъ доходовъ Градской Думы сумму 5000 руб. той части Кремля, которая по плану назначена, и употребить всевозможное раченіе къ произведенію поправки со всею прочностію, благовидностію и съ соблюденіемъ доброй экономіи, почему опредѣлили: для отдачи желающимъ исправить починкою въ Кремлѣ города Ростова каменные церкви Іоанна Богослова и при ней двѣ башни, по утвержденному плану, назначить въ здѣшней Городской Думѣ торги будущаго мая мѣсяца. Работу начать по утвержденіи оной за подрядчиками начальникомъ губерніи и окончить непременно къ 1-му числу іюля 1826 года“.

Къ сожалѣнію, предполагавшаяся починка церкви не состоялась, такъ какъ на торгахъ самую низшую цѣну за плотничную работу заявилъ мѣщанинъ Коротаевъ 1700 руб., за желѣзную — мѣщанинъ Мельниковъ 4600 руб., за каменную — крестьянинъ Ярославскаго уѣзда Платоновъ 2250 руб., всего 8550 руб.

Послѣ этихъ торговъ былъ вызванъ еще опытный подрядчикъ — крестьянинъ Ярославскаго уѣзда, села Діевыхъ-Городищъ Иванъ Климовъ, который головѣ и полиціймейстеру показали, что по осмотру его каменная паперть кругомъ церкви Іоанна Богослова, по оборваніи желѣзныхъ связей, довольно сѣла и сдѣлалась мѣстами наклонна къ паденію, почему, по мнѣнію его, починка по стѣнамъ и сводамъ оной трещинъ съ подведеніемъ съ земли контрфорса является непрочною, пополняя сверхъ того, что за разобраніе помянутой паперти, сводовъ и лѣстницы и за складку оныхъ вновь каменныхъ по старому фасаду и за произведеніе прочихъ починокъ на церкви и башняхъ изъ всѣхъ его матеріаловъ согласенъ взять онъ, Климовъ, 13000 р., съ предоставленіемъ старыхъ матеріаловъ въ его пользу.

Желающимъ взять подрядъ эта работа не была отдана, а разослано по всѣмъ городамъ Ярославской губерніи чрезъ полицію объявленіе о вызовѣ желающихъ взять поправку церкви, согласно прозекту Панькова, за 5000 р., но желающихъ не оказалось.

Послѣ этого неудачнаго исхода предпріятія, уже въ іюнь 1826 г., губернаторъ А. М. Безо-

бразовъ предписалъ полиціймейстеру Симоновскому и городскому головѣ Хлѣбникову приступить совмѣстно къ немедленной починкѣ Иоанно-Богословской церкви, согласно смѣтѣ Панькова, хотя-бы только самыхъ необходимыхъ предметовъ, употребляя на оныя не болѣе 5000 руб., и 10 іюня работы были начаты. Изъ двухъ контрактовъ, заключенныхъ по этому поводу съ крестьянами Ярославскаго уѣзда, д. Котельниковъ, усматривается, что предпринятая починка заключалась лишь въ устройствѣ новыхъ церковныхъ главъ, покрытіи ихъ и крыши желѣзомъ, исправленіи крестовъ, устройствѣ на двухъ башняхъ деревянныхъ крышъ и окраскѣ всего храма масляною краскою. Это исправленіе обошлось съ матеріалами въ 4769 руб. 95 коп.

Послѣ исправленія Богословская церковь опять подверглась разрушенію. Во время вѣтра 1831 г. съ паперти была сорвана крыша и она стояла раскрытою до 1860 г. Въ это время своды паперти всѣ рухнули, портикъ былъ сломанъ, лѣстница провалилась. Окна всѣ были выбиты, желѣзо мѣстами разграблено; въ самый храмъ не было возможности войти за горами обрушившихся кирпича и мусора. Въ 1862 г. мѣстный гражданинъ И. И. Храниловъ возобновилъ эту церковь, но, къ сожалѣнію, не располагая достаточными средствами, онъ вмѣсто сводовъ на паперти сдѣлалъ плохіе накаты, а живопись, которая оставалась на стѣнахъ, онъ забѣлил¹⁾; лѣстницу сдѣлалъ изъ кирпича, а вмѣсто портика устроилъ каменная перила.

Вскорѣ послѣ смерти Хранилова, кремлевскія церкви стали опять приходить въ запустѣніе, плохо поправленный Богословскій храмъ вскорѣ пришелъ въ такую ветхость, что представлялся опаснымъ и невозможнымъ не только для Богослуженія, но и для осмотра.

Всѣ это заставило меня—искать средствъ для его реставраціи и на мой призывъ откликнулся, уроженецъ г. Ростова, А. А. Кекинъ, на средства котораго и произведена была реставрація Иоанно-Богословской церкви въ томъ видѣ, въ которомъ она представляется нынѣ.

Теперь, когда работы по возстановленію храма приходятъ къ окончанію, я считаю долгомъ представить Императорскому Московскому Археологическому Обществу и VIII Археологическому Съѣзду подробный отчетъ по реставраціи, которая производилась по рисункамъ, въ разное время представленныхъ и одобренныхъ Моск. Археологическимъ Обществомъ. Работы по реставраціи были начаты въ маѣ мѣсяцѣ 1888 года и шли постепенно до половины октября 1889 года.

Главная задача состояла въ томъ, чтобы въ видахъ правильнаго возстановленія древней церкви сдѣлать по возможности прочно, почему при самомъ началѣ работъ было постановлено: 1) выдѣлку арокъ, сводовъ и исправленіе обветшалыхъ стѣнъ производить кладкою непременно на растворѣ изъ цемента; 2) всѣ детали украшеній наружныхъ сторонъ храма, ради сохраненія типа прежней постройки, стараться не передѣлывать съизнова, а исправлять по возможности починкою изъ стараго матеріала прежней постройки, т. е. изъ прежняго стариннаго кирпича, отнюдь не примѣняя нигдѣ новѣйшаго способа поправки выдѣлкою изъ цемента. Независимо отъ этого со всѣхъ деталей, какъ-то: изразцовъ, серегъ (гирекъ) и др. предметовъ сняты кальки, рисунки, а частію сдѣланы и слѣпки изъ гипса, которые хранятся въ Ростовскомъ Музеѣ; и 3) при облицовкѣ фасадныхъ сторонъ храма совершенно обветшалые или перебитые предметы, какъ-то: валики, розетки и другія болѣе мелкія детали по необходимости допускать дѣлать вновь изъ кирпича или камня, но только по повѣркѣ формъ членами комиссіи.

При началѣ производства каменныхъ работъ было усмотрѣно, что фундаментъ и капитальные стѣны на столько обветшали, что вымокшій кирпичъ мѣстами свободно отдѣлялся глыбами изъ своей кладки; вслѣдствіе этихъ причинъ храмъ, сравнительно съ папертью, далъ большую осадку, много накренился на сѣверную сторону; нѣкоторые нижніе своды подъ папертями только и могли держаться какъ на новыхъ стѣнкахъ, сдѣланныхъ въ 1860-хъ годахъ, и когда подъ

¹⁾ Живопись была нами открыта въ 1885 году.

папертью и у арокъ Св. воротъ стали выбирать стѣнку новой кладки, то верхніе своды само-собой обрушились. Это обстоятельство и привело къ необходимости начать болѣе капитальное исправленіе всего фундамента, чего прежде не предполагалось. Выбирая слабыя мѣста кладки частями и подводя новую подъ старыя стѣны всего этажа, своды старой постройки подпирались на время брусьями (устоями) для предупрежденія могущей явиться осадки.

Кладка была производима съ основанія фундамента отъ самой забутовки его и велась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти вплоть до сводовъ, при чемъ возстановленные стѣны на мѣстахъ оборванныхъ связей скрѣплялись новыми связями, проводимыми насквозь каждой капитальной стѣны, съ закрѣпленіемъ ихъ желѣзными болтами.

Нижніе своды были возстановлены по тѣмъ-же закругленіямъ старыхъ лекаль.

Поврежденные новѣйшими искаженіями арки палатокъ и тайниковъ вычинены новою облицовкою, съ соблюденіемъ характера прежней постройки. Арки у древнихъ Святыхъ воротъ и нѣкоторые наличники оконъ какъ на западной, такъ и на сѣверной сторонахъ храма вычинены первые вставкою цѣльнаго кирпича насквозь капитальныхъ стѣнъ, а послѣдніе просто облицованы съ соблюденіемъ ихъ прежнихъ деталей; при чемъ изъ среднихъ арокъ вынуты искажавшія ихъ новѣйшія задѣлки. Въ верхнемъ этажѣ на паперти храма, вмѣсто безобразнаго ея накатника, возстановлены и сдѣланы новые своды по прежнимъ лекалямъ ихъ закругленій, а служившія скрѣпленіемъ стѣнъ паперти съ храмомъ оборванныя связи замѣнены новыми, съ закрѣпленіемъ ихъ желѣзными болтами. Существующіе внутри паперти остатки древней стѣнописи, во время самага производства здѣсь работъ, были укрыты и поэтому письмо ихъ нисколько не пострадало.

Кромѣ этого, съ остатковъ фресковой стѣнописи были сняты въ свое время въ точныхъ копияхъ кальки, подъ непосредственнымъ моимъ наблюденіемъ. Кальки эти сохраняются нынѣ при дѣлахъ Ростовскаго Музея.

Въ настоящее время составляется проектъ исправленія совершенно отбитой мѣстами у сводовъ живописи, который, по изготовленіи вмѣстѣ съ кальками прежней стѣнописи, будетъ представленъ на разсмотрѣніе Императорскому Московскому Археологическому Обществу.

Лучше другихъ сохранилась восточная сторона храма, но перекрытіе алтаря, сдѣланное въ началѣ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія очень обезобразило архитектуру Иоанно-Бословской церкви; кромѣ этого, троечастное устройство самага алтаря въ видѣ трехъ абсидъ ни подъ какимъ предлогомъ не давало возможности перекрывать алтарь въ формѣ четырехугольной. Намъ пришлось возстановить покрытіе по образцамъ прежнихъ очертаній, сохранившихся на алтарѣ, хотя, впрочемъ, это покрытіе сдѣлано не черепицей или деревомъ, какъ было прежде; форма же устройства болѣе въ горизонтальномъ направленіи краевъ крыши дана на основаніи стариннаго покрытія алтаря Одигитріевской церкви, постр. въ концѣ XVIII вѣка.

Главной-же задачей при реставраціи было устройство входа въ Богословскую церковь.

Входный портикъ Богословской церкви во время ломки (въ 40-хъ годахъ) Красной Палаты былъ окончательно уничтоженъ. Въ теченіе прошлаго лѣта нами были сдѣланы тщательныя изготовленія и раскопки; при раскопкахъ были найдены старинныя изразцы и болѣе древняя черепица; около южной и восточной сторонъ храма обнаружались фундаменты древнихъ построекъ Ивановскаго монастыря, неразрывно примыкавшихъ къ Богословской церкви. На южной-же сторонѣ откопанъ фундаментъ прежняго входнаго портика (или крыльца), указывающаго въ самой забутовкѣ его основаніе 2-хъ переднихъ столбовъ портика и отъ этихъ столбиковъ перекинутыя къ самому зданію паперти арочки въ видѣ водосточныхъ трубъ.

Кромѣ этого, оказывается, что пяты прежнихъ 2-хъ побочныхъ арокъ спускались отъ своего основанія прямо на колонки, и что облицовка прежней кладки паперти съ остаткомъ прежняго

пояска—прямо объяснила, что прежній портикъ имѣлъ только двѣ лицевыхъ колонки и что своды верха его всецѣло покоились на нихъ, а пяты его арокъ были заложены въ самой каменной кладкѣ паперти храма.

На основаніи этихъ данныхъ, мы пришли къ несомнѣннымъ выводамъ, что: 1) покрытие прежняго входнаго портика было односкатное, такъ какъ портикъ былъ пристроенъ къ паперти, имѣвшей односкатную крышу; 2) своды портика были коробовой формы и пяты его арокъ покоились на двухъ колонкахъ, а послѣднія были въ закладкѣ самой паперти; 3) заложеныя довольно далеко одна отъ другой колонки портика имѣли у смыкавшей ихъ вверху арки подвѣсную серьгу (гирьку), какъ у портика церкви Спаса на Сѣняхъ; этими данными мы и руководились при произведеніи работъ портика.

Независимо отъ этого, нами сдѣланы въ большихъ аркахъ Св. воротъ желѣзные ворота по образцу воротъ Воскресенской въ томъ же Кремлѣ церкви, которыя и будутъ росписаны по тѣмъ-же образцамъ.

Рамы въ оконные пролеты изготовляются по образцу слюдовыхъ рамъ, находившихся въ церкви св. Иоанна Златоустаго въ Коровникахъ, построенной въ XVII вѣкѣ. Рамы эти сохраняются въ Ростовскомъ Музеѣ.

БИБЛИОТЕКА
ИИ-та Краеведческой
и Музейной работы